

ЛЕНИН: культ и антикульт

Г.А. Бордюгов • Е.А. Котеленец

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)
Филологический факультет
Российского университета дружбы народов
Проект Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ



Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский госуддарственный университет им. С. А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гефтер»
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Роберт ДЭВИС	Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец

ЛЕНИН:

культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры

Москва
2021

Рецензенты
КУЗНЕЦОВ Андрей Александрович,
доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ЛОГИНОВ Владлен Терентьевич,
доктор исторических наук, профессор

Дизайн, верстка, подбор иллюстраций:
Сергей Щербина

Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.
Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С.П. Щербины. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 674 с.

ISBN 978-5-91022-496-8

Книга представляет собой развитие подхода, заявленного в исследованиях, посвященных образам Победы, Революции 1917 года и восприятию фигуры И.В. Сталина. Этот подход сводится к объяснению тенденций, существующих в общественном мнении, идеологии и культуре, с помощью концепции пространства памяти, в пределах которого коммеморационые практики власти и ее оппонентов развиваются по определенным и повторяемым схемам. В настоящей работе исследуется пространство памяти о В.И. Ленине. Анализ привязан к круглым датам в жизни самого создателя советского государства и его посмертным юбилеям. Выход книги приурочен к отмечавшемуся в апреле 2020 года 150-летию со дня рождения этой исторической фигуры, а ее содержание представляет интерес не только для профессиональных историков, но и для широкого круга читателей, интересующихся нашим недавним прошлым.

ISBN 978-5-91022-496-8

© Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А., 2021
© Щербина С.П., Приложение, 2021
© АИРО-XXI, 2021
© «Актуальная история», 2021

Памяти Стивена КОЭНА (1938–2020),
выдающегося американского историка и политолога,
который любил Россию, болел за нее душой
и лично участвовал в ее истории

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

Часть I
В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

1880: «…когда был Ленин маленький, такой, как мы с тобой…» 17

1890: испытание потерями и политический выбор 26

1900: схватка с Плехановым 37

1910: «Он даже во сне видит революцию» 46

Часть II
ВЫСОКИЙ ПЬЕДЕСТАЛ ВОПРЕКИ ЖЕЛАНИЮ ЮБИЛЯРА

1920: террор и возвеличивание, мечта и смерть 54

Часть III
ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТА СТАЛИНЫМ

1930: «культа бояться не следует»
Внешнее или подлинное почитание? • Парадоксы первой волны воспоминаний • «Вульгарный ленинизм» • Воскрешение вождя 74

1940: вождь должен быть один
Судьба «монопольного истолкователя» • Установление канонов пространства истории • Художественный образ вождя 110

1950: «двух солнц на небе не бывает» 141

Часть IV
НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ СИМВОЛ

1960: новый идеологический поворот
Чему служили и что открыли новые источники • Новые исследовательские тенденции • Знамя перемен в культуре 150

1970: «Ленин всегда с нами»?
Торжественный сценарий и его невидимые сбои • Курьезная реакция на юбилей • Открытия и запреты • Уберите Ленина с денег! 177

1980: эрозия идеологии и культа 204

1990: «не поддаваться напору ниспровергателей»
Первые атаки на культ • Смена знаков или перепроверка оценок и идей? • Новая проблематика дискуссий • Антиленинизм в политической культуре • «Политическое завещание» и уход вождя: запрос на переосмысление • Троцкизм – это антиленинизм? • Близкий и неблизкий круг вождя • Ленинизм и сталинизм: сопоставление учений • Десакрализация художественного образа вождя 217

Часть V
ОТ АНТИКУЛЬТА К НОВОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ЛЕНИНА
2000: от антиленинизма к антикульту
Либеральный поворот • Анафема или критика? • Личностные детерминанты биографии • Трактовки культа и новая апологетика вождя • Переосмысление отношений в ленинском окружении • Взаимосвязь ленинизма и сталинизма: новые грани споров • Расставание с ленинианой 294
2010: титаны не умирают
Старо-новая проблематика исследований • Отношение к идеям христианства • «Кающийся дворянин» • Верность «героическому сценарию» • Имя России • «Бороться за самого слабого…» 388
2020: поворот к Ленину на перепутье эпох
Ленин в проекте «Революция-100» • Новые проблемы коммеморации • Путин о Ленине и большевиках • От методологии до последней завесы тайны смерти • Обобщающие биографии • Лениниана возвращается? 434
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 506
ПРИЛОЖЕНИЕ
Мемплекс [Ленин] в наши дни • [Ленин-вождь] • [Ленин на броневике] • [Ленин в Разливе] • [Ленин и бревно] • [Лампочка Ильича] • [Дедушка Ленин] • [Ленин и зайцы] • [Ленин и Человек с ружьём] • [Ленин и печник] • [Ленин в Октябре] • [Ленин в Зимнем] • [Ходоки (у Ленина)] • [Учиться, учиться и учиться] • [Вечно живой Ленин] • Ленинский рынок • [Памятник Ленину] • Мутации мема [Памятник Ленину] • [Ленин – В.О.Р] • Самоизоляция • [Ленин – иноагент] • Ленинская загадка 513
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 659

ВВЕДЕНИЕ

Летом 1869 года Мария Александровна и Илья Николаевич Ульяновы узнали, что у них будет четвертый ребенок. Тем же летом Сергей Нечаев написал «Катехизис революционера», а в марте 1870 года в Дрездене у Достоевского родился окончательный план романа «Бесов». В этом же году в России военный министр Милютин завершил реформу армии, началась франко-прусская война, произошло восстание в Париже и Вторая империя во Франции пала. Новый житель на земле появился за два дня до Пасхи, когда на Симбирск «неудержимо шла весна, с треском и шумом ломались волжские льды»[1].

Ленин родился 10 апреля по старому стилю, или по юлианскому календарю. По 1925-й год включительно пересчет календаря делали по алгоритму Русской православной церкви, то есть вне зависимости от даты к ней прибавляли 13 дней и день рождения Ленина отмечался 23 апреля. Но с 1926 года в СССР вернулись к стандартному алгоритму для XIX века, когда разница составляла 12 дней, и поэтому день рождения вождя стал отмечаться 22 апреля. 1870 год был примечателен также тем, что в это время родились Иван Бунин, Лавр Корнилов, Александр Куприн и Пётр Струве, а ушли из жизни Александр Герцен и Николай Огарёв.

Прошло 150 лет, и мировой календарь 2020-го полон противоречивых и трагических событий. Россия и мир не смогли должным образом отметить юбилей Ленина, 75-летие Победы и завершения Второй мировой войны. Этот год входит в историю как время обрушения послевоенного порядка, анархии и хаоса, а еще как год планетарной пандемии. В депрессии экономика, в США – «чёрная революция», в Карабахе – война, в Белоруссии – массовые протесты, в Киргизии – очередная революция, на Украине – перманентный кри-

[1] *Шагинян Мариэтта.* Собр. соч. В 9-ти т. Т. 5. С. 127.

зис. В ожидании перемен человечество всегда ищет опору в памяти и идентичности, но нередко – в исторических личностях, примером которых можно гордиться, но на которых нередко взваливается ответственность за все прошлые беды и желание поскорее распрощаться даже с символическим их присутствием в общественном пространстве. Вот и сегодняшние инвективы в адрес Ленина, одну из самых масштабных и сложнейших фигур XX века, – это компенсация за поражение России в Первой мировой войне, за террор и Сталина, неудачу перестройки и развал СССР.

Во многих же странах образ вождя революции 1917 года, наоборот, реанимируется, особенно в последние два десятилетия. Переживаемый кризис идей и ценностей, потеря мечты и утопии сделали Ленина одним из символов левого движения, разрушителя империи и создателя невиданного союза народов[2]. В ленинском наследии новых лидеров привлекают идеи местного самоуправления, низовой демократии, равноправия, общественной собственности на средства производства, сосуществования социалистической и рыночной экономики. Это наследие причудливо сомкнулось с радикальным феминизмом, интернационализмом, борьбой за права национальных меньшинств. Проведенный в 2017 году американским фондом «Жертвы коммунизма» опрос показал довольно неожиданные для этого фонда результаты. Оказалось, что половина опрошенных из поколения миллениалов хотели бы жить не в капиталистической, а в социалистической или коммунистической стране. Более 23 % американцев от 21 до 29 лет считают Иосифа Сталина героем, у Ленина показатели еще лучше – его называют героем 26 % американцев[3].

Лидер испанского «Подемоса» Пабло Иглесиас Туррион суть революционной практики Ленина разъяснил следующим образом:

> «У русских был один лысый парень – он был гений… Он во время войны, в 1917 году, когда в России рухнул царский режим, сказал русским – кто бы они ни были, солдаты, рабочие, крестьяне – одну очень простую вещь. Он сказал: «Мира и хлеба!» И русские, которые

[2] См.: Революция-100: реконструкция юбилея. М., 2017. С. 541–822.
[3] Западная молодежь вернула Ленина в большую политику // Взгляд. 2017, 10 ноября.

даже не знали, левые они или правые, сказали: «А лысый-то прав!» Потому что лысый парень не говорил о «диалектическом материализме», он говорил о «хлебе и мире». Это один из главных уроков двадцатого столетия»[4].

По характеру обращения к Ленину, как, впрочем, и к Сталину, можно оценивать состояние общества, его предпочтения и настроения, протесты и чаяния. Если говорить о советском времени, парадокс в том, что культ Ленина стал светской религией в государстве, провозгласившем себя атеистическим. К тому же, как справедливо отмечала американская исследовательница Нина Тумаркин, отличие ленинского культа от многих других коммунистических вождей в том, что Ленин как таковой не в состоянии злоупотребить необъятной властью, которой его наделяют, культ Ленина, при всей своей видимой чрезмерности, достаточно безвреден[5].

Безусловно, сам Ленин меньше всего думал о памяти о себе в будущем, а вот последующие носители верховной власти поступили иначе. Они создали и опирались на его культ, стремясь узаконить свои политические действия. При этом сначала Сталин инструментализировал Ленина для своего культа, затем Хрущев под знаменем Ленина преодолевал Сталина, а Брежнев довел культ Ленина до абсурда накануне его 100-летия, а затем отдал предпочтение культу Победы, чтобы на нем поднять свою власть и свое имя. Горбачев через переосмысление Ленина надеялся на обновление и реформирование социализма. Совершенно по-другому повели себя после распада СССР российские лидеры. Ельцин, опираясь на антиленинизм, в то же время не поддержал – во имя социального мира – антикульт Ленина, о котором мы скажем ниже. Неожиданно для всех повел себя Путин, который поначалу дал понять, что предельно внимательно и позитивно относится к советскому прошлому, но затем его подход оказался более селективным – он стал отдавать неявные, но вполне прочитываемые предпочтения Сталину, а о Ленине

[4] См.: Там же.
[5] См.: *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. С. 5–12.

высказываться настолько резко и безапелляционно, как не позволял себе даже Ельцин. Но на то были свои причины, о чем будет сказано ниже.

В обширной литературе, рассматривающей различные факторы объективного и субъективного порядка, которые привели к культу Ленина и наделению его какими-то сверхъестественными качествами уже при жизни, учитывался культовый синдром 300-летнего правления династии Романовых, низкая политическая культура общества, отсутствие прочных демократических традиций в стране, характерная для русской традиции персонификация власти, её легитимация на основе формирования механизма культа личности, включая культ мертвых[6].

В этой книге мы проследим бытование Ленина в памяти, истории, а еще точнее – исторических источниках и исследованиях, а также в культуре, породившей, собственно, художественную лениниану. Последняя – не только идеологическое, но и самобытное творческое явление, в развитии которого обнаруживаются связи исторических и культурных эпох, мифологические интенции образного мышления. Отметим, что лениниане, которая стала уникальным явлением осмысления исторической фигуры, в мире предшествовала наполеониана, а во второй половине XX века в соответствующих

[6] См.: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. История и личность. М., 1991; *Энкер Б.* Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5; *Великанова О.В.* Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2; *Тумаркин Н., Бурлацкий Ф.* Культ личности: как это делается // Культ личности. 1998. № 2; *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина). М., 1998; *Пайпс Р.* Русская революция. В 3 ч. Ч. 3: Россия под большевиками. 1918–1924. М., 2005; *Романович Н.* К вопросу о персонификации власти в России // Власть. 2009. № 9; *Лангеноль Андреас.* Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // Империя и нация в зеркале исторической памяти. Сб. статей. М., 2011; *Шалаева Н.В.* Проблема культа личности В.И. Ленина (историографический анализ) // Власть. 2013. № 5; *Котеленец Е.А.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М., 2017; *Энкер Б.* Аура вождя и пучины политики масс. Роль Ленина в российском революционном процессе 1917 г.: новый взгляд // Личность, общество и власть в истории России. К 70-летию профессора В.И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 170–190; *Литвин А.Л.* Жизнь и деятельность В.И. Ленина в современной российской историографии // *Литвин А.Л.* Российская историография государственного террора в стране. 1917–1953. Изд. 2-е, доп. и уточн. М., 2019. С. 154–182; *Фирсов Сергей.* Ленин. Сотворение мифа. М., 2019.

странах появились – рузвельтиана, черчиллиана, сталиниана, кеннедиана и даже тэтчериана.

Задача авторов – не встать на чью-то сторону, концепцию или интерпретацию, а показать процесс изменения названных пространств, а с ними – и самого общества. Анализ хронологически следует круглым ленинским датам и предшествовавшим событиям или оценкам, которые тематически стягивал очередной юбилей. Безусловно, можно было бы выбрать и другое дробление для повествования, к примеру, совпадающее с политическим путем Ленина – 1894–1904–1914 годы, но в книге акцент сделан именно на перспективе, то есть юбилеях после ухода Ленина, которые концентрировали вокруг себя наиболее важные оценки, публикации и дискуссии.

В изучении пространства памяти, его использования для фокусированной актуализации прошлого для нужд настоящего авторы следовали уже апробированным методам[7]. В пространстве памяти властвует тот, кто направляет свет. Способ, каким властвующий субъект преподносит прошлое, локализуя или, напротив, увеличивая зону освещения, регулируя яркость «прожектора», а также направленность и интенсивность его лучей, можно назвать проектом памяти. Любая власть проектирует не только настоящее и будущее, но и прошлое. Точнее, конечно, не само по себе прошлое, но его интерпретации и восприятие. Проект памяти расчленяет прошлое на две части – актуализируемую (то есть «освещаемую») и игнорируемую (как правило, преднамеренно). В свою очередь, актуализируемая часть также неоднородна. В ней можно выделить два отличающихся друг от друга начала, которые следует назвать культурным героем памяти и субъектом памяти. Культурный герой памяти – это некий образ, отдельная персона или несколько личностей (а то и целая большая группа людей, выделенных из остальной массы по какому-то признаку), наконец, определённая идея или тенденция, которые преподносятся тем или иным проектом памяти в качестве главного

[7] См. подробнее: *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. X–XXI вв. М., 2004. С. 7–9; *Они же.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. М., 2005. С. 5–48; *Бордюгов Г.А.* Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти. М., 2019.

творца «высвечиваемого» прошлого. Однако при таком «высвечивании» под лучами волей-неволей оказываются не только подобные культурные герои, но и другие сопряжённые с ними субъекты памяти, которые, однако, не вписываются в сценарий реализуемого властью проекта. Отсюда – очевидное стремление «осветителя» минимизировать роль и значение этих субъектов. В результате на «высвеченном» участке прошлого разворачивается противостояние между культурными героями и субъектами памяти. Данное противостояние невозможно скрыть – ведь оно происходит под лучами, направленными на культурных героев, но попадающими одновременно (и неизбежно) и на субъекты памяти. Не «высвеченная» властью территория прошлого – это зона антипамяти, нежелательная для «проектировщика» область, в которую он норовит переместить неугодные ему субъекты, чтобы те не мешали «правильному» восприятию действий культурного героя.

Такова принципиальная модель пространства памяти, в которую мы можем помещать Ленина. Поскольку пространство памяти всегда контролировалось и контролируется государством, то в поле нашего внимания попадает и власть, решения которой, безусловно, зависели от взаимодействия отдельных политиков, корпоративных групп или системных институтов, образующих пространство власти. Через отношение к образу Ленина каждый режим власти и его лидер раскрывали и раскрывают своё отношение к этой сложной фигуре, давая тем самым понять вектор собственного политического курса.

Теперь кратко остановимся на рассматриваемом в книге явлении антикульта, практически не встречающемся в нашей литературе. Понятно, что последняя фаза перестройки, а затем события конца августа – декабря 1991 года сделали невозможным культ Ленина, он просто-напросто обрушился, хотя совокупность фактов жизни Ленина принципиально не изменилась. Как и культ, антикульт навязывался сверху. Культ преодолевался эвфемизмами, строгой критикой ленинского наследия и даже антиленинизмом, полным отказом от учения. Тем не менее общественная полемика обернулась проклятиями и нездоровым интересом к частной жизни. Однако очевидно

же, что не из родословной, любовных треугольников, немецких денег и желания поражения своему правительству складывается антикульт. И кажется, уже всем понятно, что в России важен не культ исторической персоны, а культ должности, статуса – императора, вождя, генсека. Сама должность сакрализована и обожествлена. Но доходило ли в истории дело до антикульта, антибожества, иконоклазма? Что же должен был компенсировать Ленин в начале 1990-х годов, какие историко-политические комплексы его образу предписывалось снять, какую роль стала играть память о нем начиная с нулевых и как она изменилась до настоящего времени?

Один из создателей советской исторической науки Михаил Покровский называл историю «политикой, опрокинутой в прошлое». Это одно из немногих его суждений, с которым можно полностью согласиться. Но в таком случае правомерно и обратное заключение: политика – это действо, позиционирующее себя как историю. И в этом смысле непростой «диалог» с оставшимся в прошлом Лениным – один из способов, с помощью которого политика доказывает, что она «тоже история». Собственно, об этом мы подробно и размышляем ниже.

Искренне благодарим за помощь декана филологического факультета РУДН В.В. Барабаша. Неоценимую экспертную и информационную помощь оказывали нам Д.А. Андреев и Я.В. Козлов, наша признательность – С.П. Щербине, чьё Приложение расширяет и уточняет смысл нашего проекта.



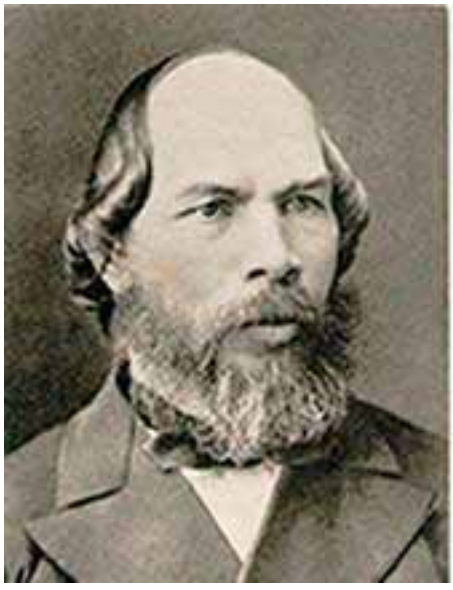
I

В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

1880: «…когда был Ленин маленький, такой, как мы с тобой…»

Каким был Ленин в детстве, представить практически невозможно. Воспоминания родных и друзей детства, которые первыми и монопольно заполняли пространство памяти о будущем вожде, в большинстве своем лакируют поведение и передают свои субъективные намерения. Как правило, десятилетний возраст ещё вызывает умиление, здесь можно что-то приукрасить, но трудно обмануть. Семейное окружение сообщает нам о Владимире, что он был беспокойным, иногда капризным, сообразительным, увлекающимся зоологией, пением, рыболовством, коньками. В 10 лет отлично плавал и мог переплыть на другой берег реки Ушна в деревне Кокушкино, куда на лето выезжала семья, научился прекрасно грести на лодке, любил собирать грибы и хорошо разбирался в их видах. (Заметим в скобках, что на протяжении всей жизни Ленин вспоминал дни безоблачного летнего отдыха и даже сравнивал Кокушкино с Капри, который, по его мнению, уступал красоте русской деревни.)

Семья инспектора, штатского генерала Ильи Николаевича Ульянова и Марии Александровны с шестью детьми жила в Симбирске сравнительно скромно. Собственный дом позволял компенсировать множество разных трат, поскольку Ульяновы пускали к себе квартирантов. К примеру, около 1880 года среди них был сверстник Володи Николай Нефедьев, который с пожилой матерью жил на территории усадьбы во флигеле, переделанном из домашней бани.



Отец Владимира Ильича – Илья Николаевич Ульянов



Мать Ленина – Мария Александровна

В январе 1924 года после смерти Ленина он опубликовал свои воспоминания о детстве:

«Володя Ульянов по внешности казался моложе своих лет. Он был маленького роста, хрупкого сложения, светло-русый, всегда остриженный. Уже тогда Володя выделялся из среды своих сверстников необычайными способностями к учению. Он был первым учеником в гимназии, окончил ее с золотой медалью, и я в течение нескольких лет учил свои уроки вместе с Володей и всегда пользовался его указаниями. Но Володя умел порезвиться и пошалить как никто из его сверстников…»[8].

И далее «друг детства» вспоминал, что любимыми удовольствиями Володи были рыбная ловля с удочками и купанье в реке Свияге. Однажды они закинули удочки в глубокую грязную канаву во дворе винного завода, и эта попытка чуть не стоила жизни Володе,

[8] Цит. по: Ленин и Симбирск. Саратов, 1986. С. 227.



Стрелецкая улица, где родился Володя Ульянов – самая старая и одна из самых коротких в Симбирске, всего 224 сажени (меньше 500 м). 1890-е годы

который, закидывая удочку, упал в илистую канаву и стал захлебываться, но на наши крики прибежал рабочий завода и спас его. Осенью, писал Коля Нефедьев, они ловили птичек и однажды «на птичьей почве» произошла между нами ссора, и «я столкнул будущего вождя мирового пролетариата с сеновала». К счастью, он не ушибся, но этот случай сильно напугал его мать.

В гимназию, как отмечала старшая сестра Ленина Анна Ильинична, Володя поступил в девять с половиной лет, и в первом классе был самым младшим – в то время по уставу мальчики принимались в гимназию не моложе 10 лет. Готовился к гимназии две зимы. Учительница считалась очень хорошей преподавательницей, к ней Володя бегал на часок, редко на два в день:

> «Чрезвычайно проворный с детства, он так и летел на урок. Помню, раз мать в холодное осеннее утро хотела одеть его в пальто, но не успела оглянуться, а его уже нет. Выглянула, чтобы позвать его обратно, а он уже за угол заворачивал»[9].

[9] *Ульянова А.И.* Детские и школьные годы Ильича. М., 1930. С. 14–15.



Семья Ульяновых. Слева направо: стоят – Ольга, Александр, Анна; сидят – Мария Александровна Ульянова с младшей дочерью Марией, Дмитрий, Илья Николаевич Ульянов, Владимир. Симбирск. 1879 г.


ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

По постановлению педагогического совета Симбирской гимназии Ленин за отличные успехи, прилежание и похвальное поведение после окончания 3 класса награжден похвальным листом и книгой. Июнь 10 (22) 1882 г.

Учился лучше всех, много читал, сразу стал признанным лидером в учении. Его одноклассник, будущий министр земледелия в последнем царском правительстве Александр Николаевич Наумов, писал в мемуарах:

«Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: ни с кем не дружил, со всеми был на «вы»… В классе он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, чтобы его любили, скорее – ценили. Я не знаю слу-

чая, когда Володя Ульянов не смог бы найти точного и исчерпывающего



Владимир Ульянов в гимназические годы. Симбирск. 1887 г., не позднее 10(22) августа.

ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей. Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку. Ульянов охот-

но помогал всем, но насколько мне тогда казалось, он недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум»[10].

В то же время родители с самого первого года обучения беспокоились по поводу прямолинейности, самовольства и дерзости сына. Все это, по мнению отца, могло ему навредить. По свидетельству Анны Ильиничны, когда отец бывал дома, он приходил обычно на выручку к нам, старшим, уводил Володю к себе в кабинет и проверял его уроки. Обычно Володя знал всё, и тогда отец начинал спрашивать его старые латинские слова по всей тетради. Но Володя отвечал их без запинки. И если у отца не было досуга занять его чем-нибудь другим – например, шахматами, – то тишина в столовой водворялась ненадолго. Володя играл в шахматы с отцом и с братом Сашей. Вообще он любил играть во всё, во что играл Саша, делать всё, что делал Саша. Он очень любил своего старшего брата и подражал ему во всём, до мелочей:

«Так как Саша был на редкость серьёзный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик, то подражание ему было очень полезно для Володи: он постоянно видел перед собой пример сосредоточенности, точного и внимательного исполнения заданного, большой трудоспособности. Пример Саши, горячо любимого брата, имел огромное значение для Володи. И не только в отношении к работе – в отношении к людям Саша являлся примером для нас всех, пользовался исключительной любовью всех нас за свой чуткий, ласковый и в то же время справедливый, твёрдый характер. Володя был с детства вспыльчив, и пример Саши, его всегдашней ровности и большой выдержки, имел для всех остальных детей, в том числе – и особенно – для Володи, большое значение. Сначала подражая старшему брату, Володя потом сознательно стал бороться с этим недостатком, и в более зрелые годы мы совсем – или почти совсем – не замечали в нём вспыльчивости»[11].

[10] *Наумов А.Н.* Мои воспоминания. Т. 1. Париж; Нью-Йорк, 1954. С. 42–43.
[11] *Ульянова А.И.* Указ. соч. С. 19.

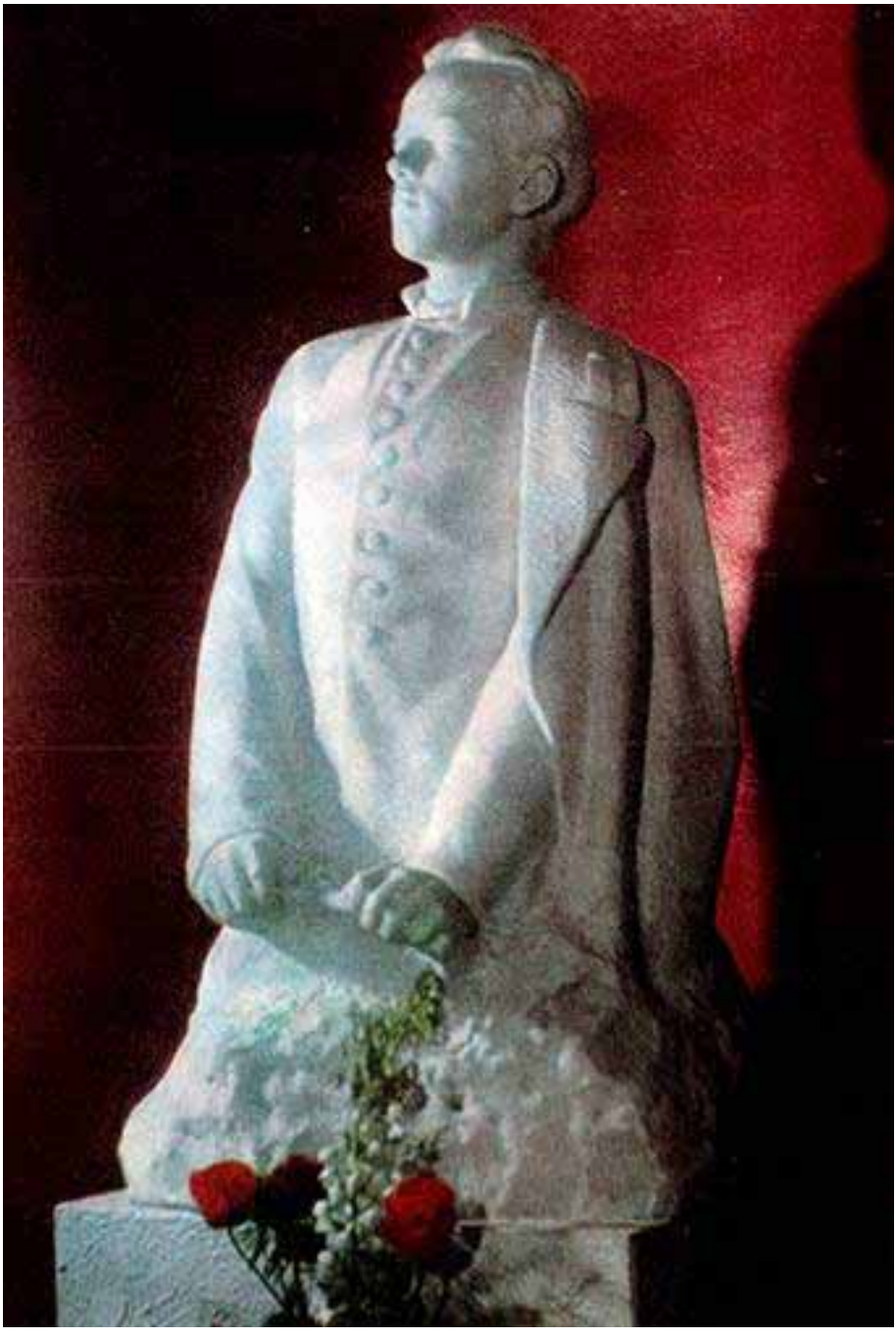
Такую же борьбу и работу над собой он вел и в отношении трудоспособности. Как-то, слушая бесконечные, чрезвычайно терпеливые упражнения на рояле сестры Оли, он сказал: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать». И он начал вырабатывать в себе трудоспособность. То же самое касалось способности критически относиться к окружающему:

«Этот живой, шаловливый мальчик, который легко замечал смешные, слабые стороны в других и был не прочь подразнить, посмеяться, на деле замечал не только это. Он подмечал, как было указано на примере Олиной музыки, и хорошие стороны и непременно с тем, чтобы прикинуть к себе: так ли он поступает, нет ли чего в поступках другого, что и он мог бы позаимствовать»[12].

* * *

Все советские школьники младших классов, будучи октябрятами, носили на груди звездочку с изображением кудрявого Володи Ульянова и с детства усвоили, что он учился на одни пятерки, слушался родителей и был активным учеником. В принципе до начала 1990-х годов никто не покушался на этот образ, который сохранялся в памяти нескольких поколений советских людей. Что удивительно, и после этого детский образ вождя остался в целом нетронутым. Однако его пересмотра не случилось по вполне очевидной и объяснимой причине – из-за отсутствия более или менее достоверных сведений о том периоде его жизни. В начале 1990-х годов попытались было придумывать что-то совершенно уже несуразное, но все эти «новые» и «свежие» взгляды отдавали такой низкопробной политизированностью, что вскоре сошли на нет. По-видимому, в истории Ленин в детском возрасте так и останется в образе кудрявого и живого мальчика с октябрятской звездочки.

[12] Там же. С. 21–22.



Скульптура Ленина-гимназиста, установленная в ордена Ленина средней школе № 1 им. В.И. Ленина города Ульяновска

1890: испытание потерями и политический выбор

К своим 20 годам Ленин пережил очень трудное время. Из его жизненного пространства неожиданно исчезли несколько родных людей. В подростковом возрасте на его глазах умер отец Илья Николаевич. В отсутствие сестры Анны и брата Александра, учившихся в Петербурге, он остался за старшего мужчины в доме, заботился о младших детях, помогал матери. 8 мая 1887 года Александр был повешен. Трудно представить все чувства, которые испытывал Владимир. Возможно, от поглощения горем и глубоких переживаний его спасли выпускные экзамены (5 мая – 6 июня), в результате которых он получил золотую медаль. Именно после этого появилась первая достаточно полная его характеристика, причем исходившая не от членов семьи и не после того, как Ленин стал во главе нового государства, а от Федора Керенского, директора гимназии и отца Александра Керенского:

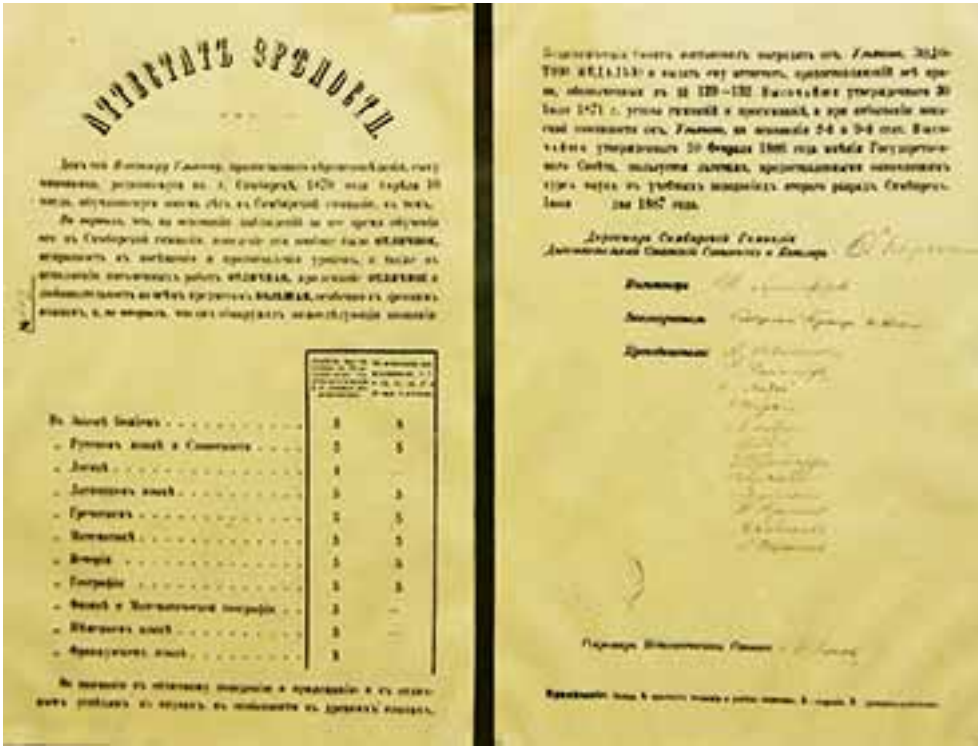
«Очень способный, всегда аккуратный, усидчивый и старательный, Ульянов показал себя лучшим по всем предметам и по окончании учебного курса получил золотую медаль за успехи в усвоении знаний за серьезное и внимательное отношение к работе и за благонравие.

Не было ни одного случая, когда Ульянов словом и делом вызвал бы непохвальное о себе мнение школьного начальства и педагогов.

Его умственное и нравственное воспитание всегда находилось под пристальным надзором сначала обоих родителей, а после смерти отца в 1886 году одной матери, которая направила все свои силы и заботы на воспитание детей.

В основу его домашнего воспитания были положены религия и дисциплина, и плоды этого очевидны в поведении Ульянова.

Присматриваясь более внимательно к характеру Ульянова и его частной жизни, я имел возможность заметить его излишнюю склонность к уединению, замкнутость и нелюдимость, стремление избегать



Педагогический совет Симбирской гимназии присуждает Ленину аттестат зрелости и награждает его золотой медалью. Документ подписал директор гтмназии Федор Керенский. 10 (22) июня 1887 г.

общения с товарищами, даже с лучшими из его соучеников, во внеурочные часы за пределами школы. Мать Ульянова не намерена оставлять сына без себя во все время обучения его в университете»[13].

Все эти оценки потом крайне редко приводилась в советской литературе, а потом вообще были вытеснены в зону антипамяти. Видимо, из-за того, что оценку давал Керенский, который к тому же отметил у Владимира «излишнюю склонность к уединению, замкнутость и нелюдимость, стремление избегать общения с товарищами». Вероятно, причиной этих отмеченных черт стали не только смерть,

[13] Цит. по: Молодая гвардия. 1924. № 1. С. 89.



Мемориальная доска на месте казни Александра Ульянова. Шлиссельбург

но и открытие неизвестных сторон жизни старшего брата, его борьба с самодержавием. Исааку Лалаянцу, спросившему об участии Александра в заговоре против царя, Владимир ответил, что «для него, как и для всей семьи, это участие было полной неожиданностью»[14]. Человек, близкий к семье Ульяновых и часто у них бывавший в то время, обратил внимание, что после казни Александра «Владимир Ильич резко переменился… перестал шутить, редко смеялся и как-то сразу стал взрослым человеком»[15]. Трагическая смерть Александра действительно повлияла на политическое пробуждение будущего революционера.

В Казанском университете, куда Ленин поступил на юридический факультет (Федор Керенский считал этот выбор неудачным и полагал, что юноше надо было поступать на филологический, где изучались

[14] *Лалаянц И.* У истоков большевизма. М.–Л., 1930. С. 24.

[15] Цит. по: *Иванский А.И.* Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., 1964. С. 237.



Императорский казанский университет. 1893 г.

литература и история), Владимир начинает посещать подпольные кружки, а 4 декабря 1887 года принял участие в студенческой демонстрации. Требования, которые были выдвинуты ректору, касались не только заведенных порядков, но и решения министра просвещения об изгнании либерально настроенных профессоров и роспуска студенческих землячеств, а также общей политической ситуации в стране. В тот же день последовал арест студента Ульянова и его заключение в тюремную камеру. Когда ночью, в полицейском участке, арестованные студенты задавались вопросом о своем будущем, он будто бы ответил на обращенные к нему вопросы: «Мне что ж думать… Мне дорожка проторена братом»[16]. Затем последовали исключение из университета и административная ссылка,

[16] *Фосс Е.* Первая тюрьма В.И. Ленина // Огонек. 1926. № 11. С. 5.



Усадьба Ульяновых в Кокушкино

которую он провел в фамильном поместье в Кокушкино, возвращение в Казань, переезд в Самару, прошения о новом поступлении в университет или выезде для обучения за границей и отказы на них.

В мае 1890 года, накануне 20-летия Владимира, его мать снова обратилась к министру просвещения. На этот раз разрешение восстановиться в университете было получено. Но предшествующие три года в жизни Ленина не были потеряны. Чем же они были заполнены? Прежде всего решением подготовиться и сдать экстерном экзамены за юридический факультет в Санкт-Петербургском университете. В 1891 году, постигнув все науки самостоятельно, он получил диплом 1 степени. Но тогда же он переживет новый удар – уйдет из жизни, заразившаяся тифом, его любимая одаренная сестра Ольга.

К сожалению, крайне скудны источники, позволяющие проследить интеллектуальную эволюцию Ленина в эти годы. С одной стороны, известны свидетельства о его литературных пристрастиях –



Могила О.И. Ульяновой на Волковом кладбище. С.-Петербург

Пушкин, Толстой, Тургенев с романтикой нигилизма в «Отцах и детях», а затем резкий поворот к глубокому изучению сочинения «Что делать?» Николая Чернышевского. Николай Валентинов в своих воспоминаниях привел интересное высказывание Ленина:

> «Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?«…Он меня всего глубоко перепахал… Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель»[17].

[17] *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 103.

Позднее Ленин признавался, что благодаря писателю он познакомился с философским материализмом, Гегелем и его диалектическим методом, с помощью которого было легче усвоить Маркса[18], а первый том «Капитала» он нашел в библиотеке старшего брата. Чернышевский и его герой Рахметов показали, как можно «подавлять» свои чувства и подчинять их достижению «цели», какими должны быть и сам революционер, и правила его жизни[19].

Существует малоизвестный документ об откровениях Ленина с Карлом Радеком на прогулках в Берне в 1915 году по поводу своих убеждений в 20 лет. Радек рассказал об этом через десять лет в «Рабочей Москве», но впоследствии этот номер исчез в спецхране[20]. Французский историк Клаудио Сержио Ингерфлом разыскал пропавший, почти истлевший номер и сумел прочесть наиболее важные сюжеты, в частности, первую встречу Ленина с русским пролетариатом в Казани:

> «Он решил завязать непосредственные связи с пролетариатом и отправился на поиски за его представителями. Познакомился он с каким-то чернорабочим, которого начал пропагандировать. Чернорабочий выпивал немножко, был сентиментален и с большим удовольствием прислушивался к рассказам Ильича о политике, эксплуатации и угнетении. Владимир Ильич привел его на квартиру, чтобы ему прочесть одну брошюру. Попили чайку, Ильич читал брошюру и за каким-то делом вышел в другую комнату. Когда вернулся, не нашел уже объекта своей пропаганды. Не успел он задуматься над этим неожиданным результатом своего хождения в народ, как заметил, что вместе с униженным и оскорбленным исчезло и его пальто. Это не ослабило стремления Владимира Ильича пробраться в рабочую среду. Он, вероятно, считал это первым актом экспроприации экспроприаторов»[21].

---

[18] Там же. С. 105–106.

[19] *Валентинов Н.* Превращение Владимира Ульянова в Ленина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 41. С. 115.

[20] В 1958 году некоторые тщательно выбранные фрагменты были опубликованы. См.: Интервью М.Л. Мандельштама, записанное в 1928 году И.С. Зильберштейном // Москва. 1958. № 4. С. 55–57.

[21] *Радек К.* Из рассказов товарища Ленина о его вступлении в революционное движение // Рабочая Москва. 1924. 22 апреля.



В Самаре. Не позднее 26 марта (7апреля) 1891 г.

Другой пассаж рассказа для нас более важен, поскольку показывает переходное состояние революционного движения России и попытки Ленина согласовать марксизм с практикой террористической «Народной воли», перед героями которой преклонялись революционно настроенные молодые люди, потому что именно эта организация замыслила и осуществила единственный в России опыт политической борьбы против государства:

«Будучи еще гимназистом, Ильич попал в народовольческий кружок. Там в первый раз он услышал о Марксе. Читал доклад студент Мандельштам, будущий кадет, и развивал в докладе взгляды освобождения труда. Доклад был очень мутный, но все-таки, как сквозь



В.И. Ленин в самарском марксистском кружке. Художник О.В. Моравов. 1980 г.

туман, Ильич увидел в нем мощную революционную теорию. Он добыл первый том «Капитала», который открыл ему новый мир, но не нашел там еще ответа на специальные русские вопросы. От кого-то он узнал о существовании энгельсовского «Анти-Дюринга», в котором должны быть поставлены все принципиальные вопросы марксистского мировоззрения. Но ни в Симбирске, ни в Казани нельзя было получить «Анти-Дюринга». Ильич узнал, что «Анти-Дюринг» имеет профессор Петербургского политехникума – фамилии его не помню. Недолго думая, он принял решение. Поехал в Петербург, отыскал счастливого владельца магической книги и отправился к нему. Книгу получил, прочел, выписал с нее, что следовало, и пришел к убеждению, что это есть именно та общая теория, которой недоставало рус-

скому революционному движению. Долго еще ему не удавалось добыть изданных за границей сочинений Плеханова, применяющих марксизм к русским вопросам[22]. Он пытался самостоятельно его применить и написал брошюру, в которой пытался согласовать марксизм с практикой «Народной воли»[23]. Об этой своей первой попытке выражался насмешливо, но рубеж был пройден – марксизм дал ему уже ключ к пониманию русской действительности»[24].

* * *

Таким образом, пространство памяти о 20-летнем Ленине включало в себя семейную трагедию – смерть трех родных людей, новый круг общения после первого ареста и годичной ссылки, в который вошли студенты университета и члены подпольных кружков, открытие крупных городов – Казани, Самары и столицы империи Петербурга, расширение интеллектуальных горизонтов – от Чернышевского до Маркса, политический выбор – симпатии к «якобинскому» крылу «Народной воли». Включало оно также ставку на насильственный захват власти и веру в то, что движущие силы революции рождаются из крестьянской массы. Будущий вождь только еще входил в совершенно новую для себя, но к тому времени уже во многом оформившуюся среду, которая исповедовала политические ценности, прямо противоположные официальным. Он осваивался в этой среде на правах ученика, и на тот момент невозможно было представить, что спустя всего несколько лет он поставит себе амбициозную задачу переделать ее на совершенно иной лад.

[22] С сочинениями Плеханова он начнет знакомиться в 1889 г. в Казани. См.: *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 245.

[23] Эта брошюра до сих пор не найдена, первая ленинская работа датируется 1893 годом.

[24] *Радек К.* Указ. соч.



После освобождения из ссылки в Шушенское В.И. Ленин в середине февраля 1900 года приехал в Москву. Тогда же он и сфотографировался. Фотография наклеена на паспарту с фирменной типографской надписью: «Ю. Мебиус. Москва»

1900: схватка с Плехановым

К 30-летию жизненное и интеллектуальное пространства Ленина резко изменились. Он уже сам мог определять свой близкий круг, сформировался как социал-демократ западного типа, считая, с одной стороны, что социализм может победить только в результате широкого оппозиционного движения, охватывающего все классы, включая либеральную буржуазию, и, с другой стороны, что социализм предполагает демократию. Им была намечена личностная программа приложения сил и действий, которая не могла не вызвать появления сильных оппонентов, способных давать нелицеприятные оценки его личности. Они потом исчезнут из официальной биографии и академических исследований, надолго уйдут в зону антипамяти.

Путь Ленина к новой круглой дате жизни, совпавшей с рубежом веков, отмечен неудачной юридической практикой в Самаре (он проиграл ряд процессов как адвокат), написанием нелегальной работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», первым выездом за границу по поручению петербургских марксистов в 1885 году, где в Цюрихе он встретился с бывшими народовольцами, а теперь социал-демократами Павлом Аксельродом и Георгием Плехановым, а в Париже – с Полем Лафаргом, зятем Карла Маркса, и его женой Лаурой. Познакомился он и с Карлом Каутским. После возвращения в Петербург последовали арест Ленина и его высылка на три года в Восточную Сибирь, в село Шушенское Енисейской губернии. Там он вступил в брак с Надеждой Крупской.

Три года в Шушенском оказались для Ленина плодотворными в профессиональном, личном и политическом отношениях. Главным его профессиональным достижением стала написанная с марксистских позиций книга «Развитие капитализма в России» (опубликована в 1899 году). В феврале 1900 года, незадолго до своего 30-летия, Ленин покинул Шушенское в связи с окончанием срока ссылки, а в июле уехал в Швейцарию. Эта первая эмиграция продлилась 5 лет.



В.И. Ленин и Г.В. Плеханов. Художник А.Н. Яр-Кравченко

Однако в самом ее начале произошел серьезный конфликт Ленина с Плехановым – столкновение лидеров разных поколений революционного движения в России.

Еще пять лет назад Плеханов был для Ленина авторитетным теоретиком пролетарского социализма, труды которого дали мощный импульс его становлению как революционера-марксиста. Но когда они встретились в первый раз, для Плеханова Ленин был лишь одним из немногих приезжих из России, интерес к нему проявлялся разве только как к брату казненного Александра Ульянова. Любопытно, что присутствовавший на встрече Александр Потресов весьма своеобразно оценил встречу этих двух социал-демократов:

«Если из Плеханова, как из неиссякаемого кладезя мудрости, можно было черпать мысли и сведения по самым различным отрас-

лям человеческого знания, беседовать с ним, с поучением для себя, не только о политике, но и об искусстве, литературе, театре, философии, то с Лениным, при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями Маркса и Энгельса, тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и неинтересный во всем остальном, он, как мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преображался, становился сильным, искрящимся, и в каждом его соображении сказывалась продуманность, след того жизненного опыта, который, несмотря на всю его кратковременность и относительную несложность, успел сформировать из него настоящего специалиста революционного дела и выявить прирожденную даровитость»[25].

Да и Плеханов в письме супруге сразу после встречи писал о Ленине:

«Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди!»[26].

Любопытно, что через 17 лет Плеханов представил этот эпизод совершенно иначе:

«Аксельрод… меня усиленно убеждал, что за Ульяновым-Тулиным нужно ухаживать, так как он самый видный представитель работающих в России социал-демократов, а их тогда можно было пересчитать по пальцам двух рук. И мы за Ульяновым действительно ухаживали, носились с Ульяновым, как дураки с писаной торбой. Однако к сей почтенной категории людей я не принадлежу, и потому сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов – материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо. Его отесывал даже не плотничий топор, а топор дровосека»[27].

Итак, в августе 1900 г. в Женеве и ее окрестностях начались переговоры между Ульяновым и Потресовым, представлявшими

[25] Коммунист. 1990. № 6. С. 116–117.
[26] Исторический архив. 1958. № 6. С. 209.
[27] Цит. по: *Валентинов Н.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 189–190.



Александр Николаевич Потресов



Вера Ивановна Засулич



Павел Борисович Аксельрод

молодые марксистские силы России, и Плехановым, Аксельродом и Верой Засулич. Обе стороны были очень заинтересованы друг в друге и желали совместно наладить выпуск общерусской социал-демократической газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря». Однако судя по уникальному документу дневникового характера, написанному Ульяновым по горячим следам переговоров и названному «Как чуть было не потухла «Искра»», Плеханов проявил властолюбие и неоправданную подозрительность к молодым товарищам. «Старики» почувствовали стремление Ульянова и Потресова играть в новых изданиях самостоятельную роль, и в связи с этим Георгий Валентинович откровенно капризничал – он то соглашался быть рядовым сотрудником «Искры», то начинал вести себя как единоличный редактор будущей газеты.

Выглядела эта торговля за места в редакции настолько неприлично, что наступил момент, когда Ленин решил прервать переговоры и уехать в Россию:

> «Г.В. проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность… Мою «влюбленность» в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному чело-

веку с таким искренним уважением и почтением, veneration, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» – и никогда не испытывал такого грубого «пинка»»»[28].

По-своему переживал надвигавшийся разрыв с «молодыми» и сам Плеханов, понимавший, что союз с ними – возможно, последний шанс активно включиться в революционное движение на родине. В решающий момент он все-таки пошел на уступки. «Искра» и «Заря» должны были издаваться в Германии и их редакторами становились Ульянов, Мартов и Потресов, а членам группы «Освобождение труда» отводилась роль литературных сотрудников «с правом голоса по редакционным вопросам». В дальнейшем эта хитрая формулировка была отброшена, и Плеханов, Аксельрод и Засулич тоже стали полноправными редакторами. Больше того, Плеханов даже согласился на ведение переговоров о сотрудничестве со Струве. В целом это была, несомненно, победа «молодых», верх взял Ленин.

Вначале все шло как будто хорошо. В декабре 1900 года вышел первый номер «Искры», а начиная со второго номера Плеханов стал регулярно сотрудничать в новой газете. Но в последующие годы между членами редакции стали возникать трения – сначала по поводу либералов как возможных союзников «Искры» и Петра Струве, а затем касательно проекта программы РСДРП. Редакция «Искры» стояла перед реальной угрозой распада. Настроение у всех было подавленное. После долгого молчания Ленин получил письмо от Плеханова, которое заканчивалось так:

«Поверьте одному, я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75 % мы с Вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам «коллегии», на остальные 25 % есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя единомыслия следует позабыть о разногласии»[29].

Инцидент был исчерпан, но у Ленина он оставил горький осадок. Сестра Мартова Лидия Цедербаум-Дан вспоминала, что диктаторские

[28] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 337, 343.
[29] Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. 1. М., 1973. С. 134.



Редакция «Искры». 1900–1903 гг.

замашки Плеханова и его склонность ставить ультиматумы повергали Ленина в полное отчаяние, и он иногда серьезно начинал подумывать о том, чтобы бросить все, оставить «Зарю» Плеханову, а самому «сматывать удочки» и возвращаться в Россию, где и попытаться наладить издание общерусской газеты[30].

Семнадцатистраничная статья о чуть было не потухшей «Искре» как никакое другое сочинение раскрывала характер тридцатилетнего Ленина и подчеркивала его нескрываемые горечь и раздражение, самолюбие и обидчивость, бескомпромиссность и прямолинейность. Моменты отчаяния и слабости Ленин еще не раз переживал на пути к власти. По итогам же происшедшей истории он понял, что на интеллектуальное лидерство можно претендовать только серьезными теоретическими трудами. Так был задумана и написана за осень и зиму 1901–1902 гг. знаменитая книга «Что делать?», обосновавшая

[30] См.: *Тютюкин С.В.* Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 174.

необходимость организации без попутчиков и лжесоциал-демократов, а также пролетарскую революцию против самодержавия и буржуазии в мировом масштабе. Гарантом реализации этих задач должен был стать сам Ленин – не как кабинетный теоретик, а как вождь, окруженный преданными делу настоящими профессионалами. Именно тогда прозвучало знаменитое:

> «Мы идем тесной кучкой по обрывистому пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото! – а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! И как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! – О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!»[31].

Одновременно с программной книгой «Что делать?» пространство памяти этого времени вобрало в себя раскол партии социал-демократов на большевиков и меньшевиков, выход Ленина из редакции «Искры», «предательский» поворот Плеханова от большевиков к союзу с меньшевиками и его новый вызов Ленину в статье «Чего не делать?», в которой он советовал не смешивать твердость характера с упрямством, предостерегал от прямолинейности, односторонности и «несвоевременной требовательности». Затем последовали новые

[31] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 9–10.


Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія

Н. ЛЕНИНА.

Цѣна 1 руб.

Preis 2 Mark = 2.50 Francs.

STUTTGART

Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)

уколы с обеих сторон, но в партийных кругах результаты этой полемики были не в пользу Плеханова. Репутация даже в глазах наиболее порядочных бывших его сторонников была подорвана[32]. Непримиримая фракционная борьба развернулась и в эмиграции, и в России.

Однако рубеж веков ознаменовался не только этим: в 1900 году фамилия Ульянова-Ленина впервые засветилась в пространстве истории: она попала сразу в несколько престижных словарей – М.М. Филиппова, Брокгауза и Ефрона (малый словарь) и Ф. Павленкова. Краткие справки, понятно, не могли тогда раскрыть ленинские уст-

[32] *Дан Ф.И.* Письма (1899–1946). Амстердам, 1985. С. 68.

ремления и мечты. И тем не менее они раскрылись в его «Что делать?», а точнее, в приведенных автором словах известного критика Дмитрия Писарева:

> «Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти… Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность всерьез верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть как-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно».

* * *

К этим словам Ленин добавил комментарий: «Вот такого рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении»[33]. И это были слова уже достаточно зубастого политика, для которого авторитеты не имели никакого значения, если они хотя бы в какой-то мере шли наперекор его взглядам, становившимся все более отточенными – и вместе с тем застывшими в определенных конфигурациях. Это не была догма – Ленин никогда не грешил склонностью к поклонению тем или иным идеям самим по себе, в отрыве от практики. Скорее, стиль его политического поведения, впервые столь ярко проявившегося в конфликте с Плехановым, можно охарактеризовать как своего рода абсолютизацию текущего момента. Все что в данной конкретной ситуации работало для пользы дела – ставилось во главу угла и превращалось в непререкаемую аксиому. Все что мешало – отбрасывалось. Именно так и был отброшен патриарх российской социал-демократии, который, как понял Ленин, уже не мог действовать адекватно складывавшейся внутренней и международной повестке.

[33] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 172–173.

1910: «Он даже во сне видит революцию»

В год 40-летия Ленина в России ничего особенно выдающегося не произошло, никаких новых вспышек революционной активности не предвиделось. А жизни на чужбине исполнилось уже 10 лет. Открылись новые места и европейские страны, в окружении появились новые лица – Лев Троцкий и Иосиф Сталин, Лев Каменев и Григорий Зиновьев, Анатолий Луначарский и Николай Бухарин, Александр Богданов и Алексей Рыков, Максим Горький и Александр Воронский, которые вскоре стали советской элитой. Выходили новые сочинения – в 1909 году опубликовано философское исследование «Материализм и эмпириокритицизм»[34]. Казалось, позади и финансовые трудности. Владелец текстильных фабрик Савва Морозов и его племянник Николай Шмит оставили партии значительные средства, и Ленин в течение полутора лет имел возможность единолично распоряжаться этим капиталом[35]. Тем не менее эмиграция, где многие революционеры, лишившись родных корней, деградировали, спивались, не выдерживали жизни в бедноте, все чаще приводила в отчаяние. Хотя Ленин вел размеренный и спокойный образ жизни, его все чаще беспокоило здоровье – расстройство сна, крапивница, длительные приступы депрессии.

[34] Заметим, что сам Ленин философом себя не считал, но лениноведы неуклонно записывали его в ряды философов. Среди откликов на эту знаменитую работу самым беспощадным (и долго замалчиваемым) был от Ивана Ильина. И дело не в том, что он не был согласен с тем, что материализм вообще и исторический материализм в частности были для Ленина последним и высшим словом философии, что он упрощал идеи Авенариуса. Недопустимыми для рецензента были литературная развязность и некорректность, которые доходят «до геркулесовых столпов и иногда переходят в прямое издевательство над самыми элементарными требованиями приличия: словечки вроде “прихвостни” (36), «безмозглый!» (41), «безбожно переврал» (177), «лакей» (254) попадаются буквально по нескольку раз на странице». См.: *Ильин Иван.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Русские ведомости. 1909. № 222. С. 5.

[35] Затем этот партийный фонд был передан на хранение незаинтересованной стороне – членам Германской социал-демократической партии, но в 1914 году по распоряжению германского казначейства все иностранные вклады перешли германскому правительству.



Париж. Вид на старый музей Ленина на улице Мари-Роз, 4. Открыт 27 апреля 1955 года и с тех пор куплен Коммунистической партией Франции. Ленин жил там с июля 1909 года по июнь 1912 года. Фото В. Генд-Роте / РИА Новости

Именно тогда Максим Горький, хорошо знавший Ленина и испытывавший к нему смешанные чувства, в 1909 году написал довольно жесткое письмо, в котором наряду с комплиментами («вы органически симпатичный мне человек») содержалась критика с отсылкой к известной гамлетовской метафоре:

«…А порою мне кажется, что всякий человек для Вас не более как флейта, на коей Вы разыгрываете ту или иную любезную Вам мелодию,



Инесса Арманд. 1900-е гг.

и что Вы оцениваете каждую индивидуальность с точки зрения ее пригодности для Вас – для осуществления Ваших целей, мнений, задач. Эта оценка, оставляя в стороне ее глубоко индивидуалистическую и барскую подкладку, – эта оценка необходимо должна создавать вокруг Вас пустоту – сие не суть важно, Вы человек сильный – но, главное, эта оценка неизбежно должна приводить Вас к ошибкам»[36].

[36] Цит. по: Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М., 2006. С. 247 (письмо Горького было впервые опубликовано в 1994 году).



Самый ранний прижизненный портрет вождя. Художник Эмиль Бернар. Париж, 1910–1912 гг.

Однако весна 1910 года обернулась двумя неожиданными моментами, которые, несомненно, отразились в пространстве памяти. К удивлению всей русской колонии в Париже, считавшей Ленина пуританином, он стал появляться в кафе в обществе очаровательной и блистательной Елизаветы (Иннесы – подпольное имя) Арманд, которая была на десять лет младше автора книги «Что делать?», пришедшейся ей по сердцу. Тогда же, после почти пятилетнего перерыва, восстановились личные контакты Ленина с Плехановым. Они стали обмениваться письмами, в одном из которых Плеханов писал:

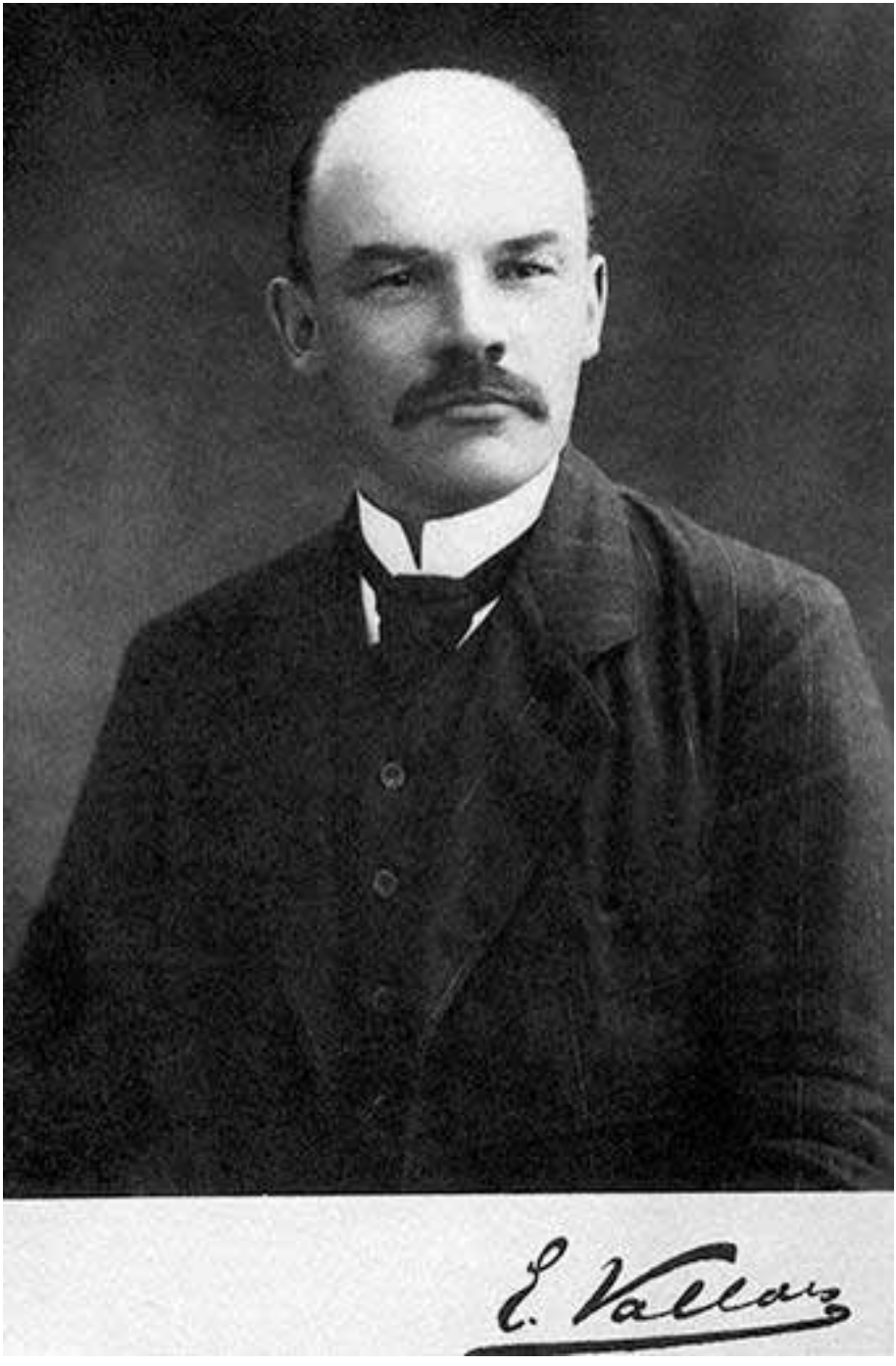
«Я тоже думаю, что единственным средством разрешения кризиса, переживаемого теперь нашей партией, является сближение между марксистами-меньшевиками и марксистами-большевиками. И я счи-

таю, что мне с Вами надо лично переговорить. Но я нахожу, что наше свидание будет полезнее, если оно состоится несколько позже, когда лучше выяснится настроение обеих фракций. События идут теперь быстро, и время хорошо воспитывает людей… А пока будем расчищать поле для взаимного сближения, каждый в своей сфере. Преданный Вам Г. Плеханов»[37].

Встреча двух лидеров состоялась в августе 1910 года в Париже, куда Георгий Валентинович приехал по пути на Копенгагенский конгресс II Интернационала. На самом же конгрессе Плеханов участвовал в работе комиссии по вопросу о профсоюзном единстве и международной пролетарской солидарности. Известно, что там Ленин и Плеханов встречались в неофициальной и весьма дружественной обстановке. В частности, тогда их объединил совместный протест против анонимного выступления Троцкого в немецкой социал-демократической газете «Форвертс» с нападками на большевиков. Однако в целом Плеханов занимал в то время центристскую позицию, пытаясь встать «над схваткой» и защитить партию как единый революционный организм без деления на «фракционные курятники», как он иронически выразился[38].

Состояние партийных дел внушало тогда большие опасения. Уставная дисциплина существовала только в пределах большевистской и меньшевистской фракций РСДРП. По сути, все шло к расколу партии. Это настроение проявилось и на Копенгагенском конгрессе в конце августа – начале сентября 1910 года. В ходе его работы резко выявились всё раздражение и вся злоба представителей различных течений в русской секции конгресса против Ленина. По разным свидетельствам, он был «страшно одинок, но не хотел сделать ни шагу по пути соглашения со своими противниками, выступавшими довольно сплоченным фронтом». И это особенно выводило их из себя. На заседаниях русской секции во время дебатов с Лениным можно было услышать: «один против всех, ни на что не похоже», «он губит

[37] Философско-литературное наследие Г.В. Плеханов. Т. 1. С. 151–152.
[38] *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 289–290.



Париж. 1910 г. Фото Е. Валлуа

партию», «какое счастье было бы для партии, если бы он куда-нибудь исчез, испарился, умер». И когда одна старая партийная дама сказала Федору Дану, наиболее активному автору подобных выражений, о том, как же это так выходит, что один человек «может погубить всю партию и что все они бессильны против одного и должны призывать смерть в сообщницы», он со злобой и раздражением ответил буквально следующее:

> «Да потому что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним»[39].

Сорокалетний Ленин действительно жил революцией, не раз обращался к урокам событий 1905 года, которые оставили заметный осадок в его сознании. Эти события тогда развивались не так, как он хотел, и приняли оборот, который он не ждал. Выехав в ноябре в Россию, Ленин находился под постоянным надзором сыщиков и вынужден был пребывать в глухом подполье. Не сразу удалось ему тогда разглядеть и значение стихийно возникших в Москве и Петербурге Советов рабочих депутатов. К тому же в Петербургском Совете внезапно возвысился Троцкий. Но вот что удивительно, летом 1905 года, еще до кратковременного возвращения в Петербург, Ленин пророчески описал этапы грядущей революции (эта рукопись увидела свет только в 1926 году):

> «Момент. Разбит царизм в Санкт-Петербурге. Самодержавное правительство свергнуто, – разбито, но не добито, не убито, не уничтожено, не вырвано с корнем.
>
> Временами революционное правительство апеллирует к народу. Самодеятельность рабочих и крестьян. Полная свобода. Народ сам устраивает свой быт. Программа правительства = полные республиканские свободы, крестьянские комитеты для полного преобразования аграрных отношений. Программа социал-демократической пар-

[39] *Ульянова М.И.* Воспоминания о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1: Воспоминания родных. 3-е изд. М., 1984. С. 178–179.

тии сама по себе. Социал-демократы во временном правительстве = делегаты, приказчики социал-демократической партии.

Далее – Учредительное собрание. Если народ поднялся, он… (хотя бы не сразу) может оказаться в большинстве (крестьяне и рабочие). Ergo, революционная диктатура пролетариата и крестьянства.

Бешеное сопротивление темных сил. Гражданская война в полном разгаре – уничтожение царизма»[40].

* * *

Через двенадцать лет это пророчество начнет сбываться. Но пока Ленин был вынужден каждодневно преодолевать все вызовы и соблазны повседневной рутины. Эта рутина сжимала его во все более плотное кольцо. Казалось, ситуация в России полностью стабилизировалась, новый политический режим, который де-юре уже нельзя было считать самодержавным, вполне сложился и даже успешно функционирует. При таком раскладе революция становилась чем-то весьма отдаленным и даже призрачным. Логика текущей конъюнктуры неумолимо толкала социал-демократов к выстраиванию конструктивных отношений с теми силами, которые реально влияли на политический процесс в стране. Только чудо могло нарушить этот в целом умиротворенный ход российской истории. И это чудо случилось 1 августа 1914 года.

[40] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 359.

II

ВЫСОКИЙ ПЬЕДЕСТАЛ ВОПРЕКИ ЖЕЛАНИЮ ЮБИЛЯРА

1920: террор и возвеличивание, мечта и смерть

Год 50-летия Ленина как никакой другой был насыщен знаковыми событиями, которые имели отзвук на все будущие десятилетия. Завершалась трагическая Гражданская война. Её итоги укрепили веру в мировую революцию. И когда в апреле 1920 года польская армия, спровоцированная странами Антанты, вторглась в Россию и заняла Киев, Ленин недоумевал: как могло случиться, что польские рабочие и крестьяне посмели вторгнуться на родину социализма? Вопреки опасениям Троцкого и Радека, прозвучал приказ двинуться в поход на Варшаву и освободить польских рабочих и крестьян от угнетателей, а делегаты Второго конгресса Коминтерна каждое утро в режиме реального времени следили за передвижением красных флажков на вывешенной на сцене Большого театра огромной политической карте мира[41]. Несмотря на продолжавшуюся Гражданскую войну, на антибольшевистское восстание, начавшееся летом 1920 года в Тамбовской губернии, в политике акцент переносился, наконец, на строительство социализма, а не разрушение буржуазного строя и отстаивание советской власти, что раньше, как отметил

[41] Молодые военачальники Тухачевский, Егоров и Буденный не оправдали надежд, а их солдаты чинили зверства на территории Польши, поджигали деревни, насиловали и убивали крестьян. Разгром Красной армии был полным, а гнев Ленина не знал границ. В провале операции он обвинил Егорова и Сталина и на Военном совете грозил им трибуналом.



Троцкий выступает с речью на площади перед Большим театром. Солдаты с митинга отправляются на Польский фронт. Около трибуны стоят Ленин и Каменев. Москва. 5 мая 1920 г.

Ленин, занимало 9/10 времени[42]. В 1920 году принимается план ГОЭЛРО, Политбюро ликвидирует губернии и создает национальные формирования[43]. Даже не верилось, что остались позади такие эпохальные переломы, как Первая мировая война и революционные события 1917 года.

Невозможно было представить, что после покушения в августе 1918 года Ленина могло и не быть. Находясь несколько дней между

[42] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 407.

[43] В 1994 году Волкогонов напишет, что тем самым была заложена «глубинная мина», «атомная бомба» под СССР // *Волкогонов Дмитрий.* Ленин. Политический портрет. В двух книга. Кн. II. М., 1994. С. 420.

жизнью и смертью, он не знал, что эта ситуация стала поводом как для вспышки массового красного террора, так и для первых ростков культа вождя и его сакрализации. Поэтому знаменательным было то, что юбилейный 1920-й начинался с указания Ленина об отмене массового террора и смертной казни, а в течение всего года он пресекал попытки своего возвеличивания. Но, похоже, джинн уже был выпущен из бутылки. В адрес Владимира Ильича уже после Октября приходило множество приветственных телеграмм с признаниями в любви и верности. Их число резко увеличилось после ранения вождя. В этот критический момент Троцкий поспешил заявить **о** величии Ленина как революционного лидера, о его «несгибаемой воле и необычайной проницательности», и эта речь была выпущена брошюрой тиражом в один миллион экземпляров[44]. Не отставал и Зиновьев, провозгласивший в дни спасения жизни Ленина, что он – «вождь космического масштаба, двигатель миров», «избранник миллионов, вождь Божьей милостью», «рождающийся раз в пятьсот лет в жизни человечества»[45].

В 1918 году подмосковное село Царицыно (в прошлом – Черная Грязь) получило название Ленино, а город Талдом переименован в Ленинск. В 1919 появился еще один Ленинск – на месте села Пришиб (Царицынская губерния). При жизни Ленина старинная московская застава Рогожская была названа заставой Ильича, появилась в его честь Ульяновская улица, а в Питере – улица Ленина и агитпоезд «Владимир Ленин», возникла Ленинская волость в Петроградской губернии.

Ленин как мог сдерживал кампанию возвышения и восхваления его личности. Сразу после выздоровления, в сентябре 1918 года в беседе с рядом руководящих работников он заявил:

> «С большим неудовольствием замечаю, что мою личность начинают возвеличивать. Это досадно и вредно. Все мы знаем, что не в личности дело. Мне самому было бы неудобно воспретить такого

[44] См.: *Троцкий Л.Д.* О раненом // О Ленине: Материалы для биографии. М., [б. г.]. С. 151–156.

[45] *Зиновьев Г.* Соч. Т. 15. Л., 1924. С. 298.



Литературно-инструкторский агитпоезд ВЦИК № 1 им. Ленина

рода явление… Но вам следует исподволь наложить тормоз на всю эту историю»[46].

С возмущением он обращался к В.Д. Бонч-Бруевичу:

«Это что такое? Как же Вы могли допустить?. Смотрите, что пишут в газетах?. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика… Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров… Так, чего доброго, пожалуй, доберутся до молебнов за мое здоровье… Ведь это ужасно!. И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится! Я такой же, как и все»[47].

В 1920 году Ленин перестал сдерживаться в ответных действиях. Получив в феврале очередную телеграмму с приветствием, он напи-

[46] Владимир Ильич Ленин: Биография: В 2 т. 8-е изд. М., 1987. Т. 2. С. 114.
[47] *Бонч-Бруевич В.Д.* Избр. соч.: В 3 т. М., 1963. Т. 3. С. 296–297.

сал на ней члену коллегии Наркомата почты и телеграфов А.М. Николаеву резолюцию: «Привлечь к суду подателей за отправку приветственной телеграммы». Примерно такой же была реакции и на идею Моссовета создать музей его жизни и деятельности. Анна Елизарова-Ульянова вспоминала:

> «Тов. Ольминский… сказал ему: теперь нам нужен при Истпарте музей Ленина. Но Ильич рассердился, заявил, что это неприличие, что об этом и думать не следует и т. п. – Я имел еще неосторожность, – рассказывает т. Ольминский, – возразить: в этом вы ничего не понимаете! – чем только подлил масла в огонь: Владимир Ильич вскипел окончательно, схватил телефонную трубку и позвонил т. Адоратскому, что ни о каком музее своего имени он и слышать не хочет»[48].

Попытки вознести Ленина на высокий пьедестал наблюдались и в среде интеллектуалов. Горький в статье «Владимир Ильич Ленин», опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал», сравнивал Ленина с Петром Великим, называл его «легендарной личностью», «человеком, стоящим в центре и выше всего», считал, «что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым», подчеркивал, что Владимир Ильич «обладает даром предвидения, гениальной интуицией мыслителя-экспериментатора»[49]. Реакция на статью была крайне негативной. Ленин предложил Политбюро ЦК принять решение, признающее крайне неуместным помещение в № 12 «Коммунистического Интернационала» статей Горького, особенно передовой, ибо «в этих статьях не только нет ничего коммунистического, но много антикоммунистического»[50]. И тем не менее ленинское сопротивление не помешало осуществиться культовому сценарию юбилея.

Апрель 1920 года был для Владимира Ленина месяцем напряжённого труда. В начале месяца он провёл IX съезд партии, к 27-му числу окончил книгу «Детская болезнь левизны в коммунизме». На

---

[48] *Ульянова-Елизарова А.И.* Ретроспективный взгляд на Истпарт и на журнал «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1930. № 5. С. 162.

[49] См.: Коммунистический Интернационал. 1920. № 12.

[50] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 429.

съезде Ленин победил тех, кто обвинял его в создании олигархии. Это слово звучало в течение всего съезда. Лучше всего сказал Яков Яковлев, председатель харьковского губернского комитета: «Мы предпочитаем гениальную олигархию [Ленина] – посредственной олигархии». На этом же съезде один из делегатов вспомнил, что скоро Владимиру Ильичу исполнится пятьдесят. Для большинства это оказалось неожиданностью. Съезд срочно принял решение об издании его собрания сочинений, а соратники пригласили вождя на торжественный вечер 23 апреля. На нем с речами выступили люди, хорошо знавшие Ленина, работавшие вместе с ним еще до революции: Горький, Луначарский, Михаил Ольминский, а также пролетарские поэты Владимир Кириллов и Василий Александровский. Однако юбиляр приехал только ко второй части вечера. Он вообще делал все, чтобы нарушить заготовленный сценарий чествования. По свидетельству присутствовавших, славословия в свой адрес решительно пресёк, сказав, что такого чинопочитательства даже при царизме не было:

«Я, прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей. Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор и который иногда создавал повод к удивительно хорошим карикатурам. Вот одна из таких карикатур, нарисованная выдающимся художником и посвященная подобному юбилею. Я ее получил сегодня вместе с чрезвычайно дружеским письмом, и так как товарищи были настолько любезны, что они от юбилейных речей избавили меня, я передаю эту карикатуру на рассмотрение всех с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств»[51].

[51] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 325; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1977. Т. 8. С. 444.



23 апреля 1920 г. Фотография сделана на торжественном собрании в честь 50-летия В.И. Ленин в помещении московского комитета РКП(б) (Большая Дмитровка, д. 15а).

С 1918-го до середины 1925 года День рождения Ленина отмечали 23-го, а не 22-го апреля (10-го по старому стилю). Вероятно это было вызвано тем, что еще отсутствовала практика перевода различных дат из Юлианского в Григорианский календарь по европейскому алгоритму (прибавлением 13 дней для событий XX века, 12 дней для событий XIX века, 11 дней для событий XVIII века м т. д.) и пользовались упрощенным правилом: «К любой дате прибавь 13 дней»



«Ранние русские марксисты в представлении буржуазного карикатуриста»
«Марксисты на сорокалетнем литературном юбилее Н.К. Михайловского» – карикатура В. Каррика (1900 г.). За столом слева направо: В.А. Розенберг, С.Н. Южаков, П.И. Вейнберг, Н.К. Михайловский, В.А. Мякотин, Л.Ф. Пантелеев и Н.Ф. Анненский. На переднем плане: А.М. Калмыкова, П.Б. Струве и М.И. Водовозова. Впереди стола «марксята» (говорящие Михайловскому): «Хотя мы и не согласны с вами в убеждениях, но все-таки примите наши поздравления»

Ленин передал присутствовавшим карикатуру известного художника Валерия Каррика 1900 года по поводу юбилея писателя-народника Николая Михайловского[52]. Эта карикатура была прислана в подарок Еленой Стасовой, и на ней были изображены марксисты, пришедшие поздравить Михайловского, маленькими детьми. Посылая карикатуру, Стасова писала Ленину, что в день юбилея Михай-

[52] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 325–327.

ловского двадцать лет назад партия была в детском возрасте, считалась единицами, а теперь она выросла, «и это дело Ваших рук, Вашего ума и таланта».

Праздничный банкет был скромным – с бутылкой грузинского вина от Сталина. А на следующий день к Ильичу, узнав о юбилее из газет, потянулись многочисленные ходоки. Дарили в основном портреты. К примеру, московский парикмахер Григорий Борухов сплел портрет Ленина из волос своих клиентов. Взамен попросил у властей квартиру и мастерскую для развития нового вида искусства – волосоплетения, а заодно и должность кремлевского цирюльника. Его просьба осталась, естественно, без ответа, но портрет сохранился в фондах Государственного исторического музея[53].

В возвеличивании Ленина решающую роль, безусловно, играло его близкое окружение по партии и правительству. Ленинские «соратники и ученики» возвышали себя, 22 и 23 апреля 1920 года в «Правде» и «Известиях» они захватили едва ли не все главные полосы. Троцкий в статье «Национальное в Ленине» в противовес интернационализму изобразил Ленина как русского лидера, как символ новой русской нации. Он даже сравнил Ленина с Карлом Марксом. «Говорить о Ленине – значит говорить о нашей партии, – писал Зиновьев. – Дать биографию Ленина – значит писать историю нашей партии». Ленин для Коммунистической партии-то же самое, что «Дарвин для естествознания и Маркс для политической экономии». Сталин особенно выделил талант Ленина распознать «чужаков» и решимость от них отмежеваться, он также одобрительно отозвался о высказывании немецкого социалиста XIX века Лассаля: «Партия укрепляется тем, что очищает себя… Ленин был тысячу раз прав, ведя партию по пути непримиримой борьбы с антипартийными и антиреволюционными элементами». Николай Бухарин, редактор «Правды», призывал признать Ленина не только гениальным революционным вождем, мастером тактики, но и величайшим теоретиком.

Распространению культовых настроений способствовали не только вожди революции, но и быстро растущая советская бюрократия,

[53] *Нехамкин Сергей.* Волосы для Ильича // Аргументы недели. 2016. 2 июня.



Альбом «Ко дню пятидесятилетия со дня рождения Владимира Ильича Ульянова (Ленина). 23 апреля 1870–1920 г.» (Предисловие Л. Каменева. М.: Государственное издательство, 1920. – 43 с. Тираж 20 000 экз.) В книге дана хронология жизни Ленина на фоне основных фактов и течений мировой и отечественной политики. Ленин просматривает эту книгу 23 апреля 1920 г. Источник: https://leninism. su/biograficheskie-xroniki-lenina/107-tom-86/3897-aprel-1920-tretya-dekada.html

для которой, как и для любой другой бюрократии, «обоготворение авторитета есть ее образ мыслей»[54]. Сворачивание в годы Гражданской войны принципа «коллективного руководства», возрастание значения исключительно технических структур ЦК (Политбюро, Оргбюро, Секретариата) делало технологию властвования партийных лидеров все более непрозрачной для рядовых большевиков. Понимал ли это Ленин? В октябре 1919 года он получил весьма примечательное письмо от Николая Осинского (Оболенского):

[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. I. С. 272.

«У нас есть великий политический вождь, которому принадлежит бесспорное руководство партией и революцией, – т. Ленин. Это великий и тактический политик, и несравненный создатель политико-организационных линий и лозунгов – политический алгебраик. Но в то же время он не организатор-техник по индивидуальным особенностям – не знаток организационной арифметики. Это всегда признавалось и им самим. Вот почему рядом с Лениным был раньше Свердлов, который алгебраическими формулами решал конкретные арифметические задачи. Свердлов был хорош тем, что он был политически вполне надёжен, при нём подчинённый ему организационный аппарат и в смысле личного состава конструировался так, что всегда был в руках»[55].

Ленин остро чувствовал своего рода организационный вакуум, образовавшийся после смерти Я.М. Свердлова, и был вынужден апеллировать к людям, обладавшим особой аппаратной жилкой. Неблагоприятные как для большевистского этоса, так и для конкретной повседневной работы последствия привлечения подобного рода элементов очень скоро стали очевидными. Пополнение партийного аппарата так называемыми новорождёнными коммунистами привносило в практику строительства режима целый ряд новых проблем. Осинский констатировал:

«Фактически для претворения алгебраических формул в важнейших узлах работают или не организаторы, или хорошие исполнители (а нередко и плохие) – «чиновники», если так можно выразиться… У нас на ответственных местах сидит масса таких, которые «умеют ладить», не оскорбляют чужого самолюбия, не имеют крутого нрава… У нас на ходу куча свадебных генералов, надёжной бездари и «политической» мелкоты… ряд дельных организаторов болтается без дела или на вторых делах… При Свердлове их (организаторов) было порядочно»[56].

[55] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1253. Л. 4.
[56] Там же. Л. 5.



Брошюра «50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина. (1870 – 23 апреля – 1920). Речи и стихи, произнесенные на празднике в его честь 23 апреля 1920 года в помещении Московского Комитета». (М.: Государственное издательство, 1920. – 31 с. Тираж 100 000 экз.)

Чтобы избежать организационного разлада, Осинский предложил Ленину возместить отсутствие «гения организации» Свердлова неким «коллективным гением» в лице организационной диктатуры из трёх членов ЦК – И.В. Сталина, Н.Н. Крестинского и Ф.Э. Дзержинского. Отвергая принцип коллегиальности, который неизбежно сопровождается сложными взаимоотношениями, возникновением трений, симпатий и антипатий, борьбой за первенство, Осинский видел выход в сугубо бюрократической модели, способной изменить организационные формы в рамках устоявшейся коммуникативной системы. Между тем становилось всё более очевидным, что паллиативные меры (создание Политбюро и Оргбюро) по-прежнему не могли решить главную задачу – освободить партийную структуру от «мертвечины и маразма». А стремительно утверждавшийся аппаратный стиль руководства продолжал трансформировать РКП(б) в строго иерархическую систему. Характерно, что именно в это время Сталин и провёл своё известное сравнение партии с Орденом меченосцев.

Партийные и советские сановники использовали 50-летний юбилей Ленина для утверждения своего положения, а развернутая масштабная агитационная кампания вокруг вождя работала на конструирование его культа, формирование нового партийного ритуала, обволакивание носителя верховной власти со стороны аппарата власти. Показательно письмо, полученное Лениным от Ем. Павлова из Москвы:

> «Я молод, тов. Ленин, но все-таки мой совет: не давайте расти такой стене между вами и пролетариатом! Если вы проанализируете последний период времени, вы заметите, что есть маленькое, почти незаметное, отдаление ваше от пролетариата столиц. Может быть, виной этому ваше недомогание, а вернее, кожаные люди. Они курят перед вами фимиам и всеми мерами стараются втащить вас на такой пьедестал, откуда вам ничего не было видно, да и вы виднелись бы народу, как недосягаемое божество»[57].

[57] Ленину о Ленине. Письма 1918–1921 гг. Публикация Г.А. Бордюгова // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 21.

Правда, не все из этих «кожаных людей» в условиях всеобъемлющего кризиса военно-коммунистической системы и перехода к нэпу остались под защитным куполом бесспорного авторитета Ленина. Но это будет только через год.

В ходе юбилейной кампании большое распространение получили биографические книги о Ленине, способные вывести культурного героя из пространства памяти в пространство истории. Альберт Рис Уильямс, автор первого биографического очерка о Ленине на английском языке (1919), сообщал зарубежному читателю, что по одним описаниям, он «сын крестьянина», а по другим – «сын дворянина», и оба утверждения верны. В старой России человек, достигший чина капитана первого ранга на флоте, полковника в армии или действительного статского советника на гражданской службе, автоматически получал дворянское звание. Отец Ленина, происходивший из крестьянского сословия, дослужился до ранга действительного статского советника, поэтому Ленина называли то «сыном крестьянина», то «сыном дворянина» – в зависимости от отношения автора[58]. Григорий Зиновьев утверждал, что «отец тов. Ленина, родом крестьянин, работал на Волге директором народных училищ», в книге Алексея Митрофанова, наоборот, сообщалось, что «его отец дворянин по происхождению, далекий от крестьянства», а Владимир Невский сообщал: «…отец Ленина сам происходил от бедных и незнатных родителей из г. Астрахани»[59]. Последний автор, возглавлявший тогда в ЦК отдел по работе в деревне, а впоследствии видный партийный историк, вообще избрал жанр сказки, прежде всего в вопросе о происхождении вождя. Он так описывал рождение удивительного младенца:

> «Пятьдесят лет тому назад, когда в России еще царствовал царь Александр II, когда, стало быть, трудящемуся народу жилось очень тяжко под гнетом помещика и капиталиста, в городе Симбирске, в

[58] *Rhys Williams Albert*. Lenin: The Man and His Work. New York, 1919. P. 23–24.

[59] *Зиновьев Г.* Ленин – Владимир Ильич Ульянов (очерки жизни и деятельности). Пг., 1918. С. 9; *Митрофанов А.* Вождь деревенской бедноты – В.И. Ульянов-Ленин (биографический очерк). М., 1918. С. 4; *Невский В.И.* В.И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1920. С. 3.


1870 - L 23-IV 1920+
Да здравствует Наш Ильич!

небогатой семье родился мальчик, которому потом выпало на долю вместе с рабочими и крестьянами отобрать у помещиков… землю, освободить рабочего… и начать коренное переустройство всего мира»[60].

Дети Ульяновых, продолжал автор, унаследовали от своих родителей любовь к угнетенным и обездоленным, Александр пошел против царя и помещиков, однако был схвачен и повешен, а вот Владимир не испугался царских угроз и виселиц, а задумался над тем, как лучше помочь народу освободиться не только от царей, но и от всякого угнетения. В этой биографии Ленин с самого начала, без всяких сомнений, избрал правильный путь. Однако уже тогда подобный подход не всеми воспринимался как правильный. Член коллегии Петроградского Истпарта Георгий Шидловский призвал рассеять творимый при жизни Ленина миф о нем и его происхождении, «напомнить авторам и издателям: Ленин – жив, и его надо порасспросить о нем самом, прежде чем писать»[61].

В первые годы советской власти начинало складываться и явление, которое потом будет названо ленинианой, то есть совокупностью произведений искусства и литературы, посвящённых Ленину, запечатлевших – по Луначарскому – образ исторической фигуры мирового масштаба, в которой «сказалось персонально всё очарование этой изумительной эпохи». Уже в 1918 году поэт Николай Клюев, откликаясь на покушение и с верой в старообрядческую правду, написал цикл «Ленин»:

---

[60] *Невский В.И.* В.И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1920. С. 3.

[61] *Шидловский Г.* Ленин – миф // Книга и революция. 1921. № 12. С. 97. Старшая сестра Владимира Ильича, А.И. Ульянова-Елизарова, в отзыве на эту статью о первых биографиях Ленина написала, что «данные, сообщаемые т. Невским, всего ближе к истине. Илья Николаевич родился в Астрахани от “бедных и незнатных” родителей. Но мы можем поставить точку над і и сказать: по происхождению он был мещанином г. Астрахани… Числясь на государственной службе, он получал в свое время чины и ордена. Последний орден Владимира дал ему потомственное дворянство, то есть в том, что Владимир Ильич дворянин, есть тоже доля правды, но дворянин не по происхождению, а по выслуге отца». См.: *Ульянова-Елизарова А.* Ответ т. Шидловскому // Пролетарская революция. 1922. № 3. С. 334.

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».
Мужицкая ныне земля,
И церковь – не наймит казенный,
Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный.
Нам красная молвь по уму:
В ней пламя, цветенье сафьяна, –
То Черной Неволи басму
Попрала стопа Иоанна.
Борис, златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным – вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам.

Вождь революции, считал поэт, непременно спасет старообрядцев и вернет Русь к тому изначальному пути, когда она свернула в сторону под властью Романовых. Так возникала идея союза старообрядческого бунта и пролетарской революции.

Пятидесятилетие вызвало новую волну стихов, приуроченных к юбилею. В стихах Демьяна Бедного Ленин изображался капитаном корабля, ведущим судно мимо опасных скал наперекор враждебным стихиям. Владимир Маяковский также посвятил юбилею стихотворение, начав его с оправдания взятой на себя задачи:

Я знаю –
    не герои
        низвергают революций лаву.
Сказка о героях –
    интеллигентская чушь!
Но кто же
    удержится,
        чтоб славу
            нашему не воспеть Ильичу?

Пожарами землю дымя,
везде,
где народ испленен,
взрывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Наряду с «канонической» литературой существовала и литература «апокрифическая», которая, конечно, подвергалась идеологической шлифовке. В народном творчестве наряду с точной обрисовкой реальной личности вождя не раз встречается изображение Ленина как богатыря и великана, как вождя «равного облакам» и даже солнцу. И все это не было плодом обмана и корысти[62].

Юбилейный год для Ленина завершался, как, впрочем, и начинался, двумя другими знаковыми событиями. Одно из них, несмотря на глубокий кризис политики «военного коммунизма», было связано с устремлением в будущее, а другое, сугубо личное, как бы предвещало скорый уход.

Герберт Уэллс, английский писатель, классик научно-фантастической литературы, побывавший 6 октября 1920 года на приеме у Ленина, не скрывал, что он напомнил ему «ученого хорошего толка», который говорил о перестройке городов, в которых будет удобно жить и работать членам нового коммунистического общества, об изменении и расширении деревенских хозяйств. Странно, правда, что подлинный марксист впал в утопию, особенно утопию электрификации.

[62] См.: *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М., 1941. С. 512–524.

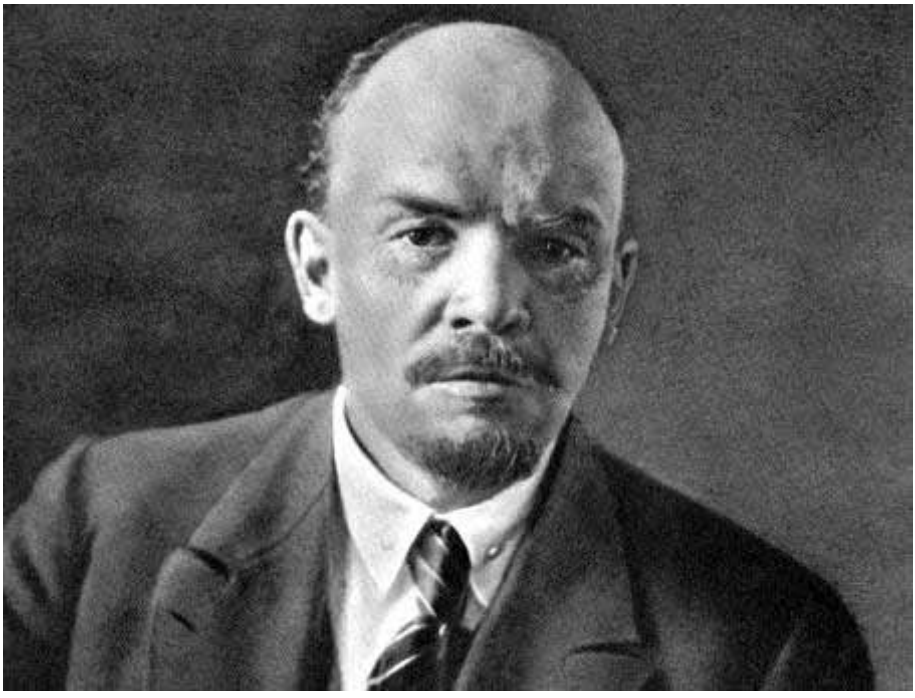


В.И. Ленин и Герберт Уэллс

По своей амбициозности план электрификации России действительно был фантастическим[63].

Спустя чуть меньше недели после встречи с Уэллсом Ленин с «печальными глазами», «выражением неизбывной тоски», «павший духом» шел за гробом Инессы Арманд, скончавшейся от холеры на Кавказе. С Инессой, по свидетельству дочери Варвары, он тоже мечтал вслух, описывая, какая прекрасная жизнь будет при коммунизме, когда настанут мир и изобилие. Но сейчас он резко постарел, «бесчисленные большие и мелкие морщины глубоко бороздили его лицо», «каждая из них была проведена тяжелой заботой или же разъедающей болью». Как писала Клара Цеткин, увиденное горе и

[63] Разработанный 200 учеными и инженерами, он предусматривал строительство за 10 лет 30 крупных электростанций в европейской части страны. Это был первый не только в России, но и во всем мире перспективный план развития экономики. И к началу 1930-х годов он был выполнен.



затаенное страдание было таким, что ей «невольно хотелось сравнить его с образом распятого Христа»[64].

* * *

Молодая советская система помимо воли самого Ленина стремительно делала из него икону, превращала из живого человека в некий эталон, без которого она просто не могла существовать и успешно функционировать. Парадоксально, но эта тенденция не просто уже более не нуждалась в Ленине как живом человеке, но даже всё явственнее тяготилась тем «удручающим» фактом, что он еще оставался в этой жизни, мешал своими нравоучениями о недопустимости сотворения культа. Скоро, однако, это досадное препятствие было устранено: Ленин отошел в вечность, и ничто более уже не мешало достраиванию его культа.

[64] См.: *Пейн Роберт.* Ленин. Жизнь и смерть. М., 2003. С. 543.

III

ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТА СТАЛИНЫМ

1930: «культа бояться не следует»

В 1924 году Ленина не стало, и на сценарий своего 60-летия он уже никак не мог влиять. Но и узурпировать пространство памяти о нем никому сразу не удалось. Страна находилась в условиях, по сути, крестьянской войны, связанной с насильственной коллективизацией и ликвидацией верхнего зажиточного слоя деревни. Обострилась внутрипартийная борьба. Однако стремление к формированию культа ушедшего вождя и наделению его юбилея культовыми чертами, несмотря ни на что, было очевидным.

Толчком к этому стали похороны Ленина. Такого взрыва горя и затянувшегося четырехдневного прощания с ним не ожидал никто. Историческими и беспрецедентными были и решения II Всесоюзного съезда Советов 26 января по увековечиванию имени вождя – переименование Петрограда в Ленинград, объявление каждой годовщины смерти вождя днем национального траура, создание мавзолея, открытие музея Ленина и др. Речь Сталина в Большом театре, выдержанная в форме молитвы-клятвы[65], задала смысл возвеличивания Ленина и, естественно, определила самого его как верховного жреца нового культа. На этом же съезде было объявлено о выборе варианта

[65] «Уходя от нас, – говорил Сталин, – товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!» Далее он призывал всех поклясться «хранить единство партии как зеницу ока», «хранить и укреплять диктатуру пролетариата», «союз рабочих и крестьян», «союз республик», «принципы коммунистического интернационала», «союз трудящихся всего мира». См.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6. С. 46–51.

музеефикации и экспонирования тела в мавзолее. Сталин выдвинул следующий политический довод:

«Вы видели за эти дни паломничество к гробу Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара»[66].

Сменял свое имя город Симбирск. В воскресный день 11 мая 1924 года симбирцы узнали, что президиум ЦИК СССР переименовал их город в Ульянов, а позднее – Ульяновск. Повсюду начали устанавливать памятники вождю революции, а детей называть в честь Ленина: Вилен, Виленин, Виль, Владлен, Арвиль (армия В.И. Ленина). Повсюду в жилищных товариществах организовывались уголки Ленина для пропаганды ленинизма[67].

Внешнее или подлинное почитание?

Мало кто в те дни обратил внимание на обращение Надежды Крупской, выступившей против обожествления Ленина. 30 января в газете «Правда» она писала:

«Товарищи рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки! Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. – всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича – устраивайте ясли,

[66] Там же. С. 51.
[67] См.: *Григорьев Ю.В.* Уголки Ленина в жилищных товариществах. М., 1924.



Первый Мавзолей

детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д., и самое главное – давайте проводить в жизнь его заветы»[68].

Если бы Сталин и его окружение прислушались к Надежде Константиновне, пространство памяти о Ленине выстраивалось бы совершенно по-иному. Однако настойчивые просьбы вдовы не переименовывать Петроград, не мумифицировать тело Ленина и не возводить мавзолей на Красной площади были попросту проигнорированы. Наоборот, после первого деревянного мавзолея архитектора Алексея Щусева в форме куба для прощания, накануне 60-летия

[68] Правда. 1924, 30 января.

Ильича, Политбюро решило, заслушав доклад Авеля Енукидзе, приступить к постройке каменного мавзолея под эгидой ОГПУ[69].

В 1925 году была организована и специальная лаборатория по изучению мозга Ленина, куда на работу был приглашен известный немецкий невролог Оскар Фогт. По проекту Фогта в Германии изготовили «мозгорезательные» аппараты – макротом, расчленяющий мозг на несколько крупных кусков, и микротом, позволяющий сделать множество – до 34 000 – тончайших срезов. И лишь через два года, в 1927 году, Фогт выступил с отчетным докладом, где заявил о явном различии структуры мозга Ленина и обычного человека в пользу вождя. Позднее специалисты расценили это заключение как профанацию, подыгрывавшую властям. Извилины Ленина были совершенно обычные, только пораженные болезнью[70]. В 1928 году ла-

[69] *Абрамов А.С.* У кремлевской стены. М., 1988. С. 8. Отметим, что методы, примененные в процессе бальзамирования, держались в тайне. Было решено использовать мавзолей как правительственную трибуну, мимо которой по праздникам проходили бы демонстрации трудящихся и возле которой устраивались бы различные представления. Все мавзолеи (два временных деревянных и нынешний, облицованный красным порфиром и возведенный в 1929–1930 годах) спроектировал архитектор Алексей Щусев (ранее он был архитектором Синода и теперь сооружал место погребения с учетом традиций православия – тело должно находиться ниже уровня земли). Конструкцию саркофага разработал Константин Мельников. Бальзамированием занимался знаменитый биохимик Илья Збарский, создавший рецепт «бальзамической жидкости», в которую останки до сих пор погружают каждые 18 месяцев. Академик заботился о теле вождя до собственной смерти в 1954 году.

[70] *В.П. Осипов.* Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Из лекции, читанной 14 марта 1924 г. в доме Просвещения им. Плеханова. Врач-психиатр, участвовавший в лечении Ленина, говорил: «Болезнь, которая была у Владимира Ильича, обыкновенно не начинается внезапно, и нужно допустить, что перед началом заболевания, которое относится к марту 1922 года, был некоторый подготовительный период времени, когда она еще не принимала таких размеров, которые бы привлекали внимание окружающих и к которым сам больной отнесся бы с известной серьезностью… Но с марта 1922 года начались такие явления, которые привлекли внимание окружающих… Выразились они в том, что у него появились частые припадки, заключавшиеся в кратковременной потере сознания с онемением правой стороны тела. Это были мимолетные явления: онемеет правая рука, затем движение восстановится. Во время таких припадков начала расстраиваться речь, то есть после припадка наблюдалось, что в течение нескольких минут он не мог свободно выражать свои мысли. Эти припадки повторялись часто, до 2 раз в неделю, но не были слишком продолжительными – от 20 минут до 2 часов, но не свыше 2 часов… С марта 1923 года наступает третий период заболевания, который выражается в тяжелом параличе правых конечностей и в резком поражении речи… Смерть наступила от паралича дыхания и сердца, центры которых находятся в продолговатом мозгу. На следующий день было произведено бальзамиро-

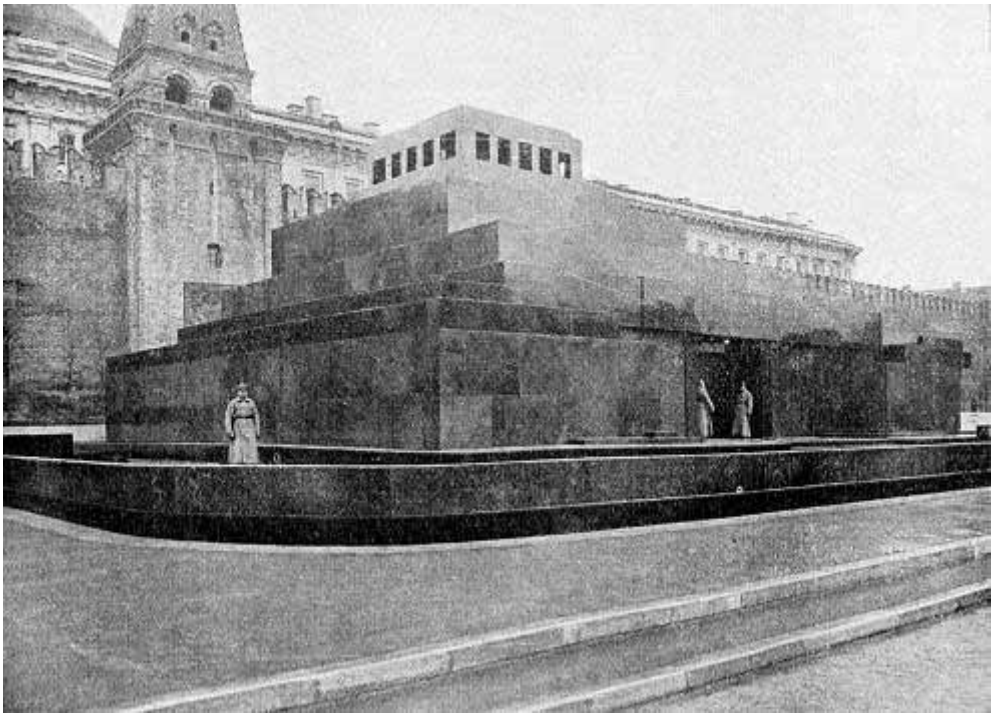
боратория по изучению мозга Ленина была преобразована в Институт мозга.

Решение о сохранении ленинских «мощей» было беспрецедентным. Парадокс заключался в том, что в 1918–1920 гг. повсюду прошла кампания изъятия святых православных мощей, а 25 августа 1920 года Наркомат юстиции РСФСР принял постановление «О мощах», разрешавшее ведение судебных дел в случае «обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты»[71]. Осуждалась и сама идея сохранения и «эксплуатации» в религиозных целях мощей – большевики были активными сторонниками кремации трупов, и лично Ленин подписал декрет о допустимости и предпочтительности кремации покойников. Тогда же Троцкий призвал лидеров революции подать пример, завещав сжечь свои трупы[72]. Троцкий также

вание тела Владимира Ильича. Бальзамирование производится введением в кровеносную систему, через аорту, дезинфицирующей жидкости, которая состоит из спирта, формалина и некоторых примесей. Произведенное вслед за бальзамированием вскрытие обнаружило распространенное заболевание сосудов тела, именно артерий. Оно заключалось в развитии артериосклероза… Естественно, возникает вопрос: почему у человека 53 лет, человека очень умеренной жизни, который не пил и не курил, развивается такой болезненный процесс. Ответ на этот вопрос мы находим в наследственности Владимира Ильича. Его отец умер как раз 53 лет тоже от склероза мозговых сосудов. Мать его, которая умерла значительно позже, под 70 лет, умерла тоже от склероза, но в этом возрасте склероз неудивителен. Наследственное предрасположение отразилось на сыне, у которого развился преждевременный склероз». – См. подробнее: Наша искра. 1925. № 1 (13). С. 9–23. Выдержка из отчета наркома здравоохранения Николая Семашко: «Основой болезни Владимира Ильича считали затвердение стенок сосудов (артериосклероз). Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти. Основная – "внутренняя сонная артерия" – при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости. Отдельные веточки артерий, питающие особенно важные центры движения, речи, в левом полушарии оказались настолько измененными, что представляли собой не трубочки, а шнурки: стенки настолько утолстились, что закрыли совсем просвет. На всем левом полушарии оказались кисты, то есть размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам кровь, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани. Такая же киста констатирована была и в правом полушарии. С такими сосудами мозга жить нельзя». – См.: *Семашко Н.А.* Что дало вскрытие тела Владимира Ильича? // Известия. 1924. 25 января.

[71] *Абрамов А.С.* Указ соч. С. 8.

[72] См.: *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть. Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. С. 266 и др.



Мавзолей В.И. Ленина. Архитектор академик А.В. Щусев. Мавзолей был возведён за 16 месяцев – к октябрю 1930 г.

выступил против постройки «недостойного и оскорбительного для революционного сознания» мавзолея: «Отношение к Ленину как к революционному вождю было подменено отношением к нему как к главе церковной иерархии»[73]. Среди старых большевиков были сильны атеистические, антицерковные настроения, в том числе в вопросах проводов человека в последний путь[74]. Против саркофага

[73] См.: *Панченко А.А., Панченко А.М.* Осьмое чудо света // Канун. Вып. 2. СПб., 1996. С. 169; См. также: *Коновалова Ж.Ф.* Миф в советской истории и культуре. СПб., 1998. С. 63–75.

[74] Отметим в связи с этим, что вышло специальное разъяснение патриарха Тихона о том, что надо отслужить по рабу божию Ульянову молебен, проститься по-христиански. Патриарх написал письмо, что он лично Владимира Ульянова не знал и политически во взглядах с ним расходился, но тот, по мнению людей, его знавших, был истинным христианином. Синод выпустил пространный некролог.



Орден Ленина. Учреждён постановлением Президиума ЦИК СССР 6 апреля, а его статут – 5 мая 1930 года

были Климент Ворошилов, Михаил Ольминский, Христиан Раковский и др.

Идея такого способа увековечивания подвергалась критике в различных слоях общества. К примеру, на заочном «митинге» читателей, устроенном «Крестьянской газетой» в 1927 году, читатель Поляков из Калужской области спросил: «А что, разве нет новой советской религии? Есть. И мощи есть, или, вернее, существует новое идолопоклонство». Автор письма уточнял, что под мощами

подразумевается мавзолей Ленина и под идолопоклонством – огромное количество новых памятников. А в заключение предлагал: «Лучше бы на затраченные на это средства у нескольких десятков человек ликвидировать неграмотность. Это было бы лучшим памятником Ленину и притом же шагом по пути к строительству социализма»[75]. Подобные настроения фиксировались в закрытых партийных письмах и сводках ОГПУ.

Сразу после смерти Ленина вокруг истории революции и её центральных фигур развернулась нешуточная борьба. К концу 1920-х годов критике был подвергнут Зиновьев и его книга «Ленинизм», Троцкий с «Уроками Октября». Чекисты вели охоту за молодыми активистами с рабочих окраин, выходившими по вечерам с самодельными плакатами «Назад к Ленину», «Выполним завещание Ленина». Для этих рабочих Ленин ещё был не мифической фигурой и не названием города революции – Ленинграда, а мерилом верности принципам Октября. Стоило «Комсомольской правде» (июль 1929 г.) в статье Лазаря Шацкина «О партийной обывательщине» поставить под сомнение идею мавзолея, как тут же Политбюро ЦК признало это выступление «грубой политической ошибкой» с соответствующими оргвыводами[76].

Парадоксы первой волны воспоминаний

Кроме нового внушительного мавзолея, открытого в 1930 году и ставшего центральным символом нового пространства памяти, значительную роль в наполнении этого пространства неожиданными фактами и подробностями играли воспоминания членов семьи Ленина и его близкого окружения. Кроме того, в 1923 году ЦК РКП(б) обратился ко всем, кто встречался с Ульяновым-Лениным прислать в Истпарт свои воспоминания. Сразу же поступило до-

[75] См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 30. Ч. 1. Л. 410–410 об.
[76] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 750. Л. 3–4.

вольно много рукописей, даже тех, кто никогда с ним не был знаком. Крупская сердилась: «Я категорически против всяческих сказок о Ленине, считаю их неуважением к памяти Ленина»[77]. Анна и Мария Ульяновы старались уважительно отнестись к большинству авторов воспоминаний и в то же время тактично советовали избегать надуманных, а подчас и мифических моментов. В 1925 году старшая сестра Анна выступила, к примеру, против попыток представить брата борцом за социальное освобождение с самого нежного возраста:

> «Сообщаются такие неверные сведения, как то, что Илья Николаевич часто дебатировал на революционные темы, что тон задавал Александр, а Владимир часто очень удачно принимал участие в спорах. Владимиру Ильичу было всего 15 лет… Как он мог принимать, да еще удачно, участие в таких спорах? Да и вообще они в нашем доме не велись»[78].

Позже она напомнила, что Владимир читал не Маркса, а Тургенева[79]. Однако младшая сестра Мария распространяла другую спрямленную версию. На одном из митингов по случаю смерти Ленина она сказала:

> «Весной 1887 года мы получили известие о казни старшего брата. Особенно запечатлелось мне выражение лица Владимира Ильича в эту минуту, когда он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». И вот с тех пор он стал подготовлять себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения России от ига царя и капитала»[80].

---

[77] См.: *Поддубная Р.П.* Роль экспозиции и тематических выставок мемориальных музеев в достоверном освещении биографии В.И. Ленина // Историческая истина и «момент гипотетичности» в мемориальном музее. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию Дома-музея В.И. Ленина в г. Самаре. Самара, 21–22 декабря 1999 г. Самара, 2001. С. 4–19.

[78] *Елизарова А.И.* К годовщине смерти Ленина // Пролетарская революция. 1925. № 4 (39). С. 247.

[79] *Елизарова А.И.* Воспоминания об А.И. Ульянове // Пролетарская революция. 1927. № 2–3 (61–62). С. 287.

[80] Цит. по: *Иванский А.И.* Молодые годы В.И. Ленина. 2-е изд. М., 1958. С. 237.



Марки стандартного набора. 1929 г.

Все это потом тиражировалось в литературе и стало хрестоматийным. Но ведь Марии в 1887 году было всего девять лет, как она могла запомнить это?

Старшая сестра Анна представила тогда и реальный характер отношений между Александром и Владимиром. Она рассказала об одном своем разговоре с Александром осенью 1886 года в Петербурге:

> ««Как тебе нравится наш Володя?» – И он ответил: «Несомненно, человек очень способный, но мы с ним не сходимся», или даже «совсем не сходимся» – этого оттенка я уже точно не помню, но помню, что сказано было очень решительно и определенно. «Почему?» – спросила я, конечно. Но Саша не пожелал объяснять. «Так», – сказал он только, предоставив мне догадываться самой. Я объяснила это себе тем, что Саше не нравились те черты характера Володи, которые резали, но, очевидно, слабее, и меня: его большая насмешливость, дерзость, заносчивость – главным образом, когда они проявлялись по отношению к матери, которой тоже он стал отвечать порой так резко, как не позволял себе при отце… Я этим объясняю такое решительное

заявление Саши, поразившее меня, хотя различие натур обоих братьев выделялось уже с детства, и близкими друг другу они никогда не были»[81].

Известен случай, когда братья поссорились из-за грубости Владимира по отношению к матери[82].

Спрямление биографии, желание ускорить рождение революционных наклонностей были не такими уж и безобидными. Получалось, что Ленин сразу начал с Маркса и не было на него никаких иных влияний, не надо было проделывать серьезную умственную работу, чтобы изучить и понять особенности России, достаточно было просто применить к ней марксистский подход.

В предъюбилейном году в журнале «Новый мир» впервые были опубликованы воспоминания Владимира Бонч-Бруевича о покушении на Ленина 1 января 1918 года фронтовых офицеров, поверивших в то, что Ленин немецкий шпион и что он губит Россию. Из этой публикации можно было узнать о судьбе участников покушения. Автор писал:

«По логике вещей, все главные виновники покушения, конечно, должны были быть немедленно расстреляны, но в революционное время действительность и логика вещей делают огромные, совершенно неожиданные зигзаги… Когда следствие было уже закончено, вдруг я получил депешу из Пскова, что немцы перешли из пассивного состояния, двинулись в наступление… Как только Владимиром Ильичем было распубликовано его воззвание «Социалистическое отечество в опасности», из арестных комнат Смольного пришли письма покушавшихся на жизнь Владимира Ильича, просивших отправить их на фронт на броневиках для авангардных боев с наседавшим противником. Я доложил об этих письмах Владимиру Ильичу, и он, всегда забывавший о себе, наложил резолюцию: «Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт». И вот те, кто еще вчера были у нас под следствием и сидели арестованными, ожидая расстрела, сде-

[81] *Елизарова А.И.* Воспоминания об А.И. Ульянове. С. 285–286.
[82] Там же. С. 285.

лались нашими ревностными сотрудниками и из всех сил спешили оборудовать первые бронепоезда, дабы броситься в головной группе в атаку на немцев. И они хорошо выполнили возложенное на них. Двое из них и по сие время работают на советской службе. Один, кроме того, литературствует, и от него мы ждем дальнейшего рассказа о всем этом событии. Третий уехал за границу и там белогвардейски беззубо шипит, обнаружив все свое гаденькое нутро»[83].

Расширяли представления о Ленине как личности и политике его политические оппоненты. Александр Потресов, один из лидеров меньшевизма, с большим трудом эмигрировавший из Советской России в 1925 году и отрицательно воспринимавший деятельность Ленина как руководителя большевистского государства, в очерке о нем (1927 г.) рассказывал:

«Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личности, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по-видимому, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным. Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо-таки гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними. Плеханова – почитали, Мартова – любили. Но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным, бесспорным вождём. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело с не меньшей верой в себя»[84].

Потресов считал, что социал-демократия преобразовалась в коммунистическую бюрократию советской деспотии и в авантюристов Коминтерна и называл Ленина роковым человеком для России,

[83] *Бонч-Бруевич В.Д.* Из воспоминаний о В.И. Ленине // Новый мир. 1929. № 1. С. 203–215.

[84] Цит. по: *Потресов А.Н.* 1869–1934. Из неоконченных воспоминаний, Ленин и Опыт литературно-политической биографии Б.И. Николаевского. Париж, 1937. С. 201.



Бюст Ленина. Терракота. Гжель. 1930 г.

будущее которой рисовалось ему мрачным, но крах режима он считал неизбежным. Этой же оценки придерживался и Пётр Струве, который вскоре после смерти вождя объяснял, почему он разошелся с Лениным:

> «Ленин был абсолютно аморалистом в политике, и потому ему было легко быть таким превосходным и успешным тактиком. Политико-психологической комбинации революционера с тактиком соответствовал и личный психологический тип Ленина. Это была смесь палача с лукавцем. То, что в Ленине всегда отталкивало тех людей, которые когда-то были его единомышленниками в главном и основном, была именно эта ужасная смесь»[85].

[85] Цит. по: *Белов С.В.* История одной «дружбы» (В.И. Ленин и П.Б. Струве). СПб., 2005. См. также: Политики и писатели Запада и Востока о В.И. Ленине / Под ред. Вл. Виленского (Сибирякова). М., 1924.

«Вульгарный ленинизм»

Во второй половине 20-х годов еще сохранялась возможность сделать акцент не на мифологизации и возвеличивании вождя, а на серьезном научном изучении его жизни и судьбы, его теоретических взглядов. После решения XIII съезда партии (май 1924 года) состоялось официальное открытие Института В.И. Ленина, а к его открытию делегаты съезда могли познакомиться с небольшим еще музеем, который пополнился такими ценными предметами, как обстановка комнаты, в которой жил Владимир Ильич в ссылке, принадлежности шалаша, в котором он скрывался, а также выставкой рукописей и печатных изданий[86]. В резолюции съезда указывалось, что институт должен явиться «базой изучения и распространения ленинизма среди широких партийных и беспартийных масс», то есть верх взял не классический подход к организации музея, доминировала точка зрения, что музей должен стать «новым типом памятника», не пассивным хранилищем памяти усопшего, а активным проводником пролетарской идеологии и пропаганды. Сначала музей существовал при Музее революции. С переездом Института Ленина в новое здание вместе с ним туда, на Большую Дмитровку, переместился и музей. В конце 1920-х годов начался трудный процесс слияния Института Ленина с Истпартом, и музей был определен как его отдел.

Крайне важной для пространства истории, а не памяти имела подготовка собрания сочинений Ленина, но уже с первого издания сочинений в 20-ти томах в 1920–1927 гг., а затем второго и третьего – в 30-ти томах с 1925 по 1932 гг. – в предисловиях к томам и комментариях наблюдалось манипулирование ленинскими высказываниям. Поскольку эти первые издания были неполными (поиск рукописей и периодических изданий, создание каталогов только начинались), ряд ленинских работ, еще не преданных огласке, становился весомым аргументом в политической борьбе. Речь шла не только о статьях

[86] Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 34.

Ленина, но и о письмах, с которыми не так скоро, как хотелось бы Институту Ленина, расставались их обладатели[87].

Весьма часто документы публиковались не в периодической печати, а использовались сначала прямо в ходе партийных форумов (съездов, пленумов ЦК), являвшихся основными аренами внутрипартийной борьбы. К примеру, документ, разоблачавший «извращения» Бухариным марксистско-ленинского учения о государстве (рукопись Ленина, относящаяся к 1916–1917 гг.) впервые был использован, а потом обнародован Сталиным в его речи «О правом уклоне в ВКП(б)» на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 года. Для борьбы с группой Бухарина большое значение имело опубликование в XI «Ленинском сборнике» (1929 г.) замечаний Ленина на книгу «Экономика переходного периода», в которых Ленин резко критиковал Бухарина[88]. Нередко по политическим мотивам даже если ленинский документ публиковался, то порой он давался в неадекватном по сравнению с первоисточником виде.

Эта проблема впервые была поднята С.Н. Валком, опубликовавшим в 1925 году «Проект правил издания трудов В.И. Ленина». Любопытно, что, говоря о воспроизведении ленинских текстов, Валк, с одной стороны, призывал полностью печатать в тексте издания все редакции документа, с другой – допускал возможность «редакционных пропусков», которые делаются «вследствие неразборчивости текста, либо по усмотрению редакции»; в этом случае «в сноске указывается количество пропущенных слов»[89]. Таким образом, уже в 1920-е годы допускалась возможность если не редактировать ленинские тексты, то опускать некоторые участки текста. Но если для первого издания сочинений Ленина ещё сохранялись правила науч-

[87] См. подробнее: *Распутин И.С.* Из истории публикации ленинских работ в контексте политической борьбы в СССР (1920–1980-е гг.) // Сборник статей по итогам третьей научной историко-культурной конференции «В.И. Ленин. История. Память. Современность», состоявшейся 21 апреля 2017 г. в музее «Шалаш». СПб., 2017; *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1921–1956. М., 2010. С. 115–117.

[88] См. подробнее: *Зеленов М.В.* Партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем в 1924–1937 годах // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 4.

[89] Проект правил издания трудов В.И. Ленина. Сост. С.Н. Валк. М.–Л., 1926. С. 24.

ной добросовестности, то в дальнейшем ситуация изменилась. К примеру, в речи на заседании Петросовета 12 марта 1919 года (в дни проведения конгресса Коминтерна) Ленин указывал: «Дело строительства целиком зависит от того, как скоро победит революция в важнейших странах Европы. Только после такой победы мы сможем серьёзно приняться за дело строительства»[90]. Однако в последующих собраниях сочинений мы этого не найдем.

После смерти Ленина Центральный Комитет партии поручил его старшей сестре исследование истории семьи Ульяновых. А.И. Ульянова-Елизарова возглавила созданный в Истпарте Ленинский отдел, который направил запросов в архивы Ленинграда и Казани с просьбой выявить документы об отце Ленина, Илье Николаевиче Ульянове, и деде по материнской линии – Александре Дмитриевиче Бланке. Из подлинников обнаруженных документов следовало, что дед Ленина, Александр Бланк, принял святое крещение в 1820 году в Санкт-Петербурге, а до 1818 года был записан за мещанским еврейским обществом города Староконстантинова Волынской губернии под именем Израиль. Однако этот факт, по свидетельству Анны Ильиничны, был признан тогда, при открытии этих документов, неудобным для разглашения. В институте было решено не публиковать и вообще держать этот факт в секрете[91]. В опубликованном в 1925 году сборнике «Материалы к биографии В.И Ленина», составленном А.Я. Аросевым и посвященном отцу Ленина, на основании выявленной в астраханском архиве метрической записи сообщалось, что Илья Николаевич Ульянов «родился от мещанина Астраханской губернии Николая Васильевича Ульянова и мещанки Анны Алексеевой». Был также пересказан послужной список И.Н. Ульянова, который позволял проследить, каким образом представитель подат-

[90] *Ленин В.И.* Сочинения. Изд. 3-е. Т. XXIV. С. 33.

[91] См.: «Вы… распорядились молчать… абсолютно…» (Неизвестные письма А.И. Елизаровой-Ульяновой И.В. Сталину и набросок статьи М.И. Ульяновой о выявленных документах по их родословной) / Публ. Е.Е. Кирилловой, В.Н. Шепелева // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 77–78; См. также: *Гусляров Е.Н.* Ленин в жизни. Систематический свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М., 2004. С. 23–25.

ного состояния изменил свой социальный статус[92]. О матери Ленина в сборнике было сказано следующее: отец – штаб-лекарь Александр Дмитриевич Бланк, сын мещанина Староконстантиновского уезда Волынской губернии, поименно назывались его дети, а также сообщалось, что мать Марии Александровны умерла вскоре после рождения последнего ребенка и сведений о ней никаких не имеется[93].

Судя по умолчаниям и выборочным фактам, власть пыталась представить биографию культурного героя в новом пространстве памяти как человека простонародного происхождения, как борца за крестьянскую свободу. Поэтому А.Я. Аросев, выступая в Доме печати, неслучайно высказал предположение о возможном происхождении рода Ульяновых от сподвижника Емельяна Пугачева – некоего Ильи Ульянова[94]. Здесь надо учитывать и контекст обострившейся внутрипартийной борьбы против Троцкого, Зиновьева, Каменева, сопровождавшейся, как показывают сводки ОГПУ за 1926 год, такими высказываниями даже среди коммунистов: «тактика соввласти была правильна во время жизни т. Ленина, а после его смерти жиды все прибрали к своим рукам и крутят нашим братом, как хотят»; «Ленин был свой, русский человек, кто же будет теперь?»»[95].

В 1929 году Институт Ленина принимает решение установить правило, чтобы никакие работы по биографии Ленина не могли выходить без его ведома и согласия, а в юбилейный 1930 год были изъяты подлинники выявленных в 1920-е годы в архивах документов о происхождении А.Д. Бланка. После юбилея, в 1932 году, А.И. Ульянова-Елизарова написала Сталину: «Исследование о происхождении деда показало, что он происходил из бедной еврейской семьи, был, как говорится в документе о его крещении, сыном житомирского мещанина – Мошки Бланка». Сестра Ленина считала,

[92] *Аросев А.* Материалы к биографии В.И. Ленина. М., 1925. С. 5–12.

[93] Впервые о немецком происхождении матери Марии Александровны Ульяновой было сообщено в книге В. Алексеева и А. Швера «Семья Ульяновых в Симбирске. 1869–1887», изданной в Ленинграде в 1925 году под редакцией А.И. Ульяновой-Елизаровой.

[94] См.: Московский пролетарий. 1925. № 3. С. 4–5.

[95] См.: Монархия погибла, а антисемитизм остался. Документы Информационного отдела ОПТУ 1920-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. С. 345, 351.

что со стороны ЦК правильно было бы оповестить партию об этом факте тотчас, как он стал известен. Анна Ильинична приводила Сталину главный аргумент: «Антисемитизм у нас проявляется опять сильнее, даже среди коммунистов». Она считала, что «вряд ли правильно скрывать от масс этот факт, который вследствие уважения, которым пользуется среди них Владимир Ильич, может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом, а повредить ничему не может»[96]. В ответ на это письмо Сталин не напрямую, а через младшую сестру Ленина, Марию Ильиничну, ставшую его доверенным лицом, передал распоряжение: «Молчать… абсолютно»[97].

Таким образом, наряду с манипулированием ленинским творческим наследием прерывалось и научное исследование родословной Ленина, в частности, ответы на вопросы: как бедный еврейский мальчик покинул черту оседлости и нашел в Петербурге покровительство высоких царских чиновников, каким образом в России середины XIX века крещеный еврей получил потомственное дворянство? Всё это теперь попадало в зону антипамяти.

В пространстве же истории на Западе наоборот развернулась дискуссия о «русских корнях ленинизма», инициатором которой были меньшевики. Признавая, что Ленин представил «марксистский синтез» русского революционного прошлого, они большей частью одновременно считали справедливым признание родства ленинизма с якобинством[98]. Однако изучение Ленина осложнялось начавшимся его обожествлением. Василий Шульгин в своей книге «Три столицы» написал, что Владимира Ульянова «под именем Ленина сделали далай-ламой, бесповоротно установив учение о ленинской непогрешимости с такой яркостью, что сам папа мог бы позавидовать! Тут совершилось то, против чего предупреждает вторая заповедь, гласящая, «не сотвори себе кумира»… Союз Со-

[96] «Вы… распорядились молчать… абсолютно…». С. 77–78.
[97] Там же. С. 78.
[98] *Мицкевич С.* Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6–7; *Горев Б.* Российские корни ленинизма // Под знаменем марксизма. 1924. № 2; *Батурин Н.* О наследстве «русских якобинцев» // Пролетарская революция. 1924. № 7; *Мицкевич С.* К вопросу о корнях большевизма // Каторга и ссылка. 1925. № 3 и др.

ветских Социалистических Республик сейчас страна типичного идолопоклонства…»[99].

Контрастным событием в спорах о ленинизме стала публикация самобытной работы крупного венгерского философа Георга Лукача «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей», написанной в Вене сразу после смерти Ленина[100]. Читатель не обнаруживал здесь каких-либо новых фактов из жизни Ленина, каких-либо отрицательных или положительных оценок его. Но в то же время она была посвящена его феномену, вернее, источникам той силы, которая формировала современный мир, воссозданию внутренней взаимосвязи политической мысли Ленина, интеллектуальным характеристикам ленинизма. Фундаментальная установка, которой руководствовался Лукач, заключалась в следующем:

> «Его теоретическая мощь основывалась на том, что любую категорию, сколь бы абстрактно-философской она ни была, Ленин рассматривал с точки зрения её действенности в рамках человеческой практики и одновременно на том, что при осуществлении любой акции, в основе которой лежит конкретный анализ данной конкретной ситуации, он ставит этот анализ в органичную диалектическую взаимосвязь с принципами марксизма. Таким образом, в строгом смысле слова, Ленин не является ни теоретиком, ни практиком, а глубоким мыслителем практики, страстным поборником претворения теории в практику»[101].

Но в самой этой установке отчетливо прочитывался временной контекст. Лукач, возможно, первым осознал формирование «вульгарного ленинизма», который желает в решениях Ленина найти «повсеместно применимые «рецепты» и «предписания» правильных действий»[102]. Он пытался объяснить ревнителям чистоты и неприкосновенности ленинизма, что, возрождая марксизм, освобождая его

---

[99] Цит. по: *Шульгин В.В.* Три столицы. М., 1990. С. 89.

[100] См.: *Лукач Д.* Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. Пер. с нем. М., 1990.

[101] Цит. по: Коммунист. 1987. № 1. С. 32.

[102] Там же. С. 125.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 11 (262). 20 апреля 1930 г. (13-й год пролетарской революции)

ЛИЦО ЛЕНИНА

Снимки Владимира Ильича Ленина в разные периоды жизни. 22-го апреля исполняется 60 лет со дня рождения Владимира Ильича

Журнал «Огонёк». № 11. 20 апреля 1930 г.

от вульгаризаторских пошлостей, Ленин осуществил не филологическое восстановление первоначального учения и не философскую систематизацию его подлинных принципов. Как и во всем остальном, он осуществил его дальнейшее развитие в область конкретного, его конкретизацию – в область актуально-практического[103]. В зиновьевско-сталинском толковании лозунга пропаганды ленинизма Лукач увидел начало того процесса, который в конечном итоге приведет к превращению «вульгарного ленинизма» в сталинизм. И Лукач многократно повторял, что продвижение по пути к сталинизму может оказаться плодотворным лишь только в том случае, если коммунисты отнесутся к Ленину так же, как сам Ленин относился к Марксу.

К 60-летнему юбилею в США вышла книга известного историка-эмигранта Г.В. Вернадского «Ленин – красный диктатор». В ней впервые на уровне исследования был поднят вопрос о «немецком золоте» и опубликован отчет французского детективного бюро «Бинт и Самбин» управляющему зарубежным представительством российского Департамента полиции о том, что 28 декабря 1916 года Ленин приехал в Берн, «вошел в здание германского посольства и оставался там до следующего дня, после чего вернулся в Цюрих». Источник указан не был[104]. Однако согласно Биографической хронике В.И. Ленина, 28 декабря он провел не в германском посольстве в Берне, а в цюрихском полицейском управлении, где оформлял продление срока своего пребывания в Цюрихе[105].

Несмотря на это в западной историографии наметилась тема, которая будет «разрабатываться» на протяжении всех последующих десятилетий. Сразу же после шестидесятилетия, теперь уже в Германии, была обозначена и другая тема, породившая впоследствии массу спекуляций и домыслов. Фашистская пропаганда заимствовала у черносотенцев и в 1931 году распечатала массовым тиражом

[103] Там же. С. 103.

[104] Книга Г.В. Вернадского под тем же названием вышла на русском языке в 1998 году. См.: С. 135.

[105] Биографическая хроника В.И. Ленина. Т. 3. М., 1972. С. 583.

листовку НСДАП «Могильщики России». На листовке изображалась антисемитская карикатура на Ленина, руководителей ВКП(б) и Коминтерна, а в тексте утверждалось, что Ульянов – фамилия русского отчима Ленина, еврейкой была и Н.К. Крупская[106].

Воскрешение вождя

Противоречиво, с учетом политической конъюнктуры развивалась и художественная лениниана. Показательным примером этого стала самоцензура Горького при подготовке нового издания брошюры «В.И. Ленин». Вышедшее накануне 60-летия вождя, оно подверглось заметным исправлениям по сравнению с первым изданием 1924 года. К примеру, в издание 1929 года Горький внес следующий пассаж о Троцком:

> «Помолчав, Ленин добавил потише и невесело: «А все-таки не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то нехорошее, от Лассаля»».

Но при этом были исключены фразы о Ленине как тиране и количестве жертв революции:

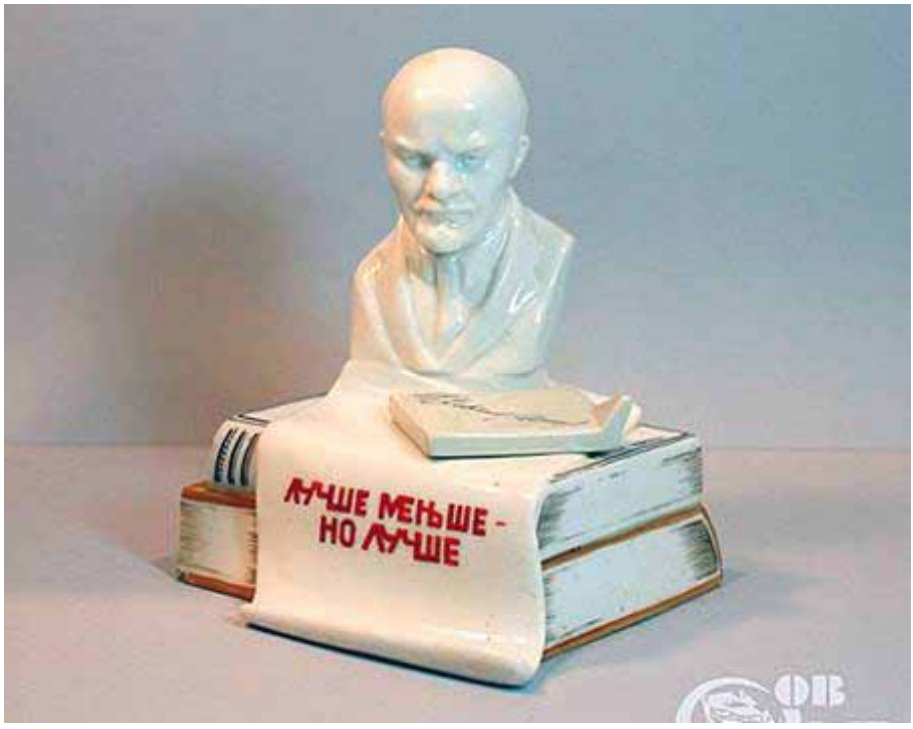
> «Должность честных вождей народа – нечеловечески трудна. Невозможен вождь, который – в той или иной степени – не был тираном. Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уоте Тайлере, Фоме Мюнцере, Гарибальди. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее»[107].

Еще в 1924 году Горький писал:

> «В 1917–1921 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы видеть их, но они не могли быть иными. Он – политик. Он в совершенстве владел и обладал тою, искусственно,

[106] На проходившей в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве 4 марта – 30 июня 1996 г. выставке «Берлин–Москва. 1900–1950» посетители могли познакомиться с одним из образцов этой листовки.

[107] *Максим Горький.* Ленин. (Личные воспоминания). М., 1924. С. 7.



Фарфоровая чернильница. Автор – Н.Я. Данько. Фарфоровый завод имени М.В. Ломоносова. 1925–1930 гг.

но четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия. У меня же – органическое отвращение к политике… Для большей ясности скажу, что основным препятствием на пути России к европеизации и культуре является факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства… С коммунистами я расхожусь по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией».

В 1929 году все эти рассуждения были изложены короче и с таким комментарием: «Эту страницу моих воспоминания следовало бы вычеркнуть». Но – «написано пером – не вырубишь топором».

Исключена из издания 1929 года была и следующая фраза из рассуждений Ленина:

> «Умных – жалею. Умников мало у нас. Мы – народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови».

Из приведенного теста была исключена последняя фраза.

Конечно, накануне 60-летия Ленина никто не посмел вспомнить реакцию Троцкого на горьковскую характеристику Ленина в статье, опубликованной 7 октября 1924 года и названной так: «Вернее и фальшивее о Ленине». Кстати, большинство оппонентов Троцкого, как ни странно, поддержали его оценки, в частности, о «банальном психологизме», «мещанском морализировании», о приравнивании Ленина к «праведнику». Особенный протест вызвали слова о том, что для Горького «Ленин – герой легенды, человек, который вырвал из груди свое горящее сердце, чтобы огнем его осветить людям путь». Троцкий тогда писал:

> «В фигуре Ленина нет ничего из оперы и еще меньше – от цыганской романтики. Ленин – симбирский, питерский, московский, всесветный – суровый реалист, профессиональный революционер, разрушитель романтики, ложной театральности, революционной цыганщины, никак уж не приходится герою Данко сродни. Кому нужны образцы революционных цыганских романсов, тот ищи их в истории партии социалистов-революционеров»[108].

Примечательно, что эту и другие критикуемые Троцким фразы Горький исключил из второго юбилейного издания своей брошюры. Проехался Троцкий и по горьковской, ставшей хрестоматийной оценке Ленина – «прост и прям». В связи с этим он вспомнил выражение Бабеля «сложная кривая ленинской прямой» и подчеркнул:

> «Кто прост и прям, тот прёт к цели, а Ленин шел и вел к цели, всегда к одной и той же, сложными, иногда очень обходными путями.

[108] *Троцкий Лев.* Вернее и фальшивее о Ленине. Мысли по поводу горьковской характеристики // Правда. 1924. 7 октября.

Наконец, такое сочетание, как «прост и прям», совсем не передает несравненного ленинского лукавства, его искрометной сметки, его виртуозного пристрастия к тому, чтобы подставить недругу ножку или иначе заманить его в капкан»[109].

В результате не революционного, а обывательски-морализирующего подхода, продолжал свой разбор Троцкий, целостный ленинский образ оказывается у Горького расколотым, особенно когда Горький переходит к политике. Троцкий счел фальшивыми и даже клеветническими фразы, что Ленин – «человек изумительно сильной воли, он был во всем остальном типичным русским интеллигентом», «в высшей степени обладал качеством, свойственным лучшей русской интеллигенции – самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до рахметовских гвоздей», что героизм вождя – «это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента, искренне верующего в возможность на земле справедливости». Конечно, Ленин впитал в себя традицию революционного интеллигентского радикализма, но он преодолел ее, и только с этого момента стал Лениным:

««Типичный» русский интеллигент ужасающе ограничен, а Ленин есть преодоление всякой ограниченности, и прежде всего интеллигентской. Если верно, что Ленин воплощает вековую революционную традицию интеллигенции, то еще вернее, что он воплощает многовековый напор крестьянской стихии; в нем живет русский мужик с его ненавистью к барству, с его расчетливостью, хозяйственностью и сметкой… В Ленине, наконец, и это крепче всего, воплощен дух молодого русского пролетариата, и не видеть его, а видеть интеллигента, значит, ничего не видеть».

В новом издании Горький многое из приведенных фраз выбросил, «типичный интеллигент» заменен словами о качествах, свойственных «лучшей революционной интеллигенции», но оставлены

[109] Там же.



Ленин и Горький. Худ. А.И. Зыков. 1970-е гг.

слова о «самоистязании», «самоуродовании», «рахметовских гвоздях». Основной чертой ленинского характера Горький назвал «воинствующий оптимизм». И прибавил: «Это была в нем нерусская черта». На это Троцкий резко возразил:

> «Вот так-так… Талант водить вошь на аркане есть, правда, бесспорно русский талант, но благодарение диалектике, не вечный и неизменный… Октябрь был бы невозможен, Алексей Максимович, если в русском человеке уже задолго до Октября не зажегся огонь нового характера… А партия большевиков, разрешите спросить, русское явление или, может быть, голландское? Большевистская партия есть отбор этой новой России, а Ленин величайший ее отборщик и воспитатель»[110].

[110] Там же.

В юбилейном издании Горький снял слова о нерусских чертах Ленина. Наоборот, подчеркивалось, что Ленин «был русский человек».

В отличие от публицистики в поэзии тон на долгие десятилетия задали «Владимир Ильич Ленин» (1924 г.) и «Разговор с товарищем Лениным» (1929 г.) Владимира Маяковского. На миф о земном вожде был перенесен библейский сюжет боговоплощения. Устремление поэта: «Я себя под Лениным чищу», – знаменовало движение навстречу вечности, вхождение в сферу неисчерпаемой энергии того, кто «живее всех живых». Плодами сращивания «партии и Ленина – близнецов-братьев» в мифологической модели мыслились будущее превозмогание смерти в «бессмертии нашего дела», прорыв за пределы автономного существования, ибо отныне «каждый камень Ленина знает», «в каждом – Ильич», а путь «найдешь по крови из ран Ильича»[111].

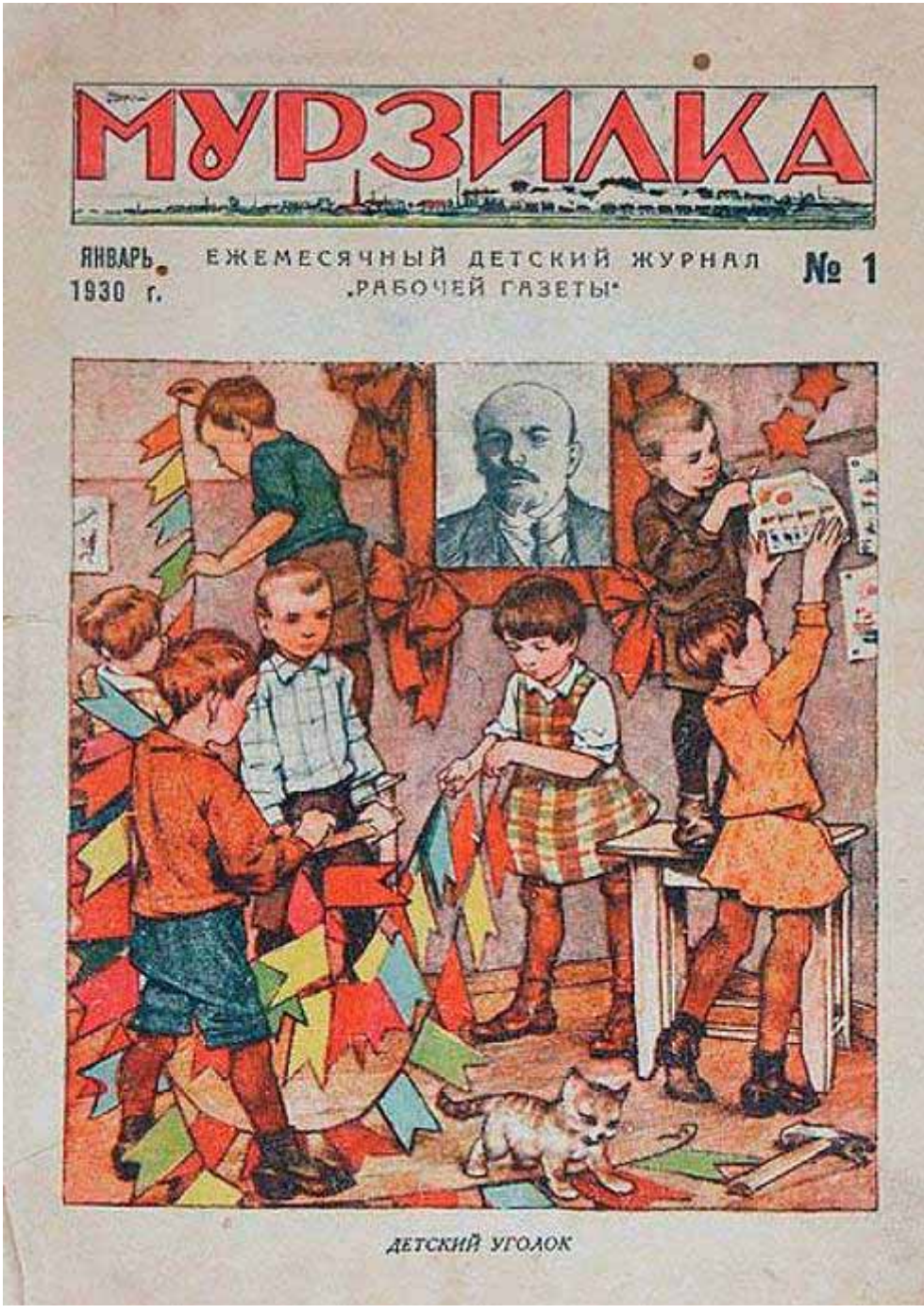
«Где революция – там место футуриста / Рядом с «Левым фронтом» Маяковского», – писал Борис Пастернак. Впервые услышав Ленина в Большом театре в 1922 году, в поэме «Высокая болезнь» в 1928 году он создал апологетический портрет Ленина. Именно в ней прозвучали знаменитые строки: «Он управлял теченьем мыслей / И только потому – страной», – а также поразительное пророчество, которое долгое время при переизданиях вымарывалось:

Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход[112].

Создавалась и детская лениниана, которая сопутствовала становлению пионерской организации имени В.И. Ленина и получила прописку в пионерских журналах «Барабан» и «Пионер», а также в возобновленном в 1924 году журнале «Мурзилка». С 1925 года наиболее

[111] См.: *Ничипоров И.Б.* Эволюция «человекобожеской» концепции в поэмах В. Маяковского // Текст в художественной литературе, публицистике и журналистике: Материалы XIX Шешуковских чтений / Под ред. Л.А. Трубиной. М., 2014. С. 172–181.

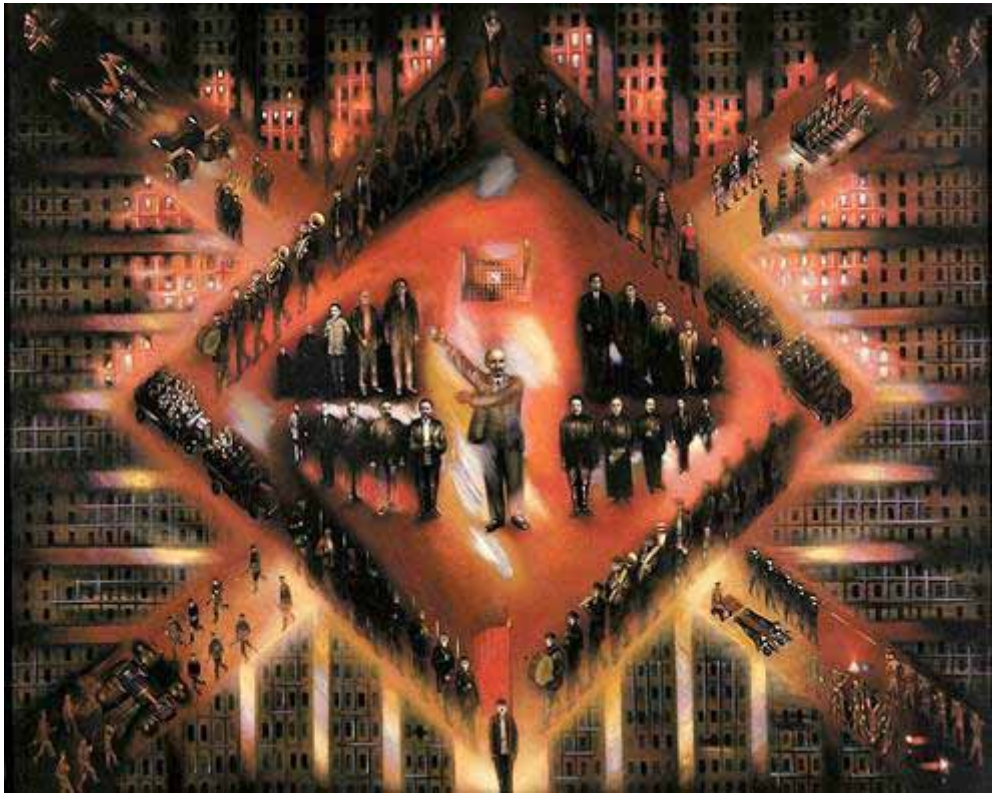
[112] Глубокий анализ поэмы см.: *Быков Дмитрий.* Борис Пастернак. М., 2016. Глава XII. 1923–1928. «Высокая болезнь». Хроника мутного времени.



Журнал «Мурзилка». Январь 1930 г.

популярной книгой детской ленинианы стала тоненькая брошюра «Детские и школьные годы Ильича», написанная старшей сестрой Ленина Анной Ильиничной Ульяновой. В ней будущий вождь революции представал бойким малышом, любителем шумных игр и беготни. Из этой книжки можно было узнать о том, что маленький Володя поздно научился ходить и иногда хлопался головой об пол (да так, что мать боялась, как бы он не стал дурачком), как он лазил по деревьям и катался на коньках, играл в крокет и командовал младшей сестрой Олей, загоняя ее под диван. Книжка Ульяновой (во всяком случае – ее пятое издание, вышедшее в 1931 году совместно в ОГИЗе и «Молодой гвардии») была проиллюстрирована знаменитыми впоследствии фотографиями Володи-ребенка, семьи Ульяновых и Володи-гимназиста.

К образу вождя обращались и известные художники. Кроме хорошо известных картин, Ленина писали и авангардисты, видевшие его живым. Однако лишь недавно они стали известны зрителю. Знаковая работа этого ряда «Восстание» (1925) Климента Редько теперь представлена в постоянной экспозиции Третьяковки. Изображение вождя здесь совсем крошечное, но находится в центре огромного ромба – «улицы», по которой шагают духовые оркестры и вооруженные люди, едут военные машины. Вокруг ромба на заднем плане – одинаковые ячейки, напоминающие окна безликих многоэтажек. Ильич, управляющий, наподобие регулировщика, людскими массами, окружен соратниками. Ближе всего Троцкий, Сталин лишь третий в верхнем ряду. Именно по этой причине у «Восстания» не было шансов на массовое тиражирование. Да и сам образ Ленина не столько торжественный, сколько пугающий: огненно-красные всполохи создают ощущение отнюдь не праздничной демонстрации. Быть может, это ад? Но Редько не имел в виду ничего подобного. Напротив, он изобразил вокруг головы Ленина свечение, подобное нимбу. Но это как раз тот случай, когда художник неосознанно создал правдивый образ эпохи. Люди здесь лишь винтики в жуткой машине революции. И Ленин на самом деле один из них. В собрании



Восстание. Худ. Е.Н. Редько. 1925 г.

Третьяковки находится теперь и работа «Приезд Ленина в Петроград» (1930) Александра Лабаса, которая стала известной лишь в 1990-е годы. Вождь стоит на броневике с выкинутой вперед рукой. Как отмечает Сергей Уваров, «некоторая искусственность композиции и центральной фигуры придает образу оттенок карикатурности – так мы это воспринимаем сегодня, но вряд ли автор, искренне веривший в идеалы революции, и зрители той эпохи с нами бы согласились. Толпа вокруг изображена с фирменной лабасовской размытостью, создающей ощущение стремительного движения. Это бушующее людское море с всплесками знамен и штыков. Лабас пишет не столько реальность, сколько собственные



Приезд Ленина в Петроград. Худ. А. Лабас. 1930 г.

эмоции»[113]. И вот такой субъективный подход в те годы принят не был.

Большой успех имело появление образа Ленина на киноэкране. Это направление в лениниане сразу получило поддержку власти и в

[113] Подробнее см.: *Уваров Сергей.* По шедеврам Ильича: как изображали Леина его современники // Известия. 2020, 22 апреля.



Фильм Сергея Эйзенштейна «Октябрь». 1927 г.

первую очередь потому, что на экране демонстрировалось непрестанное воскрешение великого вождя. В знаменитой «Ленинской киноправде» (1924 г.) Дзиги Вертова – а он первым осмыслил кинематографическую природу ленинского образа – кадры вождя, лежащего в гробу, снабжены титрами: «Ленин – а не движется», «Ленин – а молчит». Но завершался выпуск кадрами вознесшегося над миром монумента. Таким образом кино вслед за Маяковским как бы оживляло, воскрешало вождя[114].

Накануне 10-летия революции 1917 года образ вождя мирового пролетариата впервые вышел на экран – в фильмах Сергея Эйзенштейна «Октябрь» и Бориса Барнета «Москва в Октябре». На роль

[114] См.: *Марголит Евгений.* Спасибо, что живой // https://seance.ru/articles/leniniana-2/

Ленина в обеих лентах был буквально назначен бывший токарь Путиловского завода, пенсионер Василий Никандров, обладавший разительным сходством с покойным. На съемках «Октября» появление отчаянно жестикулирующего Никандрова неизменно вызывало бурный ажиотаж подогретой массовки. Основам мастерства пенсионера обучал ассистент Эйзенштейна Максим Штраух, который через 10 лет сам сыграл Ленина. Попытка показать фотографически точного Ленина имела обратный эффект: новая картина Эйзенштейна вызвала немало критики, в том числе из-за формального подхода к образу. На эту тему Маяковский высказался так:

> «Пользуюсь случаем при разговоре о кино, еще раз всяческим образом протестовать против инсценировок Ленина через разных похожих никандровых. Отвратительно видеть, когда человек принимает похожие на Ленина позы и делает похожие телодвижения – и за этой внешностью чувствуется полная пустота, полное отсутствие мысли. Совершенно правильно сказал один товарищ, что Никандров похож не на Ленина, а на все статуи с него»[115].

«Москву в Октябре» почти никто не заметил, и долгое время этот фильм считался частично утерянным в годы войны[116], а вот актер-любитель Никандров получил предложение Малого театра и в течение двух предъюбилейных лет с успехом изображал Ленина в спектакле «1917».

«Вечно живой Ленин» представал в скульптурных монументах, живописных полотнах, в графике и плакатных изображениях. Их было так много и разного качества, что сразу же после смерти в постановлении ЦИК СССР «О порядке воспроизведения и распространения бюстов, барельефов, картин и т. п. с изображением В.И. Ленина» (июнь 1924 года) подчеркивались факты несходства и искажений, что «создает опасность усвоения широкими слоями населения» неправильного образа. Поэтому теперь воспроизведение

[115] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 147.

[116] Однако в сентябре 2017 г. появилась информация о том, что фильм все-таки будет полностью восстановлен на основе сохранившихся фрагментов в зарубежных киноархивах.



База «Треста по изготовлению художественно-скульптурной продукции». Москва. 1930–1935 гг.

образа вождя бралось под контроль особых комиссий, а все «изображения, признанные ими неудовлетворительными, должны быть удалены и воспрещены к публичному распространению», а кто нарушит это решение, «подлежит привлечению к уголовной ответственности»[117].

Такая жесткость решения свидетельствовала о том, что начинал складываться канон образа Ленина в пространстве памяти, которое, в свою очередь, подлежало подчинению целям пропаганды и огосударствлению, как и вся общественная и культурная жизнь страны. К концу 1920-х годов уже отчетливо просматривался двойной культ: Сталин, возвеличивая Ленина, опираясь на его авторитет, превращая его в ключевой инструмент политики и идеологии, начал и собственное возвеличивание. В массовое сознание внедрялось представление, будто именно он – единственно верный ученик Ленина и продолжатель его дела.

«Слова «культ» отнюдь бояться не следует», – призывала писательница Мариэтта Шагинян. Свою позицию она объясняла следующим образом:

> «Культ, нарастающий вокруг действенной исторической личности, есть лишь мудрое хозяйственное пользование наследством, то есть навыками, приемами, техникой жизни ушедшего человека, всем тем, что без культа исчезло бы бесследно, ибо методику жизни не передает и не сохраняет никакой памятник, ни книга, ни камень, ни полотно. До сих пор мы, русские, не знали этой мудрой бережливости. У нас не было культа ни одного крупного человека, не сохранилось «технической формулы бытия» ни Ломоносова, ни Пушкина, ни даже Толстого – и оттого, может быть, мы всё умеем очень хорошо, кроме работы, лучше всех пишем, лучше всех революцию делаем, лучше всех пляшем, но хуже всех живем и хуже всех работаем, не знаем ни своих сил, ни их распределения во времени, ни их расходования, ни их экономии. Европа нас в этом отношении давно переще-голяла»[118].

---

[117] Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блюм. М., 2004. С. 79.

[118] *Шагинян Мариэтта.* Жизнь искусства // Новый быт. 1924. № 53. С. 17.

* * *

Писательница была абсолютно права: в предыдущей российской истории не было сколько-либо похожих примеров сотворения посмертного культа в отношении личности, которая не была канонизирована церковью. Для распространенной в ранней советской культуре традиции использовать религиозные практики для достижения далеких от религии пропагандистских целей подобный ход был совершено естественным и даже по-своему расчетливым: нельзя было не задействовать того, что неизбежно сработало бы. В этом и заключалось «мудрое хозяйственное использование» образа Ленина. Для этого и создавалась целая индустрия. И если говорить о взаимосвязи культов Ленина и Сталина, то они оказывались повязанными именно в этом идейном индустриальном пространстве. Девальвация одного культа неизбежно должна была повлечь за собой разрушение другого культа, что впоследствии и произошло с разницей в 30 с лишним лет.

1940: вождь должен быть один

В течение 1930-х годов складывалась устойчивая система сохранения памяти о Ленине и его творческом наследии. Но путь к этой системе оказался не таким уж и безоблачным, а порой, как показали рассекреченные документы, и неожиданным. Через десять лет после того, как тело вождя поместили в мавзолей, на мертвого Ленина было совершено первое покушение. 19 марта 1934 года один из посетителей в порядке очереди подошел к саркофагу, затем внезапно выхватил из кармана револьвер и, не целясь, два раза выстрелил в забальзамированное тело. К нему бросилась охрана, однако сделать ничего не успела, мужчина совершил самоубийство. Посетителей мавзолея сразу же вывели из помещения, запретив рассказывать кому-либо об инциденте. Стрелком оказался 46-летний Митрофан Никитин, работник подмосковного совхоза «Прогресс». Никаких свидетельств о его психических заболеваниях обнаружено не было. По данным следствия, в день покушения Никитин целенаправленно выехал из родного села Куркино в Москву. Прямо с вокзала он отправился на Красную площадь. В кармане у самоубийцы также нашли предсмертную записку:

> «Кругом нищета, голод, рабство, зверство, пришибленность. Люди изоврались во лжи, боятся друг друга, боятся лишнего сказать, зная, что за плечами ГПУ, пытка, смерть. Люди от истощения, от голода падают и мрут как мухи. Еще много миллионов погибнет от коммунизма, от этой химеры, абсурда. Я с 13 лет работаю, моя совесть чиста, за правду на все пытки готов пойти. Я, Никитин Митрофан Михайлович, с радостью умираю за народ».

Как оказалось, ранее Никитин пробовал донести свое возмущение иными способами. Проработав в совхозе около недели, мужчина стал ругаться с руководством и писать заявления, в которых просил обратить внимание на массовое пьянство и разгильдяйство работников, а также на процветавшее жульничество и воровство. Копия



Очередь в Мавзолей. Август 1932 г.

письма Никитина была в тот же день передана Иосифу Сталину. Бумаги пометили грифом «Секретно» и отправили в личный архив секретаря ЦК, где они пролежали 60 лет[119].

С другим культовым местом – Музеем Ленина – тоже не все было благополучно. Поначалу, в 1932 году, он был переведен в Музей Маркса–Энгельса при Институте Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ), что не могло не сказаться на сокращении его экспозиции, которая напоминала выставку случайно собранных вещей. К тому же большинство материалов не являлось подлинным. Такое положение некоторые музейные специалисты объясняли внутрипартийной борьбой, стремлением отождествлять партию лишь с одним вождем,

[119] См. подробнее: https://news.rambler.ru/incidents/41893152/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

которое становилось все заметнее и связывалось со Сталиным. Член партии с 1918 года Губарев писал в те годы Сталину:

«Оппозиция говорит, что она против создания вождя партии, а я хочу вам сказать, что этот вождь должен быть… Нужна одна фамилия, которая звучала бы так же звонко и убедительно, как фамилия «Ленин». Такой фамилией пока является «Сталин». Нужно эту фамилию распространять и говорить, что так-то и так-то сказал т. Сталин… Ведь если говорили, что так-то и так-то говорил Ленин, то имели в виду, что Ленин олицетворял партию, ее волю и творчество, а потому-то, что скажет тов. Ленин, – свято, его нужно выполнять»[120].

И тем не менее Крупская делала все, чтобы убедить руководство партии пересмотреть отношение к ленинскому музею. В 1935 году она писала Сталину:

«Музей – мощное орудие агитации. При ИМЭЛ имеется Музей Ленина. Кроме цитат из Ленина на желтой бумаге и фотокарточек ничего там нет. Жуть одна. Есть еще подаренные ему чайные сервизы, пальто, еще какое-то барахло»[121].

Надо отдать должное генсеку, он среагировал немедленно: «Позор для ИМЭЛ». А в записке Николаю Ежову дал распоряжение срочно исправить положение и «двинуть вперед» затронутые Крупской вопросы[122]. Судя по докладной Сталину, Ежов пришел в ужас от увиденного:

«Осмотрел все существующие музеи Ленина. Это действительно наиболее безобразное дело… Стецкий и Адоратский, которых я брал с собой на осмотр подчиненных им музеев, рвали на себе волосы от всех тех безобразий, которые они впервые увидели… Некоторые экспонаты потеряны. Думают, что некоторые украдены. Известная скульптура Меркурова «Похороны Ленина» разбита. Сам по себе музей

[120] Коммунист. 1990. № 5. С. 88.
[121] РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 52. Л. 48, 51.
[122] Там же. Л. 51.



Похороны вождя. Скульптур С.Д. Меркуров. 1927 г. Горки Ленинские

представляет жалкое зрелище. Расположен он в двух-трех комнатах… Желающих посетить музей очень много… Если же взять даже официальные отзывы посетителей по книгам записей в музее, то в большинстве случаев они ругают музей за плохую постановку дела. Некоторые отзываются о музее с возмущением. Все посещавшие со мной музей товарищи согласились с тем, что их надо немедленно закрыть для посетителей, чтобы не позорить это большое партийное дело»[123].

[123] Там же. Л. 64.

Комиссия, созданная Политбюро, внесла предложение создать Центральный музей В.И. Ленина. Для его размещения в Москве было выделено здание бывшей городской думы. Местные музеи становились филиалами Центрального музея Ленина при ИМЭЛ, который был открыт в мае 1936 года[124], и тогда же началась подготовка к открытию филиалов музея в Ленинграде, Киеве и Тифлисе. В создании новой экспозиции активно участвовала Крупская[125]. Однако не во всех вопросах она была свободна. Стала заметной линия на её вытеснение из формировавшегося пространства памяти. Как только вдова Ленина переступала границы освещения образа умершего вождя, которые, видимо, уже сложились в сознании Сталина и его окружения, тут же следовали ограничения, а то и окрик, оформленный как мнение ЦК.

Судьба «монопольного истолкователя»

К примеру, в 1935 году Крупская довольно откровенно и во многом неожиданно ответила на вопросы, которые ей задали ученые из Института мозга для составления характерологического портрета Ленина. Через 70 лет филолог Моника Спивак, автор книги «Посмертная диагностика гениальности», получила доступ к архиву сотрудника института Николая Попова, который на протяжении многих лет был близок к семье Ульяновых[126], и сравнила рукопись

[124] См.: Правда. 1936. 15 мая. После снятия Ежова новый нарком НКВД Лаврентий Берия в год 70-летия Ленина выступил с инициативой создания лаборатории по сохранению тела Ленина во главе с профессором, а затем академиком Б.И. Збарским. В марте 1940 года Политбюро с подачи Берии утвердило и решение правительства изготовить новый саркофаг для тела Ленина.

[125] См.: *Людвинская Т.Ф.* «Нас ленинская партия вела…» Воспоминания. М., 1976. С. 193–194.

[126] Надо отдать должное М. Спивак, проследившей историю анкеты Н.К. Крупской, хранящейся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, от первого упоминания о существовании этой анкеты в газете «Известия» до частичной публикации в новом издании биографии Ленина, а затем, с купюрами, опубликованной в 1989 году. См.: *Ермолович Н.* «Смел и отважен»: Что рассказывала Н.К. Крупская ученым о В.И. Ленине // Известия. 1963. 6 апреля; Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 2-е. М., 1964 (первое издание вышло в 1960 г.); Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 2. М., 1989. С. 367–372.



Преподаватель вечерней школы для взрослых Надежда Крупская. Фото 1890-х гг.

вдовы, где она отвечает на вопросы письменно, с другим документом, напечатанном на машинке. Оба документа содержали правку – реже стилистическую, чаще – фактографическую. И её делали не сама Крупская и не анкетировавший ее Николай Попов. Путем сравнения рукописи с машинописью удалось разобрать и восстановить большую часть вычеркнутого. Сокращению чаще всего подвергалось то, что противоречило идеальному образу вождя по представлению партийных чиновников. Обратимся к показательным выдержкам из анкеты:

«Слабым не был, но не был и особенно сильным. Физической работой не занимался. Вот разве на субботнике. Еще помню – починил изгородь, когда были в ссылке. На прогулках не очень быстро утомлялся. Был подвижный. Дома постоянно ходил по комнате, быстро из угла в угол, иногда на цыпочках «из угла в угол». Обдумывал что-нибудь. Почему на цыпочках? Думаю, отчасти, чтобы не беспокоить, в том числе в эмиграции, когда снимали комнату, не беспокоить и хозяев квартиры. Гимнастикой не занимался. Играл в городки. Плавал, хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде… Был азартный грибник… Азарт на охоте – ползанье за утками на четвереньках… Раздевался быстро…

Ух, как умел он хохотать. До слез.

Вычеркнуто из рукописного текста: «Помню, например, хохот такой, когда кто-то, приехав из Дагестана, привез карту и на вопрос, зачем нужна карта, ответил, что Мих. Ив. (Калинин) путает Дагестан и Туркестан».

Голос был громкий, но не крикливый, грудной… После споров, дискуссий, когда возвращались домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен… Бледнел, когда волновался.

Вычеркнуто из рукописного текста: «В 1906 году во время выступления в доме Паниной в Ленинграде стоял белый, заразил настроением (1000 человек). Порвали красные рубашки на знамена… Видела раз, как они чуть не подрались с Богдановым (настоящая фамилия Малиновский, Александр Александрович, философ, соратник Ленина по работе в большевистской фракции РСДРП. – Авт.), схватились за палки и озверело смотрят друг на друга (в особенности Ильич)».

Вдаль видел хорошо. Они с мамой (моей) часто соревновались в этом деле.

Вычеркнуто в машинописном тексте: «Она дальнозоркая, он нет. Но у него, ведь вы знаете, глаза были разные… Галлюцинаций, иллюзий, неузнаваний и т. д. не было. Зрительная память прекрасная… Никогда ни о каких своих сновидениях не рассказывал».

Одевался и раздевался быстро… На свою одежду обращал внимания мало. Думаю, что цвет его галстука был ему безразличен. Да и к галстуку относился как к неудобной необходимости.

Вычеркнуто в машинописном тексте: «Но красиво одетых любил».

Очень любил слушать музыку. Но страшно уставал при этом.

Вычеркнуто из рукописного текста: «Если слушал музыку, то на следующий день чувствовал себя плохо. Обычно уходил после 1-го действия».

Очень любил Вагнера.

Шум вообще не любил (я говорю не о шуме людной улицы, толпы, большого города). Но вот в квартире не любил шуму. Просил, например, изолировать опилками стену, отделяющую его комнату от комнаты Марии Ильиничны, где стоял рояль и иногда происходило пение и музыка.

Вычеркнуто из рукописного текста: «Он очень любил читать беллетристику. Чтение отвлекало бы от мыслей и перебивало бы их».

Довольно покорно ел все что дадут. Некоторое время ели каждый день конину. Они с Иннокентием находили, что очень вкусно. В молодости и в тюрьме страдал катаром желудка и кишок. Часто потом спрашивал, перейдя на домашний стол, исправивший эти катары: «А мне можно это есть?» Перец и горчицу любил. Не мог есть земляники (идиосинкразия). Припухали десны. С наслаждением ел простоквашу.

Обычное, преобладающее настроение – напряженная сосредоточенность… Излюбленные жесты и привычные движения – движения правой рукой во время речи вперед и вправо… Таких жестов, как битье кулаком по столу или грожение пальцем, никогда не было… Вообще был горячка. Зряшного риска – ради риска – нет. В воду бросался первый. Ни пугливости, ни боязливости. Смел и отважен.

Вычеркнуто из рукописного текста: «Уже будучи больным, посмеивался над предписаниями врачей по рабочему режиму: «Ну вот они там придумывают… Они же не могут запретить мне думать». В этом же и беда была во время начала болезни. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было. Утра



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 92 (9550) | 22 апреля 1940 г. | цена 10 коп.

Сегодня семидесятилетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина

ЛЕНИН

TheBestofMoscow.ru

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ К РАБОТЕ В. И. ЛЕНИНА «ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу и красноармейцам Военно-Морского Флота.

вообще были плохие, трудные. Засыпал плохо – мешало обдумывание. Это не была бессонница в обычном смысле. В домашней жизни ровный. В политической – всегда возбужденный»[127].

Итак, как видно из анкеты, к 70-летию Ленина в пространстве памяти о нем складывался стерильный образ необыкновенного человека. Для этого вымарывались прежде всего пассажи, связанные с такими чертами, как запальчивость, возбудимость или гнев, состояние и особенности его здоровья. И если так поступили с оценками Крупской, с её ответами сугубо для Института мозга, то что можно говорить о других современниках вождя. А доктор Попов в мае 1938 года был приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1956 году.

Три года спустя Надежда Константиновна в душевном порыве снова пооткровенничала, на этот раз в беседе с писательницей Мариэттой Шагинян. Затем в первой части романа «Билет по истории» («Семья Ульяновых») появился фрагмент, в котором Шагинян со слов Крупской поведала о еврейских корнях Ульянова-Ленина. Вопиющий случай подвергся расследованию, и в августе 1938 года последовало закрытое решение Политбюро ЦК:

«Считать поведение т. Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская делала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело и выступая в роли монопольного истолкователя обстоятельств общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал»[128].

Так, накануне 70-летия Ленина произошло окончательное отсечение ленинской семьи от прожектора, освещающего пространство памяти о Ленине. Теперь все произведения искусства (живопись, скульптура, воспоминания, стихи, проза, сценарии), где появлялись

[127] См.: Комсомольская правда. 2008. 17 января; *Кузина Светлана.* Ген мозга. М., 2020.

[128] См.: *Максименков Леонид.* Сам себе биограф // Огонек. 2019. № 49. С. 44.

Сталин, Ленин и их соратники, должны были визироваться в Особом секторе, а затем в Отделе пропаганды ЦК под ответственность личного помощника Сталина Александра Поскребышева, а в спорных случаях – самого объекта обожествления и руководителей страны. Теперь, как справедливо подчеркнул Леонид Максименков, «первоначальная диктатура над документами, архивами, носителями информации и текстами биографий превратилась в тотальный контроль над образом вождя»[129].

Естественно, досталось и Шагинян, по которой тоже было принято специальное решение. Политбюро установило, что её биографический роман о жизни семьи Ульяновых, а также о детстве и юности Ленина, является «политически вредным, идеологически враждебным произведением». Соответственно, тогда оно не попало в лениниану. Инстанцию возмутило и то, что Крупская, получив рукопись, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, а наоборот, «всячески поощряла Шагинян, дала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по фактической стороне жизни семьи Ульяновых». За допущенную грубую политическую ошибку был снят с поста редактора журнала «Красная новь» Владимир Ермилов, а директор издательства художественной литературы Александр Большеменников получил выговор. Книгу было решено «из употребления изъять», а Правлению Союза советских писателей предложено объявить Шагинян выговор[130]. После смерти Крупской в феврале 1939 года, после расстрела Каменева и Зиновьева в 1936-м, Бухарина и Рыкова – в 1938-м, убийства Троцкого в 1940-м ЦК партии окончательно «очистил» и узурпировал пространство памяти о Ленине.

[129] Там же.

[130] См. подробнее: «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932–1946 гг. Сб. документов. Предисл. Д. Байрау, сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 34.

Установление канонов пространства истории

Если для пространства памяти достаточно было вытеснить Крупскую, то в отношении историков и редакций исторических журналов еще в начале 1930-х годов была устроена показательная порка. Начало ей в конце октября 1931 года положил Сталин, направивший сразу после отмечания 60-летия Ленина в редакцию журнала «Пролетарская революция» открытое письмо «О некоторых вопросах истории большевизма»[131], в котором устроил разгром молодому историку-марксисту А.Г. Слуцкому. Он в 1930 году в статье о германских социал-демократах упрекнул Ленина в том, что он лишил себя возможностей влияния, недооценив их готовность приспособиться к ситуации в стране[132]. Сталин счел это примерами проникновения «троцкистских контрабандистов» в партийную историографию и отказа Ленину в настоящем большевизме. Последствия негодования были весьма печальными – выход журнала был прекращен на год, заменены редакции этого и других журналов, включая «Историк-марксист». Таким образом, научному сообществу был послан четкий сигнал: линию партии в исторической науке будут определять сами партийные руководители, а не академические историки марксистского направления. На критику Ленина накладывался запрет.

В продолжающемся издании сочинений Ленина в зависимости от политической обстановки продолжали меняться характеристики знаковых лидеров ВКП(б), каковыми являлись Сталин и Троцкий. В 1929 году эти характеристики выглядели следующим образом. Сталин: «Крупнейший деятель партии большевиков». Троцкий: «Во время дискуссии 1920–1921 гг. стоял во главе одной из образовавшихся тогда фракций, отстаивая необходимость «огосударствления» профессиональных союзов. В 1923 г. перешёл в оппозицию, с 1926 г. лидер «объединённой» оппозиции, постепенно всё более рас-

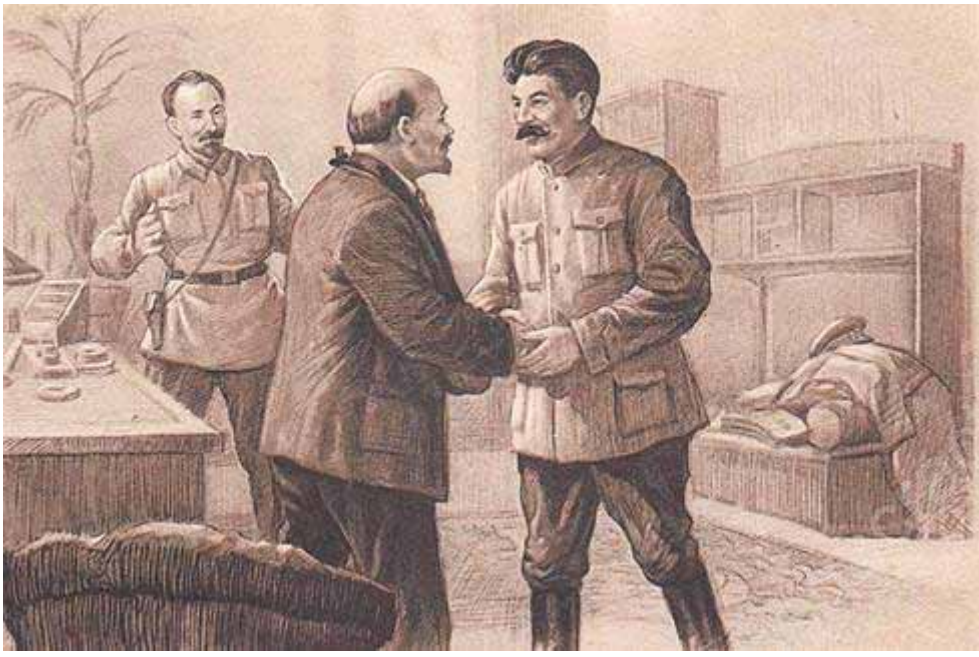
[131] Пролетарская революция. 1931. № 6. С. 3–12.
[132] Там же. 1930. № 6. С. 38–73.

ходящейся с политикой партии и Коминтерна. По постановлению XV съезда ВКП(б) исключён из партии»[133]. По сути, характеристику Троцкого здесь заменяют сведения из биографии, в которых перечислялись действия, направленные против единства партии.

Теперь посмотрим, как кардинально изменились оценки в 1937 году, когда вышла допечатка 26-го тома сочинений Ленина. Здесь Сталин описан как «крупнейший деятель партии большевиков, гениальный продолжатель учения и дела Ленина и его верный ученик, вдохновитель всех главнейших мероприятий партии в её борьбе за построение социализма, крупнейший теоретик марксизма-ленинизма, развивший учение Маркса–Ленина дальше, вождь ВКП(б) и Коминтерна». Троцкий же представлен демонически: «…изменник родине, злейший враг народов СССР и всего прогрессивного человечества, наёмник международного фашизма, агент гестапо и главный организатор банд диверсантов»[134]. То есть можно говорить об очевидной тенденция – в зависимости от политических пристрастий главного интерпретатора в тот или иной исторический момент спрямлять и упрощать как биографию Ленина, так и его непосредственного окружения. К тому же само население пусть и не оказалось гомогенным после массовых репрессий, но определенно стало спрямленным, не сомневавшимся.

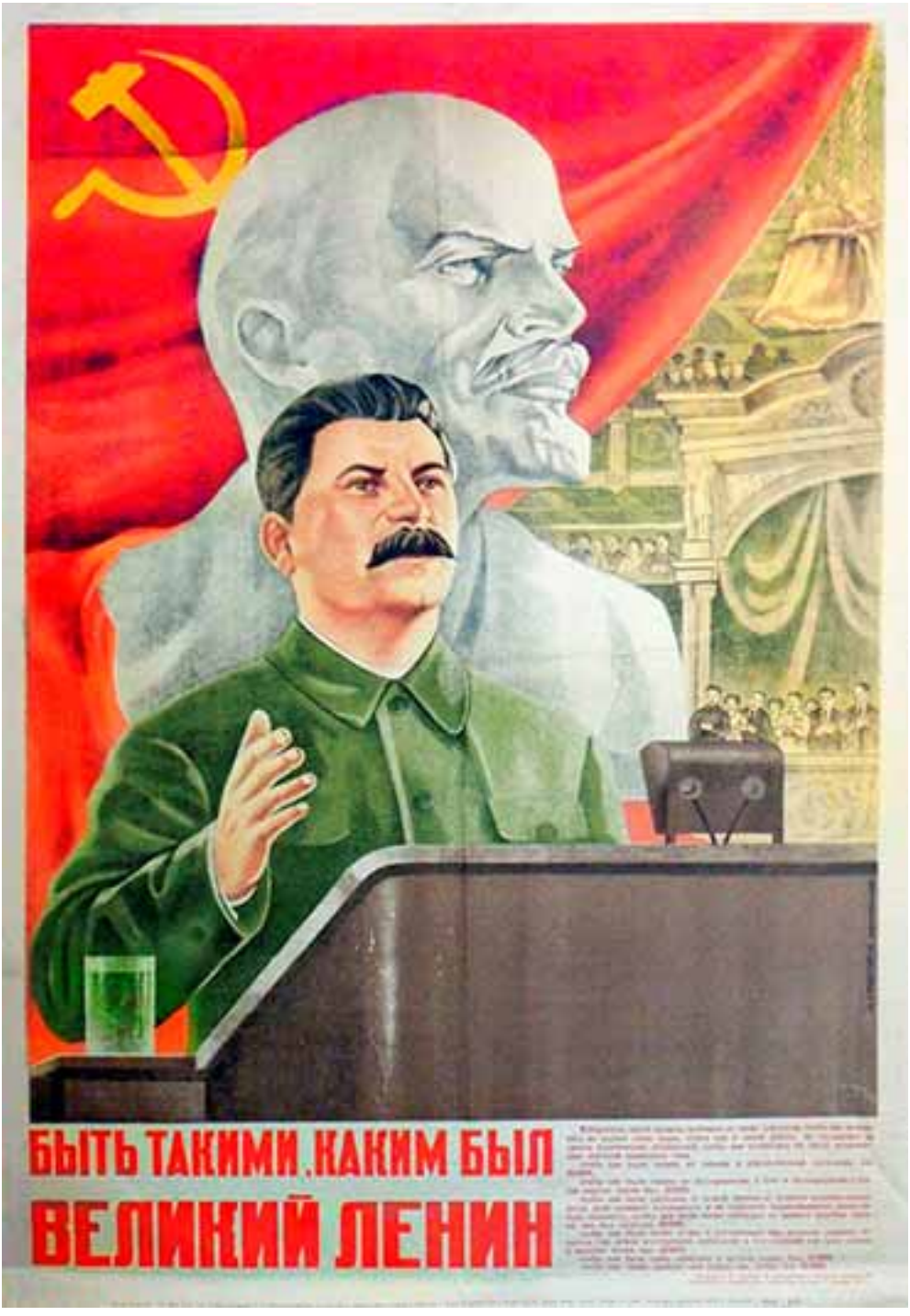
Политизированные определения и оценки, претендовавшие на научность, уподобление истории природе нашли отражение и в каноническом «Кратком курсе» истории ВКП(б), который вышел огромными тиражами в 1938 году. В нем старой вере с ее святынями и святыми были противопоставлены новые каноны ленинизма: русский капитализм перерастал в русский социализм, Февральская революция идентифицировалась как плохая, «буржуазно-демократическая», Великая Октябрьская, движимая пролетариями города и деревни, неимущими, как хорошая, «социалистическая». Демоны обрели свои определения: Зиновьев и Каменев – «штрейкбрехеры революции», а Бухарин, Рыков, Томский – «правые капитулянты».

[133] *Ленин В.И.* Соч. Изд. 3-е. Т. XXV (1929). С. 687, 690.
[134] Там же. Т. XXVI (1937). С. 652, 654–655.



Открытка «Встреча товарища Сталина с В.И. Лениным и Ф.Э. Дзержинским». Художник П. Васильев. 1940 г.

На этом фоне главный культурный герой памяти – большевистская партия Ленина–Сталина – приобретала религиозно-мифологические черты. Она высвободила народ из рабства, она – творец СССР, реконструкции и модернизации, создания нового человека, она в центре «священной истории» со своими «канунами» в виде «революционных событий 1905 года», своими демиургами и пророками, подвижниками и мучениками, своими ритуалами и обрядами. Большевистская революция, естественно, представала в соответствии с универсальной схемой космогонии как акт творения нового мира, и, конечно, дальнейшая история связывалась с постоянной борьбой за чистоту с демонами, внутренними и внешними («продолжение классовой борьбы»), с «эпохой битв» (война с белыми армиями и интервентами). Сталин в этой идеологии становился


БЫТЬ ТАКИМИ, КАКИМ БЫЛ
ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН

не просто учеником и продолжателем Ленина, а как бы его перевоплощением: «Сталин – это Ленин сегодня».

Любые нарушения установленных канонов подвергались цензуре, запрету или отправке в спецхран с запретительным знаком, как это случилось с переведенной статьей Петра Струве «Мои встречи и конфликты с Лениным», помещенной в английском журнале Slavonic Review за 1934 год и задержанной Ленинградским горлитом в 1940 году[135]. Та же самая участь ждала и публикацию Романа Гуля «Я унес Россию. Апология русской эмиграции» о подробной беседе в Париже с эмигрантом А.Д. Нагловским. Материал вышел в 1938 году сначала в журнале «Современник», а затем в «Новом журнале». Безусловно, эта работа резко контрастировала с тем, что тогда издавалось в СССР. Нагловский, сын придворного, генерала, еще в лицее увлекся марксизмом, а затем вступил в партию большевиков и даже побывал наркомом в Петрокоммуне Григория Зиновьева. Борис Николаевский считал, что Нагловский «для истории большевистской революции – клад». Он несколько раз встречался с Лениным и теперь, будучи тяжело больным, решил рассказать о том, как на протяжении 15 лет менялось его восприятие вождя. О первой встрече, проходившей в 1905 году в Женеве, молодой большевик вспоминал так:

> «Свидание с Лениным меня, разумеется, волновало. До этого мне приходилось видеть многих партийных лидеров, и должен сказать, что у большинства из них всегда было и чванство, и «взгляд свысока», и все прочие атрибуты лидерства. Тем приятнее поразила меня встреча с Лениным всем совершенно обратным. Эта встреча произвела на меня сильное впечатление. Внешность Ленина помню отчетливо. Небольшого роста человечек с монгольским лицом, очень живой, очень приветливый, одетый в потрепанный пиджачный костюм. Характерны были живые, быстрые глаза, пронзительно глядевшие из-под большого крутого лба. С первых же слов в нем чувствовался

[135] См.: Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блюм. М., 2004. С. 303. Статья Струве была опубликована в СССР только в 1991 году в журнале «Новый мир» (№ 4. С. 213–232).

сразу большой ум, тонко схватывающий каждую мелочь, хитрая практическая сметка и, конечно, абсолютная преданность делу партии. К тому ж, в противоположность другим вождям, в Ленине тогда было что-то еще очень живое, молодое. Ему тогда минуло тридцать пять лет. Единственно, что производило неприятное впечатление, это общий тон Ленина, когда он начинал говорить о противниках. Это был тон беспардонного издевательства, пересыпанный грубой руганью»[136].

В 1917 году приезд Ленина в Россию был крайне необходим, поскольку партия пребывала в состоянии полной растерянности. Однако тогдашнее большинство видных партийцев ждало Ленина с опасениями, предчувствуя, что в этом хаосе Ленин сразу займет крайнюю атакующую позицию в отношении Временного правительства и Совета рабочих депутатов. Приехавшего Ленина Нагловский увидел постаревшим, в нем «не было уже ничего от того молодого, живого Ленина», «это был бледный изношенный человек с печатью явной усталости», «в обращении исчезли всякое добродушие, приветливость, товарищеская легкость», Ленин этого времени «по всей своей цинической, замкнутой, грубоватой повадке казался заговорщиком «против всех и вся», не доверявшим никому, подозревавшим каждого и в то же время решившим всеми силами, не считаясь ни с чем, идти в атаку на захват власти»[137]. Главное заключение, которое сделал автор от последующего общения и которое шло вразрез с установившейся репутацией Ленина не только уж в большевистской, но даже и в антибольшевистской литературе, было весьма парадоксальным:

«Обычно Ленин «все же» признается «государственным человеком». Встречаясь с Лениным на государственной работе, делая ли ему доклады, получая ли от него распоряжения, этого впечатления у меня никогда не создавалось. Напротив, все говорило о противоположном. Среди большевиков были люди государственного разма-

[136] Цит. по: *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. М., 2001. Т. II. С. 280–281.
[137] Там же. С. 283.

ха, могущие быть «министрами» в любой стране. Это – Л.Б. Красин, человек большого ума, расчета, инициативы, трезвого глаза. Это – Л.Д. Троцкий, несмотря на то, что ни на кого эта фигура никакого «обаяния» не производила. Но только, разумеется, не Ленина зачислять в государственные люди. Прежде всего Ленин был типичным человеком подполья. Ленин не знал ни жизни, ни России, ни русского крестьянства, не знал фактов. Ленин был существом исключительно партийным. Ни в одной стране он не мог бы быть «министром», зато в любой стране мог бы быть главой заговорщической партии. Ленин был узкопартийный конспиратор до мозга костей»[138].

Что же касается попыток обобщающих исследований, то в 1940 году обратила на себя внимание изданная в США книга последнего крупного теоретика российского анархизма, анархо-синдикалиста Григория Максимова «Гильотина за работой»[139]. Её первый том, «Ленинистская контрреволюция», был посвящён анализу генезиса теории и практики государственного террора, проводившегося советским государством в отношении оппозиции, а также категорий населения и отдельных лиц, признанных опасными для политического курса большевиков. Принципы государственного террора автор выводил из идей лидера РКП(б), который, по мнению автора, отвечал «за расстрелы, за террор, но он в такой же мере отвечает за все зверства, проявленные в терроре, за весь садизм, за все пытки во всех застенках»:

«Ленин и только Ленин как первосвященник секты несёт ответственность за небывалое в истории принижение и обесценение личности, за абсолютное неуважение к жизни человека, за моральное разложение и вытравление у своих опричников всех нравственных устоев, без которых человек опускается ниже уровня дикого зверя»[140].

Продолжая развитие тем, ранее затронутых анархистскими критиками РКП(б), Максимов писал, что, отказавшись от последова-

[138] Там же. С. 290–291.
[139] *Maximoff G.P.* The Guillotine at work. Chicago, 1940.
[140] Ibid. Vol. 1. P. 255.

тельно марксистской концепции, изложенной в «Манифесте Коммунистической партии», Ленин популяризировал федералистские и самоуправленческие идеи, изложенные в работе Маркса «Гражданская война во Франции». Сделано это было с целью обмана трудящихся, в то время настроенных в духе самоуправления, противоположного марксистским принципам централизма:

> «Ленин, требуя уничтожения армии, полиции и чиновничества, внушал рабочим, крестьянам и солдатам, что республика Советов есть анархическая федерация многих тысяч коммун-Советов, разбросанных по необъятным пространствам России, и что эта республика есть полная демократия, развёрнутая до логического предела – до безгосударственности»[141].

Именно этот политический манёвр обеспечил большевикам победу, которую не принесло бы откровенное распространение этатистско-социалистической программы:

> «Ленин шёл к своей цели, – писал автор, – к проведению в жизнь программы Маркса–Энгельса, изложенной в «Коммунистическом манифесте»: к так называемой «диктатуре пролетариата», то есть к диктатуре партии, к своей личной диктатуре, к централизации и к государственной монополии во всех областях жизни»[142].

Художественный образ вождя

Хотя к юбилейному 1940 году всё осеняли ленинский и сталинский профили, в подаче взаимоотношений вождей в кино произошли явные смещения. Сквозной линией киноленты Алексея Каплера и Михаила Ромма «Ленин в Октябре» (картина впервые была показана участникам торжественного собрания 6 ноября 1937 года в Большом театре) стало постоянное обращение Ленина к Сталину: вождь революции всё время советуется, встречается, переписывается с ним. После возвращения из Финляндии происходит первое свидание

[141] Ibid. P. 30.
[142] Ibid. P. 23.



Фильм Алексея Каплера и Михаила Ромма «Ленин в Октябре»

Ленина – со Сталиным (Надежда Крупская довольствуется лишь письмом). Описание этой встречи в «Правде» было весьма многозначительным: «Четыре часа длится она. Лишь поздней ночью расстались Ильич и его великий сподвижник… Лестница деревянного дома, слабый свет. Ленин и Сталин. Прекрасное мужественное объятие»[143].

Кинокритики особенно отмечали Бориса Щукина, создавшего образ, который понравился абсолютно всем. Обаятельный, талантливый, приятно картавый, энергичный, подвижный и внимательный Ленин напоминал скорее любимого дедушку, а вовсе не титана революции. В 1938 году вышел фильм Сергея Юткевича «Человек

[143] Правда. 1937. 7 ноября. См. также: *Иезуитов Н.* Образ Ленина в театре и кино // Искусство и жизнь. 1938. № 11–12; *Каплер А.* Образ Ленина // *Каплер А.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1984.



Фильм Сергея Юткевича «Человек с ружьем»

с ружьем», роль Ленина в нем исполнил бывший ассистент Сергея Эйзенштейна Максим Штраух. На фоне Щукина интеллигентный Ленин Максима Штрауха выглядел совсем не так эффектно, зато гораздо более достоверно. Во всяком случае, вдова вождя Надежда Крупская считала именно так. Но главное, что от Ленина-монумента Дзиги Вертова произошел переход к живому Ленину Михаила Ромма, пусть и эксцентричному, с маскировочной повязкой на щеке в сцене отправления в Смольный в час восстания. Вождь революции в исполнении Щукина и Штрауха стал в массовом сознании советского периода эталонной и популярной версией экранного образа героя[144]. Однако кинематографисты не успокаивались, и в мае 1939 года

[144] *Марголит Евгений.* Указ. соч.



участники проходившей в Москве в течение четырех дней научно-творческой конференции «Образ Ленина в театре, драматургии и кино» просили Сталина принять их для получения дальнейших указаний от «великого соратника Ленина и продолжателя его дела». Встреча не состоялась, но письмо Сталину об этом было послано. Так творческий процесс добровольно отдавался на откуп политической конъюнктуре[145].

Идея Ленина-монумента сохранялась в области архитектуры. Победивший в международном конкурсе Дворца Советов проект Бориса Иофана предполагал, что высота дворца на месте взорванного храма Христа Спасителя на холме над Москвой-рекой будет 415 метров и его увенчает 100-метровая скульптура Ильича. По расчетам, статуя была в три раза выше и в два раза тяжелее нью-йоркской статуи Свободы. В середине Дворца Советов должны были быть два зала вместимостью несколько тысяч человек для делегатов различ-

[145] Культура и власть от Сталина до Горбачева. Кремлевский кинотеатр. 1928–1953. Документы. Отв. сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 543–544.

ных съездов, а Ленина на вершине этого сооружения должно было видно с расстояния в 35 км.

Сам Иофан был противником размещения статуи Ленина на крыше «высотки», но партийное руководство неукоснительно стояло на своем.

Великая Отечественная война прервала строительство, все стройматериалы использовались в военных целях, в том числе и новая марка стали, которую разработали специально для будущего здания.

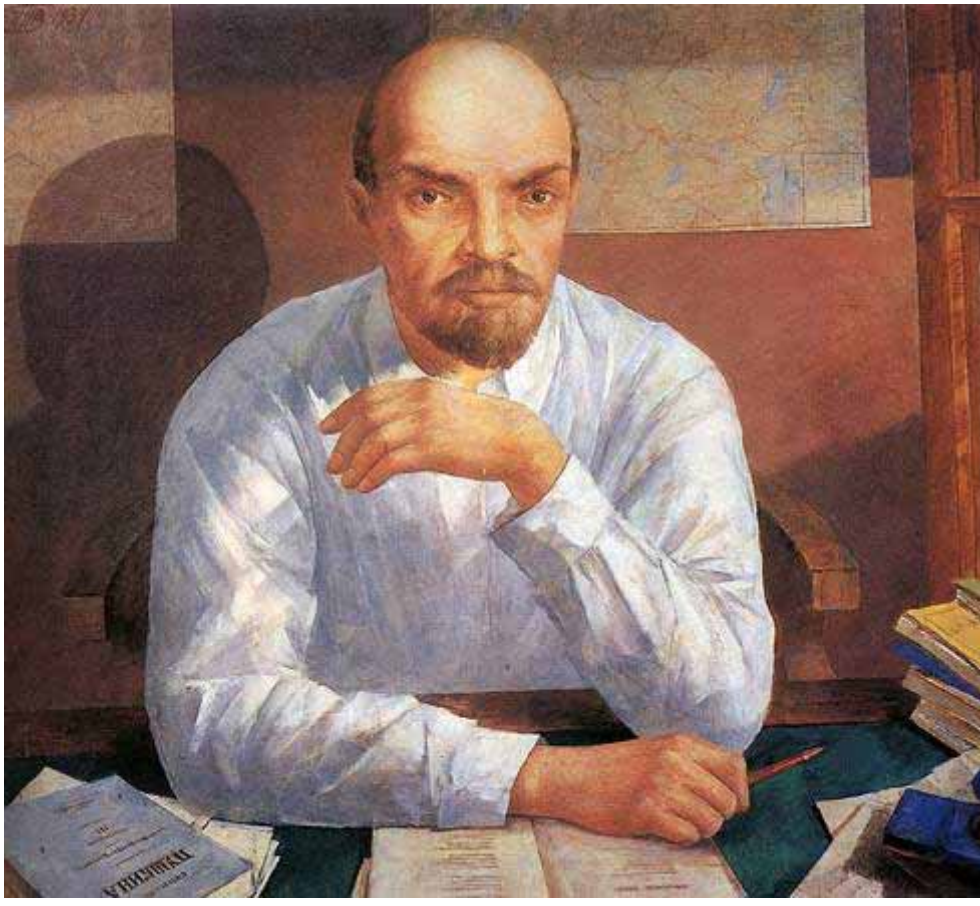
Однако не все вписывалось в новые конъюнктуру и каноны. В 1934 году, к 10-летию смерти Ленина Кузьма Петров-Водкин изобразил его не в привычном облике, не как трибуна и вождя, а в домашней обстановке, в ослепительно белой рубахе, когда, задумавшись над томиком Пушкина, с какой-то отрешённостью, как бы задавая вопрос и ожидая ответа, он в упор смотрит на нас[146].

Накануне и в год 70-летия детская лениниана пополнилась книгой двоюродного брата Дмитрия Ульянова Николая Веретенникова «Володя Ульянов. Воспоминания о детских и юношеских годах В.И. Ленина в Кокушкине», ставшей одной из наиболее популярных

[146] Философ Владимир Рыбин считает, что так художник высказывает гениальное предвидение. Ленин одет в белую рубаху – в русской традиции это знак готовности к переходу в иное измерение, «на тот свет»: перед битвой русские воины одевались в белые одежды, чтобы, в случае гибели, чистыми предстать перед Богом. Ленин читает пушкинские «Песни западных славян», причём, как выяснили искусствоведы, книга раскрыта на седьмой, «Похоронной песне» цикла:

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдёшь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Это тоже «о вечности». Но Ленин видит, что самая главная загадка человеческой истории ещё не разрешена, и потому с вопросам обращается к нам, к последующим поколениям, которым ещё предстоит столкнуться с нею. Эта загадка – проблема жизни и смерти, от решения которой зависит и выживание всего человечества, и продление конкретной жизни каждого из людей. – См.: *Рыбин Владимир*. Несколько слов о Ленине // Титан (Челябинск). 2020, 23 апреля. См. также о скульптурных изображениях Ленина: *Силина М.* История и идеология: монументально-декоративный рельеф СССР 1920–1930-х годов. М., 2014; *Семенова Н.* История андреевской лениниана*:* к формированию эстетики казарменного социализма // Искусство. 1990. № 4.



Ленин. Худ. К. Петров-Водкин. 1934 г.

и многократно переиздававшихся впоследствии детских книг, а также «Рассказами о Ленине» – сборником коротких рассказов Михаила Зощенко для детей дошкольного возраста, в которых описывались различные факты из жизни Ленина[147]. Они призваны были в

[147] В основу рассказов о Ленине М.М. Зощенко брал воспоминания его близких и родных, то есть он шел от «документальности» к «беллетристике». Вот перечень 16 рассказов.

Графин. Согласно этой истории, маленький Володя в течение двух месяцев испытывал угрызения совести по поводу того, что он разбил в гостях графин, но не сознался. Только честно признавшись в содеянном, Володя смог спокойно заснуть.

доступной форме раскрыть маленькому читателю положительные черты вождя мирового пролетариата. Эти рассказы сразу попали в списки обязательного чтения для младших школьников, причём авторство Зощенко не акцентировалось. В первой же рецензии на этот

Серенький козлик. История о том, как Ленин убедил младшего брата Митю, что дети должны быть храбрыми и не должны плакать и бояться.

Как Ленин учился. В этом рассказе утверждается, что Ленин не только обладал огромным умом и способностями, но также был чрезвычайно работоспособен, а ещё и занимался физкультурой.

Как Ленин бросил курить. Ленин обладал железной волей. Поэтому, решив бросить курить, он сделал это в один день.

Как Ленин перехитрил жандармов. Когда Ленин был в ссылке в Шушенском, к нему пришли жандармы искать запрещённую литературу и документы, которые хранились на нижней полке шкафа. Когда жандарм подошёл к шкафу, находчивый Ленин подал ему стул, и жандарм начал искать сверху, а нижнюю полку просматривал уже не очень внимательно, и ничего не нашёл.

Чернильница из хлеба. Когда Ленин сидел в тюрьме, то, чтобы перехитрить надзирателей, он писал революционные тексты молоком, а чернильница у него была сделана из хлеба. При появлении надзирателя Ильич быстро съедал чернильницу.

О том, как Ленин купил одному мальчику игрушку. О том, как добрый Ленин пошёл гулять с незнакомым мальчиком и купил ему игрушку.

Ленин в парикмахерской. История о том, как Ильич отказывался стричься без очереди, тем самым проявляя свою великую скромность.

Покушение на Ленина. Согласно этой истории, Ленин, подстреленный Каплан, сам поднялся по крутой лестнице на третий этаж.

Ленин и часовой. Ленин не обиделся на часового, потребовавшего у него пропуск, а напротив – похвалил, так как порядок един для всех.

Как Ленину пытались подарить рыбу. Время было голодное, и Ленин, как все, питался сухарями. Когда же трудящиеся попытались подарить ему рыбу, он распорядился, чтобы рыбу отправили детям в детский дом.

О том, как тётушка Федосья беседовала с Лениным. Ленин проявил заботу о простой женщине, которая пришла в Смольный просить пенсию.

Ленин и печник. Рассказ о том, как Ленин не обиделся на грубоватого печника Бендерина и, таким образом, оставил о себе очень приятное впечатление. (Не следует путать с одноименным и сходным по сюжету стихотворением Твардовского).

Ошибка. Ленин дал неточное указание своей подчинённой, а затем признал ошибку, поскольку был справедливым человеком.

Ленин и пчёлы. Наблюдательный Ленин догадался, где живёт пчеловод, проанализировав направление полёта пчёл.

На охоте. О том, как Ленин, несмотря на свою любовь к охоте, не стал стрелять в красивую лисицу, тем самым сохранив ей жизнь.

цикл рассказов, однако, говорилось о том, что написанные необычайно ясно и легко, с предельной простотой рассказы Зощенко о Ленине далеко выходят за рамки «детского чтения»[148]. И действительно, в марте 1941 года «Рассказы о Ленине» появились тиражом в 50 тыс. экземпляров в совсем не детской «Библиотеке журнала «Огонек»», а чуть позже, в апреле, в ленинградском Учпедгизе тиражом в 25 тыс. экземпляров.

Идеальному образу Ленина-ребенка соответствовала и складывавшаяся к концу 1930-х годов живописная и скульптурная иконография Володи Ульянова. Основоположником детской ленинианы в живописи стал сверстник Ленина Иван Пархоменко, учившийся некогда у Николая Ге и в Парижской академии Рудольфа Жульена. Пархоменко стал автором знаменитого портрета, написанного с фотографии, изображавшей четырехлетнего Володю вместе с сестрой Олей[149]. Живописное изображение тиражировалось в детских журналах и книжках детской ленинианы. Во второй половине 1930-х годов живописный портрет маленького Ильича дополняется его скульптурным изображением, выполненным скульптором Татьяной Васильевной Щелкан-Руденко. Будущий вождь революции сосредоточенно вчитывается в большую книгу, которую он придерживает перед собою на колене, и вместе с тем всем своим видом – решительностью наклоненной головы и слегка отставленной вперед ногой – создает впечатление, что за чтением последует столь же решительное движение вперед – навстречу жизни, революции и будущему советского государства[150]. За «Лениным в детстве» последовали выполненные Щелкан-Руденко статуи «Ленина-гимназиста» (1938) и «Ленина-студента» (1941), не замедлившие появиться во множестве копий, воспроизводивших оригинал в скульптуре и мелкой пластике.

[148] Рецензия Р. Ковнатора в журнале «Ленинград» (1941. № 6).

[149] О биографии и творческой манере художника см.: *Пархоменко Т.А.* Художник И.К. Пархоменко в лабиринте русской культуры. 1870–1940-е годы. М., 2006.

[150] Подробнее см.: *Устьянцева Е.М., Щелкан-Руденко Т.В.* // Челябинск: Энциклопедия. Челябинск, 2001; *Малкаева И.* Фарфоровый портрет // Нева. 2005. № 12. С. 259–268.



Памятники Володе Ульянову по модели Т.В. Щелкан-Руденко установлен в многих городах России

В фольклорной мемуаристике о Ленине появилась знаменитая история о том, как он переносил бревно. Об этом читатель 1930-х годов узнал, по сути, от безымянной «дочери рабочего», пересказавшей услышанное от отца, работавшего в Кремле:

«Раз приходит отец и говорит: после семнадцатого года много валялось деревянных балок, бочек от баррикад, и комендант Кремля попросил рабочих очистить закоулки. И знаешь, кто работал с нами? Владимир Ильич. Он вышел и говорит одному из работающих: «Возьмемте, что ли, это бревно?» – взяли с ним балку и понесли»[151].

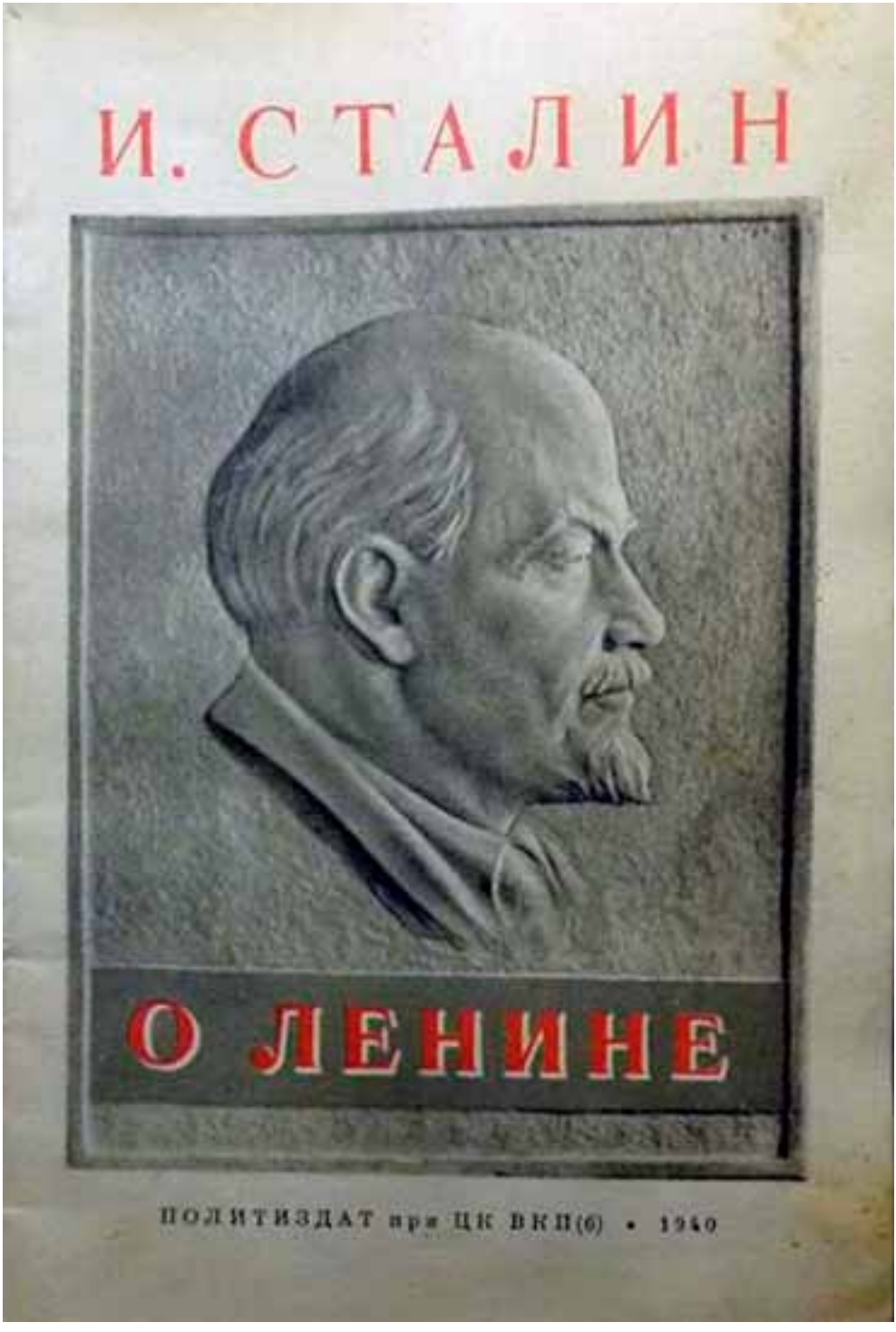
К концу 1930-х в стране, пережившей массовые операции НКВД 1937–1938 гг., по существу была ликвидирована организованная вне государства и партии общественная жизнь. Сохранявшиеся творческие организации утратили свою самостоятельность и находились под жестким контролем. В этих условиях легче было изменять образы Ленина и революции, навязывать одномерность в подходе к их наследию. Независимую разработку ленинской темы – вне соотнесения со сталинской – в те годы уже невозможно было представить. Но сталинское окружение готово было пойти дальше. «Мы все говорим ленинизм, ленинизм, – по свидетельствам, заметил как-то Лазарь Каганович на даче Сталина, – но Ленин умер много лет назад. Сталин сделал больше, чем Ленин, и мы должны говорить о сталинизме. Мы наговорились о ленинизме»[152]. Ленин становился для высшей элиты лишь абстракцией, точкой отсчета. Сталин по сравнению с ним был, как справедливо отметил Дж. Дэвлин, «осязаемой реальностью, вездесущим: и на своих портретах (излучение от них вдохновения и энергии, подобное излучению от икон, описывалось в литературе), и в ритуальных церемониях и театральных действах»[153].

И тем не менее различные сигналы позволяли уловить, что на фоне чисток, репрессий, переделки партийных рядов старые большевики воспринимали ленинский период, при всей его жесткости, как более гуманный, чем сталинский, как критерий сохранения ценностей революции 1917 года. В дневниковых записях профессора Александра Соловьева, считавшего себя образцовым советским функционером, в 1939 году можно найти:

[151] О Ленине. 1924–1939: Литературно-художественный сборник к пятнадцатилетию со дня смерти В.И. Ленина. М., 1939. С. 484.

[152] Цит. по: *Дэвлин Дж.* Миф о Сталине: развитие культа // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 6. М., 2009. С. 220.

[153] Там же.


И. СТАЛИН
О ЛЕНИНЕ
ПОЛИТИЗДАТ при ЦК ВКП(б) • 1940

«Встал бы из мавзолея т. Ленин, а из могил Маркс и Энгельс, полюбовались бы, как их преемник позволяет возвеличивать себя превыше всех и всего, выпячиваясь выше партии. Наверное, их удивительной скромности было бы очень больно»[154].

Реагировали люди и на резкий рост количества осужденных по политическим статьям. В своей записке Сталину нарком юстиции РСФСР Николай Крыленко цитировал отдельные высказывания советских граждан. Например, Саратовский краевой суд приговорил к полутора годам лишения свободы молодую колхозницу Марию Ратькову за то, что она распевала на молодежной вечеринке частушку: «Вставай, Ленин, вставай дедка, нас убила пятилетка»[155].

* * *

Накануне Великой Отечественной войны Советский Союз представлял собой уже полностью сложившуюся сложную систему, функционировавшую подобно часовому механизму. Довольно быстрая и в целом успешная – хотя вместе с тем и предельно затратная – адаптация страны к вызовам военной мобилизации убедительно доказала, что советский проект, несмотря на все его издержки, тем не менее состоялся. А значит, состоялся, сложился и структурировался важнейший культурный компонент этого проекта – пространство памяти. В этом пространстве Ленин занял важнейшую роль – культурного героя со всеми подобающими ей атрибутами, в том числе мифологией, культом, репрезентациями. Вместе с тем в этом же самом пространстве рядом с Лениным четко обозначился и другой культурный герой – Сталин, – с собственными аналогичными атрибутами. Понятно, что этот «дуумвират» не мог сохраняться долго, тем более что оформление в качестве культурного героя Сталина являлось парадоксальным – он был еще живым, относившимся к этой

[154] *Соловьев А.Г.* Тетради красного профессора (1912–1941) // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993. С. 205–206.

[155] *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 112.



Агитационная настольная лампа «В.И. Ленин». 1930-е – 1940-е гг.

жизни и этому миру, и вместе с тем обретал свойства фигуры, принадлежащей уже вечности. Отсюда функциональное размежевание между обоими культурными героями становилось неизбежным. Здравствовавший культурный герой оказывался основным, главным, актуальным, а почивший – титульным. Такая модель, в которой сосуществуют и взаимно дополняют друг друга актуальный и титульный культурные герои, просуществует до конца сталинской эпохи.

1950: «двух солнц на небе не бывает»

Десятилетие между 1940 и 1950 годами вместило в себя много трагических испытаний – Великая Отечественная война, восстановление, голод, начало холодной войны и ядерного противостояния. Поразному в это время в пространстве памяти освещался и образ Ленина. Его мавзолей нацисты включили в список главных символов СССР для уничтожения. И уже через три дня после начала войны Политбюро приняло решение о перевозе гроба с телом Ленина в Тюмень[156]. Операция по эвакуации была строго секретной и почетный караул возле мавзолея на Красной площади продолжать чеканить шаг, а фактический «пост номер 1» перемещался по стране на восток вместе с телом вождя. Вокруг него продолжал ходить почетный караул, но только тихим, специально выработанным для этой ситуации, шагом.

В знаменитой речи 3 июля 1941 года Сталин от имени Государственного комитета обороны привычно призвал весь народ «сплотиться вокруг партии Ленина–Сталина», но уже на параде 7 ноября, в иной ситуации на фронте, он дважды с трибуны мавзолея взывал к «духу великого Ленина». Этот дух, по Сталину, вдохновлял на войну против интервентов в 1918, а теперь – на Отечественную войну против фашистов. Победной весной, в апреле 1945 года, на основании приказа Сталина о реэвакуации тело Ленина привезли обратно, а 16 сентября был открыт доступ в мавзолей[157]. Знаменитые военные парады 7 ноября 1941 и 24 июня 1945 года, когда к мавзолею были брошены штандарты и знамёна поверженного Третьего рейха, соединили в пространстве памяти Октябрь, Ленина и Победу.

Впрочем, после войны ленинский образ снова ушел в тень. В своей знаковой речи на предвыборном собрании избирателей в феврале

[156] Только в конце 1980-х государственная тайна о том, что в тыловом городе был временный мавзолей, была раскрыта.

[157] В 1950 году мавзолей после двадцатилетнего его существования стал предметом искусствоведческих исследований. См.: *Стоянов Н.Н.* Архитектура мавзолея Ленина. М., 1950.

1946 года Сталин лишь вскользь упомянул слова Ленина о том, что без тяжелой индустрии невозможно отстоять независимость страны. Однако в этой же речи, не упоминая своего спора с Лениным о модели СССР, Сталин, что показательно, признал, что война опровергла утверждение, что советское многонациональное государство представляет «искусственное и нежизненное сооружение»:

> «Теперь речь идет уже не о жизнеспособности советского государственного строя, ибо его жизнеспособность не подлежит сомнению. Теперь речь идет о том, что советский государственный строй оказался образцом многонационального государства, что советский государственный строй представляет такую систему государственной организации, где национальный вопрос и проблема сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве»[158].

К 80-летию Ленина никаких заметных научных работ не появилось, а вышедшие книги на Западе сразу же отправлялись в спецхран. Так было с очерком Федора Дана «Происхождение большевизма» (Нью-Йорк, 1946), в котором он связал ленинизм с революционным прошлым вопросами организации (централизм) и авторитарными отношениями между аппаратом и рабочим классом, а также с книгой революционера, анархо-синдикалиста Всеволода Волина (Эйхенбаума) «Неизвестная революция», вышедшей в Париже в 1947 году на французском. В ней, в отличие от анархиста Максимова, личностные качества Ленина и его соратников расценивались как «бесспорно искренние». В то же время автор утверждал, что вождь большевиков обладал мышлением настоящего диктатора, никогда не доверял самостоятельным, стихийным действиям трудящихся. На Ленина возлагалась ответственность за ряд фатальных «ошибок», сказавшихся на судьбе революции. Это касалось веры в быстрое распространение революции по всему миру, от чего напрямую зависел её исход в самой России, и отсутствия ясного понимания

[158] Большевик. 1946. № 3. С. 16.



В. И. Ленин и И. В. Сталин принимают делегацию крестьян в кабинете В. И. Ленина в Кремле.
С картины художника И. Грабаря.

лия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата»[24].

Режим народной демократии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы является новой формой диктатуры пролетариата. Государственный строй народно-демократических республик с успехом выполняет функции диктатуры пролетариата. Путь стран народной демократии к социализму несомненно имеет некоторые особенности, отличающие его от уже пройденного пути Советским Союзом. Но эти особенности не касаются основного, главного, характеризующего закономерность преобразования старого общества в новое, социалистическое общество. Будущее принадлежит тем, кто идет к коммунизму под всепобеждающим знаменем марксизма-ленинизма.

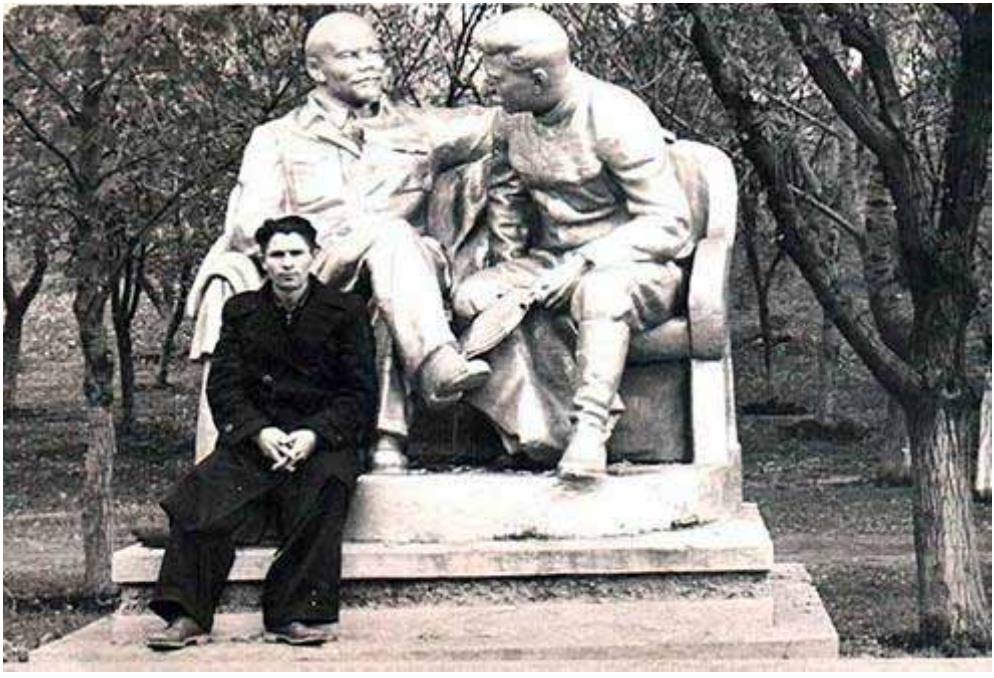
Ленин и Сталин создали первое в мире подлинно демократическое, социалистическое государство — прообраз новой жизни для трудящихся всех стран. Миллионы простых людей всего мира видят в Советском Союзе живое воплощение своей многовековой мечты о свободной и счастливой жизни. Китайские, чехословацкие, польские, румынские рабочие и крестьяне, деятели науки и культуры всех стран народной демократии приезжают к советскому народу учиться строить новую жизнь. «Цель нашей поездки — научиться строить новую, счастливую жизнь»,— так заявила простая румынская женщина, приехавшая в Советский Союз с делегацией румынских крестьян. Откуда бы ни приехали к нам посланцы многомиллионного демократического лагеря, все они видят в советском народе своего самого близкого и верного друга.

Мы горды тем, что в результате победы Советской Армии и помощи СССР теперь уже 800 миллионов человек объединены в борьбе за мир и демократию. Чем крепче и

[24] В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 393.

15

Журнал «Наука и жизнь». № 4. 1950 г.



Памятник «Ленин и Сталин в Горках». Мариуполь. 1950 г.

уже наступившего в стране бюрократического «перерождения» революционных процессов.

В 1948 году в Нью-Йорке эмигрант Давид Шуб выпустил биографию Ленина[159], в которой, в частности, сообщил, что дед Ленина Александр Давидович Бланк был крещеным евреем из Одессы, фельдшером по профессии. Шуб, в свою очередь, опирался на свидетельство известного историка русского еврейства Саула Гинзбурга, который рассказал автору в 1930-х годах, что «после большевистского переворота он долгое время работал в архиве Святейшего Синода в Петрограде и там нашел документы о еврейском фельдшере из Одессы по имени Александр Бланк, принявшем православие. Однако затем из Москвы вдруг приехала специальная комиссия, которая изъяла дело Бланка и увезла все эти документы в Москву, так

[159] См.: *Shub D.* Lenin – a Biography. New York, 1948.

как они были связаны с «дедом Ильича» (Ленина)». Доказывая еврейское происхождение Ленина по материнской линии, Гинзбург сделал еще одно предположение. По словам Шуба, прочитав воспоминания А.И. Ульяновой-Елизаровой и другие материалы о семье Ленина, которые он раньше не знал, Гинзбург заявил: «…по всей вероятности, и жена Бланка, то есть бабушка Ленина, тоже была еврейкой, и говорила она вовсе не по-немецки, а на идише»[160].

Любопытной была и судьба книги некоего Саутона «Введение в историю науки», изданной в США в 1948 году. Как сообщал Главлит в ЦК КПСС, последнее издание прошло цензорский контроль в марте 1949 года и было разрешено для общего пользования. Но в юбилейный 1950 год поступил сигнал о пропуске в этой книге нежелательного материала, поскольку, приводя сопоставление истории средних веков с современностью, автор писал:

> «С точки зрения атонитов (секта древней православной церкви), нетлеющее мертвое тело является первым признаком безнравственной жизни и дурной смерти умершего. Нужно заметить, что точка зрения атонитов никем больше не разделяется в православной церкви, которая является в этом вопросе совершенно согласной с католической церковью. Доказательством этого могут быть мощи святых, которые показывались в церквах и монастырях. Примечательно, что антиклерикальные большевики последовали этой православной традиции в отношении тела Ленина».

Таким образом, заключал цензор, Саутон «с явно враждебным умыслом» привел взгляд атонитов на нетленное тело, связав это с именем Ленина, и приписал коммунистической партии показ тела Ленина как святых мощей[161].

Тема воскрешения звучала в советском школьном учебнике по литературе, в который было включено стихотворение «Ленин» Степана Щипачева, опубликованное 14 августа 1941 года в «Правде»:

---

[160] Ibid. P. 289.

[161] Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блюм. М., 2004. С. 377.

Как прежде, Ленин бронзовый стоял
Незримой силой поднятый из праха.

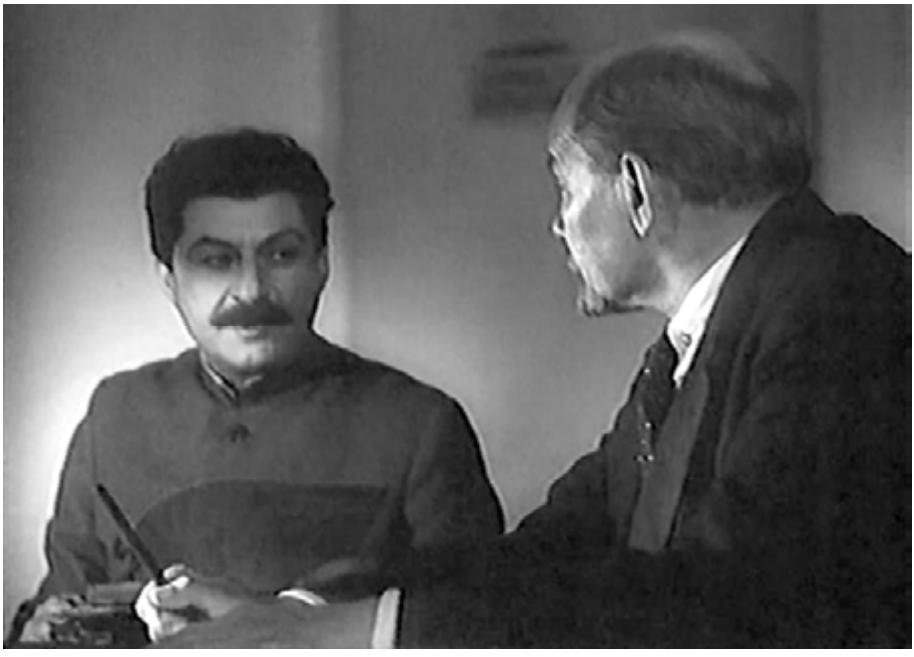
Во время ночных бомбежек Москвы Мариэтта Шагинян начала работать над будущей тетралогией о Ленине, над разгадыванием тайны его характера – тайны поведения как ключа «к тому комплексу, который влияет на вас в другом человеке, внушает доверие и уважением к нему, жажду за ним следовать»[162]. А один из создателей в военные годы гимна СССР Сергей Михалков к 80-летию вождя написал стихотворение «В музее В.И. Ленина» о детстве, взрослении и превращении маленького Володи в вождя революции (с упоминанием читанных им книжек, похвального гимназического листа, посещения тайных сходок, полицейской слежки, ссылки в Сибирь, скрывания в шалаше, штурма Зимнего, ночной работы в Кремле). Завершалась эта история умиротворяющим появлением Сталина, советами которого Ленин благодарно пользуется:

Крестьяне из далеких сел
Сюда за правдой шли,
Садились с Лениным за стол,
Беседу с ним вели.
И здесь со Сталиным не раз
Советовался он…

Образ Сталина, разговаривающего с Ильичом, завершался клятвой пионеров «жить, как Ленин», и так же, как Ленин, служить Родине, партии, а значит – и Сталину:

Клянемся так на свете жить,

[162] *Шагинян М.С.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. 5: Семья Ульяновых; Тетралогия; Очерки и статьи о Ленине; 1935–1981. М., 1988. С. 447.



Фильм Сергея Юткевича «Свет над Россией»

Клянемся ленинским путем –
Прямее нет пути! –
За мудрым и родным вождем –
За партией идти!

А вот в послевоенном кино образ Ленина из-за ревности Сталина просто провалился. В картине «Свет над Россией» Сергея Юткевича, построенной на основе довоенной пьесы Николая Погодина «Кремлевские куранты», озлобленный инженер Забелин назло большевикам не строит электростанции, а торгует спичками в розницу и буквально напрашивается на расправу в ЧК. Однако внимание Дзержинского, Ленина и Сталина превращают саботажника в энтузиаста ленинского плана ГОЭЛРО. На сдаче фильма в мае 1947 года особенно внимательно рассматривалась роль Сталина, которую играл ставший к тому «монополистом» этого кинообраза Михаил Геловани. Авторов поздравили с удачей, но буквально через день



1 рубль «Ленин 80 лет со дня рождения» – копия пробной монеты СССР. Это монеты не попавшие в регулярный выпуск, а возможно и вообще оставшиеся только на бумаге в виде проектов или эскизов.

появился документ, подписанный министром кинематографии Иваном Большаковым: «Признать фильм «Свет над Россией» политически порочным… Недостаточно обрисован образ товарища Сталина, являвшегося, как известно, соавтором плана ГОЭЛРО». Срочные переделка сценария и пересъемка не помогли, картину велено было уничтожить[163].

Версия о ревности Сталина к Ленину не столь уж надуманна. Та же участь в 1949 году постигла фильм Марка Донского «Алитет уходит в горы». В экранизации популярного тогда романа об установлении советской власти на Чукотке кульминационной стала сцена, где узнавшие о болезни Ленина чукчи вызывают шамана, чтоб тот камланием отогнал от Ленина злых духов, а затем с той же целью нарекают именем Ленин новорожденного младенца. После просмотра, вызвавшего резкое неудовольствие Сталина, Лаврентий Берия заявил режиссеру: «Учтите: двух солнц на небе не бывает». Фильм, в неизвестно кем перемонтированном варианте, все же вы-

[163] *Юткевич Сергей.* Мы с увлечением начали съемки // Искусство кино. 1988. № 2. С. 94.

шел, но без этой сцены, а Донского, до конца дней считавшего эту картину одной из любимых своих работ, сослали в Киев[164].

Завершался 80-летний юбилей Ленина переформатированием пространства памяти о нем. Правда, оно было отложено на следующий год. В августе 1951 года Политбюро ЦК утвердило Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 22 января, дня памяти, рабочим днем. Сталин отредактировал указ следующим образом:

«Идя навстречу многочисленным пожеланиям трудящихся и учитывая поступившие заявления от профсоюзных и других общественных организаций, в которых справедливо указывается, что проведение 22 января как нерабочего, праздничного дня не соответствует характеру событий – памяти В.И. Ленина и 22 (9) января 1905 года, – которым посвящается этот день, Президиум Верховного Совета СССР постановляет: 1. Считать 22 января рабочим днем (Сталин зачеркнул «за исключением тех случаев, когда он совпадает с воскресным днем». – *Авт.*). 2. Отмечать и впредь 22 января как день, посвященный памяти В.И. Ленина и 9 января 1905 года»[165].

* * *

Снижение значения ленинских дат свидетельствует о том, что культ Ленина окончательно стал второстепенным по отношению к культу Сталина. Он даже не пытался искать себе дополнительную опору в Великой Победе. Она вообще не попадала в систему государственных праздников и иерархию культов и культов юбилеев, где однозначно Сталин был на вершине, а далее следовали Октябрь и Ленин. В этом смысле какого-то качественного переформатирования пространства памяти и его титульного культурного героя по сравнению с тем, что было в предыдущий круглый юбилей, не произошло. Просто запущенные к концу 1930-х годов процессы заметно усилились, но вместе с тем не привели к чему-то новому.

[164] *Марголит Евгений.* Указ. соч. См. также: *Мильдон В.* Монолог для хора: двойник-призрак. Образы Ленина и Сталина в советском кино 30–40-х гг. // Киноведческие записки. 1999. № 43

[165] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956. С. 377.

IV

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ СИМВОЛ

1960: новый идеологический поворот

После смерти Сталина произошло резкое переформатирование пространства памяти о Ленине. 4 января 1955 года ЦК КПСС решил, что целесообразно отмечать не день его смерти, что «накладывает печать траура и скорби», а день рождения – 22 апреля. Отказ от траура и скорби был понят своеобразно. Повсеместно стали появляться памятники Ленину. Даже полярники третьей советской антарктической экспедиции, первыми в мире достигшие в декабре 1958 года полюса недоступности, на крышу домика-бытовки площадью 24 квадратных метра торжественно водрузили специально привезенный с собой бюст Ленина[166]. Начиная с 1960 года, «круглые» юбилеи Ленина неизменно предварялись специальными постановлениями ЦК КПСС. Если судить по ним, то знаменательную дату 90-летия со дня рождения вождя советский народ и все человечество отмечали в «обстановке всемирно-исторических побед коммунизма».

В школьных программах появились «Рассказы о Ленине». Однако, безусловно, главным после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде партии стало назначение Сталина на роль субъекта памяти, в пространстве которой главным и единственным, а не титульным культурным героем снова становился Ленин, причем в изначальном своем образе – добрый и человечный. Как заметил историк и религиовед Сергей Фирсов, Хрущеву надо было непременно покончить

[166] См.: Комсомольская правда. 2012. 13 февраля. В 2007 году этот бюст обнаружили трое британцев, которые дошли пешком до так называемого Полюса недоступности, то есть места в Антарктиде, наиболее удаленного от береговой линии.



Британо-канадская экспедиция у бюста Ленина на Южном полюсе недоступности. 2007 г. Наш Антарктический Ленин может быть признан: 1) самым южным памятником на Земле, 2) самым недоступным памятником на Земле, 3) памятником, воздвигнутым в самой сухой и холодной точке планеты, 4) самым редко посещаемым памятником в мире – вживую его видели не более 40 человек

с формулой «Ленин великий, а Сталин – это Ленин сегодня», «разделить этих сиамских близнецов». Но разделив, казалось, неразделимое железным ржавым ножом, он должен был поднять Ленина до необыкновенных высот[167]. В принципе это удалось сделать, хотя по западным радиоголосам время от времени можно было услышать – и всё это потом подтвердилось документально – о разбрасываемых листовках с протестом против нахождения у Кремля «главного богохульника России», о том, что за год до 90-летия Ленина один из посетителей мавзолея бросил в саркофаг молоток и разбил стекло.

[167] См.: *Вольтская Татьяна.* «Фигура политическая и сказочная». Историки – о ленинском мифе // https://www.svoboda.org/a/29575497.html

Тела вождей не пострадали, а мужчина был задержан и отправлен в психиатрическую больницу, где его оформили как «безымянного пациента». Через два с половиной месяца после юбилейных торжеств житель г. Фрунзе К.Н. Минибаев вспрыгнул на барьер и ударом ноги разбил стекло саркофага. Осколки повредили кожу забальзамированного тела Ленина. Из-за восстановительных работ мавзолей был закрыт до 15 августа[168].

Чему служили и что открыли новые источники

Крутой поворот в сфере идеологии призваны были оправдывать публикации ленинских работ. В изданных впервые в 1956 году последних письмах и статьях Ленина главный акцент делался на критике Сталина. Другой особенностью было использование текстов Ленина для текущего момента. В разгар освоения целинных земель вышла краткая биография, в которой указывалось: «Большое внимание Ленин уделял вопросам повышения урожайности сельскохозяйственных культур. Одним из важных средств увеличения производства зерна в стране он считал расширение посевов кукурузы. В письме Г.М. Кржижановскому Ленин писал: «Преимущества кукурузы (и фасоли) в целом ряде отношений, видимо, доказаны. Раз это так, надо принять меры более быстрые и более энергичные. Особое значение имеет то, что семян надо в 10–15 раз меньше обычного. Это, казалось бы, решающее соображение. *Надо тотчас постановить, чтобы всё количество кукурузы, необходимое для полного засева всей яровой площади во всём Поволжье, было закуплено своевременно для посева весной 1922 года.* Для достижений цели надо рядом с этим: 1) выработать ряд очень точных и очень обстоятельно обдуманных мер для пропаганды кукурузы и обучения крестьян культуре кукурузы при наличных скудных теперешних средствах»»[169]. Вы-

[168] «Встань и иди»: кто покушался на мертвого Ленина // https://news.rambler.ru/incidents/41893152/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copy link

[169] Ленин Владимир Ильич. Краткая биография. Изд. 2-е. М., 1955. С. 266; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 274.

деленные слова курсивом в издании 1955 года были опущены (хотя в «Ленинском сборнике», на который ссылаются авторы биографии, документ приведён полностью)[170] – и неслучайно, ведь Ленин в 1921 году озаботился проблемой кукурузы именно из-за проблемы голода и из-за отсутствия зерна и хлеба в Поволжье, тогда как в 1955 году его слова, вырванные из контекста, представляли собой подтверждение тогдашней политики КПСС в области сельского хозяйства[171].

Осенью 1956 года ЦК разрешил издательствам самостоятельно решать вопросы о публикации научных работ и художественных произведений о В.И. Ленине[172]. Это обернулось тем, что из архивных залежей было извлечено немало недостоверных воспоминаний, легенд и небылиц от так называемых лениноведов. К примеру, самарский период жизни Владимира Ильича вспоминали Скиталец (С.Г. Петров) и А.А. Беляков. В книге Скитальца «Повести и рассказы», вышедшей к 90-летию вождя, автор писал о своих встречах с юным Владимиром Ульяновым в мае 1887 года на квартире Марка Елизарова, якобы «вышибленного» из Петербургского университета во время студенческих волнений:

> «Было ясно, что даже по своей теоретической вооруженности Владимир Ульянов представляет незаурядное явление. Ульянов сыпал датами, цифрами, историческими подробностями. Спорить с ним не приходило в голову ни мне, ни Елизарову»[173].

Однако ни Скиталец, ни Елизаров на самом деле не могли встретиться с Владимиром Ульяновым, поскольку с 5 мая по 6 июня 1887 г. он сдавал экзамены на аттестат зрелости, а Марка Елизарова из университета не «вышибали» в 1887 г.: он его успешно окончил в 1886 г., с Владимиром Ульяновым впервые встретился в конце 1888 г. в Казани, когда приезжал к своей невесте Анне Ульяновой, находившейся в ссылке под гласным надзором полиции в Кокушкино.

---

[170] Ленинский сборник. XXIII. С. 114–115.

[171] *Распутин И.С.* Указ. соч. С. 29–30.

[172] См.: О порядке издания произведений о В.И. Ленине. Постановление ЦК КПСС 11 октября 1956 г. // Справочник партийного работника. М., 1957. С. 363–365.

[173] *Скиталец (С.Г. Петров).* Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960. С. 280–281.

А на полях рукописи А.А. Белякова, работавшего в Институте Ленина, которую читали А.И. Елизарова, М.И. Ульянова, Н.К. Крупская, осталось множество пометок, замечаний о недостоверности многих эпизодов, связанных якобы с жизнью Владимира Ульянова в Самаре[174]. Тем не менее с этой рукописью, хранившейся в Институте марксизма-ленинизма, познакомились А.И. Иванский и другие авторы книг о молодом Ульянове. В 1958 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу «Юность вождя», а в 1960 году вышло второе её издание. Но что самое удивительное, многое из этих авторских домыслов затем попало в первый том официальной биографической хроники «Владимир Ильич Ленин»[175].

Накануне 90-летия Институт истории партии при ЦК КП Латвии издал книгу «О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии». Многие описанные в книге факты, как оказалось, также не соответствовали действительности. Например, утверждалось, что «почти ежедневно в Кремле собиралось около двухсот человек, желавших говорить с Лениным. Обычно Ленин вместе с Фотиевой опускался вниз, в зал… и за несколько часов удовлетворял множество посетителей». В действительности таких массовых приемов у Ленина не было. Один из авторов сборника – А. Милтынь – вспоминал, что «у Ленина был строгий режим дня. До 3 часов ночи он обычно работал, с 3 до 4 ночи он один прогуливался по кремлевской территории, с 4 до 7 или 8 – спал. И затем снова начинался рабочий день, полный тревог». Этот «режим дня» Ленина являлся вымыслом. В сборник попала и нелепая выдумка об экономке Марте, которая якобы «готовила Ленину кушанья и заодно его охраняла». Никакой экономки Марты у Ленина не было. Хозяйство вела А.М. Сысоева, жившая длительное время по рекомендации Г.М. Кржижановского в семье Ленина[176].

---

[174] См.: *Поддубная Р.П.* Освещение биографии В.И. Ленина // Историческая истина и «момент гипотетичности» в мемориальном музее. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию Дома-музея В.И. Ленина в г. Самаре. Самара, 21–22 декабря 1999 г. Самара, 2001. С. 4–19; *Голодько А., Жук Г., Левина З.* Научная достоверность и авторский домысел // Коммунист. 1968. № 8. С. 122–128.

[175] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Том 1. М., 1970. С. 40–71.

[176] См.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы. М., 2005. С. 520–521.

Впервые в воспоминаниях были раскрыты и обстоятельства, когда Ленин был готов покинуть Москву, перейти на нелегальное положение или даже эмигрировать ради продолжения борьбы за мировую революцию. Этот эпизод произошел осенью 1919 года, когда большевики столкнулись с быстрым и успешным наступлением армии генерала А.И. Деникина. Е.Д. Стасова, секретарь ЦК РКП(б), позднее писала:

> «Для партии не исключена была необходимость вновь уйти в подполье, если бы силы внутренней контрреволюции и иностранные интервенты взяли верх. И вот пришлось заранее заботиться о паспортах для всех членов ЦК и для Ленина в первую очередь. Нужно было обеспечить партию и материальными средствами. С этой целью было приготовлено большое количество бумажных денег царских времен… Для обеспечения их сохранности были сделаны оцинкованные ящики, в которые эти деньги были упакованы и переданы Николаю Евгеньевичу Буренину для сохранения их в Петрограде. Он закопал их, насколько я знаю, за городом, где-то в Лесном, а впоследствии даже сфотографировал их раскопку, когда советская власть окончательно утвердилась. Тогда же на имя Н.Е. Буренина… был оформлен документ о том, что он является владельцем гостиницы «Метрополь». Сделано это было с целью обеспечить партию материально. К счастью, Н.Е. Буренину не пришлось воспользоваться документом»[177].

Одновременно в советский спецхран поступали воспоминания, изданные на Западе. Наиболее заметными являлись воспоминания Н.В. Валентинова (Вольского) «Встречи с Лениным», которые впервые появились в 1953 году на русском языке в нью-йоркском Издательстве имени Чехова с предисловием редактора «Нового журнала» Михаила Карповича. Западный читатель мог впервые познакомиться с иным подходом к раскрытию духовных корней ленинизма, особенностями личности вождя. С особым пристрастием мемуарист

[177] *Стасова Е.Д.* Страницы жизни и борьбы. М., 1960. С. 107; См. также: *Буренин Н.Е.* Памятные годы. Л., 1967. С. 7–8.

проследил эволюцию философских воззрений Ленина. Как считает Валентинов, именно его столкновение с Лениным в 1904 году по поводу философской концепции Авенариуса и Маха сыграло роль толчка, сигнала, отзвуком которого явилась ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм». Непривычно воспринимались и заставляли серьёзно задуматься и валентиновские откровения о проблеме единоначалия в партии. Из мемуаров следовало, что Владимиру Ильичу было абсолютно ясно:

> «Право на дирижерскую палочку в партии может принадлежать только ему… право утверждалось с такой простотой и уверенностью, с какой говорят: «2×2=4». Для Ленина это была вещь, не требующая доказательств. Непоколебимая вера в себя, которую много лет позднее я называл его верою в свою предназначенность, предначертанность того, что он осуществит какую-то большую историческую миссию, меня сначала шокировала. В последующие недели от этого чувства мало что осталось, и это не было удивительным: я попал в Женеву в среду Ленина, в которой никто не сомневался в его праве держать дирижерскую палочку и командовать. Принадлежность к большевизму как бы предполагала своего рода присягу на верность Ленину, на покорное следование за ним»[178].

Валентинов искал подтверждение своим чувствам и наблюдениям у других представителей ленинского окружения, в частности, у А.Н. Потресова, ещё с 1894 года знавшего Ленина, вместе с ним организовавшего и редактировавшего «Искру», но затем, в течение первой и второй революций, возненавидевшего Ленина. Однако Потресов, арестованный на несколько месяцев в 1919 году, нашёл в себе достаточно беспристрастности, чтобы после чуть более двух десятилетий признать за Лениным бесспорные качества:

> «Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по-видимому, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным. Ни

[178] Цит. по: *Валентинов Николай.* Встречи с Лениным // Волга. 1990. № 11. С. 105.

Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, господства над ними. Только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем, ибо только Ленин представлял, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающей фанатическую веру в движение, в дело с не меньшей верой в себя. Это своего рода волевая избранность Ленина производила когда-то и на меня впечатление»[179].

Из публикации Валентинова следовали и другие неожиданные личностные характеристики Ленина, которые невозможно было, естественно, отыскать во всем официальном партийном пятитомном издании «Воспоминания о В.И. Ленине». По мнению мемуариста, в боевых кампаниях врагом Ленина мог быть вождь народников – Михайловский, меньшевик Аксельрод, партийный товарищ Богданов и даже никакого отношения к политике не имевший цюрихский философ Р. Авенариус. Он «бешено их всех ненавидит, хочет им «дать в морду», налепить «бубновый туз», оскорбить, затоптать, оплевать»:

«С таким ражем он сделал и Октябрьскую революцию, а чтобы склонить к захвату власти колеблющуюся партию, не стеснялся называть её руководящие верхи трусами, изменниками и идиотами. За известным пределом исступленного напряжения его волевой мотор отказывался работать. Топлива в организме для него уже не хватало. После взлёта или целого ряда взлётов ража – начиналось падение энергии, наступала психическая реакция, агония, упадок сил, сбивающая с ног усталость. Ленин переставал есть и спать. Мучили головные боли. Лицо делалось буро-желтым, даже чернело, маленькие острые монгольские глаза потухали»[180].

---

[179] Там же. С. 111–112. Вполне сочувственно мемуары Потресова позднее цитировал В.А. Поцелуев, считавший, что именно они дают понять, «откуда в Ленине эгоизм революционера-большевика и безжалостное отношение к политическим оппонентам – врагам партии, “врагам народа”». См.: *Поцелуев В.А.* Великий Ленин. «Вечно живой». М., 2014. С. 44.

[180] Цит. по: *Валентинов Н.* Указ. соч. С. 122.

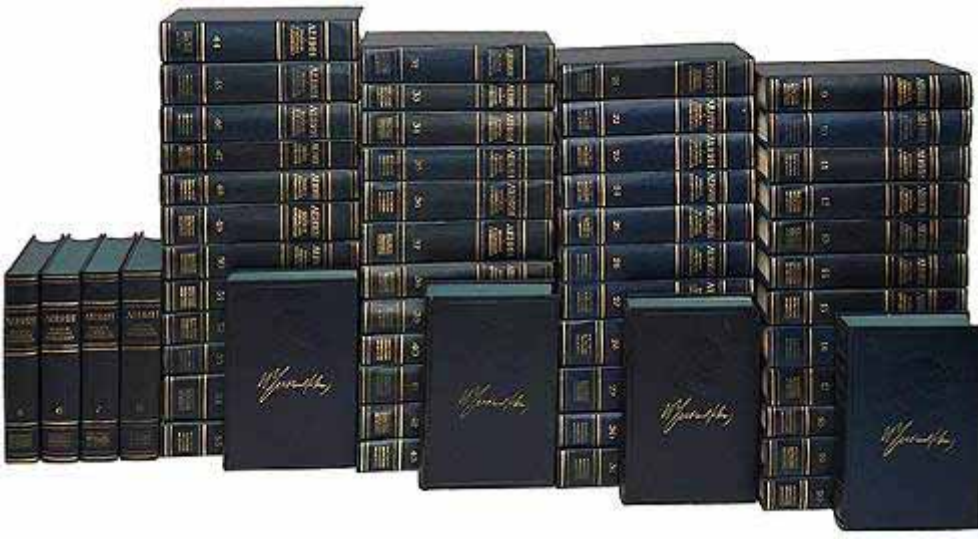
В 1955 году в спецхране появились и воспоминания Елизаветы Лермоло «Лицо жертвы», в которых впервые подробно излагалась её версия смерти Ленина в результате отравления ядом[181]. Автор, находясь 8 лет после убийства С.М. Кирова в политическом «изоляторе» (поскольку была знакома с убийцей Леонидом Николаевым), познакомилась там с Гавриилом Волковым, старым большевиком, участником революции 1917 года, директором столовой в Кремле, а затем направленным в Горки, где он служил личным поваром Ленина. От него стало известно, что в течение всей зимы 1923/1924 года Крупскую несколько раз срочно вызывали в Кремль, где ей приходилось задерживаться на день-два. И именно в моменты этих отлучек здоровье Ленина резко ухудшалось, а 21 января 1924 года он незаметно от дежурного врача сунул Волкову записку, в которой неровным почерком было написано: «Гаврилушка, меня отравили… Сейчас же позови Надю… Скажи Троцкому… Скажи всем, кому сможешь…» Однако эта информация тогда не стала поводом для специального расследования и была проигнорирована.

Кроме воспоминаний, за рубежом вышли документальные сборники, которые сосредотачивались исключительно на темах финансирования партии большевиков со стороны Германии, возвращения Ленина в Россию и его родословной. Все эти материалы поступали в советский спецхран, в том числе результаты разбора немецких архивов (преимущественно Министерства иностранных дел, так как архивы немецкого военного ведомства погибли) и публикаций документов, которыми занимались З. Земан и В. Хальвег[182].

Новые возможности для обновления исторических знаний и переосмысления роли Ленина открывало издание пятого собрания его

[181] Две главы из этой книги «Лик жертвы» и «Погреб смерти» были опубликованы в мюнхенском журнале «Свобода» (1956. № 48 и № 49).

[182] Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / Ed. by Z.A.B. Zeman. London, New York, Oxford University Press, 1958. На русском языке см.: Германия и революция в России, 1915–1918. Документы из архивов Министерства иностранных дел Германии. СПб., 1994; *Hahlweg Werner.* Lenins Rückkehr nach Russland, 1917: die deutschen Akten. Leiden, 1957. На русском языке см.: *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Германские документы. М., 1990.



Пятое собрание сочинений Ленина

сочинений, которое дольше, чем какое-либо из четырех предшествующих изданий, находилось на «вооружении партии», как тогда было принято выражаться. Первый том этого собрания вышел в свет в 1958 году, а последний, 55-й, – в 1965-м. Основной и четыре дополнительных тиража каждого тома Полного собрания сочинений достигли в общей сложности почти 700 тысяч экземпляров[183]. Однако довольно быстро было осознано множество противоречий в самой источниковой базе ленинского наследия. Все 55 томов по своему составу, вводным статьям, комментариям и указателям имен отражали существовавшие тогда в общественных науках методологические подходы. Практически полностью отсутствовали документы, в которых Ленин доброжелательно бы отзывался о таких представителях своего ближайшего политического окружения, как Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, Н.Н. Крестинский, К.Б. Радек и др. В названиях документов в отдельных случаях вместо фамилий называлось учреждение, которое возглавлял адресат,

[183] См.: Проблемы лениноведения. М., 1990. С. 6.

например, «Телеграмма председателю Реввоенсовета», то есть Троцкому.

В научно-справочном аппарате именные справки давались с теми же оценками, что и в энциклопедических изданиях того времени. Таким образом исключались любые поводы для разночтений. Круг же окружения Ленина, то есть соратников, был ограничен. В примечаниях, посвященных историческим событиям – партийным съездам, митингам, действиям фронтов в Гражданской войне и т. д., – назывались не все активные участники, многие оставались в числе «и другие». Большевистские лидеры, допущенные в ленинское окружение, оценивались одномерно – об их ошибках или колебаниях упоминать было не принято. При освещении внутрипартийной борьбы оппозиционеры квалифицировались как сознательные пособники буржуазии, враги рабочего класса, которые стремились столкнуть трудящихся с революционного пути. Та же тенденция прослеживалась и по отношению ко всем немарксистским партиям – народникам, эсерам, меньшевикам и т. д. Односторонне характеризовались и отдельные общественные движения – к примеру, пацифистское.

Новые исследовательские тенденции

Из серьезных работ этого времени обратили на себя внимание вышедшая в 1960 году официальная, научная, но, к сожалению, абсолютно стерильная шестисотстраничная биография Ленина, написанная академиком П.П. Поспеловым и восемью другими авторами[184]. Вышли книги Б.В. Яковлева «Ленин и Гёте» (1957), «Ленин читает…» (1962) и др. Если в СССР была взята линия на канонизацию биографии и текстов Ленина, то на Западе, за редким исключением, – на собирание порочащих вождя фактов и противопоставление его оппонентам. В советский спецхран попали монография известного

[184] Биография написана авторским коллективом в составе: П.Н. Поспелов (руководитель), В.Е. Евграфов, В.Я. Зевин, Л.Ф. Ильичев, Ф.В. Константинов, А.П. Косульников, З.А. Левина, Г.Д. Обичкин, П.Н. Федосеев.

американского историка Роберта Дэниелса о том, как моральный выбор русской интеллигенции повлиял на Ленина и русскую революционную традицию[185] и книга Леонарда Шапиро «Коммунистическая партия Советского Союза». Вторая ее часть называлась «От Ленина к Сталину». Известный английский советолог сделал ставку на причины атрофии партии как единого организма уже в 1918 году и считал, что методы, правления, разработанные Лениным после 1917 года, беспрецедентны в истории политических систем. Они оставались единственными в своем роде, пока им не стали подражать в других странах. В отличие от других авторитарных режимов, других диктатур и деспотий, ленинский строй, по мнению Шапиро, обладал единственным в своем роде свойством, что учредил, казалось бы, независимые политические институты – Советы, суды, профсоюзы и т. д., однако с самого начала он поставил дело так, чтобы все эти институты действовали под руководством одной-единственной политической партии, члены которой связаны между собой идеологией и суровой дисциплиной. Это помогло Сталину овладеть административной машиной партии. Однако сталинский выбор в логике ленинского действия не означал, что если бы Ленин был жив, то он допустил бы развитие этой тенденции[186].

Подавляющее большинство исследований было сосредоточено на других вопросах, в первую очередь на немецких деньгах[187] и родословной Ленина. Уже упоминавшийся Земан, разбиравший немецкие архивы, написал (в соавторстве с В. Шарлау, специалистом по Парвусу) книгу: «Торговец революцией. Жизнь Александра Гельфанда (Парвуса)»[188]. Не сомневался в том, что существовал германо-большевистский заговор 1917 года Давид Шуб, который в 1959 году писал:

---

[185] *Daniels R.* Lenin and the Russian Revolutionary Tradition // Russian Thought and Politics / Ed. by H. McLean // Harvard Slavic Studies. 1957. Vol. IV.

[186] *Schapiro Leonard.* The Communist Party of the Soviet Union. London, 1960. В 1975 году эта книга вышла во Флоренции (издательство Edizioni Aurora) на русском языке.

[187] Обсуждение этого вопроса, например, см.: *Kennan George F.* «The Sisson Documents» // The Journal of Modern History. Vol. 28. № 2. P. 130–154.

[188] *Zeman Z.A.B., Scharlau W.B.* «The Merchant of Revolution». The Life of Alexander Israel Helpland (Parvus). 1867–1924. London, New York, 1965.

«Как это точно установлено из тайных документов германского Министерства иностранных дел, которые после Второй мировой войны попали в руки американцев и англичан, а также из документов австро-венгерского Министерства иностранных дел, Ленин в самом начале войны получил от «Союза вызволения Украины» 5 тысяч долларов на возобновление своей газеты «Социал-демократ», которую он издавал в Швейцарии»[189].

Однако никаких ссылок на источник, на конкретные документы автором приведено не было. Версию о заговоре поддерживал и Алэн Мурхэд[190]. Проведя тщательное исследование этого факта и всех доступных документов, исследователь Ярослав Козлов показал всю надуманность и бездоказательность такой версии[191].

На протяжении всех 1950-х годов за рубежом внимательно изучалась генеалогия Ленина. Причем споры вокруг нее находились в контексте идеологических процессов в советском обществе, в частности, всплеска антисемитизма, вызванного «делом врачей». Цель многочисленных статей – разоблачение мифа советской пропаганды о том, что Ленин являлся стопроцентным великороссом[192]. Обобщая известные за рубежом сведения о родословной Ленина, Валентинов (Вольский) писал:

«Бабушка Ленина по линии матери была, несомненно, немка… Более противоречивы сведения, где эта бабушка-немка родилась: одни указывают Петербург, среду зажиточных коммерсантов, другие, что нам кажется ошибочным, немецкие поселения в Саратовской губернии на Волге. Но кто был отцом матери Ленина, его дедом? На это отвечают – Александр Дмитриевич Бланк, родившийся в 1802 году, умерший в 1873. Какова национальность Бланка? На этот счет существует странное, упорное и непонятное молчание. Ни в одном из ме-

[189] *Шуб Давид.* Ленин и Вильгельм II. Новое о германо-большевистском заговоре // Новый журнал. 1959. № 57.

[190] *Moorehead Alan McCrae.* The Russian Revolution. New York, 1958.

[191] См.: *Козлов Ярослав.* Фальсификация и ложь. 5000 долларов для В.И. Ленина // https://yroslav1985.livejournal.com/59475.html

[192] *Валентинов Н.* Ленин в Симбирске // Новый журнал. 1954. № 37. С. 221.

муаров Ульяновых, ни в одной биографии Ленина нет на то ответа. Крупская в статье, помещенной в 1938 г. в «Большевике», о детстве и ранней юности Ленина бросила следующую фразу: «Мать Марии Александровны была немка, а отец был родом с Украины»… «Родом с Украины» не значит еще – «украинец». Бланк не украинская фамилия. Есть сведения (они будто бы хранятся в архивах Института Маркса–Энгельса–Ленина в Москве), что он родился на Волыни, то есть в пределах Украины, но был евреем. Фамилия Бланк у евреев довольно часто встречается. Но если А.Д. Бланк был евреем, то, несомненно, крещеным (православным, протестантом). Говорить с уверенностью об еврейском происхождении Бланка – все-таки нельзя»[193].

Валентинов выступал категорически против выведения психологического портрета или политических взглядов Ленина из его «раскосых глаз и скул монгола», унаследованных от отца, потому что «русских людей с обликом Ильи Николаевича Ульянова и сына его Владимира Ильича можно во множестве найти по всей восточной, приволжской и заволжской части России»[194].

Молчание официальных советских институтов, занимающихся научной биографией Ленина в канонических рамках, подогревало интерес к различного рода спекуляциям вокруг его имени. В 1960 году была опубликована новая статья Валентинова «О предках Ленина и его биографиях», в которой он опирался на роман-хронику М.С. Шагинян «Семья Ульяновых», вышедший в 1957 году и уделивший особое внимание семье бабушки Ленина по линии матери – Анны Грошопф, а также сведениям о том, что А.Д. Бланк в начале своей службы в Петербурге семь лет был полицейским врачом, а также служил в Перми и Златоусте. Валентинов, касаясь национальности Бланка, писал, что о месте его рождения ему ничего не известно, но он уверен – «Бланк не еврей», поскольку трудно допустить, что при Николае I, еврей мог быть в Петербурге семь лет

[193] Там же. С. 222.
[194] Там же. С. 223.

полицейским врачом, и «совсем нужно отвергнуть мысль, что еврей, даже крещеный, мог в то же время стать владельцем крепостных душ». Мало согласовывалась с его еврейством и женитьба на немке Анне Ивановне Грошопф, происходившей из состоятельной и по тому времени очень культурной семьи[195].

Против всех этих доводов резко выступили сторонники версии еврейского происхождения А.Д. Бланка. Они утверждали, что Бланк – фамилия еврейская, что переход в христианство (хотя бы в лютеранство) зачеркивал еврейство и давал все права службы, что еврей-выкрест легко мог выслужить дворянство (при Николае I чин VIII класса уже давал потомственное дворянство, позднее эту норму повысили). Доктор Бланк прослужил 23 года (до 1847) и вышел на пенсию в чине надворного советника (VII класс). Ничто не мешало ему приобрести имение с крепостными в Казанской губернии, где никто не знал его одесских родных, и записаться в III часть родословной книги казанского дворянства. Для этого надо было лишь представить послужной список, а в нем указывались дата рождения, сословие и вероисповедание, но не упоминались ни национальность, ни имена родителей. Наконец, почему немка из состоятельной семьи не могла выйти замуж за православного врача, бывшего еврея, хорошо обеспеченного?[196]

Однако эти доводы подвергла сомнению Анна Бургина, русский историк, специалист по политическим партиям в России, работавшая в США в Стэнфордском университете. В письме «К вопросу о происхождении деда Ленина», напечатанном в газете «Новое русское слово» 9 апреля 1961 года, она привела имена нескольких русских Бланков, которые определенно не были евреями. В заключение она писала: «Кто знает, сколько русских Бланков жили в России и

[195] *Валентинов Н.* О предках Ленина и его биографиях // Новый журнал. 1960. № 61. С. 222. Немецкий историк Георг фон Раух также много лет изучал немецкие архивы и проследил родословную Анны Ивановны Грошопф до XIV века. Предки Владимира Ильича в Швеции были отслежены до первой трети XVIII века. См.: *Rauch G., von.* Lenins Lübecker Ahnen // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumbskunde. Bd. 4Ü. Lübeck, I960.

[196] *Историк.* О предках Ленина. Письмо в редакцию // Новый журнал. 1961. № 63. С. 286–287.

живут сейчас? Не мог ли А.Д. Бланк, дед Ленина, происходить от одного из русских Бланков? Неужели он должен быть тем фельдшером из Одессы, крещеным евреем, Александром Давидовичем Бланком, чье имя случайно обнаружено в Архивах Синода?»

Знамя перемен в культуре

Смерть Сталина, идеологический поворот и последовавшая за ними дискуссия об «искренности в литературе»[197] стали стимулом к заметным переменам в художественной лениниане. В октябре 1956 года было отменено постановление Политбюро 1938 года о романе Мариэтты Шагинян, что ослабило цензурные ограничения, связанные с ленинской тематикой[198]. Читатели получили сразу три издания романа Шагинян, а также подготовленный ею биографический очерк «Предки Ленина с отцовской стороны (Наброски к биографии)»[199].

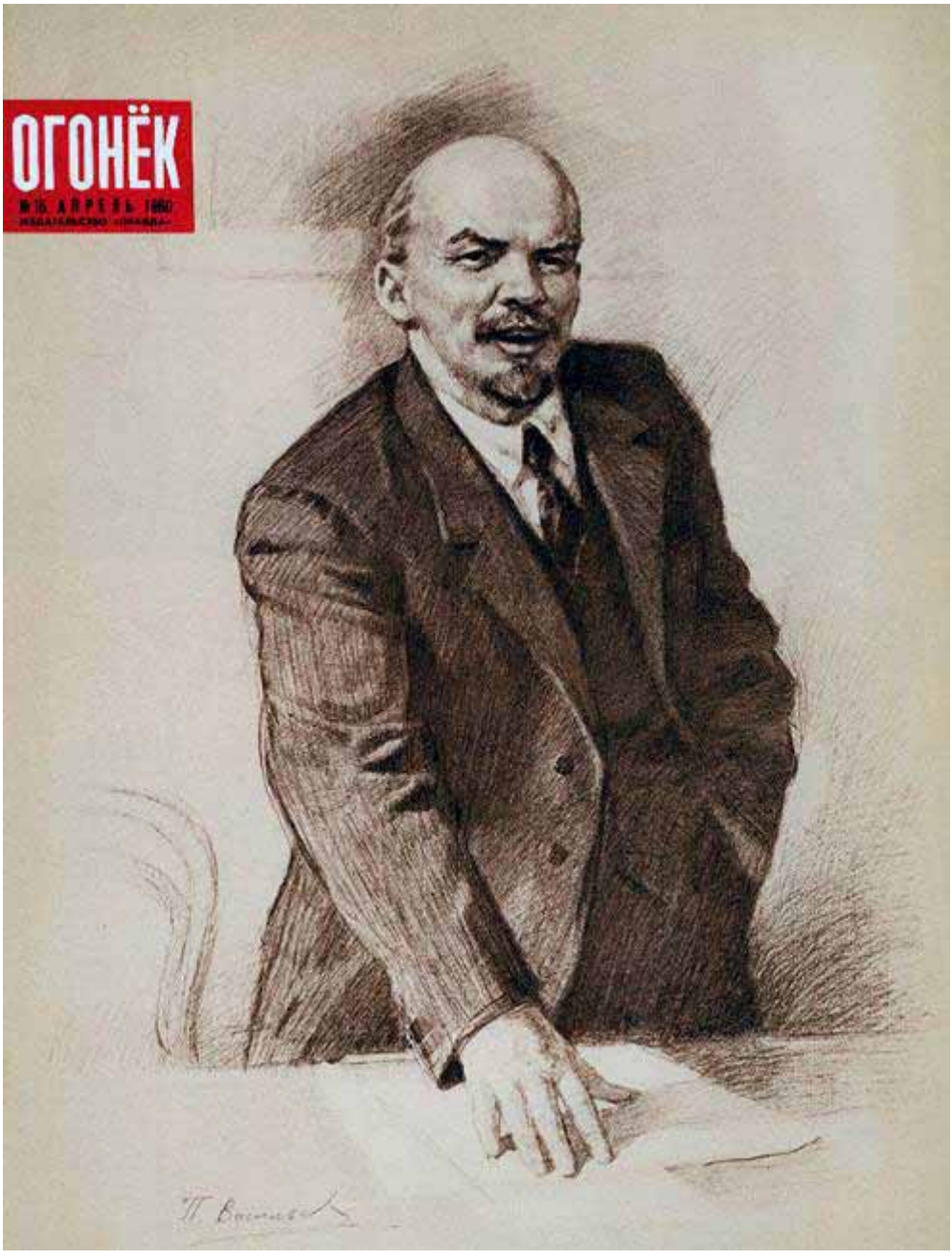
В это время Эммануил Казакевич начинает работать над психологической повестью «Синяя тетрадь», а Валентин Катаев – над «Маленькой железной дверью в стене», история появления которых глубоко исследована известным историком литературы профессором В.В. Агеносовым[200]. Казакевич так объяснял цель своей работы: «Надо перевоплотиться в него (героя. – *Авт.*) хотя бы на мгновение и узнать то, что знает он, – это… возможно, хотя и очень трудно». Для этого писатель читал не только Ленина, но и все, что читал

[197] В 1955 году Всеволод Кочетов, верный сталинским идеалам, воспринял эту дискуссию как «густо пахнущую троцкизмом». См.: *Кочетов Вс.* Главное направление // Труд. 1955. 20 мая.

[198] См.: Справочник партийного работника. М., 1957. С 364.

[199] *Шагинян М.* Семья Ульяновых // Нева. 1957. № 8. С. 3–69; *Она же.* Семья Ульяновых. М., 1958 (два издания); *Она же.* Предки Ленина с отцовской стороны (Наброски к биографии) // Астрахань: Литературно-художественный сборник. Астрахань, 1958. С. 91–112; *Она же.* Билет по истории. М., 1938. С. 28. В новых изданиях национальность Бланка не указывалась, но из сборника работ Шагинян о Ленине, изданном в 1959 году, читатель мог узнать об известном ей документе, удостоверяющем: «…отец Анны Алексеевны (матери И.Н. Ульянова) – крещеный калмык» // *Шагинян М.С.* Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 1959. С. 683.

[200] См.: *Агеносов В.В.* Избранные труды и воспоминания. М., 2012. С. 538–562, 563–582.



Журнал «Огонёк». № 16. Апрель 1960 г.

Ленин, он вошел в круг его интересов и вопросов, вплоть до увлечения латынью и Римом. И тем не менее автор сетовал на то, что «тут много трудного, неизведанного», что он «совершенно одинок на этом пути», потому что о Ленине «наша проза совсем не писала всерьез, попытки кино и театра необычайно легковесны, поверхностны, внешни», а о нём надо писать «с абсолютной внутренней свободой, не рассчитывая на то, что читатель любит этого героя заранее, до прочтения повести». В её центр был поставлен внутренний мир Ленина, вопрос: знал ли Ленин, что он собою представляет? Отсюда внутренние монологи, то есть разговор с самим собой в период, когда он скрывался от властей с июля до начала октября 1917 года и жил в шалаше у озера Разлив.

В середине октября 1959 года повесть была сдана в «Новый мир», однако она не появилась ни в январе, ни в апреле 1960, как на это надеялся автор. Члены редколлегии, критики, старые большевики и ответственные работники единодушно хвалили повесть, но находились и те, кому казалось странным и даже дерзким изображение психологии Ленина, ненужным и вредным изображение Зиновьева рядом с Владимиром Ильичём. В 1960 году повестью заинтересовался редактор «Октября» Ф.И. Панферов. Он добился чтения и одобрения повести секретарями ЦК, а за день до своей кончины (10 сентября 1960 года) звонил из больницы в журнал – торопил с «Синей тетрадью». Но затем начались новые неполадки, Казакевич перенес тяжелую болезнь, и только в апреле 1961 года, через год после ленинского юбилея, в дневнике писателя появилась восторженная фраза: ««Синяя тетрадь» – напечатана!»

Книга Катаева вышла только в 1964 году, но своим замыслом она была ближе к атмосфере поисков иного понимания образа Ленина, которые велись в период оттепели. «Я ничего подобного еще не писал, – признавался Катаев. – Это не повесть. Это воспоминания современника Ленина, рассуждения и домыслы, какие-то цитаты, описания Парижа… Это также мысли от постоянного чтения Ленина… от изучения его биографии… Я затрудняюсь определить жанр этой будущей книги. Французы, пожалуй, назвали бы ее эссе. Но это не



Журнал «Мурзилка». № 4. Апрель 1960 г.

эссе. Что же? Не знаю». В конце концов, автор назвал свою книгу «лирическим дневником», в котором следовал следующему приему: «…говорить о Ленине и его времени, используя свой личный опыт современника, рассуждая, живописуя». И действительно, Катаев вел рассказ с позиций активного участника и свидетеля событий. Он часто непосредственно вмешивается в повествование, перемежая рассказ о Ленине описаниями своего настроения в аналогичных ситуациях. Воспоминания и сцены-вымыслы, названные Катаевым аберрациями, являлись своеобразным катаевским преломлением одной из характерных особенностей прозы о Ленине рубежа 1950–1960-х годов.

Дело в том, объяснял В.В. Агеносов, что писатели, работавшие в это время над ленинской темой, в отличие от Горького, не только не были лично знакомы с Владимиром Ильичом, но в большинстве своем даже никогда не видели его живым. Свои представления об Ильиче они черпали из трудов Ленина, воспоминаний его сподвижников, документов и художественных произведений писателей старшего поколения. И часто бывало так, что писатели не могли преодолеть барьер традиций, ограничиваясь иллюстрацией уже известных положений и прибегая для этого к литературным шаблонам. Нужно было обладать «магией перевоплощения», чтобы сказать свое слово об Ильиче и чтобы слово это было и исторически точным, и художественно свежим, ярким. Два художника – Казакевич и Катаев – таким даром обладали. Первый старался возможно полнее передать интеллект Ленина, а второй («Ленин – мой современник») конструировал образ своего героя, опираясь на известные факты биографии Ленина и дополняя их вымыслом[201].

Впрочем, новое прочтение Ленина могло и не состояться. Как показывают рассекреченные документы, рукописи Казакевича, Катаева и других авторов (Николая Погодина, Веры Инбер, Ильи Сельвинского) в отделе культуры ЦК КПСС рассматривались в русле опасных тенденций в литературе, поскольку они «возбуждают нездоровый интерес к врагам ленинизма, главарям враждебной нашей

[201] Там же. С. 570.

партии оппозиции Троцкому, Зиновьеву, Бухарину, которые изображаются с неверных позиций». Авторы этих рукописей «копаются в психологии и переживаниях врагов большевизма, затушевывают классовую социальную их роль как агентуры эксплуататорских классов»[202]. Эти оценки попадали в общий контекст реваншистских настроений органов цензуры. Проведя проверку магазинов букинистической литературы в Москве, они с возмущением сообщали в ЦК, что некоторые магазины стали «каналом распространения антисоветской пропаганды» и «проникновения буржуазно-реакционной, бульварно-порнографической литературы»:

> «В числе снятых с продажи цензурой изданий были десять книг, содержащих грубые выпады против В.И. Ленина, одиннадцать произведений, порочащих К. Маркса и марксизм, три книги, прославляющие фашизм, одиннадцать черносотенно-антисемитских и сионистских изданий, шестнадцать книг религиозно-мистического содержания, 13 бульварно-порнографических изданий»[203].

Однако «неправильные тенденции», рожденные и вдохновленные антисталинскими разоблачениями, пресечь было крайне сложно. На волне перемен власть услышала новые, крамольные для того времени вопросы. В поэме о Ленине «Лонжюмо» (1962–1963) Андрей Вознесенский спрашивал:

Скажите, Ленин, где победы и пробелы?
Скажите – в суете мы суть не проглядели?

Или:

Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?

Поэт продолжил магистральную линию ленинианы, восходящую к поэзии Владимира Маяковского. Как и вся творческая практика

[202] Записка отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах современного состояния советской литературы и работы Союза писателей СССР» от 30 апреля 1959 г. // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы. М., 2005. С. 225.

[203] Там же. С. 91–97. См. также: *Семенова Н.В.* Травматический опыт героя в пьесах «оттепельной» ленинианы // Русская литература. 2013. № 4. С. 234–239.

шестидесятников, она была связана с надеждами на обновление путем восстановления ленинских норм[204]. Апеллируя к поэтической образности и личности Маяковского («Маяковский в Париже», «Разговор с эпиграфом», «Лонжюмо»), Вознесенский придавал мифу о Ленине космологический колорит, встраивал размышления о вожде революции в контекст обращений к Земле, Времени, России:

Планета –
как Ленин,
мудра и лобаста.

При этом Вознесенский усиливал интуицию о том, как ленинский вождизм не только перекраивал социальное устройство мира, но и превозмогал неумолимые законы существования материи. В него, «как когда-то в Пушкина», «бил отравленный пистолет», он «сам / как аккумулятор, / заряжался от масс», он был «прост – как материя, / как материя – / сложен», а теперь в мавзолее «солнечно и страстно / прозрачное чело горит лампообразно», и «Ленин, как рентген, просвечивает нас»[205].

В кино же всё еще сохранялась консервативная традиция изображения образа вождя – картины «Балтийская слава» (1957), «Коммунист» (1958), «Аппассионата» (1963), «Именем революции» (1963) с Борисом Смирновым[206], «Семья Ульяновых» (1957) с Владимиром Коровиным. Однако в самом начале 1960-х появился фильм, в котором была предпринята попытка радикального переосмысления

[204] См. подробнее: *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Лирический «бум» и поэзия «шестидесятников» // *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: В 3 кн. Кн. 1: Литература «оттепели» (1953–1968). М., 2001.

[205] См. аргументацию о богоподобности вождя: *Ничипоров И.Б.* Эволюция «человекобожеской» концепции в поэмах В. Маяковского // Текст в художественной литературе, публицистике и журналистике: Материалы XIX Шешуковских чтений / Под ред. Л.А. Трубиной. М., 2014. С. 172–181.

[206] В 1956 году он перешел в МХАТ на «должность» штатного Ленина. Как вспоминал еще один «Ленин», актер Михаил Ульянов, Смирнов настолько основательно перевоплотился в роль вождя пролетариата, что и в жизни стал вести себя как вождь, всерьез планируя передвигаться из дома до работы с сопровождением. См. также: *Щиголев Андрей.* Он вам не демон: Ленин в отечественном кино // https: www.kinopoisk.ru/media/article/3069492/comment/2004201/



Фильм А. Рыбакова «В начале века». 1961 г.

киноленинианы. В фильме «В начале века» (1961) известный образ подавался с нового ракурса – в исполнении Юрия Каюрова молодой Ильич представал стремительным, дерзким, хлестким, энергично стреляющим хитрыми глазами[207].

Вспоминая годы оттепели, некоторые авторы теперь задаются вопросом: а правда ли, что Ленина тогда полюбили, или это была тактическая уловка, которая позволяла бороться со сталинизмом? При положительном ответе на этот вопрос и само пространство памяти предстает перед нами совершенно не так, как казалось на рубеже 1950–1960-х годов. По мнению Александра Гениса, «никакой Вознесенский, никакой Окуджава не верили ни в какого Ленина», он был «знаменем перемен, под эту марку можно было тактически вы-

[207] На эту роль актера Саратовского театра утвердил Иван Пырьев, с его легкой руки началась долгая лениниана Каюрова, сыгравшего Ленина в восемнадцати фильмах.

играть у сталинистов, сделав из Ленина диссидента, кумира оттепельной литературы, оттепельной культуры в целом»[208].

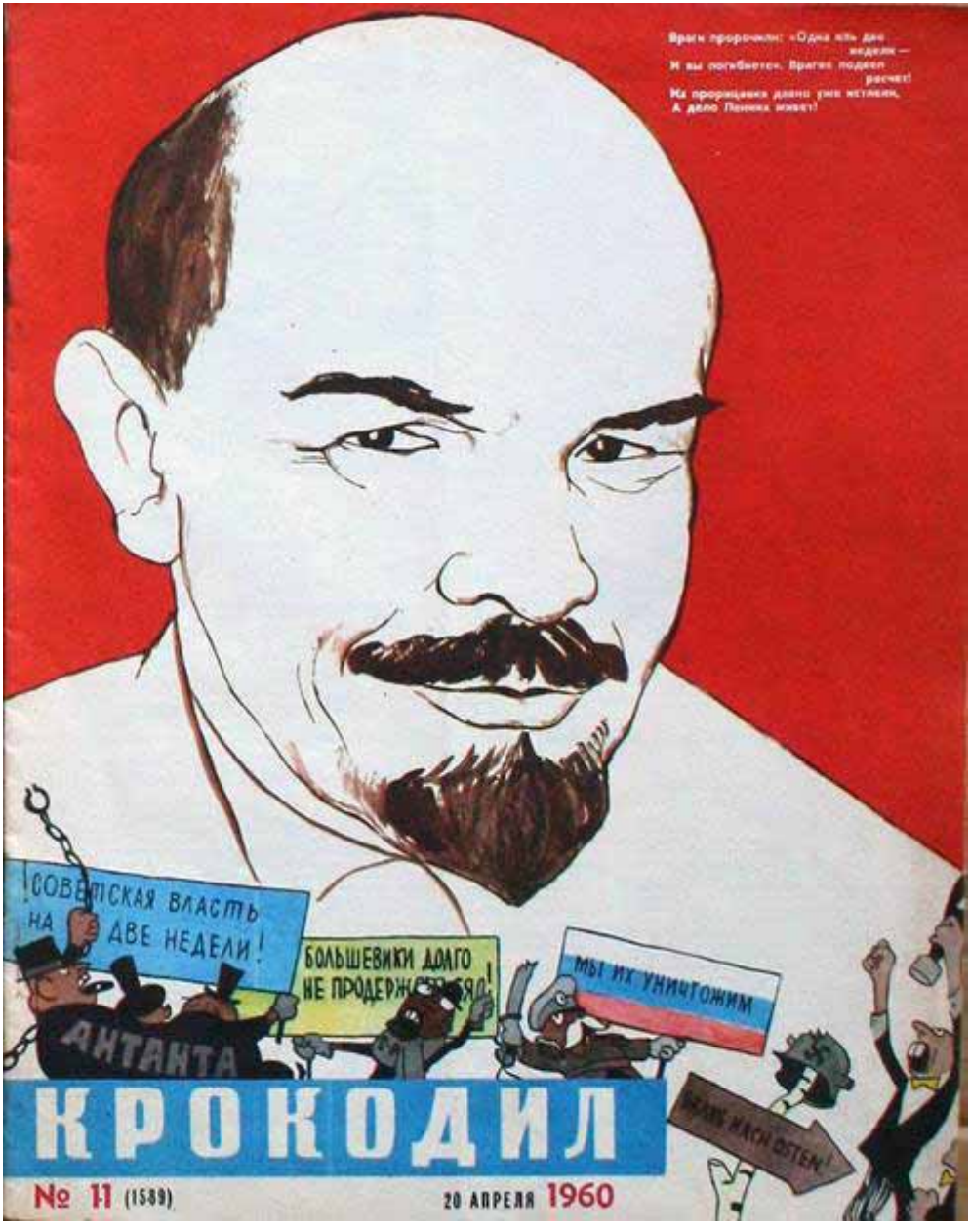
Сразу после 90-летия Ленина в 1961 г. Сталин окончательно исчез из поля зрения публики. Вынос его тела из мавзолея был обставлен в религиозном духе. На роль медиума, находящегося в постоянном контакте с живым духом Ленина, была избрана Дора Лазуркина, которая еще в 1902 году восемнадцатилетней вступила в РСДРП, а через год в Женеве познакомилась с будущим вождем революции, прожив восемь месяцев на квартире у Ульяновых. После революции она работала в системе образования и на партработе. В августе 1937 года была арестована органами НКВД за «участие в контрреволюционной организации», из лагерей была освобождена, реабилитирована только в 1955 году, став пенсионером союзного значения. Как делегат XXII съезда КПСС 30 октября 1961 года в предпоследний день его работы Лазуркина выступила в поддержку предложения первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Ивана Спиридонова о выносе тела Сталина из мавзолея, рассказав под бурные аплодисменты о том, что ей «приснился» Ленин, сказавший, что не хочет с ним рядом лежать:

> «Я всегда в сердце ношу Ильича и всегда, товарищи, в самые трудные минуты, только потому и выжила, что у меня в сердце был Ильич и я с ним советовалась, как быть. Вчера я советовалась с Ильичом, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принёс партии»[209].

Съезд единогласно принял постановление признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в мавзолее саркофага с гробом Сталина, так как серьёзные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в мавзолее. Перезахоронение состоялось

[208] *Генис Александр, Волков Соломон.* Как родился культ Ленина? // https://www.svoboda.org/a/29638829.html

[209] См.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 3. С. 119–121.



Журнал «Крокодил». № 11. Апрель 1960 г.

тайно в ночь с 31 октября на 1 ноября. Как справедливо пишет Нина Тумаркин, это была кульминационная точка процесса десталинизации:

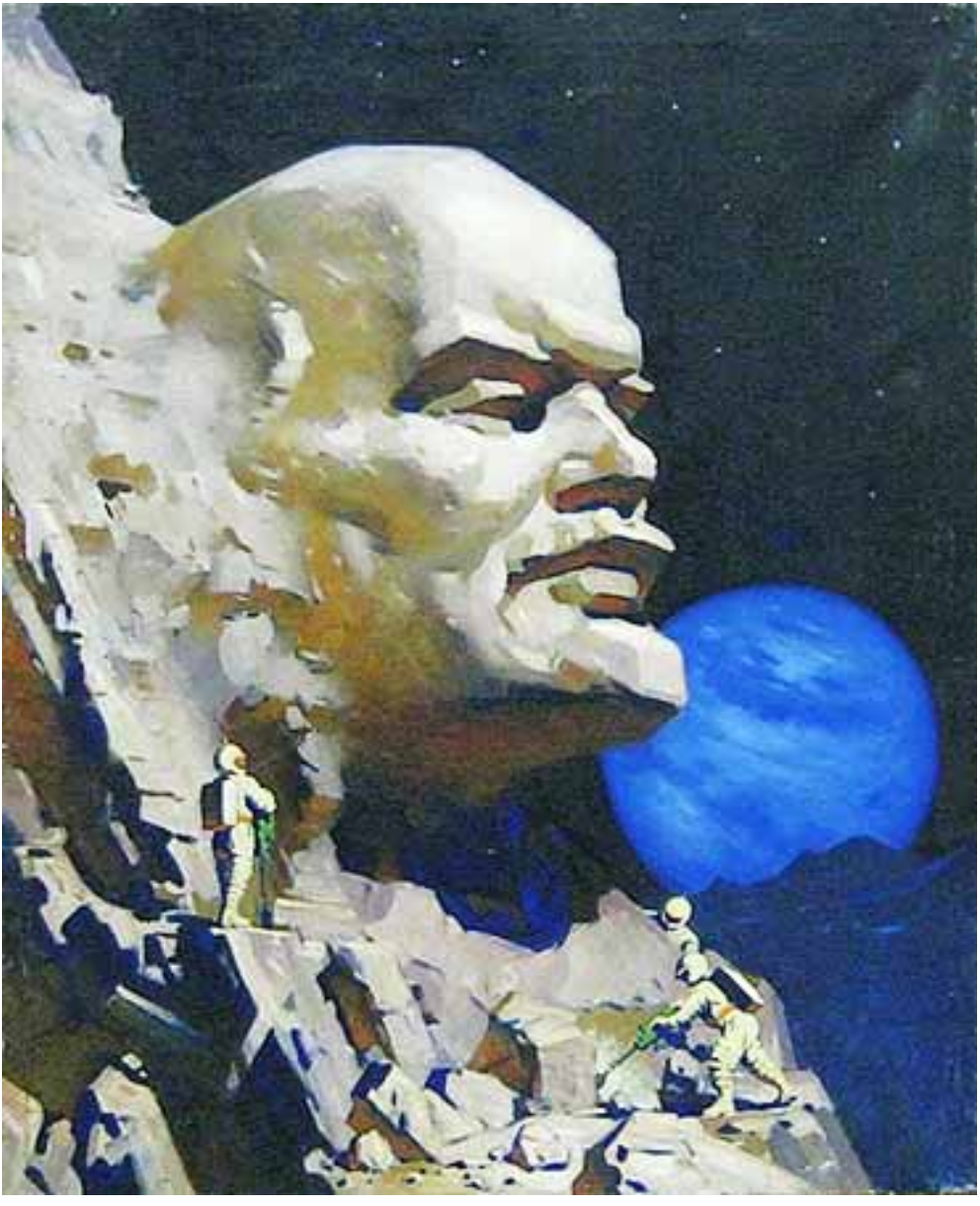
> «…в 1930 г. Сталин поместил Ленина на вечное успокоение в гранитный мавзолей: его собственный восходящий культ постепенно затмил и, в конце концов, вытеснил формализованное почитание Ленина. Теперь, в 1961 г., произошел обратный процесс: бессмертный Ленин восстал, дабы низвергнуть Сталина к подножию Кремля. Сталин, подобно падшему ангелу из «Потерянного рая», воплотился в обличие сатаны, тогда как дух Ленина свободно взмыл на прежний простор, к новым высотам»[210].

* * *

Теперь культу Ленина и его юбилеев ничто и никто не мешал. Бытование этого культурного героя обрело новое качество, которое сохранилось вплоть до гибели коммунистического режима. Это качество характеризовалось еще большей, нежели при Сталине, мифологизацией. Дистанция между ним и всеми, ныне живущими, даже первыми лицами партии и государства, достигла буквально космических масштабов. Образ Ленина начал стремительно утрачивать последние живые человеческие черты, так как уходило поколение тех, кто знал его лично или хотя бы просто видел. Но эта новая ситуация была как нельзя более выгодной для режима, для которого ленинское понимание советского эксперимента было не просто обременительным, но и опасным. Это понимание мешало активному выстраиванию теневой экономики, в которой номенклатура играла главенствующую роль. В этой ситуации ей важно было сохранить культ, сделать его максимально выхолощенным и омертвелым, держать его как гарантию от возможного появления «нового Сталина» – неважно, конкретного лица или же самого реабилитированного вождя. В таком состоянии культурному герою и пространству памяти о нем предстояло просуществовать около 30 лет.

---

[210] Цит. по: *Тумаркин Нина.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. М., 1997. С. 137.



«Ленин на Луне». Худ. В.А. Ховаев. 1960 г.

1970: «Ленин всегда с нами»?

Задолго до 100-летия Ленина власть начала разрабатывать сценарий юбилея, различные идеологические и политические мероприятия. Знакомство с ними показывает, что пространство памяти и все политические ритуалы были под контролем партии.

Торжественный сценарий и его невидимые сбои

Предусматривалось создание новых государственных заповедников – например, Горок Ленинских, – открытие новых памятников Ленину, а в ряде городов и его родителям: к примеру, в Ульяновске – памятника «Мария Ульянова с сыном Володей», в Астрахани – Илье Николаевичу Ульянову и др.[211] Коллективы предприятий брали на себя повышенные социалистические обязательства, музеи проводили выставки, театры ставили спектакли о жизни Ленина, филармонии – концерты в его честь, кинематографисты снимали фильмы, поэты писали стихи, художники рисовали картины, скульпторы лепили статуи, академики и профессора проводили научные конференции, студенты и школьники – фестивали и торжественные сборы. Апрельские номера всех советских журналов должны были полностью или частично посвящаться «великому вождю». Заранее чеканились юбилейная медаль и монета достоинством в один рубль, посвящённые юбилею Ленина.

К 100-летию в Ульяновске был построен ленинский мемориал. Для постройки центрального здания были привлечены лучшие архитекторы и скульпторы СССР. На улице, по которой в город должен был приехать генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев,

[211] Когда юбилей уже был «на носу», на очередном заседании в Кремле А.Н. Косыгин взмолился: в стране эпидемия увековечивания Ленина, везде «идет повальное строительство памятников, бюстов и т. д. Мы начали эту волну» // *Волкогонов Д.А.* Ленин. Политический портрет. В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1994. С. 442.



16 апреля 1970 года, к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина состоялось торжественное открытие Ленинского мемориала в Ульяновске

снесли все старые деревянные дома, а в центре – бывший губернаторский дворец, в который когда-то ходил на работу статский советник, писатель Иван Гончаров и в котором когда-то танцевал на балу с дочерью губернатора Пушкин. Дворец заслонял вид на новое здание музея Ленина. От снесения всего старого Симбирска спасла семья Ульяновых – в состав Историко-мемориального музея-заповедника «Родина Ленина» вошел не только принадлежавший этой семье дом, но и прилегающая к нему часть улицы Ленина, бывшей Московской. Брежнев, выступая 16 апреля 1970 года на открытии мемориального комплекса, заявил, что полная и окончательная победа социализма обязательно наступит, потому что «с нами Ленин»

и благодаря ему скоро придет время, когда «не останется на земле ни одного, даже малейшего островка, где сохранилась бы эксплуатация»[212].

Однако не все было так гладко, как сообщалось тогда в печати. К примеру, грубая ошибка была допущена в опубликованных 23 декабря 1969 года в «Правде» и других центральных газетах тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», подготовленных в Институте марксизма-ленинизма. Один из тезисов был посвящен задачам пролетариата капиталистических стран. В нем говорилось об оценке Лениным роли этого пролетариата, а также, что он отмечал пять «социальных факторов силы» рабочего класса: 1) число, 2) организованность, 3) место в процессе производства и распределения, 4) активность, 5) образование. Как потом выяснилось, приписываемое перечисление «факторов силы» оказалось выпиской, сделанной Лениным из книги австрийского социал-демократа Отто Бауэра «Большевизм или социал-демократия?» И Ленин сделал эту выписку для того, чтобы решительно возразить своему оппоненту, так как считал рассуждения Бауэра оппортунизмом и опошлением марксизма[213]. Ошибку удалось исправить только при публикации тезисов в журнале «Коммунист» и отдельной брошюрой. Ответственные за эти тезисы работники – консультанты ЦК доктор исторических наук С.Л. Титоренко и доктор экономических наук Э.П. Плетнев были наказаны.

На торжественное заседание, продолжавшееся два дня, 21 и 22 апреля, приехали делегации всех социалистических стран, кроме Китая и Албании, представители 66 коммунистических и рабочих партий капиталистических и развивающихся государств. Основной доклад в Кремлевском дворце съездов был прочитан Л.И. Брежневым и продолжался четыре часа. Внимательный читатель мог обратить внимание на то, что генсек отметил чрезвычайную сложность нашей экономики и намекнул на возможность ряда новых решений

[212] *Брежнев Л.И.* О коммунистическом воспитании трудящихся. М., 1974. С. 286–287.

[213] Подробнее об этой истории на основе рассекреченных документов в РГАНИ см.: *Огрызко Вячеслав*. Как в ЦК КПСС переврали Ленина // Литературная Россия. 2020, 22 октября.

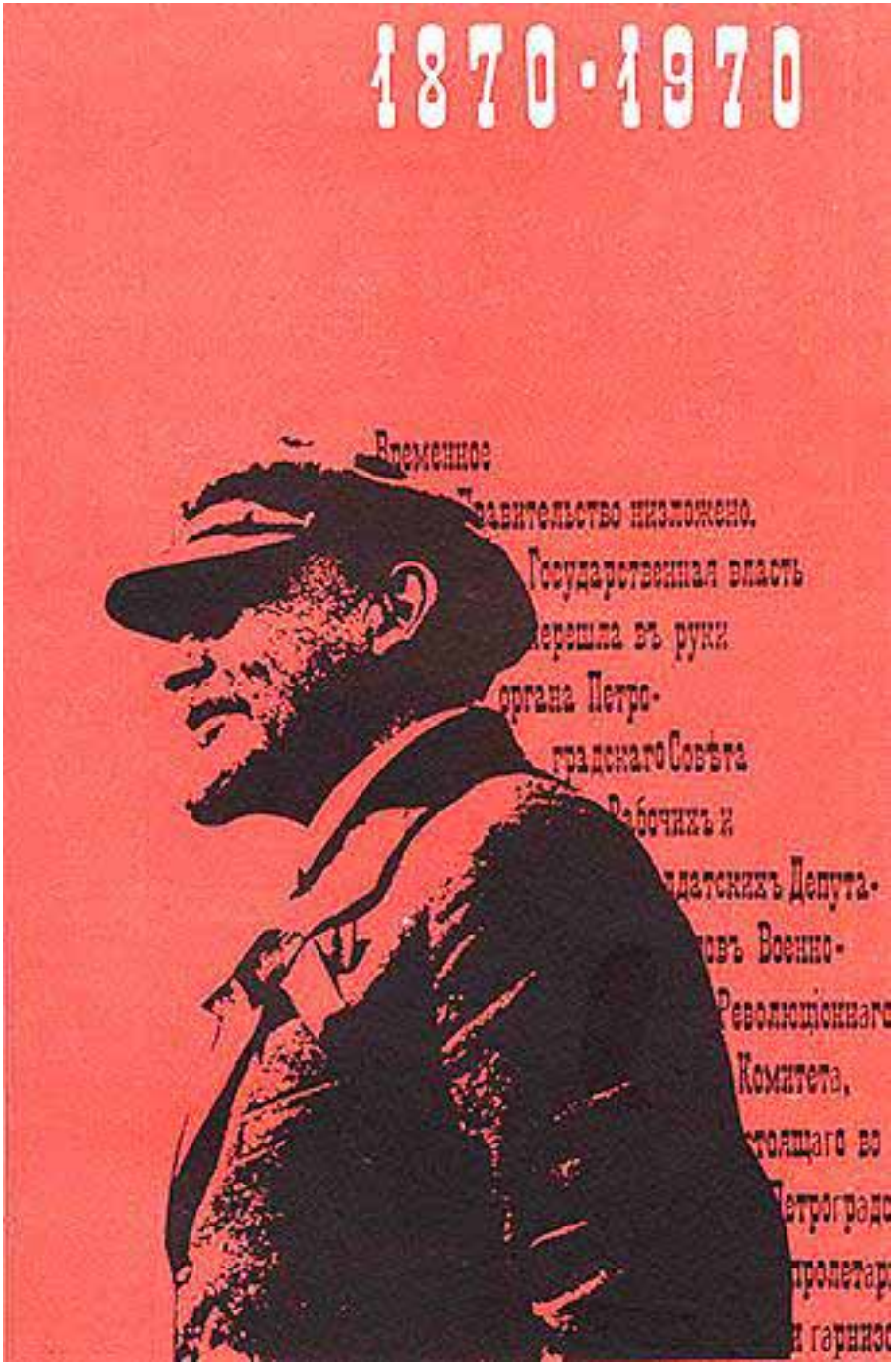
по развитию экономической реформы. Также было сказано о необходимости давать отпор как великодержавному шовинизму, так и местным националистическим тенденциям. Были осуждены «Пражская весна» и антисоветская кампания в Китае, а также процитированы слова Ленина о том, что «невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии».

В докладе не произносилось имя Сталина, но две фразы косвенно были связаны со сталинизмом:

> «И при Ленине, – сказал он, – и после Ленина партия смело и открыто критиковала и критикует ошибки и недостатки. Она сурово осудила культ личности, который приводил к нарушению ленинских норм партийной и государственной жизни, социалистической законности и демократии. Она решительно отвергла субъективизм, подменявший научный подход к явлениям общественной жизни необоснованными импровизациями. Партия говорит народу правду, какой бы суровой она ни была…»[214].

Пространный доклад назывался «Дело Ленина живет и побеждает». В далеком будущем Ленина будут вспоминать всегда – как основоположника коммунистической цивилизации, а значит, «нет ничего более святого для коммуниста, для ленинца, чем отдать всю свою энергию, весь ум и волю для того, чтобы приблизить будущее, за которое боролся Ленин». Эти заключительные слова Брежнева потонули в громовой овации. Как потом выяснилось, отмеченные нами места из доклада Брежнева за несколько дней до торжественного заседания подверглись атаке неосталинистов. Помощник Брежнева В.А. Голиков и заведующий отделом науки ЦК С.П. Трапезников направили генсеку резкий отзыв о проекте доклада и обвинили составителей-то есть группу во главе с помощником Брежнева А.М. Александровым, заместителем заведующего международным отделом ЦК В.В. Загладиным, П.Н. Федосеевым, референтом

[214] Правда. 1970, 22 апреля. Любопытно, что когда после юбилея всё внимание переключилось на 25-ю годовщину Победы, имя Сталина во многих публикациях упоминалось в положительном смысле, а на начало мая была намечена премьера многосерийного фильма «Освобождение», где немало места отводилось Сталину.



Плакат. Худ. Л. Глухас. 1970 г.



1 рубль «100 лет со дня рождения В.И. Ленина». 1970 г.

Брежнева А.Е. Бовиным и др. – в ревизионизме. Брежнев попросил составителей текста доклада ответить на рецензию Голикова и Трапезникова. Этот ответ был так же резок – Трапезников и Голиков были обвинены на нападках на генеральную линию партии. В итоге текст доклада остался в основе своей без изменений.

Избыточный поток казенно-парадных мероприятий, заседаний, речей, однообразных статей, заполонивших периодические издания задолго до самого юбилея, мелькавшие повсюду плакаты и репродукции, ежедневные радио и телепередачи о Ленине превратили событие, долженствовавшее воодушевить и объединить общество, в повод для курьезных случаев, анекдотов и просто скрытого осмеяния. Еще задолго до юбилея в стране распространились слухи о новом покушении на тело Ленина с серьезными последствиями. В сентябре 1967 года около Мавзолея прогремел взрыв, который произвел житель Литвы по фамилии Крысанов. Мужчина, о котором не сохранилось больше никакой информации, взорвал на себе пояс смертника непосредственно перед входом в гробницу вождя. В результате происшествия погибли несколько человек. Однако, как ут-

верждают некоторые источники, единственной жертвой стал сам Крысанов – люди, находившиеся в непосредственной близости, отделались только тяжелыми ранениями. После сентябрьских событий было принято решение установить в мавзолее новые приборы и аппаратуру для управления инженерными системами. После этого в мавзолее были заменены около 12 тыс. мраморных блоков, укреплены все конструкции, а также усовершенствован и сам саркофаг. В его создании приняли участие передовые московские заводы, которые снабдили сооружение мощными металлическими укреплениями и специальным бронестеклом, обеспечивавшим защиту от пуль и взрывчатки[215].

Курьезная реакция на юбилей

Юбилейный сценарий предполагал, что все деятели различных искусств обязаны были так или иначе откликнуться на столетие вождя. В Ленинград, на завод «Электросила», прибыли почти все художники и скульпторы города во главе со своим официальным предводителем Михаилом Аникушиным. В самом большом цехе завода состоялась их встреча с рабочими. И вот Аникушин объявил: «Дорогие друзья! Среди нас присутствует старейший художник Ленинграда Натан Исаевич Альтман, который в свое время рисовал и лепил Владимира Ильича Ленина с натуры. Попросим Натана Исаевича поделиться с нами своими воспоминаниями о великом вожде». Альтман подошел к микрофону и сказал буквально следующее:

> «Я работал у Ленина в кабинете, в Кремле. Он сидел за своим письменным столом и занимался делами, а я лепил его голову из глины. Пластилина тогда еще не было. В один из дней я окончил сеанс и обернул сырую глину клеенкой, чтобы она не высохла до следующего дня. Потом я попрощался с Лениным и ушел. А в приемной я попросил секретаршу Фотиеву: «Пожалуйста, не забудьте полить голову водой». То есть я имел в виду свою работу. И вот Ленин сидит

[215] См.: https://news.rambler.ru/incidents/41893152/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink



В 1967 году был выпущен юбилейный рубль «Пятьдесят лет Советской власти». Когда в мае 1972-го года водку можно было купить только с 11 утра – этот час в народе прозвали «ленинским»: оказалось, если этот юбилейный рубль приложить к циферблату часов, то Ленин поднятой правой рукой указывает ровно на 11 часов. Еще это время называли «Час волка» – потому, что в знаменитых часах на Театре Кукол Образцова на Цветном бульваре в одиннадцать часов открывалось окошко в котором сидел волк. А этот юбилейный рубль носил еще одно народное название «Уже пора, товарищи!»

за своим столом, а тут появляется Фотиева с чайником в руках, подходит к нему и хочет лить ему воду на голову… – Что такое? – спрашивает Ленин. – Что вы делаете? – А мне Альтман сказал, что надо полить вам голову… Так она поняла мое распоряжение»[216].

Забавная история произошла и в Москонцерте, где работали несколько сот эстрадных артистов. Легче всего откликнуться на юбилей было чтецам и певцам стихов и песен о Ленине. В гораздо более затруднительном положении оказались артисты других жанров: акробаты, танцоры, жонглеры и пр. И вот по Москонцерту пополз слух: дескать, один эквилибрист подготовил «ленинский номер»:

[216] *Ардов Борис, Ардов Михаил, Баталов Алексей.* Легендарная Ордынка. М., 1997. С. 92.

«Настал день, когда начальство просматривало весь этот репертуар. И вот объявили имя находчивого эквилибриста. Зазвучала музыка революционных лет, и на сцену вышел артист в гриме и костюме Ленина. На плече он нес огромное бутафорское бревно – ни дать ни взять Ленин на субботнике в Кремле. И тут эстрадный «вождь» стал вращать и подбрасывать свое бревно… А затем лег на спину и продолжал это делать с помощью ног… В этот момент директор Москонцерта не выдержал. – Меня посадят из-за этих сволочей! – вскричал он. И, схватившись за голову, выбежал из зала…»[217].

Появилась и серия политических анекдотов, которые по сути своей были направлены не против Ленина, а против маразматической тупости директивных органов, самой системы. Эта система своей навязчивой и не знавшей никаких границ пропагандой опошляла героя. На нее острословы реагировали выпуском нового сорта вин «Ленин в Разливе», трехспальной кроватью «Ленин всегда с тобой», настенными часами с Лениным на броневике вместо кукушки. Анекдотический же Ленин устраивал «пикнички», «толкал речи» с «броневичка» в нетрезвом состоянии и не замечал, отбыв в Польшу, романа Надежды Константиновны с Дзержинским. Характерно, что Инесса Арманд в этих анекдотах никогда не фигурировала[218].

Открытия и запреты

На прилавках магазинов появилась масса переизданий мемуарной литературы о Ленине, но по-прежнему под запретом находились воспоминания и сочинения тех, кто совместно с ним создавал партию, совершил революцию, выиграл Гражданскую войну и строил в

[217] Там же.

[218] См.: *Марголит Евгений.* Указ. соч. Популярным был и анекдот про то, как на Лубянке по инициативе Андропова был объявлен конкурс на самый остроумный анекдот в честь великого юбилея. Со следующими премиями: первое место – личная встреча с юбиляром, второе место – семь лет казённого содержания, третье – пять лет путешествия по ленинским местам: из Москвы в Шушенское и обратно – с заездом в Магадан.

первые годы советское государство. Тем не менее в вышедшей литературе порой раскрывались ранее неизвестные факты. Близкий соратник Ленина В.Д. Бонч-Бруевич в новом издании своей книги «Воспоминания о Ленине» подтвердил неприятие Крупской и другими родственниками способа увековечения памяти Ленина в виде усыпальницы: «Надежда Константиновна, с которой я интимно беседовал по этому вопросу, была против мумификации Владимира Ильича. Так же высказались и его сестры Анна и Мария Ильиничны. То же говорил и его брат Дмитрий Ильич»[219]. Однако тот же Бонч-Бруевич указывал, что позднее взгляды членов семьи Ленина на его захоронение в мавзолее изменились: «Идея сохранения облика Владимира Ильича столь захватила всех, что была признана крайне необходимой, нужной для миллионов пролетариата, и всем стало казаться, что всякие личные соображения, всякие сомнения нужно оставить и присоединиться к общему желанию»[220]. Библиографической редкостью является сегодня книга «Переписка семьи Ульяновых», вышедшая в 1969 году и представлявшая всех членов семьи Ульяновых и М.Т. Елизарова с их активной жизнью интеллигентных передовых людей.

Казалось бы, серьезное продвижение наметилось в открытии новых документов, связанных с родословной Ленина. В Государственном историческом архиве Ленинградской области в 1964 году член совета содействия Государственному музею истории Ленинграда, кадровый военный, пенсионер А.Г. Петров нашел дела о прошении студентов Д. и А. Бланков о поступлении в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге в 1820 году, о назначении врачами в 1825 и др. Национальность – евреи, вероисповедание – православное[221]. Этой новостью Петров поделился с Шагинян, которая, однако, отнеслась к ней настороженно, что отразилось в её письме к другому ленинградскому исследователю М.Г. Штейну, проводившему самостоятельный поиск. В январе 1965 года Шагинян и Петров уже

[219] *Бонч-Бруевич В.Д.* Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 467.
[220] Там же. С. 467–468.
[221] *Иванова И.М., Штейн М.Г.* К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 44.

вместе изучали в архивах Ленинграда и области найденные документы, сфотографировали их, и писательница повезла фотокопии в Москву с намерением показать их в Институте марксизма-ленинизма[222]. Перед встречей с Шагинян Петров записал в дневнике: «Нам (то есть ей и мне. – *Г.Б.*) могут «заштопать рот» с дедом. Страшно»[223].

Эти опасения подтвердились очень скоро. В ЦК и Институте марксизма-ленинизма запретили печатать новые сведения. В марте 1965 года в ИМЛ при ЦК КПСС было вскрыто для проверки дело с документами секретного хранения о родословной Ленина, которые содержали материалы, изъятые из архивов еще в начале 1930 года. Также были изъяты и отправлены в Москву дела документов об А.Д. Бланке в Центральном государственном историческом архиве и Государственном историческом архиве Ленинградской области. В течение двух месяцев Главное архивное управление при Совете министров СССР провело изъятие всех документов без оставления в делах копий и закрыло для исследователей материалы по этой теме. В отношении сотрудников государственных архивов, допустивших нарушение установленных правил использования документальных материалов, были приняты дисциплинарные меры взыскания.

М.С. Шагинян намеревалась включить новые данные в готовившийся к переизданию в 1966 году роман «Семья Ульяновых», однако в марте того года в письме к М.Г. Штейну она сообщала: «Мне запретили упомянуть в новом издании о новых данных, открытых в генеалогии матери Ленина, а я запретила печатать «Семью Ульяновых» без этих данных… Больше я ничего не могла сделать, и мне тошно от такого непонятного для меня запрета. Это не только отвратительно, но и политически глупо». Еще раньше Мариэтта Сергеевна, объясняя свою позицию, писала Штейну: «Я смотрю на понятие национальность абсолютно, как Вы, то есть не придаю ни малейшего значения, кроме фактического и исторического. Но напоминаю Вам, что моя книга «Семья Ульяновых» была изъята на 22 года (а я за

[222] Там же. С. 48.
[223] Там же. С. 47.

нее порядком пострадала) из-за того, что открыла калмыцкое происхождение в роде отца»[224]. Однако когда роман в 1969 году переиздавался в очередной раз, Шагинян удалось включить в текст упоминание о происхождении А.Д. Бланка из «местечка Староконстантинова Волынской губернии»[225].

Новые данные о предках Ленина с отцовской стороны, публиковавшиеся в 1966–1969 годах в периодической печати[226], были включены в четвертое издание биографии Владимира Ильича, подготовленное коллективом сотрудников ИМЛ под руководством П.Н. Поспелова и вышедшее в свет в 1970 году. Об отце же Марии Александровны сообщалось, что он был образованный, талантливый врач, пионер в области физиотерапии:

> «Бланк происходил из мещан. Он рано овдовел и остался с 6-ю малыми детьми. Судьба бросала его в разные углы России: то в смоленскую глушь, то в Олонецкую губернию, то на Урал. Человек прямой, самостоятельных суждений, он не ладил с властями. Выйдя в отставку, А.Д. Бланк обосновался со своим многочисленным семейством под Казанью, в деревне Кокушкино (ныне село Ленино), где жил до самой смерти»[227].

За рубежом по родословной Ленина в юбилейный год появились работы Адальберта Брауэра и Уно Виллерса, исследовавших немецкие и шведские корни семьи Ульяновых[228]. Однако для большинства зарубежных авторов, как и раньше, тема родословной Ленина вплеталась в контекст критики большевизма и советской власти. Многие зарубежные биографы Ленина увязывали особенности его полити-

---

[224] Там же. С. 37–38, 36.

[225] *Шагинян М.* Семья Ульяновых. М., 1969. С. 25.

[226] *Шнайдштейн Е.В.* Астрахань – родина Ульяновых // Волга (Астрахань). 1966, 22 апреля; *Она же.* Ульяновы в Астрахани // Блокнот агитатора (Астрахань). 1967. № 9–10; *Елфимов Г.* Находки в Астраханском архиве // Кировская правда. 1968, 31 мая; *Богданов И.* Нижегородской губернии крестьянин // Журналист. 1969. № 6.

[227] Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 4-е. М., 1970. С. 3–4.

[228] *Brauer A.* Lenins Vorfahren im Lübecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Geneologie. Hf. 5. 1970; *Brauer A.* Lenins deutshe und schwedische Ahnen // Geneologisches Jahrbuch. Bd. 12. Neustadt an der Aisch, 1972; *Виллерс У.* Ленин в Стокгольме. Стокгольм, 1970.

ческой философии и практической деятельности с национальными корнями. Подводя итоги дискуссии 50-х – начала 60-х годов по вопросу о предках Ленина, Луис Фишер, автор фундаментальной книги «Жизнь Ленина», писал, что из всего этого можно вывести только одно заключение: достоверных сведений о национальном происхождении доктора Бланка никогда не оглашали. Соответствующие документы, несомненно, имелись в русских архивах, но большевики сочли нужным, чтобы они не увидели света, что подкрепляет подозрение – «в них есть что скрывать»[229]. В январе 1970 эта книга, вышедшая в Лондоне в 1964 году, была опубликована в Мюнхене на русском языке.

В предъюбилейное десятилетие на Западе действительно наблюдалось повышенное внимание к Ленину. В 1962 году немецкий историк Дитрих Гайер пришел к выводу, что изучение проблемы об истоках ленинской мысли находится в зародышевом состоянии и полно неточностей, особенно в том, что касается влияния Чернышевского на Ленина[230]. Одновременно Ричард Пайпс также подчеркнул, что до сих пор мы не знаем, что именно Ленин воспринял у Чернышевского[231]. В спецхране появилась также книга английского писателя и историка Роберта Пейна «Ленин: жизнь и смерть», вышедшая в Лондоне в 1964 году (The Life and Death of Lenin). Автор, по его собственному признанию, предпринял попытку провести грань между Лениным-легендой и Лениным-человеком, каким он был наяву, живым, одушевленным, с огромными возможностями, с такой энергией, что даже после его смерти людям казалось, будто он продолжает излучать ту же силу, лежа в мавзолее. При этом «это история сломленного, измученного, невероятно щедро одаренного природой человека, единственного в своем роде, которого без колебаний можно назвать политическим гением». Однако вот что происходит с главной идеей книги. Пейн декларирует:

---

[229] *Фишер Луис.* Жизнь Ленина / Перевод Омри Ронена. London, 1970. С. 9.

[230] *Geyer D.* Lenin in der russichen Socialdemokratie. Cologne-Graz, 1962, S. 40.

[231] *Pipes R.* The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin // Revolutionary Russia / Editor R. Pipes. Massachusets, 1968. P. 32.

«В конце жизни, осознав, что пришлось претерпеть русскому народу и на какие невыносимые жертвы он обрек людей, утверждая свою диктатуру над ними, Ленин вынужден был признать свою ошибку: оказалось, он вел народ неверным путем. «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России…» – произнес он; более честной эпитафии не придумаешь. Мало кто из властителей, оставивших свой след в истории, способен произнести покаянные слова такой силы»[232].

Если же взять 45-й том Полного собрания сочинений В.И. Ленина и открыть страницу 356, то можно прочесть следующее: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации…» Это было сказано 30 декабря 1922 г. и касалось одного частного вопроса, но Пейн «накинул» эти слова на всю жизнь и деятельность человека. Кроме подробнейшего освещения биографии героя, автор на основании различных свидетельств представил целое расследование об убийстве Ленина и вине Сталина:

«Ленин ненавидел, презирал и боялся Сталина. В свою очередь, Сталин ненавидел, боялся и презирал Ленина. Что касается Троцкого, то Сталин его раскусил и знал, с чем его едят. Избавиться от него Сталину ничего не стоило. Но с Лениным обстояло все иначе. С ним расправиться было не так просто; к тому же он мог еще поправиться. Поездка Зиновьева, Каменева и Бухарина в Горки подтвердила его опасения. Все врачи в один голос заверяли, что к лету Ленин будет в состоянии вернуться к своей работе. Смерть Ленина как раз в тот момент была бы Сталину очень на руку»[233].

Пейн в добавление к книге Елизаветы Лермоло «Лицо жертвы» (1955) привел новые показания сотрудника ОГПУ, латыша Александра Белмаса, который якобы нес вахту у Ленина 19–21 января 1924 года. Показания явно путаные и написанные задним числом, кото-

[232] *Пейн Р.* Ленин: Жизнь и смерть. М., 2003. С. 655.
[233] Цит. по: Там же. С. 611.

рые, по мнению автора, кому-то понадобилось исказить для того, чтобы скрыть план постепенного отравления Ленина. О судьбе чекиста мало что известно, спустя какое-то время он вышел в отставку, и сам Сталин назначил ему пенсию[234]. В 60-е годы среди западных историков так и не сложилось единого мнения по вопросу о так называемом «немецком золоте» и причастности ко всей этой истории лично Ленина. Высказался по этому поводу в 1967 году известный американский историк Р.С. Томпкинс в книге «Триумф большевизма: революция или реакция?»:

> «Находятся желающие очистить имя Ленина от подозрений в тайном преступном сговоре, в который он не посвящал даже своих товарищей-социалистов как на Западе, так и в России. Они утверждают, что даже если немецкие деньги и сыграли свою роль в материальном обеспечении успеха большевиков, лично Ленин не принимал участия в получении этих пожертвований или же не был осведомлен об источнике этих благодеяний».

Сам Томпкинс, напротив, убежден, что Ленин не мог не знать о немецкой интриге и никогда не испытывал никаких угрызений совести, используя деньги немецкого происхождения в интересах российской и мировой революции[235].

Отсутствие документальных улик о связях большевиков с немцами в годы войны Томпкинс объяснял блестящим владением Лениным искусством конспирации и чисткой советских архивов после 1917 г. Доверяя данным из архивов германского Министерства иностранных дел, опубликованным З.А. Земаном, а также свидетельству Э. Бернштейна, относящемуся к 1921 г., общую цифру германских субсидий большевикам в 1915–1918 гг. Томпкинс определил в 70 млн марок, или 18 млн долларов[236].

Советские ученые всё еще избегали этих и других острых проблем и ограничивались достаточно безопасными темами – к приме-

[234] Там же. С. 623–625.
[235] Цит. по: Отечественная история. 1995. № 5. С. 157–160.
[236] Там же. С. 157.

ру, Ленин как философ или «основоположник советской исторической науки»[237].

Уберите Ленина с денег!

Андрей Вознесенский вспоминал, как в 1967 году после выступления в Ташкентском драмтеатре его пригласил на чай первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидов:

«Поговорив о житье-бытье, с восточною властностью и вкрадчивостью внезапно, с улыбочкой, как бы вскользь, сказал: «А дали бы мне текст вашего стихотворения…»

– Какого стихотворения?

– Ну как какого? Которое вчера читали. Ну, о деньгах, чтобы, значит, Ленина – того… Дам товарищам почитать. Не волнуйтесь. Это для их внутреннего удовольствия, крамола, так сказать. И вы пока его больше не читайте, конечно…»

Вознесенский рассказывал, что эти стихи эти прозвучали в Ташкенте не впервые. Напечатаны они нигде не были, но в «Антимирах» со сцены Таганки их уже читал Валерий Золотухин:

Я не знаю, как это сделать,
Но, товарищи из ЦК,
Уберите Ленина с денег,
Так цена его высока!

«Это кто, вот этот вот тонкошеий поэт указывает партийному руководству?! – вспоминал поэт знаменитое совещание у Хрущева. – «Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?» Теперь и вовсе замахнулся: уберите Ленина с денег – не марайте, мол, чистоту идеи, «цена

[237] См.: *Протасенко З.М.* Ленин как историк философии. Л., 1969; Ленин как философ / Под ред. М.М. Розенталя. М., 1969; *Маслов Н.Н.* Ленин как историк партии. Л., 1969; *Городецкий Е.Н.* Ленин – основоположник советской исторической науки: история советского общества в трудах В.И. Ленина. М., 1970; В.И. Ленин и историческая наука. Л., 1970 и др.

высока»! Кто же это, на взгляд поэта, замарал у нас и совесть, и идею? Уж не на работников ли ЦК намекает?»[238].

После беседы поэта с Рашидовым ташкентский журнал «Заря Востока», посвятив третий номер 1967 года землетрясению, опубликовал там «крамолу» Вознесенского. После этого редактора Вячеслава Костырю и всю редколлегию уволили, хотя вслед за журналом стихи успела опубликовать и «Литературная газета». Сразу же председатель правления Госбанка СССР Алексей Посконов пожаловался в Политбюро на антисоветский и опасный призыв поэта: «Выступая по внешнему виду на защиту величия В.И. Ленина, автор употребляет при этом непристойные двусмысленные выражения, которые являются оскорбительными»[239]. Но возражать на смелую критику поэта никто прямо не стал, потому что противоречие между чистой идей и бумажными купюрами, их совмещение всем было очевидно, тем более что в первые годы после революции портрета Ленина на деньгах не было.

Когда поэт Евгений Евтушенко взялся за поэму «Казанский университет», он точно рассчитал, что только так можно подправить «политически ошибочную» в глазах власти позицию, выраженную в стихотворении «Танки идут по Праге» (23 августа 1968 года). Используя ситуацию, в 1969 году Евтушенко отправился в Казань, где работал в библиотеках и добывал сведения для эпического замысла и создания самых разных исторических мини-портретов. В университете даже специально создали комиссию из местных историков на случай, если понадобится разыскать для поэта какие-то свидетельства, документы. Неслучайно в поэме использовались цитаты из публицистических работ Ленина и Победоносцева, Плеханова и Щапова, из докладов царям Александру I и Александру III, рапортов на Лобачевского, выдержек из воспоминаний Ульянова-Елизарова и речи Александра Ульянова на судебном процессе, фраз из писем,

[238] *Вирабов И.Н.* Андрей Вознесенский. М., 2015. С. 247.

[239] См. об этом: *Вознесенский А.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 404–405.

петиций казанских студентов и телеграмм, строк из стихотворений Пушкина и «Моих университетов» Горького. Воспользовавшись юбилейной датой, – Ленин появляется, собственно, в двух последних главах из 17, – Евтушенко акцентирует внимание на передовых традициях русской общественной мысли, «пропущенных» через историю Казанского университета, о традициях просветительства и либерализма, вольнодумия и свободолюбия.

На протяжении всех 60-х годов шла дискуссия, какой должна быть советская лениниана. Вопреки вопросам и поискам Вознесенского и Евтушенко, а в предшествующее десятилетие – Казакевича и Катаева, возобладала точка зрения о том, что необходимо придать ленинскому образу монументальные и суровые черты. И перестроившийся Всеволод Кочетов, как справедливо заметили С.А. Ушакин и К.А. Богданов[240], сменил оголтелую приверженность Сталину на столь же воинственную верность Ленину. Теперь требовалось отказаться от изображения Ленина как «добряка и всепрощенца, с полудетской наивной улыбочкой опускающегося на корточки перед каждым встречным парнишкой, дабы отечески вытереть ему нос». На образ Ленина переносились особенности сталинской иконографии:

> «Ленин прежде всего был страстным борцом, которого ничто не могло остановить на избранном пути. Он шел через любые трудности – через вопли и клевету врагов, через неверие, трусость, отступничество иных из своих соратников, через непонимание, проявляемое другими, через колебание третьих, нежелание четвертых»[241].

Этот подход, по сути, и был реализован в предъюбилейные и юбилейный годы[242].

---

[240] См.: Веселые человечки: культурные герои советского детства. Сб. статей. М., 2008. С. 19.

[241] *Кочетов Вс.* Наш компас // *Кочетов Вс.* Эстафета поколений. М., 1979. С. 143, 144.

[242] См.: *Яковлев Б.* Образ Ленина в советской прозе 1960-х годов. М., 1967; *Потапов Я.* Живее всех живых: Образ В.И. Ленина в советской драматургии. М., 1969; *Огнев А.* Черты великого образа. Новеллистическая лениниана // Наш современник. 1969. № 5. С. 104–110; Образ Ленина в современной литературе // Вопросы литературы. 1969.



Журнал «Мурзилка». № 4. Апрель 1970 г.

В детской лениниане идеологическая новация сказалась на новом издании книги Анны Ульяновой «Детские и школьные годы Ильича». В ней исчез эпизод, способный, по мнению цензоров, натолкнуть юных читателей на предосудительные раздумья – о рискованных падениях маленького Володи головой об пол и опасениях матери, как бы он не стал дурачком. Институциональная иконографическая канонизация изображения четырехлетнего Володи, сподвигнувшая в конце 30-х годов художника Ивана Пархоменко на создание знаменитого портрета, в 1960-е годы становится скульптурно-рельефным центром значка – пятиконечной звездочки, вручавшейся октябрятам, то есть учащимся первых трех классов школы перед их вступлением в пионеры (в начале 1970-х годов появится пластмассовый вариант

№ 6. С. 3–55; *Пискунов В.М.* Советская лениниана (Образ В.И. Ленина в советской литературе). М., 1970; *Перелыгин Л.* Литературная лениниана в школе. М., 1970.



звездочки с фотографическим портретом Ленина-ребенка под стеклышком).

Накануне юбилея серьезно изменился и кинематографический Ленин. Режиссеры обращаются к ранним этапам жизненного пути Владимира Ильича и в первую очередь к его детству, юности, его семье, подчеркивая тем самым именно воспитательный потенциал ленинского образа. Так, на киноэкраны выходит «Первая Бастилия» (1965), посвященная революционной борьбе Ленина во время учебы в Казанском университете. Образ молодого Ленина воссоздал на экране Родион Нахапетов в дилогии Марка Донского «Сердце матери» и «Верность матери» (1965–1967), охватывавшей тридцатилетний период жизни вождя – с 1884 по 1917 год. По словам актера на встрече со зрителями в Харькове в 2012 году, мэтр режиссуры Донской пресекал попытки молодого актера сыграть Ленина. Режиссеру нужен был «физически достоверный схематичный образ будущего вождя, желательно в исполнении красавчика с наивным взглядом». Поэтому Ленин Нахапетова не поражал актерским размахом, зато очень точно выполнял то, что от него требовал режиссер.

У других режиссеров Ленин моделировался не как вождь-трибун, а как мыслитель, которого полное понимание сути происходящих



Фильм Марка Донского «Верность матери»

и грядущих событий обрекало на одиночество. В облике подчеркивалось не типажно-портретное сходство с историческим прототипом, а условно-знаковое. Именно таким был Ленин Иннокентия Смоктуновского в фильме Ильи Ольшвангера «На одной планете» (1966). В первой же сцене фильма задавалась диспозиция: всё, что мы увидим и услышим, происходит в его, Ленина, голове. Ленин играет сам с собой в сложную шахматную партию, изредка оглядываясь по сторонам, чтобы с удивлением обнаружить вокруг каких-то людей, которые к тому же что-то от него хотят. Грезящий наяву интеллектуал был равно далек как от рабочих с матросами, так и от собственных соратников. Люди вообще занимали его не больше



Фильм Ильи Ольшвангера «На одной планете». 1966 г.

шахматных фигур или абстрактных формул. Ленин в этом фильме – нервный, уставший, непривычно интеллигентный, одинокий, язвительный, но при этом трогательный, нежно любящий свою супругу Надежду Константиновну.

Ленин Каюрова в «Шестом июля» Юлия Карасика (1968) по пьесе Михаила Шатрова предстает как рассудительный и точный политик, лишенный ужимок и нарочитой щукинской картавости. Левые эсеры – это не подлые наймиты интервентов, а самостоятельная политическая сила со своей позицией. Теперь противостояние между Лениным и оппонентами сводится не к очевидному разгрому априорных врагов, за которым непременно должно следовать физическое уничтожение, а спор, в котором каждая из сторон должна доказывать свою позицию. А еще в фильме был неожиданный эпизод, по сути десакрализовывавший образ вождя, – когда по Москве поползли слухи о возможном нападении на Кремль, Ленин достает из стола



Фильм Юлия Карасика «Шестом июля». 1968 г.

пистолет и проверяет, есть ли там патроны. В те годы говорили, что большим поклонником таланта Каюрова стал Брежнев – актеру даже доверили чтение на радио биографической повести генсека.

Михаил Ульянов также был довольно успешным Лениным. Его полноценный дебют в знаковой роли состоялся в сериале «Штрихи к портрету» (1967–1970) – политическом детективе о буднях кабинетной борьбы и подковерных интриг. И если, как утверждают киноведы, Смоктуновский одарил Ленина холодной рефлексией, то Ульянов одним из первых – за год до «Шестого июля» – показал в кино действующего политика, жесткого, хитрого, рационального и чрезвычайно деятельного. Но если лента «Шестое июля» прозвучала в унисон ноте времени, то «Штрихи» пережили всего один показ по телевидению, после чего на 20 лет легли на полку. За исключением «Шестого июля» перечисленные фильмы широкую аудиторию в СССР не привлекли, а в следующее десятилетие и вообще не были рекомендованы к показу. Даже «Ленин в Польше» (1966) Сергея Юткевича,



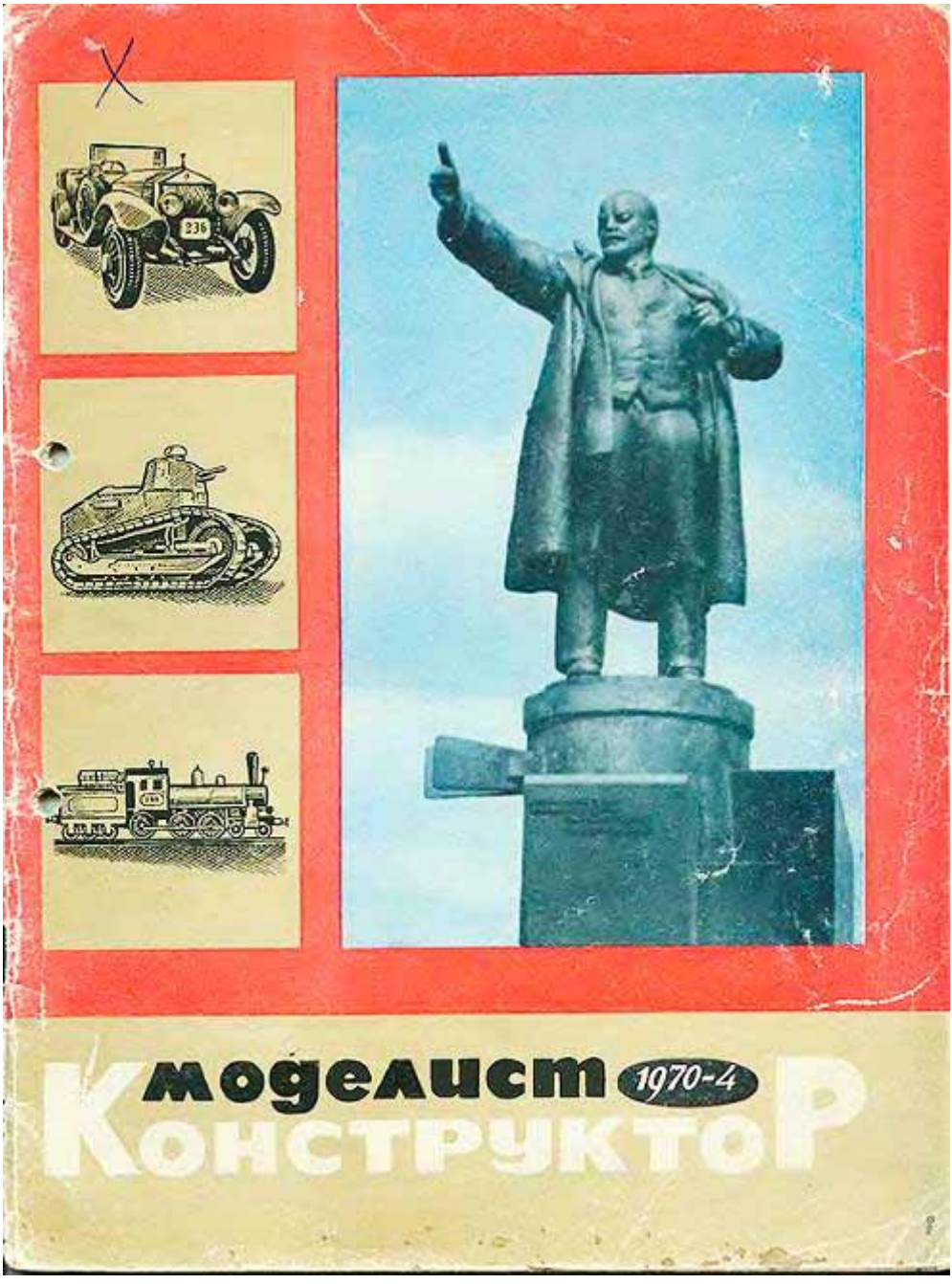
Фильм Сергея Юткевича «Ленин в Польше». 1966 г.

высоко оцененный кинематографическим Западом. В построенном по принципу монолога фильме Ленин затрагивает проблемы счастья, любви, семьи, быта, заботы о здоровье Надежды Константиновны.

В 1970 году культ Ленина достиг апогея во всех пространствах, однако даже на фоне неплохих результатов косыгинской реформы люди в основном формально участвовали в различных акциях и результатах, пассивно воспринимали развернутую идеологическую кампанию под лозунгом «Ленин с нами» и почти открыто реагировали на неё шутками и анекдотами. Знаковая дата не была использована для глубокого анализа пройденного полувекового пути, обсуждения проблем, которые стояли перед страной. По-прежнему многие



Журнал «Химия и жизнь». № 4. Апрель 1970 г.



Журнал «Моделист-конструктор». № 4. Апрель 1970 г.

темы, связанные с Лениным и его окружением, оставались в зоне антипамяти, а на найденные историками архивные документы накладывалось табу. Интересные зарубежные исследования сразу же отправлялись в спецхран, и они были доступны ограниченному кругу доверенных экспертов. Тот факт, что громадная и дорогостоящая пропагандистская кампания оставила слабый след в сознании большинства людей, прежде всего молодежи, свидетельствовало о кризисе культа Ленина, который всё еще пыталась поддерживать власть.

* * *

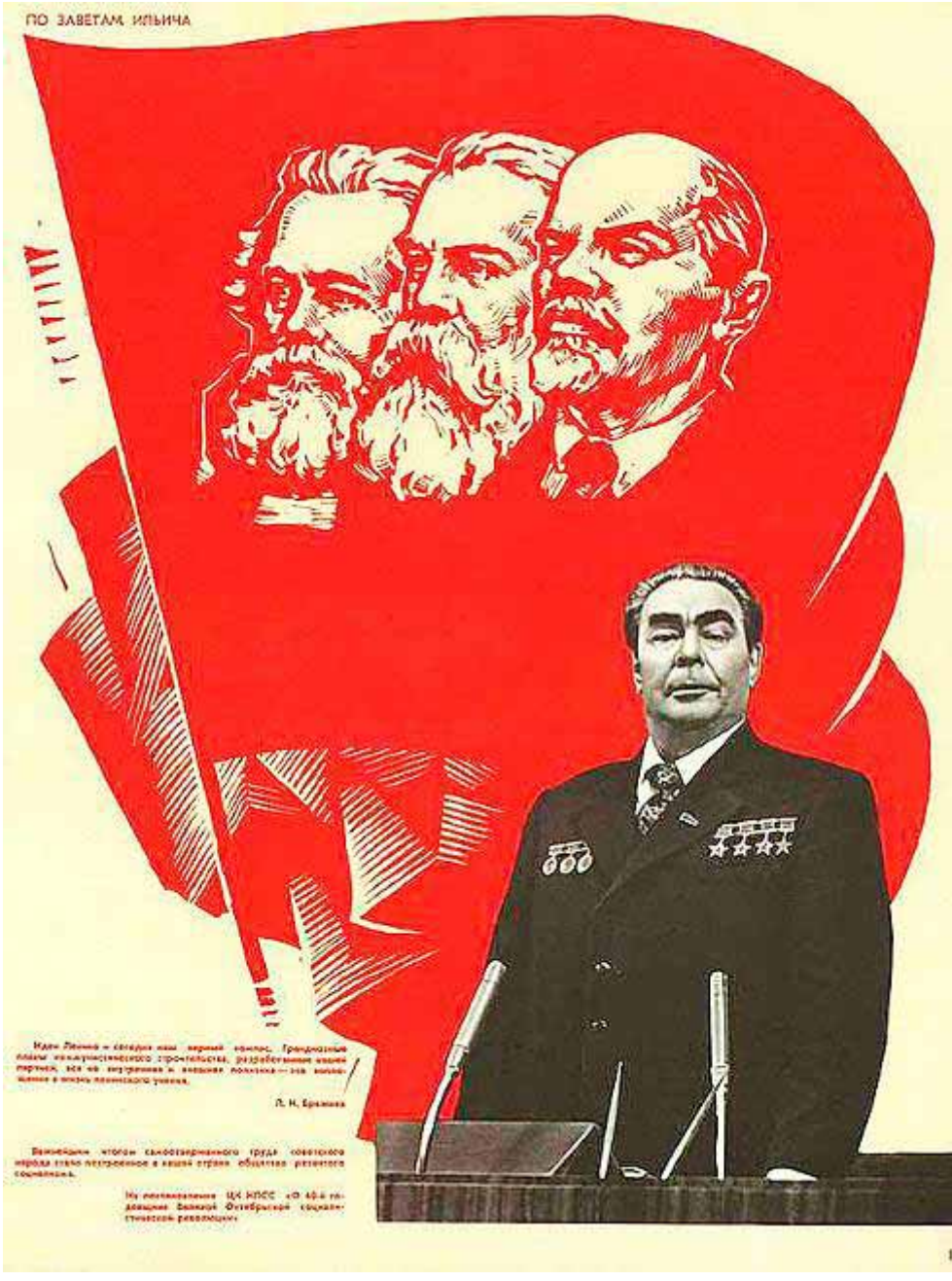
Столетие вождя стало первым юбилеем брежневской эпохи, и в этом юбилее сполна отразились все те крепежные узлы и несущие конструкции эпохи, которая впоследствии будет названа застоем. Энергия предыдущего – 90-летнего – юбилея была во многом порождена двумя взаимосвязанными процессами: с одной стороны – десталинизацией и спровоцированными ею общественными ожиданиями перемен к лучшему и более справедливому устройству советской действительности; с другой стороны – имиджевыми практиками власти, демонстрировавшей живость, причем подчас курьезную (достаточно вспомнить хотя бы хрущевский ботинок в ООН или даже бесконечные нравоучения первого лица по самым разным и не всегда связанным с высокой политикой вопросам). В этом смысле юбилей 1970 года стал полной противоположностью такой живости: выдержанный в духе монументальности, он вместе с тем создавал впечатление чего-то предельно формализованного и лишенного естественности. Искорки каких-то актуальных проблем, которые всё же мерцали в торжествах 1970 года, не меняли подобного впечатления. Можно без преувеличения сказать, что своей безжизненностью и постановочным характером этот юбилей запрограммировал на предстоявшие полтора десятилетия имитационную сущность эпохи застоя.

1980: эрозия идеологии и культа

На протяжении 1970-х годов праздничные мероприятия, посвященные дню рождения Ленина, отличались заметной скромностью по сравнению с предшествующим десятилетием. Можно предположить, что после навязчивой кампании к 100-летию вождя, которая обернулась очевидным спадом интереса к Ленину, идеологи и пропагандисты сделали соответствующие выводы о преимуществах сдержанности в освещении пространства памяти о вожде. Тем более что по стране прокатились слухи о новой атаке на мавзолей. 1 сентября 1973 года, в День знаний, в усыпальницу вождя заходили группы школьников. Воспользовавшись большим потоком посетителей, к телу проник и злоумышленник, которого приняли за учителя по его интеллигентному виду. Он медленно подошел к саркофагу в порядке очереди, а затем незаметно соединил контакты на самодельном устройстве, в результате чего грянул мощный взрыв. От «учителя» практически ничего не осталось, поэтому установить его личность, как и мотивы преступления, не представлялось возможным. Это засвидетельствовал прибывший на место взрыва глава КГБ Ю.В. Андропов. В результате происшествия тело Ленина осталось невредимым благодаря новому саркофагу, закрытому в апреле 1973 года пуленепробиваемым стеклом. Однако без жертв в этот раз не обошлось: погибла семейная пара, которая в этот день приехала на экскурсию из Астрахани. Тяжелые ранения получили также четверо школьников и солдат Кремлевского полка, которого отбросило к стене мавзолея взрывной волной[243].

Сам же 110-летний юбилей Ленина особенно ничем не запомнился. Сценарий его действительно был сдержанным, но ряд обязательных действий был соблюден. Торжественное заседание состоялось 21 апреля в Кремлевском дворце съездов, но прошло без занемогшего

[243] https://news.rambler.ru/incidents/41893152/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink



Плакат «Л.И. Брежнев: Идеи Ленина и сегодня для нас верный компас». 1980 г.

Брежнева. Вел заседание член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В.В. Гришин, а с докладом выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев. Запомнились два момента. Во-первых, утверждение о том, что воплощением ленинских традиций в идейно-политической работе является трилогия Л.И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина», за которую ему, «выражая чувства любви и признательности народных масс, Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР присудил заслуженную награду». Во-вторых, процитированные слова Ленина 1921 года о том, что «Россия навсегда останется первым другом высокого Афганского государства на благо обоих народов»[244]. Советские люди уверены, что гордый и свободолюбивый афганский народ защитит свои национальные интересы от внешней агрессии и внутренней реакции[245].

В апрельском номере журнала «Вопросы истории КПСС» вышла и статья К.У. Черненко «О возрастании руководящей роли КПСС». Референты будущего генсека, понимая недомогание Брежнева и его неравнодушие к бюрократическим моментам, процитировали малоизвестное письмо Ленина, написанное в сентябре 1921 года болгарскому торгпреду Борису Стомонякову (в 1920–1925 гг. торгпреду РСФСР в Берлине). Оно прозвучало, как потом оказалось, зловеще для генсеков! Ленин: Вы «задавлены работой… Так нельзя. Это ошибка. И ошибка может стать роковой. В большом деле нельзя работать, не умея сваливать на других все подсобное… Организуйте так, чтобы Вы только направляли и проверяли. Иначе провалитесь»[246].

В публикации новых источников наступил застой, архивы попрежнему были недоступны исследователям. В то же время на Западе снова напомнил о себе Валентинов, издавший в 1972 году в Париже книгу «Малознакомый Ленин» на русском, с предисловием Бориса Суварина. На этот раз, кроме рассказа об особенностях поведения, мотивах тех или иных действий, характере, вкусах, при-

[244] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 318–319.
[245] Подробнее см.: *Пономарев Б.Н.* Великая жизненная сила ленинизма. М., 1980.
[246] См.: Вопросы истории КПСС. 1980. № 4. С. 5.

вычках, темпераменте, главным для автора было желание «заглянуть поглубже в Ленина» и прежде всего познакомить читателей с финансовой стороной жизни как его самого, так и его семьи. Как известно, этот вопрос оставался на обочине советских биографий, подчёркивавших лишь чрезвычайно скромное, почти скудное, материальное положение Ленина. Автор нашёл источники финансовых доходов и поступлений как в семейный бюджет Ленина, так и в партийную кассу большевиков. В этой книге Валентинов пишет также об отношениях между членами семьи, об особенностях её жизни в ссылке в Сибири и за границей[247].

Советские историки избегали острых тем, старались обращаться, в частности, к безопасному периоду молодого Ленина, которого представляли горячим борцом за социальное освобождение под влиянием отца и брата с самого нежного возраста. В биографии, написанной А.Ф. Костиным, можно прочесть о времени, предшествовавшем смерти Александра: «Младшему брату приписывается «политическая индифферентность»… Ни один уважающий себя исследователь не станет утверждать, что его гимназической юности недоставало боевой, подлинно революционной активности»[248]. Эта же версия, вопреки свидетельствам старшей сестры Анны, прозвучит и в книге К.И. Маякшина «Становление»: во время каникул Илья Николаевич и Александр говорили о политике при юном Володе, который был внимательным слушателем[249]. Так закреплялась версия о совершенном взаимопонимании между двумя братьями, о том, что Александр приобщил Владимира к марксизму и к революционной деятельности. По Костину, «оба пристально всматривались в тяжелую российскую действительность и горели желанием облегчить жизнь людей»; «Александр и Владимир Ульяновы при всей внешней несхожести их характеров внутренне стояли близко друг к другу»; «Казнь старшего брата и его товарищей ускорила вступление юного Ленина на общественно-политическое поприще. К этому

[247] В нашей стране книга впервые вышла в ротапринтном варианте в Ленинграде. См.: *Валентинов Н.* Малознакомый Ленин. Л., 1991.
[248] *Костин А.Ф.* Восхождение. М., 1981. С. 53.
[249] *Маякшин К.И.* Становление. Куйбышев, 1982. С. 44.

времени он уже решил для себя вопрос о необходимости революционной борьбы[250].

Продолжая эту тему, Нейл Гардинг, автор большой биографии Ленина, остановился на влиянии Чернышевского на Ленина и высказал недоумение по поводу того, что настойчивость, с которой творчество Чернышевского называют в качестве источника ленинизма, контрастирует с полным отсутствием систематического сравнительного анализа их идей или, по крайней мере, исследований идейных заимствований и более или менее очевидных совпадений взглядов[251].

Как и раньше, исследователям не давал покоя вопрос, кем же была профинансирована Октябрьская революция. В 1974 г. американский экономист и одновременно исследователь истории, профессор Энтони Саттон опубликовал книгу «Уолл-стрит и большевистская революция», которую сразу же многие историки критиковали за конспирологию и фактические ошибки. Правда, автору удалось разыскать интересные документы из архива Министерства иностранных дел Великобритании. Речь идет о меморандуме от 23 октября 1917 г. Ввиду его краткости и важности он воспроизводится ниже полностью:

> «Лично и секретно. Из более чем одного источника к нам поступают беспокоящие слухи о том, что Керенский находится на жалованье у Германии и что он и его правительство делают всё, чтобы ослабить и дезорганизовать Россию, приведя её к положению, когда никакой другой курс, кроме сепаратного мира, будет невозможен. Считаете ли вы, что есть основания для таких инсинуаций, и что правительство, воздерживаясь от эффективных действий, целенаправленно позволяет большевикам набирать силу? Если встанет вопрос подкупа, мы должны быть в состоянии успешно конкурировать. Нам надо выяснить, как и через каких агентов это может быть сделано, хотя это и неприятная мысль»[252].

---

[250] *Костин А.Ф.* Указ. соч. С. 53–54.

[251] *Harding N.* Lenin's Feary Writings. The Problem of Context // Political Studies. 1975. December. P. 447; *Он же.* Lenin's Political Thought. London, 1977. Vol. 1. P. 15.

[252] Цит. по: *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 87.

Только через 20 лет российские историки среагировали на этот документ, предположив, что это произошло потому, чтобы не отвлекать внимание от главного – «германского шпиона» Ленина, хотя здесь есть косвенное подтверждение связей с Германией именно главы Временного правительства.

Во второй половине 70-х годов в исследовательском поле впервые появилась проблема культа Ленина, которую подробно разбирала Нина Тумаркин, дочь русских эмигрантов-либералов. Её книга «Ленин жив! Культ Ленина в Советской России» появилась в начале 1983 года, через несколько месяцев после смерти Брежнева, за пять недель до знаменитой речи президента Рейгана об «империи зла» и за шесть месяцев перед тем, как был сбит южнокорейский лайнер KAL 007, что знаменовало собой наивысшую точку как нового витка холодной войны, так и европейского и американского движения за мир (которое рейгановская администрация называла «антиядерным движением»). Эта книга действительно стала одной из первых книг по русской истории, где была сделана попытка показать и осмыслить литературные, визуальные и материальные воплощения политического мифа[253].

После пышных юбилеев 1970-го и 1977-го (60-летие Октябрьской революции), в так называемые застойные годы, внимание кинематографа к образу Ленина постепенно угасало. Точнее, фильмов с привлечением ленинского образа становится даже больше, но это скорее эпизодические роли, наполненные набором уже сформировавшихся и ставших формальными штампов. Советский кинематограф вновь вернулся к традиции «одного актера» – на протяжении всего застойного периода официальный образ Ленина безраздельно принадлежал Юрию Каюрову. Однако были случаи и других трактовок главного героя в кино. Марк Донской, продолживший свою киноленинниану, убедил актера театра «Современник» Андрея Мягкова сыграть

[253] *Tumarkin Nina.* Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1983. В России эта книга будет опубликована только в 1996 году, когда, как писала автор в предисловии к русскому изданию, Ленин был «десакрализован, демонизирован, дискредитирован, осмеян, коммерциализован и, наконец, реабилитирован для нужд “обновленной” российской коммунистической партии середины 90-х годов».



Фильм Марка Донского «Надежда». 1973 г.

молодого Ильича для фильма «Надежда» (1973). Режиссер внушил Мягкову, что играть нужно не вождя мирового пролетариата, а обычного влюбленного, к тому же – в Наталью Белохвостикову. Кирилл Лавров дебютировал в новой для себя роли в советско-финском фильме с многозначительным названием «Доверие» (1976) по сценарию Михаила Шатрова совместно с историком Владленом Логиновым, где Ленин, предоставляющий независимость Финляндии, противостоял революционному экстремизму Коллонтай – Маргариты Тереховой. Лавров пытался снять Ленина с постамента и обнаружить в нем сомнение, рефлексию и все прочие родовые черты нормального советского интеллигента. Лавров считал роль Ленина настоящим подарком для любого артиста.

В экспериментальной манере был снят фильм «Ленин в Париже» (1981) Сергея Юткевича: игровые кадры перемежевывались хроникой



Фильм Сергея Юткевича «Ленин в Париже». 1981 г.

и эпизодами из киноклассики 20-х, прошлое соседствовало с современностью. В качестве близкого соратника Ленина (Каюров) была представлена Инесса Арманд (Клод Жад). Картина, по отзывам кинокритиков, смотрелась не как очередной «шедевр» киноленианы к очередному юбилею, а как захватывающий фильм, имеющий не только и не столько идеологическую, но, в первую очередь, художественную ценность. В нем главными идейными оппонентами Ильича были представлены не меньшевики и эсеры или те же сомневающиеся соратники по партии, а образы, в которых угадывались представители молодежных леворадикальных течений 1960–1970-х гг., столь популярные у европейской молодежи той эпохи. Нетривиальным был Ленин из второго фильма дилогии Сергея Бондарчука о Джоне Риде «Красные колокола». Я видел рождение нового мира» (1982), который не имел успеха у зрителей. Провинциальный актер



Фильм Сергея Бондарчука «Красные колокола». 1982 г.

(Анатолий Устюжанинов) играл если не молодого, то куда более моложавого, чем полагалось по традиции «геронтократической» системы, человека: азартного политика-трибуна, откровенно провоцирующего враждебную аудиторию заявлениями типа «есть такая партия» и с удовольствием за ее реакцией наблюдающего.

К сожалению, советскому зрителю тогда не показали британский сериал «Падение орлов» (1974), в котором Патрик Стюарт представил Ленина как энергичного, умного, рационального политика, противостоящего не очень умному и совсем не рациональному Николаю II. Без картавости и ужимок персонаж Ленина обретал совершенно новое и неожиданное звучание, а пересказ русской истории без всякой мифологии становился хроникой острой борьбы за власть, в которой побеждал тот, кто больше хотел победить.

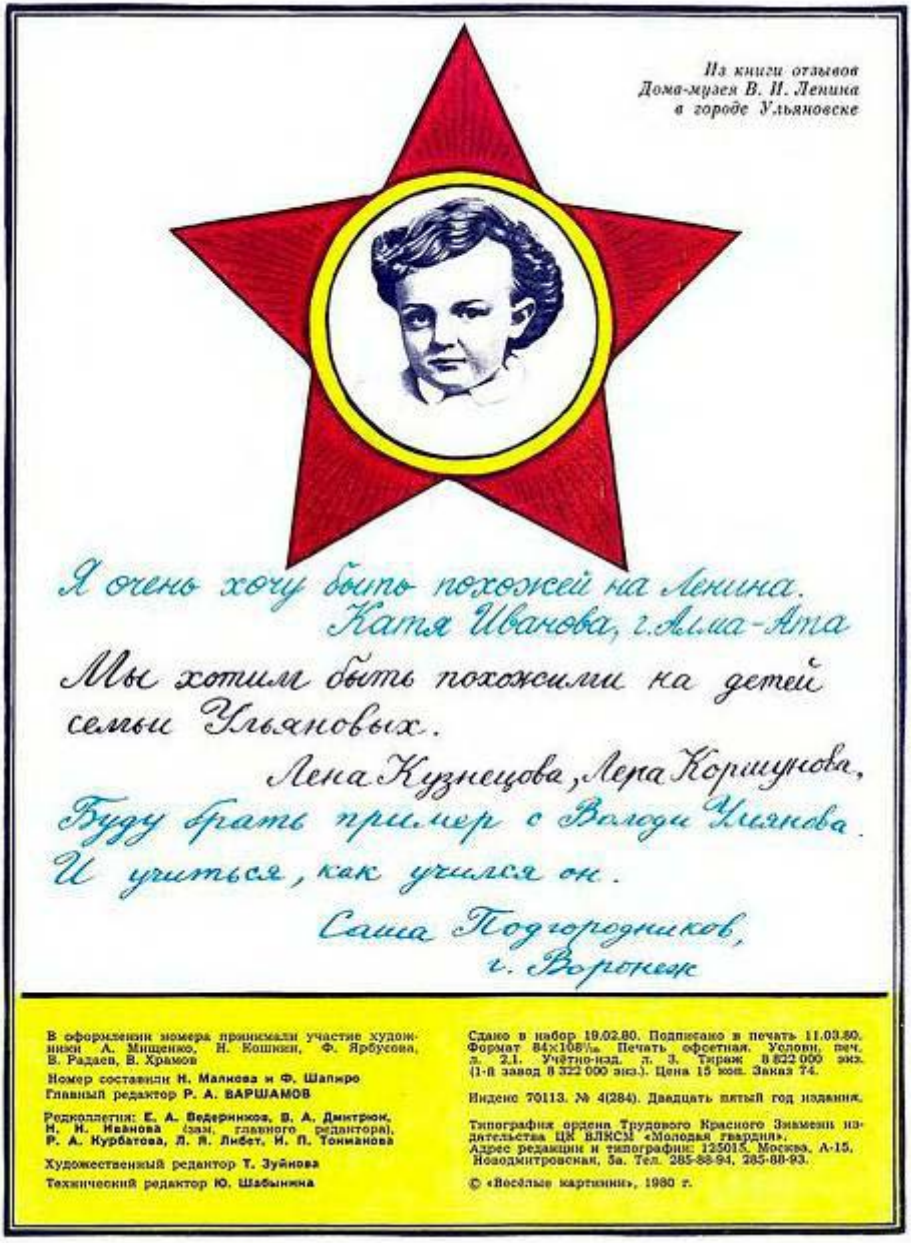


Сэр Патрик Стюарт в роли Ленина. Сериал «Падение орлов». 1974 г.

Что касается художественной литературы, отметим повесть Александра Солженицына «Ленин в Цюрихе» (1975) о последнем периоде эмиграции. Писатель сосредоточился на отношениях героя с мягкотелым Мартовым, проходимцем Парвусом и особенно – «пылкой во всех смыслах» революционеркой Арманд. И говорилось обо всем этом с прямо противоположных позиций, чем в пьесах и сценариях Михаила Шатрова.

* * *

В 1980 году на всех крупных политических акциях цитировались брежневские слова о том, что «мы первыми на земле создали развитое социалистическое общество, мы первыми строим коммунизм».



Из книги отзывов Дома-музея В. И. Ленина в городе Ульяновске

Я очень хочу быть похожей на Ленина.
Катя Иванова, г. Алма-Ата

Мы хотим быть похожими на детей семьи Ульяновых.
Лена Кузнецова, Лера Коршунова,

Буду брать пример с Володи Ульянова. И учиться, как учился он.
Саша Подгородников, г. Воронеж

В оформлении номера принимали участие художники А. Мищенко, Н. Кошкин, Ф. Ярбусова, В. Радаев, В. Храмов

Номер составили Н. Малкова и Ф. Шапиро
Главный редактор Р. А. ВАРШАМОВ

Редколлегия: Е. А. Ведерникова, В. А. Дмитрюк, Н. Н. Иванова (зам. главного редактора), Р. А. Курбатова, Л. Я. Либет, И. П. Тонманова

Художественный редактор Т. Зуйкова

Технический редактор Ю. Шабынина

Сдано в набор 19.02.80. Подписано в печать 11.03.80. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 2,1. Учётно-изд. л. 3. Тираж 8 822 000 экз. (1-й завод 8 322 000 экз.). Цена 15 коп. Заказ 74.

Индекс 70113. № 4(284). Двадцать пятый год издания.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес редакции и типографии: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская, 5а. Тел. 285-88-94, 285-80-93.

© «Весёлые картинки», 1980 г.

Журнал «Веселые картинки». № 4. Апрель 1980 г.



Памятная медаль Управления по туризму и экскурсиям Министерства обороны СССР «Участнику похода по ленинским местам». 1980 г.

Однако большинство людей не воспринимали эти слова. Их реальные доходы заметно упали, возник повальный дефицит, внушительных масштабов достигла спекуляция, в руках деятелей теневой экономики оседали значительные денежные средства, «подпольные миллионеры» стали жить открыто, не стесняясь и не боясь. Идеи и цели, вдохновлявшие представителей старших поколений, утрачивали свою значимость. Подходил к концу и ресурс проекта памяти, связанный с образом Ленина. Навязчивое и безостановочное заполнение им общественного пространства оборачивалось расцветом неподцензурной и фольклорной ленинианы.

110-летие со дня рождения Ленина внешне мало отличалось от юбилея десятилетней давности: то же тотальное господство постановочной монументальности, та же безжизненная ритуальность, те же «мантры» о коммунизме, которым теперь верили еще меньше, чем десять лет назад. Однако очевиден был и целый ряд более или менее проявленных новшеств. Во-первых, страна впервые после Чехословакии в 1968 году вела войсковую операцию за пределами своих границ, и на момент ленинского юбилея уже было ясно, что повторения пражского блицкрига не будет и Афганистан – это всерьез и надолго. Во-вторых, ярким фоном 110-летия Ленина стала подго-

товка к московской Олимпиаде, ожиданием которой жила без преувеличения вся страна, и это предвкушение большого спортивного (а на самом деле – политического) праздника придавало юбилею вождя уже изрядно подзабытую живость. Звучавшая в ту весну особенно часто песня Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «И вновь продолжается бой», написанная за шесть лет до Олимпиады, своей энергичностью и мобилизующим воздействием была созвучна предолимпийским ожиданиям и овевала, казалось бы, навсегда уже омертвевший культ вождя мобилизующими токами. Поэтому не будет преувеличением сказать, что весной 1980 года празднование очередного ленинского юбилея обрело никогда ему прежде не свойственный спортивный флер. В-третьих, на фоне испытывавшего неудачу за неудачей американского президента Джимми Картера, особенно в связи с проваленной практически в день рождения Ленина операцией «Орлиный коготь», целью которой было освобождение заложников из американского посольства в Тегеране, советский лидер, несмотря на свою далеко не самую лучшую физическую форму, смотрелся гораздо более выигрышно, нежели его «партнер» – глава другой супердержавы. И это имиджевое превосходство также бросало свой отпечаток на юбилей – как и участие в клубе мировых лидеров, собравшихся несколькими днями позже у гроба Иосипа Броз Тито в Белграде. Все эти знаковые приобретения Брежнева одновременно и преподносились в контексте ленинского юбилея, и задавали ему новые смыслы и оттенки.

1990: «не поддаваться напору ниспровергателей»

«Назад к Ленину!» – один из первоначальных лозунгов начавшейся в 1985 году перестройки. Ю.Н. Афанасьев размышлял даже о «ренессансе ленинизма», который, наконец, позволит раскрыть основные проблемы начальных этапов советской истории. В частности, он выделил величие Ленина в связи с вопросом об альтернативности истории: «Ленин предстал бы ещё более величественным, если бы был показан человеком, ищущим и не всегда находящим ответы на возникающие вопросы»[254]. Ему вторили известные в стране историки В.Г. Сироткин, К.В. Гусев, В.В. Шинкаренко и др.[255]

Первые атаки на культ

За несколько лет до 120-летия Ленина были подведены итоги разработки его творческого наследия за последние четверть века. Выяснилось, что в процессе допечаток в пятое издание Полного собрания сочинений было внесено более 2000 необходимых уточнений и исправлений, в том числе в ленинский текст – 336, в легенды документов – 59, в подстрочные и общие комментарии – 482, в именные справки – 1321. Были опубликованы следующие новые документы: три дополнительных тома к собранию сочинений Ленина – «Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России»», «Тетради по аграрному вопросу», «Конспект переписки К. Маркса» и четыре (XXXVII–XL) «Ленинских сборника». В этих изданиях в общей сложности появилось более полутора тысяч новых ленинских документов. Около шести тысяч текстов полностью или частично были опубликованы в 12-ти томах «Биографической хроники В.И. Ле-

[254] Перестройка: гласность, демократия, социализм. Иного не дано / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1988. С. 499.
[255] Там же. С. 370–391.

нина». Новые публикации ленинских документов имелись также в «Декретах советской власти»[256].

С учётом всего этого, а также хранящихся в Центральном партийном архиве сотен неопубликованных документов в марте 1986 года ЦК КПСС дал поручение внести предложение об осуществлении нового, шестого, издания собрания сочинений В.И. Ленина, причём по принципу академических изданий, когда в собрание включается вся совокупность не только основных произведений, но и подготовительных материалов, когда публикуются законченные и незаконченные произведения, их различные варианты, маргиналии, ленинские конспекты работ других авторов. Однако даже в тот период к публикации не планировались те документы, которые считались неподобающими по идеологическим соображениям. Директор Института марксизма-ленинизма Г.Л. Смирнов относил к таким документам следующие: о политике террора и репрессий в период Гражданской войны, о тайных методах работы коммунистических органов, о поощрении насильственных действий против соседних государств, о высылке интеллигенции из Советской России, о неблаговидных действиях Красной армии (участии подразделений Первой конной армии в еврейских погромах и др.)[257].

Несмотря на эти возможные сокрытия, по предварительным расчетам, по сравнению с предшествующим шестое издание по количеству документов почти удваивалось[258]. 2 сентября 1987 года Секретариат ЦК принял постановление о характере нового издания Полного собрания сочинений. В то же время не был решен вопрос о литературе, хранящейся в спецхране, хотя уже началось возвращение книг, журналов и газет из спецхранов в открытые фонды. Была создана специальная комиссия для пересмотра списков. К концу 1988 года было переведено в открытые фонды 7930 изданий. При

[256] См.: *Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Литература о биографической хронике В.И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4; Проблемы лениноведения. М., 1990. С. 6.

[257] См.: *Смирнов Г.Л.* Публиковать считаю нецелесообразным // Исторический архив. 1992. № 1. С. 216–217.

[258] Проблемы лениноведения. С. 8–9.

этом оставлено 462 издания «явно антисоветского характера, содержащие клевету на Ленина, КПСС, Советское государство и советский народ, белогвардейские, сионистские, националистические издания». Произведения бывших советских авторов-эмигрантов особенно долго оставались в спецхранах (наряду с порнографической и фашистской литературой, а также литературой, связанной с взрывчатыми веществами и наркотиками). Окончательно спецхраны были ликвидированы одновременно с цензурой в 1990 году – приказом Главного управления по охране тайн в печати СССР от 9 июля 1990 года «О ликвидации спецхрана», в котором предписывалось передать все книги в общие фонды. Бывшие спецхраны превращались в отделы литературы русского зарубежья (сохраняя в обиходе прежнее название)[259].

Пока многие вопросы были лишь на бумаге или находились в подвешенном состоянии, появились первые признаки преодоления культового понимания Ленина, освобождения от многих культовых атрибутов. К примеру, Марк Захаров, режиссер, многолетний художественный руководитель Московского государственного театра имени Ленинского комсомола, 21 апреля 1989 года в московском эфире телепрограммы «Взгляд», назвав Ленина гениальным политиком, высказался по поводу нахождения его тела в мавзолее: «Мы можем как угодно ненавидеть человека, как угодно его любить до самозабвения, но мы не вправе лишать человеческое тело захоронения, подражая древним язычникам… Создание искусственных святых мощей – это акт безнравственный». В июне 1989 года, через полтора месяца, тему захоронения Ленина вновь поднял публицист Юрий Карякин, в тот момент – старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР. 2 июня 1989 года на I съезде народных депутатов СССР он заявил, что еще в детстве узнал о том, что Ленин хотел быть похороненным возле могилы своей матери на Волковом (Волковском) кладбище в Ленинграде:

[259] См.: Докладная записка заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС А.С. Капто 31 декабря 1988 г. // Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы. М., 2004. С. 542.

«Еще в детстве я узнал один тихий, почти абсолютно забытый нами факт. Сам Ленин хотел быть похороненным возле могилы своей матери на Волковском кладбище в Петербурге. Естественно, Надежда Константиновна и Мария Ильинична, сестра его, хотели того же. Ни его, ни их не послушали… Была попрана не только последняя политическая воля Ленина, но была попрана его последняя личная человеческая воля. Конечно, во имя Ленина же»[260].

Главный редактор «Огонька» Виталий Коротич в одном из весенних номеров юбилейного года, рассказывая читателем о своем недавнем посещении Мавзолея, поделился, что вместо привычного религиозного трепета он, неожиданно для себя, ощутил абсолютную банальность ритуального пространства и лежащего в гробу человека. Ленин предстал не «вечно живым» вождем, а субъектом, волей случая оказавшимся между жизнью и смертью:

«Небольшого роста человек в выходном костюме лежал в пуленепробиваемом гробу в центре зала, сжав одну ладонь и выпрямив пальцы другой. Бедный Ленин, – подумал я. – Человек без упокоения. Одна из страшнейших во все времена посмертных кар – не предавать тело земле. За что ему такая кара?»[261]

Казалось бы, подобные оценки никак не могли повлиять на статус Ленина как выдающегося деятеля «всех времен и народов». В 1989 году по опросу ВЦИОМ Ленин возглавил первую десятку лидеров (68 % опрошенных), а за ним далее шли Маркс (36,2 %), Петр I (31,9 %), Горбачев (22,6 %), Пушкин (21 %), Энгельс (18,1 %), Ломоносов (16,1 %), Сталин (14,9 %), Суворов (14,8 %), Гагарин (14,3 %) (3). Ленин воспринимался еще как символ «правильного» социализма в отличие от Сталина, который воплощал в себе идею

[260] Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1989. Т. 2. С. 362–363.

[261] Вступление Виталия Коротича к статье «Расставание с богом» (беседа Олега Мороза с Владимиром Солоухиным) // Огонек. 1990. № 51. С. 26.

социализма «неправильного», «извращённого»[262]. К Ленину и его наследию апеллировали выразители самых разных подходов к перестройке: те, кто все общественные процессы рисовал в основном розовыми красками и верно служил сложившимся стереотипам и догмам, те, кто изображал действительность и происходящее только чёрными красками, демонстрируя при этом деструктивный подход, «буржуазная» историография, неоднозначно представлявшая жизнь и революционную деятельность Ленина, его вклад в теорию и практику революции, социалистического строительства, и др.[263]

Однако в 1990 году в документе «К 120-летию со дня рождения В.И. Ленина», разработанном в ЦК КПСС, исчезли упования на светлое коммунистическое будущее, а за вождем было признано право на ошибку. Безусловно, авторы этого документа столкнулись с глухим аппаратным неприятием самой возможности критического взгляда на Ленина, постановки вопроса о наличии в его наследии того, что уже принадлежит истории. Сопротивление встретили формули-

[262] Результаты опроса опубликованы в изданиях: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов / Под ред. Ю.А. Левады. М., 1993; *Левинсон А.Г.* Значимые имена // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1995. № 2. С. 26–29; *Он же.* Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей. 1996. С. 252–267. Следует отметить и такое своеобразное исследование, которое в 1990 году провела партийная Академия общественных наук среди 2000 партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников из 12 регионов страны. Опрос свидетельствовал о том, что у подавляющего большинства опрошенных позитивное отношение к личности и деятельности Ленина не изменилось, а у части даже усилилось. Вместе это составляет 89% опрошенных. В то же время появилась группа работников – 9%, – у которых возникли сомнения, появилось определенное разочарование. Большинство довольно высоко оценили значение ленинского теоретического наследия. Позитивное отношение не изменилось, а у части даже усилилось – 13%. Большинство опрошенных также дали высокие оценки полезности ленинского наследия для практической деятельности. 81% сочли труды Ленина своей методологической основой анализа современных явлений и процессов общественной жизни. Опирались на ленинские работы в выступлениях перед «неформалами» – 74%, на партийных собраниях – 93%, на митингах – 30%. 97% советовались с Лениным, то есть его работами, при переходе на новые формы хозяйствования, 62% – по вопросам демократизации общественной жизни и гласности, 51% – в связи с переходом КПСС к политическим методам руководства, отказом от административно-командной системы, 18% – по вопросам многопартийности. На вопрос о причинах всплеска сомнений в значимости ленинского теоретического наследия 18% отметили несоответствие его положений реально построенному социализму, 47% – незнание этого наследия, 51% – стремление к дискредитации личности Ленина.

[263] См.: Диалог. 1990. № 5. С. 5–10.

ровки о том, что Ленин не оставил после себя развернутой программы социалистических преобразований, а его идеи следовало бы возвратить в разряд реальных, ибо в прошлом они в значительной мере лишь провозглашались. Впервые было заявлено, что годовщины со дня рождения Ленина – это не повод для организации помпезных мероприятий. В то же время в апреле 1990 года на высоком уровне впервые была официально зафиксирована «откровенно деструктивная тенденция в подходе к Ленину».

На торжественном собрании, посвященном юбилею вождя, в «Слове о Ленине» М.С. Горбачев призвал «не поддаваться напору ниспровергателей, а то и просто невежд по части истории и теории». Предельно четко он заявил об опасности такой тенденции, которая заключалась в примитивизме, в использовании методики «Краткого курса», только с обратным знаком. Горбачев без обиняков назвал также цель ее: отождествив Ленина со Сталиным, перечеркнув всю нашу историю, представить Октябрьскую революцию и что за ней последовало сплошной ошибкой, даже преступлением перед народом и человечеством[264].

Именно по такому сценарию и происходило в дальнейшем разрушение пространства памяти о Ленине. Причем этот процесс развивался довольно быстро, по такой примерно траектории: двойственность в оценках деятельности вождя – использование различных эвфемизмов – антиленинизм.

Смена знаков или перепроверка оценок и идей?

Новое обращение к Ленину в пространствах памяти и истории не означало простого переворачивания прошлых оценок и смены знаков «плюс» на «минус». «Заново», и в этом можно согласиться с философом Г.Г. Водолазовым, «означает генеральную перепроверку всех прежних оценок, всех постановок вопросов, всех идей и цитат,

[264] Правда. 1990, 23 апреля.

всех выводов. Никаких аксиом, никаких «истин, не требующих



Плакат. Художник Э. Булатов. 1989 г.

доказательства», никаких принимаемых на веру положений»[265]. Другой философ – В.А. Кувакин – предложил разделить спорящих о Ленине и ленинизме на три группы: традиционалисты (или, точнее, консерваторы), центристы и радикалы. «Одни полагают, что ленинизм и марксизм-ленинизм – это нечто «святое» и «непогрешимое»,

[265] *Водолазов Г.* Ленин и Сталин // Октябрь. 1989. № 6. С. 10.

и потому нужно оставить всё как есть и продолжать хранить «чистоту» учения как «зеницу ока»; другие считают, что необходимо научное, объективное, уважительное и вместе с тем критичное, свободное от стереотипов и иллюзий отношение к идеям Ленина, смелое их обсуждение и оценка, третьи заняты по преимуществу доказательством едва ли не тотальной устарелости ленинизма, его ненужности, даже ответственности за те беды, которые пережила страна после Октября 1917 года»[266].

Специалистам и широкому кругу читателей впервые открылись различные источники мемуарного и публицистического жанра. В 1989 году вышло 2-е издание воспоминаний, очерков и писем сестры Ленина М.И. Ульяновой «О В.И. Ленине и семье Ульяновых». По сравнению с предыдущим оно было дополнено новыми материалами – 12 новых сюжетов, которые были ранее изъяты, 60 писем к родным, 53 из которых публиковались впервые. Обозреватель «Коммерсанта» Е.М. Жирнов соединил эти не публиковавшиеся фрагменты мемуаров с другими важными источниками. В частности, он привёл дневниковую запись сотрудника Наркомата оборонной промышленности А.Г. Соловьева о похоронах М.И. Ульяновой в июне 1935 года: «У гроба, сгорбившись, сидела Крупская. Я высказал ей свое сочувствие и печаль. Она поблагодарила. Я поинтересовался, отчего так рано умерла. Крупская тяжело вздохнула и сказала, что не могла пережить тяжелых условий, творящихся вокруг нас. Присмотритесь, говорит, повнимательнее: неужели не замечаете нашей совершенно ненормальной обстановки, отравляющей жизнь»[267].

В мемуарах М.И. Ульяновой содержалась характеристика болезней Ленина в период эмиграции, а также приведен его распорядок дня, свидетельствующий о чрезвычайной педантичности вождя большевиков:

> «Большое влияние на здоровье Владимира Ильича в положительном смысле оказывал и правильный образ жизни. Он не любил на-

[266] *Кувакин А.* Мировоззрение В.И. Ленина: формирование и основные черты. М., 1990. С. 205.

[267] Цит. по: *Жирнов Е.М.* «Владимиру Ильичу уже успели впрыснуть морфий» // Коммерсант-Власть. 2012. № 27. С. 48

рушения его (например, обеда не вовремя и т. п.), и в дальнейшем, особенно в заграничный период его жизни, распорядок во времени питания был введен самый строгий. Обедать и ужинать садились в точно назначенный час, не допуская в этом никакой оттяжки. На эту точность влияло и то обстоятельство, что за границей все учреждения, в том числе и библиотеки, закрываются в определенные часы дня на обед и ужин, а также и то, что все время у Владимира Ильича было точно рассчитано, уложено в определенные рамки»[268]. Касаясь жизни старшего брата в советский период, М.И. Ульянова отмечает, что «Владимир Ильич утомлялся от работы невероятно. Время его было заполнено до отказа: заседания (их бывало иногда по несколько в день), приемы, доклады, публичные выступления, телефонные переговоры и прочее. В то же время Владимир Ильич находил время просматривать русские и иностранные газеты и следить за книжными новинками. Читал он уже вечером или поздно ночью. На стульях около его кровати лежала обычно кипа книг, которые ему надо было просмотреть. С заседания Совнаркома Владимир Ильич приходил вечером, вернее, ночью, часа в 2, совершенно измотанный, бледный, иногда не мог даже говорить, есть, а наливал себе только чашку горячего молока и пил его, расхаживая по кухне, где мы обычно ужинали»[269].

Касаясь последней болезни Ленина, М.И. Ульянова утверждала:

«…Все врачи были убеждены, что ничего, кроме переутомления, у Владимира Ильича нет, но он и тогда, по-видимому, плохо верил в правильность их диагноза. Если во время ранения он рвался к работе и плохо слушал врачей, которые старались удержать его от нее, потому что чувствовал себя хорошо («перемудрят» – было любимое его выражение в то время), то теперь Владимир Ильич был склонен расценивать свое состояние более пессимистически, чем это делали врачи. Так, по поводу обмороков, бывших с ним зимой 1922 года, он сказал как-то позднее Н.А. Семашко: «Это первый звонок»»[270].

[268] Там же.
[269] Там же.
[270] Там же.

М.И. Ульянова опровергала версию, что последняя болезнь Ленина была последствием сифилиса: ««Все врачи признавали, что заболевание Владимира Ильича очень серьезное, хотя одни высказывались более оптимистически, другие – наоборот». Профессор Россолимо, например, в разговоре с Анной Ильиничной на другой день консилиума заявил, «что положение крайне серьезно и надежда на выздоровление явилась бы лишь в том случае, если в основе мозгового процесса оказались бы сифилитические изменения сосудов». Но этого не было. Очень мрачный прогноз ставил и Ф.А. Гетье, хотя, по словам Троцкого, он «откровенно признавался, что не понимает болезни Владимира Ильича». Но с нами он не говорил об этом или говорил не так определенно, но сам Владимир Ильич смотрел на свое состояние очень мрачно. Он считал, что не поправится, он был уверен, что с ним паралич…». В другом месте она отмечала, что «произведенная реакция Вассермана дала безусловно отрицательные результаты»[271].

Но позиция публикатора мемуаров М.И. Ульяновой Жирнова выглядит несколько странной. Он утверждает, что воспоминания Марии Ильиничны Ульяновой обрывались на том времени, когда Ленин надиктовал письма и статьи, известные как его политическое завещание. Возможно, о ее работе над откровенными мемуарами стало известно Политбюро, и ей посоветовали прекратить это политически вредное занятие. Ведь эпизоды о нищете Ленина в эмиграции придавали весомости рассказам о том, что Ленин взял немецкие деньги на революцию. Подробное описание болезни основателя советского государства выставляло учреждение, ответственное за здоровье советских вождей (Лечсанупр Кремля) в самом неприглядном виде. А то, как она отрицала, что у Ленина был сифилис, только привлекало внимание к этой теме. Мало того, описание болезни в 1922 году, в период, когда страдавший от болезни Ленин вернулся к работе, давало врагам советской власти документальную почву для того, чтобы именовать политику большевиков больной. Однако,

[271] Цит. по: Жирнов Е.М. «Это они меня за дурака считают» // Коммерсант-Власть. 2012. № 28. С. 48.

скорее всего, ей было невероятно горько и тяжело писать о последних месяцах жизни любимого брата. Ведь на ее глазах человек, который смог изменить в России абсолютно все, менялся до неузнаваемости[272].

Разумеется, обе гипотезы имеют право на существование. Мария Ильинична могла прекратить работу над мемуарами как после указания Политбюро, так и потому, что ей было морально тяжело описывать последние месяцы страданий ее горячо любимого брата, лишенного почти всех коммуникаций с внешним миром и тяжело переживавшего невозможность заниматься любимым делом – политикой. Однако весьма странно выглядит утверждение, будто свидетельство о полунищей жизни Ленина в эмиграции может подкрепить версию о том, будто вождь большевиков брал деньги на революцию от германского Генштаба. Не менее странной выглядит и мысль о том, будто опровержение версии о наличии у Ленина сифилиса нежелательно, поскольку привлекает внимание к этой сколькой теме. То, что у Ленина подозревали именно сифилис, было хорошо известно от лечивших его иностранных врачей. Ведь они назначали ему содержащие ртуть препараты, с помощью которых тогда боролись с сифилисом. И столь же непонятно, почему признание того, что в какой-то период своей болезни Ленин вернулся к работе, позволяло противникам большевиков считать их политику того времени «больной».

В Саратове вышел сборник «Вождь. Ленин, которого мы не знали» с воспоминаниями Николая Валентинова, Иосифа Сталина, В. Чернова, Максима Горького, Александра Куприна, Бертрана Рассела[273], Герберта Уэллса, Леонида Андреева. Если бы этим дело ог-

---

[272] Там же.

[273] Впервые в СССР опубликованы: *Чернов В.* Ленин // Россия (Москва). 1990. № 5; *Куприн А.* Ленин (моментальная фотография) // Курьер для вас (Москва). 1991. № 4 (7); *Рассел Б.* «Он – интеллектуальный аристократ» // Правда. 1991, 20 апреля. К этому же ряду следует отнести вышедшую в Политиздате к 120-летию со дня рождения книгу «Ленин. Человек – мыслитель – революционер. Воспоминания и суждения современников» (М., 1990). Правда, нельзя не отметить, что в этом официальном сборнике впервые появилась рубрика «Оппоненты», к сожалению, с очень небольшими отрывками из книг, статей и писем М. Адлера, Л.И. и П.Б. Аксельродов, О. Бауэра, В.С. Войтинского, К. Каутского, П. Леви, Ю.О. Мартова, Н.Н. Суханова, Н.В. Устрялова и др. Отметим также и опубликованный впервые после 1924 года сборник: Недорисованный портрет.

раничилось, то сборник напоминал бы многочисленные издания подобного рода: воспоминания о Ленине его современников, тех, кто в разной мере по разным поводам и предлогам общался с ним. Но саратовский сборник включал такие малоизвестные для широкой публики остропублицистические выступления, как «Род вождя» Михаила Штейна, «Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева, «Читая Ленина» Владимира Солоухина, «Блуд на крови» Доры Штурман, «Ленин в судьбах России» Абдурахмана Авторханова, «Неотпетый злодей» Петра Паламарчука и др.[274]

Чтобы как-то смягчить тенденциозность подбора материала и сделать его «проходным», на роль автора послесловия на всякий случай был приглашен проверенный партийный историк Н.А. Васецкий. Не утруждая себя подробным научным разбором позиций авторов сборника, он выдал в их адрес лишь несколько совсем необязательных ремарок, которые сумели притянуть читателей. К примеру, Авторханову досталось за «политическую безграмотность» и «фальсификаторскую технику препарирования ленинских текстов», «лукавому» Солоухину – за то, что он пытается убедить всех в своём первознакомстве с Лениным, да и то из 55 томов – всего лишь с одним: по словам Штурман, «не самым ужасным» – 36-м. Правда, несколько общих наблюдений Васецкого были и остаются достаточно точными. Он подметил, что некоторые авторы «смотрят на Ленина как бы снизу вверх из-за меньшего в сравнении с Лениным «роста» собственного интеллекта и знания предмета». Из-за этого многие, чтобы дотянуться, поступают весьма просто:

> «Точно ветку пригибают к себе Ленина, стаскивая его на свой уровень. Естественно, тут же уменьшается угол обзора, теряется чёткость очертаний, сужается пространство мышления. Возникает не

1920 год: 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях / Сост. К.И. Буков, Л.Н. Лашманова, Л.М. Тараканова. М., 1990.

[274] Впервые в СССР опубликовано: *Штейн М.* Род вождя. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор (Ленинград). 1990. № 38; Слово. 1991. № 2; Москва. 1991. № 2; *Ерофеев В.* Моя маленькая лениниана // Европа+Америка. 1991. № 1; *Солоухин В.* Читая Ленина. М., 1990; Родина. 1990. № 10; Наваждение. 1991. № 43; *Авторханов А.* Ленин в судьбах России // Новый мир. 1991. № 1; Вождь: (Ленин, которого мы не знали) / Сост. Г.П. Сидоровнин. Саратов, 1991.

столько образ Ленина, сколько собирательный образ тех, кто намерен его «стереть в порошок»»[275].

Ещё одна публикация, заслуживающая внимания для всего дальнейшего хода переформатирования пространства истории, – это книга американского историка Рональда Кларка, изданная в 1988 году в Лондоне, а затем в 1989 году переведенная на русский и изданная спецредакцией издательства «Прогресс» все еще исключительно «для служебного пользования»[276]. Судя по предисловию Юрия Школенко, спецхрановская судьба этой книги определялась «тремя ударами», которые она наносила по Ленину и ленинскому наследию. Первый был связан с оценкой установок и политической практики первых десятилетий века с позиций конца века, когда на передний план выступают проблемы общечеловеческие, проблемы выживания цивилизации в обстановке термоядерной и экологической угрозы. Это касается ленинских принципов классовости, партийности, социализма в одной стране и мировой революции, которые невозможно прилагать к новым ситуациям. Таким образом, следовал вывод, «если историзм подменяется волюнтаризмом, то такая подмена, не ленинская, не марксистская, вообще не научная, совершаемая подчас малозаметно, есть первый и наиболее коварный удар, наносимый… со стороны зарубежных советологов… преследующих те или иные, но всегда далекие от социализма цели»[277]. Второй «удар» связывался с отождествлением ленинизма и сталинизма, а третий, сложносоставной, – с «развенчанием» Ленина как личности.

В этом отношении камертоном для Кларка являлся Ричард Пайпс, подчеркивавший «достижение» историков СССР в искажении до неузнаваемости фактов, относящихся к жизни и деятельности Ленина. Далее следовали интересные, действительно «для служебного пользования», но весьма противоречивые признания о том, что да, хрестоматизация и обеднение биографии В.И. Ленина, как и догма-

[275] Там же. С. 277.
[276] См.: *Кларк Рональд.* Ленин. Человек без маски. Вып. 1–2. М., 1989.
[277] Там же. С. 7.

тизация ленинизма и марксизма вообще, у нас действительно происходили. Однако, выступая против фетишизации образа Ленина, пополняя его жизнеописание фактами и обстоятельствами, отсутствовавшими в нашей официальной литературе, западные советологи, как правило, этим не ограничивались, а стремились посягнуть и на образ Ленина, сложившийся в нашей стране и во всем мире после его смерти. Ленин обрёл черты национального и интернационального героя, и его посмертный культ не имеет ничего общего с прижизненным культом Сталина, столь же неприглядным, как и его тотальная посмертная «декультизация». Бесцеремонно «развенчивать» эту сторону вождя двух русских революций, по существу народную святыню, не так уж трудно из далекого зарубежья, где тем не менее ревностно почитают, например, «отцов-основателей» американской конституции и государственности. «Лишить идеала, национального и социалистического, – вот подспудная задача этого «третьего удара»»»[278].

Однако если абстрагироваться от этих рассуждений, то в основе концепции Кларка была попытка доказать чрезмерную увлеченность молодого Ленина тактикой террора, узкокорпоративной и конспиративной партийной организацией, а затем террором ЧК, нетерпимость к фракционности в партии, ставшей правящей. В то же время Кларк признает выдающуюся роль Ленина как стратега революции, политика, блестяще справлявшегося с ситуацией в такие критические моменты и переломные периоды истории, как непосредственная подготовка Октябрьской революции, Брестский мир, новая экономическая политика. Что же касается личностных черт Ленина, то здесь автор также неоригинален. Опираясь на мемуары Валентинова и Балабановой, он использует по отношению к Ленину понятия «методичный», скрупулезный в аргументации до такой степени, что напоминал «средневековых богословов», человек с «неприятными чертами характера», «гениальный».

[278] Там же. С. 8–9.

Важной особенностью новой организации пространства изучения Ленина стало свободное знакомство со взглядами западных мыслителей и исследователей, многие из которых были в самые сжатые сроки переведены, другие, как оказалось, публиковались в Европе и США на русском языке и доходили до отечественных историков либо через открывающиеся спецхраны, либо с помощью зарубежных коллег. Разумеется, все эти шаги на рубеже 80–90-х годов совершались с известной осторожностью, поскольку в самой западной историографии исследования советских лениноведов характеризовались следующим образом:

> ««Бригады» апологетов изощряются в раздувании обстоятельств, в размазывании ничтожнейших подробностей, более или менее верных или вымышленных, незначительных или воображаемых, имеющих касательство к Владимиру Ильичу, чьи самые прозаические действия, самые заурядные жесты превозносятся до крайней гиперболичности. Он не только был гениален, что известно каждому, но обладал всеми добродетелями, всеми врожденными положительными качествами»[279].

Международную панораму взглядов на личность Ленина в юбилейном году впервые запечатлел круглый стол Агентства печати «Новости»[280]. На него в апреле 1990 года были приглашены ведущие специалисты по СССР из Германии, США, Франции и Великобритании. Профессор Тюбингенского университета Дитрих Гаер сразу же возложил ответственность за негативное отношение к Ленину в странах Восточной Европы на советских историков. Профессор Принстонского университета Роберт Такер призвал видеть двух Лениных:

> «…Ленина-революционера и Ленина-реформиста… Как революционер Ленин был, с одной стороны… верующий марксист, но с

[279] Цит. по: *Мельниченко Владимир.* Феномен и фантом Ленина (350 миниатюр). М., 1993. С. 9.

[280] Полностью материалы круглого стола были опубликованы отдельной брошюрой на нескольких зарубежных языках под названием «Идеи Ленина и будущее социализма». См., к примеру: Die Ideen Lenins und die Zukunft des Sozialismus. Moskau, 1990.

другой стороны – он был сугубо русский революционер, который испытал влияние на своё мышление народнической традиции»[281].

Такер также обратил внимание на то, что ленинский вывод о социализме как строе цивилизованных кооператоров был совсем не в духе учения Маркса и Энгельса. Однако дальше этого Ленин пойти не успел, но тем не менее это был реформистский путь к социализму. Как реформатор Ленин сосредотачивал внимание на экономической стороне дела. В смысле же политическом он не был реформатором. По мнению профессора из Шотландии Пола Дьюкса, социализм создавался в России по ленинским концепциям, которые базировались на марксизме XIX века, однако идеология социализма и капитализма, сформированная в прошлом веке, не может уже служить ориентиром для практики сегодня, в конце двадцатого века, а тем более в будущем. Для профессора из США Александра Рабиновича Ленин был необычайно сильной и решительной личностью, и одновременно – гибким политиком. Однако, действуя столь решительно, Ленин самолично уничтожил возможность создания в 1917 г. многопартийного коалиционного демократического социалистического правительства.

В ряду философских публикаций привлек внимание сборник, подготовленный Институтом философии АН СССР в 1990 году, – «Ленин. Взгляд с Запада». В него были включены статьи западных интерпретаторов ленинизма М.А. Абрамова, С.М. Брайовича, М.Н. Грецкого, В.И. Мануйлова, Б.К. Ярцева, которые ранее не переводились на русский язык и которые давали конкретное представление о западной историографии изучения нашей проблемы[282]. Составитель и редактор сборника. Е.А. Самарская считала, что главное требование к переосмыслению теоретической и политической практики Ленина заключается в том, чтобы подойти к его наследию с содержательной, а не с методологической лишь стороны. В философском плане это означает необходимость целостного подхода к

[281] См.: Вождь? Памятник? Человек? Материалы круглого стола в АПН // Советская культура. 1990, 21 апреля.

[282] См.: Ленин. Взгляд с Запада. Сб. статей / Отв. ред. Е.А. Самарская. М., 1990.

ленинскому мировоззрению, взятому в единстве диалектического метода, концепций истины и исторического прогресса, в движении от объективистских схем «Материализма и эмпириокритицизма» к диалектическим идеям «Философских тетрадей». Это позволило бы оценить с современных позиций и то, что есть в философии Ленина, и то, что всегда немаловажно для уяснения специфики предмета, чего в ней нет.

Содержательный подход обязательно должен включать в себя и обращение к политической практике Ленина, без анализа которой трудно понять и оценить в целом феномен Ленина, соотношение его слова, с одной стороны, и дела – с другой. По мнению Самарской, в марксистской литературе ранее можно было встретиться с попытками теоретизировать ленинскую политическую практику, выявлять имплицитно присутствующую в ней философию. В целом можно допустить, с очень большой долей условности, что практика имеет интеллектуальную схему, не совпадающую с теоретическими представлениями о ней субъекта действия. Даже на обыденном уровне нередко сталкиваешься с тем, что люди осмысливают свои поступки после их свершения, и то не всегда аутентично. Важно отдавать себе отчет в границах и условиях достоверности развертывания философского смысла практики.

Существует несколько вариантов такого развертывания. При диалектическом варианте, с одной стороны, ленинские политические действия представляются как бы результатом исследования действительности с помощью набора диалектических принципов (всесторонность рассмотрения, анализ противоречий и т. п.), с другой, отмечается взаимодействие и взаимообусловленность ленинской теории и практики. Нередко исследователи, стоящие на таких позициях, оперировали отдельными эпизодами ленинской политической практики (ссылались на его стратегию в национальном вопросе, чтобы показать конкретность ленинского подхода к истории, возникновение у Ленина в ходе революции 1905 года мысли о Советах как типе пролетарского государства бралось как доказательство

обогащения марксистской революционной теории под влиянием практического революционного движения и т. п.).

«В сущности, это та же самая игра в «примеры», которую в качестве способа проникновения в суть диалектики отверг сам Ленин в «Философских тетрадях». Иногда исследователи отправлялись от более общих характеристик ленинской практики, доминирующей из которых является, бесспорно, устремленность к социалистической революции как главной цели, ленинский активизм. Этот активизм в соединении с огромной способностью схватывать особенности переживаемой исторической ситуации, собственно, и обеспечили успех Ленина как политического деятеля. Указанный синтез обычно интерпретировался как диалектическое единство марксистской теории и практического социалистического движения»[283].

Новая проблематика дискуссий

Новые источники не могли не породить новую проблематику дискуссий. И одной из самых актуальных для перестроечного времени дискуссий была «Ленин и проблемы перехода от военного коммунизма к нэпу». Раньше в этой теме не возникало проблем: переход к нэпу однозначно трактовался как дальновидное решение Ленина и РКП(б). В 1989 году авторитетный историк Владимир Дробижев чётко обозначил одно из слабых мест тогдашней историографии: она не дает ответа на вопрос о природе и особенностях «механизма» перехода от политики «военного коммунизма» к нэпу. Как правило, источник перестройки экономической политики находят в факторах внешнего по отношению к самой экономической политике порядка, а не в уровне соответствия или несоответствия механизма хозяйствования задачам и условиям экономического строительства[284].

Неожиданный аспект предпосылок и условий перехода к нэпу затронули и авторы коллективной статьи «От какого «единства» мы

[283] Там же. С. 6–7, 9, 11–24.

[284] *Розенберг У., Дробижев В.З.* Социально-экономическое положение и политика Советского государства при переходе к нэпу // История СССР. 1989. № 4. С. 118.

отказываемся?»[285]. В ней подробно рассматривалась борьба партийных «низов» против аппаратно-бюрократической прослойки в РКП(б), окостеневшей за время «военного коммунизма» и обнаружившей свои материальные интересы. Свой взгляд на то, «с чего начинался нэп», предложил Сергей Павлюченков: переход к нему стал возможен только в результате широкого общественно-политического давления на большевистское руководство со стороны как крестьянства и рабочих, так и определённой части партии и государственного аппарата. Ленин же и часть его окружения на протяжении долгого времени являлись противниками перехода к нэпу и только в самом начале 1921 года резко изменили своё отношение к этому вопросу[286]. В 1990 году многие историки уже без всяких оговорок писали о глубоком социально-политическом и экономическом кризисе, угрозе потери власти весной 1921 года, заставивших большевистское руководство осознать необходимость резкого поворота в политике[287].

Таким образом, рубеж 80–90-х годов становился переломным в лениноведении. Мало кто тогда предполагал, что это произошло со значительным опозданием и не столь глубоко, как казалось на первый взгляд. Любопытно, что одной из причин перелома стала позиция партийных научных и учебных учреждений, на которые всё ещё ориентировались исторические и философские центры, кафедры в самых разных местах СССР. В 1989–1990 годах в Институте марксизма-ленинизма завершилась работа над книгами «Ленинская концепция социализма» и «Ленин, о котором спорят сегодня». В них анализировались различные аспекты биографии вождя – человека, политика и мыслителя. Впервые широко освещались его отношения

---

[285] См.: *Бордюгов Г., Котеленец Е., Подщеколдин А., Симонов Н.* От какого «единства» мы отказываемся // Учительская газета. 1990, 5 июня (№ 23).

[286] См.: *Павлюченков С.А.* С чего начинался нэп? // Неделя. 1989. № 15; *Он же.* Почему вспыхнула «антоновщина»? Дополнительные штрихи к истории восстания // Неделя. 1989. № 44; *Он же.* Начало борьбы за нэп // Аргументы и факты. 1990. № 5.

[287] *Дмитренко В.П.* «Военный коммунизм», нэп… // История СССР. 1990. № 3; *Горинов М.М., Цакунов С.В.* Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4; *Леонов С.В.* Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12.

с Инессой Арманд[288]. В 1990 году в Академии общественных наук при ЦК КПСС прошла конференция, которая подводила итоги первых новаторских шагов в переосмыслении образа Ленина[289]. Тональность дискуссии определил доклад Ю.С. Васютина «Актуальность ленинского наследия: история и современность» с посылом масштабно и непредвзято пересмотреть отношение к личности Ленина, к генезису его идей, к логике поступков с обязательным учётом конкретной ситуации, индивидуальности периода, его уникальности. А в качестве метода пересмотра предлагалось следующее гегелевское положение:

> «Опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из неё. В каждую эпоху оказываются такие обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния»[290].

Следовательно, не вина Ленина в том, что учёные многие его выводы догматизировали, а теперь пытаются на основе фактов другой эпохи, новейшего времени «шептать или наоборот кричать: Ленин не прав!» От каких же деформаций и искажений Ленина и ленинизма предлагалось освободиться? Во-первых, от преувеличения роли

---

[288] См.: Ленинская концепция социализма. М., 1990; Ленин, о котором спорят сегодня. М., 1991.

[289] Об основных направлениях обсуждения можно судить по следующим основным докладам: *Голубева Е.И.* О некоторых проблемах современной научной ленинианы; *Русакова О.Ф., Главацкий М.Е.* Методологические проблемы интерпретации ленинских источников; *Зотова З.М.* Становление ленинской концепции партии: новые рубежи историографии; *Логунов А.П.* Роль ленинских идей в развитии российского марксизма; *Корниенко С.И.* В.И. Ленин об истоках и путях преодоления оппортунизма; *Романовский Н.В.* Проблемы морали и нравственности в период становления РСДРП; *Кислицын С.А.* Ленинская концепция внутрипартийной борьбы и ее фальсификация в период культа личности И.В. Сталина; *Бухараев В.М.* Ленинская концепция соотношения социализма и демократии как проблема социального и исторического познания и др. См.: Постигая Ленина. Материалы научной конференции. М., 1990.

[290] Там же. С. 4.

Ленина, толкования его действий как проявления сверхъестественных, почти нечеловеческих качеств, а мыслей – как абсолютной истины, своеобразной харизмы, которая только и может помочь правильно реализовать объективные общественные законы. Во-вторых, от канонизации ленинских трудов. В-третьих, от упрощения ленинской теоретической мысли, что в своё время снискало Сталину славу теоретика и идеолога партии. В-четвёртых, от искажения личных качеств Ленина. В-пятых, от многолетнего и изначального замалчивания и деформации пролетарского бытия и гуманизма Ленина, поскольку для него общение с массами, посещение заводов и фабрик, сёл и деревень, встречи и беседы с рабочими, крестьянами и интеллигенцией, участие и выступления на собраниях и митингах, на различных съездах, конференциях, совещаниях, изучение получаемых писем было органической потребностью. Он хотел сам видеть и осмысливать условия жизни, чувствовать настроение и дух, брать и генерировать жизненный опыт простых людей.

Наконец, Васютин выделил некоторые методологические проблемы в подходах к ленинскому наследию. По его мнению, слишком рискованно и прямолинейно шла привязка ленинских работ к современности. Ленинские положения и его установки, политическая практика тех лет оценивались с завидной легкостью и безапелляционностью, без должного учёта требований принципов историзма, особенностей конкретно-исторической обстановки.

Развернутую оценку изменениям пространства памяти и изучения Ленина дал на заседании круглого стола академик Ю.А. Поляков:

> «В том, как воспринимается образ Ленина, – сказал он, – есть вина наших историков. Взгляды Ленина менялись во времени, а мы этого не учитывали… После Ленина мир менялся значительно, а мы этого тоже не учитывали. 67 лет прошло с тех пор, как Ленин продиктовал последние фразы своих статей, а мы каждое ленинское слово, каждую оценку, каждый вывод, сделанный им и 67 лет, и 90 лет назад, воспринимали как нетленные исторические клише. Публицисты… почувствовали, что народу неприятен «засахаренный» Ленин, но очень многие публицисты и историки не учитывали необходимо-

сти исторического подхода. Берётся ленинская цитата и вне времени, вне пространства используется… Нет книги об Отечественной ли войне, о культуре ли, об энергетике, где не было бы ленинских цитат – и к месту, и не к месту… А сейчас противники Ленина поступают точно также – берут цитаты со словами «посадить», «расстрелять», «арестовать» и т. д., и тут же готово обвинение Ленина: за террор, за склонность к насилию. Отсюда, из неисторического подхода, и произрастают омертвление ленинских идей, их догматизация»[291].

Фиксируя новые стихийные или организованные, прорывные или ползучие факторы изменения лениноведческого пространства – доступ к эмигрантским источникам, введение в научный оборот материалов дискуссий и исследований западных исследователей, подвижки в работе традиционных советских центров по изучению Ленина, – нельзя оставлять без внимания те намерения по отношению к ленинскому наследию, которые оставались закрытыми для научной среды и обсуждались лишь в верхушке партии. Однако постепенно тайное становится явным. Судя по ряду свидетельств, озабоченность вызывали примерно 300 документов (письма, телеграммы Троцкому, Бухарину, лидерам оппозиции, материалы личного характера и т. д.), которые никогда не публиковались и вокруг которых так или иначе циркулировали слухи, домыслы и легенды. Лишь немногим более 20 документов Ленина было опубликовано в 1989–1990 годах под рубрикой «Из архивов партии» в возобновленных «Известиях ЦК КПСС». К примеру, впервые были опубликованы заметки Г.Е. Зиновьева, в которых, в частности, оглядываясь назад в начале тридцатых годов, он писал, что у Ленина было «ощущение» (то есть чувство, граничащее с физическим) собственного призвания: Был ли в Ильиче «эгоцентризм»? Нет. Было ли «диктаторство»? Нет. А было ли сознание (ощущение), что он призван? Да, это было! Без этого он не стал бы Лениным. Без этого (именно ощущение) вообще нет вождя. Одно время (когда В.И. боролся еще за признание)

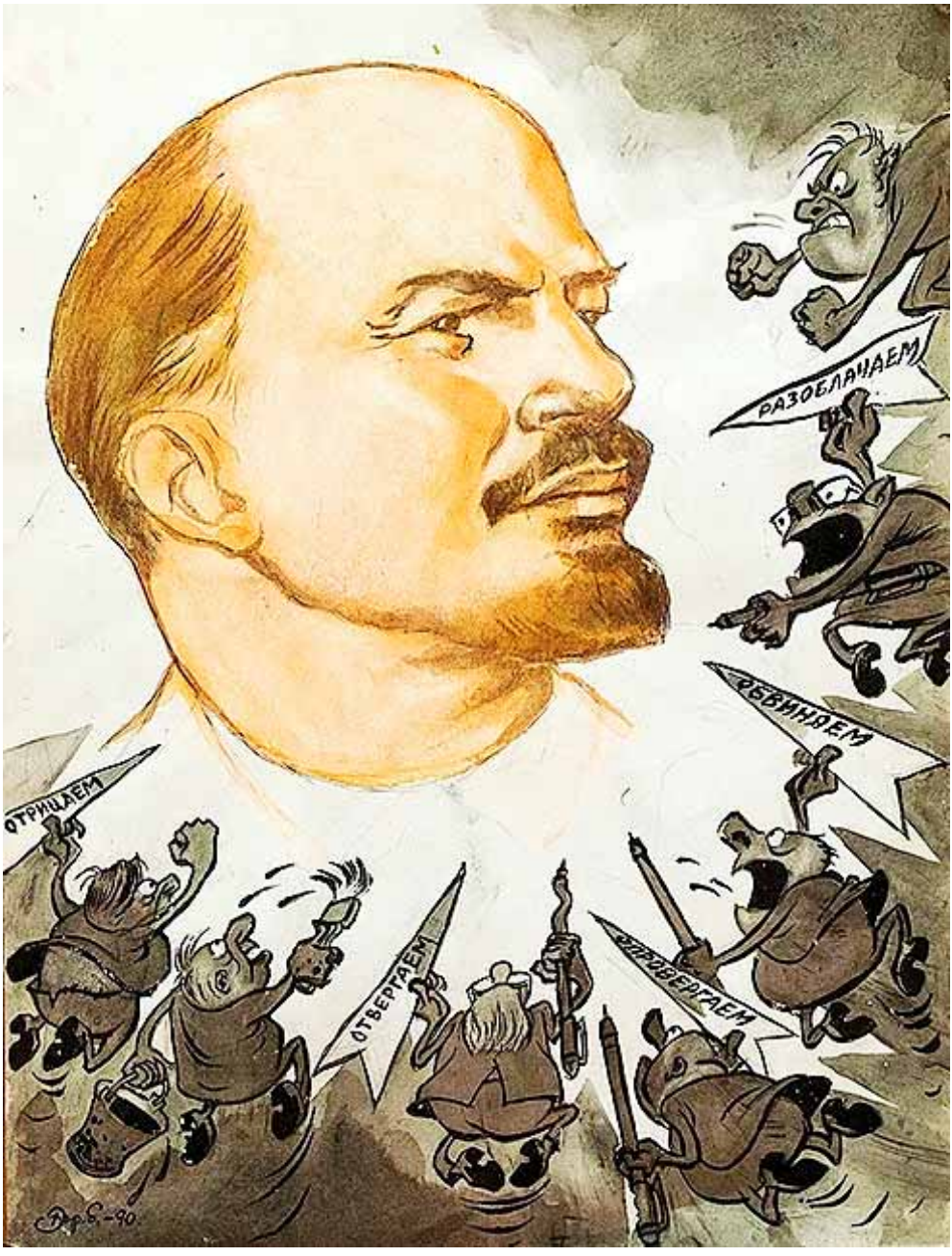
[291] Там же. С. 5–7.

отношение к нему лично (т. е. именно не «лично», а политически и теоретически) было для него критерием, мерой вещей. Только это надо понять не вульгарно[292].

Тогдашний директор Института марксизма-ленинизма Г.Л. Смирнов вспоминал в вышедших позднее мемуарах «Уроки минувшего»:

«После XXVIII съезда партии шестое издание сочинений Ленина оказалось под вопросом. Между тем Общий отдел ЦК не переставал теребить нас – требовал предложений: издавать, не издавать. Посоветовавшись с заместителем генерального секретаря ЦК В.А. Ивашко, я написал для него неофициальную записку по этому вопросу и передал её из рук в руки в середине декабря 1990 года с условием, что после прочтения её он пригласит меня, и мы поговорим, как быть дальше. Но, видимо, у товарища Ивашко в то время руки до сочинений Ленина не дошли. Августовские события 1991 года застали записку на письменном столе в кабинете Ивашко. Записка попала на глаза жадных до сенсаций журналистов, и замелькали на газетных полосах возмущённые «охи» и «ахи»: дескать, директор ИМЛ не желает открывать секретов Ленина… Авторы подобных «сенсаций», конечно, постеснялись сказать читателю о том, что основной смысл докладной Смирнова состоял как раз в стремлении опубликовать ленинские архивы. Но там действительно был поставлен вопрос о документах, касающихся мер по поддержке революционных сил за рубежом, разведывательной деятельности, вмешательства в международные противоречия, попыток «советизации» Литвы, Венгрии, Чехии, Румынии и т. д. Не видел тогда и не вижу сейчас ничего предосудительного в секретной деятельности молодого советского государства и в праве его охранять свои секреты. Все государства так или иначе занимаются защитой своих интересов за границей, поддержкой дружественных сил. И уж совсем нет ничего особенного в том, что директор научного института, прежде чем предлагать публиковать такого рода секретные документы, стал советоваться со своим политическим руководством»[293].

[292] Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 166–185.
[293] *Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. М., 1997. С. 214–215.



Карикатура Б. Ефимова. 1990 г.

Антиленинизм в политической культуре

К 120-летию Ленина открыто признавалось, что в течение более чем полувека насаждалась догматизация ленинизма, приспособленного к потребностям сталинской модели государственного социализма. Сложилась такая система взглядов и утверждений, которая изображалась как единственно возможный и правильный вариант марксизма-ленинизма, а всё остальное проклиналось как ересь, измена делу рабочего класса. На совещании историков в начале октября 1989 года впервые официально был признан факт возникновения антиленинизма в советских условиях. Это подтвердилось и на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС в конце января 1990 года[294]. В официальных документах впервые исчезли упования на коммунистическое будущее, к которому мы идем «по ленинскому пути». За Лениным было признано право на ошибку, его идеи возвращались в разряд реальных, а не провозглашаемых. Наконец, годовщина со дня рождения Ленина не рассматривалась как повод для помпезных мероприятий[295].

И действительно, следующая годовщина – как оказалось, последняя – отмечалась не в Кремлевском дворце съездов, а в Большом театре. И снова на собрании звучали правильные, но запоздалые в контексте развития тогдашнего общественного мнения признания. Например, подобные тем, которые прозвучали из уст директора Центрального музея Ленина В.Е. Мельниченко:

> «Ленин достоин осмысления и честного разговора. А если так, то признаем, как бы это ни было горько, что в огромном большинстве своём мы по-настоящему не знаем Ленина, мало читали и читаем его до сих пор в оригинале. Десятилетиями люди воспринимали Ленина через посредников, интерпретаторов, популяризаторов, других исказителей его сущности. Кажется, это стало нашей второй натурой. Ибо сейчас повторяется то же самое, только ловкие политиканы пе-

[294] См.: Выступления В.А. Медведева, И.Д. Ковальченко, Г.Л. Смирнова, П.В. Волобуева, Ю.С. Кукушкина и др. // Вопросы истории. 1990. № 1; Правда. 1990, 1 февраля.

[295] Правда. 1990, 1 февраля.

ревернули пластинку на обратную сторону. И вот вместо мифов о богоподобном Ильиче людей пичкают «сенсационными», лживыми обвинениями в его адрес»[296].

В отличие от эмигрантского советский антиленинизм развивался весьма своеобразно. Сначала, на короткий промежуток времени, «грехи» самого Ленина и возглавленной им революции прикрывались политическими эвфемизмами, одним из авторов которых был публицист, затем пресс-секретарь президента Ельцина Вячеслав Костиков. Смысл предложенной им игры заключался в том, что хорошему, доброму Ленину, человеку в «штатском», в «стоптанных цивильных ботинках и потешной кепчонке», в «потёртом пиджачишке», а также таким представителям его политического окружения, как Каменев, Рыков, Бухарин, всё время мешали «люди в сапогах». В нашумевшей статье «Сапоги из шагреневой кожи», опубликованной в конце лета 1989 года в многомиллионном «Огоньке», Костиков противопоставил этим «чистым» революционерам «нечистых» Троцкого и Сталина. Таким способом он решил доказывать самоценность демократии, плюрализма и других прогрессивных идей[297].

Но в том же году ситуация складывалась таким образом, что маскировка стала ненужной и многие последователи Костикова превратили Ленина в «разменную монету в политической борьбе». В череде этих публикаций явно выделялось уже упоминавшееся сочинение писателя Владимира Солоухина «Читая Ленина», который посчитал себя профессиональным исследователем ленинских текстов, в частности, 36-го тома. Он обвинил Ленина и его окружение в стравливании между собой русских людей на основе ложной теории «классовой борьбы», в стремлении установить диктатуру, «оккупационный режим» и таким образом подчинить все народы России, а затем и весь мир, обвинил в использовании как орудия преступления государственной хлебной монополии, хлебной карточки, всеобщей трудовой повинности, продовольственной разверстки, наконец, в том,

[296] См.: *Мельниченко Владимир.* Феномен и фантом Ленина (350 миниатюр). С. 9.
[297] *Костиков Вячеслав.* Сапоги из шагреневой кожи // Огонек. 1989. № 32.

что он инспирировал голод в Москве и Петрограде, и вообще он – «крестный отец» Сталина[298].

Одной из важных составляющих антиленинизма стали в те годы вопросы о немецких деньгах и о «шпионаже» в пользу Германии. Для широкой читающей публики они возникли в связи с публикацией в СССР книг поэтессы, профессора Принстонского университета Нины Берберовой, в частности – «Курсив мой». Как об очевидном она пишет:

> «Кстати – о немецких деньгах. Теперь, когда факты о них раскрыты и берлинские архивы времен кайзера стали известны, непонятно, почему эти факты вот уже скоро пятьдесят лет скрываются в Советском Союзе и почему, будучи пораженцем, Ленин не мог этими деньгами воспользоваться? И почему, воспользовавшись ими, что было вполне логично, он потом отрицал это, как и его окружение?»[299].

Дальше, чтобы подтвердить факт получения Лениным сумм от германского правительства, она ссылалась на историков от Николая Суханова до Сергея Мельгунова, на книгу «Роковые годы» начальника военной контрразведки при Временном правительстве Бориса Никитина, впервые изданную в Париже в 1937 году, а затем на документы из архива Министерства иностранных дел кайзеровской Германии, опубликованные в двух книгах Земана и Хальвега в 1957 и 1958 годах.

Для исследователя Григория Нилова (А. Кравцова) все эти не подлежащие сомнению факты стали основанием для размышлений о неожиданном возвышении Сталина накануне Октября, который сделал всё возможное, чтобы дезавуировать эту «клеветническую пакость» со стороны Г.А. Алексинского и В.С. Панкратова в июле 1917 года и вообще не допустить явки Ленина в суд, которой требовали ЦИК Советов, часть членов ЦК, меньшевики, эсеры и т. д. Нилов на основе выстроенной хронологии истории «немецких денег»

---

[298] *Солоухин В.* Читая Ленина // Родина. 1989. № 10.
[299] *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. Париж, 1985.

пришел к двум выводам. Во-первых, ни широкие партийные круги, ни самые верхние этажи партии не знали истинного содержания дела о «немецких деньгах» и считали явку Ленина в суд не только возможной, но и полезной для разоблачения Временного правительства как пособника умышленной фальсификации, нацеленной против бескорыстных большевиков-интернационалистов. Это убеждение, а вернее – заблуждение, было настолько широким и сильным, что Ленин, как это явствует из его с Зиновьевым совместного письма, вынужден был вначале с ним согласиться[300]. Согласие, надо полагать, было всего лишь тактическим маневром. Во-вторых, имя Сталина в истории со злополучными деньгами встречается чаще, чем во всей предыдущей истории РСДРП[301].

Однако в своих рассуждениях Нилов пошел дальше. Участие в судебном процессе и обнародование факта получения денег без внутрипартийного согласования такого шага означало не только «крах вожделенного исторического величия», но и провал многолетних партийно-организационных стараний. Уклонение от процесса, вопреки мнению «чекистов и пекистов», означало «косвенное подтверждение справедливости обвинения и приводило в худшем случае к тому же краху и провалу, в лучшем – к утрате дирижерской палочки на пороге окончательного сражения за власть». Попытка очередного гипнотизирования ЦК и ПК, чтобы уклонение от суда было легализовано партийным решением, означала необходимость

[300] Речь идет о письме Ленина и Зиновьева предстоящему VI съезду РСДРП(б), в котором, в частности, говорилось: «Товарищи! Мы переменили свое намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте – по следующим мотивам. Из письма бывшего министра юстиции Переверзева, напечатанного в воскресенье в газете “Новое время”, стало совершенно ясно, что «дело» о “шпионстве” Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контрреволюции… Центральный Исполнительный Комитет, считающий себя полномочным органом русской демократии, назначил было комиссию по делу о шпионстве, но под давлением контрреволюционных сил эту комиссию распустил… Мы будем по мере наших сил по-прежнему помогать революционной борьбе пролетариата. Учредительное собрание, если оно соберется и будет созвано не буржуазией, – одно только будет правомочно сказать свое слово по поводу приказа Временного правительства о нашем аресте». См.: Шестой съезд РСДРП. Протоколы. С. 316.

[301] *Нилов Григорий (Кравцов Александр).* Грамматика ленинизма. London, 1990. С. 121.

прямых и однозначных заверений в абсолютной ложности выдвинутых обвинений, что впоследствии могло привести к разоблачению и отрезало возможность отступления в область интернационалистской фразеологии. Показательно, отмечает Нилов, что ни одна из июльских статей Ленина не содержала ни одного прямого и однозначного отрицания его причастности к «немецким деньгам»[302].

Новые разновидности антиленинизма, быстро входившего в моду, в основном сводились к одному – неприязни к Ленину и неприятию его идей. Причем обнаружилась принципиальная разница между основоположниками антиленинизма – политическими оппонентами Ленина и эмигрантскими историками, с одной стороны, и их продолжателями – с другой. Первые были неизмеримо корректнее в выражениях своих антипатий к Ленину, вели с ним спор по существу, не придумывали вымышленные цели для ударов. Вторые явили полную противоположность своим предшественникам.

А.С. Ципко просто предложил уравнять большевизм, ленинскую коммунистичность с левым радикализмом, максимализмом, мессианством, обожествлением догматов, обвинил большевиков-ленинцев в «антимещанстве», «антибуржуазности», «антипотребительстве», нелюбви к «устроенности западного бюргеровского быта», наконец, вообще отрицал созидательное начало революции. «Критика сталинизма, не доведенная до критики революционного максимализма, его эгоистических основ, мало что даст», – заявил философ[303]. Ему вторил приближавшийся к теме Ленина будущий его главный «обвинитель» – генерал Д.А. Волкогонов. В его двухтомном сочинении о Сталине, опубликованном в 1989 году, и докторской диссертации «Сталинизм: сущность, генезис и эволюция» присутствовали пока еще сдержанные оценки Ленина. Автор заявлял, что суд над Сталиным «кощунственно превращать в суд над Лениным, как это порой пытаются ныне делать, ибо он не ответственен перед нами за дело, которое могло быть выполнено несколькими поколения-

[302] Там же.
[303] *Ципко А.* Эгоизм мечтателей // Наука и жизнь. 1989. № 1. С. 56.

ми»[304]. Однако уже в двухтомной биографии Л.Д. Троцкого Волкогонов вывел Ленина из строя «великих мыслителей» и стал опираться исключительно на Николая Бердяева[305]. Тогда же он приступил и к работе над книгой о Ленине, мотивируя своё желание тем, что «до сих пор у нас не было о нём честной книги»[306].

Анализируя все эти факты, известная часть тогдашних партийных идеологов рассматривала всё это как организованное и спланированное «наступление на Ленина», сорвать которое малыми силами, единичными ответными акциями вряд ли удастся. Однако оказалось, что в тот момент в распоряжении партийной науки не оказалось достойных работ и аргументов. Самоотверженно и страстно писала о Ленине в 1989–1990 годах публицист газеты «Правда» Наталья Морозова. Но эмоциональные заверения в исключительной любви к Ленину, восклицания типа «простите нас, Владимир Ильич, что не выполнили ваши заветы», подменявшие жесткий, откровенный анализ, всё больше и больше вызывали читательскую неприязнь. Пытался все эти годы защищать Ленина и сектор произведений В.И. Ленина Института марксизма-ленинизма[307].

Весьма активным в различных дискуссиях был Г.Л. Смирнов. В частности, многим историкам запомнилась его острая полемика с научным обозревателем Олегом Морозом на тему «Устарел ли марксизм» на страницах «Литературной газеты» (8 ноября 1989 года). Смысл тенденциозных вопросов журналиста состоял в том, что причина всех деформаций, всех бед заключается в следовании марксизму, что социалистическая идея вообще не годится для обустройства советского общества и ведет к глобальному кризису. Директор ИМЛ апеллировал к тому, что именно Маркс, а вслед за ним и Ленин выступали против догматического истолкования марксизма, всегда были готовы к пересмотру любой устаревшей доктрины в зависимо-

[304] См.: Октябрь. 1989. № 10. С. 122.
[305] См.: *Волкогонов Д.* Троцкий. Политический портрет. Т. 1–2. М., 1992.
[306] Неделя. 1990. № 26. С. 13.
[307] См., в частности: *Совокин А.* Сенсация и факты. О публикациях на ленинскую тему // Правда. 1989, 13 апреля.

сти от обстоятельств, что именно Ленин указывал на многообразие форм перехода к социализму. Смирнов в своих ответах привел ответ Ленина западным социал-демократам, упрекавших его в отступлении от Маркса. Суть этого ответа в том, что Ленин считал, что сначала надо создать в России такую предпосылку, как установление рабоче-крестьянской власти, а потом уже начать движение к социализму с использованием всех достижений и механизмов экономики. И главным итогом исторического развития страны явился ее выход на самые передовые рубежи экономического, технического и научного развития. Академик признал факты ошибок и отступлений от гуманистических принципов социалистического учения, в особенности прав и свобод личности. В политике были совершены отступления от требований демократизма, материальной заинтересованности, нарушались законность и правопорядок. Тяжким бременем на общество легли сверхцентрализм и бюрократизм в управлении. Но в этом нет вины Маркса и Ленина.

Что же касается вопроса о проектировании будущего социалистического общества, Смирнов акцентировал внимание читателей на том, что Ленин был весьма сдержан относительно его подробной обрисовки. Даже после победы Октября он решительно отказывался придумывать, как будет выглядеть социализм. Так, на VII съезде партии в 1918 году Бухарин предложил ввести в Программу партии подробное описание общества. Ленин категорически возразил против этого, заявив, что сейчас мы не знаем и знать не можем, каким будет это новое общество, мы знаем лишь некоторые основные принципы. Он считал, что во всех деталях формы этого строя должны быть найдены, нащупаны практически в самом историческом процессе, и сделать это может только социальное творчество народных масс. Именно поэтому он призывал внимательно присматриваться к их опыту и многое черпал из него.

Признаем опытность Г.Л. Смирнова как полемиста. Однако сегодня очевидно, что в те годы на фоне пассивного выжидания большинства историков или просто их неготовности к такому повороту событий на равных с критиками или противниками Ленина могло



«Ленин – жил. Ленин – жив. Ленин – будет жить?». Худ. О. Тимошин. 1989 г.

спорить лишь небольшое число исследователей[308]. Речь шла о ставших в те годы широко известными своими статьями о Бухарине и сталинизме Владимире Козлове, Владлене Логинове, а также одного из авторов настоящей книги. Для посвященных выбранный ими способ полемики как раз никак не укладывался в привычные для партийной науки представления. Именно они настояли на том, чтобы знаменитая статья Солоухина о Ленине была напечатана в «Родине», выходящей многотысячными тиражами. Только в таких условиях они считали уместным вести серьёзную полемику с писателем. И в последующем эти историки честно и открыто знакомили читателей с мнениями своих оппонентов, вплоть до самых нелице-

[308] *Бордюгов Г.А., Козлов В.А., Логинов В.Т.* Послушная история, или Новый публицистический рай. Грустные заметки // Коммунист. 1989. № 14. С. 59.

приятных, если не сказать «грязных». В самом же аппарате ЦК усилиями секретаря А.Н. Яковлева и некоторых рядовых ответработников – к примеру, В.П. Наумова и А.С. Ципко – готовились совсем иные версии советской истории и интерпретации Ленина. Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что никто из представителей антиленинизма так и не вступил с названными историками в серьезную дискуссию, более того, их стиль полемики не устраивает и сегодняшних адептов Ленина и ленинизма.

Названные историки показали, как и ради каких целей специалистами типа Костикова создаётся вымышленный мир, в котором власть может быть беспредельна, а историческая реальность – податлива. Нарисованному известным публицистом человеку «в штатском», в «потешной кепчонке», не признающем насилия и мечтающем только о гражданском мире, историки противопоставили политика сурового и жёсткого, способного опереть пролетарскую диктатуру непосредственно на насилие. То есть, «если не лукавить и не обманывать самого себя, то и Ленина эпохи Гражданской войны следует отнести к «людям в сапогах»». Но в этом случае рушится созданная Костиковым схема, «проза жизни поглотит универсальную заданность деления политических деятелей на любителей сапог и штиблетов». Только в разделённой по-костиковски (на самом деле – по-сталински) на «чистых» и «нечистых» истории и мог существовать канонизированный Ленин, созданный в духе новой иконописной школы, воплощение «абсолютного добра», которому противостоит «абсолютное зло» (Костиков в своей статье избрал на эту роль Троцкого)[309].

Естественно, что в вымышленном мире от революции требовались стерильность и «непорочное зачатие». Историки же наоборот убедительно показали, что независимо от наших личных пристрастий, субъективных приятия или неприятия революции в тех конкретных исторических условиях, при той степени противостояния лагерей, при той психологической настроенности людей и партий революция как раз и потребовала «первородного греха», насилие

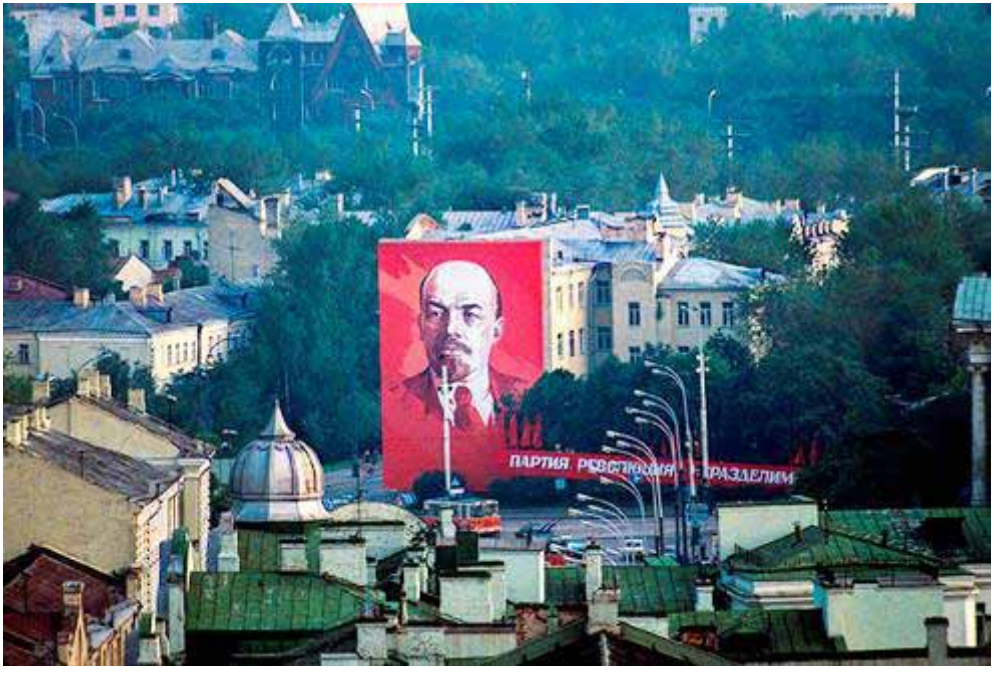
[309] Там же. С. 63.

было важнейшим признаком революции, ее неизбежным атрибутом. Приведя множество фактов, разрушающих прежнюю «послушную историю Сталина», где словно на уроках арифметики «ученики с сосредоточенным усердием подгоняют решения к заранее известным ответам», и современный «сказочный» тип мышления, три историка сделали важный вывод:

> «Доставшееся от прошлого упрощённое и примитивное восприятие действительности, деление жизни на «черное» и «белое» агрессивно по сути и изначально неконструктивно. Неужели даже для доказательства передовых, прогрессивных идей, например, о самоценности демократии, плюрализма, нужно прибегать к историческим подделкам и самообману?. Только трезвый взгляд на прошлое, осознание пределов и преград, которые стоят перед людьми в их целесообразных (и нецелесообразных тоже) действиях… освобождают от иллюзий, от наивного розового оптимизма, позволяют почувствовать действительную борьбу интересов, устремлений, политической воли в истории. Без этого понимания возникает угроза вновь скатиться к поиску злых людей, «врагов народа»»[310].

В критике же сочинения Солоухина «Читая Ленина» эти авторы избрали форму «судебного процесса» со всеми его атрибутами: обвиняемым, прокурором и адвокатами, присяжными, уликами, составом, временем, местом, мотивами и орудиями преступления. Читателям предлагалось свободно наблюдать за состязанием приводимых фактов и аргументов и выносить свой вердикт по каждому пункту солоухинского обвинения. Строго научный подход продемонстрировал, конечно, все слабости «писательской фантазии». Это касается и образа «благостной» России накануне революции, и странного описания Гражданской войны, в которой нет интервентов, в ходе которой большевикам подвластно всё, кроме компромисса с крестьянством, и приписывания Ленину таких изобретений, как государственная хлебная монополия, хлебная карточка, трудовая

[310] *Бордюгов Г.А., Козлов В.А., Логинов В.Т.* Куда идет суд? // Родина. 1989. № 10. С. 78.



Вид из гостиницы «Интурист». Фото Крис Нидерталь. 1989 г.

повинность и продразверстка, даже искусственная организация голода. Все эти и другие представления самым подробным образом рассматривались и анализировались, параллельно выявлялись и те факты, которые писатель умышленно скрывал от читателей, в том числе и умелым прерыванием ленинских цитат. В частности, откуда вообще взялись хлебная монополия и продразверстка, концлагеря и всякие «повинности»[311].

Причём пафос критиков Солоухина отнюдь не был направлен на «идеологическую защиту» Ленина. Отстаивался путь спокойных размышлений об этой сложной фигуре, хотя и оговаривалось, что, конечно, «простые истины» доступнее сознанию масс. Но именно поэтому «простая истина» должна быть истинной. Истинной хотя бы потому, что простота ответов большевиков в 1917 г. на вопрос о

[311] Там же. С. 81.

земле и мире – это одно, а простота ответов Сталина в 1937 г. на вопрос, почему в стране не ладятся дела, – это совершенно другое. И в том и в другом случае ответы простые. Но в первом случае ответ истинный, а во втором – фальшивый. Простые ответы, которые предлагал Солоухин и которые построены на обмане, на передержках, неистинны. Они толкают уставших и отчаявшихся людей в одном направлении: виноваты большевики, уберите их, и светлое и радостное прошлое сольется со светлым и радостным будущим[312]. То, что произошло в 1990-м и в последующие годы, еще раз подтвердило фальшивость простых ответов и рецептов, которые предлагаются людям.

Безусловно, не все приняли столь серьезную полемику с Костиковым, Солоухиным и множеством их эпигонов. Был проигнорирован и призыв историков к политической ответственности в моменты, когда «надо суметь переступить через свои собственные амбиции, обуздать стремление самовыразиться любой ценой, понять, что страна находится в таком положении, когда поза, рисовка могут обернуться трагическими последствиями»[313]. На сторону антиленинизма решил встать и Ю.Н. Афанасьев, необоснованно обвинив авторов в «осаживании оппонентов», хотя подобного невозможно найти ни в одной из их статей. Но он не ограничился этим упреком и сформулировал свою позицию:

> «Насилие и террор проистекают не из каких-то убеждений и личных качеств Ленина. Они в самих этих представлениях, что общество можно как избу построить, как завод, как какой-то механизм сконструировать по заранее изготовленному чертежу. Эти представления и повлекли за собой поиск средств. А тут без террора и насилия, оказалось, не обойтись. И всё это в массовом масштабе началось с восемнадцатого года»[314].

---

[312] Там же. С. 91.
[313] Там же.
[314] См.: Интервью Ю.Н. Афанасьева // Советская молодежь (Таллинн). 1990, 26 апреля.

Афанасьева поддержали философы Игорь Залысин и Андрей Смагин, заявившие о том, что социальные преобразования, к которым общество не готово ни объективно, ни субъективно, провоцируют обострение классовых противоречий, сопровождающееся массовым применением насилия. В связи с этим было заявлено о задаче «не нахождения исторической истины, а извлечении уроков»[315]. Но по каким правилам в таком случае идет «моральный суд над прошлым»? Аргументу о том, что историки вывели за рамки истории факторы морали, нравственные ценности общечеловеческого характера, был противопоставлен вопрос: а способен ли моральный суд кого-то и чему-то научить? Ведь как ни проклинать прошлое, психологический настрой на экстремистские действия всё равно возникает в обществе в критических ситуациях. (Заметим в скобках, что события августа 1991 года и октября 1993 года наглядно подтвердили эту точку зрения.) В таких ситуациях людей весьма трудно остановить моральными проповедями. Умная политика предпочтительнее.

Был также поставлен и вопрос о том, каким образом можно извлекать уроки, как предлагали философы, не утруждая себя нахождением исторической истины[316]. Непонятными оказались и благие намерения «понять причины террора, предупредить возможные сегодня взрывы насилия», оставив при этом историкам задачу «на основе документов… тщательно исследовать ход событий того времени»[317]. В том-то и дело, что к неуловимой границе, которую переступали в периоды революций якобинцы и большевики, их подводила длительная цепочка событий. Шло постепенное втягивание в террор, причём не только якобинцев и большевиков, но и их противников. Дело не в том, кто начал первым. Важно установить логику эскалации насилия, потому что только такое знание в состоянии хотя бы как-то предостеречь политиков в их конкретных решениях и действиях. Понимание закономерностей того, как начинает работать

[315] *Залысин И., Смагин А.* Ящик Пандоры (террор в двух великих революциях) // Общественные науки. 1990. № 4. С 114, 117.
[316] См.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. М., 1991. С. 314.
[317] См.: *Залысин И., Смагин А.* Указ. соч. С. 120.



Ленин. Фото Ю. Абрамочкина. 1990 г.

машина насилия и террора, как общество доходит до состояния «чрезвычайщины», когда цена человеческой жизни практически падает до нуля, это понимание дают только поиски исторической истины и анализ документов»[318]. Дело не в тезисе «любой террор – зло», который, безусловно, очевиден, а в том, что дошедшая до стадии гражданской войны социальная и классовая конфронтация делит общество на «своих» и «чужих», на «мы» и «они». Врагов и противников вообще выводят в такие моменты из сферы морали, воспринимают как «нелюдей». На них не распространяют общече-

[318] *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Указ. соч. С. 315.

ловеческие нормы. Именно это и создаёт возможность превратить аморальный террор в террор морально оправданный, и «все заявления о безнравственности насилия и террора… никого уже не останавливают»[319].

«Политическое завещание» и уход вождя: запрос на переосмысление

На рубеже 80–90-х годов большинство историков и публицистов были убеждены, что обращение к ленинскому наследию в практической политике позволит начать избавление от наслоений, деформировавших социализм. В связи с этим фокус общественного внимания сместился к «политическому завещанию» Ленина, смыслу борьбы вокруг него в ленинском окружении и вообще истории ухода Ленина. В 1987 году были опубликованы статья Егора Яковлева «Прощание» и книга Елизаветы Драбкиной «Зимний перевал»[320]. В журнале «Коммунист» в январе 1988 года была воспроизведена долгое время недоступная статья Н.И. Бухарина «Политическое завещание Ленина», а в следующих месяцах «Правда» опубликовала документальный репортаж «Ленинское завещание» с комментарием В.П. Наумова[321].

Своеобразный конспект проблемы с весьма глубокими, но неразвернутыми, нерасшифрованными мыслями предложил в 1989 году в статье «Сталинизм» Михаил Гефтер. Для него Ленин кануна ухода из жизни – это мыслитель, который вплотную подошел к «переоткрытию социализма», хотя этот иной социализм не мог уже быть «исправленной копией предоктябрьского замысла». Государство-

[319] Там же. С. 316. В аморализме, в частности, обвинял Ленина один из лидеров меньшевиков А.Н. Потресов: «История превзошла все наши тогдашние опасения, превратив нашего аморального бывшего коллегу в рокового человека для России и ее рабочего класса» (*Потресов А.Н.* Ленин // Посмертный сборник произведений А.Н. Потресова. 2-е изд. М., 2002. С. 286).

[320] См.: *Яковлев Егор.* Прощание // Московские новости. 1987, 18 января; *Драбкина Е.* Зимний перевал. М., 1987.

[321] *Бухарин Николай.* Политическое завещание Ленина // Коммунист. 1988. № 2; Правда. 1988, 26 февраля и 25 марта.

коммуна осталось далеко позади, в то время как государственный капитализм служил Ленину по-прежнему образом-ориентиром, требующим, однако, политической конкретизации. Гефтер писал:

«Поставив перед собой вопрос: что делать с революцией, Ленин должен был ответить на следующий, логически не устранимый вопрос: что делать с партией, возникшей как партия революции и не мыслящей себя в ином виде? Если этот вопрос оказался неразрешимым для создателя ее, то тем более неразрешимым он был для его преемников. Неразрешимость эта не только соединяла их, невзирая на все разногласия, но именно она подспудно питала внутрипартийную тектонику, превращая заодно миллионголовую Россию в заложницу «войны диадохов», из которой победителем мог выйти только тот, кто оказался способным заменить недающуюся концепцию Начала (всемирного – внутри России!) сценарием Конца, равно исключающим и революцию, и реформу. То была подмена и «военно-коммунистической» и «нэповской» утопии антиутопией могущества за счёт развития и против него. То был Термидор несостоявшегося Самотермидора. То был оборотень недостигнутой нормы, сумевший принять, однако, «нормальный» вид, чтобы втесниться в обиход России»[322].

Не был удовлетворён уровнем обсуждения проблемы Евгений Плимак. Он считал, что историки не дали развёрнутого анализа последних ленинских трудов, не раскрыли – в их органической связи – всех сторон ленинского плана строительства социализма в СССР, не рассказали подробно о выполнении ленинских заветов[323]. В своей книге «Политическое завещание В.И. Ленина» он попытался восполнить данные пробелы. Для Плимака Сталин, которому довелось руководить партией и страной после смерти Ленина, был его антиподом. Организаторская хватка Сталина, его воля и целеустремленность позволили сплотить вокруг ленинского наследия партию и на-

[322] *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. М., 1991. С. 414.

[323] *Плимак Е.Г.* Политическое завещание В.И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. М., 1989. С. 7.

род. Но Сталин осуществил «великие идеи» в примитивной форме, он «не понимал того, что марксизм – это прежде всего гуманизм, что социализм – это вовсе не состояние перманентной гражданской войны»[324]. Однако далее следовал привычный набор аргументов о том, что путь к социализму Сталин отягчил величайшими жертвами и ради утверждения своего единовластия истребил оппозиционеров и многих представителей «старой партийной гвардии», что если «Ленину были присущи человечность, скромность и простота», то «Сталину – жестокость, помпезность, самые отталкивающие моральные качества»[325]. Словом, А. Барбюс, заявивший «Сталин – это Ленин сегодня», сказал величайшую неправду.

Лишь скороговоркой автор затронул проблему, которая действительно заслуживает серьезного разбора. Признав, что в исторической литературе стала укореняться манера объяснять негативные процессы сталинских времен отступлениями Сталина от заветов Маркса, Энгельса, Ленина, его злой волей, его преступлениями, Плимак обратил внимание на реальные факторы истории: в обстановке предвоенных лет, в сложнейшей внешней и внутренней ситуации, в которой очутился в конце 20-х – 30-х годах Советский Союз, при раздорах в ленинском ядре партии, мешавших принимать всесторонне взвешенные решения, осуществлять по-ленински продуманные повороты в политике, какой-то и даже очень большой доли «казарменности», черт «грубого коммунизма» стране было не избежать. Причем не избежать и в том случае, если бы у власти встал «левый» Троцкий, отличавшийся приверженностью к администрированию, насильственным, командным действиям, или «правый» Бухарин, который предлагал более медленное, спокойное продвижение вперёд («вползание» в социализм) на основе принципов нэпа и ленинского кооперативного плана[326]. Здесь, казалось бы, открывались новые перспективы для размышлений, но в то время всё перекрывала магическая фраза о том, что «отрицательные качества и

[324] Там же. С. 218.
[325] Там же. С. 218–219.
[326] Там же. С. 219.

действия Сталина… резко усугубили и обострили негативные тенденции и процессы»[327].

В разговор о «Завещании» Ленина включился один из оригинальных российских историков, оказавшийся в числе тех немногих ученых, кто готов был сразу же ответить на новые трудные вопросы, будоражившие общество, – Ю.С. Борисов. Он попытался рассмотреть эту проблему с точки зрения «трагедии непонимания»:

> «Мы живем сегодня в мире сдвинутых понятий, в странном таком мире, когда из-под ног, вроде бы, уходит почва прежде незыблемых, фундаментальных соображений, на которых держалось мировоззрение, да и вообще, всё бытие. И вот что-то произошло, толком мы не можем даже разобраться в том, что именно, но мир в этом смысле стал странным. Я не знаю, добавят ли вам мои размышления на тему о завещании Ленина что-нибудь для того, чтобы мир стал еще более странным, или, может быть, они позволят вам обратиться к здравому смыслу, который для любого человека и для любой общественной организации, для любой партии, включая и нашу партию, является тем ориентиром, который позволяет не растеряться во всяких схоластических, теоретических, идеологических противоречиях»[328].

Автор предложил подойти к ленинскому наследию в широком смысле слова как к трагедии с прологом и тремя актами. Пролог – это ленинский нэп как вариант строительства демократического социализма на основе товарно-денежных отношений, плюрализма в экономике и демократизации в политической жизни.

Первый акт – это подведение Лениным итогов своей жизни, которое отнюдь не означало разлада с самим собой, с марксизмом и огромной революционной традицией в теории и политике. Конечно, он понимал, что новая эпоха – эпоха создания демократического социализма. Но, как считает Борисов, не всё здесь можно было сразу охватить «даже такому гениальному уму, как у Владимира Ильича Ленина». Его мысль о том, что в дальнейшем движение к социализ-

---

[327] Там же.

[328] *Борисов Ю.С.* Завещание Владимира Ильича Ленина: трагедия непонимания (стенограмма лекции). М., 1990. С. 3.

му должно проходить реформаторским путем, что это путь реформ, в конце 80-х годов казалась азбукой, но в 1922 году это прозвучало как откровение. По мнению автора, ленинская формула о необходимости перемены всей точки зрения на социализм «несравненно богаче той конкретики, которой наполнил тогда ее сам Ленин». В чем перемена точки зрения? В том, что если раньше центром тяжести была работа политическая, борьба за власть, то теперь центр тяжести переносился на мирное культурничество, на организаторскую работу. Но Борисов подчеркивает, что это еще не создание новой модели, Ленин многое закладывает для нее, но не успевает создать ее. В этом суть первого акта трагедии.

Второй акт – это трагедия непонимания, «трагедия нежелания понять ленинские советы, логику ленинского мышления», это отказ сначала так называемого триумвирата в лице трех лиц – Сталина, Каменева, Зиновьева, – а затем и сталинской диктатуры от Ленина путем его превращения в догматизированную икону.

Третий акт – это непонимание уроков Ленина в условиях перестройки, это трудности привыкания к спокойному и бесстрашному прочтению Ленина, в том числе и к анализу его слабостей, ошибок, недостаточно четко сформулированных положений, это продолжающаяся догматизация последних ленинских работ[329].

Свои размышления историк заключал следующими словами:

> «Мы должны изучать Ленина, но изучать иначе, чем изучали прежде, то есть изучать его в совокупности конкретных обстоятельств его жизни, жизни партии и страны. Надо понимать, почему та или иная формула высказана им именно в это время, какое конкретное содержание он вкладывал в это и что мы можем извлечь из этого опыта. Ленин – это не сборник рецептов, Ленин – это метод поиска ответов на объективные проявления жизни»[330].

---

[329] Достаточно отослать читателей к вышедшей в 1990 году книге Ф.М. Бурлацкого, А.А. Галкина и Ю.А. Красина «Введение в марксистское обществознание», в которой раздел о «завещании» следовал старой традиции – Ленин, мол, всё предусмотрел, всё прописал, и надо было лишь следовать его плану построения социализма.

[330] *Борисов Ю.С.* Указ. соч. С. 21.



Рязань, Первомайский проспект. 1990 г.

Поскольку всплеск внимания к «завещанию» сопровождался политической реабилитацией представителей ленинского окружения, то всё это вместе открывало широкие возможности для конкретного и всестороннего исследования их подлинной роли во внутрипартийной борьбе. Виталий Старцев поставил вопрос принципиально: если бы члены Политбюро ЦК РКП(б) знали о содержании ленинского письма «К съезду партии», выполнили бы они его пожелания? Сместили бы они Сталина с поста генсека?[331] Казалось бы, зная, что произошло с Троцким, Бухариным, Каменевым и Зиновьевым, мы бы ответили: да! Но 1988 год для исторической среды стал годом множества открытий. Одно из них, в результате публикаций Владимира Наумова в «Правде» (26 февраля 1988 года) состояло в том, что члены Политбюро, оказывается, заранее знали о содержании ле-

[331] См.: *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства в 1922 – начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5. С. 112.

нинских писем: «О всех записях до 29 декабря по крайней мере, Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро. В объяснении, написанном 29 декабря 1922 года на имя Каменева, она оправдывала свой поступок тем, будто бы Володичева не предупредила её о строжайшем указании точно выполнять волю Ленина». Однако Старцев не согласился с Наумовым, поскольку предупрежденная Фотиева узнала действительно позднее о строжайшем указании. Это вытекало из внимательного источниковедческого анализа записей в дневнике дежурных секретарей и доказательства, что записи в них были сделаны задним числом.

Но Старцев пошел в своем анализе дальше. По его мнению, Ленин серьезно ошибался в надежде на большинство в Политбюро, где отношение других членов к Сталину, за исключением Троцкого, не совпадало с отношением Ленина. Также не совпадало и отношение к Троцкому. Автор делает вывод: «Итак, они знали, но не хотели»[332]. Они не хотели перемещать Сталина и не хотели предпринимать тех реформ в политическом строе страны, которые советовал немедленно провести Ленин. Он ошибался вообще в оценке внутрипартийного положения в руководстве, взаимоотношений, уже сложившихся внутри Политбюро. То, что он с декабря 1921 года был лишен возможности участвовать в практической работе Политбюро, резко сказалось на его информированности. А сами члены Политбюро, щадя Ленина, не желая усугублять состояние его здоровья лишними волнениями, не полностью посвящали его во все свои конфликты и споры. Сталин же просто умалчивал о многом. В декабре 1922 – феврале 1923 года это вылилось в порочную практику обмана и сознательного ограничения доступа Ленина ко всякой информации о делах Политбюро.

Ленин не знал в то время главного: раскол в Политбюро между Сталиным и Троцким уже произошёл. Но при этом не произошло

[332] Там же. С. 114. Возможно, непривычное по тем временам подчеркивание ошибок Ленина заставило редколлегию журнала на всякий случай заявить о том, что «не все утверждения автора настоящей статьи представляются достаточно аргументированными. В решении некоторых из поставленных им вопросов необходим более широкий подход».

размежевание между сторонниками Троцкого и сторонниками Сталина. В тот момент на стороне Троцкого никого не было. Все члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата находились тогда на стороне Сталина, вернее, все они были против Троцкого. В нем они видели главную опасность, в нем они видели лидера, уже заявившего о себе, претендовавшего на первое место в условиях, когда состояние здоровья Ленина заставляло предполагать возможность самого худшего. И каждый из них, хорошо зная о недостатках Троцкого, считал, что в случае, если Троцкий окажется лидером страны, ему лично будет явно хуже. Сталина в тот момент боялись меньше, поскольку он был всего лишь «генсек».

В.И. Старцев поднял и проблему исторической ответственности в один из переломных моментов истории России. В первую очередь, он возложил ее на Каменева и Зиновьева как ближайших соратников Ленина и самых близких к нему людей. Они стали препятствием к перемещению Сталина со своего поста сначала в 1923, а затем и в 1924 году, «с их пренебрежения ленинскими советами начинается тот путь трагедий, которые, всё усиливаясь, потрясли нашу страну»[333].

В анализе внутрипартийной борьбы и характере отношений внутри ленинского окружения центральными фигурами стали прежде всего Бухарин и Троцкий. Прежние замалчивания и очернения, конечно, определенное время сказывалась на публикациях, разные авторы высказывали подчас далекие от действительности суждения о будто бы возникшем с дореволюционных времен и всегда сохранявшемся «резком различии во взглядах Троцкого и Бухарина», но в то же время появлялись верные замечания о противоречивой роли последнего во внутрипартийной борьбе и опирающиеся на его собственные высказывания однозначные представления о защите Бухариным в борьбе против троцкизма с начала 20-х годов исключительно ленинских позиций[334].

---

[333] Там же. С. 120.

[334] См. подробнее: *Поташов А.Ф.* В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Уроки идейной борьбы внутри правящей партии. (Историография вопроса). Ростов-на-Дону, 1992. С. 131–

Троцкизм – это антиленинизм?

Наиболее сложным было возвращение в пространство памяти о Ленине и истории фигуры Троцкого. Отсутствовали традиция и навыки непредвзятого изучения его трудов, преобладала тенденция, преимущественно в научно-популярной литературе, говорить о нем, используя его собственные слова о себе и своей деятельности, тем более что они не были известны современному читателю. Многие авторы буквально «разворовывали» антисталинские публикации Троцкого[335]. С расширением гласности старая концепция о Троцком стала размываться, уходит в прошлое формула «троцкизм – это антиленинизм», закрывавшая ранее возможность ссылок на его произведения, но при этом у всех на глазах стал рождаться феномен его «демонизации». Уже в сентябре 1988 года «Правда» поместила статью Дмитрия Волкогонова, в которой наряду с выводом о том, что Троцкий в годы его активной деятельности в партии большевиков «не был врагом революции и социализма»[336], объявлялось, что он был отцом советского «тоталитаризма», создателем концлагерей, бюрократом над всеми бюрократами и т. д.[337]

В январе 1989 года в журнале «Знамя» была перепечатана первая часть труда о сталинизме Роя Медведева, показавшего, в частности, что и в последние годы, в том числе и после высылки из СССР, у

136; *Петренко Н.* (псевдоним Б.Н. Равдина). Ленин в Горках – болезнь и смерть (Источниковедческие записки) // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990. С. 143–291.

[335] Там же. С. 135; *Слассер Роберт.* Сталин в 1917 г.: Человек, оставшийся вне революции. М., 1989. С. 5.

[336] Данное утверждение, конечно, контрастировало с суждением о Троцком профессора АОН при ЦК КПСС В. Иванова: «Троцкий был чужаком в большевистской партии; партия, идейно сокрушив уже после смерти Владимира Ильича троцкизм, довершила дело, начатое В.И. Лениным». См.: *Иванов В.* Перекрашивают Иудушку // Советская Россия. 1987, 27 сентября. Примерно такая же оценка Троцкого как «чрезмерно самоуверенного, всегда виляющего и жульничающего политика» прозвучала и в юбилейном докладе 1987 года «Октябрь и перестройка: революция продолжается». См.: *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988. С. 397.

[337] См.: *Волкогонов Д.* Демон революции // Правда. 1988, 9 сентября. После этого последовали: разделы о Троцком в книге «Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина» (М., 1989), статьи в журналах «Родина» (1989, № 7) и «Коммунист Вооруженных сил» (1989, № 19), «Литературной газете» (1990, 30 мая).

Троцкого отсутствовали какие бы то ни было контрреволюционные намерения. Ленинградский историк Владимир Биллик на целом ряде фактов показал, что «все вместе взятые разногласия между Троцким и Лениным после 1917 года «весят» микроскопически мало по сравнению с тем, что объединяло в то время этих людей»[338]. К подобным же выводам пришел и Юрий Кораблев, изучавший деятельность Троцкого в годы Гражданской войны. Он обращал внимание читателей на то, что Ленин назначал Троцкого, несмотря на некоторые разногласия между ними, на ключевые в военное время посты. И Троцкий оправдал ленинское доверие: он подготовил важнейшие постановления и декреты советской власти о Красной армии, текст военной присяги и тезисы ЦК по военному вопросу к VIII съезду партии, находился «на самых решающих фронтах»: «…поезд председателя Реввоенсовета за годы Гражданской войны проделал почти 140 тысяч верст, не раз попадая в опасные переделки на фронтах, за боевые подвиги в боях с Юденичем под Петроградом поезд был награжден орденом Красного Знамени»[339].

В то же время Кораблев обратил внимание на то, что некоторые литераторы и публицисты – члены неформальных объединений ставят Троцкого в ряд с другими большевиками и взваливают на всю ленинскую партию вину за развязанную кровопролитную войну. То есть за обвинениями Троцкого пока что скрывались обвинения самому Ленину, большевикам и Октябрьской революции. Но вектор дальнейшего развития критики был указан еще А.И. Солженицыным, считавшим, что Сталин достоин четвертования, а «Ленин с Троцким – чем же лучше? Начинали – они»[340]. В этом же русле показательной была и такая смена знаков – если раньше, в противоречии с фактами, Троцкий критиковался за третирование комиссаров,

[338] См.: *Биллик В.И.* Троцкий. На пути к правде о нем // Собеседник. 1989. № 33.

[339] *Кораблев Ю.* Почему Троцкий? // Политическое образование. 1989. № 2; См. также: *Молодцыгин М.А.* 120 дней наркомвоена. Из истории перехода к строительству массовой регулярной Красной армии // Военно-исторический журнал. 1989. № 8, 10; *Спирин Л.М.* Из истории РКП(б) в годы Гражданской войны и интервенции // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3.

[340] Там же.

недооценку политической работы в армии, то теперь утверждалось, что институт комиссаров в армии является детищем Троцкого.

Серьезной и аргументированной критике были тогда же подвергнуты утверждения писателя Василия Белова о том, что Троцкий был врагом крестьянства, а его замыслы по коллективизации, налогам, займам, разгонам кооператоров после 1928 года реализовал Сталин[341]. Виктор Данилов и Александр Панцов, используя множество документов, доказали совпадение позиций Ленина и Троцкого по принципиальным вопросам нэпа: Троцкий уже в начале 1920 года подошел к постановке вопроса, а после смерти Ленина предлагал развивать крестьянские хозяйства, учитывая их интересы, а также взаимодействие законов стоимости и социалистического накопления… в контексте мирового хозяйства[342]. Белов обиделся на критику и перевел дискуссию в другую плоскость, заявив, что достаточно покритиковать Троцкого, так тут же тебе ловко приклеят ярлык антисемита и сталиниста. Подобному отношению косвенным образом способствовала и декларативная критика Троцкого и его «духовных наследников» со стороны Нины Андреевой в ее известном письме «Не могу поступиться принципами». В то же время в среде профессиональных историков, немало сделавших для преодоления, казалось бы, укоренившейся тенденции сплошного очернения Троцкого и его взглядов, стала вызывать тревогу лакировка этой исторической фигуры. Более того, опасным стало использование имени Троцкого в идейной борьбе различных общественных течений. Ленинское правительство обвинялось шовинистами в «нерусскости» состава, а антисемитами – в троцкизме и геноциде против русского народа.

Многие тогда обратили внимание на полемику между Васецким и Старцевым по поводу ленинской оценки Троцкого. В частности, Васецкий опирался на такие слова Ленина о Троцком, находившемся в США накануне февральских событий 1917 года в России: «Так-то!

---

[341] См.: *Белов Василий.* «Возродить в крестьянстве крестьянское…» // Правда. 1988, 15 апреля.

[342] См.: *Данилов В.П.* Мы начинаем познавать Троцкого; *Панцов А.В.* Троцкий и Преображенский // ЭКО. 1990. № 1. С. 49–50.



Празднования второй годовщины революции. Москва. 7 ноября 1919 г.

Вот так Троцкий! Всегда равен себе – виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно…»[343]. Однако Старцев не счел эту оценку столь уж объективной: «В статье «Перманентная революция и линия Ленина» (октябрь 1928 г.) Троцкий заявлял, что письма Ленина с замечаниями в его (Троцкого) адрес «основаны на неверной информации, полученной от Коллонтай». Просмотрев комплекты «Нового мира» за январь–февраль 1917 г., автор настоящей брошюры пришел к такому же выводу»[344].

Венчала возвращение Троцкого в ленинское окружение книга Волкогонова «Троцкий», вышедшая в 1992 году, но вобравшая в себя изыскания за 1988–1990 годы. Профессиональные троцковеды оценили эту книгу автора, получившего доступ к секретным архивным фондам и воспользовавшегося этим преимуществом в полной мере, как своеобразное отражение «переходности» в развитии историографии советского общества, которой были свойственны кон-

[343] *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 49. С. 390.
[344] *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства. С. 6.

цептуальная сумятица, приблизительность конкретно-исторических представлений, отсутствие прочной основы длительных разработок информации и соответствующей культуры источников. «Созданные в жанре «исторического примитива», – подчёркивали А.В. Панцов и А.Л. Чечевишников, – произведения Волкогонова поразительно точно отражают и ментальность нашей образованной публики перестроечных лет (особенно печатавшейся в массовых изданиях). Эти «властелины дум», по своей квалификации оставшиеся, как правило, на уровне младшего научного сотрудника, несли в себе твердую убежденность в том, что не может быть проблем, находящихся вне пределов их понимания»[345].

Панцов и Чечевишников самым серьезным образом опровергли практически все пункты волкогоновского подхода к анализу отношений двух вождей революции. Во-первых, они ещё раз доказали, что, выступая против Ленина по параграфу 1 Устава партии и по выборам центральных партийных органов, Троцкий никак не оспаривал партийную программу, сформулированную Лениным, и напротив защищал Ленина в этом вопросе[346]. Что же касается разногласий между Троцким и Лениным по теоретическим проблемам революции, то их существо действительно состояло в противопоставлении двух концепций: перманентной революции и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, разработкой которой занимался Ленин. По Троцкому, российская буржуазия неспособна возглавить революционное движение, поэтому полная победа демократической революции в России мыслима не иначе, как в форме диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство. Только рабочее правительство, поддержанное крестьянством, в силах разрешить весь комплекс проблем, стоящих на повестке дня российского революционного движения. Ни буржуазная диктатура, ни даже революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства не в состоянии это сделать. Пролетарская диктатура,

[345] *Панцов А.В., Чечевишников А.Л.* Исследователь и источник. О книге Д.А. Волкогонова «Троцкий» // Свободная мысль. 1992. № 14. С. 89.
[346] Там же. С. 94.

которая неминуемо осуществит не только социалистические, но и – попутно – демократические задачи, даст в то же время могучий толчок международной социалистической революции. Победа пролетариата на Западе оградит Россию от буржуазной реставрации и обеспечит ей возможность довести социалистическое строительство до конца.

По мнению Панцова и Чечевишникова, Волкогонов пытался дезавуировать то, что концепция Троцкого представляла собой программу осуществления социалистической революции. В противном случае, ему пришлось бы признать, что именно Троцкий еще в 1905–1906 годах, задолго до Ленина, теоретически обосновал саму идею не только возможности, но и неизбежности социалистической революции в одной стране, причем не просто в какой-то «отдельно взятой» и не в той, которая дошла до степени развития передового капитализма, а в стране, являвшейся наиболее слабым звеном мировой капиталистической системы. Следовало бы тогда констатировать и то, что Троцкий никоим образом не отрицал революционную роль крестьянства как союзника пролетариата в надвигавшихся революционных событиях. Согласно его концепции выходило, что крестьянство в России готово поддержать диктатуру пролетариата в той мере, в коей она удовлетворит его интересы.

Естественно, что признание концепции Троцкого как программы социалистической революции в России потребовало бы от Волкогонова отказаться от центрального тезиса о коренном, жестком, абсолютном, так и не преодоленном различии между троцкизмом и ленинизмом. Но если Волкогонов «еще не созрел для подобных еретических измышлений», то его оппоненты из непредвзятого сопоставления двух концепций Ленина и Троцкого приходят к выводу о том, что уже в дофевральский период в них было немало общего: это и неверие в революционные потенции российской буржуазии, приведшее к их утверждению о том, что революция в России с самого начала перерастет рамки классической буржуазной демократии, это и общая для обоих установка на поддержку революционного процесса в России серией социалистических революций междуна-

родного пролетариата (Ленин: «Русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у неё недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы… Русской революции нужен нерусский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе»).

В то же время Панцов и Чечевишников внимательно рассмотрели и различия в обоих концепциях, освобождая этот анализ от наслоений прежних партийных вульгаризмов. Вплоть до Февральской революции Ленин был весьма осторожен в оценках перспективы установления в России диктатуры пролетариата. Он считал, что возможности перевода революции на социалистический этап откроет лишь революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая очистит страну от средневековья для широкого, европейского, а не азиатского развития капитализма и укрепит пролетариат в городе и деревне. И только в обстановке бурного революционного подъема в России, в марте–апреле 1917 года, Ленин отказался от ряда существенных положений своей теории (а отнюдь не Троцкий – от своей), выдвинув курс на социалистическую революцию, в ходе которой, как он позже подчеркивал, большевики «решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт»… главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы». Позиции Ленина, заключают авторы, таким образом, практически по всем основным вопросам совпали с установками Троцкого[347].

Близкий и неблизкий круг вождя

Углубление в сложные перипетии межличностных отношений заставили исследователей более внимательно анализировать Ленина как своеобразный «инструмент» (выражение А.В. Луначарского)[348], как своеобразный исторический компенсатор, который блокировал

[347] Там же. С. 98. См. также: *Панцов А.В.* Лев Давидович Троцкий (серия «Исторические портреты») // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65–87.

[348] См.: Знамя. 1987. № 11. С. 8.

недостатки и слабости политической системы периода Гражданской войны. В связи с этим по-другому стали прочитываться тексты многих других ленинских соратников, пытавшихся после отхода своего вождя от дел понять те формы организации власти и механизма принятия решений, которые замыкались лично на Ленине. На съезде партии в 1922 году Леонид Красин рассуждал:

> «Когда нам говорят: всё оставим по-старому, то я говорю, что оставить по-старому вы не можете, важнейший фокус, который сосредотачивал весь опыт партии и перед которым каждый был готов преклониться и оставить за ним право безапелляционно решать вопросы, т. Ленин, на долгое время выбыл из строя. Мы знаем, что даже и ошибки Ленина, при наличности такого его значения, когда он мог авторитарно говорить и выступать за всю партию, были приемлемы, были даже плюсом и для нас, и для нашей партии, и для нашей государственности. Но когда мне говорят, что какая бы то ни было тройка или пятерка заменит т. Ленина и что мы «всё оставляем по-старому», то я говорю: нет, товарищи, по-старому мы оставить не можем, и старого этого не будет до того момента, пока Владимир Ильич снова не возьмет в свои руки руль государственного корабля»[349].

Стивен Коэн анализировал роль Ленина в становлении Бухарина как революционера и теоретика[350]. Объектом повышенного внимания стал Дзержинский, облик которого, как и образы многих других глав тайной полиции, не оставил в исследовательской и мемуарной литературе сколько-нибудь заметного личностного следа. Чаще всего читатель сталкивался либо с контурами официально отлитой фигуры «железного Феликса», либо столь же невыразительным силуэтом «кровавого фанатика»[351]. При этом забывается, к примеру, тот неожиданный многомерный и выпуклый портрет Дзержинского, который дал Красин, если верить воспроизводству этих слов в книге

[349] Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 126.
[350] *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 76 и др.
[351] *Нилов Григорий (Кравцов Александр).* Указ соч. С. 104.

Романа Гуля «Дзержинский», изданной в Париже в 1936 году и ставшей доступной у нас в 1992-м:

> «На фоне октября поднявшись над партией и страной, вождь ВЧК вырастал в жуткую и страшную фигуру, похожую на думающую гильотину. С созданием ВЧК фактическая власть переходила в руки Дзержинского. Кроме Дзержинского, никто не влиял на Ленина. Ленин стал совсем невменяемым, и если кто имеет на него влияние, так это только «товарищ Феликс», Дзержинский, ещё больший фанатик и, в сущности, хитрая бестия, запугивающий Ленина контрреволюцией и тем, что она сметёт нас всех и его в первую очередь. А Ленин, в этом я окончательно убедился, самый настоящий трус, дрожащий за свою шкуру. И Дзержинский играет на этой струнке»[352].

Отталкиваясь от этого утверждения, Григорий Нилов пытался разобраться в том, насколько личная деятельность Дзержинского соответствовала сталинским целям узурпации внутрипартийной власти. В этом ему способствуют и следующее суждение Роберта Конквеста о том, что «на X съезде партии в 1921 году Ленин внезапно внес две резолюции, запрещающие формирование групп или «фракций» внутри партии. С этого момента органы безопасности взялись за подавление более радикальных оппозиционных групп, которые отказались подчиниться. Но вскоре председатель ВЧК Дзержинский обнаружил, что многие верные партийцы считали оппозиционеров своими товарищами и отказывались давать против них показания. Тогда Дзержинский потребовал от Политбюро официального решения о том, что долгом каждого члена партии является доносить на других членов партии, если они замешаны в агитации против руководства»[353]. Нилов склонен был усматривать существование сговора, совместных действий Сталина и Дзержинского, что, конечно, можно назвать и «партийной дружбой», и «политическим союзом» во имя узурпации власти, властвования как конечной цели.

---

[352] *Гуль Р.* Дзержинский. М., 1992. С. 66.
[353] *Конквест Р.* Большой террор. В 2-х т. М., 1991. Т. 1. С. 13.



Плакат «Будь как Дзержинский!» Худ. Э.С. Арцрунян. 1966 г.

Текст на плакате: «Обижают младших – заступитесь, окажите сопротивление обидчику. Ломают зеленые насаждения, пачкают стены домов – создайте пионерский патруль, наведите порядок! Объявите войну лени, нечестности, грубости, жадности, корысти, равнодушию! Бейте тревогу, если ваш сосед по парте бросил школу, помогите ему вернуться в класс!»

В связи с этим резко критиковалась точка зрения Роя Медведева, который утверждал, что после Ленина, который был «олицетворением всего лучшего в русском социалистическом движении и в русском пролетариате», к руководству партией и страной пришел Сталин, который, напротив, был «олицетворением всего худшего, что примкнуло к революционному движению в России», и этот факт является «исторической случайностью». Отвергается позиция Конквеста и Авторханова, настаивавших на значении «былых заслуг» Сталина: «Октябрь. Ленин у власти. Всё еще малоизвестный, Сталин получает маловажный пост народного комиссара по делам малых национальностей России. У этого министерства нет почти никаких функций… да и пост выдуман Лениным специально для него, чтобы отблагодарить за прошлое, но и до настоящего дела не допускать»[354]. Предлагается искать рукотворные причины и реального творца возвышения Сталина. Для Нилова ответ ясен – это Ленин, поскольку очевидны положительные ответы на такие вопросы, как: «кто кооптировал Сталина в ЦК в 1912 году?», «кто поручил Сталину главную роль на последнем перед октябрьским восстанием съезде партии?», «кто включил его в состав первого правительства большевиков?», «кто ввел в партии пост генерального секретаря и кто утвердил Сталина генсеком?»[355].

Однако этого для автора недостаточно. Подробно описывает он особую роль Сталина для Ленина в так называемых банковских операциях с «немецкими деньгами», что подробно рассматривалось нами в предыдущей главе. И таким примером подтверждается вывод о том, что Сталин стал «поверенным помощником секретнейших операций Ленина»[356].

Если внешне неожиданное возвышение Сталина еще может быть объяснено выражением ленинской благодарности, то до странности робкая, по мнению Нилова, попытка Ленина обуздать уже высказавшего свою неукротимую власть генсека наверняка увяла в ре-

[354] *Авторханов А.* Технология власти. С. 284–285.
[355] *Нилов Г.* Указ. соч. С. 109.
[356] Там же. С. 127.

зультате его давления, а скорее всего – просто-напросто шантажа. Ибо не тот человек был Сталин, который не до конца использовал предоставленные ему возможности, и не пост генсека дал в руки Сталина «необъятную власть», а отнятая им у Ленина власть получила в этом назначении свое юридическое оформление. Учреждение же новой должности понадобилось потому, что не пристало «верному ученику» при жизни «великого учителя» занимать его пост. «На том, видимо, и согласились: Ленину – пропуск в историю, Сталину – «необъятная власть»»»[357].

Отсюда, видимо, отмечаемые многими историками тревожные наблюдения Ленина за деятельностью Сталина на посту генсека, бесцеремонность и грубость того по отношению к лечащим врачам, Крупской, стремление изолировать больного вождя от партии и от любой важной информации. Далее у Нилова были совсем невероятные версии в развитие своей концепции: организация тайных убийств «виднейших» деятелей партии – Володарского и Урицкого, принесенных в жертву ради сплочения партии, ранение Ленина. Но и Ленин, и Троцкий были нужны живыми и активно действующими для завоевания и закрепления общепартийной власти. Для своих целей Ленину необходимы были как «бездушные приспешники», так и «вдохновенные соратники». Если инициативная деятельность последних позволяла партии осуществить захват государственной власти, то «хоровое послушание» первых – овладеть внутрипартийным полновластием. И поскольку Сталин взял только одну из задач Ленина, то инициативные ленинские соратники Сталину уже были не нужны, более того – нежелательны, так как среди них могли проявиться как противники, так и соперники его самовластия. Следовательно, начался процесс замены «соратников» «приспешниками», к примеру, талантливый Фрунзе заменялся безликим Ворошиловым и т. п.

[357] Там же. С. 127, 133.

Ленинизм и сталинизм: сопоставление учений

В годы перестройки проблема взаимоотношений Ленина и Сталина, соотношения их учений приобрела не только новое звучание, но и привела к политическому обострению. Если одни исследователи отождествляли Сталина с Лениным, то другие – противопоставляли их друг другу. Мы уже неоднократно обращались к формуле «Сталин – это Ленин сегодня», которую после смерти Сталина в 1953 году на короткое время сменила формула «Сталин – великий продолжатель бессмертного дела Ленина», а затем, в соответствии с решениями XX и XXII съездов партии, роль Сталина была сведена практически к роли деформатора ленинских идей.

Одновременно в пропаганде на смену культу личности Сталина – в немалой степени и усилиями романтических «шестидесятников» – постепенно приходит культ Ленина, который вступал в странный симбиоз с культами новых генсеков. Однако у Солженицына сравнение Ленина и Сталина приобретало кардинально иной смысл: Сталин – порождение Ленина, различия между ними в использовании инструмента насилия малоразличимы. Достоянием массового сознания эти определения стали лишь в условиях перестройки. Сторонники противопоставления Сталину Ленина апеллировали к такому «сильному ходу», как мнения оппонентов самого Ленина, явно предпочитавших его Сталину, и как обличения сталинизма со стороны «истинных большевиков» Мартемьяна Рютина, Федора Раскольникова. К 120-летию Ленина желание провести границу между ним и Сталиным, кажется, было всеобщим[358].

В 1989 году журнал «История СССР» предпринял ряд акций по специальному обсуждению этой проблемы. Б.П. Курашвили, подразумевая, что сталинизм обязательно наследует ленинизм, попытался изъять из сталинизма – во всяком случае, хотя бы не сводить к сталинизму – «сталинщину». Чистый же сталинизм рассматривался ав-

[358] См.: *Лацис О.* Сталин против Ленина // Осмыслить культ личности Сталина. М., 1989. С. 126–159; *Водолазов Г.* Ленин и Сталин // Там же. С. 215–246; *Лисичкин Г.* Мифы и реальность // Там же. С. 253–268; О Сталине и сталинизме. Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым // История СССР. 1989. № 4. С. 89–108.

тором как тотальная мобилизация всех факторов внутренней и внешней политики. Но поскольку закрыть глаза на репрессивные стороны этого процесса было невозможно, то выдвигалась следующая спасительная формула: репрессии объяснялись чрезвычайными обстоятельствами. Необычную по тем перестроечным временам позицию Курашвили редакция журнала «История СССР» решила на всякий случай сопроводить весьма эмоциональным комментарием И.В. Бестужева-Лады под названием «Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма». Смысл этого комментария – через связку «Ленин–Сталин» – сводился к следующему:

> «Величие Ленина как политического деятеля состояло в том, что он признал утопию утопией и разработал модель строительства реального, неутопического социализма. Низость Сталина как политического деятеля заключалась в том, что он, преследуя своекорыстные цели собственного возвышения, вторично попытался сделать утопию реалией и пошёл напролом, не считаясь ни с рассудком, ни с моралью»[359].

Симптоматично в тот год прозвучал и принципиальный вопрос: чьи классовые интересы выражал Сталин? Предлагалось не увлекаться экстравагантными формами сравнения, а исходить из принципиальных идей о социологии власти, об опасности правительственной или личной узурпации классового господства. Известно, что при Ленине Советы стали органами «для трудящихся», но не «через трудящихся», что Конституция РСФСР закрепила целый ряд форм ограничения демократии. Но Ленин считал, что государство такого типа будет постепенно отмирать. Пока же «реальный механизм функционирования власти в мелкокрестьянской стране, в одиночку строящей социализм, сопровождался неизбежной концентрацией всех рычагов управления в руках ЦК и Политбюро»[360]. После смерти

[359] *Курашвили Б.П.* Политическая доктрина сталинизма // История СССР. 1989. № 5. С. 60, 76–77; *Бестужев-Лада И.В.* Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма // Там же. С. 86.

[360] См.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Время трудных вопросов. С. 119.

Ленина, когда в идейную борьбу всё время примешивался личный фактор, сфера действия системы коллективного руководства, созданной Лениным, всё больше и больше сужалась. Сталин постепенно узурпирует право руководящих органов представлять интересы партии и рабочего класса. Ленина не шокировала сама возможность того, что через диктатуру отдельных лиц может выражаться диктатура революционного класса. А мысль Бухарина («при определённом сочетании условий господство класса может выражаться в личном режиме») вызвала следующее замечание Ленина: верно, но слова «личный режим» имеют какой-то побочный смысл[361].

Ленин резко выступал против мнения, будто все вопросы в ЦК решает он один. «Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что Цека – это я… – писал он дипломатическому работнику А.А. Иоффе в 1921 г. – По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК». Владимир Ильич никогда не действовал только силой своего авторитета, он стремился убедить других в своей правоте. Указывая на необходимость коллективного руководства, коллективной выработки важнейших решений, Ленин в то же время придавал большое значение персональной ответственности каждого работника за порученное ему дело. Основной принцип управления – определенное лицо целиком отвечает за ведение определенной работы. С таким двойным смыслом и сформировался личный режим Сталина:

> «Сталин со своими представлениями о социализме вырастал из… отсталых, пережиточных представлений. Не только он «лепил» массовые представления о вожде, но и сама масса новых рабочих «лепила» вождя. Левацкое нетерпение, стремление одним махом разрешить все проблемы вырастали из этой массы. Попытка старой гвардии удержать политику в рамках позиции индустриального, кадрового ядра рабочего класса не удалась. В молодом рабочем классе уже сформировалась установка на делегирование полномочий при

[361] См.: Ленинский сборник. XL. С. 412.

принятии решений «наверх». Такая ситуация изначально создавала очень удобные условия для узурпации власти достаточно узким слоем или «вождем». Это понимал и Ленин… Ленин думал о демократии как школе цивилизованности, опирался на стремление передовых слоев рабочего класса к управлению, к творчеству новых форм жизни. Нельзя сказать, что Сталин игнорировал эти лучшие стороны рабочего класса, он стремился использовать их в преобразовании страны. Но личный режим Сталина как особая форма организации политической власти вырастал из других тенденций, также существовавших в молодом рабочем классе, – стремления к авторитаризму, психологии «плохо орабоченного мужика»»[362].

Вокруг тезиса о том, какие классовые интересы выражал Сталин, развернулась серьезная дискуссия. По мнению философа А.В. Гулыги, Сталин в отличие от Ленина выражал интересы созданной им миллионной бюрократии и больше никого, а «образ вождя «лепили» не малоцивилизованные рабочие, а коррумпированные интеллектуалы». Философ предложил оставить в покое классовый подход и исходить из того, что Сталин – узурпатор, который захватил власть в результате переворота и учредил в стране казарменно-бюрократический социализм, возможность которого Маркс не предвидел и который не выражал народные интересы[363]. Познакомившись с этими аргументами, историки, к сожалению, ушли от дальнейшей дискуссии, ограничившись замечанием о том, что словосочетание «выражать интересы» класса было применено ими неудачно, и рядом риторических вопросов: неужели только на бюрократию и «коррумпированных интеллектуалов» мог опираться Сталин, уходя от нэпа; по каким причинам и с кем блокировалась бюрократия, проводя «революцию сверху»; почему в бюрократии явно выделялся и заметный сталинский слой; почему бюрократия сама попала под удар сталинских репрессий, а Сталину удалось внушить массам идею

[362] *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Время трудных вопросов. С. 121.
[363] См.: *Гулыга А.* Письмо в журнал «Огонек» // Огонек. 1988. № 48. С. 3.



Плакат «Не дадим повториться!» Худ. Е. Цвик. 1990 г.

«врагов народа» и получить поддержку в борьбе со старой большевистской гвардией. В конце концов, они просто отослали читателей к мнению известного французского историка Франсуа-Ксавье Кокэна.

Кокэн же, внимательно изучая дискуссию советских исследователей 1988–1989 годов, как раз и обратил серьезное внимание на вывод о том, что в рождении сталинизма в той или иной мере участвовали представители всех уровней государства и общества. И причины этого не могут, конечно, быть сведены только к личному страху или эгоизму. Эти причины могли быть связаны и с определенными личными или патриотическими причинами, и с влиянием идеологической обработки, даже просто с привычкой почитать «начальство»:

«Сталинский режим опирался, по крайней мере, на пассивное сотрудничество представителей различных общественных слоев. Поэтому в феномене Сталина необходимо отличать то, что являлось специфичным для этой личности, и то, что определялось системой и от Сталина не зависело»[364].

Однако дискуссия о социальной основе Сталина и сталинизма, не успев по-настоящему разгореться, в том же 1989 году стала отодвигаться на обочину. Иную направленность обсуждению проблемы задали статьи Роберта Сервиса и Г.Х. Попова.

Профессор Лондонского университета вначале охарактеризовал Ленина в статье для «Московских новостей» как политического колосса XX века, как человека, оказавшего глубокое влияние на историю в нашем столетии. Ученый отметил, что в изображении Ленина в СССР появились реалистические тенденции, опубликованы материалы, характеризующие Ленина как человека. Однако старая трактовка деятельности Ленина, который всё знал, всё предвидел и всё контролировал, сохраняется. Советское руководство находит прецедент в ленинской политике периода нэпа, отмежевывается от периода сталинизма. Сервис также усматривает связь между нэпом и перестройкой, но он никак не может признать, что Ленин подходит к

[364] *Coquin Francois-X.* Comments on the Current Ferment and Revision of History in the Soviet Union: Stakes, Limits, Outlook // Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. Sapporo, Japan, 1989. P. 28–29.

роли предтечи перестройки, поскольку именно он ответственен за ужесточение политики в период Гражданской войны, за диктатуру Сталина. Между Лениным и Сталиным вообще можно поставить знак равенства[365].

В свою очередь, Г.Х. Попов, комментируя статью Л.Б. Красина «Контроль и производство», которая впервые была опубликована в «Правде» в 1923 году в связи с ленинской статьей «Лучше меньше, да лучше», увидел в ней альтернативу ленинскому пути строительства социализма. По мнению экономиста, Красин видел за идеями контроля теоретические ошибки Ленина, так как контроль, административная система вообще занимают подчиненное положение в экономике. У Красина же речь идет об экономических методах. Не обращая внимания на ленинские разработки этих методов, тот же продналог, что признавалось и самим Красиным, Попов делает вывод: модель Ленина содержит в себе своеобразный синтез нэповского и военно-коммунистического методов. От первого шла идея «строя цивилизованных кооператоров», а от второго – административная система. Отсюда следовал вывод: Ленин является родоначальником системы, созданной Сталиным[366].

Учитывая точки зрения Сервиса и Попова, Г.Л. Смирнов в коллективной монографии ИМЛ «Ленинская концепция социализма», вышедшей в 1990 году, счел необходимым обстоятельно сопоставить Ленина и Сталина, проследить все основные различия в их подходах к проблемам социалистической экономики, товарного обмена, демократии, роли партии, к проблемам личности. И для Смирнова очевидно, что Сталин сначала отошел от ленинского видения социализма, а затем канонизировал этот отход, выдавая неленинские взгляды и решения за подлинно ленинские[367].

---

[365] См.: *Сервис Р.* Ленин. Комментарий Г.Л. Смирнова // Московские новости. 1989, 12 ноября.

[366] См.: *Попов Г.Х.* Комментарий к статье Л.Б. Красина «Контроль и производство» // Огонек. 1989. № 24.

[367] *Смирнов Г.Л.* К вопросу о ленинской концепции социализма // Ленинская концепция социализма. М., 1990.

Оказавшись между четко выраженными полюсами в интерпретации проблемы, Д.А. Волкогонов стал искать свои определения. К примеру, в 1990 году сталинизм для него – это «ложная диалектика в совокупности поставленных целей и применявшихся средств в их достижении», а его «сущность заключается в извращении теории и практики научного социализма, в отчуждении народа от власти»[368]. При этом генерал сделал примечательную и торопливую оговорку:

> «Выводить сталинизм целиком за скобки ленинизма неверно… Как ни горько признать, ясно, что сталинизм возник на почве ленинизма. Но особо подчеркнем: ленинизма изначально извращенного. А в конце концов – до неузнаваемости… Это одна из уродливых форм развития марксизма в русских условиях. Ленинизм в мыслях и руках Сталина представлял собой уже искаженное, деформированное явление»[369].

Конечно, надо иметь в виду, что разворачивавшаяся дискуссия о Ленине и Сталине на рубеже 80–90-х имела носила вторичный характер, поскольку просто в иных формах интерпретировала давно известные расхождения между двумя группами американских историков и советологов. Одна из них была представлена именами Ричарда Пайпса, Мартина Малиа, Роберта Конквеста и др., известных в качестве сторонников тоталитаристской концепции в оценке истории СССР, другая – именами Леопольда Хеймсона, Уильмана Розенберга, Александра Рабиновича, Рональда Суни, Моше Левина, Стивена Коэна, которых относили к так называемой ревизионистской школе. К примеру, так называемый тоталитарист Пайпс подошел к проблеме преемственности или отсутствия ее между правлением Ленина и правлением Сталина со следующим уравнением: если советский режим возник в результате подлинно народной революции, тогда Сталин представлял собой «аберрацию» ленинской

[368] См.: *Волкогонов Д.А.* Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 5.
[369] Там же. С. 6.

нормы, а система должна была обладать способностью вернуться к гуманистическому и демократическому социализму. Но если система родилась в итоге заговорщического переворота, тогда Сталин – это Ленин, но только в ухудшенном варианте, и нет демократического истока, к которому можно было бы вернуться. Отсюда следовал известный вывод: коммунизм нельзя реформировать, от него необходимо отказаться[370].

В то же время Малиа обратил внимание на более «смелую» школу ревизионизма, представленную, к примеру, Шейлой Фитцпатрик. Для нее сталинизм, должным образом понятый и очищенный от некоторых крайностей, и есть истинное воплощение ленинизма. Таким образом происходит возврат к тоталитарной модели с ее подчеркиванием роли преемственности между Лениным и Сталиным. Меняется в этом случае лишь знак «минус» на «плюс», а признание их единосущности сохраняется[371].

Однако несмотря на это, все течения ревизионизма сходились в одной точке – с перестройкой советский эксперимент, наконец, возвращается к истинному Октябрю, все уклонения от правильного пути будут преодолены, и все пороки рано или поздно окажутся изжитыми.

Для чешско-немецкого историка Михаила Реймана основным в понимании сталинизма является то, что он возник на базе советского строя не как продукт позитивного развития общества, какой-либо общественной доктрины или идеологии, а как продукт структурного кризиса. И признание наличия структурного кризиса никак не обусловлено оправданием политики Сталина, равно как сталинизм неотделим от Сталина как решающей фигуры, от его личной власти. Наличие латентного кризиса проявлялось на протяжении всего периода 20-х годов, ярко выражаясь в столкновениях противоборствовавших фракций в партии по поводу хозяйственных и социальных

[370] См.: *Pipes R.* The Russian Revolution. N. Y., 1990. Переведена на русский в 1995–1997 гг.

[371] См.: *Малиа М.* В поисках истинного Октября // Отечественная история. 1992. № 4. С. 185–187.

приоритетов – промышленность или сельское хозяйство, город или деревня – и по поводу темпов развития[372].

Отстаивая свою позицию, Рейман включил в ход своих рассуждений факторы разрушения связей российской экономики с экономикой мировой, разрушение прежних связей между городом и деревней в результате перестройки аграрных отношений после революции, что создало существенно разные стартовые возможности для их развития и способы функционирования промышленности и сельского хозяйства, затруднила их кооперацию. Нэп не устранил эти проблемы, а в лучшем случае ослабил их влияние. Конечно, подчеркивая наличие признаков структурного кризиса, Рейман не ставит под сомнение положительные стороны ленинского нэпа, а тем более не принимается доказывать неизбежность или даже необходимость его разрушения. Речь идет о другом – о том, что наряду с тенденциями, толкавшими к расширению и укреплению этой системы, действовали и другие тенденции, ее разрушавшие. И они не имели чисто идеологической подоплеки, не были результатом произвола властных структур – их породили отмеченные проблемы послереволюционного периода. Такое положение толкало власти к ущемлению социальных прав граждан. Вполне очевидной становилась опасность своеобразной контрреволюции в социальной сфере. Подобный социальный фон и контекст создавал, по мнению Реймана, предпосылки для развития сталинизма[373].

Он также снова подчеркнул, что на деле не только теория определяла хозяйственную и политическую стратегию, а наоборот, общее направление политики определяло содержание и изменения партийной идеологии. К тому же приспособление идеологии, как и всего содержания партийной «теории», к содержанию партийной политики до сих пор изучено недостаточно:

> «Уже Ленин приспособил идеологию, внеся в марксистские представления о революции такие изменения, как теория перерастания

[372] См.: *Reiman M.* Lenin, Stalin, Gorbacev: Kontinuitaet und Brueche in der Sowjetischen Geschichte. Hamburg, 1987.

[373] Там же.

революции, тезисы о социалистической революции в стране с российским уровнем развития, о революции в одной отдельно взятой стране, о роли и внутреннем режиме революционной партии, о пролетарском государстве и диктатуре пролетариата… Тем более оно проявилось в построениях сталинского времени, где курс партийного руководства в отсутствие постоянной оппозиции стал монополией одного лица, наделенного абсолютным авторитетом также и в области теории».

Отсюда у историков должно быть особое внимание к сталинским тезисам о победе социализма в одной отдельно взятой стране, поскольку они закрепляли положения о двух фазах продвижения к коммунизму и давали им новую интерпретацию. Первая фаза определялась не уровнем производительности общественного труда, а характером отношений собственности и социальной структуры общества. Тем самым, с одной стороны, легитимизировались насилие и террор как метод «построения социализма», с другой – реализация этой идеи допускалась в условиях нищеты, голода и массовых репрессий[374].

Неудовлетворенность существующими ответами вызвала большой интерес к распространяемой по Москве русской версии изданной в США книги Стивена Коэна «Переосмысливая советский опыт». В ней содержалось опровержение основополагающего тезиса «тоталитарной советологии», который сводился к неразрывной преемственности между первоначальным вариантом русского коммунизма – большевизма – и сталинизма, который с неизбежностью развивался из Октября 1917 года. Одетая в смирительную рубашку этой дидактической схемы советология увязла в интеллектуальной косности, в непрерывных повторах типа: «Сталинизм – единственно рациональный, логичный и даже триумфальный итог большевистской революции». Коэн назвал подобную хитрость заинтересованного исторического мышления «виговским принципом», имея в виду

[374] Там же.



Плакат «И Сталин великий нам путь озарил…» Худ. А. Решетов. 1989 г.

старую традицию английской школы писать летопись прошлого, исключив из рассмотрения сложности и спрямив извилистый путь исторического развития, излагать прошлое в услугу настоящему и ставить на историю заплаты текущих соображений. Конечно, замечал Коэн, историки-виги таким образом славили Британию, а вигисоветологи, идя этим же путем, осуждают советское общество, но сам прием – один и тот же. Этот упрек относится и к нашим догматикам и тем учебникам, в которых без труда можно было вычитать образ монолитной, замороженной во всех ее компонентах, формах и связях системы, история которой в принципе завершена и защищена от закона перемен[375].

Десакрализация художественного образа вождя

В 1987 году, спустя двадцать лет после «Большевиков» в «Современнике», драматург Михаил Шатров пришел к Олегу Ефремову, теперь уже во МХАТ, с новой пьесой об одном лишь дне из тех, что потрясли весь мир. В будущем спектакле под названием «Дальше… дальше… дальше!» автор наряду с Лениным вывел на сцену 24 реальных персонажа, стоявших по разные стороны октябрьских баррикад, сместил их во времени, свел в полемике. Обсуждение пьесы Ефремов подытожил такими словами: «Смысл пьесы для меня однозначен. Пока мы не скажем честно и открыто, что мешало нашему движению, пока не уясним, в чем причины ошибок, неудач и трагедий, мы не сможем двигаться вперед»[376].

Параллельно шатровским пьесам в художественной литературе создавалась другая занимательная и сатирическая лениниана. Обилие памятников Ленину, разбросанных по всей территории страны, Сергей Довлатов в сборнике «Чемодан» (1986, издательство «Эрми-

[375] *Коэн Стивен.* Переосмысливая советский опыт (политика и история с 1917 года). Chalidze publications, 1986. С. 51–55.

[376] Московские новости. 2007, 7 ноября; См. также: См.: *Раскатова Е.М., Миловзорова М.А*. Власть и художник в эпоху позднего социализма: парадокс М.Ф. Шатрова // Социогуманитарные науки: XXI век. Вып. II. М.: МПГУ, 2009. С. 207–220.

таж», США) в ироничной манере обыграл рассказом о том, как в Челябинске в 1959 году установили памятник вождю революции с двумя кепками. В реальности такой памятник никогда не существовал, но автор настолько мастерски описал произошедшее, что все ему поверили. В рассказе больше всего было жалко шокированного создателя скульптуры, некоего Виктора Дрыжакова, «наградившего» вождя двумя головными уборами: одна кепка красовалась на голове Ильича, вторую же он крепко сжимал в кулаке. Этот расхожий миф долгое время до публикации сборника в Москве в 1991 году передавался из уст в уста на советских кухнях.

В самом начале 1988 года закончил работу над «Моей маленькой ленинианой» Венедикт Ерофеев. Смешной сборник цитат из частной и деловой переписки вождя «с того времени, как он научился писать, и до того времени, как он писать разучился», сначала был опубликован во французском журнале Владимира Максимова «Континент» и только спустя три года в России, уже после смерти писателя. В ерофеевской «Лениниане» Ленин жалуется, что летом в Сибири очень трудно найти прислугу, пытается сочинять стихи, объясняет Инессе Арманд, что такое «мимолетная связь», просит узнать фамилию Кобы, костерит чехов, «немчуру», Париж и Горького. И постоянно с надрывно-истерическими нотками дает указания соратникам по поводу врагов – кого арестовать, кого посадить, кого расстрелять. На протяжении десятилетий созданный образ великого человека десакрализируется, но не в результате каких-то разоблачений или свидетельств, а благодаря чувству юмора Ерофеева[377].

А кто-то из писателей и поэтов пересматривал отношение к своим собственным произведениям. В разгар перестройки у Андрея Вознесенского спросили, готов ли он повторить свой прежний призыв: «Уберите Ленина с денег!» Поэт ответил, что, возможно, повторил бы его, но уже из совсем иных соображений. Прежний лозунг шестидесятников почти не изменился, в нем поменялась только расстановка ударений, заглавных букв. Было: «Уберите Ленина

[377] *Костюковский Артем.* Наша маленькая лениниана // Русский репортер. 2017. № 20 (https://expert.ru/russian_reporter/2017/20/nasha-malenkaya-leniniana/)



Ленин и Джакометти. Автор Л. Сокова. 1990 г. (Альберто Джакометти – швейцарский скульптор, живописец и график, один из крупнейших мастеров XX века)

с денег!» Стало: «Уберите ленина с Денег!» Если Их Величество Деньги убрать оказалось невозможно, то осталось только одно – убрать «чистую идею»[378].

В кино также наряду с серьезными работами появляются фильмы, где Ленин подавался как комический персонаж. В 1989 году на экраны выходит экранизация повести Юрия Трифонова «Другая жизнь» под названием «Свой крест» режиссера Валерия Лонского. Несмотря на то, что в самой повести ни образа Ленина, ни образа Николая II нет, в фильме они представлены как плод психического помешательства главного героя, в контексте уничтожения семьи императора, трактуемого авторами фильма как террористический акт. В уста Ленина вложены слова, приписываемые ему по воспоминаниям Троцкого: «Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?» Если в 1930-е годы насилие подавалось как неизбежность, то в конце 1980-х в контексте переосмысления недавнего прошлого слова Ленина несли крайне негативные коннотации. Теперь именно Ленин воспринимался источником того кровавого потока, что захлестнул Россию в годы Гражданской войны и сталинских репрессий. И убийство царской семьи представлялось неким символическим актом, положившим начало террору против собственного народа.

Теме убийства семьи Романовых был посвящен и фильм Карена Шахназарова «Цареубийца» (1991). В основе сюжетной линии лежала попытка проанализировать психологический портрет организатора расстрела царской семьи Якова Юровского, которого сыграл Малкольм Макдауэлл. Сам Ленин появляется лишь на несколько секунд в кадре, но примечательными были слова главного героя, Юровского: «Я все время ждал, когда он (Ленин) меня спросит о главном. Он знал, он не мог не знать, что я был человеком, который убил вас, а я понимал, что именно он был человеком, который все решил. Мы сделали это вдвоем. Он и я».

В 1990-м юбилейном году Андрей Мягков впервые в истории советского кино спародировал образ Ильича в комедии Леонида Гайдая

[378] См.: https://maysuryan.livejournal.com/1093344.html



Фильм Леонида Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода, на Брайтон-бич опять идут дожди». 1990 г.

«На Дерибасовской хорошая погода, на Брайтон-бич опять идут дожди». А фильм «Комедия строгого режима» (1992) по мотивам рассказа того же Довлатова станет репликой на 1970 год, когда «вся великая страна Советов готовилась торжественно отметить столетие со дня рождения вождя мирового пролетариата», в том числе руководители колонии строгого режима, вознамерившиеся поразить начальство постановкой пьесы самодеятельного театра «Свет ноября». Режиссеры Михаил Григорьев и Владимир Студенников дали сатирические зарисовки быта колонии, а роль вождя отвели самому угнетаемому зэку в исполнении Виктора Сухорукова. Вооруженный ленинскими цитатами и известными штампами из советских фильмов о Ленине, герой постепенно становится лидером, способным повести за собой массы куда угодно, даже на побег из охваченной юбилеем колонии. Однако всё превзошел телевизионный розыгрыш



Фильм Михаила Григорьева и Владимира Студенникова «Комедия строгого режима». 1992 г.

Сергея Курехина и Сергея Шолохова с историей о Ленине-грибе. Обнародование Курехиным «научной» гипотезы о том, что Ленин, как и его соратники, любивший собирать и поедать (галлюциногенные) грибы, постепенно сам стал грибом, состоялось весной 1992 года в передаче «Тихий дом» на 5-м (ленинградском) телевизионном канале, транслировавшемся тогда на всю страну. Многие зрители восприняли эту «гипотезу», быстро ставшую мемом, всерьез[379].

* * *

Таким образом, налицо очевидная смысловая разноголосица в отношении к ленинскому 120-летию, которое постепенно перерастало в деструктивную идеологическую какофонию. Призывы к новому прочтению и новому пониманию Ленина соседствовали с це-

[379] Об истории и социально-психологическом контексте курехинского розыгрыша см.: *Юрчак А.* Если бы Ленин был жив, он бы знал, что делать // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 189–204.

ленаправленной дискредитацией создателя советского государства. Было ясно, что столь неустойчивая и противоречивая идеологическая атмосфера не может застыть в таком состоянии на долгое время. В воздухе витало ощущение того, что приближается какой-то фундаментальный сдвиг. Примерно за месяц до юбилея была отменена 6-я статья Конституции, а чуть раньше по столице прокатились многотысячные митинги под лозунгами радикальных политических реформ. По окраинам государства назревали и уже полыхали конфликты, а власть всё явственнее демонстрировала свою неспособность остановить сползание перемен в деструктивное русло. Какофония наблюдалась и в пространстве памяти о Ленине, причем желавших десакрализовать его, вывести в зону антипамяти становилось всё больше, а «верных ленинцев» – всё меньше. Активный участник событий тех лет, один из интеллектуальных лидеров демократического движения историк Леонид Баткин, вспоминал впоследствии любопытный эпизод, когда один из руководителей КГБ Филипп Бобков на конспиративной квартире в центре Москвы по собственной инициативе встречался с ним и активистами Межрегиональной депутатской группы, настойчиво прося: «Только Ленина не трогайте!». Был ли шанс у перестроечного Ленина выстоять – не как у монумента, но как важной исторической фигуры? Ведь ключевой для коммунистов-реформаторов нэповский Ленин довольно быстро сменялся в качестве кумира на П.А. Столыпина и сторонников свободного предпринимательства[380]. Монополизма на память о Ленине ни у кого не было, но подобные изменения в соотношении сил свидетельствовали о том, что новый мемориальный монополизм – своего рода антипод пока еще сохранявшегося официозного – не за горами.

[380] См.: *Кирчик О.* История как экономика, или Путешествие из 1921-го в 1906-й через1990-й // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 395–411.

V

ОТ АНТИКУЛЬТА К НОВОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ЛЕНИНА

2000: от антиленинизма к антикульту

В 1990-е годы историческая личность Ленина теряет свое значение общегосударственного и объединяющего символа. Борьба за освещение пространства памяти, исторические и художественные интерпретации принимает острый и непримиримый характер. За очень короткое время от 120-летия до 130-летия со дня рождения вождя всё это пространство было кардинально переформатировано.

На вопрос о причинах всплеска сомнений в значимости ленинского теоретического наследия 18 % отметили несоответствие его положений реально построенному социализму, 47 % – незнание этого наследия, 51 % – стремление к дискредитации личности Ленина. Однако еще в середине 90-х он оставался в числе выдающихся национальных героев. Если категорию «выдающийся» условно разбить на две группы: государственные деятели и идейные лидеры, то мы увидим, что Ленин сохранил стабильное положение по обеим позициям. При этом к нему в компанию по первой группе (если расширить десятку лидеров до 20 человек) попали такие новые имена, как Екатерина II, Николай II, Столыпин, Брежнев, Хрущев, а по второй – люди в общем-то далекие от марксизма – Солженицын и Сахаров. Итоги опросов показывали, что массовое сознание россиян стало, во-первых, менее интегрированным вокруг одного символа, каким был в конце 80-х годов Ленин, во-вторых, оно рассталось с марксизмом, своеобразным идеологическим советским наследием,



Демонтаж памятника Ленину в г. Червоноград Львовской области. 1 августа 1990 г.

в-третьих, в нем сильнее проявилась тяга к символам империи и авторитарного управления ею[381].

Отношение к Ленину резко изменилось в бывших союзных республиках и странах Восточной Европы. В регионах, где антисоветские настроения были наиболее распространены (Прибалтика, Западная Украина, Молдавия), борьба с ленинским культом началась еще при советской власти, на рубеже 80–90-х годов. В частности, первым местом в СССР, где был демонтирован памятник Ленину, стал в апреле 1990 года город Червоноград Львовской области УССР. В странах Восточной Европы процессы деленинизации также начались еще в 1989 году во время «бархатных революций». В Че-

[381] См.: *Левинсон А.Г.* Массовые представления об «исторических исследованиях» // Одиссей. М., 1996. С. 252–267.

ченской республике в 1990-е годы были уничтожены почти все памятники Ленину, а во время Карабахского конфликта личность Ленина в целом негативно оценивали обе воюющие стороны. Новые национальные элиты воспринимали Ленина как символ оккупации и централизации; взамен в ранг героев были возведены, в основном, деятели национально-освободительной борьбы, советские диссиденты, а также деятели национальных государственных образований в годы Гражданской войны. Известны случаи и возвращения к ленинизму. В 1990-е годы в Молдавии активно уничтожалась память о Ленине, однако с приходом к власти коммунистов в стране восстанавливалось «доброе имя» Ленина. После отстранения коммунистов власти Молдавии пытались вернуться к вопросу о сохранении советских памятников в стране, в том числе посвященных Ленину, однако вскоре инициировавший этот вопрос Михай Гимпу утратил свой пост. Подобное было и в Белоруссии, когда с установлением независимости начали избавляться от советских символов, но более лояльный к советскому периоду президент А.Г. Лукашенко остановил этот процесс.

В России началось массовое переименование улиц и учреждений – в Самаре новые названия получили Ульяновская улица, площадь Ильича, Ленинская площадь, в Москве расстались с именем Ленина стадион в Лужниках, Государственная библиотека СССР, Московский метрополитен и даже помологический рассадник, фруктовый сад, в котором, по преданию, Ленин повелел выращивать фрукты для детей. В августе 1991 года во время путча существовала угроза погромов Центрального музея и мавзолея Ленина. Как рассказывала помощник директора Государственного исторического музея Т.Г. Колоскова, музей Ленина и его сотрудники до конца 1993 года находились в свободном плавании. Тогдашнему директору В.Е. Мельниченко пришлось пустить в помещения МММ с Мавроди, но для посетителей вход оставался бесплатным. 13 ноября 1993 года последовало распоряжение Б.Н. Ельцина: передать здание музея московскому правительству, а коллекции и всё движимое имущество – Государственному историческому музею. Весной 1994 года вся

коллекция была заперта в запасниках, то есть стала недоступной для граждан. Закрылись или изменились функции филиалов Центрального музея в Ленинграде, Ульяновске, Самаре, Красноярске, Киеве и Тбилиси, а также мемориальных музеев, там, где жил Ленин, – в Кокушкино, Ульяновске, Подольске, Алакаевке, Разливе, Шушенском, в Париже на улице Мари Роз. Кабинет-квартира Ленина в Кремле была перемещена в мемориальный музей «Горки Ленинские»[382].

В марте 1997 года президент РФ Б.Н. Ельцин на встрече с главными редакторами СМИ поднял вопрос о захоронении тела Ленина. Племянница Ленина Ольга Дмитриевна Ульянова на пресс-конференции в Центральном доме журналиста выступила с протестом против этого предложения. В июне того же года Ельцин выступил с инициативой провести уже осенью общенациональный референдум: «Пусть народ решит – похоронить его по-христиански или оставить так, как есть». Эта идея была поддержана академиком Дмитрием Лихачевым, однако референдум проведен не был. 23 июня на предложение президента Государственная Дума ответила заявлением, в котором призвала органы власти и граждан России «предотвратить акт политической мести Ленину», а предложение о захоронении тела бывшего вождя назвала «откровенным вандализмом». Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в мае 1999 года выразил надежду, что со временем тело Ленина и прах других известных людей советской поры перенесут с Красной площади в специальный пантеон. При этом глава РПЦ подчеркнул, что необходимо проявлять осторожность в таком непростом вопросе. Не все желали следовать этому совету – вынести тело Ленина из мавзолея и похоронить его рядом с матерью потребовал друг А.Н. Яковлева, историк-лениновед А.А. Арутюнов[383]. А вот Юрий Карякин спустя 10 лет скорректировал свое отношение к известному факту о том, что завещание Ленина не выполнено, и признал, что документов по этому

[382] См. подробнее: https://leninism.su/lenin-now/4653–80-let-nazad-v-mae-1936-goda-v-moskve-otkryli-tsentralnyj-muzej-v-i-lenina.html

[383] См.: *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999. С. 908–909.



Митинг коммунистов у Мавзолея

вопросу не существует[384]. Возможно, на это повлиял Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (бывшего Центрального партийного архива при ЦК КПСС, а ныне – РГАСПИ), который выдал в 1997 году помощнику Ельцина Георгию Сатарову справку, в которой было сказано следующее: «В РЦХИДНИ не имеется ни одного документа Ленина или его близких и родственников относительно «последней воли» Ленина быть захороненным на определенном российском (московском или петербургском) кладбище»[385]. Свою позицию по этому вопросу высказал и В.В. Пу-

[384] *Карякин Юрий.* Петербург был… Байконуром Достоевского. Беседу записала Елена Евграфова // Смена (СПб.). 1999, 3 августа. № 214. С. 4.

[385] *Абрамов А.С.* Ельцин обманут или обманывает? // Правда-5. 1997, 11 июня. С. 4. О разнообразных проектах сохранения тела вождя для потомства, а также о спорах и интригах, определивших в конце концов судьбу тела, см.: *Лопухин Ю.М.* Болезнь,

тин. 18 июля 2001 года президент РФ заявил на первой «большой» пресс-конференции в Кремле, что выступает против предложения о перезахоронении тела Ленина:

> «Страна жила в условиях монополии КПСС 70 лет. Это время жизни целого поколения, и многие люди с именем Ленина связывают свою собственную жизнь. Для них захоронение Ленина будет означать, что они поклонялись ложным ценностям, ставили перед собой ложные задачи и что их жизнь прожита зря»[386].

Либеральный поворот

После известных событий августа 1991 года, связанных с распадом советской системы и СССР, резко и быстро меняются условия и структуры прежнего лениноведения. Ликвидируются Институт теории и истории социализма ЦК КПСС (до лета 1991 года – ИМЛ), Академия общественных наук при ЦК КПСС, партийные школы и система партийного обучения. ЦПА преобразуется в РЦХИДНИ.

У историков расширяется доступ к эмигрантским публикациям, посвященным истории революции и личности Ленина. Особое значение в их ряду заняли воспоминания и размышления по этой проблеме «Нового журнала», издающегося в Нью-Йорке. Начиная с 1940-х годов, тема Ленина находилась в центре внимания редакции и составляла очень серьезный контраст официальной советской лениниане. Известный историк Г.З. Иоффе систематизировал публикации этого издания и дал российским исследователям неплохую ориентировку по ним[387].

Говоря об изданиях архивных материалов этого времени, отметим ряд работ, связанных с «альянсом германских военных и дипломатов» с большевиками. В 1994 году Виктор Кузнецов указал на

смерть и бальзамирование В.И. Ленина. М., 1997; *Равдин Б.Н., Ханютин А.* У великой могилы // Ракурсы. Вып. 2. М., 1998. С. 78–96.

[386] Российская газета. 2001, 19 июля.

[387] См.: *Иоффе Генрих.* История русской революции в «НЖ» // Новый журнал. 1996. Кн. 202.

новые публикации в немецком журнале Stern (1993, № 11) из документов РЦХИДНИ (ныне – РГАСПИ) о перечислении 18 июля 1917 года в Кронштадт на счет Ленина немецких марок. Однако на самом деле опубликованные документы из архива на самом деле являются фальшивкой из бумаг Сиссона[388]. Об этом речь пойдет ниже, когда эти фальшивки опубликуют Д.А. Волкогонов и А.Г. Латышев со ссылкой на бывший партийный архив. А здесь укажем монографию В.И Старцева «Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского», посвященную связям большевиков с правительством Германии и впервые опубликованную в 1994 году. На основе документов, хранящихся в Национальном архиве США в Вашингтоне, историк доказал, что именно Оссендовский является автором огромного комплекса документов (в том числе знаменитых «документов Сиссона»), которые многие годы вводили в заблуждение читателей относительно связей партии большевиков с немецким правительством. Напомним, что в США благодаря упоминавшейся нами статье Джорджа Кеннана еще в 1956 году «документы Сиссона» были объявлены подделкой, и вышли они вовсе не из немецкого Генерального штаба, а сочинил их Фердинанд Оссендовский, петроградский журналист польского происхождения. В России же многие воспринимали эти бумаги как реальное доказательство связей. В книге Старцева были представлены все документы, доказывающие прямую фальсификацию вопроса. К примеру, самый фундаментальный документ серии, «доказывающий», что большевикам уже 2 марта 1917 года (!) был открыт большой кредит Немецким банком, выглядел невероятным. В нём говорилось, что деньги даются Ленину, Троцкому, Суменсон, Коллонтай и некоторым другим. Однако 2 марта (даже если считать, что это старый стиль, отстающий от нового в XX веке на 13 дней) Ленин находился в Цюрихе, в Швейцарии, Троцкий в Нью-Йорке, Коллонтай в столице Норвегии, которая тогда называлась Христианией, а

[388] См.: Был ли Ленин? СПб., 1994. Кстати, указанная публикация в журнале «Stern» была подробно разобрана позднее, в книге: *Козлов Я.В., Корнеев В.В.* Правда о Ленине. Ответ клеветникам. М., 2018. С. 62–78.

никому не известная Суменсон – в Петрограде. Ленин и Троцкий в этот момент не были еще членами одной партии и союзниками в борьбе за власть, а заклятыми соперниками и врагами.

Обратил на себя внимание цикл интересных публикаций в альманахе «Неизвестная Россия. XX век»[389]. Однако принципиальное зна-

[389] См.: Ленину. Письма 1918–1921 гг. (Публикация Г.А. Бордюгова) // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 12–27; Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ (Публикация Л.П. Кошелевой и Н.В. Тепцова) // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. С. 9–26. Последняя публикация любопытна в свете спора о том, кто был вторым человеком в большевистской иерархии при жизни Ленина. Народ, причем самые различные его слои, считали таким человеком Л.Д. Троцкого. Его фамилия фигурировала чуть ли не в каждой сводке в качестве потенциального преемника Ленина, Сталин же ни разу не упомянут. Для одних Троцкий был «заступником пролетариата» и одновременно защитником частной собственности. У других было отрицательное чувство из-за еврейского происхождения Троцкого. Вероятно, Троцкий действительно был по своему реальному весу и популярности вторым после Ленина человеком в партии и государстве в годы революции 1917 года и Гражданской войны, когда он возглавлял Красную армию. Однако с окончанием Гражданской войны и избранием Сталина в 1922 году генеральным секретарем партии именно он занял второе место в партийно-государственной иерархии. А после того, как в 1923 году Ленин из-за болезни стал недееспособен, Сталин фактически возглавил иерархию в СССР. Троцкий же, против которого со Сталиным объединились Зиновьев и Каменев, практически утратил свое влияние и оказался на маргинальной позиции в Политбюро и в партии, что предопределило его поражение в развернувшейся борьбе за власть. Как раз во время внутрипартийного кризиса 1923 года, еще при живом Ленине, командующий Московским военным округом Н.И. Муралов пришел к Троцкому и предложил ему силой сместить с поста и расстрелять Сталина, Зиновьева и Каменева и провозгласить вождем Троцкого. В войсках округа Муралов был популярен, а Троцкий был популярен как в Красной армии, так и среди той части населения, которая поддерживала большевиков. Популярность Муралова и авторитет Троцкого гарантировали успех переворота. Красная армия не выступила бы против своего вождя, а наоборот, поддержала бы его. Однако Троцкий отказался совершать военный переворот (*Коломнин С.* Солдат революции, так и не ставший маршалом // Братишка, 2009. Март. № 3. С. 13). Он мыслил исключительно в идеологических категориях мировой коммунистической (пролетарской) революции. Для того чтобы продолжать дело мировой революции, ему надо было стать главным вождем партии большевиков, полноправным членом которой он стал только с середины 1917 года. Борьба на этом фронте была для Троцкого заведомо проигрышной. Ведь не только весь партийный аппарат контролировался Сталиным, но и среди старых партийцев преобладало настороженное отношение к Троцкому. Последний ни в коем случае не собирался захватывать власть путем военного переворота и становиться бонапартом-диктатором. Ведь тогда он ничем не отличался бы от какого-нибудь латиноамериканского каудильо. Это означало бы конец русской революции и крах всех надежд на мировую революцию. А Троцкому власть нужна была не сама по себе, а лишь для того, чтобы иметь возможность проводить определенные идеи, причем в мировом масштабе. И в этом отношении он безнадежно проигрывал Сталину, для которого власть представляла безусловную ценность сама по себе. Троцкий вспоминал: «В январе 1925 г. я был освобожден от обязанностей народного комиссара по военным делам. Больше всего боялись… моей связи с армией. Я уступил пост без боя… чтобы

чение имел тогда вопрос о нашумевших и вызвавших большую дискуссию текстах из архивного фонда Ленина. В течение многих десятилетий они оставались строго засекреченными и совершенно недоступными исследователям. Сначала эти документы публиковал везде, где только можно было, с тенденциозными комментариями историк и журналист Анатолий Латышев[390]. Затем за дело взялся американский профессор Ричард Пайпс. Правда, до сих пор непонятной является, к примеру, история, связанная с приоритетной публикацией им в 1996 году переведенного на английский сборника документов «Неизвестный Ленин. Из секретного архива»[391], осуществленного по документам РГАСПИ. Всё еще является загадкой и столь длительная пауза с выходом русской версии издания (1999). Позволим себе предположить, что дело связано с позицией ее составителей Ю.Н. Амиантова и Ю.А. Ахапкина, что между строк можно «прочесть» в неожиданно помещенном в «Свободной мысли» послесловии В.Т. Логинова «Несостоявшаяся сенсация» к неопубликованному до сих пор русскому изданию тех же документов[392].

Судя по всему, Логинов явно писал не для параллельной американской версии подборки документов из архивного фонда Ленина. Но тогда к какой? Пока трудно судить. Быть может, его послесловие не устроило руководство РГАСПИ и стоящее над ним руководство Росархива? Однако если учесть, что в собраниях сочинений Ленина, «Ленинских сборниках», «Декретах советской власти» и «Биографической хронике» опубликованы десятки тысяч документов, то 70

вырвать у противников орудие инсинуаций насчет моих военных замыслов» (*Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1991. С. 491–492).

[390] А. Латышев с сентября по ноябрь 1991 года входил в состав временной депутатской комиссии парламентского расследования причин и обстоятельств государственного переворота в СССР и использовал эту возможность совсем в других целях – не для предоставления всем исследователям свободного и равного доступа к секретным ленинским документам, а для собственных 70 статей и публикаций около 100 ленинских работ, многие из которых имели, как теперь очевидно, заведомо коммерческий характер, с заведомо политизированными, а не научными комментариями.

[391] *Pipes Richard.* The Unknown Lenin: From the Secret Archive. Annals of Communism. New Haven, Yale University Press, 1996.

[392] См.: *Логинов Владлен.* Несостоявшаяся сенсация // Свободная мысль. 1997. № 12. С. 86–93.

публикаций Латышева, или 122 документа сборника Пайпса, или лишь немногим более 400 материалов сборника РГАСПИ действительно могут показаться не столь значительными. По многим вопросам, затронутым в них, мы не находим ничего принципиально нового в сравнении с той информацией, которую давали прежние фундаментальные издания. Для тех, кто всерьез занимался изучением данных проблем, они не представляют той сенсации, которую искусственно пытались раздуть для непосвященных.

И тем не менее, по мнению Логинова, ценность ранее засекреченных документов несомненна. Они освещают ряд сюжетов, которые раньше вообще исключались из официальных изданий. Это касается, в частности, некоторых финансовых вопросов, связанных с деятельностью РСДРП в дооктябрьский период: переписка о «наследстве Н.П. Шмита» (1909–1911 годы), с Карлом Каутским, Кларой Цеткин и Францем Мерингом о деньгах, переданных им на хранение большевиками. Особую группу документов составляет «дело Малиновского» (1914 год), изобличенного позднее в связях с охранкой, а также полная переписка с Инессой Арманд, запрет на которую в прежние времена можно объяснить лишь ханжеством составителей Полного собрания сочинений. Однако основная масса материалов относится к послеоктябрьскому периоду: письма, телеграммы, записки и другие документы, которые дополняют, а иногда существенно корректируют прежние представления о некоторых событиях Гражданской войны и первых лет нэпа. Проблема заключается в характере интерпретаций, которую нам представили те, кто первыми, законно или незаконно, получили доступ к новым документам. Анализ этих интерпретаций может составить отдельную книгу. Наша же задача заключается в том, чтобы зафиксировать разницу методов подачи и препарирования документов.

К примеру, среди трех десятков писем Ленина Арманд, включенных в сборник Пайпса и РГАСПИ, одно письмо от 6 (19) января 1917 года содержит фразу: «Насчет «немецкого плена» и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой». Пайпс усмотрел в нем наконец-то найденное подтверждение «кон-

тактам Ленина с германцами». Логинов же поставил данное письмо в контекст всей переписки, в том числе и давно опубликованной в 49 томе Полного собрания сочинений. И тогда получается, что сначала, 3 (16) января 1917 года, Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, займут французы. Что же касается Цюриха, где жил в это время Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покидать Цюрих нет необходимости, ибо «война невероятна». В ответном письме Инесса, очевидно, писала, что Ленин недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а поэтому надо думать о переезде. Вот Ленин и написал ей 6 (19) января: «Насчет «немецкого плена» и прочее все Ваши опасения чрезмерны…» Таким образом, не о связях с немцами шла речь, и поспешное предположение Пайпса абсолютно несостоятельно[393].

Другой пример касался публикуемой Пайпсом записки Ленина, которая якобы инициировала начало массового красного террора. Основанием для датировки стало следующее ее содержание: «Я предлагаю тотчас образовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина: Ларин прав). Скажем, Вы + Ларин + Владимирский (или Дзержинский) + Рыков? Или Милютин? Тайно подготовить террор: необходимо и срочно. А во вторник решим: через СНК или иначе». Поскольку декрет о красном терроре был принят 5 сентября 1918 года, то эта записка отнесена Пайпсом к 3 или 4 сентября того же года. Логинов в связи с этим поставил ряд резонных вопросов. Во-первых, автор записки (Ленин) в эти дни после ранения находился на постельном режиме и никаких записок не писал. Во-вторых, почему записка адресована Н. Крестинскому, с августа 1918 года являвшемуся наркомом финансов? Почему в состав комиссии, связанной с террором, предлагались Рыков и Милютин, руководившие ВСНХ? Наконец, какое отношение к разработке террористических мер мог иметь Юрий

[393] Там же. С. 87.

Ларин, занимавшийся вопросами сугубо хозяйственной жизни?[394] Совсем по-иному датировал и комментировал эту записку Латышев. Он почему-то вообще назвал ее «обобщающей» для конца Гражданской войны и отнес к 1920 году[395].

В.Т. Логинов коснулся и болезненных вопросов, связанных с красным и белым террором. Он предложил учитывать не только тип и характер документов (например, декрет, постановление или же сугубо личная записка), но и практические последствия, к которым привел данный документ (в частности, многократно цитируемая телеграмма Ленина пензенским руководителям от 11 августа 1918 года с требованием «непременно повесить» кулаков – организаторов мятежа, а для этого найти «людей потверже»). Что же произошло на самом деле? – спрашивает Логинов. Ведь еще в конце апреля 1918 года Ленин предполагал возможность мирного получения хлеба из деревни с помощью товарообмена. А чуть ли не через неделю он ставит на СНК вопрос о введении продовольственной диктатуры. Дело в том, что относительная, хотя и минимальная стабильность продовольственного снабжения Центральной России обеспечивалась хлебом Украины, Поволжья, Сибири и Северного Кавказа. Однако в конце апреля на Украине германские оккупанты привели к власти гетмана Скоропадского. Путь для украинского хлеба был перекрыт. В мае восстание чехословаков отрезало от Центра Сибирь и часть Поволжья. К июлю были блокированы все линии, связывавшие Москву с Северным Кавказом. Элементарные расчеты, сделанные Наркомпродом, показывали, что в этой ситуации в Москве и Петрограде на одного человека придется лишь 3 фунта хлеба (1 кг 200 г) в месяц, да и то лишь за счет полной выкачки зерна в потребляющих центральных губерниях. Иными словами, речь шла о жизни десятков и сотен тысяч горожан.

Важную роль в планах советской власти по снабжению городов должна была сыграть, в частности, Пензенская губерния, где, по данным Наркомпрода, существовали определенные резервы хлеба.

[394] Там же.
[395] См.: *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 27.

Сюда направили уполномоченного ЦК Евгению Бош, продотряды из столицы. 5 августа в селе Кучки Пензенского уезда вспыхнул вооруженный мятеж. Пятеро продармейцев и трое членов сельского комитета бедноты были зверски убиты. Отсюда волнения перекинулись на четыре наиболее богатых уезда. И если учесть, что Восточный фронт находился в этот момент всего в 45 километрах, то станет очевидной вся серьезность положения. По мнению Логинова, отчасти это и объясняет тон ленинских телеграмм и писем в Пензу, требовавших «вешать» зачинщиков мятежа, «твердости» и «беспощадного массового террора». В село Кучки из Пензы направили отряд, который арестовал 13 непосредственных участников убийства и организаторов восстания. Всех расстреляли. В другие уезды и волости направили агитаторов. После сходов и митингов, на которых разъяснялась продовольственная политика советской власти, волнения крестьян удалось прекратить.

Второй важный пример – записки Ленина Э. Склянскому, относящиеся к концу 1920 года и связанные с действиями белого офицера С. Булак-Балаховича. Сформированные им в прибалтийских государствах при помощи Б. Савинкова несколько вооруженных отрядов совершали «рейды» на территорию Белоруссии и Украины. По свидетельствам самого Савинкова, а также берлинского «Голоса России», отряды Балаховича повсюду оставляли следы грабежей, убийств, пыток невинных людей, изнасилования женщин, в том числе 12-летних девочек. В городах Плотница, Кременец, в Ковельском и Пинском уездах разграблялись, поджигались еврейские дома и квартиры, всякого еврея, показавшегося на улице, убивали. После получения очередной информации с описанием зверств банд Балаховича во время заседания Совнаркома Ленин и написал заместителю председателя Совнаркома: «Постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, «на плечах» Балаховича перейти где-либо границу хоть на одну версту и повесить 100–1000 их чиновников и богачей)». В другой записке Склянскому он предлагает под видом «зеленых» вторгнуться на 10–20 верст на террито-

рию, занятую противником, и перевешать «кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 руб. за повешенного». Нет никаких сомнений в жестокости и неприемлемости подобных методов, но нельзя забывать, что они родились в расколотом обществе, в условиях Гражданской войны, ход которой диктуют совершенно иные законы и правила.

В ноябре 1920 года северо-западнее Мозыря частям Красной армии удалось нанести серьезное поражение бандам Балаховича, а 5 декабря из Польши было получено сообщение, что остатки армии Балаховича перешли на польскую территорию, где были немедленно разоружены поляками в присутствии представителя Советской России, специально для этого прибывшего. Савинков же отказался от Балаховича. Таковы были практические последствия указаний Ленина.

К сожалению, российскому читателю была практически неизвестна дискуссия, которую вызвал сборник Пайпса в США. Между тем он был оценен как «ничего особенно нового не вносящий в историографию»[396], поскольку многое было известно и до того, но не имело точных ссылок. Со специальной статьей по поводу сборника Пайпса выступил известный в России американский историк Александр Рабинович. Он начал свой анализ замечанием о том, что перед нами не неизвестный, а как раз очень знакомый Ленин, и те, кто знает предыдущие работы Пайпса, без труда узнают пайпсовскую характеристику Ленина, то есть человека, ответственного за революцию, за Сталина и сталинизм, являвшегося примером для Гитлера и Муссолини. Словом, новый сборник – продолжение длительного «крестового похода» Пайпса с целью демонизации Ленина[397]. Рабинович раскритиковал редактора сборника за введение, состав, комментарии, которые пронизаны «крайне враждебным» отношением к Ленину и концентрацией внимания на темных сторонах личности вождя. Те же немногие документы, которые все-таки показывают Ленина в выгодном свете, не сопровождаются никакими коммента-

[396] См.: *Lieven Dominic* // Slavic Review. Summer 1998. Vol. 57. Number 2. P. 456–457.
[397] *Rabinowitch Alexander.* Richard Pipes's Lenin // The Russian Review, 57 (January 1998). P. 110.

риями[398]. Показывая на конкретных примерах слабую информативность сборника, ставку на те документы, которые уже давно были обсуждены западными историками (в частности, стенограмма выступления Ленина на IX партконференции в сентябре 1920 года по поводу советско-польской войны, записка Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года об использовании отчаянного положения голодных крестьян для уменьшения влияния церкви, которая была выкрадена и опубликована в 1970 году в Париже, и др.), критик «ловит» составителя на тех сторонах комментариев, которые идут гораздо дальше самих документов[399].

Метаморфозы судьбы неизвестных ленинских документов дополнились отчетливой и чуть ли не массовой сменой знаков у ряда известных в застойные и даже в перестроечные времена историков, выступавших с вполне ортодоксальных марксистских позиций. Как справедливо отметил В.П. Булдаков, они вдруг сделались специалистами по большевистскому «тоталитаризму»[400], а приукрашивавшие «военный коммунизм»[401] и творческий потенциал рабочего класса, якобы преуспевшего в руководстве государством[402], теперь стали осуждать Ленина, противившегося углублению нэпа и вообще повинного во всех грехах советской системы[403].

Следует также отметить, что формирование Лениным советской политической системы в эти годы являлось главным предметом исследований Е.Г. Гимпельсона. Но по существу за очень короткие сроки он успел пересмотреть все свои прежние взгляды. Раньше он писал о том, что советское государство создавалось на основе фундаментальных ленинских принципов: полновластие Советов, все-

[398] См.: Там же. P. 112–113.

[399] Там же.

[400] См.: *Трукан Г.А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975; *Он же.* Революция, которая потрясла мир // История СССР. 1990. № 1; Ср.: *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. М., 1994.

[401] *Гимпельсон Е.Г.* «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.

[402] См.: *Гимпельсон Е.Г.* Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством. Ноябрь 1917–1920. М., 1977.

[403] *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 30, 34, 36.

мерное участие трудящихся в управлении, союз рабочего класса и крестьянства, равноправие граждан. И процесс становления однопартийной системы развивался естественным путем, то есть партия большевиков с самого начала предлагала мелкобуржуазным партиям сотрудничество на советской платформе, однако те предпочли вместе с открытой контрреволюцией вести войну против советской власти. По Гимпельсону, не любые формы выступления «антисоциалистической оппозции», но именно вооруженные определили ее судьбу, да к тому же в момент исключения правых эсеров и меньшевиков из Советов в июне 1918 года их там оставалось-то немного, да и разуверившиеся в этих партиях трудящиеся редко отдавали им предпочтение[404]. Однако в монографии «Формирование советской политической системы», опубликованной в 1995 году, тот же автор уже приводит иного рода факты, показывая, что в крупных городах, промышленных центрах эти партии продолжали иметь значительное число голосов в Советах, а большевики, опираясь на государственный аппарат, систематически подавляли своих социалистических оппонентов[405].

Безусловно, наиболее активными в переформатировании пространства истории были партийные, политические работники А.Н. Яковлев, Д.А. Волкогонов и А.Г. Латышев. Они по сути сделали всё возможное, чтобы антиленинизм стал антикультом. Уже на первых страницах двухтомника Д.А. Волкогонова «Ленин», вышедшего в 1994 году массовым тиражом, автор определил черты своего героя:

«…а) мощный, но циничный интеллект,

б) огромная сила воли в оправе безнравственности,

в) безапелляционность и нетерпимость ко всем, кто не разделяет его взглядов,

г) мышление его было сильным, гибким, изощренным, коварным,

д) Ленин был по происхождению и по сути космополитом»[406].

---

[404] *Гимпельсон Е.Г.* Влияние Гражданской войны на формирование советской политической системы. 1918–1920 гг. // История СССР. 1989. № 5. С. 4, 8.

[405] См.: *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. М., 1995. С. 47.

[406] *Волкогонов Д.* Ленин. Кн. 1. М., 1994. С. 17–18.

Затем почти сразу следовала характеристика учения Ленина: он верно вскрыл пороки человеческого бытия, но земное счастье считал возможным творить на крови, насилии, несвободе; центральная идея – создание мощной революционной организации, партия – главный элемент нового государства. Однако ленинизм потерпел историческое поражение, материализация ленинских идей привела к огромному историческому отставанию. Смысл основного постулата этой книги состоял в следующем: Ленин не был великим мыслителем, ни один эпохальный прогноз Ленина не оправдался, а это – исторический приговор для человека, которого считали гением. В двухтомнике и многочисленных выступлениях философ Волкогонов не сдерживался в определениях исторического Ленина – он «останется в памяти человеческой как Антихрист XX века, социальный еретик, основатель и проводник жестокой философии, посягнувший на вечную ценность – свободу, соблазнивший людей стадным «раем»»»[407]. А еще добавлял: «Сейчас я перечитываю его философские работы, они довольно примитивны»[408].

Волкогонов впервые опубликовал и поддельный документ о «немецких деньгах» (Т. 1. С. 220), а затем это повторил и Латышев в «Рассекреченном Ленине» (С. 95), несмотря на убедительные разоблачения В.И. Старцева.

Благодаря доктору исторических наук, профессору А.С. Кану точно установлено, что этот документ хранится в РГАСПИ (Ф. 2. Оп. 2. Д. 226). В журнале «Вопросы истории» (1998. № 1. С. 174–175) в письме в редакцию «Еще раз о публикации документов» Кан написал: «Интересуясь тем же вопросом, я в первый же приезд в Москву, в сентябре 1997 г., заказал и получил указанное Латышевым пухлое дело (Оп. 2. Д. 226). Там оказались фотокопии машинописных выдержек из так называемых документов Сиссона. Их хранили ради собственноручной ленинской пометы «В архив»».

[407] Там же. Кн. 2. С. 431; См. также работы коллеги Волкогонова Э.Л. Розина: «Ленин – организатор государственного террора» (Братислава, 1994) и «Ленинская мифология государства» (М., 1996).

[408] Там же. С. 10, 12–14, 27–28, 34.

Вот этот датированный 16 ноября 1917 года документ на бланке Народного комиссара по иностранным делам с грифом "совершенно секретно":

"Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об "измене" товарища Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, включающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина. Уполномоченные народным комиссаром по иностранным делам

Е.Поливанов

Г.Залкинд". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д. 226).

Документ о «немецких деньгах»

Общественная и сугубо научная реакция, которую вызвала книга Волкогонова, сразу приобрела самостоятельное значение. Одной из первых попыталась упредить характер обсуждения известная диссидентка Дора Штурман. «Либеральный» поворот Волкогонова в подходе к Ленину она попыталась объяснить вполне «реально-политическими» соображениями. Правда, она оспорила утверждение Волкогонова о том, что духовная и политическая деятельность Ленина не могла быть распознана в СССР. По мнению Штурман, новые документы в принципе не изменяют облик Ленина. Согласно ее интерпретации, Волкогонов, изображающий себя «сталинистом-

идеалистом», пытается завуалировать то, что он и сам способствовал сокрытию от публикации упомянутых документов о Ленине и Сталине. Штурман цитирует множество ранее опубликованных в СССР документов, из которых однозначно выясняется, что во время Гражданской войны Ленин крайне последовательно применял средства террора и использовал такую форму массовых репрессий, как взятие заложников. Если кто-то «с мнимой наивностью утверждает, что узнал об этом лишь в наши дни, то вряд ли это может быть принято всерьез»[409].

Что касается первой реакции на книгу Волкогонова в России, то обозреватель «Комсомольской правды» А. Монахов с неприкрытой иронией писал о том, что, оказывается, «Ленин всю жизнь был тунеядцом и жил на чужие деньги, никогда не любил русских… Основная идея автора такова: Ленин не был ни гением, ни богом. И если второе относится целиком к области теологической и какому-либо научному опровержению не поддается, то первая посылка («Ленин не был гением») принадлежит области филологической. Проблема заключается всего лишь в выборе правильного эпитета, который (выбор) целиком зависит от личных симпатий говорящего. Из ряда «гениальный, великий, крупнейший революционер XX века» Волкогонов выбирает последнее определение и доказывает верность своего предпочтения на протяжении двух томов». Далее рецензент обратил внимание на тенденциозность художественного оформления произведения. Если первый том украсила традиционная фотография «мудрого вождя, благодетеля народов», то на обложке второго тома было помещено изображение «полубезумного революционера незадолго до смерти». Видимо, такой, делается вывод, была «эволюция взглядов Волкогонова по отношению к объекту описания»[410].

Через месяц в спор включился Леон Оников: «Когда лают на слона, он кажется более великим». Подробно разобрав основные сюжетные линии, автор пришел к следующему выводу: «Несмотря на

[409] См.: *Штурман Д.* Московские новости, которые не стареют // Новое русское слово (New York). 1993, January 29. С. 7.

[410] См.: Комсомольская правда. 1994, 25 июня.

шумный анонс, гора, как говорится, родила мышь. К тому же очень серую и опасную». Что же касается первоисточников, которыми так кичился генерал, то, по мнению Оникова, даже арифметически доказывается «бесчестность Волкогонова, а его угроза низвергнуть Ленина какими-то замурованными, неведомыми доселе документами, рассчитана на простачков». Рецензент взял главы, относящиеся непосредственно к Ленину, его деятельности в «период революции и Гражданской войны», и показал, что из 520 ссылок на архивные источники неопубликованных только 152, а давно опубликованных, известных – 368. Причем в число «неопубликованных» попали записка Ю.В. Андропова в ЦК от 1975 года о сносе дома Ипатьева в Свердловске (причем тут Ленин?), доклад Берия Сталину 1949 года о высылке из Закавказья «всяких турков» в Сибирь, бытовые детали о ремонте квартиры Ленина, частота его пульса после ранения и другие подобные банальности. Таким образом, новые документы, которые были вынесены на свет Волкогоновым, получившим доступ к ним на правах «придворного летописца», ничего принципиально нового к облику Ленина не добавляют. Оников обвинил автора даже в безнравственности, сказав об «откровенно злобной тональности» книги, о позорной трактовке «кровей» и др. Словом, «прикидываясь верующим», Волкогонов «на деле поступает как антихрист. Христианин не может так поступать»[411].

В пространных рассуждениях для американского журнала The Nation Рой Медведев также подчеркнул непосредственную связь между «наивным морализирующим тоном» биографии Ленина и политической функцией Волкогонова, когда тот являлся военным советником Ельцина и был одним из руководителей вооруженного разгрома российского парламента, а также вместе с Р. Пихоя и Н. Покровским возглавлял правительственную комиссию по рассекречиванию архивных документов[412]. В этом же журнале, в том же номере, выступил и профессор Колумбийского университета Марк

[411] См.: Правда. 1994, 20 августа.
[412] См.: *Medvedev R.A.* In the Lenin Archive // The Nation. 1995, January. P. 134–137.

ван Хаген, показавший происхождение волкогоновской биографии Ленина из атмосферы холодной войны:

> «Истории Волкогонова и Пайпса немного отличаются от более враждебной ориентации поколения холодной войны, однако идеологически эти два автора, может быть, даже грубее своих предшественников»[413].

В.П. Булдаков обратил внимание на то, что, доказывая многие черты политического поведения Ленина, Волкогонов ломится в открытую дверь. То, что ленинизм несовместим с парламентской политической культурой, было ясно давно, тем более, что и сам Ленин этого не скрывал. Булдаков предложил анализировать другую сторону проблемы, другую «загадку большевизма», которую почему-то почти никто не видит:

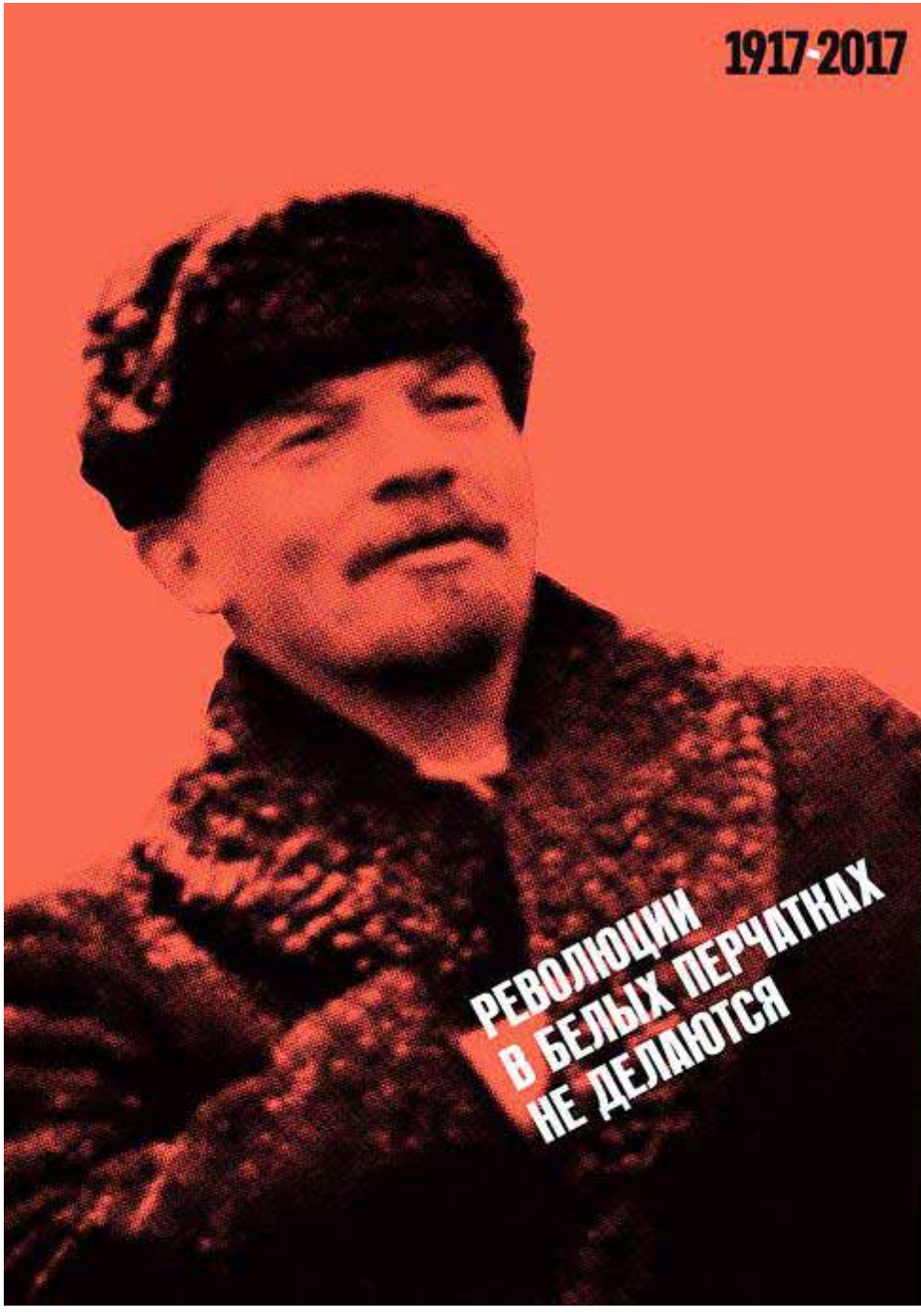
> «Почему Ленин как сторонник европеизации России и проповедник доктрины европейского социализма оказался изоморфен ходу и логике российской «смуты»? Почему этот на долгие годы оторванный от России политик стал харизматической фигурой?»[414].

И Ленин, и Троцкий с самого начала полагали, считает и этот оппонент Волкогонова, что революцию нельзя делать в белых перчатках – и у того и у другого это была не апология аморализма, а готовность взять на себя «грех» революционной эпохи. Историки упорно не замечают этого, и вообще мало кто отваживается соблюсти по отношению к ним беспристрастность, понять, что «мы имеем дело не просто с палачами, а скорее с героизированными жертвами излома большого исторического времени». В период своего становления большевизм проявил себя через критику экономических противоречий старого строя. И в главном большевистские идеологи

---

[413] См.: *Hagen Mark von.* Afterword // Там же. P. 137–138.

[414] *Булдаков В.П.* Историографические метаморфозы «красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 196. Как отмечает А.А. Майсурян, негативное отношение Ленина к буржуазному парламентаризму определялось тем, что «парламентские учреждения вроде Учредительного собрания не выдерживали раскаленной атмосферы общественной борьбы и лопались в ней по швам». См.: *Майсурян А.А.* Другой Ленин. С. 287.



Плакат «Революции в белых перчатках не делаются». Худ. Н. Брагина

оказались правы: хозяйственное состояние общественного организма вошло в противоречие с социальными надеждами и требованиями народа. Но в практической деятельности «победители» старого строя продемонстрировали себя утопистами. В деятельности Ленина «легко обнаружить черты догматика и политического фантазера, бесстрастного «врачевателя» больного общества и эмоционального проповедника». Не всем исследователям за редкими исключениями[415], по мнению Булдакова, это «соединение несоединимого» удается увидеть и понять. Автор показывает это на хрестоматийных штампах.

К примеру, обычно ленинские надежды на «ум, честь и совесть эпохи» подлежат осмеянию. Но эта формулировка скрывала за собой отчаяние радикального западника перед неспособностью тогдашней европейской демократии избавить человечество от ужасов войны и склонностью парламентских партий к карьеристскому перерождению. Участь насмешек сопровождает ленинскую «кухарку», которой надо было научиться «управлять государством». Сегодня же всё более очевидно, что без развитой способности к самоуправлению и контролю над «верхами» современное общество становится плутократическим источником всеобщей опасности. Странная судьба и у лозунга «учиться коммунизму». Но если признать, что история – обучающий процесс, а не поле политиканствующего морализаторства, то придется согласиться с тем, что указание Ленина на необходимость овладения всем культурным богатством прошлого – это вовсе не специфически коммунистический, а естественный общечеловеческий лозунг, подсказанный скорее не Марксом, а системой классического образования.

Между прочим, Ленин никогда не говорил, что каждая кухарка должна управлять государством. Он лишь говорил о необходимости готовить кадры для управления из неимущих слоев населения в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», опублико-

[415] См.: *Коган А.И.* Большевистские вожди: к вопросу об интеллигентности и прагматизме // Октябрь 1917 года: вопросы истории. Нижний Новгород, 1993; *Ильясов Ф.Н.* Большевизм: норма или отклонение? // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66. № 1.

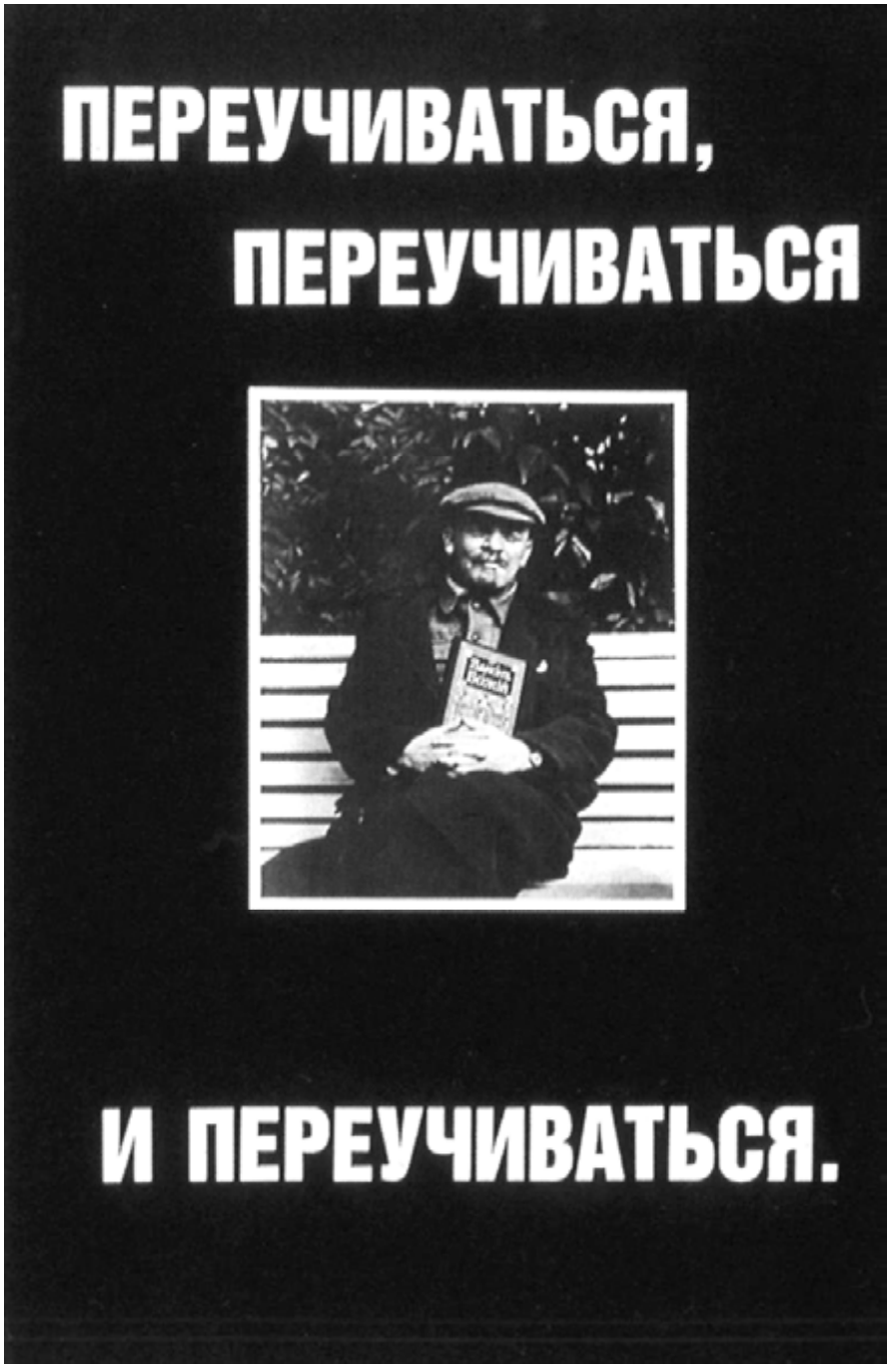
ванной 1 (14) октября 1917 года: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. И в этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось созидательными рабочими и солдатами и чтобы начато было немедленно, то есть к этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту». Как легко убедиться, смысл действительно написанного Лениным прямо противоположен смыслу той фразы, которую ему обычно приписывают недоброжелатели: «Любая кухарка может управлять государством».

Булдаков заключал:

> «Большевизм – это вовсе не грандиозный исторический обман, а достаточно обычный для XX в. самообман, который стал источником не преодоленного до сих пор иллюзорного исторического сознания. Лидеры большевизма, путая временную конъюнктуру с ведущей тенденцией, полагали, что идут столбовой дорогой человечества, а тем временем загоняли Россию в тупик имперской автаркии и государственного индустриализма архаичнейшего типа. Они же, думая, что ведут борьбу за мировую революцию, выступали генераторами обычного для России «смутного времени». Надеясь на самый «передовой» и высокоморальный класс, большевики на деле идейно вооружили маргиналов и социальных аутсайдеров. Наконец, полагая, что пробуждают «разум» наиболее сознательной, но малочисленной части общества, большевики на деле высвободили подсознание традиционалистской и численно преобладающей массы населения»[416].

Для венгерского историка Тамаша Крауса книга Волкогонова стала своеобразным плодом исторической публицистики, где не соблюдаются никакие законы исторического исследования, а порой и

[416] *Булдаков В.П.* Историографические метаморфозы «красного Октября». С. 197.



Плакат «Переучиваться, переучиваться и переучиваться!» Худ. Ю. Молотковец

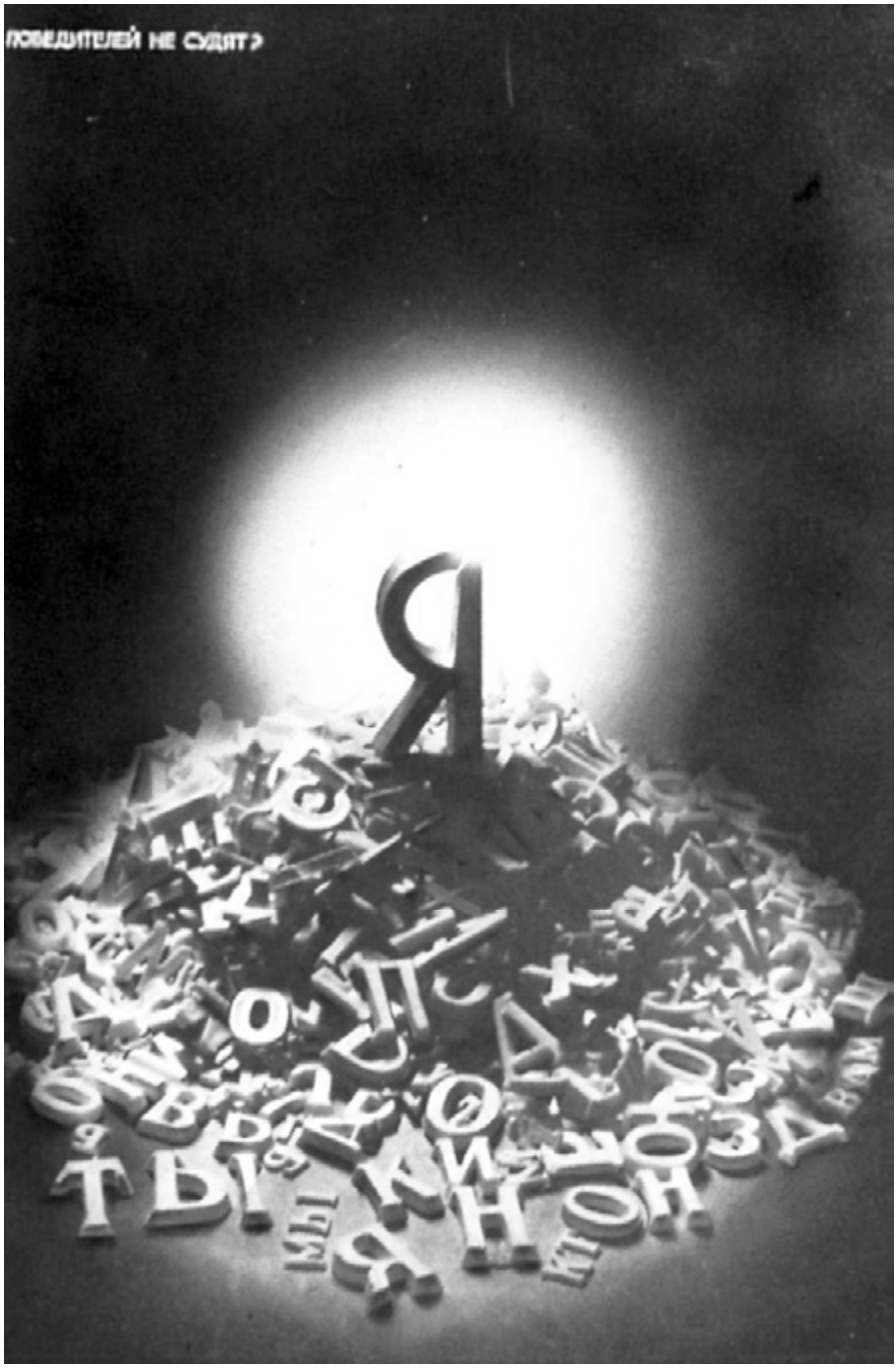
элементарной логики и где Ленин – лишь предлог для пропаганды автором своих «демократических» политических взглядов. Такой «поворот» в лениниане «является и проявлением исторически обусловленного психологического замешательства, в котором сложные русские (и не только русские) феномены «прозрения», «обращения», «покаяния», «грехопадения» и «отпущения грехов» смешиваются с соблазнительными «стимулами», идущими из сферы современной политики и рыночной конъюнктуры. «Защита» Волкогонова ссылкой на обнаружение множества новых документов, например, о деятельности Ленина во время Гражданской войны, не представляется убедительной для оправдания сделанного им духовного поворота»[417].

Пожалуй, самый обстоятельный разбор книги «Ленин» проделал Н.И. Дедков. Спокойно и обстоятельно, без привнесения какого-либо идеологического контекста он проанализировал замысел и методологию исследования генерала, структуру, композицию и способы аргументации, словом, всё то, что является свидетельством профессионального уровня любой исторической работы. Книга Волкогонова, отметил Дедков, по сути дела, представляет собой длинный мелочный счет, выписанный Ленину. Всё включено – и «картежная терминология», и «заразительный пример», и преступления Сталина, и застой времен Брежнева. Всё негативное, отталкивающее в истории советского государства, что только можно было найти, собрано, подсчитано и вменено в вину Ленину. И не беда, что для доказательства причастности Ленина ко всем бедам России не хватает фактов – аргументы подменила пламенная речь уверенного в собственной правоте «патриота-демократа». И «стиль выбран соответствующий: вычурный, с претензией на красивость и, одновременно, на философскую глубину… Избери автор традиционный научный стиль – и вся его беспомощность как историка тотчас вышла бы наружу»[418].

---

[417] *Краус Тамаш.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917–1928. Будапешт, 1996. С. 16–17.

[418] *Дедков Н.И.* «Как я документально установил», или «Смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 137.



Плакат «Победителей не судят…» Худ. И. Резников, С. Васильев

Дедков понимал, что официальные биографы советского периода были не более объективны, чем Волкогонов, но принудительная сила господствующей идеологии не позволяла им писать иначе. Однако почему сейчас создаются подобные книги? Ответ предлагается искать в плоскости выгоды – выгоды решать не научные задачи, а внедрить в сознание людей некоторые идеи, важные для власти. И подтверждением этому является тот факт, что на какое-то время общий историографический процесс стал сильно осложняться попытками узаконить как официальный волкогоновский подход к Ленину и революции.

5 ноября 1994 года в Москве при непосредственной поддержке президента РФ и правительства Москвы прошла научно-практическая конференция «Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России». В обсуждении доклада главы администрации президента РФ С. Филатова приняли участие А. Яковлев, Д. Волкогонов, А. Емельянов, В. Костиков, Ю. Карякин и др. Их речи имели сугубо обличительный по отношению к Ленину и большевизму характер. Призыв академика П.В. Волобуева оставаться на позициях науки был просто-напросто проигнорирован. Спустя год материалы конференции были изданы под тем же названием, что и конференция[419] и самым серьезным образом проанализированы Евгением Плимаком. Отметим лишь некоторые места в анализе проблемы, которые обнаружили слабость позиции авторов сборника. Прежде всего, речь идет о центральном тезисе А. Яковлева и А. Салмина о том, что Россия благодаря стараниям Ленина зашла «не туда» в 1917 году и большевики столкнули страну со «столбовой дороги цивилизации», «универсального мирового пути развития»[420]. Это утверждение Плимак легко снимает тезисом об историческом тупике, в котором оказался весь «цивилизованный» Запад и такие его ведущие политики, как Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж, вступив в Первую мировую

[419] Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. М., 1995.
[420] См.: Там же. С. 16, 58.

войну, за которой последовали версальский передел мира, «Великая депрессия» 1929–1933 годов, наконец, Вторая мировая война[421].

Октябрьская революция выросла не из ленинской «неуемной жажды власти», как утверждает Яковлев, и не из робеспьеровско-ленинской «похоти власти», как говорит Волкогонов[422], а из бездеятельности Временного правительства, как поначалу буржуазного, так и последующего коалиционного, которое ни в одном пункте не пошло навстречу народным требованиям мира, земли, хлеба. К величайшему сожалению, из-за привычных в России дрязг социалистов страна не увидела однородное социалистическое правительство. Учредительное собрание, отказавшееся признать декреты советской власти, большевики просто разогнали. Блок большевиков с левыми эсерами не выдержал Брестского мира, продовольственной политики большевиков. В России началась круговерть Гражданской войны[423].

В 1990-е годы Ленина обвинили в убийстве царской семьи и адмирала А.В. Колчака, бывшего верховного правителя России. Как отмечали В.А. Перфилов и В.М. Костягина, одной из наиболее распространенных фальшивок, навязанных общественному мнению, является утверждение, что В.И. Ленин был инициатором расстрела царской семьи. Несмотря на ее широкое распространение, нет ни одного документа, подтверждающего это. Обвиняя Ленина, необходимо исходить, прежде всего, из презумпции невиновности, строго придерживаться документов, подвергать сомнению свидетельства людей, не являвшихся очевидцами. Сегодня главный обвинительный документ в адрес Ленина – это строчки из «Дневника в изгнании» Льва Троцкого. На вопрос Троцкого, кто решал вопрос о расстреле царской семьи, Свердлов якобы ответил: «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях. Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было

[421] *Плимак Евгений.* Современные споры о Ленине // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 84–85.

[422] Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. С. 16.

[423] *Плимак Евгений.* Указ соч. С. 85.

не только целесообразно, но и необходимо». Как считал А. Латышев, Троцкий здесь лгал. В ответ на запрос копенгагенской газеты National Tidente: «…здесь ходят слухи, что бывший царь убит. Пожалуйста, сообщите фактическое положение дел», – В.И. Ленин 16 июля 1918 года послал телеграмму в редакцию газеты на английском языке: «Копенгаген. Слух неверен, бывший царь невредим, все слухи – только ложь капиталистической прессы. Ленин».

Текст телеграммы многие историки трактовали тогда однозначно: Ленин не предполагал возможности расстрела Николая II (не говоря уже обо всей семье). Приводилось и другое доказательство стремления Ленина сохранить жизнь узникам. Это телеграфная связь, которую он поддерживал с тогдашним командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом Р. Берзиным. В монографии Энтони Саммерса и Тома Менголда «Досье на царя» приводилась телеграмма Берзина Ленину от 27 июня 1918 года. В ней главком информировал, что 21 июня он проинспектировал Ипатьевский дом: Николай II жив, и все сообщения о его гибели – чистая провокация. Три телеграфиста с екатеринбургского почтамта подтвердили созданной по приказу Колчака комиссии Соколова переданные Лениным слова, когда тот связывался с Берзиным по прямому проводу: «Взять под свою охрану всю царскую семью и не допускать каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае своей собственной жизнью»[424]. Активный участник тех событий уральский чекист М.А. Медведев (Кудрин) оставил воспоминания, которые также не привлекаются исследователями. Он свидетельствовал: «Вернувшемуся из Москвы в Екатеринбург Ф. Голощекину не удалось получить от Свердлова санкции на расстрел царя. Ленин, несмотря на все попытки Свердлова, приводившего доводы Голощекина об опасности эвакуации царя из Екатеринбурга, настаивал, что нужно перевести царскую семью в безопасное место. И Свердлов вынужден был сказать на прощание Голощекину: «Так и скажи, Филипп, товарищам – ВЦИК официальной санкции на их расстрел не дает»»[425].

[424] *Summers Anthony, Mangold Tom.* The File on the Tsar. London, 1977. P. 27.
[425] Ленинизм и Россия. Екатеринбург, 1995. С. 52–53.

Необходимо обратить внимание на то, что дневниковая запись Л.Д. Троцкого об убийстве царской семьи была сделана 9 апреля 1935 года, то есть почти 17 лет спустя после этого события. Естественно, память могла подвести Льва Давыдовича. Хотя ошибки могли скорее касаться даты, когда он узнал о расстреле царской семьи (согласно протоколу от 18 июля 1918 года, он присутствовал на заседании Совнаркома, когда было объявлено о расстреле царской семьи, тогда как в дневнике Троцкий утверждал, что узнал о судьбе царской семьи уже после падения Екатеринбурга, оставленного Красной Армией 25 июля и занятого Народной армией Комитета Учредительного собрания и чехами 28 июля 1918 года). В то же время расстрел царя для Троцкого был знаковым событием. Ведь он собирался выступить главным обвинителем на планировавшемся процессе над Николаем II. Поэтому для Троцкого решение Ленина расстрелять царскую семью (если оно действительно состоялось) имело большое значение и должно было запомниться на всю жизнь. В то же время приписывать Ленину инициативу в убийстве царской семьи Троцкому как будто не было очевидных резонов. Если Троцкому действительно сообщил о решении Ленина расстрелять царскую семью Я.М. Свердлов, теоретически можно предположить, что приказ о расстреле отдал сам председатель ВЦИК, без ведома Ленина, а потом в разговоре с Троцким возложил ответственность за расстрел царской семьи на председателя Совнаркома. Однако подобная версия представляется маловероятной, поскольку Троцкий сам мог завести с Лениным разговор об обстоятельствах расстрела царской семьи, и тогда обман Свердлова раскрылся бы.

Но и телеграмма Ленина в Копенгаген, так и не отправленная по адресу из-за отсутствия связи, сама по себе не является однозначным свидетельством непричастности Ленина к гибели царской семьи. Даже если бы Ленин в тот момент уже принял решение о расстреле последнего русского царя, он не мог объявить о нем раньше, чем расстрел состоялся, и до официального опубликования информации об этом в России. Тем более что телеграмма вообще могла составляться «для истории», чтобы доказать, что Ленин не был в

курсе планов расстрела царской семьи. Точно так же и слова Медведева о том, что Свердлов сказал Ф. Голощекину, что ВЦИК официальной санкции на их (царя и его семьи. – *Авт.*) расстрел не дает, не могут быть бесспорным доказательством непричастности Москвы к расстрелу. Ведь могла быть и неофициальная санкция – вы расстреливайте как бы от своего имени, а мы потом ваши действия публично одобрим. И так и произошло в действительности. А вопрос о том, получили ли руководители Екатеринбурга тайный приказ из Центра о расстреле царской семьи, в то время так и остался открытым.

Анафема или критика?

Несмотря на противодействие новой власти, продолжался выход книг, в которых проблемы ленинизма рассматривались в сугубо научном ключе. В частности, ему следовали екатеринбургские авторы сборника «Ленинизм и Россия», изданном на Урале в 1995 году, которые провозгласили для себя следующую установку: «Большевизм нуждается в имманентной критике, а не в предании анафеме»[426]. Авторы пытались осмыслить марксизм как результат взаимоувязанного развития русской и западноевропейской культуры XVIII–XIX веков и диалогического характера их взаимодействия[427]. Но вот что примечательно. Если философы из Екатеринбурга пытались спокойно и критически переосмысливать ленинское теоретическое наследие, оставляя многие вопросы открытыми для дальнейшей дискуссии, то для ряда авторов философской учебной литературы, по которой в обязательном порядке обучалось российское студенчество, всё было ясно: Маркс создал социальную философию марксизма, Ленин усугубил ее недостатки, а их последователи крайне вульгаризировали эту теорию, превратив ее в разновидность религиозной веры, чем и довели до глубочайшего кризиса[428]. Не так грубо, но в том же русле

[426] Там же. С. 241.
[427] Там же. С. 112–115, 125, 146, 157–158, 263, 270, 271–274.
[428] *Островский Э.В.* Основы философских знаний. М., 1998. С. 101; *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии. М., 1996. С. 430.

рассматривалась роль Ленина и его сторонников в развитии исторической науки. А.А. Овсянников предложил отказаться видеть в ленинизме образец исторического исследования и полагал, что «прежняя историография» проблемы «исчерпала себя». Ленин не был историком, и для него обращение к историческим фактам являлось средством политической борьбы. Главное противоречие работ Ленина состояло, по мнению Овсянникова, в том, что он не смог согласовать в своих трудах соотношение научности и партийности[429].

Попытки перевести дискуссию о Ленине и его наследии в конструктивное русло предпринимались многими зарубежными учеными, не воспринявшими, судя по всему, конъюнктурного стремления свести всё к бессмысленному разоблачительству. Зарубежные исследования после 1991 года пополнялись в первую очередь работами теоретического характера. Поиску «русских корней ленинизма» было посвящено исследование французского историка Клаудио Серхио Ингерфлома. Изначально 17-летний Ленин, по его мнению, мог быть на мамом деле «только приверженцем аполитичного народничества», унаследованного с 1870-х годов и делавшего ставку на крестьянство, «коммунистическое» по своей природе, или «либералом, испытывавшим ужас перед террором, убежденным в возможности изменить самодержавное устройство путем мирных реформ», или же «зрелым марксистом, продвинувшимся в вопросе о тактике социал-демократов дальше самого Плеханова и выработавшим уже совершенно самостоятельно альтернативу, которую будущая РСДРП противопоставит социалистам-революционерам (эсерам) XX века»[430].

Известно, что в западной историографической традиции было принято делать акцент на непосредственной преемственности ленинизма и русской антидеспотической мысли. Ингерфлом наоборот стремился показать сложность их взаимоотношений. Можно тезисно перечислить сущностные черты этих взаимоотношений. Ленин, как и Чернышевский, опирается на теорию самодержавия, разработанную

[429] *Овсянников А.А.* Эпоха в советской исторической науке: В.И. Ленин // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 52–78.

[430] *Ингерфлом К.С.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993. С. 231–232.

революционными демократами. Государство в ней – это система, организующая социальное пространство и держащее его в плену «иерархии деспотизма», которая связывает всех подданных индивидуально. Невозможность действовать против этой системы двояким образом вписывается в ее структуру. Если каждый является деспотом-и-подданным другого, то, следовательно, трудно установить групповые интересы тогда, когда горизонтальная солидарность и социальные противоречия не проявляются. Само общество не сформировалось, следовательно, не сформировались и его классы, поскольку они остаются группами людей, определяющимися экономически, но не имеющими выраженной политической общности. Самодержавие, препятствуя политическому формированию общественных классов, одновременно делает невозможной классовую борьбу. В смысле перспективы деятельности, направленной против системы, роль социальных категорий стушевывается перед ролью отдельных людей. Но эта многовековая «деспотическая иерархия» не может не наложить своего отпечатка на самих людей: ««разложение человеческой личности» и «обезличивание» характеризуют страну «безликих» людей, способных лишь замкнуться в вертикальной зависимости. Эти люди своим положением деспота и подданного друг друга обеспечивают всевластие государства и устойчивость системы[431].

Как писал Ингерфлом, Ленин и революционные демократы придерживались той позиции, что «естественное» течение русской истории не способно разрушить данную систему. Кто же в этом случае может стать точкой опоры в борьбе с системой «деспот–подданный–деспот»? «Внесистемные» элементы – отщепенцы, те, кто индивидуально вырвался из системы. Так отвечают русские демократы, начиная с Герцена. «Новые люди», достаточно многочисленные, способны составить демократический круг и, таким образом, прообраз общества. Расширение этого круга является способом скорректировать стихийность истории и цивилизовать Россию. У Ленина этот новый социальный круг людей называется партией. Она призвана внести политическое сознание во все слои русского общества и

[431] Там же. С. 233–234.

сформировать социальные классы. «Таково свидетельство, – подчеркивает автор, – о рождении ленинизма: противостоять стихийности истории, создание иной истории путем внесения политики… Большевистская партия первоначально построена как инструмент, способный исправить «недостаточность» этой истории»[432].

Но на этом сходство ленинского проекта преобразования России с наследием Чернышевского заканчивается. По Чернышевскому, борьбу с самодержавием должны вести две категории лиц: «новые люди» – аналог западных граждан, социалистов, – проникнутые демократической политической культурой, и подчиненные «новым людям» люди «особенные» (то есть «рахметовы») – профессиональные революционеры, использующие в борьбе против самодержавия все диктуемые обстановкой деспотизма методы. Иными словами, лица, котрые сами обладают деспотическими задатками. У Ленина же «особенный человек», будучи выдвинутым в качестве прототипа «нового человека», является и прототипом нового общества. «Нового человека» от «особенного человека» отличало именно наличие личной жизни, необходимой для него. У «особенного человека» она отсутствует, поскольку он ее смешивает с тем, что считает общим делом. Сведение «нового человека» к «особенному человеку», произведенное Лениным с соответствующим вытеснением личной жизни, стало затем одной из главных линий господствующей идеологии, что привело к известным последствиям. «Что делать?» Ленина ретроспективно предстает, по мнению Ингерфлома, в качестве сценария последующей трагедии. К его стремлению, которое подкреплено «наукой», навязать обществу направление развития добавляется отказ от личной жизни[433].

Восполнить очевидные пробелы в изучении ленинской мысли попытались Кевин Андерсон в книге «Ленин, Гегель и западный марксизм: критическое изучение»[434] и Нейл Хардинг в монографии

[432] Там же. С. 240.
[433] Там же.
[434] См.: *Anderson Kevin.* Lenin, Hegel, and Western Marxism: A Critical Study. Urbana, University of Illinois Press, 1995. Отметим, что автор, тщательно изучив пометки Ленина, подчеркивает величайшую скрупулезность и тщательность прочтения им Гегеля.

под кратким заголовком «Ленинизм»[435]. В отличие от названных авторов, в двухтомной биографии Ленина Луиса Фишера (переведена и издана в России в 1997 году) и трехтомной биографии, написанной профессором Лондонского университета Робертом Сервисом[436], была сделана попытка преодолеть тенденцию, которая преподносила Ленина по «кусочкам», отделяя политическую мысль от политической деятельности и постоянно вычленяя то и другое из более широкого исторического контекста[437].

Начиная с 1991 года, происходил пересмотр знаковых и в то же время хрестоматийных для ленинской политики событий – Брестского мира, «военного коммунизма», новой экономической политики. В фундаментальной монографии Ю. Фельштинского «Крушение мировой революции» самым подробным образом рассматривалась история Брест-Литовского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 года советским правительством со странами Четверного союза. Известно, что он вызвал серьезный политический кризис: одни в ленинском окружении утверждали, что Брестский мир – это удар в спину германской революции, другие – что это предательство России и ее союзников. Для Фельштинского, в отличие от установившейся позиции в нашей историографии по этой проблеме, и те и другие, каждые по-своему, были правы. «Вопрос об эволюции взглядов Ленина после его прихода к власти в октябре 1917 года, – отмечает автор во введении к книге, – и о тех целях, которые Ленин ставил перед собой до и после переворота, является, видимо, основным при изучении истории Брестского договора и связанного с ним более общего вопроса: о мировой революции»[438].

Однако Фельштинский сразу же предложил вывод, который будет обосновывать на протяжении всего своего исследования: «Можно

---

[435] *Harding Neil.* Leninism. Durham, Duke University Press, 1996.

[436] См.: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2-х т. Пер. с англ. М., 1997; *Service R.* Lenin: A Political Life. London, 1985, 1990, 1995; *Idem.* Lenin: A Biography. London, 2010. Vol. 1–3.

[437] См. также об этом: *Эктон Э., Гэтрелл П.* Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 38–39.

[438] *Фельштинский Юрий.* Крушение мировой революции. Очерк первый: Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. London, 1991. С. 7.

утверждать, что Ленин всю свою сознательную жизнь вел борьбу и начиная примерно с 1903 года – борьбу за власть. Труднее ответить на вопрос, нужна ли была ему власть для победы революции или же революция виделась средством для достижения власти». Но в любом случае для этого автора очевидно, что без понимания психологии и целей Ленина невозможно понять русскую революцию, так как без него, «человека с маниакальным мышлением… гениального тактика политической борьбы», партия большевиков не стала бы ведущей социалистической группировкой[439].

Другой проблемой, вокруг которой не затихали дискуссии, являлась проблема «Ленин и «военный коммунизм»», и главное в ней – тема об изначальной военно-коммунистической направленности политики большевиков. С.А. Павлюченков считает, что весенняя политика связана с ноуменальным существованием «Очередных задач Советской власти». Этот исследователь ставил вопрос: зачем советской историографии требовалось культивирование «Очередных задач» в особую статью начального периода большевистской власти? И не утруждая себя особыми доказательствами, игнорируя факты, которые не укладываются в его изначальную установку, отвечает: «для обоснования принципиального тезиса о том, что неприглядный «военный коммунизм» был вызван к жизни Гражданской войной, а не наоборот», чтобы «в конечном счете переложить всю ответственность за войну на контрреволюцию»[440]. Весьма странным выглядел его спор с авторами статей о «военном коммунизме», вышедших в 1990–1991 годах и якобы попавших в «ловушки» «Очередных задач Советской власти». Эти авторы утверждали, что мирная передышка весны 1918 года и заключение Брестского мира позволили Ленину сделать первый черновой набросок долговременной экономической и политической программы, соединяющей устремленность к социалистическим целям с грубой прозой реальной действительности.

Павлюченков намеренно опустил весь подробный строй аргументов своих оппонентов, которые на основе обстоятельного рассмот-

[439] Там же.

[440] *Павлюченков С.А.* «Военный коммунизм» – в плену большевистской доктрины // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 225.

рения множества фактов сделали ряд заключений о том, что «тенденция распространения уравнительных «военно-коммунистических» мер из сферы потребления в сферу производства по сути дела блокировалось установкой Ленина на восстановление сдельных форм оплаты труда», что идея поголовного объединения населения в потребительские коммуны блокировалась достигнутым весной 1918 года компромиссом с руководителями кооперации, что ленинский проект партийной программы, в котором предполагалось «тотальное огосударствление всех сторон общественной жизни», перечеркивал эти аргументы замечанием: «Надо ли преувеличивать значение такого рода программ?» При этом он заключил, что товарообмен весны 1918 года явился «мерой весьма далекой от будущей продовольственной разверстки»[441]. Павлюченков противопоставлял оппонентам цитату М.И. Фрумкина о том, что «вся постановка товарообмена исключала возможность проведения государством товарообменных операций». Но почему, из-за чего – никак не объясняется, равно как и почему А.И. Свидерский 27 апреля в выступлении на сессии московских продовольственников сообщил о серии готовящихся проектов по организации крестьянской бедноты, в то время как (по мнению оппонентов) до взятия немцами и гайдамаками Ростова и перекрытия каналов продовольствия с юга России Ленин ни о какой продовольственной диктатуре речи не вел. Проведя полемику таким странным образом, Павлюченков в итоге всё же подчеркнул: в чем, безусловно, правы авторы, так это в том, что «остановить Гражданскую войну было нельзя», так как «порожденная социальными противоречиями царизма и войной разруха рано или поздно толкнула бы город на деревню»[442].

---

[441] *Булдаков В.П., Кабанов В.В.* «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 45; *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 52, 55, 56–57. Павлюченков почему-то не замечает принципиальной работы критикуемых авторов: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Историческая развилка весны 1918 года // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8–9.

[442] См.: *Павлюченков С.А.* «Военный коммунизм» – в плену большевистской доктрины. С. 228.

Что касается нэповского периода, то здесь любопытна попытка историка-экономиста Сергея Цакунова модифицировать ленинскую доктрину. Он показал, как под воздействием реальностей нэповского общества ленинское окружение вынуждено было изменять официальную доктрину и как последняя воздействовала на принятие ключевых экономических решений. Автор соединил в своем анализе три подхода: доктринальный, когда изучаются публичные высказывания политических лидеров по тем или иным стратегическим вопросам, политологического, когда принятие тех или иных политических решений рассматривается с позиции взаимодействия интересов основных «играющих» на политическом поле социально-политических групп, и социологического, когда производимые коррекции доктрины рассматриваются с точки зрения «обратной связи» от «низов» к «верхам»[443]. Было предложено зафиксировать следующий вектор эволюции большевистской доктрины – до сталинской концепции социализма в одной стране: уже осенью 1922 года у Ленина, как и у Бухарина, рождаются «элементы теории социализма «особого рода»», «государственного социализма». При таком строе на основе синтеза государственной собственности и власти, на базе предпосылок, созданных, с одной стороны, высоким уровнем органического строения капитала, требующего государственного вмешательства в экономическую жизнь, а с другой стороны, являющихся результатом специфических «азиатских», «восточных» этатистских императивов, возникает особый правящий слой. Он вовсе не является функцией от потребностей «возрождающейся буржуазии», равно как и пролетариата, а есть «вещь в себе и для себя». Он не «перерождается» под влиянием импульсов, идущих из сферы «гражданского общества», а наоборот, «перерождает», подминает под себя последнее[444].

[443] *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 9.
[444] Там же. С. 106–107.

Личностные детерминанты биографии

Главной тенденцией переформатирования всех пространств в изучении Ленина стало возвращение его личности и биографии в конкретную историческую эпоху. Тон задали работы профессоров Принстонского и Веслеанского университетов Роберта Такера и Филиппа Помпера и московского философа Елены Шестопал. Все они придерживались следующей исходной позиции: в конкретных ситуациях люди ведут себя отнюдь не в соответствии с требованиями общественного производства, но в зависимости от своего культурного уровня и соотносящегося с ним видения мира, психологического склада и состояния, стиля мышления и подсознательных импульсов, существенно влияющих на их реакцию и поступки. Личность может играть значительную роль в истории не только тогда, когда она более или менее адекватно выражает (или стремится выражать) интересы масс, но и тогда, когда руководствуется сугубо абстрактными идеями и идеалами, а иногда и вовсе только своими собственными интересами и амбициями, которые рационально могут даже не сознаваться ею самою[445].

Помпер считал, что личность Ленина формировалась под постоянным воздействием его собственных волевых усилий. Он «выстраивал свою идентичность» в непрестанном борении с самим собой, жизненными коллизиями и людьми. Нравственный императив семьи Ульяновых, провозглашавший жертвенное отношение другим в качестве высшей добродетели и долга, формировал в детях чувство внутренней раздвоенности, поскольку самопожертвование вовсе не соответствовало самой природе детского характера[446]. Хрестоматийно известная реакция Ленина на смерть брата Александра и других членов семьи обнаружила в нем способность, ставшую затем принципиальной чертой его стиля политического поведения: без колебаний отвергать «сентиментальную приверженность к прошло-

[445] *Pomper F.* Lenin, Trotsky and Stalin: The Intelligentsia and Power. New York, 1990. Российские исторические журналы обратили внимание на эту важную работу лишь в 1994 г. См., к примеру, рецензию Л.Г. Сухотиной в «Отечественной истории» (1994. № 3. С. 193–197).

[446] *Pomper F.* Lenin, Trotsky and Stalin. P. 66.

му», если она препятствует осуществлению намеченной цели. Историк привел пример конфликта при первой же встрече Ленина и Плеханова, когда тот решительно отверг разработанный Лениным и Потресовым план издания «Искры», обвинив их при этом в оппортунизме. Когда же ценой компромисса была достигнута договоренность, этот «травматический эпизод» помог ему обрести новый уровень сознания, понять, что сентиментальность ведет к зависимости и поражению и что политическое сотрудничество возможно без чувства любви и дружбы[447].

Именно в преодолении трудностей и конфликтов у Ленина формировался «жесткий менталитет», обусловивший ярко выраженную авторитарную направленность его теоретической мысли и своеобразный стиль поведения в отношении к своим политическим противникам как людям недостойным – предателям, провокаторам, лжецам[448]. В этой доминирующей черте личности был элемент политической консервативности, нашедший выражение в организационных принципах партии, устроенной по авторитарному образцу[449].

Помпер не останавливался при этом на возможных внешних причинах партийного строительства – нелегальное существование организаций, преследование со стороны самодержавия, а затем и война. Он также не разделял распространенного в западной литературе суждения о том, что Ленин лишь использовал марксистскую риторику для прикрытия своих политических маневров. Напротив, Ленин искренне верил в возможность научного анализа ситуации и своей деятельности, всегда стремился опереться на науку[450]. Наконец, ярко выраженное стремление к власти не привело Ленина к мании величия, однако это стремление неизбежно рождало приверженность к якобинско-бланкистским методам революционной политики. Для него партия все больше превращалась в единственный инструмент прогресса, «служанку жесткой богини диалектики истории»[451].

[447] Там же. P. 65.
[448] Там же. P. 67.
[449] Там же. P. 68.
[450] Там же. P. 233, 280.
[451] Там же. P. 355.

1990-е ознаменовались повышенным вниманием историков к ранее запретным личностным аспектам жизни Ленина, прежде всего к его родословной. Особенность момента заключалась в том, что некоторые историки из родословной напрямую всё чаще и чаще стали выводить политическое поведение Ленина. Новый этап традиционного, но закрытого в советские времена спора начался с опровержения одного важного утверждения. Речь идет о публикации научного сотрудника Музея В.И. Ленина в Ульяновске Е. Томуль «За строкой архивных документов», которая доказывала, что дед Ленина по материнской линии был малороссом. В ответ на это в 1992 году М.Г. Штейн и И.И. Иванова, Г.М. Дейч теперь уже открыто представили документы о еврейском происхождении А.Д. Бланка[452].

Одновременно, на основе материалов немецких историков Г. фон Рауха и А. Брауэра, появились публикации о немецких родственниках Ленина[453]. В 1995 году издательством Ассоциации генеалогов-любителей была опубликована работа В.А. Могильникова «Предки В.И. Ульянова-Ленина», представившая составленную по правилам русской генеалогической науки поколенную роспись рода Ульяниных (Ульяновых)[454]. Этот автор, продолжая работу исследователей, выявивших три поколения крепостных крестьян рода Ульяниных, живших в селе Андросове, продолжил роспись еще на два поколения. Поколенную роспись рода он начал с жившего в XVII веке Андрея Ульянина, крепостного крестьянина помещика Панова, и закончил представительницей 10-го поколения – Надеждой Владимировной, правнучкой Дмитрия Ильича Ульянова. В комментариях к росписи Могильникова А.Н. Онучин обратил внимание на то, что

[452] См.: *Иванова И.И., Штейн М.Г.* К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. 1992. № 1; Черновики писем А.И. Ульяновой-Елизаровой к Сталину – «Вы… распорядились молчать… абсолютно» и «Изъятие… произвести без оставления… копий» // Отечественные архивы. 1992. № 4; *Цаплин В.В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире // Там же. № 2; *Дейч Г.М.* Родословная Ленина // Кубань. 1993. № 5/6; *Он же.* Еврейские предки Ленина: Неизвестные документы о Бланках. Нью-Йорк, 1991.

[453] См.: *Штейн М.Г.* О немецких родственниках В.И. Ульянова (Ленина) // Из глубины времен. 1994. № 3. Изыскания петербургского краеведа М.Г. Штейна о генеалогии Ленина обобщены в его книге: *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины: семейные тайны. М.: Olma Media Group, 2004.

[454] См.: *Могильников В.А.* Предки В.И. Ульянова-Ленина. Пермь, 1995.

родословная Ульяниных / Ульяновых дает два примера перехода из одного сословия в другое. Факт для царской России далеко не обыденный – из крепостного состояния через личносвободное сословие астраханских мещан к сословию потомственных дворян – такова история рода[455].

Безусловно, интерес к проблеме происхождения Ленина не был чисто научной проблемой, а проявлялся в контексте общей политической кампании. Смысл был очевиден – развенчать Ленина как личность, с ее изначальной нелюбовью к России, ко всему «истинно русскому». В своей версии генеалогии Ленина писатель Владимир Солоухин пришел к следующему выводу:

«В перечислении М. Штейна признаков «русскости» (по культуре, по языку, по воспитанию) не хватает маленького словечка – «по духу». Домашнее ли воспитание, гены ли виноваты тут, но словечка этого явно не хватает»[456].

А виновником ненависти к России была объявлена его мать, которая «натаскивала своих детей на революционную деятельность, на ненависть к Российской империи и – в дальнейшем – на уничтожение ее»[457]. В матери Ленина не было ни грамма русской крови, поскольку «если Анна Ивановна Грошопф (бабушка по материнской линии. – *Авт.*) была шведкой, в матери Ленина на 50 процентов еврейской и шведской крови. Если же Анна Ивановна была шведской еврейкой, то Мария Александровна, получается, чистокровная, стопроцентная еврейка» Через мать передалась «лютая ненависть» Ленина к церкви и православию[458]. Писатель скрыл от неискушенных читателей документы, которые не вписывались в его схему, в частности, письмо деда Марии Александровны, М.И. Бланка, на имя Николая I от 18 сентября 1846 года, опубликованное тем же Штейном. Смысл его заключался в обосновании необходимости христианизации евреев[459].

---

[455] См.: Там же. С. 3.
[456] См.: *Солоухин В.* При свете дня. М., 1992. С. 35.
[457] Там же. С. 39.
[458] Там же. С. 48–49.
[459] См.: «Крестный отец» Бланк. Неизвестное письмо прадеда Ленина на высочайшее имя // Петербургский литератор. 1992. № 5. С. 1, 8.

Не обошел вопроса о родословной и Волкогонов, посвятивший ей в своей книге «Ленин» целый раздел. Однако рассказывая о предках Ленина по материнской линии, он допустил ряд ошибок – исказил имя бабушки Ленина (назвал ее Анной Григорьевной вместо Анны Ивановны), фальсифицировал эпизоды семейной жизни (утверждал, к примеру, что после выхода в отставку А. Бланк на денежное приданое жены купил имение Кокушкино, хотя это приданое было прожито еще до смерти Анны Ивановны)[460]. Автор также сообщал, что один из известных биографов Ленина Д.Н. Шуб провел специальное исследование национальных корней лидера русской революции и установил, что А.Д. Бланк был сыном торговца-еврея из города Староконстантинова Волынской губернии Мойше Ицковича Бланка, женатого на шведке Анне Карловне Остедт[461]. Итак, если Солоухин выводил «нерусскость» Ленина из его генов, то Волкогонов также склонялся к такому же мнению, но обрамлял его компилятивным толкованием генеалогии и симтоматичными оговорками:

> «При оценке судьбы и деяний Ленина было бы ошибочным придавать повышенное значение национальному элементу. В нем содержались лишь этнические потенции, которые реализовались в действительности под решающим влиянием социально-политических условий»[462].

И для доказательства своего тезиса он апеллировал к письму А.И. Ульяновой-Елизаровой к И.В. Сталину. Напомним, что в нем Анна Ильинична предупреждала о том, что умолчание документов о еврейских корнях в генеалогии Ленина обернется против партии и ее вождя, что и показала, в частности, книга Солоухина.

Однако не все исследователи приняли тезис о еврейском происхождении Ленина. М.Е. Бычкова на основе архивных изысканий пришла к выводу о существовании двух Александров Бланков: дед

---

[460] См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин. М., 1994. Кн. 1. С. 45.

[461] Там же. С. 44. Кстати, автор сослался на книгу Шуба «Биография Ленина», которая вышла в Нью-Йорке в 1948 году. Однако читатель не найдет в ней сведений, которые приводит Волкогонов.

[462] Там же. С. 52–53.

Ленина происходил из православного купеческого рода, начал службу в 1824 году и в 1840-е годы дослужился до чина надворного советника, дававшего право на потомственное дворянство, а другой Бланк был на 3–4 года старше, учился медицине, но получить право на дворянство не мог, поскольку не был на государственной службе[463]. Версию о еврейском происхождении Ленина отрицала и его племянница О.Д. Ульянова.

Заметный вклад в раскрытие «тайн» внесла новая книга М.Г. Штейна «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима», вышедшая в 1997 году. Однако в книге О. Абрамовой, Г. Бородулиной и Т. Колосковой «Между правдой и истиной. (Об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина)» были оспорены некоторые подходы Штейна, в частности, негативные характеристики прадеда Ленина по материнской линии – М.И. Бланка. Три автора, внимательно изучив новые документы, в том числе некоторые из Архива президента РФ, подробно рассмотрели неизвестные детали биографии прадеда. В конечном итоге они поставили под сомнение подлинность тех документов, которые дали основание Штейну вынести суровый приговор М.И. Бланку. Общий их вывод сводился к утверждению о том, что по материнской линии на генеалогическом древе Ленина есть русская, шведская, немецкая и еврейская ветви. Однако эти авторы разделяли точку зрения О.Д. Ульяновой – единственной прямой наследницы Ульяновых – о том, что пока вопрос о предках В.И. Ленина по линии его деда – потомственного дворянина Александра Дмитриевича Бланка – требует дополнительного исследования[464]. Они также подчеркнули, что вся история изучения родословной Ленина – яркое доказательство того, что ограничение доступа к документам или их изъятие, принудительное забвение тех или иных фактов способны лишь породить мифы и фальсификации. То, что стало известно в ходе изучения историо-

[463] См.: Поиск. 1993. № 37. С. 16.

[464] *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина). М., 1998. С. 131.

графии семейной генеалогии Ленина, лишний раз подтверждает истину: «Нет лжи безжалостней, чем умолчание…»[465].

Тем не менее естественные академические споры о родословной стали основанием для новых концепций о Ленине как политике. Первый толчок к их появлению дал сам Штейн, приведший в своем сочинении следующее высказывание основателя аналитической психологии К.Ю. Юнга:

> «Причинной связью с родителями едва ли можно объяснить, чем является ребенок как отличная от родителей индивидуальность. Можно даже рискнуть предположить, что не родители, а скорее генеалогия родителей (деды и прадеды, бабки и прабабки) являются подлинными прародителями детей и больше объясняют их индивидуальность, чем сами непосредственные и, так сказать, случайные родители»[466].

Опираясь именно на это положение и раскрывающие его факты, Гавриил Попов тут же провозгласил новое понимание личности Ленина: «Не оставив Ленину ни земель, ни фабрик, ни капиталов, предки оставили ему гораздо более важное – добротную генетическую наследственность. Откуда же тогда ряд очевидно отрицательных черт Владимира Ильича? Судя по всему, от прадедушки Моисея Ицковича Бланка», который «добивался усиления враждебного отношения николаевского режима к ни в чем не повинным евреям. Царизм реализовал даже идею Бланка о запрете евреям носить национальную одежду». Далее следует вывод: «Какая степень ненависти, остервенения, злобной мстительности должна была быть у этого прадеда Владимира Ильича! И как много аналогий возникает при сравнении отношения Бланка к евреям с отношением Ленина к своим политическим оппонентам!»[467].

Очевидно, что неискушенный читатель запомнит последнее утверждение и, быть может, не вспомнит, что, например, еще «Поло-

---

[465] См.: *Бакман К.* Новое о шведских предках В.И. Ленина // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 160–166.

[466] *Штейн М.Г.* Указ. соч. С. 6.

[467] См.: *Попов Г.Х.* Родословная Ленина // Известия. 1998, 18 апреля.

жение о евреях» 1804 года запрещало им носить национальную одежду за пределами черты оседлости, а «Положение» 1835 года подтвердило этот запрет. М.И. Бланк к этому не имел никакого отношения. По хрестоматийной же «Истории евреев в России» Ю. Гессена известно, что ходатаями перед императором, добивавшимися издания высочайшего повеления о запрещении носить еврейскую одежду, были поэт и педагог С. Залкинд, библиофил М. Страшун, писатель М.А. Гинцбург[468].

«Еврейский след» в родословной Ленина проследил американский историк, эмигрант из СССР Йоханан Петровский-Штерн[469]. Он не сомневался в том, что М. Бланк был прадедом Ленина. Хотя в любом случае следует оговориться, доподлинно неизвестно, знал ли сам Ленин о еврейском происхождении своего предка. Сестра Ленина Анна обнаружила еврейские корни Александра Бланка, деда Ленина, только после смерти самого Ленина, в 1924 году. Тем не менее, исходя из предположения, что не имеет принципиального значения, был ли известен Ленину этот факт или нет, а важно отношение Ленина к русским евреям в целом и к еврейскому происхождению в частности, Петровский-Штерн выстроил теорию, согласно которой Ленин терпеть не мог, когда людей определяют по этнонациональному признаку, равно как и любых манипуляций еврейским вопросом только потому, что это препятствовало партийной централизации. Он верил, что для того, чтобы стать руководящей партией рабочих, РСДРП должна отбросить все устаревшие формы автономно действующих партийных организаций и групп. Ленин считал Бунд неправильной и ненастоящей марксистской организацией, граничащей, как он заявлял, с национализмом, клерикализмом и капитализмом, и стремился привлечь его в РСДРП только потому, что хотел поставить под контроль своей партии все рабочее движение в России. И точно так же стремление к централизации привело Ленина

[468] См.: *Гессен Ю.И.* История евреев в России. СПб., 1914. С. 107.

[469] *Petrovsky-Shtern Y.* Lenin's Jewish Question. New Haven and London, Yale University Press, 2010. Русский перевод: *Петровский-Штерн Й.* Еврейский вопрос Ленину. Пер. с англ. Т. Менской. Иерусалим, 2012; См. также: *Окунев И.* Ленин о «еврейском вопросе» // Алеф (Иерусалим). 2002, декабрь. № 894.

к убеждению, что признание права наций на самоопределение не исключало борьбы против их самоопределения. Ленин провозгласил, что партии следует прикладывать максимальные усилия, чтобы доказать глубокую ошибочность проведения в жизнь этого принципа.

По мнению Петровского-Штерна, большевистские руководители в дальнейшем скрывали еврейское происхождение Ленина потому, что учитывали широкое распространение в СССР антисемитских настроений. В частности, «Сталину совершенно не нужно было, чтобы кто-либо ставил под сомнение его, сталинскую, или ленинскую принадлежность к русскому народу. Ведь именно его русскость (хотя и не она одна) служила оправданием его власти как лидера всероссийской коммунистической партии». А потому образ Ленина служил отличным подспорьем в деле русификации – новой линии в проводимом Коммунистической партией культурном строительстве. Российские ксенофобы и неофашисты, писал историк, стремятся сделать из Ленина еврея, каковым он никогда не был. Глубинная причина замалчивания еврейской родословной Ленина – национальная политика Советского Союза, которая зиждилась на главенствующем и центральном положении русских в вертикально ориентированной системе советских этносов и национальных меньшинств. Для партии культ русского Ленина был фундаментом, на котором возводилось здание русского национального централизма, главенствующей роли русских в многонациональной стране и в мировом коммунистическом движении. Появление Бланков могло дать трещину по всему фундаменту, поскольку бросало тень сомнения на официально стопроцентную ленинскую русскость.

Петровский-Штерн также отмечает поразительное сходство в отношении высших советских руководителей и русских ультраправых к еврейским корням Ленина. К тому времени, когда Мария Александровна Бланк стала Марией Ульяновой, Бланки уже были духовно, религиозно, лингвистически и культурно русскими людьми. Если кому-нибудь вздумается назвать мать Ленина еврейкой, его следует считать психически больным, а не националистом. Всецело занятый вопросами власти и партийного централизма, Ленин вообще мало

интересовался евреями. Евреи занимали незначительное место среди его культурных или политических интересов, а скорее всего не занимали никакого места вовсе. Положительное или отрицательное отношение Ленина к евреям зависело исключительно от его сиюминутных партийно-политических задач. Его взаимоотношения с еврейскими марксистами (бундовцами) лишний раз доказывают, что «Ленин скорее презирал, чем уважал евреев. Впрочем, его отношение к другим этническим группам было не лучше». В книге Петровского-Штерна содержалась убедительная критика построений Солоухина, Кожинова, Солженицына, Арутюнова и других российских публицистов, которые из еврейских корней Ленина выводили тезис о русской революции как о «еврейском заговоре».

В.Т. Логинов принял вслед за А.И. Ульяновой тезис о еврейском следе в родословной Ленина:

> «О результатах розысков, подтвердивших ее предположение, А.И. Ульянова сообщила Сталину в 1932 и 1934 годах. «Факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, – писала она, – не был известен при его [Ленина] жизни… Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта». «Молчать о нем абсолютно» – таков был категорический ответ Сталина. Да и сестра ее Мария Ильинична тоже полагала, что факт этот «пусть будет известен когда-нибудь через сто лет». Сто лет еще не прошло, но уже опубликованные данные позволяют с достаточной уверенностью прочертить родословную семьи Бланков…»

Логинов также настаивает, что предок Ленина Мойше (Дмитрий) Бланк давно порвал с еврейской общиной и в письме императору Николаю I в 1846 году предлагал для ускорения ассимиляции евреев запретить им носить национальную одежду и обязать их молиться в синагогах за российского императора и императорскую фамилию. По мнению Логинова, реализуя эти предложения, император в 1850-м запретил ношение еврейской одежды, а в 1854 году ввел текст соответствующей молитвы в синагогах[470].

[470] *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. С. 16–18.

Различными кривотолками в новом формате были окружены и личные отношения Ленина с Инессой Арманд. Серьезная печать не без умысла и не без участия историков подхватила сначала слухи об их общих детях[471], затем высказывание Волкогонова о том, что Ленин любил в своей жизни только «двух человек: свою мать и Инессу Арманд», а Крупская же «была для него просто удобна»[472], наконец, растиражировала высказывания Анатолия Латышева из статьи «Возлюбленная Ленина» о том, что «только ради революции оставил Ленин любимую женщину», и версию, что «Сталин угрожал Крупской в случае ее малейшего неповиновения объявить официальной женой вождя Инессу Арманд»[473].

Остался на обочине иной подход, который последовательно отстаивал ульяновский историк Жорес Трофимов. Однозначно отвергая слухи об «отцовстве» Ленина, он выступил за осторожность и деликатность в подходе к сложной истории о существовании «любовного треугольника Ленин–Крупская–Арманд». Если он и существовал, то, по мнению Трофимова, совсем не в том виде, как это представляется любителям «клубнички»:

> «Естественная влюбленность И. Арманд по отношению к Ленину, как эрудированнейшему из всего окружения человеку, стойкому, смелому и талантливому лидеру большевиков, прорвавшаяся в какой-то период ее жизни и как чисто «женское» чувство к нему как к мужчине, по всей видимости, так и осталось где-то глубоко в душе, так сказать, невостребованной.

---

[471] В частности, в известинской «Неделе» (1991. № 48. С. 15) писалось: «Говорили, говорили и по сей день говорят, что у Инессы шестой ребенок, якобы от Ленина, и что один кинооператор своими глазами видел в Швейцарии могилу этого ребенка». В статье А. Багдасаровой «Ради всего святого, говорите правду!» можно прочесть о том, что оказывается, когда лет 15 назад она «услышала, что у Владимира Ильича есть дочь и что она даже приезжала в Ульяновск в год столетия со дня его рождения, правда, только как дочь Инессы Арманд», то сразу поверила в это, «потому что раньше, изучая работы Ленина по искусству, никак не могла понять, с чего бы это, гуляя, они с Надеждой Константиновной завернули во ВХУТЕМАС. Теперь стало понятно: ведь там училась дочь (подразумевается дочь И.Ф. Арманд Варвара. – *Авт.*), и в первую свободную минуту заехал к ней узнать, как живет, чем питается, кто окружает ее. Вполне понятные отцовские чувства» // Симбирский курьер. 1992, 22 апреля.

[472] См.: Интервью с Д.А. Волкогоновым // Аргументы и факты. 1991. № 48. Октябрь.

[473] *Латышев А.* Возлюбленная Ленина // ЛГ-Досье. 1992. № 8. *Он же.* «Совсем-совсем другая вещь…» // Демократическая газета. 1992. № 16. Апрель.

В свою очередь ум, энергия, одушевленность благородными идеалами, смелость, настойчивость в достижении общественных целей и, наряду с этим, женское обаяние не оставляли равнодушными окружавших Инессу Федоровну товарищей. Это понимали и близкие Владимиру Ильичу женщины – жена и теща. Они сами любили ее, принимали и теплое отношение к ней и Владимира Ильича.

И при всей, казалось бы, сложности положения Владимир Ильич, как представляется по его письмам, сумел избежать искушений судьбы, установив раз и навсегда единственно приемлемые для порядочных людей границы взаимоотношений с И. Арманд, оставаясь для нее до конца не только учителем и соратником, но и очень близким, внимательным и преданным другом.

В отношении же Н.К. Крупской факты позволяют сделать лишь такой вывод: благородство поведения Владимира Ильича и Инессы Федоровны не дали повода для отпечатка пресловутого «треугольника» в душе Надежды Константиновны: ее теплое отношение к Инессе Арманд как в первое время их общения, так и в периоды их наибольшего сближения, когда вышедшая из тюрьмы и бежавшая от преследований, пораженная чахоткой Инесса Федоровна нуждалась в заботе и помощи, а потом – и до конца ее жизни. Ничто не остановило и переписки двух женщин (это ли не факт против версии о соперничестве?). А теплота и нежность переписки Надежды Константиновны с осиротевшими детьми И. Арманд достойны восхищения и способны удивить самую любящую мать.

Троим вошедшим в историю революции выдающимся людям, личные взаимоотношения которых волею судьбы попали под увеличительное стекло, в которое устремились взоры многих посторонних, ничто человеческое не было чуждо. Однако даже при отсутствии всей переписки (которая, кстати, имеет право на свою тайну) факты говорят о безусловной порядочности этих людей, сумевших сохранить в сложной жизненной ситуации по отношению друг к другу честность, доброту, благородство»[474].

[474] *Трофимов Жорес.* Ленин–Крупская–Арманд: Любовный треугольник? Ульяновск, 1992. С. 28–29.

Деликатно написана и книга Бориса Соколова «Арманд и Крупская. Женщины вождя», которая вышла большим тиражом в Смоленске в 1999 году. Упоминается в ней и Елизавета К., которая рассказывала на страницах эмигрантского издания о якобы романе с Лениным. К сожалению, автор не избежал прямолинейных сравнений и даже противопоставления «красавицы и умницы» Инессы Федоровны и «неизящной, рыхлой» Надежды Константиновны.

В начале 1990-х годов вышли книги двух известных врачей, которые впервые подробно рассказали о болезни вождя. Кардиолог, профессор Е.И. Чазов раскрыл историю о том, как в начале 1970 года, когда шла подготовка к празднованию 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, М.А. Суслов узнал, будто бы антисоветские круги за рубежом хотят опубликовать провокационную фальшивку о том, что В.И. Ленин страдал сифилисом. Суслов обратился к Чазову с просьбой вместе с ведущими учеными страны и теми, кто знает этот вопрос, подготовить и опубликовать материалы об истинных причинах болезни и смерти Ленина. Врачебная комиссия, вспоминал Чазов, могла пользоваться любыми архивами в СССР, прежде всего Центральным партийным архивом:

> «Пожилая женщина-архивариус, небольшого роста, по внешнему виду типичная представительница старой гвардии большевиков, была неподдельно удивлена, когда руководство института попросило ее помочь мне в моих поисках. – Вот уж никогда не думала, что кому-нибудь когда-нибудь они могут понадобиться. Пойдемте, посмотрим, есть у меня один шкафчик, по-моему, в нем можно для вас кое-что найти». Каково же было мое удивление, когда в старом, запылившемся двустворчатом книжном шкафу мы нашли не только некоторые истории болезни, дневник, который постоянно вел фельдшер, но и гистологические препараты сосудов, сделанные после смерти Ленина. Эти препараты представляли для нас колоссальный интерес, ибо мы сами могли оценить характер патологического процесса, приведшего к смерти. И вот, вместе со стенографисткой я сижу в небольшой, выделенной нам комнате, диктую наиболее интересные факты и как будто погружаюсь в атмосферу так знакомых мне про-

блем болезни главы партии и государства. Болезни и смерти, которые были не просто человеческим горем, а событием, которое изменило судьбу партии, государства, народа»[475].

Удивили не только медицинские параметры, но и обычные общечеловеческие проблемы, связанные с обыденной жизнью его пациента. Чазова «не покидало ощущение заброшенности Ленина в последний период его жизни». Полный инвалид, потерявший речь, не способный жить без посторонней помощи, с «часто меняющимся настроением вплоть до рыданий, он, конечно, по-человечески был труден для окружающих». Прослеживается трагедия Ленина в тот период, ощущение «своей оторванности от жизни, от решения политических вопросов». Как пишет Чазов, у комиссии не было проблем с установлением причин болезни и смерти Ленина. Клинические материалы, гистологические препараты, заключения специалистов в период болезни были представлены ведущим ученым нашей страны, таким, как невропатолог академик медицины Е.В. Шмидт, патологоанатом академик медицины А.И. Струков. Материалы и заключение о характере поражения мозга представил организатор и директор Института мозга академик медицины Д.С. Саркисов. Все единодушно подтвердили диагноз, установленный в 20-е годы, – атеросклероз сонных артерий, явившийся причиной повторных инсультов. С позиции данных, которые в это время были получены в Кардиологическом центре, относительно ранний характер поражения сонной артерии был связан со сдавливанием этого сосуда гематомой, образовавшейся после ранения 1918 года, которую вовремя не удалили. Никаких указаний на возможное наличие сифилитических изменений в сосудах и мозгу не было. Комиссия высказала предположение, что возможности творческой работы Ленина после перенесенного инсульта были связаны с большими компенсаторными свойствами его мозга. Такое заключение было подписано также и бывшим тогда министром здравоохранения СССР Б.В. Петровским.

[475] *Чазов Е.И.* Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992. С. 159.

Однако именно последнее предположение не только задержало публикацию интересного, даже с медицинской точки зрения, материала, но и вызвало своеобразную реакцию Суслова. Ознакомившись с заключением, он сказал: «Вы утверждаете, что последние работы Ленина были созданы им с тяжело разрушенным мозгом. Но ведь этого не может быть. Не вызовет ли это ненужных разговоров и дискуссий?» Мои возражения и доказательства колоссальных возможностей мозговой ткани он просто не принял и приказал подальше упрятать наше заключение.

Е.И. Чазов писал, что лет через 8–9 после юбилея ему позвонил Ю.В. Андропов, видимо, после появления нашумевшей в то время пьесы Михаила Шатрова (имеется в виду пьеса «Синие кони на красной траве», поставленная в Ленкоме. – *Авт.*) и спросил, где хранятся история болезни Ленина и заключение группы. Оказывается, Суслов вспомнил о нем и просил уточнить у Андропова, не знакомили ли мы кого-то с нашими данными. Когда я ответил отрицательно, Андропов попросил, чтобы все материалы, касающиеся Ленина и Сталина, были переданы в ЦК. Он очень удивился, узнав, что в 4-м управлении нет никаких материалов о болезни и смерти ни того ни другого[476].

В книге врача-психиатра и писателя М.И. Буянова, который тридцать лет собирал материалы о ленинской болезни, объясняется, что в то время сифилисом болели самые разные люди – ничем не выделявшиеся в социальном отношении, художники и поэты, революционеры и контрреволюционеры, главы правительств. Однако исключительно редко встречались расстройства со стороны нервной системы. Еще реже бывают такие виды поражения, которые нарушаю в первую очередь психические функции. Ленина консультировали В.М. Бехтерев, В.П. Осипов, главным консультантом был невропатолог из Бреславля (ныне Вроцлав) профессор Отфрид Фёрстер, с марта 1922 года почти непрерывно находившийся при пациенте. Из Германии был приглашен и известный психиатр Освальд Бумке. Лечение шло под постоянным контролем наркома здравоохранения

[476] Там же. С. 160–162.

Н.А. Семашко. Психиатры выступали в качестве консультантов, основное же лечение проводили терапевты и невропатологи, среди которых были тогдашние светила Ф.А. Гетье, М.Б. Кроль и другие. Из Германии были приглашены Оскар Минковский, Георг Клемперер, Адольф фон Штрюмпель и многие другие. Всего зарегистрировано около 50 врачей, фельдшеров и медсестер, выхаживавших вождя революции.

По мнению Буянова, в том, что психиатры имели отношение к заболеванию Ленина, некоторые недоброжелатели узрели специфическую душевную болезнь вождя: дескать, не зря Ленина консультировали психиатры. Однако психиатры консультируют людей с сотнями самых различных расстройств, не имеющих к психиатрии прямого или даже косвенного отношения, этот факт не играет никакой роли. Для автора важны были политические аспекты, некоторые двусмысленности, несогласованности, неясности, а главное – доверие к трактовке болезни, которую давал в лекциях и статьях В.П. Осипов (см. нашу главу «1930». – *Авт.*). В них аудитория подводилась к мысли, что Ленин умер не от старческого (хотя и преждевременного) угасания, а от какой-то мозговой болезни, протекавшей с потерями сознания, судорогами, образованием мозговых кист и т. д. Слово сифилис при этом не использовалось, но по описаниям клинической картины видно, что у пациента имеется то расстройство, которое тогдашние психиатры чаще всего расценивали как сифилис мозга. От Осипова, считает Буянов, и пошла среди врачей легенда, будто Ленин был поражен этой болезнью, хотя ни в одном из воспоминаний лечащих врачей нет упоминаний о сифилисе.

Поведение Осипова в книге объясняется тем, что в 1921 году он был арестован Петроградской ЧК по таганцевскому делу (61 человек были расстреляны, среди них и известный поэт Николай Гумилев), а затем отпустили по личному указанию Ленина (См.: Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 465). А когда Ленин заболел, стал во всем подыгрывать триумвирату Зиновьев-Сталин-Каменев, боровшемуся за власть, и распространять ложные слухи о болезни Ленина, т. е. давать её двусмысленные описания. Сам Буянов считает, что пока нет

существенных оснований, чтобы утверждать, будто у Ленина была болезнь, называемая сифилисом мозга – у него не было психоневрологического заболевания, вызванного сифилисом и только им одним, так как сифилис мозга – одна из разновидностей органического поражения головного мозга, а артериосклероз – еще один вариант этого поражения. Между ними много общего. Злоумышленник легко сможет сместить акценты и тогда будет не артериосклероз, а сифилис мозга[477].

Трактовки культа и новая апологетика вождя

В 1990-е годы довольно быстро и для многих неожиданно утвердил себя новый для России аспект – культ Ленина. Обычно явление культа личности приписывают архаичным обществам, восточным деспотиям или рассматривают как атавистический феномен массового сознания, проявление отсталости или низменных, примитивных человеческих эмоций и инстинктов, не соответствующих природе рационального человека и жизни индустриального общества. Однако Бенно Энкер, Ольга Великанова и Нина Тумаркин, чья книга стала доступной российскому читателю в 1997 году, стали доказывать, что культ Ленина являлся одной из черт российской истории первой половины XX века. Сравнивая Россию с другими странами, где в то же время проявился культ лидера (Германия, Италия, Китай, США и др.), Великанова призвала, правда, учитывать различную природу культа и выделила три основных случая его проявления, хотя ни один из них не выступает в чистом виде:

«…культ как сконструированный, навязанный сверху властью молчаливым пассивным массам посредством манипулирования общественным мнением, интенсивной пропагандой;

культ как спонтанное явление, возникающее «снизу», исходящее от масс при определенных обстоятельствах, например, кризис;

[477] См. подробнее: *Буянов М.И.* Ленин, Сталин и психиатрия. М., 1993. С. 60–67.



7 ноября 1990 г. на Красной площади в Москве состоялся последний военный парад в истории СССР

культ как порождение исключительных качеств личности лидера (теория харизмы) или его воли»[478].

Культ Ленина рассматривается в комплексе различных аспектов: аспекте религиозного символа с такими атрибутами, как вездесущность, бессмертность и совершенство высшего существа, аспекте родового символа – символ отца, защитника, покровителя, «волшебного помощника», в аспекте политического символа, выпол-

[478] См.: *Velikanova Olga.* Making of an Idol: On Uses of Lenin // Zur Kritik der Geschichtsschreibung. Vol. 8. Goettingen: Muster Schmidt Verlag, 1996. Данная книга получила в зарубежной печати положительный отклик за интересные факты и критические замечания: за «несвязанность» западной историографии с основной частью книги и выводами, а также за «непонятность английского языка», которому было отдано предпочтение перед русским. См. рецензию Rigby T.H. в Slavic Review (Winter 1997. Vol. 56, Number 4. P. 788–789). *Великанова О.В.* Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и Советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 162.

няющего мобилизационную функцию и олицетворяющего коммунистическую партию, советскую власть, социализм, в аспекте национального символа, аспекте образца для подражания, наконец, даже в аспекте сексуальной ипостаси образа лидера[479]. Таким образом, в предложенной трактовке культ Ленина не обусловлен только специфическими условиями породившего его общества, но подлежит изучению в более широком антропологическом и культурном аспектах. Великанова опиралась на факты периода, за который носитель культа никак не может нести ответственность.

Однако намного больший интерес для формирования культа и антикультa Ленина представлял феномен культа личности непосредственно ленинского периода. Известно, что на Западе эта проблема была сформулирована в самом начале 20-х годов, еще при жизни Ленина. Для международного социализма понятие «культ личности» представляло извращение как научно обоснованного мировоззрения, так и демократических принципов, хотя понятно, что тогда культ вождя не был пройденным опытом незрелого рабочего движения. Начиная с 90-х годов в контекст российских исследований входит исследование немецкого историка Бенно Энкера, предложившего абсолютно лишенную политизированных тонов теорию вопроса[480]. За основу он взял Роберта Такера, Александра Потресова и Макса Вебера об условиях зарождения самого института вождизма, в котором Ленин исполнял роль «харизматического вождя». В частности, цитируется фраза Потресова о том, что ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали «секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей», «господства над ними».

Энкер считает, что уже с начала XX века Ленин являлся олицетворением им же пересаженной на русскую почву концепции харизматического вождизма. А возможности для этого создавала по-

[479] Там же. С. 162–173.

[480] Речь идет об: *Enker B.* Die Anfaenge des Leninkults in der Sowjetunion. Koeln-Wien, 1997. Переведена на русский: *Энкер Б.* Формирования культа Ленина в Совестком Союзе. М, 2011.

требность масс в харизматических вождях, более того, это стало аксиомой большевистской теории революции и партии. При этом революционная традиция народничества не являлась для Ленина единственной основой легитимации. Важным было и западное, особенно немецкое, социалистическое движение с его концепцией руководящего ядра. Сплав ярких качеств вождей русского народничества и немецкого социализма – Желябова и Бебеля – вот идеал вождя, о котором говорит Ленин в работе «Что делать?» Однако от немецкой социал-демократии, чьи вожди черпали свой авторитет в знании закономерностей процесса исторического развития, большевики скоро отошли. По мнению Энкера, в личности Ленина воплотился тип вождя, характеризующийся волюнтаристским вмешательством в историю и доходящей до самопожертвования энергией. Вождь «партии нового типа» вел борьбу с «экономизмом» не в последнюю очередь и потому, что он сознавал, какое убаюкивающее воздействие оказывает повседневная рутинная профсоюзная, муниципальная и парламентская деятельность в условиях западной социал-демократии. И даже в 1920 году Ленин всё еще оставался приверженцем принципа харизматического вождизма, действовавшего с самого первого дня существования большевизма и обеспечившего ему победу, ибо в нем были заложены качества, которые Ленин считал основополагающими для большевистской партии: героизм и преданность революционному делу, умение держать связь с массами, правильность руководства, в чем массы должны убедиться на собственном опыте[481].

В то же время Энкер обращал внимание на то, что бесспорная харизма Ленина может сопровождаться моментами почти полной изолированности вождя даже в рядах собственной партии. То есть харизма является, скорее, личной аурой вождя, на которую могут не влиять интересы текущей политики. Во всяком случае, такое положение возникло в апреле 1917 года, по возвращении Ленина в Петроград из эмиграции. И именно находясь в ситуации «пророка в

[481] Там же. С. 18.

пустыне», Ленин в полном соответствии с типом харизматического революционера еще раз заявил, что прежние большевистские формулы больше не действуют. Одновременно апробируется ранее наработанная организационная практика революционной партии – хорошо налаженный и запрограммированный аппарат являл собой стальной каркас реальной политики, призванный обеспечивать деятельность «народного трибуна», присутствие которого ощущалось, однако, как и в прежние десятилетия, лишь в статьях и призывах. «Аппарат и революционная харизма Ленина, – заключал Энкер, – образовывали единство и в концепции политической практики большевиков»[482].

В то же время достаточно объективно интерпретировался самый выигрышный и наиболее часто обыгрываемый для подтверждения культа Ленина факт празднования 22 апреля 1920 года 50-летия вождя. Фиксируя велеречивость Зиновьева, назвавшего Ленина «апостолом коммунизма», а его работу «Что делать?» – «евангелием искровцев», пафосность Горького, разукрасившего свою юбилейную статью словами «священный», «легендарная фигура», автор всё же не обходит факта принятия специального постановления Политбюро РКП(б), назвавшего горьковскую статью «антикоммунистической». Отсюда следует и важное объективное признание, что всё-таки времени Гражданской войны, героическому периоду революции культ Ленина еще не был присущ в полной мере.

Что происходит с харизмой Ленина в иных условиях, при нэпе, во время острой внутрипартийной борьбы? Энкер настаивал на том, что теперь уже едва было место революционной харизме Ленина. Если прежде декреты сводились к призывам, адресованным к энтузиазму масс и поднимавшим их на самостоятельные действия, то теперь декреты должны были проводиться в жизнь через надежную бюрократию и контролироваться аппаратом ЦК. Именно так ставил задачу XI съезд партии, сделавший Сталина генсеком. Теперь власть начинает олицетворяться рациональной бюрократией.

[482] Там же. С. 47.



Кубинский солдат стоит в карауле около памятника Ленину в Гаване. 22 апреля 1999 г.

Однако автор обходил принципиальный вопрос о том, что сам Ленин был непосредственным автором всех этих решений, то есть получается, что он сознательно отказывается от инструмента управления, связанного с собственной харизмой. У Энкера этот момент остается непроясненным, и это подрывает стройность и целостность его концепции. Правда, эти слабости анализа компенсируются очень точными наблюдениями о последнем периоде жизни вождя: май 1922 года – январь 1924 года. Но нельзя забывать, что в этом хронологическом отрезке Ленин и его культ уже становятся объектом политических действий будущих наследников.

Итак, Энкер справедливо замечал, что болезнь вождя лишает его «ауры индивидуальности», и происходило это таким образом: руководство партии с самого начала создало вокруг болезни Ленина ат-

мосферу государственной тайны и «раскинуло сеть вымышленных и противоречивых слухов». А когда в 1923 году выступила «левая оппозиция» и Троцкий, то тут культ Ленина в образе так называемого «ленинизма», соединенный с мифом о тождественности Ленина и «старой гвардии», стал политическим инструментом в борьбе с критиками режима. Ключевая же формула была выдана Бухариным: «…основа всех ошибок Троцкого – его отход от ленинизма». В этой дискуссии ссылка на Ленина означала для большинства в ЦК конечную истину. При этом отношение к Ленину в моменты былых разногласий в партии стало мерилом для допуска отдельных большевиков на олимп, где было разрешено восседать «ближайшим ученикам вождя». От этого зависела теперь политическая судьба, а затем и сама жизнь любого из старых большевиков[483].

Книга Энкера отличается усложненной терминологией в духе структурализма. Автор не столько показывает механизм формирования ленинского культа, сколько стремится поставить этот культ в широкий контекст других мифологических структур.

Личностными факторами биографии занимался и В.П. Булдаков, который, видимо, под влиянием современных PR-технологий искал следы работы самого Ленина над собственным имиджем. «Мягкие шляпы и котелки по дороге в Петроград сменила простецкая кепка – головной убор шансонье парижских рабочих кабачков. Для российских пролетариев человек в потертой, но все же господской «тройке», нелепо соседствующей с дурацким картузом, вряд ли стал ближе. Но дело в том, что Ленин выбился из привычного, «классово» различимого зрительного ряда: по внешнему облику он теперь не походил ни на кого, а потому мог встать над всеми. Окончательному «слиянию с массой» препятствовала, вроде бы, природная картавость речи – в глазах низов признак принадлежности то ли к еврейскому племени, то ли к грассирующему барскому сословию. Но вождь не должен быть усредненным подобием «человека толпы». Ему нужны черты, которые в определенных ситуациях возвышают.

[483] Там же. С. 402.



Ленин в Стокгольме. 1917 г.



Ленин в Москве. 1919 г.

Невзрачный, малорослый человек со ступнями почти женского размера вырос до фигуры, которой более подходящим стал пьедестал в виде броневика или тех гигантских колес, на которые взгромоздили один из первых ему монументов железнодорожные рабочие. Человек – это стиль. В стиль своей вздыбленной эпохи Ленин вписался не исторически привычным императором на коне, а «лично скромным» магом-повелителем и людей, и машин»[484]. Здесь поведение Ленина явно модернизируется с учетом позднейшей деятельности имиджмейкеров, которых в России начала XX века еще не было. Хотя цилиндр, например, Ленин, как и любой другой революционер того времени, точно, не мог носить. Ведь в глазах угнетенных классов цилиндр был символом буржуазии.

[484] *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 217.

В осмыслении фигуры Ленина появились еще две новые тенденции. Первая – как реакция на волкогоновский поворот – новая волна апологетики Ленина. Ее старт отчетливо просматривался в 1995 году на научной конференции «Ленин и современность», посвященной 125-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. Она прошла 20 апреля в Государственном историческом музее-заповеднике «Горки Ленинские» под эгидой Союза коммунистических партий (СКП КПСС), общества «Ленин и Отечество», Ассоциации российских ученых социалистической ориентации. Направленность всей конференции была задана вступительным словом О. Шейнина, заявившего, что коммунисты никогда не уходили от ответственности за свои прошлые ошибки, но нельзя забывать и о тех героических усилиях большевиков, которые под руководством Ленина совершили Октябрьскую революцию, одержали победу над фашизмом, подымали вместе с народом разрушенное народное хозяйство[485].

С докладами выступили академик П.В. Волобуев – «Ленин о перспективах общественно-политического развития России», профессор Р.И. Косолапов – «Использование ленинского наследия для решения современных проблем», философ Б.Ф. Славин – «Антидогматизм Ленина». Другие же выступления – А. Харламенко, Н. Морозовой, В. Михайлова, В. Кузнецова, В. Хорунжего, Е. Лигачева, О. Ульяновой – свелись в основном к публицистике и резкой критике Е. Гайдара, Ю. Афанасьева, М. Захарова, А. Собчака, В. Солоухина, А. Латышева и других «клеветников» Ленина. В 1992 и 1995 годах вышли книги председателя Астраханского областного фонда защиты памяти Ленина В.А. Чебыкина, а в 1996 году появилась книга известного философа Ф.Д. Волкова под многоговорящими заголовками как всей книги – «Великий Ленин и пигмеи истории», так и глав – вроде «Ленин – величайший гений всех времен и народов»[486]. В этом же ряду – работа преподавателей Барнаульского государственного пе-

[485] См.: Правда. 1995, 21 апреля.

[486] См.: *Чебыкин В.А.* Осторожно: фальсификация ленинского образа. Астрахань, 1992; *Он же.* Самокритичный Ленин. Астрахань, 1995; *Волков Ф.Д.* Великий Ленин и пигмеи истории. М., 1996.

дагогического университета В.Н. Гончарова и В.Н. Филиппова «Россия, Ленин и современный мир». Тон всей 460-страничной книге задавался с первых строк пролога:

> «Тема «Россия, Ленин и современный мир» будет всегда и в любой момент актуальна и необходима русским людям так же, как всегда актуальна тема в сочетании Восток и Будда, Мекка и Магомет, Иерусалим и Иисус Христос. Но Россия и Ленин, помимо всего прочего, находятся в одной связи, как, например, Сократ и Древняя Греция, Леонардо да Винчи и эпоха Возрождения, Гегель и диалектический метод познания. Современный мир и Ленин неразрывны в контексте борьбы справедливого и несправедливого, добра и зла, лжи и правды, заблуждений и стремления к истине. Проблема Ленина – это не столько проблема конкретной личности, сколько вопрос всемирно-исторического значения мыслителя и творца Новой России и всего человечества. Правда, России и человеческому сообществу на планете Земля еще предстоит дорасти до этого мыслителя, так же как дорастает оно до идей Будды, деяний Христа, пророчеств Магомета, учений Сократа, Гегеля, Маркса, Владимира Соловьева, В.И. Вернадского»[487].

Авторы не пожалели гневных слов в адрес тех, кто «предает Ленина, а вместе с ним Россию и русский народ». В числе тех, кто вдохновлял и организовывал «антилениниану», называются имена Карякина, Яковлева, Волкогонова, Солоухина, Солженицына и др. И их методам анализа личности Ленина и его политического окружения, основанного на тенденциозном подборе фактов, был противопоставлен иной, на самом деле очень старый прием. Они были отнесены к стану «не просто врагов, но и лютых ненавистников России и русской нации, исполняющих волю сионских мудрецов по превращению новых и новых поколений россиян в стадо баранов». Апеллируя к известным «Протоколам сионских мудрецов» (были переизданы

[487] *Гончаров В.Н., Филиппов В.Н.* Россия, Ленин и современный мир. Барнаул, 1996. С. 3.


ЛЕНИН: ЧЕЛОВЕК-ПРАЗДНИК

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

Журнал «Огонёк». № 14. Апрель 2000 г.

в Москве в 1993 году), авторы обвинили своих оппонентов в «глобальной геополитической, физической и духовной диверсии»[488].

Вторая тенденция связана с тем, что Ленин стал объектом астрологических «доказательств» и прочих «выводов» специалистов по оккультным наукам. Например, Борис Шапиро-Тулин – прогнозист, академик Международной академии энергоинформационных наук – пишет:

«Я довольно долго занимался биографией Ленина и обнаружил четкую закономерность: Ленин – человек числа 7.

7-го числа Владимир Ульянов был исключен из Казанского университета и отправлен под надзор полиции.

7-го числа в ссылку к Ленину приезжает Надежда Константиновна – меняется личная жизнь вождя.

7-го он прибывает в Берлин – свою первую эмиграцию.

[488] Там же. С. 405.

7-го он возвращается в Россию, где началась первая русская революция. Седьмого же Ленин уезжает, когда революция закончилась провалом»[489].

В 1995 году В.А. Клещевский, используя знаки зодиака и восточный гороскоп, предложил разгадку «Тайны Ленина», а «Аргументы и факты» поместили пространный материал о мавзолее, согласно которому тело Ленина, находящегося в саркофаге, излучает 600–700 рентген черной невидимой энергии[490]. Так ко всяким версиям о «числах», «заклятом враге русского народа», «немецком шпионе» прибавилась и «черная невидимая энергия», исходящая из мавзолея. Кстати, соответствующие службы федерального правительства России проверили радиационную обстановку и отвергли досужие домыслы.

Не отставали в этом отношении от российских коллег и некоторые западные историки. Так, некто Николас Федорофф в очерке «Ленин» для, казалось бы, солидного научного журнала совершил множество сенсационных открытий из биографии Ленина. В СССР была собрана масса документов, но они не говорят ни слова о том, как еще до революции Ленин «проводил много времени у проституток в пригороде Казани», как был арестован «в связи с изнасилованиями башкирских женщин во время ссылки в Сибирь»[491]. Вполне серьезно рассказывалась душераздирающая история о происхождении Ленина. Его кличка была «кровавый», и родился он 10 февраля 1870 года в деревне около Одессы в семье Ильки и Сары Голдманов под именем Хаим. Отец – портной, мать – шляпница в годы правления Александра III были уличены в контрабандном бизнесе и сосланы на вечное поселение в 1877 году. Один из конвоиров, сопровождавших ссыльных, был калмык, у которого был родственник – Илья Ульянов, который полюбил Хаима и попросил его родителей отдать

[489] См.: Speed info. 1995. № 8. С. 12.

[490] См.: *Клещевский В.А.* Тайна Ленина. Томск, 1995; Аргументы и факты. 1995. № 20.

[491] См.: *Feodoroff Nicholas.* V. Lenin // Political History of Russia. Vol. 8. Number 2/3. P. 99.

их сына (Ульянов недавно потерял сына и был одинок). Родители согласились, и Ульянов законным образом усыновил Хаима и дал ему имя Владимир[492]. Калмыцкую родословную Ленина отрицают и В.А. Перфилов, и В.М. Костягина, указывая, что у нее нет документальных оснований[493].

Переосмысление отношений в ленинском окружении

Выдвинувшиеся на первый план новые подходы органично включили в себя фактор межличностных взаимоотношений в партийной и государственной верхушке, психологические характеристики, которые формировались наряду с ментальностью в процессе складывания личной биографии. Доктор медицинских наук Д.В. Колесов полагал, что всё новаторство Ленина сводится к идее захвата и удержания власти с учетом конкретных практических обстоятельств. Эту идею Колесов раскрывал в анализе психологии общественных отношений с точки зрения старой доброй марксистской теории о роли личности в истории[494]. И здесь надо снова вернуться к работам Помпера – представителя психологического метода анализа жизнедеятельности крупных исторических деятелей. В конце 1991 года фрагменты его работы впервые стали достоянием и российских историков. Его метод был продемонстрирован применительно к Троцкому и Мартову и их взаимоотношениям с Лениным. Когда автор размышлял о фигуре Троцкого, то отмечал в первую очередь амбивалентность Троцкого по отношению к Ленину, что нашло свое отражение в «частичном отождествлении» себя с ним после его смерти:

> «В любом случае он не мог до конца скрыть своих отрицательных чувств к Ленину, и они отчетливо проявляют себя недоговоренно-

[492] Там же. P. 102–103.

[493] *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. С. 15.

[494] *Колесов Д.В.* Ленин: учение и деятельность. М., 2000. О том, как относится к Ленину другой медик, понятно из названия книги. См.: *Салганик Е.Л.* Выродок истории. Психологический анализ рождения и распада советской империи. М., 2000.

стью и умолчаниями. К тому же самое существо амбивалентности в том и состоит, что сознательные и подсознательные побуждения и установки сосуществуют и оказывают влияние как на конкретные поступки, так и на образ действий в целом»[495].

В качестве доказательства Помпер обратился к фактам биографии и политического поведения Троцкого после ухода Ленина. Беспокойство Троцкого по поводу замещения места Ленина проявлялось по-разному. Он не хотел, чтобы другие большевики верили, что он «имел виды на ризы Ленина», как он сам выразился, объясняя свое поведение в связи с ленинским «завещанием». Автор подчеркивал, что оценка Троцким своего положения в партии во время последней болезни Ленина и после его смерти базировалась на вполне осознанных, разумных и реалистических посылках. Тем не менее на его действия влияло и «подсознательное чувство самозванства». Помпер связывал это с тем, что Троцкий слишком хорошо знал, что в глазах большевистской олигархии он оставался самозванцем и после 1917 года. То, что Ленин и большевики до 1917 года часто напоминали ему о его национальности, усиливало его беспокойство в связи с этим, поскольку «еврейская тема по сути была лишь вариацией на тему самозванства», во всяком случае, такой она должна была казаться некоторым самозванцам, скрывающимся под маской лояльности:

«Троцкий чувствовал, что его «вынудили» стать самым правоверным большевиком, наиболее лояльным ленинцем. Гнетущее беспокойство по поводу того, что он, возможно, действительно самозванец, заставляло Троцкого прибегать к сверхкомпенсации путем демонстративного отказа от умеренных позиций. В политических схватках, которые всякий раз вновь пробуждали в нем ощущение самозванства, он бессознательно прибегал к самым различным способам сверхкомпенсации»[496].

---

[495] См., в частности: *Pomper F.* Указ. соч.; *Помпер Ф.* Троцкий и Мартов // История СССР. 1991. № 5. С. 193.

[496] Там же. С. 197.

Венгерский исследователь Миклош Кун доминирующей чертой, определяющей различные сценарии межличностных отношений в ленинском окружении, называет непосредственное стремление к власти или приверженность самой идее власти. Именно последнее, по мнению автора, было свойственно Бухарину, главному действующему лицу густонаселенной монографии «Бухарин. Его друзья и враги». Характер его поведения в ленинском окружении определялся тем, что интеллигент-революционер оттеснял в Бухарине ученого-интеллектуала, а также базовой глубинной связью с Лениным, в основе которой инстинктивное неприятие всего, что нарушало стройность марксистской картины мира[497].

Английский и немецкий историки Т.Э. О'Коннор и Б. Энкер предложили искать корни сложных взаимоотношений, а по сути борьбу, в ленинском окружении в дореволюционном периоде. Первый из них, обратившись к биографии Красина и его участию в группе «Вперед», руководимой Богдановым, а также к биографии Луначарского, анализирует первый опыт идейного и организационного противостояния Ленину в самой большевистской среде. По его мнению, Ленин из разрыва с Богдановым и Красиным сумел извлечь для себя важное политическое преимущество. Размежевавшись с «экстремистским крылом большевиков, то есть группой «Вперед», Ленин провозгласил себя защитником ортодоксального марксизма»[498]. Борьба между Лениным и Красиным шла на основе личного соперничества за власть, а также за то, кто должен распоряжаться партийными средствами. Власть «искушала» Красина, и последнюю попытку изменить свое положение в ленинском окружении он предпринял на XII съезде партии (17–25 апреля 1923 года), решившись пойти на резкую стычку с Зиновьевым. Критикуя структуру ЦК РКП(б), которая не изменилась, по его мнению, за два десятилетия с тех пор, как партия представляла собой подпольную организацию, Красин считал, что уж коли она взяла в свои руки власть и сформи-

[497] *Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992.

[498] См.: *О'Коннор Т.* Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.

ровала правительство, то страной должны управлять не «журналисты и литературная интеллигенция», а толковые администраторы, экономисты и инженеры[499].

Довольно противоречивая оценка давалось О'Коннором и А.В. Луначарскому. Несмотря на идеологические и политические разногласия, существовавшие между ним и Лениным, последний «предпочитал энергичных и бодрых революционеров» и поэтому любил Анатолия Васильевича, так как тот был «по-настоящему блестящим и веселым человеком, который получал удовольствие, развлекая людей остроумной беседой и анекдотами». Его даже считали «закадычным другом» Ленина, однако Ленин признавал, что хотя французский блеск Луначарского полезен большевикам, но он «не был полностью одним из них»[500]. Автор систематизировал причины, осложнявшие их отношения: противоречивое и двойственное отношение Ленина к интеллигенции вообще, склонность Луначарского к подчинению, а не лидерству, нетвердость в отношении коммунистических идей, вызывающий стиль жизни, являвшийся одной из причин его «дурной репутации» в партии.

Б. Энкер, говоря о «праздничной гармонии чествования вождя» в апреле 1917 года, зафиксировал скрытые сильные противоречия между Лениным и находившимся в России большевистским руководством во главе с Каменевым и Сталиным. Эти разногласия касались отношения к войне, к Временному правительству, союзу с меньшевиками в одной партии[501].

В галерее прямых оппонентов Ленина впервые появилась фигура Д.Б. Рязанова, одного из первых, кто в начале века вступил в полемику со своим ровесником Лениным, кто обратил внимание на антидемократические тенденции во взглядах большевиков, на их склонность к террору. Именно это, по мнению Я.Г. Рокитянского и

[499] Там же. С. 116.

[500] *О'Коннор Тимоти.* Анатолий Васильевич Луначарский (Серия «Исторические портреты») // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 38.

[501] *Энкер Б.* Указ соч. С. 194.

немецкого историка Р. Мюллера, обусловило политическое поведение ленинского крыла российской социал-демократии[502].

М.М. Горинов, А.А. Данилов и В.П. Дмитренко считали, что при Ленине неформально допускался определенный плюрализм в рамках большевистского ареопага. Возможность этого «либерализма» определялась государственным и общественным хаосом, вызванным революцией и Гражданской войной. К началу 20-х годов существовали почти независимые советские республики, новый государственный аппарат еще только создавался (особенно это было характерно для отвоеванных у противников территорий), в пролетарской массе еще живы были традиции самоуправления первого года революции, относительно выросла роль армии, с которой партийному руководству, в том числе Ленину, невольно приходилось считаться. Определенный либерализм в ленинском политическом окружении был связан с присутствием на вершине партийно-государственной пирамиды харизматического лидера – В.И. Ленина, перед которым склоняли голову самые амбициозные большевистские руководители – Зиновьев, Сталин, Троцкий, – в котором массы видели носителя истины в последней инстанции. Наличие вождя компенсировало отсутствие демократического механизма принятия решений, учета прав меньшинства. Опираясь на свой непререкаемый авторитет, Ленин добивался согласия противоборствующих, формально запрещенных, но фактически существовавших фракций, интегрировал различные точки зрения, имел возможность проводить последовательный политический курс[503].

Эти же авторы предложили вообще при анализе проблем политической истории отказаться от пропагандистских мифов типа «внутрипартийной демократии», которая якобы существовала при Ленине и которую отбросил «деспот» Сталин. При Ленине демократия в

[502] *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент. Академик Д.Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. (Сер.: Времена и нравы: мемуары, письма, дневники). М., 1996.

[503] См.: *Горинов М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П.* История России. Ч. III. XX век: выбор моделей общественного развития. М., 1994. С. 66–67.

межличностных отношениях ближайшего окружения «существовала в тех пределах и формах, которые не противоречили единовластию Ленина». Если же такая угроза возникала, Ленин никакой «формальной демократии», «прав меньшинства» (да и «большинства») не признавал: готов был в октябре 1917 года исключить из партии своих ближайших в течение многих лет соратников – Каменева и Зиновьева, не раз грозил своим выходом из руководства, в 1921 году пошел даже на запрет фракционной деятельности в РКП(б)[504].

Историки России, вслед за западными коллегами, высказали мнение, что острота знаменитой дискуссии о профсоюзах во многом объяснялась стремлением Ленина подорвать чрезвычайно выросший за годы Гражданской войны авторитет Троцкого[505]. Похожим образом Ленин попытался действовать и в последние месяцы своей активной политической деятельности, когда ощутил сосредоточение «необъятной власти» в руках Сталина. Если в 1920 году он в блоке с Зиновьевым, Каменевым, Сталиным выступил против Троцкого, полностью очистив Секретариат ЦК от его сторонников, то в 1922 году он пытается проделать то же самое против Сталина, блокируясь с Троцким и теми же Зиновьевым и Каменевым. Как заметил Сергей Цакунов, делать из факта этой фракционной блокировки далекоидущие выводы о нарастающей близости Ленина с Троцким, как это делает в своих работах сам Троцкий, а вслед за ним троцкистские эпигоны, вряд ли правомерно. Уравновешивать соперниками и оппонентами разные части государственного механизма было альфой и омегой ленинской кадровой политики[506].

Например, весной 1922 года в качестве своих заместителей в Совнаркоме он выдвинул Рыкова и Цюрупу, двух старых антагонистов, чьи противоречия успели вполне развиться еще на хозяйственной ниве «военного коммунизма», а в сентябре того же года Ленин

[504] См.: Там же; *Горинов М.М.* Советская история 1920–1930-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 259.

[505] См.: *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; *Дэниелс Р.* Социалистические альтернативы в споре о профсоюзах // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994.

[506] *Цакунов С.В.* Указ соч. С. 94.

внес в Политбюро предложение о назначении Троцкого своим основным заместителем в Совнаркоме, что должно было создать равновесие на верхнем этаже партийно-государственного руководства. Речь идет о противопоставлении Троцкого усилившемуся Сталину. Но Троцкий категорически отказался[507].

Из работ, предлагающих новые аспекты личности Сталина через призму отношений с Лениным, выделялось исследование канадского историка Нормана Перейры. Он отмечал, что в большинстве случаев Сталин описывался как «серая фигура», практически неизвестная до его неожиданного взлета после смерти Ленина, в то время как Троцкий считался очевидным наследником дела Ленина, координировавшим события Октябрьской революции, внесшим решающий вклад в победу Красной армии в Гражданской войне. Такая картина вводит в заблуждение, не отвечает реальной действительности, и историк пытается выйти за рамки сложившихся штампов и непредвзято взглянуть на Сталина. В частности, Перейра отмечал:

«Сталин отличался некоторыми крупными качествами как личность. Ленин первоначально признавал их. Он включил Сталина в состав ЦК еще в 1913 г. За исключением, возможно, лишь Зиновьева и Каменева, в окружении Ленина не было никого, кроме Сталина, кому бы он мог поручить наиболее сложные партийные задания. Более того, пока большая часть партийного руководства была в эмиграции, Сталин неизменно оставался в центре событий в стране, делая черновую повседневную партийную работу. Даже если у него отсутствовали красноречие и быстрота ума, как у некоторых его старших товарищей, Сталин более чем окупал эти недостатки своим проницательным суждением, прекрасной памятью, здравым смыслом и незаурядным умением выбрать момент…»[508].

В заочную дискуссию о межличностных отношениях в ленинском окружении под углом зрения борьбы за власть подключился и известный специалист по внутрипартийным отношениям 20-х годов

[507] См.: *Горинов М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П.* Указ. соч. С. 68–69.

[508] *Перейра Н.* Сталин в 20-е годы: попытка нового социального исследования // История и историки. М., 1995. С. 366–367.

Михаил Рейман. Процесс ухода Ленина из политики был неизбежно связан с изменениями отношений и ориентации в «руководящем коллективе». Тем не менее в Советском Союзе он был усложнен рядом обстоятельств. Первое – Лениным не был решен вопрос о преемнике. В результате формирование нового состава верхушки сопровождалось острой и продолжительной борьбой. Второе – созданная система не оставляла места ни для оппозиции вообще, ни для оппозиции внутрипартийной. Следовательно, не было условий легальной смены политического руководства. Третье – личные качества Сталина: нетерпимость, склонность к нелегальным методам, которые со временем трансформировались в прямые политические преступления. Для Реймана не было мистики в выдвижении Сталина, но в отличие от других исследователей, того же Нилова, автор в своих рассуждениях отталкивался не от Ленина, по существу приведшего Сталина к высшей власти, а от личных качеств членов самого ленинского окружения. Троцкий не только был изолирован в 1921 году, но и сам не стремился занять место первого лица в партии и государстве. Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин и Томский не обладали необходимыми личными качествами и не имели достаточного авторитета, ни достаточных позиций в центральных аппаратах власти, а у некоторых из них не хватало ни того ни другого.

Сталина же Рейман трактовал не статически, а как политика и личность, претерпевшую определенную эволюцию. Его политическая деятельность была при этом разноплоскостной, и вряд ли ее можно свести к общему знаменателю: «У Сталина как политика был очень развит инстинкт власти, и он обладал способностью ее концентрировать, подбирать людей и манипулировать ими, ставить их в зависимое положение, контролировать аппарат». Однако он был слаб там, где особенно был силен Ленин, – в выдвижении решений принципиальных общественных проблем, то есть мыслил с позиций формальной логики. Похоже, что Сталин не понимал противоречивости и многослойности общественных явлений. Принимая решения, он имел в виду их непосредственный эффект, а долговременные последствия выпадали, как правило, из его поля зрения. В то же

время Рейман отдает должное способности Сталина сознавать свои слабости как политика. Они были, впрочем, очевидны для его соратников: Сталина в основном ценили как человека исключительных организационных и административных способностей, как «практика». Именно потому он стремился компенсировать свои слабости, как и слабости своей позиции, союзами с разными внутрипартийными группировками – сначала с Зиновьевым и Каменевым, потом с Рыковым и Бухариным. Об этом достаточно ясно свидетельствует структура таких союзов: Сталин в них обеспечивал власть, его союзники формулировали концепцию «большой политики», решение проблем экономики, социальных отношений, внешних связей[509].

Рейман поддержал позицию Л. Троцкого, М. Джиласа и М. Восленского, которые обусловливали сталинское восхождение к власти формированием новой бюрократии, нового аппарата власти и управления, поскольку насильственная перестройка общества, затрагивающая интересы миллионов людей, была невозможна без формирования общественного слоя, отделенного от остальной массы населения своим положением и интересами. Следовательно, замена Ленина Сталиным как главы партии не была в этом смысле простой заменой лиц. При Ленине аппарат был в основном коллективом партийных «литераторов», то есть политиков, обладавших относительно большим запасом знаний и навыков интеллектуального труда. При Сталине он стал коллективом «практиков», то есть работников, прошедших школу аппарата[510].

Свою характеристику личных взаимоотношений Ленина и Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина предложил Николай Васецкий. Он считал, что Ленин по достоинству ценил Троцкого, когда тот строго и точно осуществлял директивы партии, когда наряду с другими ее руководителями выполнял служебные обязанности, порученные ему задания ЦК. Вместе с тем, учитывая склонность Троц-

[509] См.: *Рейман М.* Заметки по проблеме сталинизма в историографии // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 236–237.
[510] Там же. С. 238.

кого к организации блока и использованию в своих целях «околопартийного нечта», Ленин давал решительный отпор его попыткам создать свои кадры, опираясь на которые он стремился командовать в партии, выступать против ленинских установок в строительстве нового общества. Так было в борьбе за заключение Брестского мира, в дискуссии о профсоюзах, при решении ряда конкретных проблем партийного, военного и хозяйственного строительства. Одновременно Васецкий обратил внимание на то, что Ленин, хотя и не любил ставить в вину деятелям партии их прошлые ошибки, не раз возвращался к анализу дискуссий с Троцким. Двойственность в политической позиции Троцкого была подчеркнута Лениным в его «Письме к съезду». Выделяя его выдающиеся способности, Ленин подчеркивал и «увлечения» Троцкого администрированием, которые оборачивались грубыми ошибками и просчетами в политике. Именно поэтому Ленин считал нужным напомнить партии о небольшевизме Троцкого, но при этом имел в виду не только личность Троцкого. В небольшевизме Троцкого он усматривал позицию не отдельного партийного лидера, а целого социального слоя, определенных настроений в партии, выразителем которых время от времени оказывался Троцкий.

Отмеченные недостатки и погрешности в равной мере Васецкий адресовал и противникам Троцкого, в первую очередь Сталину и Зиновьеву. Одна из трагических страниц в истории партии как раз и состояла в том, что ни один из соратников Ленина не смог по достоинству оценить его «нэповскую метаморфозу». А то, что каждый из этих соратников воспринял от Ленина и попытался придать ему собственную трактовку, было мало похоже на оригинал. Пример Троцкого и троцкизма, заключал Васецкий, свидетельствует, что дело не в чьем-то «злом умысле», а в неверных оценках новых условий, характера и содержания переживаемой эпохи. Из этого вытекает еще один исторический урок: идеи, верные в условиях данной эпохи, если их перенести в другое время, в иные конкретно-исторические рамки, не произведя при этом необходимой корректировки в соответствии с духом самих этих идей, способны обретать

смысл, прямо противоположный своему первоначальному содержанию. Это обстоятельство во многом предопределяло не только судьбу Троцкого, но и характер внутрипартийной борьбы и межличностных отношений в ленинском окружении после ухода вождя.

Пожалуй, единственную в 90-е годы попытку дать коллективный портрет чуть ли не всему ленинскому окружению предпринял В.П. Булдаков. В частности, Зиновьев для него всего лишь «заурядный краснобай», Каменев – «не представлял собой существенной политической величины ни в 1917 году, ни позднее. Человек он был скорее мягкий, нежели жесткий»[511]. Более подробная характеристика дается Троцкому. Сначала ограничиваясь лишь зарисовками портретов, данных современниками, автор выходит на собственные оценки:

> «Троцкий мог подняться на гребне революционной смуты, но вряд ли он мог удержаться на ней без Ленина. Ему могли поклоняться только ведомые, соратников он отталкивал своим нескрываемым интеллектуальным превосходством. Троцкий пришел к большевикам, признав первенство Ленина. Он понял, что именно Ленин изоморфен русской смуте, вероятно, надеясь, что сам больше годится на роль лидера «перманентной» революции»[512].

Что же касается Сталина, если на него смотреть только сквозь призму ленинского окружения, то он прежде всего выделялся «своим навязчивым желанием уйти в тень Ленина»[513]. Сам же Ленин был догматиком в основаниях марксистской веры, но не был заложником теории. Он одержал победу вопреки доктрине, хотя «сам себе в этом никогда бы не признался». В 1917 году он инстинктивно действовал по законам хаоса и выиграл. В Гражданскую войну прямолинейно придерживался коммунистических установок – и проиграл, будучи вынужден пойти на уступки «мелкобуржуазному крестьянству»[514].

---

[511] См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 211.
[512] Там же. С. 215.
[513] Там же. С. 278.
[514] Там же.

Вполне со сталинистских позиций написана монография историка В.А. Сахарова ««Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики»[515]. Автор отстаивал тезис, что та часть «политического завещания», где была дана негативная характеристика Сталина и было предложено переместить его с поста генерального секретаря, Лениным никогда не диктовалась, а была сфальсифицирована Крупской. Каких-либо убедительных доказательств этой версии автор не привел, он следующим образом характеризовал различия между ленинской и сталинской оппозициями относительно перспектив нэпа:

> «По мысли Ленина, ограниченность темпов развития революции диктовалась невозможностью увеличивать нагрузку на крестьян не только из-за низкой эффективности их мелкого единоличного хозяйства, но и из-за невозможности увеличить изъятие из деревни материальных и финансовых ресурсов ввиду угрозы разрыва классового союза с ними. Бухарин был согласен с этим. Сталин в отличие от него (это явствует из последующей борьбы между ними) считал, что крестьянин, коль скоро он заинтересован в победе социализма, ради собственных интересов должен пойти на максимальную мобилизацию всех своих сил. Производственная кооперация позволяла обеспечить и социальную эволюцию крестьянства, и мобилизацию всех его сил для обеспечения этой эволюции».

Соответственно, Сахаров также вполне одобряет сталинскую насильственную коллективизацию, поскольку «массовая коллективизация пресекла процесс «производства» капитализма мелкобуржуазной деревней, изолировала кулачество от основной массы крестьянства и тем облегчила борьбу со слаборазвившейся сельской буржуазией. Она открыла крестьянину-единоличнику новую перспективу улучшения своего экономического и социального положения. Альтернативой ей была борьба с вырастающим из крестьянства, как головы гидры, кулачеством»[516].

---

[515] *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003.

[516] Там же.

Сахаров предпочел не обращать внимания на ту цену, в том числе в человеческих жизнях, которую заплатило крестьянство за сталинский эксперимент, сводя все дело к «перегибам» на местах.

Взаимосвязь ленинизма и сталинизма: новые грани споров

В 90-е годы дискуссия по принципиальнейшей теме современной историографии о соотнесении ленинизма и сталинизма продолжилась. Впрочем, поначалу для одних – опять-таки с целью отделить Ленина от Сталина и таким образом сохранить идею социализма, а для других – отождествить обоих «диктаторов», их учения и тем самым похоронить и идею социализма, и двух вождей. В частности, эта проблема была одной из центральных на международном семинаре, состоявшемся в июне 1992 года. Здесь был представлен полный спектр определений сталинизма[517]. Роберт Такер сразу предложил исходить из того, что именно из ленинского наследия Сталин взял все самое жестокое, репрессивное и террористическое. Однако для Роберта Дэниэлса сталинизм вытекал не из ленинизма как такового, а являлся продуктом традиционной политической культуры, кризиса модернизации, революционного процесса и социалистической идеологии. Близкую к этому точку зрения сформулировал и А.В. Голубев. Сталинизм для него – одна из разновидностей тоталитарного политического режима вообще, и его центральная черта сводится к способности мобилизовать широкие массы для решения той или иной общенациональной задачи, в частности, ускоренной модернизации. Насилие при этом играло существенную, но не абсолютную роль, так как сталинизм, по его мнению, сумел опереться на некоторые свойства общественного сознания.

Хиллель Тиктин из Великобритании также дистанцирует ленинизм от сталинизма путем акцентирования внимания на выдвину-

[517] См.: *Голубев А.В.* Феномен сталинизма в контексте мирового исторического процесса. Международный семинар в Новосибирске // Отечественная история. 1993. № 5. С. 215–217.

тую Сталиным доктрину социализма в одной стране. Именно следование этой доктрине и привело к чисткам, атомизации общества, созданию псевдодоктрин, к примеру, национализма советского типа. Еще более сложная трактовка была предложена Игорем Яковенко. В основе его анализа находится понятие «трансформативных и нетрансформативных обществ». Общества с малой способностью к трансформации породили в XX веке особый феномен «фазового перехода», осуществляемого диктаторскими режимами с модернизаторской доминантой. Сталинизм в этом контексте – «конкретно-историческая форма трансформации теоцентрического общества через идеократическое к секулярному»[518].

Профессор Филадельфийского университета Моше Левин предложил рассматривать сущность ленинизма и сталинизма через призму российского бюрократизма. При Ленине «ничтожные интеллектуальные силы оказались втянутыми в формирование правительственной структуры и были обречены на то, чтобы стать частью бюрократической иерархии, растущей подобно метастазам злокачественной опухоли, чуждой и демократии, и социализму»[519]. И Ленин с самого начала понял потенциальные возможности, заложенные в возникшей системе. Он, пытаясь избегнуть этой ловушки, выдвинул в начале 1918 года идею государственного социализма, которая, если бы она была реализована, по мнению Левина, смогла бы предотвратить опасности, связанные с вариантом «азиатского деспотизма». Однако Гражданская война прервала возможности такого развития. Затем начался эксперимент нэпа, который Ленин первоначально рассматривал как иную версию того же государственного капитализма. В сталинизме же этот американский историк видел определенную двойственность: он стал возможен благодаря бюрократии – определенного рода и на определенном уровне, но сам рассматривал бюрократию одновременно и как необходимость (поддержка верхушечных слоев), и как не заслуживающую доверия. Левин обратил

[518] Там же. С. 217.
[519] *Левин М.* Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 18.

особое внимание на изучение Сталиным опыта царей, поскольку он опасался способности чиновничества «регулировать» деятельность самодержцев. В известной степени сталинизм стал препятствием на пути превращения верхних слоев бюрократии в правящий класс. Автор подчеркивает:

> «Сталин, возможно, раньше других осознал, что бюрократия лишь внешне выглядит как некая открытая пирамидальная структура… В действительности же налицо была тенденция дробления этой структуры на достаточно сильные и при том трудно согласуемые между собой ветви, каждая из которых стремилась сохранить за собой полный контроль над своей отраслью, и пыталась, если не встречала должного отпора, вырваться из подчинения единой государственной системе… Сталина можно рассматривать как бюрократического антихриста и в этом смысле порождением бюрократии. Последняя была ему без сомнения «предана», но это не отменяло внутренней инерции ее развития, шедшего вразрез с его системой. Сталина скорее следует рассматривать как порождение своей партии, которой он сам же помог сформироваться, после того как стал генеральным секретарем и главой партийного аппарата»[520].

Более сложным путем пошел в вопросе о преемственности профессор Лондонского университета Дж. Биггарт, который попытался обозначить промежуточные мостики связи ленинизма и сталинизма. Он считает, что Бухарин, который в партийной среде считался хранителем чистоты «ленинизма» в годы нэпа и сторонником постепенных изменений, в действительности, в той же теории культурной революции, значительно отошел от ленинской позиции. Бухарин на самом деле стоял за радикальный разрыв с системой нэпа, а его идеи представляют связующее звено между поздним ленинизмом и сталинизмом. Более того, через Бухарина в официальную идеологию при Сталине в видоизмененной форме прошло немало идей А. Малиновского-Богданова[521].

---

[520] Там же. С. 18, 25.

[521] *Биггарт Дж.* Бухарин, «культурная революция» и истоки сталинизма // Отечественная история. 1994. № 3. С. 90.

Сопоставил двух вождей в своей итоговой, как оказалось, книге «Прошлое одной иллюзии» (издана в Париже в 1995, а затем в Москве в 1998 году) известный французский историк Франсуа Фюре. Он постарался не вникать в перипетии борьбы в ленинском окружении и сосредоточил свое внимание на одном из самых существенных вопросов: каким образом победа Сталина, постепенно устранившего всех своих соперников, повлияла на отношение большевизма к универсальным задачам, сместив акцент с интернационального на национальное? Если их соотношение, подчеркивает Фюре, было более или менее ясно при Ленине, в ситуации, созданной Первой мировой войной, то с возникновением сталинского «второго большевизма» положение меняется: Первая мировая война стала забываться, революционный цикл завершился, началась экономическая и политическая стабилизация капиталистического мира. «Обстоятельства, способствовавшие выходу Октябрьской революции за пределы России, переменились, а Ленин, символизировавший такой выход, умер»[522].

Чтобы понять, в каком направлении эволюционировал революционный универсализм, французский историк обратился к рассмотрению советской символики: способу увековечивания Ленина, похоронам его и «клятве» Сталина. Последняя, произнесенная на языке, заимствованном из прошлого, дает понять, что единство партии – непреложный закон и что именно Сталин будет единственным его истолкователем и хранителем. По линии партии и аппарата развертывается дальше сравнение Ленина и Сталина. Фюре признает, что хотя Ленин всю жизнь посвятил партии, он ее не обожествлял. Да, он осуществил запрет фракционной деятельности, страстно спорил, случалось, оставался в меньшинстве, но его «непререкаемый авторитет был основан на том, что он привел партию к власти, а не на том, что он окружил себя преданными аппаратчиками»:

> «Парадокс Ленина, – уверен Фюре, – состоял в том, что он сознательно установил диктатуру партии и сам же боялся ее последствий. Этот догматический сектант, человек поспешного действия не побо-

[522] *Фюре Франсуа.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 160.

ялся поставить государство под контроль одной партии, не побоялся установить царство террора, но незадолго до смерти он испугался бюрократизации им же созданного режима»[523].

В то же время наоборот для Сталина бюрократия и российская отсталость были самой подходящей средой, в подборе преданных ему кадров и овладения властью «он становится более русским, чем сами русские». Если Ленин добавил к марксизму значительную долю русского народничества, но при этом одной ногой стоял в европейской культуре, то Сталин знал Маркса только через Ленина. И тем не менее Фюре предлагает рассматривать Ленина и Сталина не только в различиях, но и в связях. И здесь как бы суммируются наблюдения и выводы различных исследователей нашей проблемы, которые мы анализировали на протяжении всей монографии.

Итак, Ленин отождествлял диктатуру партии с диктатурой пролетариата. От него пошли возвеличивание террора, презрение к законам, смешение партии и государства, сектантская страсть к идеологическим дебатам. Ленин создал, поддерживал и продвигал Сталина вплоть до последнего года своей жизни, когда половинчато и запоздало попытался отработать назад. Однако при Ленине в партии велись дискуссии, а «тоталитарная партия, соединившая идеократию с террористическим государством, яростно истребляющая свои старые кадры, – это уже Сталин», с его победой «первый большевизм» умирает[524].

Однако этим выводом не завершаются размышления Ф. Фюре. Он обратил внимание еще на один обязательный аспект сравнения Ленина и Сталина. От деятелей Французской революции большевиками была унаследована концепция, согласно которой общество есть продукт согласия составляющих его членов и, следовательно, производное от коллективной воли. Такое понимание не исключает диктатуры со стороны революционного государства, надо только, чтобы государство выступало как представитель воли граждан, под-

[523] Там же. С. 161.
[524] Там же. С. 167.

нявшихся против сил прошлого. Но большевистская версия революционного субъективизма оказалась более радикальной, чем якобинская.

В то же время сравнение Великой французской и Великой русской революции 1917 года в советское время было общим местом. Ленин и его соратники как бы сверялись с опытом французских революционеров, уподобляли себя якобинцам и больше всего боялись термидорианского перерождения революции и возникающего из него бонапартизма. О «термидоре» Сталина впоследствии много писал Троцкий. При этом в первое термин «великая» в названии обеих революций первоначально означало не только их огромное всемирно историческое значение, но и их протяженность во времени, несводимость к одному событию. Конечно, символическим началом Французской революции считается взятие Бастилии 14 июля 1789 года, но фактически под Великой французской революцией понимают период с 1789 по 1794 или даже с 1789 по 1799 годы, до прихода к власти Наполеона Бонапарта. Точно так же Великая русская революция включает весь революционный процесс от Февраля к Октябрю 1917 года, а в более широкой трактовке захватывает и Гражданскую войну вплоть до 1920 года. Троцкий же в статье «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», противопоставляя ленинский период сталинскому, утверждал:

> «Было бы нелепым педантизмом пытаться приурочить отдельные этапы русской революции к сходным событиям в конце XVIII века во Франции. Но прямо-таки бросается в глаза, что нынешний политический режим Советов чрезвычайно напоминает режим первого консула, притом к концу консульства, когда оно приближалось к империи. Если Сталину не хватает блеска побед, то режимом организованного пресмыкательства он во всяком случае превосходит первого Бонапарта. Такая власть могла быть достигнута лишь путем удушения партии, Советов, рабочего класса в целом. Та бюрократия, на которую опирается Сталин, связана материально с результатами завершившейся национальной революции, но не имеет с развивающейся интернациональной революцией никаких точек соприкосно-

вения. По образу жизни, интересам, психологии нынешние советские чиновники отличаются от революционных большевиков не менее, чем генералы и префекты Наполеона отличались от революционных якобинцев».

Ленин же еще в 1917 году предупреждал: ««Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»[525].

Как вспоминал большевик В.В. Адоратский, он в Женеве в 1908 году спросил у Ленина, как бы тот стал действовать, если бы оказался в роли Робеспьера:

«Речь зашла о будущей революции. Уже по опыту 1905 года было ясно, что ближайшая революция неизбежно даст власть в руки нашей партии. Возникал вопрос, как быть со слугами старого режима. Таким образом, снова, и уже в присутствии самого Владимира Ильича, ставился вопрос о том, каков будет Владимир Ильич в роли «Робеспьера». Владимир Ильич полушутя наметил такой план действий: «Будем спрашивать: ты за кого? За революцию или против? Если против – к стенке, если за – иди к нам и работай». Надежда Константиновна, присутствовавшая при разговоре (мы сидели втроем в комнате), заметила скептически: «Ну вот и перестреляешь как раз тех, которые лучше, которые будут иметь мужество открыто заявить о своих взглядах». Замечание это было, может быть, отчасти и справедливо, но, тем не менее, Владимир Ильич все-таки был прав. Так приблизительно происходило и в действительной революции, и как же иначе было действовать?»[526].

Во-первых, Ленин, «как бы он от этого ни открещивался», через идею партии как авангарда класса фактически разработал теорию всемогущества политической воли. Подтверждением чему может

[525] *Троцкий Л.Д.* Рабочее государство, термидор и бонапартизм // Бюллетень оппозиции. № 43. 1935, 1 февраля; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.

[526] *Адоратский В.В.* За восемнадцать лет // *Адоратский В.В.* К вопросу о научной биографии Ленина. М., 1933. С. 67.

служить тот факт, что он не отступил перед такой нелепой, особенно для марксиста, идеей, как идея превращения отсталой России в колыбель мировой пролетарской революции.

Во-вторых, у Ленина, как и у всякого марксиста, «воля получает неожиданную поддержку со стороны науки, правда ценой философской апории». Партия, являющаяся олигархией ученых и организаторов, изменяет мир по своей воле, одновременно повинуясь законам истории. В ходе борьбы за наследие Сталин присвоил себе эту двойную миссию, а его лозунг «построения социализма в одной стране» содержал в себе дополнительный революционный импульс. Сталин также получил в наследие от Ленина диктатуру пролетариата в самой крестьянской стране в Европе и «комбинацию нэпа и ГПУ». И тем не менее он заявил о построении в ней социализма. По сравнению с такими политическими амбициями, конечно, политика Ленина выглядела реалистической.

Кстати сказать, в самый напряженный момент Гражданской войны, в 1919 году, Ленин допускал, что большевики могут потерпеть поражение. Как отмечает А.А. Майсурян, осенью 1919 года наступил новый отчаянный момент для революции: белогвардейцы уже предвкушали взятие Москвы и скорую победу. Большевики в те дни тоже не исключали своего поражения. Армия генерала Деникина подошла к Туле. 14 октября 1919 года Ленин говорил, что если Тула будет взята, то и Москву не удержать. Он предупредил голландского коммуниста Себальда Рутгерса: «Если вы в пути услышите, что Тула взята, то вы можете сообщить нашим зарубежным товарищам, что мы, быть может, вынуждены будем перебраться на Урал»[527].

Для Фюре и ленинская, и сталинская политики были обусловлены идеологией. Вторая представлялась автору углублением первой: «…она окончательно отрывается от всякой экономической и социальной реальности. Верить в нее позволяет еще сохранившаяся связь с революционными надеждами: революция мертва во Франции или в Китае, но в Советском Союзе она возобновит свое торжествующее

[527] *Майсурян А.А.* Другой Ленин. С. 283. Цит.: *Рутгерс С.* Встречи с Лениным // Историк-марксист. 1935. № 2–3 (42–43). С. 89.

шествие. Призрак русского Термидора, возникший вместе с нэпом, будет окончательно изгнан»[528]. Известно, что многие европейские мыслители того времени попали в плен политических амбиций Сталина. Но в книге «Прошлое одной иллюзии» приводится малоизвестный у нас эпизод приезда в СССР в 1932 году Эрнста Никича, бывшего председателя баварского Совета. Оказалось, что для него Октябрь – это марксистское прикрытие для защиты русской природы от покушений западного капитализма, и вообще трудящиеся должны выступать не как освободители всего человечества, а как воплощение нации и символ государственных интересов. И Никич формулирует следующее: «Ленинизм – это то, что остается от марксизма после того, как гениальный человек (имеется в виду Сталин. – *Авт.*) использовал его в целях национальной политики». Сталин – истинный и единственный наследник Ленина, «глубоко связанный с сутью русской жизни», он обладает самым драгоценным качеством политика – «фанатизмом государственных интересов»[529].

Но опять-таки сталинский «национал-большевизм» – это то, что разъединяет с Лениным. Неслучайно, когда Фюре рассуждал о XX съезде и секретном докладе Хрущева, он пришел к непривычному для нашей историографии выводу, что всё зависело не от отношения к наследию Ленина, а от возможности управлять тем, что было получено из рук Сталина. Ни один текст Ленина не мог служить руководством для управления «советской империей», ибо, вопреки видимости, эта империя была создана Сталиным и управлялась в соответствии с более поздней, чем ленинизм, и чуждой ему логикой построения «социализма в одной стране»[530].

Методу, который использовали для сравнения Ленина и Сталина в западной и российской историографии, следовал и Юрий Буртин в своей развернутой статье «Три Ленина. К 75-летию со дня смерти». Публицист сравнил Ленина и Сталина не как личности, а как воплощение определенных исторических тенденций. В начале своего

[528] *Фюре Франсуа.* Прошлое одной иллюзии. С. 172.
[529] Цит. по: Там же. С. 229.
[530] Там же. С. 513.

анализа Буртин повторил уже не раз приводимые нами аргументы «за» и «против». Да, безусловно, Сталин является продолжателем Ленина: достроил систему, фундамент которой был заложен при Ленине. Но ведь он уничтожил ленинский нэп и на месте «диктатуры пролетариата» выстроил государство ненавистной Ленину бюрократии. Да, Сталин является преемником в эстафете насилия – «красного террора», арестов политических противников, бессудных расстрелов. Но разве одно и то же – жестокость в условиях Гражданской войны и жестокость в мирное время? И автор апеллировал к Андрею Сахарову и его согласию со словами Николая Бердяева, что «исходный импульс Ульянова – и большинства других деятелей революции – был человеческий, нравственный. Логика борьбы, трагические повороты истории сделали их действия и их самих такими, какими они стали». Естественно, что к Сталину это можно отнести лишь отчасти и с большой натяжкой, считал Буртин, отсылая своих читателей к событиям 1937–1938 годов[531].

Вместе с тем автор предложил в осмыслении проблемы исходить не из стереотипной презумпции «единого» Ленина, а ввести в «условие задачи» тезис о «трех Лениных», то есть Ленина Октября и Гражданской войны, Ленина – автора нэпа и Ленина периода «завещания». Если видеть в Ленине основателя двух различных общественных устройств и предтечу третьего, то проблема Ленина и Сталина приобретает совершенно иной вид. С каким, с которым Лениным соотносятся определения Сталина как «великого продолжателя», или преемника в насилии? – спрашивал Буртин. И отвечал: исключительно с Лениным Октября и Гражданской войны:

> «Сталин довел до логического завершения и полного осуществления антикапиталистическую (то есть антирыночную и антидемократическую) направленность октябрьского переворота. Построенная им тоталитарная система явилась продолжением и упорядочением как диктаторского режима, установленного большевиками с первых дней своей власти, так и экономики «военного коммунизма». Сталинский

[531] *Буртин Юрий.* Три Ленина. К 75-летию со дня смерти // Независимая газета. 1999, 21 января.



Двойники Ленина и Сталина на Красной площади

«Большой террор» возродил идеологию и во много раз расширил практику массового насилия, изначально свойственного большевистскому режиму. Поскольку ведущую роль в построении такого режима и руководстве им сыграл Ленин, Сталин – его порождение, гипертрофированный двойник»[532].

Что же касается Ленина нэпа и «завещания», то здесь он и Сталин, по Буртину, в теоретическом плане антиподы, а в политическом – просто враги. Представляя социализм, они являются носителями двух не просто разных, но диаметрально противоположных тенденций: «…доконвергентной и конвергентной, тоталитарной и плюралистической, обесчеловечивающей и стремящейся иметь «человеческое лицо». Слова «продолжатель», «преемник» тут совершенно неприменимы. Сталин умер почти через тридцать лет после Ленина,

[532] Там же.



Иллюстрация к роману Владимира Войновича «Монументальная пропаганда»

но исторически он целиком принадлежит той эпохе в развитии человечества, которую преодолевал – по крайней мере, в себе самом – поздний Ленин»[533].

Расставание с ленинианой

В художественной реакции на развенчание культурного героя запомнились только два произведения. Во второй половине 90-х завершил свой роман «Монументальная пропаганда» Владимир Вой-

[533] Там же.

нович. И хотя он был посвящен посмертному образу Сталина в сознании старшего поколения, ряд эпизодов в нем был связан с Лениным. К примеру, один из жителей райцентра Долгов скептически оценил попытки реабилитации Сталина в 70-е годы:

> «После культа личности Сталина был культ личности Хрущева, сейчас создается культ личности ныне живущего генерального секретаря, а после него будет следующий живущий, а потом и так далее, а мертвый соперник никому не нужен. Из мертвых достаточно Ленина»[534].

А другой герой – правоверный коммунист Шубкин – после 1991 года решил креститься и выполняет требование священника «проклясть ленинское, дьявольское учение» и растоптать портрет (и здесь практически звучат определения Волкогонова!) «антихриста, отвратительного, премерзкого и превонючего», «порождение тьмы и коварного ловца заблудших душ»[535].

Сразу же после 130-летия Ленина на экраны вышел фильм Александра Сокурова «Телец» (2001), в котором впервые темой стало умирающее тело вождя. До этого он существовал как образ, как символ, как идея и идеология, но теперь сценарист Юрий Арабов и актер Леонид Мозговой представили Ленина как персонажа трагедии, как человека, измученного болезнью. Действие картины происходит в один из летних дней 1923 года в Горках, где вождь проводит последние месяцы своей жизни в окружении бестолковой прислуги и многочисленной охраны, главная задача которой – надежная изоляция его от внешнего мира. Телефонная связь с Москвой хронически нарушена, никакая корреспонденция до Ленина не доходит. Один из эпизодов связан с приездом Сталина. «В насилии единственная точка опоры. Источник насилия не может быть бессильным. Я прошу у Политбюро яда. Тот, кто не может убить другого, должен убить себя сам», – говорит ему Ленин. Кинокритик Евгений Марголит

[534] *Войнович В.* Монументальная пропаганда. Роман. М., 2001. С. 187.
[535] Там же. С. 247.



Фильм Александра Сокурова «Телец». 2001 г.

считал, что два фильма по существу завершили кинолениниану – «Комедия строгого режима» завершила кинолениниану «низовую», а «Телец» стал ее высшей точкой[536].

* * *

Антиленинизм предполагал отказ от учения, теории либо пересмотр, критику наследия, отказ от теории или учения. Однако ряд политиков, ученых и художников пошли дальше – старались поскорее перевести не культ, а антилениану в плоскость антикульта. Этот процесс достиг апогея к середине 1990-х годов, но не получил сво-

[536] *Марголит Евгений.* Указ. соч. Образ Ленина возникал и в политических телевизионных драмах – см., например, «Раскол» (1993) Сергея Колосова о размежевании социал-демократов на II съезде РСДРП и «Под знаком скорпиона» (1995) Юрия Сорокина о послереволюционных годах жизни Горького. Ленин здесь в исполнении соответственно Вадима Романова и Рима Аюпова – человек, всецело поглощенный своей политической доктриной и принципиально приносящий ей в жертву свои личные человеческие привязанности.

его завершения. Абсолютное зло существовало в основном в медиа, но не воспринималось в конкретной реальности «лихого» времени. К тому же власть новой России, пережившая первую революционную волну 1991–1993 годов, взяла курс на социальный мир, на общественное согласие, на сосуществование противоположных ритуалов и символов, одним из которых был мавзолей. Путин поставил точку в вопросе о перезахоронении Ленина. Так на рубеже веков его культа не стало, но и антикульт не взял верх! Впрочем, это не означало отказа от внедрения в массовое историческое сознание и образовательные стандарты антикоммунистических идей и смыслов, представления советского периода как «черной дыры» российской истории.

Таким образом, к рубежу веков в обществе сосуществовали разные, в том числе прямо противоположные, взгляды на Ленина. Однако подобный плюрализм явился вовсе не результатом диалога внутри гражданского общества, но следствием более простых тенденций. С одной стороны, власть ради расширения своей социальной опоры отказалась еще при Ельцине от задиристых антиленинских выпадов. В первые годы правления Путина такой подход к революционному прошлому и его самому узнаваемому образу еще более укрепился. С другой стороны, тот сегмент общества, который разделял левые ценности, почувствовав ослабление антикоммунистического прессинга «сверху», перешел если не в наступление, то к активной защите своих взглядов, в том числе в публичном пространстве. Сегодня понятно, что это сосуществование явилось паллиативом, рассчитанным на ограниченную во времени перспективу, но тогда, 20 лет назад, казалось, что постсоветская Россия постепенно выходит из ситуации социального конфликта начала 1990-х. Однако история пространства памяти о Ленине в XXI веке показала, что это на самом деле было не так и что образ Ленина еще неоднократно будет востребован с разными знаками для его использования в текущей политической конъюнктуре.

2010: титаны не умирают

В первом десятилетии XXI века в пространстве памяти, несмотря на ликвидацию зоны антипамяти и раскрытие архивных тайн, продолжалась острая борьба за сохранение Ленина как культурного героя российской истории. Серьезным поводом для этого стало 80-летие со дня его смерти (21 января). Незадолго до этой даты в 2004 году в связи с предстоящими президентскими выборами в ряде СМИ появились предположения о том, что круглая дата может стать подходящим поводом для выноса «нетленных мощей» Ленина из мавзолея. Этого не произошло, потому что возможное захоронение тела Ленина не имело в тот момент никакого внутреннего идеологического содержания. К этому времени для многих людей в России имя «бессмертного вождя» перестало быть раздражителем, как со знаком плюс, так и со знаком минус. И как писал тогда в «Русском журнале» Игорь Ильин, политический курс Владимира Путина, даже при наличии характерных признаков авторитаризма, никак не опирался на наследие Владимира Ильича Ленина и его не фетишизирует:

> «С другой стороны, этот близкий к авторитаризму политический курс экстенсивно развивается, не претерпевая никаких революционных изменений. При этом сильного отторжения у нынешней власти товарищ Ленин тоже не вызывает. А обществу, как уже отчасти было сказано, захоронением тела Ильича мало что докажешь. Образ Ленина настолько измельчал, что для демонстрации каких-то политических перемен и идеологических устремлений он теперь малопригоден»[537].

Насколько точна была эта оценка, покажет следующее десятилетие, а пока, по слухам из источников в президентской администрации, в недрах здания на Старой площади действительно разрабатывался иной план – якобы администрации поручено подготовить

[537] См.: *Ильин Игорь.* Ленин и Путин // Русский журнал. 2004, 26 января (www.russ.ru/politics/news/20040126-ili.html).



перенос мавзолея из Москвы в Санкт-Петербург. Если верить этим источникам, историческое обоснование этого проекта уже было готово, оставалась единственная проблема: мавзолей как памятник архитектуры охраняется ЮНЕСКО.

Спустя несколько лет, накануне 140-летия Ленина, было очевидно, что массовое сознание в своем отношении к символам прошлого эволюционировало в том же направлении, что и государственная система ценностей. 12 июня 2008 года, в День России, из 500 кандидатур, представленных Институтом российской истории РАН, жителями страны было выбрано 10 выдающихся деятелей нашего прошлого, претендующих на то, чтобы стать «Именем России». В их число, несмотря на продолжающийся вал критики в российских СМИ, вошел и Ленин. При этом если в 1995 году негативно оцени-

вали деятельность Ленина 48 % россиян, то в 2011 году отрицательную оценку дали лишь 24 % респондентов, а свыше 46 % опрошенных оценивали его деятельность положительно[538].

При таких довольно высоких показателях не нашли поддержку призывы Марка Захарова – а он говорил о Ленине еще 20 лет назад как о гениальном политике и посвятил ему два спектакля в Ленкоме – следовать политике антикульта и объявить Ленина «государственным преступником», «посмертно судить и вынести ему такой же вердикт, как примерно вынесли Гитлеру»[539]. В среде ветеранов отрицательно воспринималась установленная с 2004 года традиция драпировать мавзолей в День Победы, сначала на том лишь основании, что западные лидеры якобы не хотели видеть коммунистическую символику, а впоследствии и сама власть не захотела отменять эту практику.

Продолжались и попытки атаковать мавзолей. В марте 2010 года 33-летний житель ближнего Подмосковья Сергей Карпецов смог перелезть через ограждение, взобрался на трибуну мавзолея и стал громко призывать всех прохожих к захоронению Ленина и разрушению мавзолея. При задержании он оказал сопротивление и выстрелил в полицейского из травматического пистолета. В ноябре того же года милиционеры задержали мужчину, который бросил в мавзолей рулон туалетной бумаги. Задержанного госпитализировали в психиатрическую больницу[540]. Заметный общественный резонанс вызывали подрыв памятника «Ленин на броневике» у Финляндского вокзала в апреле 2009 года, взрывы памятников Ленину в Махачкале в сентябре 2010 года, в Пушкино Ленинградской области в декабре 2010 года. Губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко потребовала от правоохранительных органов найти виновных: «Тот,

[538] См.: *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. Ульяновск, 2012. С. 13–14.

[539] Художественный руководитель «Ленкома» Марк Захаров ответил на вопросы читателей bbcrussian.com // https://www.bbc.com/russian/interactivity/2009/06/090611_zaharov_int_interview

[540] См.: https://news.rambler.ru/incidents/41893152/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink



Памятник «Ленин на броневике» у Финляндского вокзала

кто поднимает руку на памятники, независимо кому они посвящены, тот поднимает руку против нашей истории, против чувств наших граждан»[541].

Показательно в этой связи, что в Маврикии, Зимбабве, Индии и других странах продолжалось установление памятников Ленину и особо отмечалась его роль в освобождении народов. В 2010 году во французском Монпелье Ленину был воздвигнут памятник как человеку, сделавшему первый шаг к деколонизации. Рядом с вождем русской революции стоят статуи Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Франклина Рузвельта и Жана Жореса.

[541] Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга. 2010. № 48 (699), 8 декабря.



Памятник в Монпелье, Франция

Старо-новая проблематика исследований

Начиная с 2000-х годов, ориентация на всестороннее изучение одной из самых заметных политических фигур в истории России не угасала. В фундаментальной монографии Евгения Плимака «Политика переходной эпохи: опыт Ленина», опубликованной в 2004 г., предпринята попытка создания интеллектуальной биографии политика в контексте исторической ситуации в России и мире на рубеже XIX–XX вв. По мнению автора, отрыв личности Ленина от реалий эпохи – главная ошибка защитников и ниспровергателей создателя советского государства. В переломные годы в истории человечества происходит коренная и очень болезненная ломка прежних форм общественной, политической, культурной жизни, что одними воспринимается как крах цивилизации, другими – как очищение и освобождение:

«Революции, – пишет Плимак, – втягивая в политическую жизнь огромные массы людей, необыкновенно ускоряя и усложняя ход событий, вместе с тем обнажают узость, неполноту и ограниченность

прежних представлений, с которыми вожди и теоретики революций приступали к тем или иным действиям, выдвигали те или иные лозунги, пытаясь руководить событиями или людьми»[542].

Далее исследователь отмечает: «Ленин сумел предложить выход из кризисной ситуации, который в то время не казался утопическим, но официальные хранители ленинского наследия сыграли с вождем Октября злую шутку. Они спрятали в свое время в секретные архивные фонды все «порочащие» Ленина документы. Открытие архивов в постперестроечные времена породило массу «разоблачителей» Ленина, выполнявших заказ новых власть имущих. Были высказаны такие суждения: Ленин – политик, постоянно отдававший приказы о расстрелах, он же – глава правительства, выславший из России десятки мыслителей, он же – погромщик церкви, он же – побудитель «доликвидации» меньшевиков и эсеров, он же – инициатор знаменитой в сталинские годы 58-й статьи и прочее в том же духе. И никто из «разоблачителей» не занимался всерьез анализом обстановки, породившей большевизм, анализом действий и взглядов Ленина, их эволюцией». Это происходит из-за того, что берутся только порочащие Ленина факты, причем выдернутые из исторического контекста и без какой-либо попытки их научного осмысления[543].

Общий вывод Плимака сводился к тому, что «творец нэпа Владимир Ильич рано ушел из жизни, в этом громадная трагедия нашего народа. Напомним хотя бы тот факт, что использовавший, по существу, нэповскую двухукладную модель, Китай, начав переход к рыночной экономике почти одновременно с нами… сумел в 20 раз (!) увеличить объем производства и уровень благосостояния населения»[544].

В русле серьезных непредвзятых подходов находилось и исследование Б.Ф. Славина «Ленин против Сталина. Последний бой революционера» (М., 2010), в котором анализировались последние годы жизни руководителя государства.

---

[542] *Плимак Е.* Политика переходной эпохи: опыт Ленина. М., 2004. С. 7.
[543] Там же. С. 11–12.
[544] Там же. С. 316. Цит.: *Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А.* Белая книга. Экономические реформы в России. 1991–2001 гг. М., 2003. С. 8.

Заметным событием в российском лениноведении стал выход в 2005 году книги Владлена Логинова «Владимир Ленин. Биография. Выбор пути»[545], а новая книга В.Т. Логинова «Неизвестный Ленин», вышедшая в 2011 году, была посвящена только одному 1917 году – возвращению вождя в Россию, корниловскому мятежу, подготовке к восстанию и созданию Совнаркома. Значительную часть книги заняли личностные аспекты биографии, к примеру, отношение к Богу, влиянию отца – Ильи Николаевича Ульянова, видного русского просветителя. Автор избежал привычных для постсоветского времени упрощений и заказного антикоммунизма, поскольку следовал досконального анализу источников, особенно мемуарных. Весь строй книги переводил дискуссию о Ленине и его наследии в конструктивное русло, представлял собой отказ от конъюнктурного стремления свести всё к бессмысленному разоблачительству. Логинов отверг обвинения в приверженности Ленина к террору, утверждая, что отказ от насилия против насильников мог лишь продлить существование таких режимов и таких общественных отношений, которым насилие над человеком сопутствовало неизбежно и неотвратимо. «Насилие – дурное средство. Само по себе оно отвратительно. Однако решимость применить его в правом деле, в борьбе с насильниками могла стать признаком нравственного мужества. И вряд ли можно винить теоретиков рабочего движения XIX столетия в том, что XX век круто обошелся со многими благими идеями»[546].

Отреагировал Логинов и на проблему культа Ленина, который, по его мнению, не насаждался сверху, а естественным образом складывался в народе:

> «На смену иконам Богоматери с младенцем и изображениям государя императора с наследником, а то и рядом с ними, в «красных углах» российских изб, появились портреты Ленина. Образ его, как бы

[545] *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. М., 2005. Новую расширенную версию этой книги, посвященной раннему этапу жизни Ленина, см.: *Логинов В.Т.* Владимир Ленин: как стать вождем. М., 2011.

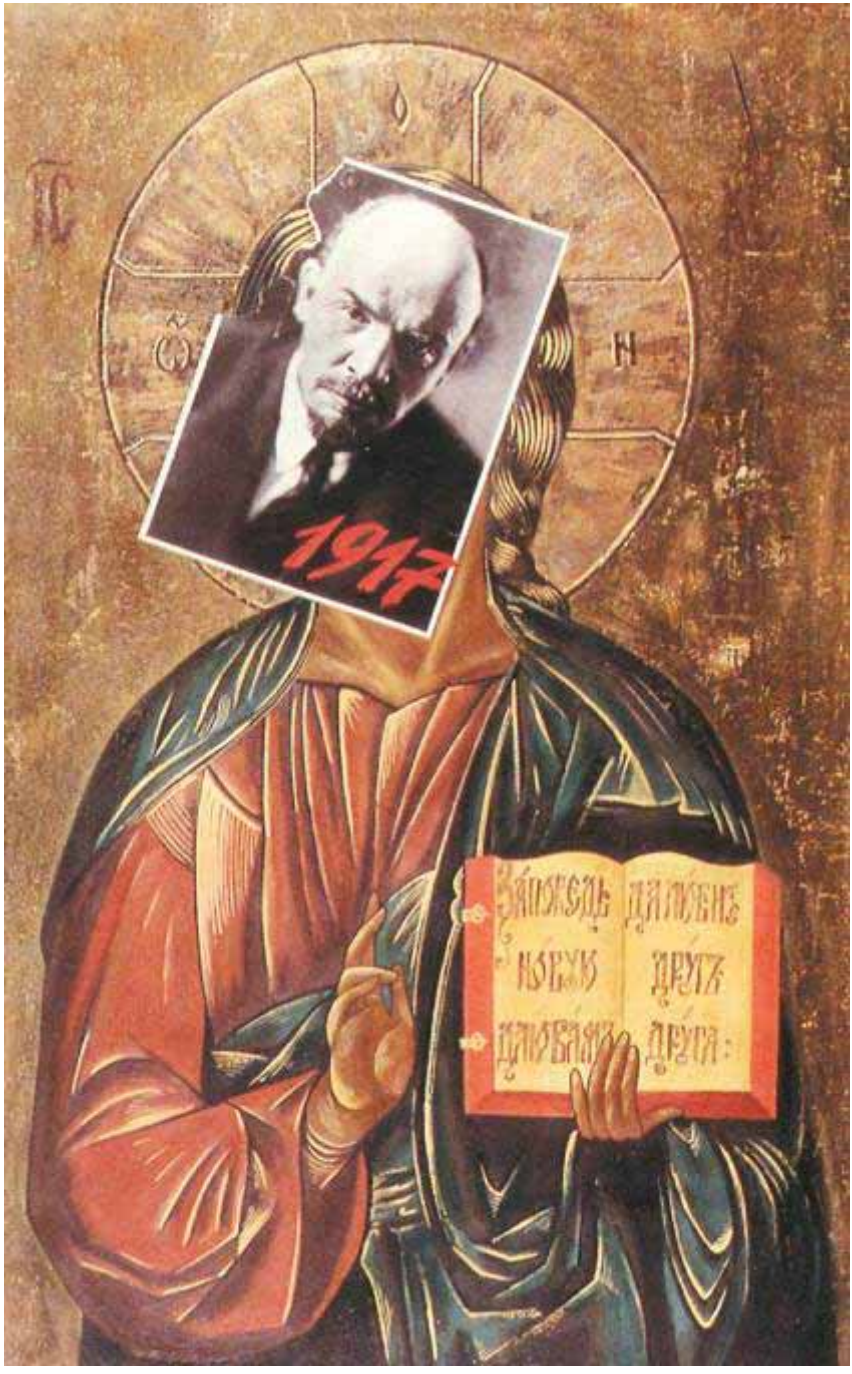
[546] *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. С. 5–6. Цит. по: *Водовозов В.* Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне (Прага). 1925. № 12. С. 175; Коммуна (Самара). 1924, 24 апреля.

отделившись от реальной личности, становится своего рода символом новой эпохи, «новой веры», борьбы бедных против богатых за справедливость. И для миллионов он превращается в объект чуть ли не религиозного поклонения. Вот почему в СССР любой серьезный государственный акт, как и любой политический лидер, получали легитимизацию лишь при «благословении» его Лениным. И по табели о рангах каждый лидер значился либо «верным учеником», либо «славным продолжателем» его дела. И кстати, вот почему искать корни современных российских проблем в прошлых деяниях Ленина по меньшей мере недобросовестно, ибо это уже совсем другая история. Это то же самое, что винить Христа в крестовых походах и кострах инквизиции, хотя и в том, и в другом случаях клялись словом и именем Божиим»[547].

В.А. Поцелуев считал, что «обожествление Ленина шло не только за счет хвалебного воспевания его жизни и деятельности, но и за счет забвения его соратников, не говоря уже о политических оппонентах, оклеветанных и расстрелянных, имена которых даже не упоминались в академических и энциклопедических изданиях, так же как пропали настоящие фамилии революционных кумиров»[548]. А.А. Майсурян в своей книге «Другой Ленин», вышедшей в 2006 году, также не сомневался в том, что культ Ленина зародился еще при его жизни, потому что народное сознание вполне серьезно видело в Ленине святого, наподобие прежних православных святых. В качестве примера приводится заговор, которым «красная колдунья» – 24-летняя солдатка – изгоняла болезни «священными именами Троцкого и Ленина»[549].

Автор руководствовался следующим подходом к своему герою: «При жизни это был веселый, эксцентричный и отчасти легкомысленный человек. После смерти его сделали полной противоположностью самому себе. И только теперь, спустя восемьдесят лет после

[547] *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. С. 380.
[548] *Поцелуев В.А.* Великий Ленин. Вечно живой. М., 2014. С. 9.
[549] *Майсурян А.А.* Другой Ленин. М., 2006. С. 365.



Плакат. Худ. А. Плюгеников, Ю. Логачев, А. Рубец

кончины, он снова делается хоть немного похожим на себя самого»[550]. Публицистическая и эмоционально окрашенная книга Майсуряна – это своеобразный цитатный монтаж. Причем, цитаты автор предпочитает либо пересказывать, либо определенным образом редактировать, чтобы сделать их доступнее для читателя. Вот пример, относящийся к ранней юности Ленина: «Кучер, который как-то раз отвозил Владимира в имение матери, заметил его двоюродному брату: «Ну и забавник! – Кто? – Да брательник твой. С ним не заметишь, как доедешь и на ленивых лошадях… Уж больно занятный! Я и не видывал таких парнишек – на все у него загвоздки да прибаутки»»[551]. Майсуряна волнует не историческая точность, а эмоциональное восприятие его героя. Он повторил и созданные вокруг Ленина мифы, например, о том, будто в свое время Володя Ульянов оказал большое влияние на 5-летнего Сашу Керенского.

Для Майсуряна Ленин – прежде всего человек свободный. Он сочувственно цитирует статью редактор сменовеховского журнала «Россия» И.Г. Лежнева «После Ленина», написанную после кончины вождя:

> «И вот Ленин. Человек – свободный и независимый. В чем эта свобода? В том, что между ним и фактом нет средостений. Вот человек и вот факт – и нет между ними никаких средостений, никакого традиционного барахла привязанностей, пристрастий, окостенелых догматических навыков мысли. Эта внутренняя свобода и независимость, умение глядеть правде прямо в глаза, как бы неказиста порой она ни была, умение эту правду высказывать со всей прямотой, простотой и жестокостью, безо всяких паточных оговорочек, безо всякого смягчающего и вуалирующего миролюбчества, безо всякого самодовольного самоуслаждения – величайший дар Ленина, который усвоить будет, пожалуй, труднее всего, ибо это дар революционера в себе самом, а не только во внешней борьбе, что, конечно, несравненно легче и площе».

[550] Там же. С. 3.
[551] Там же. С. 9.



Танк «Рено-Русский» «Борец За Свободу тов. Ленин». Одна из фотографий, посланных в подарок Л. Д. Троцкому. 1920 г.

Автор книги дает к приведенной цитате такой комментарий: ««Борец за свободу товарищ Ленин!» – так гордо окрестили в 1920 году первый советский танк… В позднесоветские времена это словосочетание уже немного удивляло и резало слух. Ленин – борец за свободу? Почему за свободу? Разве за свободу? Странно как-то, непривычно… Но, возможно, главный движущий закон истории в том и заключается, что люди всегда стремятся к большей свободе… И количество свободы в ходе истории тоже постоянно растет, хотя это и не всегда представляется очевидным. А в России XX века люди где только не искали свободу! В начале столетия – в революциях, в конце – в реставрации… И, разумеется, в отстранении от всех этих мировых событий, в частной жизни. Остается только спросить: где они ее нашли?.»[552].

[552] Там же. С. 470.

Автор книги напоминал и о том, что Ленин пришел к власти под лозунгом свободы как от самодержавия, так и от буржуазного подкупа. Комментируя фразу Н.К. Крупской: «Будь Ильич жив, он, наверное, уже сидел бы в тюрьме», – будто бы сказанную ей в 1926 году в узком кругу, Майсурян замечает: «Однако ее товарищи по оппозиции еще находились на свободе. Очевидно, Крупская считала, что ее муж выступил бы гораздо резче, чем это делали они»[553]. Указанная фраза впервые была процитирована в книге Л.Д. Троцкого «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?», впервые опубликованной в 1936 году[554]. В принципе, аутентичность этой фразы можно поставить под сомнение. В то же время книга Троцкого вышла еще при жизни Н.К. Крупской, и неизвестно, что она когда-либо опровергала это свидетельство Троцкого. Вместе с тем близость Н.К. Крупской к зиновьевской оппозиции Сталину середины 20-х годов общеизвестна, равно как и ее нелюбовь к Сталину. Поэтому представляется вполне вероятным, что данную фразу или близкую к ней по смыслу Крупская действительно произнесла.

Как полагает Майсурян, в последние месяцы жизни Ленина больше всего волновал намечавшийся конфликт в партии между «старой гвардией» и неофитами, все решительнее продвигавшимися к руководящим должностям:

> «Для Ленина ясно обрисовались две основные силы, противостоящие друг другу: старая гвардия и партийные новички. Взгляды последних – пестрая мешанина, вплоть до сменовеховских. В общем, это типичное «болото». А то, что у этого болота нет вождей, – дело временное. «Было бы болото, а черти найдутся», – говорил в таких случаях Ленин. Пока все заметные посты – в руках старой гвардии, но новички страстно мечтают о равноправии с ней. Собственно говоря, острейшая (а с 1936 года – и кровопролитная) борьба этих двух сил и стала содержанием следующей эпохи советской истории. Владимира Ильича беспокоил вопрос: сможет ли горстка революционе-

[553] Там же. С. 436.

[554] *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 1991. С. 90.

ров удержать власть, не дать нахлынувшему морю новичков затопить, опрокинуть себя? Он со всем напряжением искал выход… и не находил его. То, что он предлагал, – всемерно затруднить прием в партию, уменьшить ее численность… все это были лишь полумеры. Остановить «наводнение» партии новичками они не могли»[555].

Журналист Лев Колодный в книге «Ленин без грима» также обратился к периоду ухода вождя и его роли в качестве учителя Сталина, в том числе и в таком малоприятном деле, как уничтожение людей:

«Сталин действительно лучший ученик вождя. Уничтожать людей он научился у Ильича. Который, по примеру римлян, – разделял и властвовал. Россию разделил на классы, узаконил массовый террор, создал концлагеря, правил, опираясь на партию и чекистов. Сталин царил по той же схеме. Но пошел дальше. Построил систему концлагерей, обрушил «Большой террор» на свою партию, армию, номенклатуру»[556].

Получается, что до Ленина классов в России вообще не было, а очевидно, существовало морально-политическое единство всего российского народа вокруг царя. Само название «Ленин без грима» выдает разоблачительный пафос автора. Колодный также подчеркивает любовь Ленина к парикам и гриму в периоды, когда он находился на нелегальном положении. Зато «когда избавился от необходимости прибегать к парикам, за дело взялись партийные публицисты и представили миру Ильича в образе пролетарского вождя, пророка ленинизма, в гриме святого трудящихся всех стран»[557] Однако Ленин никогда не рассматривал свою версию марксизма в качестве религии, а наоборот, был убежден в сугубой научности марксизма. Отношение Колодного к Ленину проявляется, например, в этой фразе:

[555] *Майсурян А.А.* Указ. соч. С. 464.
[556] *Колодный Л.Е.* Ленин без грима. Гений и злодейство. Сталин. М., 2004. С. 4.
[557] Там же. С. 6.

«Ни писать, ни говорить мучительница-болезнь не дала, как палач, пытала с каждым днем все сильнее, вызывая адскую боль и вопли, пугавшие детей и собак. Так кричали в застенках Лубянки»[558].

Ради красного словца Колодный Ленина не щадит, не останавливаясь перед прямой выдумкой. Никакой адской физической боли Ленину болезнь не приносила. Но он испытывал огромные моральные страдания из-за невозможности говорить и писать.

По-прежнему острый характер имела дискуссия о роли Ленина в расстреле царской семьи. Поиском значимых улик занимался Г.З. Иоффе. Он обратился к воспоминаниям коменданта Ипатьевского дома Я.М. Юровского, непосредственно руководившего расстрелом царской семьи: «16.7. была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых. 16-го в шесть часов вечера Филипп Голощекин предписал привести приказ в исполнение» (в рукописном варианте записки Юровского речь шла о телефонограмме). По мнению Иоффе, эта телеграмма (или телефонограмма) была получена в Екатеринбурге не в 6 часов вечера, а в самом конце дня, причем она являлась ответом на телеграмму из Екатеринбурга, в свою очередь, переправленную из Петрограда в Москву главой Петросовета Г.Е. Зиновьевым. Полный текст зиновьевской телеграммы гласит: «Подана 16 VII-18 г. в 19 ч. 50 м. Принята 16 VII в 21 ч. 22 м. Из Петрограда, Смольного НР 142, 28. В Москву. Кремль – Свердлову, копия Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: «Сообщите в Москву, что установленный Филипповым суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения противоположны, сейчас же, вне всякой очереди, сообщите. Голощекин, Сафаров. Снеситесь по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев»»[559].

Сторонники того, что именно Ленин принял решение о расстреле царской семьи, основывали свое мнение, в частности, на материалах

[558] Там же. С. 437.

[559] *Иоффе Г.З.* «Филиппов суд». По чьему распоряжению была расстреляна царская семья? // Наука и жизнь. 2010. № 8.


Областной Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ Урала.

ТЕЛЕГРАММА.

ПЕРЕДАНА

ЕКАТЕРИНБУРГА

191 г. № 2029

ПОДАНА.

Служебныя отмѣтки

МОСКВА Кремль Секретарю совнаркома ГОРБУНОВУ

с обратной проверкой

Белобородов

КОМИТЕТ ОБЛАСТНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ Совѣтов Рабочих Крестьянских и Солдатских Депутатов УРАЛА

Шифротелеграмма о расстреле царской семьи

колчаковского следователя Н.А. Соколова, обнаружившего копию шифрованной телеграммы в Москву из Екатеринбурга, датированной 21 часом 17 июля, в которой сообщается о расстреле всей семьи: «Секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. А. Белобородов» (расшифровать ее Соколов смог уже в эмиграции, во Франции)[560].

[560] И.Д. Ковальченко приводит текст этой телеграммы в другой редакции: «Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву, что условленного с Филиппом суда по военным обстоятельствам… ждать не можем. Расстрел не терпит отлагательства» // *Ковальченко И.Д.* Вековая проблема российской истории // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 10. С. 916–919.

Как считает Иоффе, на эту телеграмму наверняка был дан ответ: «Телеграмма была получена в Москве около 10 часов вечера, и, вероятно, в это время или несколько позднее с ней ознакомились адресаты – Свердлов и Ленин. По тексту телеграммы нельзя установить, кто должен подлежать «Филиппову суду»: только Николай II или вся семья? Однако из других телеграмм, которые на другой день (17 июля) были отправлены из Екатеринбурга в Москву, можно сделать вывод: речь шла только о бывшем царе… Для того чтобы полностью замкнуть цепь зла между Москвой и Екатеринбургом, необходимо еще одно звено: ответная телеграмма Ленина или Свердлова. А между тем ее нет. Однако невозможно допустить, чтобы Ленин или Свердлов никак не прореагировали на полученную через Петроград телеграмму. Остается предположить, что телеграмма или телефонограмма, о которой писал Юровский, и была этим ответом. Только, как я уже отмечал, этот ответ должен был прийти в Екатеринбург в самом конце дня 16 июля. Что содержалось в нем? Несогласие на «Филиппов суд»? Согласие на него? Согласие на расстрел одного бывшего царя? Или всей семьи и приближенных? Это никому не известно (во всяком случае, сегодня)».

Иоффе оговаривается, что «современным людям трагедия рисуется сакральной борьбой между Тьмой и Светом, окончившейся победой Тьмы. Но для самих носителей Тьмы – революционных вожаков из Кремля и Уралоблсовета – многое представлялось иначе. Для них расстрелы классовых врагов были неизбежными и оправданными действиями»[561]. Сам Иоффе склонен считать, что Ленин и Свердлов санкционировали расстрел только бывшего царя, но не его семьи. Историк опирался на первую телеграмму, посланную после расстрела из Екатеринбурга в Москву с просьбой разрешить опубликовать сообщение о расстреле царя: «Ввиду приближения непри-

[561] *Кривякина Е.* Следствие установило: Ленин не убивал царскую семью // Комсомольская правда. 2011, 27 октября. Проводивший следствие криминалист В. Соловьев заявил: «Нет ни одного документа, который свидетельствовал бы о том, что Ленин или представители Кремля дали приказ на расстрел царской семьи. Если и были устные договоренности, они нигде не зафиксированы, и мы соответствующими документами не располагаем. Расстрел был проведен по решению президиума Уральского облсовета».

ятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имеющего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного совета в ночь на 16 июля (так в телеграмме, явная описка, должно быть: 17 июля. – *Авт.*) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место». Иоффе полагал, что «можно с большим основанием сказать, что если ответ Ленина или Свердлова на зиновьевскую телеграмму, полученную 16 июля в 21 час 22 минуты, действительно был дан и если он содержала санкцию на «Филиппов суд», то почти наверняка речь шла только о Николае Романове. В противном случае Президиуму Уралоблсовета не было смысла прибегать ко лжи, сообщая, что семья бывшего царя отправлена «в надежное место». Но они солгали, утаили факт расправы над всей семьей и близкими к ней людьми».

Однако нельзя исключить и такой вариант, что фраза об эвакуации была частью заранее обговоренной игры, согласно которой семья должна была погибнуть при эвакуации. Да и несколько странно, что, будто бы осмелившись самовольно, без санкции Москвы, расстрелять не только царя, но и членов его семьи, руководители Уральского совета теперь боялись без санкции Москвы сообщить о расстреле. Вместе с тем снятие с Москвы ответственности за казнь царской семьи, будто бы совершенной по инициативе Уральского совета, облегчало Ленину попытки прорвать дипломатическую блокаду со стороны Антанты и нейтральных государств.

Тем не менее состояние источников тогда не позволяло сделать однозначный вывод об ответственности Ленина за гибель царской семьи. Неслучайно в заключении Следственного комитета России в 2011 году по делу расстрела семьи Романовых указывалось, что «следствие не располагает документальными доказательствами причастности Ленина либо кого-то другого из высшего руководства большевиков к расстрелу царской семьи». Это означает, что юридически значимых улик против Ленина в этом деле так и не появилось. Выводы, которые в данном случае делали исследователи, зависели от интерпретации имеющихся источников, а сторонники и против-

ники Ленина склонны были толковать их противоположным образом. Однако даже если принять версию об ответственности Ленина за гибель царской семьи, это произошло не из-за мести за брата и будто бы присущей Ленину ненависти к исторической российской государственности, а диктовалось, как правильно отметил Г.З. Иоффе, логикой классовой борьбы и отнюдь не воспринималось как преступление Ленина и большевиков.

Отношение к идеям христианства

К числу новых тем исследований относилось отражение религии и христианских канонических текстов в трудах Ленина. Ярким примером заимствования идей христианства являлись слова апостола Павла (из Второго послания к фессалоникийцам): «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Ленин много раз повторял эту мысль, даже называя ее «основным законом» нового общества, «первым, основным, коренным началом»: «Нетрудящийся не должен есть». ««Кто не работает, тот да не ест» – это понятно всякому трудящемуся… Девять десятых населения России согласны с этой истиной». Ленин развивал мысль апостола: «У нас… один только лозунг, один девиз: всякий, кто трудится, тот имеет право пользоваться благами жизни». Вошла фраза из Нового Завета и в текст советской Конституции. Видимо, это заимствование у христианства было не случайным, а вполне сознательным. Ленин высказывал даже некоторую симпатию к раннему христианству. «Христиане, – писал он в 1917 году, – получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом». В 1921 году Ленин замечал, что «в рядах большевиков могут быть и верующие»[562].

М.Ю. Смирнов много внимания уделил письму Ленина для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года, где содержится требование «дать самое решительное и беспощадное сражение чер-

[562] *Смирнов М.Ю.* Религия и Библия в трудах В.И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 107.

носотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий… Чем большее число представителей реакционного духовенства… удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». Это письмо, опубликованное только в 1990 году, вызвало шок у почитателей Ленина. Однако, как подчеркивает Смирнов, резкость фразеологии этого письма вызвала некоторые сомнения в его аутентичности. Дело в том, что ни рукописного наброска, если таковой был, ни его фотокопии не существует. В архиве хранится машинописный текст, выполненный по стенографической записи (тоже не сохранившейся и не имевшей фотокопии), сделанной под диктовку Ленина по телефону его секретарем М. Володичевой. Ленинской подписи или какой-либо авторской правки в этом тексте нет. На страницах письма нет предполагаемых заметок членов Политбюро, имеется лишь не требовавшаяся пометка Молотова, присутствуют расхождения между стилем ленинской письменной речи и рядом словесных оборотов в этом тексте[563].

Смирнов привел две ленинские цитаты, заставляющие сомневаться в аутентичности стенографических записей его речей:

> «Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей… Я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее неправильного построения, или от чего другого, но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал»[564].

Тем не менее Ю.М. Смирнов не ставил под сомнение аутентичность ленинского письма Молотову. Действительно, ведь Ленин имел в виду точность стенографических записей только своих речей,

[563] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 73; Т. 44. С. 246–247.
[564] *Смирнов М.Ю.* Указ. соч. С. 112.

когда, обращаясь к аудитории, он действительно мог говорить быстро и эмоционально, что сказывалось на качестве стенографической записи. В данном же случае речь шла о записи под диктовку, когда Ленин произносил текст достаточно медленно. Кстати, это обстоятельство объясняет, почему письмо не содержит стилистических признаков ленинского эпистолярного жанра. Ведь это письмо Ленин не писал, а проговаривал.

В то же время автор статьи пытается оправдать Ленина в связи с процитированным выше письмом В.М. Молотову по поводу репрессий против духовенства, утверждая, что в данном письме «репрессивные установки звучали в контексте, явно не предполагающем полного уничтожения религиозной жизни в стране»[565]. Ю.М. Смирнов отмечает, что в определенные исторические периоды Ленин признавал за религией прогрессивную роль, поскольку «было время в истории, когда… борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы одной религиозной идеи против другой»[566]. У Ленина, подчеркнул автор, «наибольшую враждебность… вызывали не столько религиозная вера людей или, тем более, вероисповедные доктрины (к ним он был в целом равнодушен и способен ограничиться лишь чисто теоретической полемикой), сколько вполне понятные претензии религиозных организаций на весомую роль в общественных настроениях, на хозяйственное и политическое влияние – в этом отношении компромиссов он не признавал и употреблял все свои возможности для безжалостного подавления таких претензий»[567].

Смирнов обращал внимание на то, что высказывания Ленина по религиозным вопросам зависели от изменения политической обстановки в России. До завершения основных событий Гражданской войны советская власть еще не позволяла себе демонстративного разрушения храмов и массовых репрессий верующих[568], отсутствует какое-либо неприязненное (тем более издевательское) отношение

[565] Там же. С. 108. Цит. по: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 231–232.
[566] *Смирнов М.Ю.* Указ. соч. С. 112.
[567] Там же. С. 111.
[568] Там же. С. 125.

Ленина к самим библейским фразеологизмам. Скорее можно заметить, что он использует библеизмы для усиления собственных суждений по тем или иным поводам, то есть применяет хорошо известные современникам фразы из Библии для большей выразительности изложения своих взглядов или в полемике. Такое обращение к библейским словам и выражениям вполне объясняется возможным его взглядом на Библию как историко-культурный памятник, вобравший опыт и мудрость народов и веков[569]. Всего в текстах Полного собрания сочинений В.И. Ленина было обнаружено не менее 740 случаев употребления библейских фраз и выражений[570].

«Кающийся дворянин»

В.А. Никонов, анализируя события Февральской революции к ее 90-летию, значительное внимание уделил фигуре Ленина. За исходную позицию он взял вывод известного русского и немецкого философа Ф.А. Степуна:

> «Октябрь родился не после Февраля, а вместе с ним, может быть, даже и раньше его; Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению. Чья вина перед Россией тяжелее – наша ли, людей Февраля, или большевистская, – вопрос сложный»[571].

Как считает Никонов, Ленин был прав в том, что для победы революции достаточно завоевать народную поддержку для начала только в столице страны[572]. Ленин, по его мнению, главную особенность России видел в том, что переход капитализма в империализм проходил в условиях незавершенной буржуазной революции при сохранении крепостнических пережитков, а решающую роль в революции отводил партии большевиков, которая с первых дней войны

[569] Там же. С. 121.
[570] *Майсурян А.А.* Другой Ленин. С. 423–424.
[571] *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. С. 11.
[572] Там же. С. 13–14.

развернула борьбу за революционный выход из империалистической войны и превращение ее в войну гражданскую[573]. Поэтому для автора Ленин и большевики – одни из главных разрушителей Российской империи, которую он значительно идеализирует. Так, Никонов утверждает, будто Россия «только за четыре века, предшествовавшие революции… воевала 167 раз, чаще, чем кто бы то ни было. Причины были разные, но чаще – давали отпор тем, кто привык или пытался разговаривать с ней с позиции силы»[574]. Но тогда получается, что с позиции силы с Россией пытались говорить и горцы Кавказа, и поляки в период трех разделов Польши, и Казанское и Астраханское ханства в период их завоевания Иваном Грозным, и Турция во время последней русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Столь же наивна точка зрения Никонова насчет того, что «идея избранности Святой Руси, маргинальная в интеллигентской традиции, была сильна в народном сознании, составляла идеологический фундамент, который скреплял общество и власть, давал им смысл существования и основу для духовного самоуважения»[575]. Степень распространенности этой идеи в народном сознании как раз и показала революция 1917 года. Отметим и совсем уж трагикомичную ошибку: «13-летний Николай был рядом со своим любимым дедом императором Александром II в тот день 1 марта 1881 года, когда бомба террориста Степана Халтурина прервала жизнь «царя-освободителя»»[576]. Но даже школьники знают, что Степан Халтурин никакого отношения к собственно осуществлению покушения 1 марта 1881 года не имел.

Никонов инкриминировал Ленину лозунг поражения своего правительства в Первой мировой войне: «Везде самые ярые оппозиционеры из числа социал-демократов объявили о безоговорочной поддержке своих правительств. За небольшими, но, как выяснится, существенными исключениями: лидера небольшой партии больше-

[573] Там же. С. 24.
[574] Там же. С. 25.
[575] Там же. С. 41.
[576] Там же. С. 91.

виков Владимира Ленина, ряда его единомышленников, а также некоторых представителей социалистической и либеральной интеллигенции, желавших провала «тюрьме народов»»[577]. Ленина Никонов отнес к «кающимся дворянам», которые, по его мнению, возглавляли в России наиболее радикальные партии социалистического и анархистского толка[578]. К «кающимся дворянам» он отнес также Герцена, Бакунина, князя Кропоткина, Лаврова, Плеханова и Керенского. Заметим, что вряд ли А.Ф. Керенского, «трудовика» до марта 1917 года, можно счесть лидером радикальной социалистической партии. Заклеймил историк и спонсоров большевиков из представителей торгово-промышленного класса: «Они полагали, что смогут манипулировать радикалами, как пешками, в своих интересах, а потому помогали Ленину издавать «Искру» и содержать школу подрывной деятельности на острове Капри»[579].

Подвергается сомнению и оценка числа пролетариев и полупролетариев в России, сделанная Лениным – 50,7 % населения, или 63,7 млн человек вместе с членами семей, с включением не только фабрично-заводских рабочих, но и деревенской бедноты, а также прислуги, мелких служащих и люмпенов. Эти цифры автор книги полагает сильно завышенными, равно как и цифры пролетариев, исчисленные советскими и российскими исследователями: 12–14 млн в начале XX века и 18–22 млн в канун Первой мировой войны. Для Никонова более реальна оценка в 2,5–4,0 млн промышленных рабочих, с исключением из числа пролетариев сельских батраков, кустарей и торгового персонала[580]. Что ж, нельзя исключить, что Ленин несколько преувеличивал численность российского пролетариата. Но делал он это не только и не столько из пропагандистских, сколько из практических соображений. Почти все перечисленные Лениным группы населения стали опорой большевиков в ходе революции и Гражданской войны.

[577] Там же. С. 120.
[578] Там же. С. 127.
[579] Там же. С. 137.
[580] Там же. С. 182.



«Экспроприация экспроприаторов». Худ. М. Рубцов

Как считает Никонов, Ленин «прекрасно знал психологию масс и был в состоянии электризовать дружественные аудитории и вызывать шок в недружественных»[581]. В то же время, по мнению автора, Ленин ошибочно считал революцию 1917 года результатом главным образом победы национально-освободительных движений:

«Одно из распространенных объяснений революции 1917 года: Российская империя пала под ударами национально-освободитель-

[581] Там же. С. 225.

ных движений угнетавшихся свободолюбивых народов, разделив тем самым неизбежную судьбу всех империалистических диктатур. Эта идея питается из нескольких источников. Прежде всего из наследия Владимира Ленина, из его определения России как тюрьмы народов и его теоретической установки на право наций на самоопределение, восходящей корнями к австро-марксизму с его представлениями о нации как этнической общности»[582].

Однако Ленин в победе революции 1917 года главное значение придавал не национальному, а классовому фактору, хотя и не отрицал роль национально-освободительных движений. Критика же Ленина Никоновым обусловлена тем, что последний подходит к истории революции 1917 года с неоимперских позиций и возмущается, что до сих пор «наше прошлое часто рассматривается как история «последней лоскутной империи», которая сводилась к завоеваниям, колонизации и угнетению, с добавлением детерминистских ноток об обреченности империй»[583]. Ленин, несомненно, никогда не согласился бы с отрицанием наличия у Российской империи подобных несимпатичных черт. В то же время Никонов прав, когда утверждает: «…в хмурые октябрьские дни 1917 года власть буквально валялась на мостовой. Ее подобрал Ленин, который обладал волей к власти, превосходившей волю всех его оппонентов»[584].

С Февральской революцией связывают исследователи историю о шпионаже и спонсировании большевиков со стороны Германии. Эта тема окончательно перекочевала из зоны антипамяти и стала занимать чуть ли не основное место в новейшей литературе. В ходе известных событий 3–5 июля 1917 года и российского наступления на фронте пропагандистская атака Временного правительства против Ленина была связана с обвинением в том, что большевики ударили в спину наступающим войска и сорвали победу русского оружия, которая могла вообще покончить с войной, что за всем этим стоит Германия. Часть российских и зарубежных историков продолжила

[582] Там же. С. 226.
[583] Там же.
[584] Там же. С. 672.

утверждать, что большевики использовали для революции германские деньги, что германское правительство было готово за сепаратный мир выплатить Николаю II 9 миллиардов золотых марок в качестве компенсации за причиненный России ущерб в ходе войны и одновременно предлагало деньги тем лидерам политических партий России, которые были готовы, как Ленин, к превращению империалистической войны в войну гражданскую[585].

Г.Л. Соболев и А.И. Колганов продолжали доказывать, что не благодаря «немецкому золоту», а на волне народного протеста против социальной политики Временного правительства большевики пришли к власти[586]. История о политическом авантюристе Парвусе, вознамерившемся на деньги германского Генерального штаба и руками Ленина устроить в России революцию, получила широчайшее распространение, хотя сам Парвус в августе 1917 года заявил, что «ни Ленину, ни другим… я никогда не давал денег»[587]. В 2006 году вышло третье издание книги В.И. Старцева «Немецкие деньги и русская революция». По сути это было переиздание его монографии «Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского», которая была издана небольшим тиражом в середине 1990-х годов. Приведенные факты и сведения о том, как фальсифицировались документы о «немецком золоте», свидетельствуют, что к происхождению русской революции эта финансовая помощь никакого отношения не имеет[588].

Важное значение имела публикация в 2010 году фундаментальной работы С.С. Поповой «Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам)». Выявленные новые документы позволяют теперь вполне определенно противо-

[585] См.: Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001; *Сикорский Е.А.* Деньги на революцию: 1902–1920. Факты, версии, размышления. Смоленск, 2004.

[586] *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». М.; СПб., 2002; *Он же.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009; *Колганов А.И.* Миф о «немецком золоте» // Альтернативы. 2006. № 2.

[587] *Хавкин Б.* Родина задешево для «доктора слона» // Родина. 2008. № 7. С. 92.

[588] *Старцев В.И.* Немецкие деньги и русская революция. СПб., 2006.

стоять многим политическим спекуляциям. К примеру, шифрограммы французского военного атташе в Швеции Л. Тома в Военное Министерство Франции дают конкретное представление о том, как начиналась и проходила тайная операция по сбору компромата на Ленина и его сторонников. В шифрограмме из Стокгольма от 24 июня 1917 года читаем: «…Г. Альбер Тома проездом через Стокгольм дал указание доказать в интересах Временного русского правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги». А в вышедших позднее воспоминаниях бывший военный атташе Франции привёл полный текст полученной им директивы от Альбера Тома: «Нужно дать непосредственно правительству Керенского возможность не только арестовать, но и прежде всего дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей, выяснив, при каких условиях эти противники революции смогли проникнуть на территорию новой Республики, откуда поступают деньги, которые они так легко распределяют, и кто за ними стоит. По моим первым сведениям, ключ проблемы в Швеции. Срочно направьте все ваши расследования в этом направлении и держите русское правительство в курсе ваших действий и поисков»[589].

Из других опубликованных документов французской разведки, взявшей «германский след» в Швеции, Дании и Петрограде, в поле зрения автора попал в первую очередь польский социал-демократ Я.С. Фюрстенберг (Ганецкий), который занимался коммерческой торговлей за границей не только для содержания своей семьи, но и оказания материальной помощи польской социал-демократии и большевикам в Петрограде. Первыми телеграммами, попавшими в руки французской разведки, были именно телеграммы Ганецкого, отправленные им 4 мая 1917 года своим адресатам в Петрограде, в том числе и Ленину. Среди попавших к французской разведке телеграмм есть справка Центрального телеграфа Петрограда «Переписка Ленина». В ней, в частности, отмечалось, что «главным корреспондентом группы Ленина в Швеции является Фюрстенберг», которому

[589] *Попова С.С.* Между двумя переворотами. М., 2010. С. 324.



Тайна истории. Худ. М. Гавричков

«поручено созывать товарищей по группе и собирать документы и брошюры, служащие партийной пропаганде». Эта справка не подтверждала подозрений в зашифрованном характере переписки между Стокгольмом и Петроградом.

Хотя к началу июльских событий в Петрограде французской разведке так и не удалось обнаружить у большевиков «германское золото», именно перехваченная ею и переданная затем Временному правительству в основном коммерческая переписка между Стокгольмом и Петроградом послужила главным разоблачительным материалом против заговорщиков-большевиков и их обвинений в государственной измене.

Наибольший интерес в исследовании Поповой вызывают документы и материалы Особой следственной комиссии Временного правительства по расследованию июльских событий в Петрограде. Охотники за «немецким золотом большевиков» до сих пор считают, что эти документы были уничтожены после прихода большевиков к власти. Однако это не так. Показательно в этом отношении помещенное в сборнике заключение экспертов от 14 сентября 1917 года, в котором, в частности, констатировалось: «Что касается вопроса о получении обвиняемыми по настоящему делу более или менее крупных денежных сумм из-за границы, то из поступивших от пет-

роградских частных банков письменных сведений и сообщений не усматривается факта перевода таких сумм обвиняемым из-за границы…». Выводы Особой следственной комиссии самым решительным образом разошлись с предварительным мнением ее шефа-прокурора Петроградской судебной палаты Н.С. Каринского, который еще в начале работы этой комиссии публично заявил, что «следствием добыты данные, которые показывают, что в России имеется большая организация шпионажа в пользу Германии». И здесь надо воздать должное профессиональной честности судебного следователя по особо важным делам П.С. Александрова, убедившегося в том, что результаты следствия опровергают «акты дознания», что дело не имеет никакой судебной перспективы и нет оснований для дальнейшего поиска и ареста лиц, его избежавших, и прежде всего Ленина, «центральной и крупной фигуры следствия»[590]. В сборнике содержатся новые сведения о тех лицах, которые были причастны к формированию мифа о «германском следе» в революционных событиях в России – Г.А. Алексинском, В.Л. Бурцеве, Д.С. Ермоленко, М.Ф. Мейндорфе, Б.В. Никитине, П.Н. Переверзеве и др.

В связи с этим любопытна позиция того же политика и историка В.А. Никонова, который, не обращая внимания на работы историков, в 2011 году писал: «Гельфанд вошел в историю прежде всего как спонсор Ленина и большевиков. Возможно, применительно к постфевральскому периоду так оно и было. Но до 1917 года до Ленина деньги от Парвуса если и доходили, то весьма опосредованными путями и в крайне незначительных размерах»[591].

Верность «героическому сценарию»

Историческое сообщество России смогло познакомиться и с книгами тех зарубежных авторов, которые поднимали новые проблемы, связанные с Лениным. Среди них обратили на себя внимание прежде

[590] Там же. С. 282. См. также глубокую рецензию на эту книгу Г.Л. Соболева в «Новейшей истории России» (М., 2012. С. 259–263).

[591] *Никонов В.А.* Указ. соч. С. 288.

всего сочинения модного постмодернистского словенского философа Славоя Жижека «Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие» и «13 опытов о Ленине»[592]. Тема Ленина проходит через обе книги, а в «Опытах» он – практически центральный персонаж, которому принадлежат такие открытия, как созидание классового сознания через инфицирование рабочего класса революционной теорией посредством левой буржуазной интеллигенции и «партия нового типа». Интерпретируя ленинские новации с помощью Лакана и Гегеля, Жижек показал «внешнее положение» «партии по отношению к рабочему классу, аналитика в психоаналитическом лечении», и вмешивающегося извне Бога по отношению к верующему, а также церкви по отношению к общине верующих. Партия, церковь, психоаналитик – внешние инстанции. Но лишь они способны оформить рабочего в революционного пролетария, верующего – в члена церкви, а пациента – в него самого. Ленин не просто адекватно транслировал марксистскую теорию в политическую практику, а скорее «формализовал» Маркса посредством определения партии как политической формы ее исторического вмешательства, точно так же, как св. Павел «формализовал» Христа, а Лакан – Фрейда. Классовая борьба – форма общества, классовая борьба и есть общество, которого самого по себе, вне классовой борьбы, не существует. Жижек пришел к выводу, что Ленин до сих пор сохраняет свой «подрывной потенциал», превращает ряд обычных понятий в «подрывную теоретическую конструкцию». Критики обратили внимание не на анализ теоретического наследия, а на стремление философа «реабилитировать» Ленина в среде западных интеллектуалов и даже вернуть моду на Ленина.

Традиционным сюжетам были посвящены книги Абрахама Резника «Ленин: основатель Советского Союза» (2004) и Кристофера Рида «Ленин: революционная жизнь» (2005)[593]. А вот британская

[592] См.: *Zisek Slavoj.* The Fragile Absolute: Or, Why is the Christian Legacy Worth Fighting For? New York, 2000 (книга переведена на русский язык в 2003 году); *Он же.* 13 опытов о Ленине (разные очерки 2000 года переведены на русский язык в 2003 году).

[593] *Resnik Abraham.* Lenin: Founder of the Soviet Union. London, 2004; *Reed Christofer.* Lenin: A Revolutionary Life. London, 2005.

писательница и историк Хелен Раппапорт, автор книг «Екатеринбург: последние дни Романовых» и «Королева Виктория», в 2009 году опубликовала новую работу «Заговорщик. Ленин в изгнании»[594]. В ней она проследила историю 17 лет, которые Владимир Ульянов провел в ссылках – в Сибири и Европе, где он переезжал из страны в страну, скрываясь от российских агентов. На самом деле, главным героем книги являлась Н.К. Крупская, вынесшая все тяготы переездов и быта, которая чрезвычайно недооценена, маргинализирована в книгах о Ленине. Автор, привлекая различные зарубежные источники, опровергла представление о том, что Ленин и Крупская жили в изгнании весьма комфортно, что они были этакими буржуа, что партия о них заботилась. На самом деле это неправда. Они жили в ужасной, бедной квартире с минимумом мебели, потому что по природе оба были очень бережливы, хотя оба получали зарплату от партии и дополнительно зарабатывали переводами. А Ленин к тому же писал огромное количество статей для политических изданий.

Французская исследовательница, историк и политолог Элен Каррер д'Анкосс в русском издании «Ленин» (2010) также стремилась вырвать Ленина из «объятий» идеологических страстей, поместить его «в историю ушедшего века, который, хотим мы того или нет, находился под властью его идей и его воли»[595]. Уважительное отношение к Ленину сохранялось и у тех историков, которые находились в левой части политического спектра. Венгерский историк Тамаш Краус в своей новой книге «Ленин. Социально-теоретическая реконструкция», переведенной на русский (2011), стремился показать актуальность наследия Ленина и Октябрьской революции. Автор задался вопросом, почему сегодня происходит столь сильная дискредитация основателя советского государства? Основная причина в том, что Ленин – синоним антикапиталистической альтернативы сегодняшнему режиму, сегодняшней системе российского полупериферийного капитализма[596].

---

[594] См.: *Rappaport Helen.* Conspirator. Lenin in Exile. Random House, 2009.
[595] *Д'Анкосс Элен Каррер.* Ленин. М., 2010.
[596] *Краус Т.* Ленин. Социально-теоретическая реконструкция. М., 2001.

Канадский историк Ларс Ли в своей монографии, вышедшей в 2011 году, для обзора общих контуров жизни и деятельности Ленина предложил в качестве удобного инструмента анализа героический сценарий, который позволяет понять менявшиеся со временем подходы Ленина к различным проблемам[597]. Внутренняя структура этого сценария предусматривала три различных эпизода, они вытекали из базовой логики классового руководства. В первом эпизоде социал-демократическая партия, возникнув, становится признанным лидером рабочего класса. Этот эпизод подытожен в фундаментальной формуле Каутского о «слиянии социализма с рабочим движением». В следующем, центральном, эпизоде пролетариат ведет за собой народ на свержение царя, являющегося «позором и проклятьем России». В последнем эпизоде партия и пролетариат вместе движутся к апофеозу драмы, собственно, социалистической революции. Каждое из трех десятилетий ленинской политической карьеры в точности совпадает с одним из трех эпизодов[598].

К примеру, ленинский сценарий постулировал быстрый рост социал-демократического влияния среди рабочих. Хотя Ленин, по мнению Ларса Ли, очень старался реалистично подходить к практическому применению социал-демократического сценария, он, как правило, склонялся и склонял других к наиболее оптимистичному прочтению, на грани, а часто и за гранью допустимого. Изменения в прочтении практической ситуации могли вести к серьезным сдвигам в перспективах. Хотя программная цель, поставленная в 1917 году: «шаги к социализму» без оглядки на европейскую революцию, – была принципиально важной инновацией в ленинской политической платформе, она не противоречила логике первоначального сценария. Ленин всегда утверждал, что социалистическая революция возможна лишь тогда, когда классовый конфликт внутри крестьянства достигнет развитой стадии, но вопрос о сроках явно оставался открытым:

[597] См.: *Lih Lars T.* Lenin (Critical Lives). London, 2011. В 2020 году книга издана на русском: *Ли Ларс.* Ленин / Перевод Ирины Давидян. М.: АИРО-XXI, 2020.
[598] *Ли Ларс.* Указ соч. С. 196.

Таблица. Драматическая структура жизни и деятельности Ленина[599]

Период	Название эпизода	Лозунг 1894 г.	Главный проект
1894–1904	Социал-демократический	Когда передовые представители [этого класса] усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу…	Создание Российской социал-демократической партии и действующего конспиративного подполья
1904–1914	Большевистский	…тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм…	Осуществление демократической, политической, антисамодержавной революции «до конца» посредством классового пролетарского руководства крестьянством в целом
1914–1924	Коммунистический	…и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	Превращение империалистической войны в гражданскую во имя социалистической революции; установление пролетарской власти в России, которая предпримет немедленные шаги к социализму

«В 1905–1907 годах Ленин утверждал, что мелкобуржуазное крестьянство пока является силой, готовой сражаться за демократическую революцию. В 1917–1918 годах Ленину так не терпелось предпринять «шаги к социализму», что он существенно переоценил степень классового расслоения в деревне. Действительно серьезные поправки Ленин внес в свой сценарий только в последние годы жизни. Еще в период после первой годовщины революции, в конце 1918 –

[599] *Ли Ларс.* Ленин / Перевод Ирины Давидян. М.: АИРО-XXI, 2020.

первой половине 1919 года, Ленин был абсолютно убежден, что все «вышло именно так, как мы говорили». Очень скоро развитие событий заставило его сделать робкие шаги за пределы «учебника по Каутскому», однако базовая логика его сценария сохранилась»[600].

Главные марксистские аксиомы, на которых держался его сценарий, не вызывали у Ленина сомнения, однако поправки на действительность поселили в нем чувство тревоги и породили ощущение враждебного окружения, представленного международным капитализмом, мелкобуржуазным крестьянством и советской бюрократией. Это беспокойство стало результатом прежнего сверхоптимизма, толкавшего его на рискованные шаги, часто опережавшие реальный ход событий. Несмотря на эти разочарования, утверждает Ли, Ленин остался верен духу своего героического сценария и обратился к силе классового руководства, чтобы совершить еще один раунд чудес. Его последний совет партии состоял в следующем:

«…не сдавайтесь под натиском международного капитализма и подавайте вдохновляющий пример народам Востока, завоюйте доверие крестьянина-середняка, показав ему преимущества социализма, и боритесь с недостатком культурности всеми способами. Ленинское политическое завещание, изложенное в его последних статьях, представляет собой последнюю, несколько смягченную, но все же узнаваемую версию его героического сценария»[601].

Имя России

В 2000-е годы политизация проблемы изучения Ленина как политика и человека никуда не исчезла. В сугубо антиленинском духе написана книга «русского патриота» (как он сам себя определяет) В.М. Лаврова «В.И. Ленин. Имя России. Исторический выбор»[602]. Избранная автором форма – не биография Ленина, а без какой бы то

[600] Там же. С. 182.
[601] Там же. С. 183.
[602] *Лавров В.М.* В.И. Ленин. Имя России. Исторический выбор. М., 2008.

ни было системы собранные материалы, многие из которых не имеют отношения собственно к этой исторической фигуре. К примеру, чуть ли не половина книги посвящена русско-японской войне, П.А. Столыпину и Николаю II в годы Первой мировой войны. Рецензент книги Ю.В. Емельянов справедливо обратил внимание на так называемую логику Лаврова при разборе ленинских работ. К примеру, приведя ленинское определение материи («материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»), Лавров так «уличает» своего героя: Ленин «вслед за этим не задал вопроса о том, что же такое объективная реальность? Не задал потому, что отсутствует вразумительный ответ: ведь выходит, что материя – это объективная реальность, а объективная реальность – это материя, которая, в свою очередь, является объективной реальностью, то есть сказкой про белого бычка, тавтологией и игрой в термины, выдаваемой за великое и гениальное научное открытие». И хотя Ленин не отождествляет «материю» с «объективной реальностью», а считает ее «философской категорией для обозначения объективной реальности», Лавров явно не смог понять смысла этого определения[603].

Из того факта, что Ленин до прихода к власти в 1917 году лишь полтора года работал адвокатом в Самаре, Лавров делает следующий глобальный вывод: «Для радикальных революционеров было характерно, что они не состоялись в традиционной трудовой жизни и устремлялись реализовывать себя в разрушении традиционного»[604]. Между тем все эти годы Ленин активно занимался литературным трудом, а в эмиграции иногда выступал с публичными лекциями. До 1917 года такую жизнь вели достаточно много русских интеллигентов, относящихся к лицам свободных профессий, но большинство из них не были революционерами. Революцию Лавров оценивает исключительно с позиций самодержавия. Вот и получаются у него

[603] См.: Правда. 2009, 22 апреля.

[604] *Лавров В.* Ленинский отзыв. Сбросить ли Ленина с корабля истории? // Российская газета. 2012, 18 апреля.



«Политики 20 века. Ленин». Нарезка 9 марок + блок. Республика Северная Осетия – Алания. 2010 г.

смешные пассажи вроде того, что во время революции 1905 года «Ленин призывал к хулиганским, грабительским и террористическим действиям»[605]. Но с этой точки зрения все революционеры в истории – хулиганы, грабители и террористы.

Кстати сказать, Лавров повторяет легенду, возникшую еще в советское время, будто старший брат Ленина Александр Ульянов мог бы избежать казни за подготовку покушения на Александра III, если бы лично обратился с соответствующей просьбой, однако «Александр не захотел просить прощения и предпочел умереть»[606]. В действительности же Александр Ульянов обратился с прошением о помиловании, где говорилось: «Я вполне сознаю, что характер и

[605] Там же.
[606] Там же.

свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к Вашему Величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни, и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет ее жизнь самой серьезной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием»[607]. И лично у императора террористы-народовольцы помилования просить никак не могли, поскольку для этого они должны были удостоиться высочайшей аудиенции.

Ошибочно также утверждение Лаврова, будто бы произведения Ленина занимают первое место в мире среди переводной литературы. На самом деле индекс переводов ЮНЕСКО ставит Ленина только на 7-е место, тогда как первые три места уверенно занимают Агата Кристи, Жюль Верн и Уильям Шекспир[608].

В.Г. и К.В. Ткаченко, выступающие под псевдонимом К. и Т. Енко, занялись сравнением частной жизни вождей революции – Ленина, Сталина и Троцкого. Авторы полагают, что в XX веке «большие политики стали негативно относиться к влиянию на их решения со стороны своих жен и любовниц». Затем следуют и другие новые характеристики. Ленин «был большим эгоистом, самолюбивым и крайне жестоким человеком. Несмотря на его огромное трудолюбие, мы можем сказать, что он был еще и ленивым. Он не исполнял монотонной и скучной работы, всегда занимался творческой работой, а не «обязаловкой», как это делало подавляющее большинство советских людей, работавших на социалистическое государство»[609]. Лень Ленина они объясняют исходя из политических соображений: «Ленин не захотел уделять много времени поискам своей второй поло-

[607] *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины: семейные тайны. М., 2004. С. 311.

[608] Statistics on Whole Index Translation Database (http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50).

[609] *Енко К. и Т. (Ткаченко В.Г., Ткаченко К.В.).* Частная жизнь вождей – Ленин, Сталин, Троцкий. М., 2000. С. 9.

вины, делал он это между занятиями своими революционными делами. В этом и проявлялась также его лень. И таким был Ленин во всем. Это случай, когда инстинкт лени определяет всю жизнь человека. Ведь Ленин ничего не создал, он всю свою жизнь только разрушал, уничтожая при этом людей. Так у него и получилось, что он по-настоящему не создал свою семью»[610]. Между тем утверждать, что Ленин ничего не создал, нельзя. Он, как бы к нему ни относиться, создал первое в мире социалистическое государство. В то же время нельзя утверждать, что Ленин разрушил Российскую империю. Российское самодержавие, а вместе с ним и Российскую империю, похоронила Февральская революция, к которой Ленин никакого отношения не имел.

Указанные авторы вслед за Лавровым обратились к рейтингам, сообщив читателям, что Ленин и Сталин занимают соответственно 37-е и 98-е места в рейтинге ООН 100 мировых гениев всех времен и народов. То же утверждение повторяется и в некоторых других публикациях[611]. По всей вероятности, речь идет не о рейтинге ООН, а о книге биографий американского астрофизика Майкла Харта «Рейтинг 100 самых влиятельных людей в истории», издававшейся в 1978 и в 1992 годах[612]. С первым изданием этой книги нам ознакомиться не удалось. Возможно, в первом издании Ленин и Сталин находились как раз на 37-м и 98-м местах. А во втором издании, вышедшем в 1992 году, Ленин оказался на 84-м месте, а Сталин – на 66-м. Отметим, что данный рейтинг – вполне субъективный и не основан на каких-либо критериях. Достаточно сказать, что возглавляет его пророк Мухаммед, а в издании 1992 года Шекспира здесь заменил Э. де Вер, граф Оксфорд, который, по одной из гипотез, был настоящим автором шекспировских пьес. Однако эта гипотеза не

[610] Там же. С. 16.

[611] Там же. С. 3; *Балаян Л.* Посвящается 130-летию со дня рождения И.В. Сталина // http://www.russlav.ru/ stat/130_stalin.html. Для характеристики идейной направленности текста Балаяна достаточно привести одну цитату: «В области демократии Сталин опередил весь мир».

[612] *Hart Michael H.* The 100: A Ranking of the Most Influential Persons in History. New York, 1978; 2nd ed. 1992. Русский перевод 2-го издания см.: *Харт М.* Сто великих людей. М., 1998.



признается научным сообществом. Автор рейтинга – противник коммунистов и марксистов.

В то же время в книге Харта речь идет скорее не о гениях, а о людях, существенно повлиявших на ход всемирной истории. При этом термин «гений» определяется здесь без какого-либо положительного контекста. Как утверждает Харт, «влияние – не есть синоним положительной оценки, поэтому неудивительно, что среди ста биографий нашлось место и гениям зла, подобным Гитлеру»[613]. В биографии, написанной Хартом, Ленин назван «политическим лидером, сыгравшим главную роль в установлении коммунизма в России». Здесь же утверждается, что «из-за быстрого распространения ленинской разновидности коммунизма во многих частях света его

[613] *Харт М.* Указ. соч. С. 11.

необходимо признать наиболее влиятельным человеком в истории». Ленин характеризуется следующим образом:

> «Как лидер правительства он был хитрым и высокопрагматичным… Прежде всего Ленин важен как человек действия, который привел большевиков к власти в России и тем самым установил первое в мире коммунистическое правительство. Он был первым, кто применил на политической практике идеи Карла Маркса. Создание этого первого плацдарма явилось поворотной точкой во всей современной истории».

По мнению Харта, Ленин не только вымостил в СССР дорогу Сталину, но еще и его работы, политика и пример оказали огромное влияние на коммунистические движения во многих других странах[614].

Харт так объяснил понижения рейтинга Ленина с 1978 по 1992 г.:

> «Поскольку теперь кажется, что марксистско-ленинское движение не будет влиять на человечество в течение многих веков (как я боялся, когда готовил первое издание этой книги), выглядит неразумным включать Ленина в первую двадцатку людей в нашем списке. Однако всё же кажется справедливым поставить его среди первых ста человек. Влияние Ленина на Россию достаточно большое, чтобы сравнить его по важности с Петром Великим. И если принять во внимание толчок, данный им другим странам, становится понятным, что Ленина нужно поставить даже выше Петра, хотя и ниже Сталина»[615].

Вклад Сталина в историю Харт связал с тем, что он в течение многих лет был диктатором Советского Союза, «гением политической борьбы» и «одним из титанов истории: злой гений, которого не

---

[614] Там же. С. 426–431. По мнению канадского историка Роберта Джеллетли, Ленин был ничуть не лучше Сталина в плане использования методов массового террора и готовности убивать во имя идеи // *Gellately R.* Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe. New York, 2007.

[615] *Харт М.* Указ соч. С. 12.

скоро забудут». Самой главной характеристикой личности Сталина является его жестокость, никакие другие чувства – например, жалость – нисколько не влияли на него. Он также был очень подозрительным человеком, на грани паранойи, но в то же время потрясающе способным: энергичным, настойчивым, практичным и невероятно умным. Однако влияние Сталина на историю, в отличие от Ленина, было краткосрочным:

«За свою жизнь Сталин расширил границы Советского Союза, основал союзнические страны в Восточной Европе, превратил СССР в могучую державу, оказывающую влияние во всех уголках мира. Но за последние несколько лет советская империя на востоке Европы распалась, а сам Советский Союз раскололся на пятнадцать независимых государств»[616].

«Бороться за самого слабого…»

Из художественных высказываний за целое десятилетие привлекли внимание лишь два показательных эпизода. В 2004 году, в год 80-летия смерти Ленина, один из главных шестидесятников Евгений Евтушенко по сути отрекся от своей знаменитой поэмы «Казанский университет», в которой своего героя он представлял как апостола «единственно верного и всесильного» учения. Объяснял он свой поступок «временными иллюзиями» и узнаванием всей правды о советской истории. Но удивление вызывало то, что поэт сопроводил свое «прозрение» рассказом о том, как 35 лет назад, работая в архивах города Казани над новой поэмой накануне 100-летия Ленина, он нашел «драгоценную папку» доносов в полицейское управление на семнадцатилетнего студента Владимира Ульянова. В одном из них якобы описывалась следующая картина:

> «…после казни его любимого старшего брата-террориста студенты, соболезнующие младшему брату, затащили его в дешевую пивную и дали ему полный двухсотграммовый стакан водки. Володя

[616] Там же. С. 343–349.

осушил его почти невидяще и неслышаще, как сомнамбула, после чего ему заботливо поднесли на запивку кружку пива и дали куснуть соленый огурец с черным хлебом. К Володе подсели две местные шлюхи. Они всплакнули, как могли, утешали Володю, гладили его по голове, но он ничего не замечал и только, уставясь в одну, видимую только ему точку, повторял: «Я отомщу за брата! Я отомщу за брата!»».

В другом доносе описывалось, что «когда другие студенты отвели его домой в этом загипнотизированном одной мыслью состоянии, он сорвал со стены карту России, бросил на пол и, рыча, как затравленный зверек, катался по ней, рвал ее руками и зубами»[617].

Безусловно, трудно поверить, а тем более проверить, что перед нами язык доноса, а не художественный вымысел. Известный казанский историк, заслуженный профессор Казанского федерального университета А.Л. Литвин, который встречался с поэтом, долго искал эту «драгоценную папку», поскольку тщательно исследовал историю той самой сходки студентов, после которой, как было принято считать, Владимир Ульянов был исключен из Казанского университета и выслан в Кокушкино. На самом деле он был одним из рядовых участников сходки, а таких никто не исключал – они все сами написали заявления об отчислении и по отеческой рекомендации университетского начальства «от греха подальше» разъехались кто куда. Ульянов уехал в имение деда Кокушкино, откуда часто и совершенно свободно приезжал в Казань. Так вот, искомая папка так и не была найдена. Нигде, кроме приведенных воспоминаний Евтушенко, не встречалось упоминаний о ее существовании[618]. Возможно, у поэта сбой дала его «кардиограмма времени», и в 1970 году

[617] См.: Тоталитаризм начинался с тире. Ленин сам был предателем ленинских идеалов // Новая газета. 2004, 26 января. Сразу же после этой публикации Евтушенко В.Т. Логинов и драматург Михаил Шатров направили письмо президенту Республики Татарстан М. Шаймиеву подтвердить наличие этих документов. Ответа авторы письма не получили.

[618] *Юдкевич Марина.* Евтушенко, Казань и тайна папки с доносами // Вечерняя Казань. 2017, 4 апреля.



«Кровная месть». Худ. Н. Копейкин

«высказыватель истины», каким он себя считал, придерживался других убеждений.

Отказу Евтушенко от Ленина как бы противостоял роман-биография Сергея Есина, написанный от первого лица, «Ленин. Смерть титана» (2002). В древней мифологии существовала определенная градация: боги, титаны, герои. Писатель был убежден в том, что Ленин – один из тех редких титанов, которые случились в нашей истории, и они не умирают, они перевоплощаются в мифы, в легенды, в сказания. Причины же, побудившие автора обратиться к ленинской теме, объяснялись следующим образом:

> «Во-первых, еще с университетской скамьи – никто не подгонял, не советовал, не нажимал – занят я постоянно ленинской темой и держу ее в уме. И уже во время начавшийся перестройки, когда тема

эта «затрещала», стала совсем и немодной, и недоходной, я опубликовал несколько повестей о Ленине в журналах «Юность» и «Октябрь». Все казалось тогда таким многозначительным, а параллели так очевидны: «Удержат ли большевики государственную власть?» Не удержали. Но ведь писатель на то и писатель, чтобы любить и в радости, и в горе, а не быть сумой переметной. Во-вторых, как же этому бедному Ленину доставалось и достается уже в наше время, сколько публицистов, разного рода политдеятелей, депутатов и делегатов сделали карьеру, ругая и оттаптывая то, в чем далеко не всегда разбирались. А ведь сугубо русская черта – в момент слабости бороться за самого слабого»[619].

В качестве исходного времени повествования Есин избрал 1922 год, время последней болезни Ленина. Перспектива скорой смерти обнажила множество смыслов, в которые погрузился главный герой, – от воспоминаний о детстве, семье, первых жизненных впечатлениях до политических и теоретических вопросов. Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Сталина, всех соратников и оппонентов, личные амбиции и межличностные отношения автор вплетает в мировую политику. Субъективная форма повествования позволила писателю быть свободным в создании портрета личности Ленина на фоне мировой истории XX века, в попытке посмотреть на историю России его глазами.

Спустя два года после выхода романа Сергей Есин в одном из интервью затронул и тему культа Ленина. Он считал, что мифологизация Ленина стала инструментом государственного строительства, удержания власти, а потом еще и воспитания любви к Отечеству. К тому же миф вписался в народные ожидания, ведь большевики взялись сделать сказку былью. А какие сказки без волшебников? Но при жизни Ленин ничего не сделал для собственного обожествления. «Заметьте, – добавлял писатель, – очень крупные актеры не делают для своей славы ничего, они не думают о ней, она за ними сама

[619] *Есин Сергей.* Ленин. Смерть титана. М., 2002. С. 3.



Плакат И.Г. Петрыгина-Родионова

ходит, а мелкие вынуждены думать, служить обстоятельствам, которые их захватили. Ленин играл без правил. А Сталин уже играл по заданным правилам»[620].

* * *

Было очевидно, что 140-летие Ленина вызвало гораздо более сдержанную реакцию и власти, и общества, чем 130-летие. Споры о нем всё явственнее отходили на периферию внимания, и складывалось впечатление, что, возможно, страна приближается к чаемому преодолению активного влияния исторической памяти на ее теку-

[620] Сергей Есин: Ленин был не тиран. А титан // Комсомольская правда. 2004, 20 января.

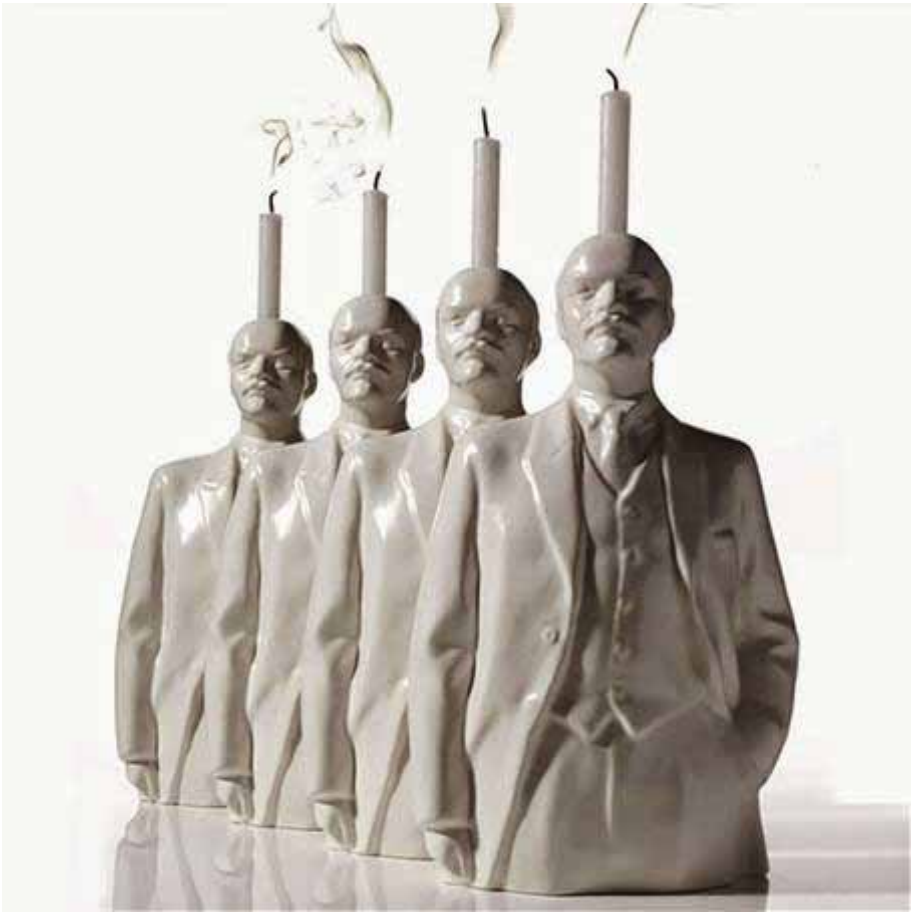
щую жизнь. Однако подобное впечатление, как показали последующие события, оказалось обманчивым. Да, действительно, ленинская тема стал волновать гораздо меньше, но происходило это из-за того, что Россия в год 140-летия со дня рождения вождя переживала крайне нестабильный момент своей истории. С одной стороны, к 2010 году последствия кризиса 2008 года были в целом преодолены. Но с другой стороны, стремительно возрастало ощущение какой-то невнятной перспективы. К этому времени стало ясно, что правление Медведева не только не является подконтрольным премьеру Путину, но демонстрирует всё более ощутимые претензии на самостоятельность и даже на возврат к неким принципиальным установкам «до 2000 года». Реванш элит, ориентировавшихся на внутриполитические и внешнеполитические приоритеты 1990-х, из маловероятного сценария всё более превращался в неизбежную перспективу. Последовавшие вскоре события «арабской весны» и обнажившийся на их фоне конфликт между медведевским Кремлем и путинским Белым домом подтвердили приближение очередного турбулентного периода. Казалось бы, самое время обратиться к наследию Ленина и с его помощью разобраться в перипетиях настоящего. Но, видимо, тогда сполна проявилась своего рода усталость общества от своей же собственной истории. Ему захотелось перестать ходить проторенными путями и изведать чего-то нового: одной его части – поскорее как-то все-таки обустроиться в качестве части «коллективного Запада», а другой – потягаться с сильными мира сего за былое имперское величие. Ленинские рецепты и стереотипные слепки с пространства памяти о нем не давали ни тем, ни другим подсказок, как действовать дальше.

2020: поворот к Ленину на перепутье эпох

Когда в 2017 году отмечалось 100-летие российской революции, по сути, состоялась репетиция и 150-летия Ленина. Обе эти ключевые даты российской истории XX века власть отказалась отмечать на официальном уровне. Первый юбилей игнорировался потому, что революция свергла самодержавие, а завершилась «большевистским переворотом в интересах врагов России». Второй юбилей неожиданно обернулся другим сценарием.

Ленин в проекте «Революция-100»

Различные политические силы подчинили столетие революции собственным интересам. Либералы старательно объясняли, что все мы – жертвы 70-летнего эксперимента, подготовленного и успешно реализованного немецким Генеральным штабом, коммунисты напоминали, что именно Ленин разрушил империалистическую Россию, а потом ее собрал заново, церковные круги требовали убрать кладбище на Красной площади, переименовать улицы и площади, названные именами пламенных революционеров и палачей по совместительству. Однако при этом в августе 2017 года патриарх Кирилл на торжествах в Арзамасе, приуроченных к 150-летию со дня рождения патриарха Сергия, опосредованно легитимизировал советскую эпоху – не отказываясь при этом от ее критической оценки как «безбожной». Сознательный выбор Сергия на сотрудничество с советской властью привел, по словам нынешнего предстоятеля РПЦ, к некоторому преображению этой самой власти, то есть революционный 1917 год стал тем самым попущенным Богом испытанием, которое, в конечном счете, укрепило людей. Независимый журналист Михаил Зыгарь создал сайт для отслеживания событий 1917 года, чтобы знакомить интернет-сообщество с тем, как тогда всё происходило – день за днем. Его интерактивный онлайн-проект «1917: Свободная история» ставил одной из своих целей разоблачение



Экспозиция «Ленин в керамике». Художники Комар и Меламид. Музей-Заповедник Горки Ленинские

популярной в России теории заговора, ищущей корни революционных потрясений в западном вмешательстве в российскую политику. Телеканал Russia Today вёл репортаж в Twitter, посвященный событиям революции. В рамках этого проекта было создано более 40 аккаунтов, в том числе Ленина и Николая II, причем у аккаунта Ленина насчитывалось 16 тысяч фолловеров – в два раза больше, чем у аккаунта царя[621].

[621] См.: Революция-100: реконструкция юбилея. М., 2017. С. 101.



Экспозиция «Ленин в керамике». Работа из Мексики. Музей-Заповедник Горки Ленинские

Значительным событием стала историко-документальная выставка «Ленин» из цикла «Лидеры советской эпохи», прошедшая в Москве с 28 сентября по 19 ноября 2017 года. Благодаря усилиям федеральных архивов, а также государственных Исторического музея, Центрального музея современной истории и Музея-заповедника «Горки Ленинские» зрителям были представлены более 800 архивных документов (в бумажном и электронном форматах) и более 100 музейных предметов и мемуарных вещей, связанных с жизнью и деятельностью основателя советского государства. Организаторы сознательно сделали акцент на общественно-государственной составляющей жизни Ленина, оставив (или почти оставив) за скобками

его частную и личную жизнь. Выставка поэтому получилась предсказуемой (особенно для тех, кто еще помнит Музей В.И. Ленина на Красной площади, закрытый в 1993 году), линейно-хронологической, но зато логичной и доступной восприятию неискушенной публики.

Как и положено биографической выставке, она начиналась ab ovo – с родословной рода Ульяновых и указа императора о подтверждении дворянства. Далее предсказуемо следовали: школа с золотой медалью и университет с письменным обязательством не вступать ни в какие общественные организации без разрешения ближайшего начальства, нарушение обязательства, Союз борьбы за освобождение рабочего класса, ссылка в Шушенское, брак с Надеждой Константиновной Крупской, скрепленный сделанными из пятаков медными кольцами, «Искра», «Что делать?», создание партии нового типа. Период между первой и второй русскими революциями Ленин, как известно, провел в эмиграции. На выставке этот биографический отрезок был отмечен двумя доминантами: отчаянной материальной нуждой Ленина и его перепиской с И.Ф. Арманд. Зритель имел возможность на большом тач-скрине прочитать все 108 писем Ленина к «дорогому другу» Инессе и одно-единственное сохранившееся от нее к нему, чтобы сделать свои выводы об отношениях в этом треугольнике, где одной из вершин явно была революция. Что касается материальной нужды, то это перекидной мостик к следующему этапу – Первой мировой войне, февральским событиям и возвращению Ленина в Россию, – где отдельная витрина посвящалась документам о так называемых германских деньгах. Далее следовал вихрь революционных событий: октябрьское вооруженное восстание (на тач-скрине), Учредительное собрание, Брестский мир (дан протокол заседания ЦК РСДРП(б) с результатами голосования по этому вопросу), первые декреты советской власти, военный коммунизм, пальто Ленина и пуля от покушения Ф. Каплан, извлеченная из тела Ленина только в 1922 году, красный террор, создание ВЧК, мятеж левых эсеров, расстрел царской семьи, Гражданская война, нэп, болезнь, попытки сохранить ментальные способности (упражнения в счете), последние прижизненные фотографии. Отдельный зал посвящался



Посмертная маска Ленина

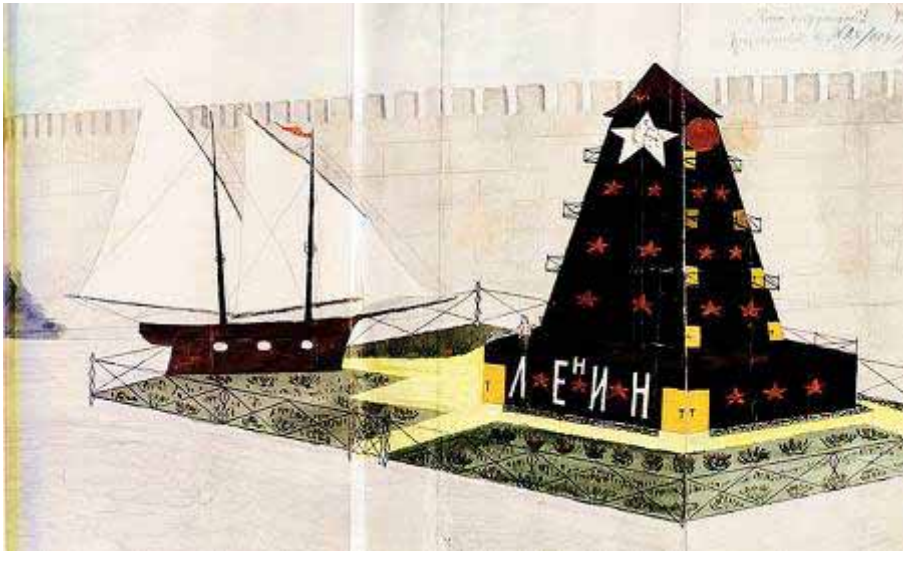
смерти Ленина, организации его похорон и увековечению памяти (строительство мавзолея), здесь среди прочего – посмертная маска Ленина и присланные на конкурс проекты мавзолея[622].

Создатели выставки явно попытались пройти по тонкой грани, разделяющей культ Ленина, с одной стороны, и его развенчание, с другой. И здесь не обошлось без эксцессов. В частности, на выставке был представлен документ с экспликацией: «Сводка российской контрразведки, составленная из циркуляров Генерального штаба и Министерства иностранных дел России с упоминанием о перечисленных в Кронштадт на имя В.И. Ленина денежных средств из банка

[622] Подробнее см.: *Давидян Ирина.* Нечто 2017. Столетие русской революции в историко-документальных и художественных выставках // Революция-100. С. 429–431.



Проект Мавзолея. Девиз «Центр мира»



Проект Мавзолея. Девиз «Кто следующий?»

«Дисконто-Гезельшафт». 18 июня (1 июля) 1917 г. Подлинник. Машинописный текст». На фальсификационный характер этого подлинника немедленно указал исследователь Ярослав Козлов из ДНР. В блогосфере вспыхнуло активное обсуждение этого беспрецедентного факта самодискредитации, и чтобы избежать скандала устроители выставки быстро изъяли «подлинник» из экспозиции[623].

Историк и архивист Леонид Максименков обратил внимание на то, что Росархив при концептуальной организации выставки нарушил им же установленный методологический принцип построения её структуры и тематического монтажа. На выставке, в отличие от уже прошедших – «Андропов», «Хрущев» и «Брежнев», – отсутствовало «личное дело» Ленина – сердцевина биографии вождя. С тех пор так и остаются недоступными многие документы об отпусках, болезни и лечении руководителя государства, организации его охраны и материальном обслуживании, «сигналах» о готовившихся покушениях и др.[624]

В 2017 году привлекла внимание одна провинциальная выставка, которая стала примером подлинно неравнодушного отношения молодых людей к своей истории, к сохранению памяти, в том числе памяти о революции. Выставка «Обратно домой» прошла в Музее интеллигенции в центре Нижнего Новгорода, по-видимому, единственном в России музее подобного рода. В советское время он был знаменит тем, что в 1900 году в нем, в квартире сестер Невзоровых, выступал на конспиративном собрании Владимир Ульянов и нижегородские марксисты поддержали его идею создания газеты «Искра». В 1967 году, к 50-летию революции, в нем открыли мемориальный музей-квартиру Невзоровых с типичной для разночинской интеллигенции XIX века обстановкой, а в начале 1990-х, когда идеи Ленина и память о нем стали неактуальны, музей переименовали в Музей нижегородской интеллигенции. Сегодня он, как и окружающие его деревянные дома, влачит жалкое существование в ожидании

[623] Подробнее об этом и других эксцессах см.: *Максименков Леонид.* Архивный ракурс юбилея // Революция-100. С. 307–310.

[624] См.: Там же. С. 317–321.



Инсталляция «Дом с привидениями» («Ленинлевитация»). Худ. А. Лавров. Музей нижегородской интеллигенции. Нижний Новгород. 2017 г.

прихода девелоперов и неминуемого сноса либо пожара. И вот, чтобы привлечь внимание городских властей и общественности к сохранению исторической памяти, группа местных молодых художников во главе с куратором Артемом Филатовым вскладчину взяли дом в аренду, заново провели электричество и организовали в остатках старого интерьера выставку «Обратно домой». Центральным экспонатом ее стала инсталляция «Дом с привидениями» (другое название – «Ленинлевитация») художника Александра Лаврова: спящий Ильич, в пальто и шляпе, парит в воздухе над «Капиталом» Маркса, а когда кто-то входит в комнату, медленно поворачивает голову в сторону входящего. Молодые художники и сочувствующие им энтузиасты искренне надеются, что выставка, организованная ими к 100-летию революции и 50-летию создания музея, сослужит

практическую службу: поможет сохранить и музей, и окружающие его деревянные постройки и превратить их в будущем в музейный квартал.

Из академических рефлексий, звучавших на многочисленных научных и общественных конференциях, в новых монографиях и сборниках[625], неожиданно прозвучали размышления японского профессора Харуки Вада в книге «Ленин» (Токио, 2017), а также в выступлениях на международных конференциях. Октябрьская революция, по его мнению, стала продолжением и завершением задач Февральской революции. Она была революцией за мир – против войны. Поэтому 15 декабря 1917 года правительство Ленина приняло два декрета, определивших порядок демократизации армии. Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах и декрет о выборном начале и об организации власти в армии были реализованы с огромным энтузиазмом. Процесс демократизации армии завершился к концу декабря. Утопия «мир» – утопия XX века, утопия эпохи мировых войн. Российская революция в ее первом и втором актах воплотила эту утопию, но не могла создать реальный мир. 6 января 1918 года правительство, возглавляемое Лениным, постановило, что Учредительное собрание распускается:

> «Этой акцией была провозглашена ленинская революция, третья революция в Российской революции. Эта третья революция по своей сути являлась социалистической. Ленин намеревался продвигаться к осуществлению социалистической утопии XIX столетия через гражданскую войну, при помощи сильной власти (однопартийная диктатура), мощных вооруженных сил (Красная армия) и германского «военного социализма». Для него этот путь был выходом из ада мировой войны».

Как считает Вада, созданная Лениным система оказалась созвучной эпохе мировых войн. Сегодня нам известны результаты ленинской

[625] См. об этом подробнее: *Акульшин Пётр.* Академический дискурс столетия революции // Революция-100. С. 272–301; *Максименков Леонид.* Архивный ракурс юбилея // Там же. С. 302–358.



Ленин на бульдозере. Художник Виталий Комар. Выставка «Свобода есть свобода… К 40-летнему юбилею «бульдозерной выставки»». 2014 г.

революции. Социалистическая утопия утратила в глазах людей свое обаяние. Но утопия «мир», обозначенная Февральской и Октябрьской революциями, продолжила жить в памяти человечества[626].

Новые проблемы коммеморации

На 2020 год были намечены обсуждение и принятие поправок в Конституцию РФ. В знаковый день – 22 апреля – россияне по задумке Кремля должны были прийти на избирательные участки и проголосовать за инициированные действующим президентом поправки, а именно: за «обнуление» персонального срока президента Путина и декларации социальных гарантий. Что же стояло за выбором именно этого дня, связанного с человеком, который является абсолютным антагонистом современного режима власти и чья политика противоречила всему, что сегодня происходит в стране государственного капитализма? Смазать 150-летие, вытеснить день рождения Ленина из пространства памяти и кардинально обновленного национального пантеона? Символически наполнить ленинскую дату иным содержанием, далеким от революций и классовой борьбы? Трудно расшифровать сейчас эти намерения власти. Возможно, искомого удалось бы достигнуть, но пандемия коронавируса нарушила задуманный сценарий плебисцита, игнорировать ленинский юбилей стало невозможно. Голосование пришлось перенести, мавзолей, не работающий с 18 марта, открыть, возложение цветов разрешить.

А если бы 22 апреля голосование по конституционным поправкам состоялось? Насколько в этом случае нелюбовь к Ленину нынешнего режима повлияла бы на общественное мнение, в какой степени оно учитывалось бы? Ведь за 10 дней до указанной даты социологический опрос Фонда общественного мнения (ФОМ) показал, что Ленина оценивают в целом положительно 56 % и только 20 % – отрицательно. Причем показательно, что молодежь к Ленину

[626] См. подробнее: *Вада Харуки.* Юбилейный год российской революции в Японии // Революция-100. С. 814–816; *Он же.* Политическая история России. М., 2018. С. 531–541; см. также: People's Plan. 2017. № 77.


Конферансье АНДРЭ & M.C. AMELI
представляют
Клёшъ
22
апреля
пт 21:00
Клёшъ народу
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВОЖДЯ
(Ленин Happy B)
штурмуем Зимний
бухаем с матросами
надуваем бревно
принимаем в октябрята
Заказ столов: 067 566 70 50
KARTIK.ru

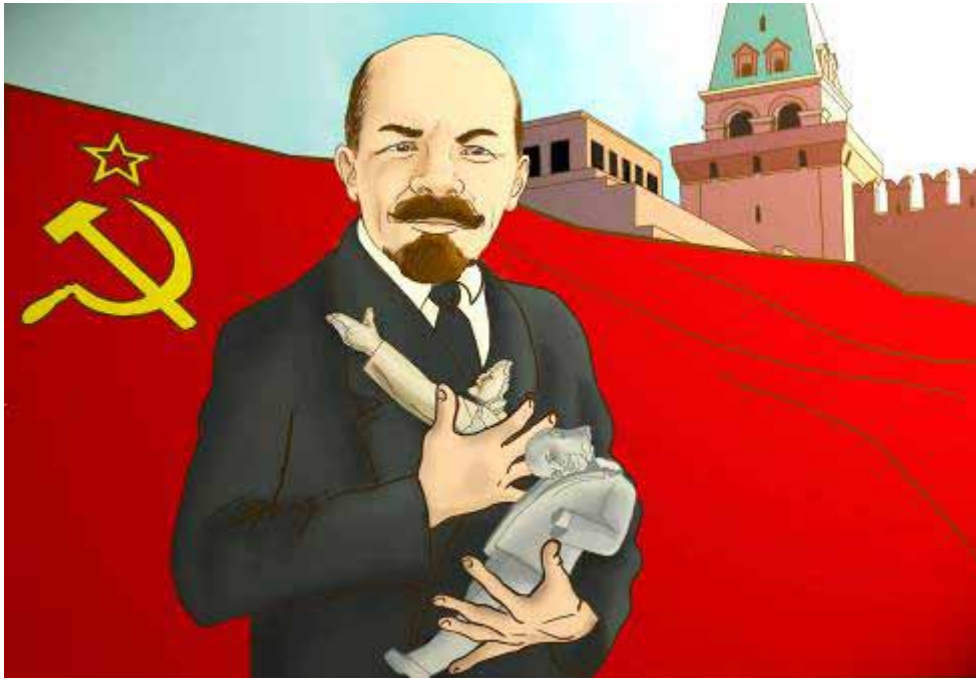
относится лучше, чем в среднем по стране, а хуже всех – поколение 46–60 лет. Пока официальные круги игнорировали юбилей, различные медиа предложили свои конкурирующие сценарии воспоминания о вожде революции. Криэйторы телеканала Russia Today устроили вечеринку с тортом и сняли несколько роликов о том, как Ленин отмечал бы свой день рождения в современной России. В одном из них он в одиночку тащит бревна – из-за коронавируса все сидят по домам и вождю некому помочь. Потом появляется надпись: «Все работы, кроме жизненно важных, остановлены. Отложим благоустройство на потом. Будем живее всех живых». Ревнители «Комсомольской правды» решила «воскресить» Ленина и взять у него интервью о рухнувших ценах на нефть, сексе, кризисе, коррупции и Украине. Ответы же были взяты из различных работ, докладов и писем Ленина, причем с использованием явной фальсификации. К примеру:

> **«КП»**: Вы продвигали в нашей стране разводы. <…> Не призываете ли вы на деле к разврату? Не разбиваете ли институт семьи?
>
> **Ленин**: Семья, как буржуазный институт, полностью себя изжила. Надо подробнее говорить об этом рабочим. И не только семья. Все запреты, касающиеся сексуальности, должны быть сняты… Нам есть чему поучиться у суфражисток: даже запрет на однополую любовь должен быть снят»[627].

Хранители петербургского музея «Невская застава» устроил гадания на тему «Какой ты сегодня, Ленин?» Гадали на цитатах и асфальтовых рисунках, сделанных участниками конкурса «Праздник улицы». А представители КПРФ в Саратовской областной думе использовали юбилей, чтобы 22 апреля украсить город транспарантами с изображением Ленина и спросить жителей: «Как вам живется при капитализме?»[628].

[627] См.: https://idealist-t.livejournal.com/39201.html

[628] Подробнее см.: https://meduza.io/slides/vokrug-shum-kak-v-rossii-prazdnuyut-150-let-so-dnya-rozhdeniya-lenina.



Работы, представленные на Международный конкурс медиа-арта «Ленин: переосмысление образа». Худ. А. Абрамова. 2015 г.



Все предложенные проекты так или иначе подтвердили: Ленин остается в пространстве исторической памяти, при этом ни одна из общественных и политических институций не пытается узурпировать это пространство. Подтверждением этому стало открытие виртуального Музея Ленина в Государственном историческом музее 7 ноября 2020 года с представлением около 200 знаковых предметов с расширенными аннотациям. Вся коллекция бывшего Центрального музея сохранена, в том числе и коллекция ленинианы 1910–1980-х годов, объединяющая произведения нескольких поколений живописцев и скульпторов. В этот же день в РГАСПИ открылась выставка «В.И. Ленин: путь к власти. 1870–1917».

По всей стране до сих пор сохраняется порядка 6 тысяч памятников и бюстов Ленину, в Москве – более 100 монументов, а в Санкт-Петербурге – около 70[629]. В населенных пунктах России названий, образованных от имени вождя пролетариата, в 2011 году насчитало 8637, из них улиц – 7674, остальное – это проспекты, переулки, площади и набережные Ленина. По популярности этот топоним уже не входит в первую десятку, хотя Ленин все еще лидирует среди исторических деятелей, чье имя запечатлено в названиях российских географических объектов[630]. Упомянутый опрос ФОМ показал, что подавляющее большинство, то есть 83 %, высказались за сохранение памятников Ленину, а 7 % за то, чтобы их убрать.

И тем не менее мемориальные места, памятники и топонимы попрежнему вызывают живые баталии. Беспрецедентным актом стал «ленинопад» на Украине, длившийся с 2014 по 2017 год. По данным главы Украинского института национальной памяти, было снесено 2,5 тысячи памятников Ленину как символа России. Некоторые

[629] Московский архивист, журналист и культуролог Дмитрий Кудинов создал единую базу данных о памятниках Ленину на всем бывшем СССР. См.: www.leninstatues.ru; см. также об истории памятников Ленину: Черемушкин Пётр. Лениниана или мертвечина? 2014, 19 января // https:// www.svoboda.org/a/25231207.html .

[630] См.: *Сотов Александр.* В честь Ленина названо более семи тысяч улиц // Российская газета. 2011, 11 ноября. На втором месте по популярности среди исторических персон Юрий Гагарин (5218 улиц), на третьем – Сергей Киров (3474 улиц), Александр Пушкин находится на четвёртом месте (3088 улиц).



«Ленинопад». Харьков. 28 сентября 2014 г.



«Ленинопад». Краматорск. 17 апреля 2015 г.



«Ленинопад». Павлоград. 24 августа 2015

из них исчезали под покровом ночи усилиями местных активистов, другие – как снос памятника Ленину в Киеве – превращались в показательные массовые акции[631]. В РФ все это было воспринято не в контексте преодоления культа Ленина, а как антироссийская акция, как ритуал антироссийских выступлений, хотя в это же время в самой России разрушались памятники вождю в Евпатории, Судаке, подмосковном Софрино, демонтировался и отправлялся якобы на реставрацию памятник в Белгороде. Во время проведения реставрационных работ с фасада здания Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Политехнический музей» исчезли три мемориальные доски, связанные с Лениным. Парадоксально в этом контексте выглядели выделение из федерального

[631] Подробнее см.: *Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова)* // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2016. № 2 (33); *Черемушкин Пётр.* От ленинского плана монументальной пропаганды до «ленинопада» // Революция-100. С. 134–150.



Восстановленный памятник «Владимир Ильич Ленин говорит с матросом». Краснодар. 2019 г.

бюджета 2 млрд рублей на восстановление ленинского мемориала в Ульяновске, реставрация памятника «Владимир Ильич Ленин говорит с матросом» в Краснодаре.

Противоречивость исторической политики в России стала особенно очевидной в программе «Вести недели» на телеканале «Россия 1». Сразу же после 22 апреля 2020 года ведущий Дмитрий Киселёв заявил о необходимости сократить количество памятников Ленину и начать устанавливать памятники белогвардейским генера-

лам Колчаку, Врангелю, Деникину и Краснову. Всё это преподносилось как шаг в сторону примирения, поскольку ведущий предлагал ставить памятники Блюхеру, Фрунзе, Дзержинскому. Признавались и величие Ленина, и его стремление сделать мир лучше: «Как относиться к Ленину? Стыдиться уж точно не надо. И не надо делать вид, что Ленина у нас не было. Пусть мавзолей остаётся мавзолеем как факт из прошлого»[632].

В социальных сетях Киселёву тут же напомнили, что Краснов в 1918 году поставлял в Германию продовольствие, а взамен получал оружие для борьбы с большевиками. При этом он тогда нарушил своё слово офицера, так как ранее большевики его взяли в плен и отпустили под честное слово не воевать против большевиков. Пользователи сетей поражались, как ведущий мог забыть, как в первый же день начала Германией военных действий против СССР Краснов обратился с воззванием: «Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Гитлеру!» А с сентября 1943 года и до конца войны он являлся начальником Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий Германии. Резко прокомментировал ситуацию известный журналист Константин Сёмин с горьким пожеланием официальным идеологам:

«Пусть им теперь помогут Краснов, Маннергейм, Колчак, Шкуро или Деникин – это их настоящий бессмертный полк… Но в этом полку, отныне и навсегда, они пойдут одни. Под аккомпанемент оглушительной тишины нашего презрения»[633].

Резонансная история произошла в ФРГ. В июне 2020 года в самом бедном городе страны Гельзенкирхене был установлен первый на западе Германии памятник Ленину. Статую работы чешского скульптора, созданную еще в 1957 году, Марксистско-ленинская партии Германии купила через Интернет за 16 000 евро. Против памятника высказались все политические партии города, а непосредственно

[632] См.: https://www.vesti.ru/article/2403554.
[633] См.: *Сёмин Константин.* Позорный полк // https://aftershock.news/?q=node/861274&full.



Открытие памятника Ленину в г. Гельзенкирхен. Германия. Июнь 2020 г.

в день открытия скульптуры протестовали и неонацисты. Бритоголовые юноши скандировали свои лозунги, в то время как со сцены через дорогу группа из Кёльна пела песню о «Красном октябре» на русском и немецком языках. Отношение жителей к двухметровому чугунному монументу выражали и два плаката – «Добро пожаловать, Ленин» и «Ленину здесь не место». На последнее глава партии, слесарь по образованию, Габи Фехтнер отвечала:

«Статуи рабовладельцев, деспотов и разжигателей войн сносят по всему миру. Как же своевременно мы решили установить статую революционеру, борцу за мир и марксисту, символизирующему будущее и новую эру социализма без капитализма»[634].

Как и в истории с памятниками, многие считают, что если Ленина убрать из мавзолея, то сразу произойдет примирение и восторжествует социальная справедливость. 23 апреля 2013 года в думской фракции ЛДПР появился некий оргкомитет «За вынос Ленина».

[634] См.: https://newsmir.info/2114202.



Известный оперный певец, солист Новосибирского Государственного академического театра оперы и балета Карен Мовсесян опубликовал на своей странице в Instagram фотографию, где он лежит около Мавзолея. Карен Мовсесян сообщил, что запускает новый челендж (челлендж (англ. challenge) – жанр интернет-роликов, в которых блогер выполняет задание на видеокамеру и размещает его в сети, а затем предлагает повторить это).

– Запускаю Ленин-челендж «Свободу Ленину», – написал певец в своем посте. – Цель акции: «Освободить Ленина!». 2019 г.

Далее возникли новые способы избавиться от тела Ленина – его даже призывали уйти самостоятельно… В январе 2015 года двое активистов арт-группы «Синий всадник» принесли на Красную площадь бутылки с освященной водой и стали обливать ею мавзолей с криками: «Встань и иди!» Как потом объяснили сами «всадники», они пытались повторить библейский сюжет, согласно которому с такими словами Иисус обратился к исцеленному им лежачему больному. Однако Ленин не ушел, а активистов задержала полиция. Новая попытка «оживить» Ленина произошла и в марте 2019 года, на этот раз при помощи оливкового масла. Неизвестный мужчина по-

ливал им мавзолей, выкрикивая: «Вставай, вставай!» Впрочем, к мавзолею подойти было невозможно, обливалась только брусчатка. По признанию задержанного, прийти на Красную площадь его побудили некие «внутренние мотивы», он хотел воскресить вождя. Задерживать мужчину не стали, полицейские на месте происшествия составили на «воскресителя» административный протокол за мелкое хулиганство с выплатой штрафа в размере 500 рублей[635].

В РПЦ мавзолей по-прежнему воспринимался как отголосок языческих культов, на который накладывается безбожная имитация хранения мощей. Один из наиболее авторитетных священнослужителей РПЦ и духовник патриарха Кирилла схиархимандрит Илий (Ноздрин) сказал о Ленине:

> «Злодей в полном смысле слова. Он ненавистник русского народа. Он говорил своим картавым языком, что если останется 10 % русских, тогда мы добились своего. Это злодей из злодеев. Его давно выбросить нужно из мавзолея. Через него Господь не дает нам полного развития нашего Отечества – пока не вынесен, не выброшен он из пределов центра нашей России – Москвы»[636].

К новой дискуссии о выносе Ленина из мавзолея подталкивали ещё два события. 24 октября 2019 года в Испании в соответствии с законом о национальной памяти останки диктатора Франко были перевезены из часовни в скалах Валье-де-лос-Каидос (мемориал «Долина павших») на кладбище Мингоррубио, где покоится супруга диктатора донья Кармен, а 12 сентября 2020 года Союз архитекторов России объявил конкурс проектов по использованию мавзолея после перезахоронения тела Ленина. Предполагалось, что участники конкурса должны были предложить, как обустроить мавзолей в случае, если Ленина перезахоронят. Организаторы предложили сделать мавзолей филиалом Музея архитектуры имени Щусева на Воздвиженке и разместить в нем экспозицию об истории мавзолея. Прези-

[635] См.: *Баландина Александра.* «Встань и иди»: кто покушался на мертвого Ленина // www.gazeta.ru/social/2019/03/18/12249373.shtml.

[636] См.: *Филатов Николай.* Старец Илий: нельзя решать проблемы без Бога // http://www.pravoslavie.ru/89405.html.

дент Союза архитекторов Николай Шумаков объяснял, что эта идея не политическая и она возникла из беспокойства о судьбе уникального строения, потому что появились слухи о том, что мавзолей могут снести.

Однако буквально через несколько дней конкурс был отменен по причине, как признался Шумаков, незаслуженных обвинений и негативной реакции общественности, нежелания злить ностальгирующий по временам СССР электорат, который в пребывании тела вождя на поверхности земли видит свидетельство того, что с ним, с этим советофильским электоратом, новые власти еще считаются. Тем не менее «проба почвы», воспринятая многими людьми как провокация перед единым днем голосования 13 сентября, показала, что часть общества готова к тому, чтобы перестать использовать усыпальницу Ленина как мощный пропагандистский объект и вместо сакрализации перейти к музеефикации, к коммерциализации, то есть взиманию платы за вход, к содержанию мавзолея за счет его собственных ресурсов. Как заявил московский архитектор, куратор и художник Юрий Аввакумов, никто ведь не протестует против лицезрения мощей святых, никто не протестует против саркофагов и демонстрации бальзамированных тел в Лувре и в любом археологическом музее мира[637]. Кстати, и Путин еще 10 декабря 2012 года на встрече с доверенными лицами высказался в защиту мавзолея:

> «Может быть, коллеги, которые придерживаются левых взглядов, будут ругаться и будут спорить со мной, но ведь даже коммунистическая идеология, основные постулаты были взяты из традиционных мировых религий, кодекс строителей коммунизма – это все, что в Библии, посмотрите: не убей, не укради, не пожелай жены ближнего своего, это все там прописано… Говорят, что не соответствует традиции… поезжайте в Лавру, на Афон, там мощи святых людей, и в этом смысле коммунисты традицию перехватили, сделали это грамотно, сделали это в соответствии с потребностями своего времени».

[637] *Пальвелева Лиля.* Архитекторы передумали. Мавзолей останется мавзолеем // https://www.svoboda.org/a/30840166.html.

Путин о Ленине и большевиках

Постепенно действующий президент высказывался и по другим вопросам, которые вызывали бурную дискуссию в социальных сетях и научном сообществе историков. Тем самым благодаря Путину Ленин возвращался в пространство актуальной памяти, а точнее – в плоскость антиленинианы, о чём говорят используемые президентом определения: «террорист по кличке «Старик»», «разрушитель российской государственности», «негосударственный деятель». Что сразу бросается в глаза при анализе этих оценок? Во-первых, ничего нового в них не прозвучало. Подобные высказывания можно встретить у Милюкова, Мельгунова, Нагловского, Волкогонова, Никонова и Жириновского. Во-вторых, эти оценки намеренно приурочивались к юбилейным датам, порой немного опережая их. Сначала это было 100-летие начала Первой мировой войны, затем – 100-летие революции 1917 года и, наконец, 150-летие Ленина. В-третьих, путинские комментарии не похожи на импровизации, каждая оценка была неслучайной. Поэтому политическая элита и официальные СМИ воспринимали их как определенный ориентир[638], связанный не столько с юбилеями, сколько с конкретной политической ситуацией в мире и стране, хотя многие историки, эксперты и блогеры отнеслись к ним довольно критично, более того, разворачивали подробную аргументацию в неприятии президентских реплик.

Первый пассаж прозвучал в выступлении Путина в Совете Федерации 27 июня 2012 года, после вступления в президентскую должность в мае того же года:

> «Наша страна проиграла эту войну (Первую мировую. – *Авт.*) проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества. Мы проиграли проигравшей Германии – по сути капитулировали перед ней, она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой. Со стороны нового большевистского правительства это был

[638] См., к примеру, статью «Считать Ленина патриотом можно только в сумасшедшем доме» Феликса Разумовского, который пошел еще дальше, назвав его самозванцем, «Лжедмитрием XX века» // Культура. 2019, 12 декабря.

акт национального предательства, и оно боялось сознаться в этом ради партийных интересов. Они искупили свою вину перед страной в ходе Второй мировой войны, это правда. Сейчас не будем говорить о цене – это другой вопрос, но замалчивали именно поэтому».

Это, по всей видимости, адресовалось армии, определенной части партии «Единая Россия» и тем либеральным кругам, интересы которых были направлены на Запад.

А вот отступление в область истории на Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2014» 29 августа 2014 года:

«Есть и так называемая несистемная оппозиция, но это тоже не единое целое, там тоже разные люди есть: есть люди, которые настроены патриотично, а есть люди, которые, как бы это ни было обидно слышать части, может быть, даже этой аудитории, тем, кто левых взглядов придерживается, – вот большевики в ходе Первой мировой войны желали поражения своему отечеству, и когда героические русские солдаты и офицеры проливали кровь на фронтах Первой мировой войны, кто-то раскачивал Россию изнутри и докачался до того, что Россия как государство рухнула и объявила себя проигравшей – проигравшей стране. Чушь, бред, но это случилось, это полное предательство национальных интересов! Такие люди есть у нас и сегодня».

Так президент усиливал тему предательства и явно предупреждал тех, кто готов был разрушить государство по примеру Украины, кто недооценивал значение патриотических настроений после воссоединения Крыма. Историкам же и идеологам давался сигнал заново переосмыслить и переоценить «неизвестную войну», героизм и заслуги русских солдат.

Если же подходить к президентским положениям документально, раскладывать их по полочкам, то очевидно, что не большевики разложили царскую армию, а абсурдный «приказ № 1». Причем это «недоразумение» повторилось, когда Керенский, став военным министром, издал свой «приказ по армии и флоту» (его стали называть

«Декларацией прав солдата»), фактически дублировавший содержание «приказа № 1». И ленинская формула – «превратить войну империалистическую в гражданскую» – не предполагала поражения России. Поэтому она была дополнена и конкретизирована лозунгом «поражения своего правительства в войне», который теперь сознательно извращается – под словом «правительство» имеют в виду «страна», подменяя таким образом его смысл: вместо интернациональной тактики классовой борьбы выходит национальное предательство. Но ведь речь шла лишь о царском правительстве, а также правительствах других стран, виновных в войне. Ленин призывал народы бойкотировать войну, не стрелять друг в друга и тем сорвать грабительские планы. Такой в условиях того времени была форма борьбы против войны. Таким было и решение Базельской конференции социал-демократических партий Европы (ноябрь 1912 года). Правда, потом, в августе 1914 года, германская социал-демократическая фракция в парламенте неожиданно проголосовала за предоставление правительству военных кредитов и фактически санкционировала войну. Подобным же образом поступили и другие европейские соцпартии, а также их парламентские фракции.

На самом деле лозунг поражения правительства был не новый, он был успешно апробирован в период русско-японской войны 1904–1905 годов. Однако обстоятельства значительно изменились: та война шла на чужой территории, была откровенно колониальной и проиграна без сожаления. А Первая мировая война считалась в России Отечественной, враг оккупировал значительные территории страны, и ленинский лозунг, казалось бы, не подходил в этой ситуации. Но если бы и в других странах, в том числе в Германии, рабочие тоже поддержали его и выступили против своих империалистических правительств, то война закончилась бы, и всё вернулось бы к старым границам, к миру без аннексий[639].

[639] См.: *Бондаревский А.В.* Зигзаги ленинского лозунга «поражение своего правительства в войне» // В.И. Ленин. История. Культура. Современность: Сб. статей по итогам четвертой науч. ист.-культур. конф. 20 апреля 2018 г., Санкт-Петербург / Под ред. Н.С. Коваленко, Е.Г. Рукомойниковой. Нижний Новгород, 2019. С. 15–26.



Предвыборный плакат Дальневосточной республики (ДВР). В ДВР (1920–1922) легально действовали не только эсеры и меньшевики, но и буржуазные партии кадетского толка

На встрече с молодыми учеными и преподавателями истории в Государственном центральном музее современной истории России (бывший Музей революции) 5 ноября 2014 года Путин сказал:

> «Они (большевики. – *Авт.*) выступали за прекращение войны, правда, они «надули» общество. Вы сами знаете: земля – крестьянам, фабрики – рабочим, народу – мира. Мира не дали, началась Гражданская война, фабрики и землю отобрали. Так что надувательство полное».

Но ведь понятно же, что большевики пообещали именно то, что желало большинство народа – прежде всего прекратить бессмысленную войну, которая велась в интересах российской и иностран-

ной крупной буржуазии. Мир – «похабный», конечно, – с Германией в марте 1918 года был заключен, а Гражданская война стала ответом большевикам со стороны крупной буржуазии города и деревни, учредиловцев, ставших на сторону белых генералов, стран Антанты, заинтересованных в том, чтобы Россия продолжала участвовать в империалистической бойне. Где здесь «надувательство»? Земля была национализирована и передана крестьянам в вечное пользование, а не в частную собственность. Фабрики действительно были переданы в управление рабочим, однако с самоуправлением и самостоятельностью (и даже акционированием) тогда ничего не получилось. Управлять национализированными предприятиями, особенно в условиях войны, стали директора от государства, а собственность на них оставалась общенародной.

В начале 2016 года на заседании президентского Совета по науке и образованию руководитель Курчатовского института Михаил Ковальчук процитировал посвященные Ленину строчки из поэмы Бориса Пастернака «Высокая болезнь»: «Он управлял теченьем мыслей и только потому – страной», – и призвал Путина точно таким же образом руководить наукой – «управлять течением мысли в конкретных направлениях». На это президент незамедлительно парировал:

> «Управлять течением мысли – это правильно. Важно только, чтобы эта мысль привела к нужному результату, а не как у Владимира Ильича. А так, сама по себе, идея правильная. В конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была. Вот такая мысль там тоже была».

Случайным ли совпадением было то, что эти слова прозвучали 21 января, в день смерти Ленина, или же изначально планировалось предать огласке мнение главы государства о Ленине именно в этот день? Но главное заключалось в другом – президента по-прежнему мучают вопросы: что привело к развалу СССР, какие мысли могли или могут привести к взрыву здания под названием «Россия»? Но в

этом случае надо быть предельно точным в оценке прошлого. Когда начала разваливаться Российская империя? Разве не при Временном правительстве, которое в марте 1917 года восстановило автономию Финляндии, а затем, несмотря на оккупацию территории Царства Польского германскими и австро-венгерскими войсками, дало своё согласие на создание в будущем независимой Польши при условии установления военного союза с Россией. А что вызвало самый серьезный кризис Временного правительства? Самочинно созванная на Украине Центральная рада, которая в июне 1917 года объявила универсал об автономии Украины и созданию исполнительного органа – Генерального секретариата. По украинскому примеру в июле была создана Белорусская рада, добивавшаяся автономии республики, по инерции к концу года от России отделились Закавказье, Литва, Бессарабия. О независимости объявила даже Сибирь.

В.И. Ленину предстояло собрать страну, но уже на иных принципах – на приемлемом балансе прав и обязанностей каждой республики при равноправном вхождении в единый союз. Федерация как раз и давала возможность такого взаимоприемлемого прочного единства. В перспективе Ленин выступал за унитарный характер социалистического государства, но сначала надо было возместить «окраинам» обиды, нанесённые им самодержавием, а ещё освободить Россию от иностранных интервентов и их белогвардейских пособников, стремящихся разделить страну на зоны влияния «ведущих мировых держав». Неслучайно значительное число царских офицеров в годы Гражданской войны поддержали именно советскую власть, а не армии Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля. Многие народы, входившие прежде в империю, в это время впервые обрели свою государственность. Принуждение их к отказу от обретённой самостоятельности означало бы продолжение Гражданской войны.

Путин поставил Ленину и большевикам в вину то, что СССР распался именно по границам национальных республик. Но не надо забывать, что контекстом создания федерации была нацеленность на мировую революцию. Известно, что советский федерализм – по сути,



Шапка «Рожденный в СССР». 2017 г.

планетарный проект – приглашал страны и народы мира добровольно вступать в создаваемую новую общность.

Реакция общественности на слова Путина, видимо, вызвала беспокойство в Кремле. Пресс-секретарь Дмитрий Песков попытался дезавуировать заявление о Ленине: «Вряд ли это должно быть поводом для возмущения; скорее, это может быть поводом для несогласия, но, собственно, каждый, в том числе президент, вправе иметь свое отношение к роли той или иной личности в истории». Однако через несколько дней президент сам пояснил свои слова о бомбе и Ленине:

> «О чем я говорил? О том, что была заложена мина под здание нашей государственности… Я имел в виду дискуссию между Сталиным и Лениным по поводу того, как строить новое государство – Советский Союз. Сталин сформулировал идею автономизации будущего Советского Союза… Ленин раскритиковал позицию Сталина и

сказал, что это была несвоевременная, неправильная идея. И более того, он продвинул идею вхождения всех будущих субъектов этого государства, рождающегося Советского Союза… Так вот, Ленин выступил за то, чтобы государство, Советский Союз, образовалось на основе… полного равноправия с правом выхода из Советского Союза. И вот это и есть – мина замедленного действия под зданием нашей государственности».

Пояснение получилось не слишком убедительным. Ведь 21 января президент Путин был уверен, что к развалу России привела именно мысль об автономизации, и что эту мысль высказал Ленин. Но идею автономизации, как известно, отстаивал Сталин, а Ленин – федерализации, которая и возобладала. Автономизация была отвергнута и забыта.

Через три года Путин вновь вернулся к этой теме. На большой пресс-конференции 19 декабря 2019 года он ответил на один из заданных вопросов так:

«Что касается фигуры Ленина в нашей истории… Он был, скорее, не государственный деятель, а революционер, на мой взгляд. Когда я говорил о тысячелетней истории нашего государства, оно было строго централизованным, унитарным государством, как известно. Что предложил Владимир Ильич Ленин? Он предложил фактически даже не федерацию, а конфедерацию… Строго централизованное государство – в конфедерацию, с правом выхода из привязки этносов к территориям. Но даже территории нарезаны были так, что они не всегда соответствовали и до сих пор не соответствуют традиционным местам проживания тех или других народов. Поэтому сразу возникли болевые точки. Они и сейчас еще между бывшими республиками Советского Союза имеют место быть. И даже внутри Российской Федерации. Две тысячи таких точек. Стоит только отпустить на секунду – мало не покажется».

И снова не обошлось без противоречий. Ленин предложил, оказывается, не федерацию, а конфедерацию, а лучше было бы сохра-

нять, видимо, «строго централизованное, унитарное государство». Но разве национальная политика большевиков не была оправдана единством страны в годы Великой Отечественной войны? Безусловно, известно немало случаев коллаборационизма на национальной почве, но какой масштаб он приобрел бы, если бы после Февраля 1917 года и Гражданской войны большевики вернулись бы к унитаризму? Ведь именно за отказ от него Путин критикует Ленина. Но ведь и Сталин, сторонник унитаризма, в своей знаковой речи на предвыборном собрании избирателей в феврале 1946 года, не упоминая своего спора с Лениным о модели СССР, признал, что война опровергла утверждение, что советское многонациональное государство представляет «искусственное и нежизненное сооружение»:

> «Теперь речь идет уже не о жизнеспособности советского государственного строя, ибо его жизнеспособность не подлежит сомнению. Теперь речь идет о том, что советский государственный строй оказался образцом многонационального государства, что советский государственный строй представляет такую систему государственной организации, где национальный вопрос и проблема сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве».

Был ли Ленин государственным деятелем или только революционером? Николай Бердяев – известный религиозный философ, которого Путин не раз цитировал в своих речах, утверждал, что Ленин по-своему был великим государственником:

> «В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает… к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности… И он остановил хаотический распад России… В этом есть черта сходства с Петром».

А выведенный Путиным странный «негосударственник», во-первых, создал новый тип государства – СССР, во-вторых, предложил

мощный, реализованный через 10 лет национальный проект – первый в мире перспективный план социально-экономического развития (ГОЭЛРО), предусматривающий не только электрификацию, но и решение проблем народонаселения, транспорта и экологии, в-третьих, осуществил нэповские реформы, которые привели к тому, что в 1924 году сельское хозяйство достигло уровня довоенного 1913 года, а в следующем году на этот уровень вышло и промышленное производство.

То есть со строго научной, исторической точки зрения суждения Путина о Ленине выглядят уязвимыми для критики. Однако это следует считать очередной недоработкой его экспертной обслуги и обратить внимание не на допущенные президентом неточности или откровенные ляпы, но на его совершенно последовательную и ярко выраженную, можно даже сказать – предельно личную, позицию в отношении создателя советского государства и попытаться понять, чем она продиктована. Совершенно очевидно, что не теми примитивными мотивами, какие приписывают Путину его критики: мол, с державностью, с имперскостью у Ленина не всё в порядке было, вот и невзлюбил его Путин, дескать, другое дело – Сталин, но нынешний глава государства осторожничает и не решается признаваться в своей любви к «отцу народов», хотя такая любовь по определению в крови у каждого чекиста.

Думается, что позиция Путина не столь прямолинейна. Точнее, она прямолинейна, но в другом. Президент на протяжении всех 20 лет пребывания в эпицентре общественного внимания неоднократно демонстрировал свой предельный прагматизм в вопросах не только конкретной реальной политики, но и всего того, что ее обрамляет, то есть в сферах идеологии, культуры, смыслового конструирования. История для него – это не просто прошлое. Это – некая область представлений, которые непременно должны «работать» на настоящее: объяснять, оправдывать, оттенять, доказывать, уязвлять, учить, критиковать и пр. Поэтому история в его представлении ни в коем случае не должна быть неоднозначной – каковой она является в действительности. Ленин же – фигура именно неоднозначная, причем



Блок почтовых марок, посвященный 100-летию октябрьской революции. Буркина-Фасо[640]*. 2017 г.*

как раз в том самом вопросе, который является для Путина основополагающим – в вопросе о государственности. Он то разрушитель империи, то – интересант мировой революции, то – самый что ни на есть имперец (причем такой же холодно расчетливый и прагматичный, как и сам Путин). Поэтому Ленин для президента – явно неудобная фигура, а значит, гораздо лучше объявить его негативным героем истории с точки зрения ценностей государственности, тем более что во многих отношениях такая оценка не будет прегрешением

[640] Буркина-Фасо – государство в Западной Африке. До августа 1984 г. называлась Верхняя Вольта. Напомним крылатую фразу начала 80-х годов, приписываемую канцлеру ФРГ Гельмуту Шмидту: «СССР – это Верхняя Вольта с ракетами».

против истины. Главное, что эта выверенная оценка «работает», а тем, что она многим, в том числе и определенной части путинского электората, не нравится, можно пренебречь. В конце концов, эти «ленинцы» всё равно никуда от Путина не денутся.

Возможно, подобная позиция и была бы оптимальной для выстроенного Путиным режима, но лишь в том случае, если бы он по контрасту с «плохим» Лениным показал бы какого-то «хорошего» героя недавнего прошлого. Понятно, что на эту роль напрашивается Сталин. То есть по схеме, вот уже более двух веков отработанной во Франции: с одной стороны – блистательный и яркий Бонапарт, а с другой – все те, кто после 1789 года методично расчищал ему дорогу к власти и затем погибал на гильотине. Однако Путин молчит о Сталине с той же явной личной заинтересованностью, с какой он демонизирует Ленина. Заимствовать схему «Робеспьер–Бонапарт» он не собирается. И вместе с тем не только не очерняет советский период, но последовательно представляет его как определенный идеал. И тут же называет Сталина «папашей», что уже само по себе не позволяет далее раскручивать эту фигуру как «правильного» и «положительного» антипода Ленина. Но в таком случае как в представлении Путина работает «история»? И работает ли она вообще?

Понятно, что такая энигматичная путинская «историософия» вряд ли могла повлиять на тематику собственно академических исследований. Историки же в преддверии полуторавекового юбилея Ленина по-прежнему оставались в плену старой проблематики и старых вопросов.

От методологии до последней завесы тайны смерти

Академическая среда откликнулась на 150-летие В.И. Ленина многочисленными публикациями, сборниками[641] и специальными разде-

[641] См., к примеру, сборник статей «Ленин и его время», подготовленный общественной организацией «Российские ученые социалистической ориентации». В сборнике представлены следующие публикации: *Бугай Н.Ф.* В.И. Ленин и вопросы военно-пролетарской диктатуры: новое прочтение, значение исторического смысла; *Чистый М.Б.* В.И. Ленин и внешняя политика Советской России; *Гросул В.Я.* Роль

лами в весенних и осенних номерах журналов «Российская история», «Исторический архив», «Историк» и «Родина». Что касается изданий документального характера, то здесь следует отметить альбом «Владимир Ленин. Человек-эпоха», подготовленный С.В. Девятовым и Ю.В. Сигачёвым. Более 500 иллюстраций из музеев и архивов, в том числе не публиковавшихся ранее, позволяют как бы заново познакомиться с политическим гением, сумевшим развернуть ход истории[642].

Сотрудники РГАСПИ впервые опубликовали комплекс документов о реакции религиозных кругов на смерть Ленина. Первыми откликнулись на смерть Ленина представители мусульманских организаций. Закрытые сводки ГПУ тех дней содержали различную информацию о настроениях населения. В частности, сообщалось о богослужениях, молебнах с «поминовением новопреставленного раба

В.И. Ленина в создании СССР; *Куренышев А.А.* Ленин и аграрно-крестьянский вопрос в России и мире. Конец XIX – начало XX вв.; *Попович В.А.* В.И. Ленин создатель Рабоче-Крестьянского Красного флота; *Базанов С.Н.* В.И. Ленин и строительство армии нового типа; *Войтиков С.С.* В.И. Ленин и социал-демократическая фракция Государственной думы как узкая руководящая коллегия РСДРП; *Наумова Г.А.* Вопросы истории советской власти в музейной экспозиции (Музей-заповедник «Горки Ленинские»); *Хмуркин Г.Г.* В.И. Ленин и православные храмы; *Морозова А.Ю.* В.И. Ленин и А.А. Богданов: соратники и соперники; *Малютин Г.А.* Ленин и Польша; *Емельянов Ю.В.* Современная антилениниана; *Исхаков С.М.* В.И. Ленин и мусульмане; *Сераэтдинов Б.У.* Оценка деятельности В.И. Ленина в постсоветский период; *Рублев Д.И.* Анархисты о политической деятельности В.И. Ленина; *Рыбалкин В.П.* Физическая культура и спорт в жизни В.И. Ленина (по воспоминаниям современников); *Артамонов В.А.* О величии духа В.И. Ленина. См. также: В.И. Ленин. История. Память. Современность. Сборник статей по итогам второй научной историко-культурной конференции (21 апреля 2016 г., Санкт-Петербург) / Под ред. О.В. Леонтьевой. Нижний Новгород, 2016; В.И. Ленин. История. Культура. Современность: Сб. статей по итогам четвертой науч. ист.-культур. конф. 20 апреля 2018 г., Санкт-Петербург / Под ред. Н.С. Коваленко, Е.Г. Рукомойниковой. Нижний Новгород, 2019 и др.

[642] *Девятов С.В., Сигачёв Ю.В.* Владимир Ленин. Человек-эпоха. М., 2020. К сожалению, в аннотациях к некоторым документам допущена определенная двусмысленность. К примеру, указано: «Шифротелеграммы военного агента в Швейцарии С.А. Голованя в Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба о финансировании российских политэмигрантов германским правительством» (С. 112). При прочтении такой аннотации складывается мнение, что это надежные и верные сведения, но на самом деле это не так. Авторам надо было указать хотя бы на неподтвержденную и непроверенную информацию, полученную отнеизвестного источника (некоего не названного агента) о финансировании российских политэмигрантов германским правительством. – Об этой истории см. подробнее главу «Басни разведчика Брута» в книге: *Козлов Я.В., Корнеев В.В.* Правда о Ленине. Ответ клеветникам. М., 2018. С. 142–146.

Божьего Владимира». 24 января Патриарх Московский и всея Руси Тихон и члены Священного Синода выразили «соболезнование правительству Союза Советских Республик по поводу тяжкой утраты». К Патриарху Тихону обратилось множество приходов и мирян с вопросом: могут ли они служить панихиду по Владимиру Ильичу? И патриарх разъяснял свою позицию: «Владимир Ильич Ленин не отлучен от православной церкви высшей церковной властью, и потому всякий верующий имеет право и возможность поминать его. Идейно мы с Владимиром Ильичем Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нем как о человеке добрейшей и поистине христианской души. Я считал бы оскорблением памяти Ленина, его близких и семьи, если бы православное духовенство участвовало в похоронах, ибо Ленин никогда не выражал желания, чтобы православное духовенство провожало его тело». От «законного» для тогдашней советской власти обновленческого Синода к М.И. Калинину обращался митрополит Евдоким (Мещерский). Приводилось такое мнение Евдокима о Ленине-атеисте: «В заграничной, главным образом, белогвардейско-эмигрантской прессе Ленин изображался как неистовый гонитель и ненавистник православной церкви и религии вообще. Это в корне неверно. Ленин относился к верующим в высшей степени справедливо и беспристрастно и боролся только с преступниками в рясе. Те, кто ныне клевещут на Ленина, не оригинальны: они просто повторяют давным-давно «выплеснутое» и тогда же опровергнутое». К Калинину обращались также епископ Антонин (Грановский), известный обновленческий протоиерей Александр Введенский, представители протестантских церквей. Совет Всероссийского союза христиан-адвентистов седьмого дня особенно подчеркивал, что именно при жизни Ленина принята Конституция, провозгласившая «принципы свободы совести, религиозной и антирелигиозной пропаганды»[643].

[643] См.: «Пусть могила эта родит еще миллионы новых Ленинов…». Обращения, заявления, телеграммы религиозных организаций в связи со смертью В.И. Ленина. 22–26 января 1924 года. Публикация подготовлена: Кочетова Анна, Одинцов Михаил // Родина. 2018. № 1. С.114–119.



Плакат «Мощь–Немощь». Худ. А. Асеев. 2017 г.

По инерции некоторые ученые продолжали обращаться к исследованию самого ленинизма. Его попытался переоценить во взаимосвязи с анализом нестандартной личности Ленина В.А. Поцелуев. Автор критически оценивал само учение, поскольку оно, по его мнению, было неорганичным для России и содержало как обязательный элемент насилие и террор, концепцию захвата власти, под которую и создавалась партия нового типа. Всю историографию ленинианы Поцелуев разделил на три направления: а) ортодоксально-традиционное, б) реставраторско-подновленное, в) перестроечно-новаторское[644]. Относя себя к последнему, Поцелуев полагает, что «теория, созданная Ульяновым-Лениным, весьма привлекательна, ибо содержит в себе наиболее желанные мечты человечества. Однако

[644] *Поцелуев В.А.* Великий Ленин. «Вечно живой». М., 2014. С. 39.

реальные пути и практические методы их достижения противоречили главному – человеческому благосостоянию и даже самой человеческой жизни». Автор не скрывает, что стремится показать «пагубные результаты нарушения традиционного общественного бытия, определяющей основой которого является производительная (экономическая) деятельность людей, а не их действия по распределению материальных благ, созданных другими»[645]. И главным виновником этого он считает, конечно же, Ленина. При этом Поцелуев предпочёл забыть, что в первые годы советской власти фактически существовало коллективное руководство, и даже если какие-то меры, принятые в то время, следует признать ошибочными, то ответственность за них несет не один Ленин, но и другие члены Политбюро. Поцелуев вообще отказал Ленину в оригинальности идей, так как тот не открыл кардинальных законов бытия, но, умело используя историческую ситуацию, «применил основные элементы концепции благосостояния масс, разработанные талантливейшими мыслителями многих народов во все времена предыдущей истории человечества»[646].

100-летию написания работы Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» посвятил свою одноименную книгу Валентин Катасонов, добавив подзаголовок – «Метаморфозы столетия (1916–2016 годы)». Автор считает, что эта работа классика в СССР была одной из наиболее читаемых, но за последнюю четверть века оказалась незаслуженно забытой, хотя она достаточно полно и адекватно описывала и объясняла многие экономические и политические явления и процессы в мировой системе капитализма конца XIX – начала XX века, являлась неплохим методологическим путеводителем для изучавших и наблюдавших экономику и политику в рамках этой системы. Безусловно, за последние четыре десятилетия капитализм претерпел значительные метаморфозы, но ленинская методология «Империализма…» остается до сих пор пригодной для анализа современных событий в мире.

[645] 24. Там же. С. 3, 39.
[646] Там же. С. 423.

Даже известный специалист по Ренессансу Л.М. Баткин главным и актуальным творением Ленина называл забытую книгу «Государство и революция»:

> «Да, несравненная ленинская книга, единственная в своем роде среди всех других его книг, это – хотя и логическое по форме – мечтание. Во всяком случае, эта не умершая поныне идея забегает на сотни и сотни лет вперед. Она жива и, полагаю, будет жить. Ее подпитывают как раз расширяющиеся возможности вестернизированного неокапитализма… Эта столь неожиданная книга, глубоко искренняя, показывает, что сам Ленин напряженно размышлял – в разгар схватки не на жизнь, а на смерть, с непредрешенным исходом! – о величайшем и парадоксальном противоречии революции, которой был безоговорочно предан»[647].

К проблемам теории социалистического государства обратился В.М. Сырых. Автор дает оценку теоретического понимания социалистического государства, избегая крайностей, присущих исследованиям, проведенным советскими авторами, равно как и современными критиками советского государства и ленинизма, и предложил своё видение особенностей пролетарской демократии и классовой диктатуры, причин и пределов красного террора, прав и свобод трудящихся масс, свободы печати и др.[648] О том, насколько вписывается в ленинское учение политический терроризм, насколько правомерно олицетворять Ленина с идеологией революционного террора, что до сих пор делают противники большевизма, попытался рассуждать О.М. Хлобустов. Проведенный им подробный анализ направлен на то, чтобы опровергнуть подобные утверждения. И в то же время автор показывает, что политический терроризм, или – как он тогда назывался – террор, имел действительно немалое распространение в России и немалое число его апологетов и последователей. Поэтому автор раскрывает историю того, как большевики во главе с Лениным

[647] *Баткин Л.М. Эпизоды моей общественной жизни: Воспоминания.* М., 2013. С. 81–82.

[648] См.: *Сырых В.М.* Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия). М., 2017.

вели активную идейно-политическую борьбу против идеологии и практики политического террора[649].

К своим аргументам Хлобустов подключает исследования германского историка Х. Линке и даже выводы криминолога Г. Вордлоу в его монографии «Политический терроризм: теория, тактика и меры противодействия»[650]. Автор предположил, что Ленин поначалу не думал, что начнется такое бешеное сопротивление, что начнут убивать представителей администрации, хотя в литературе распространены сведения только про покушение на Ленина и про убийства Воровского и Урицкого. Однако петербургский историк Илья Ратьковский посчитал, что в центральных губерниях России, а это четверть страны, за эти первые месяцы власти большевиков были совершены покушения на 50 руководителей уровня мэров, губернаторов и пр.[651]

Несмотря на сохраняющийся интерес к теоретическому наследию Ленина, не этот интерес определял расклад проблематики в пространстве истории. В новом десятилетии дискуссию о германском вмешательстве, ведущуюся свыше 100 лет, с 1917 года, открыла книга Я.А. Бутакова «Брестский мир: ловушка Ленина для кайзеровской Германии». В ней вновь возникли так называемые документы Сиссона, собранные американским журналистом, на которых Временное правительство пыталось строить обвинение против большевиков. Но ведь уже все серьезные историки согласились в том, что «бумаги Сиссона» являются фальшивкой, сделанной журналистом Фердинандом Оссендовским и проданной им в конце 1917 года, уже после падения Временного правительства, специальному посланнику президента США в России Эдгару Сиссону за 25 тыс. долларов. Их опубликовали в Вашингтоне в 1918 году[652]. И тем не менее Бутаков

---

[649] *Хлобустов О.М.* В.И. Ленин и терроризм в России. Об одном историческом мифе // istoriki.su.

[650] См.: *Wardlaw G.* Political Terrorism. Theory, Tactics and Counter-Measures. Cambridge, 1989. P. 3–23.

[651] *Илья Ратьковский.* Об истории красного и белого терроров // https://aftershock.news/?q=node/487995&full.

[652] Напомним читателям, что Ф. Оссендовский – польский авантюрист – и его подельник сфабриковали документы немецкого Генштаба и продали их английской раз-

повторил утверждения о германских субсидиях большевикам, равно как и об американских субсидиях Троцкому, не приводя каких-либо доказательств[653].

Этот недостаток решил восполнить в марте 2013 года на конференции «Оценка роли большевиков и их лидеров в мировой и российской истории» в Государственной Думе РФ В.М. Лавров. В докладе «Преступления большевиков и их лидеров. Экстремизм в работах Ленина» он продолжал упрямо утверждать, что Ленин сотрудничал с преступным руководством кайзеровской Германии и получал деньги от немцев на совершение большевистского переворота. В отличие же от Бутакова, он сенсационно заявил, что знает, где хранятся эти документы в Германии и Москве. Правда, место хранения немецких документов докладчик не разгласил, а вот что касается Москвы, с восторгом первооткрывателя заявил, что они находятся в бывшем Центральном партархиве (ныне – РГАСПИ), фонде 2, обозначены в описи 2 как дело 226. Эта сенсация была повторена и в видеолекции «Ленин», подготовленной докладчиком по заказу Министерства культуры РФ для портала «История.рф». Итак, напомним еще раз, что в приводимом документе от 16 ноября 1917

ведке в Петербурге, а те, обнаружив фальсификацию, перепродали их американскому сенатору Э. Сиссону. Одновременно существовали документы начальника петроградской контрразведки Бориса Никитина, который после июльского разгрома партии большевиков в 1917 году сфабриковал дело о немецком шпионаже на основании торговой переписки между фирмой Парвуса в Амстердаме и Петроградом об отправке лекарств и медицинских инструментов. Однако суд не стал рассматривать эти документы.

[653] *Бутаков Я.А.* Брестский мир: ловушка Ленина для кайзеровской Германии. М., 2012. С. 168, 169, 208. Напомним здесь еще раз о публикации: *Kennan G.* The Sisson Documents // Journal of Modern History. Vol. XXVIII. 1956. № 2. P. 133, 143–153. Укажем и на недавнюю работу: *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. Ульяновск, 2012. С. 161–162. Они также подчеркивают: «Даже ряд специалистов, полагавших, что большевикам были переданы какие-то деньги, отрицают вербовку Ленина и других членов партии германской разведкой. Известный французский разведчик Л. Тома, активно дискредитировавший большевиков в 1917 г., впоследствии признавался: “Ленин не был платным агентом Германии в том смысле, что не получал от немецких властей задания действовать определенным образом в обмен на денежное вознаграждение или на заранее оговоренную выгоду”… В настоящее время можно с полным основанием утверждать, что современное состояние источников не дает оснований для выводов о получении большевиками и Лениным, в частности, немецких денег». Цит. по: *Попова С.С.* Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. Сб. статей. М., 1994. С. 264–273.

года говорится о том, что «по приказу Германского имперского банка № 7433 в период от 2 марта 1917 года заплачены деньги товарищам Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому и другим», а по другому приказу, № 2754, на Ленина, Троцкого и Зиновьева агрессоры-немцы в Стокгольме, в банке Ниа, открыли личные счета. Однако все эти сведения приведены по «документам Сиссона», которые были сохранены в архиве (по просьбе Ленина!), о чем мы подробно писали в разделе «2000: от антиленинизма к антикульту». Выдавая фальшивку за подлинник, Лавров не постеснялся сопроводить свое «открытие» итоговым замечанием: «И совершенно справедлива оценка, которую дал президент России. Путин говорил о том, что большевики во главе с Лениным совершили акт предательства»[654]. Еще одна подтасовка!

Год спустя официальное лицо, тогда ещё директор РГАСПИ А.К. Сорокин, решил сообщить в двух интервью «Российской газете» о «новонайденных документах» – автографах, которые связаны с темой «немецких денег для большевиков»[655]. При этом он процитировал слова Ленина из письма И.Ф. Арманд: «Денег на поездку у нас больше, чем я думал, чем на 10–12 января, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме». Однако на самом деле этот пассаж читается так: ««Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10–12 хватит, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме». Кроме того, Сорокин отослал читателей к документу, где якобы упоминалось о перечислении на имя Ленина денег из банка «Дисконто-Гезельшафт». Вот этот документ:

«Копенгаген, 18 июня 1917 г.

Господину Руффнеру в Гельсингфорсе.

Милостивый государь.

Настоящим уведомляю Вас, что со счета «Дисконто-Гезельшафт» списано на счет Ленина в Кронштадте 315 000 марок по ордеру синдиката. О получении соблаговолите сообщить Нюландсвай, 98, Копенгаген. Торговый дом В. Гансен и Ко. С уважением – Свенсон».

---

[654] См.: http://vmlavrov.ru/%D0 %9B%D0 %B5 %D0 %BD%D0 %B8 %D0 %BD.html.
[655] См.: Российская газете. 2014, 3 и 22 апреля.

Правда, Сорокин специально умолчал о том, что этот документ тоже относится к коллекции поддельных «бумаг Сиссона», подложность которых доказана[656]. Неслучайным стал и выход в юбилейном году в издательстве А.К. Сорокина «РОССПЭН» книги Евы Ингеборг Фляйшхауэр «Русская революция: Ленин и Людендорф (1905–1917)»[657]. Издательство представило эту «детективную» работу как способную, пусть при отсутствии прямых улик, представить картину партнерства большевиков с генштабами центральных держав, направленного на уничтожение традиционной России. Причем редакция не сомневается в том, что использование косвенных доказательств – германский и австрийский генштабы и большевистское партийное руководство, по мнению автора, согласованно уничтожили соответствующие документы и методично замели следы своего сотрудничества – ставит точку в споре о «немецком следе» в русской революции.

Популяризировались фальшивые документы и в книге В.Е. Шамбарова и Е.Н. Чавчавадзе «Кто заплатил Ленину?» В частности, в ней приведены два документа – некая выписка из протокола решения Политбюро ЦК РКП(б) от 20 мая 1920 года и частично письмо Дзержинского Сталину от 25 декабря1922 года, – которые «в течение многих десятилетий оставались строжайшей тайной» и только после падения коммунистической власти обнаружены в секретном фонде Сталина в папке «Дело Ганецкого». Перед нами еще одна версия с финансированием Ленина. Однако если внимательно проанализировать эти документы, то обнаружится, что перед нами снова низкопробные и примитивно сделанные фальшивки. Видимо, поэтому авторы не сообщают архивную легенду документов с указанием номера фонда, описи и дела. Сведения в этих псевдодокументах скомпилированы из различных источников, в частности, из

[656] См. подробнее: *Корнеев В.В., Козлов Я.В.* Очернение Ленина. Как это делают официальные «историки» на страницах «Российской газеты» // Политическое просвещение. 2014. № 5.

[657] *Fleischhauer E.I.* Die Russische Revolution – Lenin und Ludendorff (1905–1917). Borsdorf, 2017. Переведена на русский: *Фляйшхауэр Е.И.* Русская революция – Ленин и Людендорф (1905–1917). М., 2020.



Плакат «Идеи становятся силой, когда они овладевают массой» Худ. А. Плюгеников, Ю. Логачев, А. Рубец

книг Волкогонова. Кстати, именно в его книгах указаны архивные реквизиты настоящего следственного дела НКВД, заведенного на Я.С. Фюрстенберга (Ганецкого). Материалы этого дела хранятся в ЦА ФСБ и до сих пор не опубликованы. Оформление документов также показывает, что фальсификаторы даже не выясняли, как правильно называются государственные должности и кто конкретно их занимал на тот момент времени. Так, например, в 1920 году должность называлась не секретарь ЦК РКП(б), а ответственный секретарь ЦК РКП(б), занимал эту должность в 1920 году не Сталин, а Н.Н. Крестинский[658].

Теперь обратимся к работам другой группы авторов. В дискуссию включился историк А.В. Шубин, который в своей книге о революции 1917 года написал специальную главу «Был ли Ленин немецким

[658] *Шамбаров В.Е., Чавчавадзе Е.Н.* Кто заплатил Ленину? М., 2017. С. 3–4.

шпионом?» В ней самым тщательным образом, используя статистические выкладки, он разобрал и убедительно опроверг мифические версии о шпионаже, «делах» Парвуса и Ганецкого[659]. Британский историк Кэтрин Мерридейл в своей книге «Ленин в поезде» описала ленинское путешествие из Цирюха до Петрограда, где вождю большевиков была устроена торжественная встреча. Она опирается на воспоминания очевидцев и показывает, что подавляющее большинство наблюдателей тогда ошибались, оценивая будущую роль Ленина. Одни, как некоторые представители германского руководства, считали его за «полезного идиота», тогда как именно в этом качестве Ленин числил германский Генштаб, пропустивший его в Россию. Русские же политики из либерального и умеренно-социалистического лагерей думали, что Ленин растерял свое влияние и что у него почти нет сторонников. А многие полагали, что сразу по прибытии в Петроград он будет либо посажен в тюрьму, либо убит. И все, как известно, ошиблись. Мерридейл развенчивает миф как о «пломбированном вагоне», так и о немецком золоте для большевиков и доказывает, что в октябре 1917 года большевики оказались выразителями народных чаяний и требований[660]. История о «пломбированном вагоне» стала центральной и в полемичной книге С.Т. Брезкуна, выступающего под псевдонимом Сергея Кремлёва, «Ленин и Парвус: вся правда о «пломбированном вагоне» и «немецком золоте»». К сожалению, изданные им так называемые дневники Берии и другие апологетические работы подорвали репутацию этого писателя и публициста, инженера по образованию.

Своеобразным итогом этой нескончаемой дискуссии мы считаем обстоятельную работу Я.В. Козлова и В.В. Корнеева «Правда о Ленине. Ответ клеветникам». В ней приведены существующие по вопросу германского вмешательства документы и фальсификации. Авторы учли даже откровенные слухи, в частности, распускаемые некой Донцовой, являвшейся женой активного сотрудника созданной в 1916

[659] *Шубин А.В.* Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014.

[660] *Merridale C.* Lenin on the Train. London, 2016. См. также: *Голицына Н.* Бацилла большевизма. Интервью с Кэтрин Мерридейл // Радио Свобода. 2016, 15 декабря: http://www.svoboda.org/a/28171686.

году в Швейцарии при содействии Германии Лиги нерусских народов России (Liga der Fremdvölker Rußlands), о том, что Ленин якобы взял в поезде, возвращаясь в Россию, крупную сумму денег из рук любовницы Карла Радека. Имя этой любовницы осталось неизвестным, зато подчеркивалось, что деньги она получила от немцев. Любопытно, что сразу после отъезда Ленина и его сторонников из Швейцарии местная буржуазная печать заполнилась статьями о том, что Ленин получил от германского правительства 2 миллиона франков, а газета «Петроградский листок» в июле 1917 года сообщала: «В банковских кругах передают, что финансирование «большевизма» немецким правительством пока обошлось в 40 000 000 рублей». Английская контрразведка 12 мая 1917 года также сообщала в российский Генштаб, что «социалист Ленин получил 4 млн марок с поручением действовать в пользу сепаратного мира в интересах Гогенцоллернов и Романовых». Даже в интересах Романовых! Некоторые авторы утверждают, что для Ленина в марте 1917 года был открыт личный счет, на который из Германии поступали денежные средства для нужд РСДРП(б), в том числе и для издания партийной большевистской прессы. Это должен подтвердить и фальшивый документ о получении Лениным на свой счет в Кронштадте в июне 1917 года 315 000 марок.

Авторы проследили, как в России распространялись слухи не только о якобы привезенных Лениным деньгах, но и о том, что «Ленин… привезен в Россию в бронированном поезде, где один вагон занимал он, а остальные вагоны были заняты золотом для работы по возмущению русского народа». Все эти слухи, версии и фальшивки в книге тщательно проанализированы и документально опровергнуты. Особенно впечатляет разбор безосновательных утверждений о финансировании газеты «Правда» из иностранных источников, а также поверхностное суждение о ее якобы нерентабельности. Многолетние кропотливые изыскания авторов дают возможность исследователям разобраться в бухгалтерии «Правды» и сделать собственный вывод о ее самоокупаемости[661].

[661] См.: *Козлов Я.В., Корнеев В.В.* Правда о Ленине. Ответ клеветникам. М., 2018. С. 15–58, 90–134, 175–225.

Заслуживает серьезного внимания и недавно вышедшая книга Л.К. Гурджиева «Ленин. Вождь и его тайны», в которой высказана версия о том, что суд по делу «Ленин – шпион» не мог состояться потому, что он развернулся бы с точностью до наоборот и обвиняемый стал бы обвинителем. Французская и английская разведки знали, что деньги от немцев поступали различным политическим силам России не только до, но и после свержения царя. Поскольку в этих процессах участвовало огромное количество лиц и был расшатан донельзя механизм государственной власти, то происходила утечка информации о неблаговидных контактах представителей Временного правительства. Порой она попадала в печать, хотя и в виде слухов. Выходит, как утверждает Гурджиев, что буржуазные «демократы», доведшие антибольшевистский шпионский скандал до невероятного апогея, «действовали как вор, который кричит «держи вора». Они элементарно испугались, что на планируемом суде над большевиками их делишки непременно всплывут»[662].

Ничего существенно нового не произошло и в изучении знаковых расстрелов, приписываемых Ленину. В обстоятельном интервью главный специалист ГА РФ З.И. Перегудова рассказала, что в последние годы внимательно изучала все документы, которые сохранились в архиве о пути царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, а также существующие точки зрения историков и материалы дискуссий по этим вопросам. Кто принял решение о расстреле царской семьи – Я.М. Свердлов, Ленин или екатеринбургские большевики? Известный архивист пришла к выводу, что полную ответственность за этот расстрел несут местные екатеринбургские власти. Аргументировалось это анализом телеграмм, которыми обменивались Кремль и Екатеринбург, текстов телеграфных переговоров и воспоминаниями участников расстрела. Свердлов послал Яковлева в Тобольск, чтобы перевезти царскую семью в Екатеринбург. Причем план был таков: из Екатеринбурга привезти царскую семью в Москву и предать суду. Это была позиция Ленина. Троцкий тоже мечтал

[662] *Гурджиев Л.К.* Вождь и его тайны / Предисловие Андрея Фефелова. М., 2020. С. 58.

об этом. И, очевидно, такое указание было дано Яковлеву. И с пропагандистской точки зрения суд был намного выигрышнее бессудного расстрела. Приехав в Тобольск, Яковлев столкнулся с противодействием отрядов, приехавших из Екатеринбурга и Омска. После сложных переговоров Яковлеву удалось договориться с охраной еще Временного правительства об организации поездки, но ему передавали, что едва ли он довезет семью живой до Екатеринбурга. На дороге между Тобольском и Тюменью уральцы действительно устроили засаду и даже предупреждали Яковлева не садиться в одни сани с царем. Но Яковлеву удалось обойти засаду, изменить маршрут движения и доставить царя в Омск. И здесь возникает вопрос: почему в Омск? З.И. Перегудова отвечает на него так:

«События и обстановка в Тобольске, те разговоры, которые там велись, указывали на то, что уже существует мнение в руководящих кругах Екатеринбурга уничтожить императора. Из Омска Яковлев посылал Свердлову телеграммы, что не ручается за жизнь царя, если он попадет на Урал. И предлагает спрятать царя в одном из округов, откуда всегда можно будет доставить императора в Москву, а из Екатеринбурга едва ли. Дальше идут переговоры между Москвой и Екатеринбургом. Ленин по прямому проводу говорит: Яковлев – наше доверенное лицо и ему необходимо подчиниться. Екатеринбургские чекисты отвечают, что Яковлев – предатель, что он повернул поезд на Омск и пытался спасти царя, в то время как должен ехать в Екатеринбург. Екатеринбуржцы откровенно игнорировали все требования Ленина и Свердлова, но делали вид, что подчиняются всем требованиям Кремля. Они так постановили, и они требуют привезти царя в Екатеринбург. Московское правительство в реальности не контролировало действия местных властей и часто задним числом одобряло их действия, чтобы сохранить видимость наличия «вертикали власти». Из Омска Яковлев был вынужден повернуть на Екатеринбург»[663].

[663] Перегудова Зинаида: «Сталин не был агентом охранки. Ленин не приказывал расстрелять царскую семью» // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 343–346.

Настрой большевиков Екатеринбурга Перегудова назвала «варварским». Прямых указаний расстрелять ни от Ленина, ни от Свердлова не поступало. Началась своеобразная игра – в Екатеринбурге делали вид, что подчиняются, но на самом деле не выполняли распоряжений и вынудили Яковлева уехать, не закончив своих обязательств. Сохранилась записка, подписанная Яковлевым, но написанная рукой Белобородова, в которой он сообщал, что отказывается дальше проводить работу по перевозке царской семьи, что свои полномочия передает местным товарищам. А на телеграммы Москвы из Екатеринбурга отвечали, что не могут Яковлева найти. Решение о расстреле было принято за три дня до его исполнения, а после этого написали в Москву, что суд был невозможен в связи с наступлением белых. Однако сами успели выехать в Москву и привезти туда материалы царской семьи, в том числе дневники Николая II[664].

Ю.З. Кантор назвала Ленина главным виновником расстрела А.В. Колчака. Она основывалась исключительно на содержании ленинской записки в Реввоенсовет 5-й армии: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием… опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин»[665]. Ленинская записка была написана в конце февраля 1920 года, хотя не исключена возможность иной датировки этого документа. Однако обстоятельный разбор источников показывает, что безапелляционное заявление Кантор относительно прямой причастности Ленина к судьбе адмирала Колчака, по крайней мере, выглядит достаточно спорным. Более вероятной представляется датировка ленинской записки временем до расстрела Колчака, происшедшего 7 февраля 1920 года. Дело в том, что вторым пунктом в записке следует вопрос «где Тухачевский?» Он связан с тем, что в конце декабря 1919 года М.Н. Тухачевский был назначен командовать 13-й армией Южного фронта, но командующий фронтом А.И. Егоров так и

[664] Там же. С. 346.
[665] *Кантор Ю.З.* Допрос и расстрел адмирала // Российская газета. 2013, 18 ноября.

не вверил ему командование армией. В связи с этим Тухачевский 19 января 1920 года обратился в Реввоенсовет с просьбой освободить его от «безработицы». И уже 24 января не без участия Ленина он был назначен командующим Кавказским фронтом и вступил в эту должность 3 февраля. Так что записка Ленина могла появиться только около 19 января, во всяком случае, еще до расстрела Колчака[666].

Этого не учитывает Кантор, как и более раннее замечание Г.З. Иоффе, который, не рассматривая пассаж о Тухачевском, обратил внимание на то, что текст ленинской телеграммы вызывает вопросы. Например, почему Ленин требует сделать все «архинадежно»? Почему такая секретность, если речь идет только о сообщении с информацией о состоявшемся расстреле? Под текстом телеграммы, хранящейся в архиве, имеется приписка: «Январь 1920 г.» Кто её сделал? И почему составители сборника «Неизвестные документы В.И. Ленина» в своем издании ее опустили? Впрочем, надо заметить, что еще в августе 1919 года Совнарком и ВЦИК Советов объявили адмирала Колчака вне закона[667].

Заметным явлением в многолетних дискуссиях о причинах смерти вождя и о том, как в медицину вмешалась политика, стала книга врача-гериатра и невролога Валерия Новосёлова «Смерть Ленина. Медицинский детектив», вышедшая в 2020 году[668]. Автор следует

[666] См., например: *Соколов Б.В.* Тухачевский. М., 2008. С. 94–95.

[667] *Иоффе Г.З.* Верховный правитель России: документы дела Колчака (Рец. на: Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака / Под общей ред. А.Н. Сахарова и В.С. Христофорова. М., 2003) // Новый журнал. 2004. № 235. См. также: *Козлов Я.В., Корнеев В.В.* Очернение Ленина. С. 42-46.

[668] В 1989 году В.М. Новосёлов поступил в аспирантуру НИИ мозга Академии медицинских наук СССР, и тема его диссертации звучала так: «Нейрофизиологический анализ деятельности головного мозга при нормальном старении и при сосудистой деменции». Отсюда интерес к клинической картине болезни Ленина, у которого, как считается, было мультиинфарктное поражение мозга. Автор выделяет только две книги (1997 и 2011 годов) академика РАМН, директора Института физико-химической медицины Ю.М. Лопухина «Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина», большая часть которой была посвящена истории с бальзамированием. С января по апрель 2017 года В. Новосёлов работал в РГАСПИ с документами пациента, которые были переведены в категорию «ограниченного доступа». Когда исследователь обратился в архив за разрешением на копирование «Дневника», он получил отказ, более того, доступ к документу вообще закрыли, хотя по закону 75-летний срок секретности истёк еще в 1999

«Дневнику истории болезни В.И. Ленина с 28 мая 1922 года по 21 января 1924 года», который вели врачи В.В. Крамер, А.М. Кожевников и В.П. Осипов, и сопровождает их записи своими обильными медицинскими комментариями. В то же время в приводимых в книге записях есть ряд сокращений, сделанных по этическим соображениям. Чем болел Ленин, если даже сегодня все документы об этом засекречены? Новосёлов отвечает на него так:

«Нельзя с позиции современной медицины изучать заболевание Ленина. Клиническую картину я рассматриваю не с точки зрения сегодняшнего врачебного мышления, а стараюсь встать на уровень развития медицинской науки того времени. Иду с двух сторон: внимательно исследую врачебный дневник и патологоанатомический акт вскрытия тела Ленина… Но даже в удаленных Горках все-таки произошел инцидент. В медицинской комиссии, присутствовавшей на вскрытии, был Федор Александрович Гетье – личный врач семьи Ульяновых. Это русский человек с французскими корнями. Из всех присутствующих он единственный не подписал патологоанатомический акт исследования тела Ленина. Однако есть второй документ, также от 22 января 1924 года, с подписью Гетье… В документе с подписью Гетье было сказано: «Обнаружены резкие изменения кровеносных сосудов головного мозга, свежее кровоизлияние, что послужило причиной смерти…» С этим доктор Гетье согласился. Но его подписи нет под заключением, что «причиной болезни умершего являлся атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания». Диагноза Abnutzungsclerose не существовало ни тогда, ни сейчас. Еще в начале прошлого века теория об износе сосудов была признана несостоятельной всеми специалистами мира… Вскрытие должно было занять не более двух часов. Чем занимались оставшиеся два часа? В Горках был телефон, и, самое вероятное, дополнительное время ушло на согласование диагноза с Политбюро. То есть две страницы акта написаны врачами, а заключительный абзац о необычном атеросклерозе спущен сверху. Но если внимательно вчитаться

году. Оказалось, что «секретность» продлили ещё на 25 лет – по просьбе племянницы Ленина Ольги Дмитриевны Ульяновой (умерла в 2011 году).

в патологоанатомический акт, то человеку с медицинским образованием станет ясно, что никакого атеросклероза у Ленина не было… В акте вскрытия Ленина написано: сосуды как шнуры. И другие подробности. Все это описывает другое заболевание: менинговаскулярный сифилис головного мозга… В открытых документах врачи Ленина ясно написали, что при жизни пациент получал лечение, соответствующее диагнозу. А лечили Ленина только противосифилитическими препаратами. Это тяжелые металлы: ртуть, висмут, мышьяк, большие дозы йода каждый день… На тот момент во всем мире с сифилисом боролись только так. У Ленина для того времени была стандартная клиническая картина. В психиатрических отделениях российских больниц пациентов с точно такими же симптомами было от 10 до 40 процентов. Поэтому все прекрасно понимали, что это такое»[669].

Автор ответил и на вопрос: знал ли сам Ленин о своей болезни и где мог ею заразиться? Знал. В июле 1922 года, когда он приходил в себя после первого приступа болезни, Ленин смеялся над официальными бюллетенями о своем здоровье. Там было написано, что желудочно-кишечное заболевание вызвало нарушение кровообращения. Ленин написал Каменеву, ответственному за пропаганду: «Только что услышал от сестры о бюллетенях, вами обо мне выпущенных. И хохотал же. «Послушай, ври, да знай меру!»». В выздоровление свое не верил, и именно поэтому после первого приступа просил привезти яда. Никто не знает, в какой период и где именно Ленин заразился. Болезнь может долго-долго молчать, а потом неожиданно проявиться. В.М. Новоселов предположил, что болезнь могла быть связана с малярией, которую перенес Ульянов в самарский период жизни.

На данный момент нет отклика специалистов и рецензий на книгу «Смерть Ленина» и предшествующих её выходу интервью автора.

[669] См.: «Пока врачи молчат, власть их не трогает». Чем болел Ленин и почему это скрывают даже сейчас? // https://lenta.ru/articles/2018/02/28/lenin/; «Диагноз, согласованный с Политбюро». Почему секретны дневники врачей Ленина // https://www.svoboda.org/a/29104226.html.

Поэтому напомним о позициях Е.И. Чазова и М.И. Буянова, приведенных в разделе «2000: от антиленинизма к антикульту». Добавим к этому и несогласие В.Т. Логинова с предложенной версией причин смерти Ленина. В своей «Полной биографии» Ленина и в интервью журналу «Скепсис» Логинов обратил внимание на то, что 29 мая 1923 года был взят анализ на реакцию Вассермана, который дал отрицательный результат, и что доктора – Крамер и Гетье – признавались, что не понимают природы болезни. Болезнь расшифруют только в XXI веке в США – мутация гена NT5E, переданная по отцовской линии, при которой сосуды головного мозга накапливают известь и каменеют, следствием чего стал инсульт. Заболевание Ленину досталось по наследству от отца, поэтому неслучайно совпадение их возраста смерти – 53 и 54[670].

Обобщающие биографии

Последнее десятилетие было отмечено выходом целого ряда книг о Ленине[671], в том числе обобщающих биографий Ленина российских авторов, то есть спустя почти 20 лет после выхода двухтомника Волкогонова. Большинство из них предложили как классический, так и необычные способы воссоздания портрета вождя революции, хотя и не все захотели распрощаться с антиленинизмом. Леонид Млечин в своей книге назвал Ленина «самым выдающимся соблазнителем России в XX столетии». При этом автор не отказал руководителю большевиков в некоторых положительных качествах: «Прирожденный политик, он был щедро наделен энергией, страстью, умом. Он всю жизнь посвятил одной цели – взять власть в стране, дождаться мировой революции и построить коммунистическое общество»[672]. Никто не умел, подчеркивает автор, так точно оценивать ситуацию, улавливать настроения масс и менять свою политику. Он

[670] См.: *Логинов В.Т.* В.И. Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 755; Владлен Логинов: «Вокруг Ленина сейчас мало сволочей…» // Скепсис. 2020, 21 января, 22 апреля.

[671] *Бушин В.С., Кожемяко В.С., Суходеев В.В.* Ленин и революция. М., 2018; *Васяев А.А.* Адвокат В.И. Ульянов (Ленин). М., 2019; *Казаков Андрей.* Ленин. Повороты судьбы. М., 2020 и др.

[672] *Млечин Леонид.* Ленин. Соблазнение России. СПб., 2012. С. 5.

не стеснялся признаваться сам себе в ошибках, не боялся отступлений и резкой смены курса, иногда – на сто восемьдесят градусов. А «гениальное ленинское искусство соблазнения» состояло в том, что «он обещал то, на что не осмелился никто иной: немедленное решение всех проблем! Его обещания вызвали волну благодарного восхищения. Те, кто пошел за ним, кто почитал его как вождя, вовсе не задумывались: а осуществимо ли все это?» И автор, естественно, легко доказывает полную неосуществимость ленинских обещаний:

> «А ведь ничто из того, что он пообещал, не сбылось. Вместо Первой мировой вспыхнула кровавая и еще более жестокая Гражданская война. Землю у крестьян – правда, уже после Ленина – вновь отобрали, загнав всех в колхозы и, по существу, восстановив нечто, напоминающее крепостное право. Ни равенства, ни справедливости советские люди тоже не дождались. Но когда они стали это осознавать, было уже поздно. Советская система не терпела протестов и бунтов и жестоко карала любое проявление недовольства».

Но виноват не только Ленин, но и народ, или, по крайней мере, та его часть, которая получила выгоды от установленного Лениным режима. Две революции, Гражданская война и массовая эмиграция открыли массу вакансий, появилась своя система кадровых лифтов, тем более что классовый подход изменил принципы выдвижения, «стало ясно: если ты – часть системы, ты живешь лучше других». У такой системы, естественно, появились защитники, кровно заинтересованные в ее сохранении. Обратило на себя внимание то, что Млечин почти не цитирует самого Ленина, а главным образом цитирует мемуары, дневники и письма, преимущественно тех, кто был настроен враждебно по отношению к Ленину и большевикам. При этом анализ в книге практически отсутствует. Неудивительно, что, прибегая к такому приему, автор легко доказывает основные тезисы своей теории соблазнения России Лениным. Тем более что большая часть свидетельств к Ленину непосредственного отношения не имеет[673].

[673] См.: *Усов И.* Упрощение Ильича // Газета.ру. 2012, 7 ноября.



Плакат «Не сотвори себе кумира…». Худ. В. Любимов

Справедливо суждение В.А. Перфилова и В.М. Костягиной, что после Ленина, на его беду, осталось столько воспоминаний, что при желании можно создавать любой облик Ленина, в зависимости от поставленной цели[674]. Они также подчеркивают, что противниками Ленина «человеческое в облике Ленина сводится на нет различного рода убийственными характеристиками: необразован, малокультурен, ограничен, агрессивен, жесток, фанатик, германский шпион и т. д.»[675]. Млечин настаивает на том, что «в личной жизни Ленин – скорее ханжа», «в политике – абсолютно аморален», так как считал, что вправе нарушать любые нормы морали и нравственности ради великой цели. И в этом его «преступление перед Россией»[676]. Ленин тем самым делается ответственным за все грехи революции. Будто не

[674] *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Указ. соч. С. 5.
[675] Там же. С. 9.
[676] *Млечин Леонид.* Указ. соч. С. 430.

было других революционных вождей, и будто контрреволюция действовала в белых перчатках. Как личность же Ленин в книге почти не присутствует. Он лишь зеркало, в котором отражаются чужие суждения о нем.

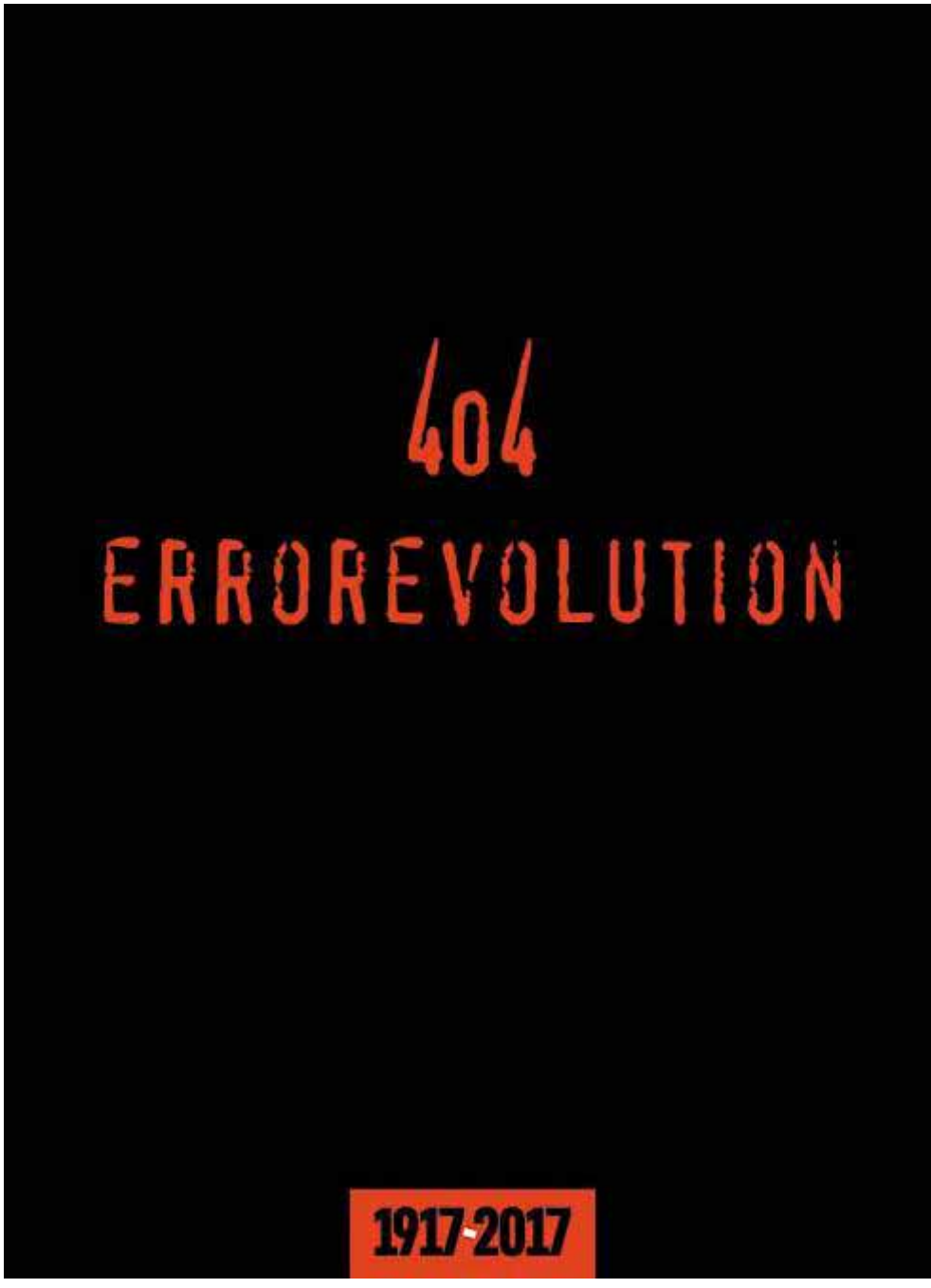
Книга «Ленин. Пантократор солнечных пылинок», написанная Львом Данилкиным для ЖЗЛ и вышедшая в год столетия революции 1917 года, впервые представила образ вождя в постмодернистском духе. Уже в предисловии читаем:

> «Если считаем Ленина взломавшим историю хакером – должны допустить, что история несовершенна и нуждается в созидательном разрушении. Если отказываемся от Ленина потому же, почему некоторых профессоров математики не пускают в казино: они слишком часто выигрывают-то и сами не хотим победить, да еще оказываемся на стороне владельцев казино, а не тех, кто хотел бы превратить их заведения в районные дома пионеров. Снесите все статуи и запретите упоминать его имя – история и география сами снова генерируют «Ленина»»[677].

Автор продемонстрировал современному – особенно молодому – читателю, что любой исторический персонаж или любое историческое событие могут быть произвольно вынуты из контекста своего времени и помещены совсем в другой временной контекст. При этом факты могут произвольно перетасовываться или даже сознательно искажаться с целью создания иной реальности. Упор делался не на политическую деятельность Ленина, а на отдельные черты его повседневной жизни, через которые высвечивался образ в целом. По признанию автора в интервью известному литературному критику Павлу Басинскому, за пять лет, которые он потратил на эту биографию, у него «возникли с… клиентом фантомные, но все же отношения»:

> «Да, он был неприятным, много кого обидевшим и много зла допустившим человеком; иногда прямо-таки отталкивающим… Когда меня спрашивают: так что же за человек был Ленин… Не знаю. Если бы

[677] См.: *Данилкин Лев.* Ленин: пантократор солнечных пылинок. М., 2017; *Он же.* Ленин. М., 2018. С. 4.



Плакат «Фатальная ошибка». Худ. А. Губин. (Ошибка 404 – знакомая всем ошибка интернет-доступа)

я оказался на месте большевика Евгения Преображенского, который летом 1923 случайно попался на глаза Ленину в Горках… Он знал, что нельзя Ленину показываться, но не смог увернуться. Когда он подошел к инвалидному креслу, он что-то такое почувствовал… они не были друзьями, просто коллеги… но он инстинктивно, в ответ на рукопожатие, поцеловал его в голову и едва сдержал слезы. Думаю, я поступил бы так же»[678].

Данилкин отмечает, что Ленин с детства любил кидаться калошами, и это в дальнейшем определило как стиль его полемики с оппонентами, так и особенности его критического подхода в политике, экономике и философии. Поскольку перед нами все же скорее художественное произведение, а не документальная биография, автор может достаточно вольно обходиться с фактами, и это ему, как писателю, а не историку, никак не может быть поставлено в вину. Так он делает Ленина, Керенского и последнего царского министра внутренних дел Протопопова одноклассниками в симбирской гимназии, чего, естественно, не могло быть, а казнь Александра Ульянова сравнивает со смертью Лоры Палмер из сериала «Твин Пикс». После смерти брата, дескать, Володя Ульянов понял, что придется продолжить столь любимую им в детстве игру в индейцев и «войти самому в этот Черный Вигвам, параллельный мир, который поглотил брата. Вряд ли примитивное желание отомстить. Просто оказалось, есть некая важная работа (брат удостоверил, что смертельно важная!), и все его, тоже исключительные, как у брата, способности указывали на то, что теперь он, ВИ, остался единственным человеком, который эту работу может сделать»[679].

Книга Данилкина написана в жанре травелога, по географическому принципу, так как «Ленин был бешеным путешественником», прошел и проехал десятки тысяч километров между Восточной Сибирью и Гринвичским меридианом, забирался на десятки европей-

[678] *Басинский П.* Это что за большевик? Интервью с Л. Данилкиным // Российская газета. 2017, 18 января.
[679] Там же.

ских горных вершин. Ни Сталин, ни Мартов, ни Троцкий не делали ничего подобного, это его – «ленинский закидон»[680]. Здесь, разумеется, так и подмывает возразить, что большую часть своих путешествий Ленин совершал не вполне добровольно, что царское правительство предоставило ему солидный travel-grant. Тот же Троцкий, например, путешествовал гораздо больше, чем Ленин, еще и по всем фронтам Гражданской войны на поезде мотался и получил в итоге travel-grant не только от царского правительства, но и от Сталина. Но Данилкину нужен для его замысла именно Ленин – великий путешественник. Хотя, надо признать, почти все путешествия Ленина были вынужденными (ссылка, эмиграция) и диктовались обстоятельствами его политической борьбы.

Надежда Крупская, как полагает Данилкин, относилась к Ленину «с ироническим уважением», а Февральская революция вообще была «психозом». Призыв вернувшегося в Петроград в апреле 1917 года Ленина совершить еще одну революцию, социалистическую, привел к тому, что у встречавшей его толпы «снесло крышу», а другие вожди большевиков, вроде Сталина и Каменева, «на это смотрели как приват-доцент Голубков в «Беге» на Чарноту, который обыгрывает в карты Корзухина-Евстигнеева – с ужасом, обхватив голову руками»[681]. Вряд ли эти слова адекватно передают позиции Каменева и Сталина по отношению к новой революции, которые отнюдь не совпадали друг с другом. Что же касается отсылки к карточной дуэли Чарноты и Корзухина, то самое забавное здесь то, что у Булгакова одним из прототипов Корзухина был сам Ленин, а одним из прототипов Чарноты – противник Ленина в советско-польской войне Ю. Пилсудский[682].

К отрицательным качествам Ленина Данилкин относит то, что его герой «был манипулятором и знал, как провоцировать дискуссии и дискредитировать оппонентов, навязывая им – в глазах публики – точку зрения, которой те, возможно, и не придерживались». Это,

[680] Там же.
[681] Там же.
[682] См.: *Соколов Б.В.* Булгаков. Мастер и демоны судьбы. М, 2016. С. 340–354.

кстати сказать, обычный полемический прием, хотя и не сказать, что честный. В то же время Данилкин признает за Лениным прежде всего положительные черты, подчеркивая, что «он не был одержимым личной властью и не считал, что у него есть монополия на истину»[683]. Свидетельство же умственной нормальности Ленина и доказательство того, что он не был «чокнутым деспотом», очень простые – «его не развратила абсолютная власть, он остался философом у власти, таким Сократом». По этой логике получается, что любой деспот, использующий свою абсолютную власть для собственного обогащения, является сумасшедшим. С этим вряд ли согласятся как сам диктатор, так и его подданные. Данилкин даже приписывает Ленину изобретение глазированных сырков, которые вообще-то появились в 1930-е годы[684].

Чтобы подчеркнуть «буржуазный» образ жизни Ленина в парижский период эмиграции, Данилкин делает нищими основную массу русских эмигрантов:

> «Возможно, идея по-хамелеонски перенять стиль парижского буржуа и была тактически верной, однако подобного рода образ жизни резко контрастировал с общепринятым в эмигрантской среде, где щеголять в брюках с бахромой и ночевать в ящике из-под мыла никогда не считалось признаком эксцентричности»[685].

Конечно, русская эмиграция в Европе в период между двумя русскими революциями отнюдь не роскошествовала, но в нищих не превращалась и в ящиках не ночевала. Создается впечатление, что Данилкин перепутал русскую эмиграцию 1910-х годов с генералом Чарнотой из булгаковского «Бега», который лихо щеголяет по Парижу в одних подштанниках. А еще автор характеризует Ленина как «одного из «крестных отцов» русской политической мафии». С реальностью это имеет мало общего, зато создает образ, максимально

[683] *Басинский П.* Это что за большевик.
[684] Там же.
[685] Там же.

перекликающийся с современностью. В случае Данилкина перед нами скорее художественное произведение, но представленное в СМИ как деконструкция образа Ленина, как уникальная реалистическая биография, отмеченная престижными наградами. Вот и сам автор спустя два года после выхода книги в одном из интервью заявил:

> «Дело в том, что моя книга, это важный момент, потому что моя книга не является ну такой классической там, исторической биографией. То есть у нее абсолютно достоверная там, стопроцентно достоверная историческая подоплека, но она выстроена как художественное произведение. Это означает, что там помимо героев, в этой книге есть рассказчик»[686].

Заметным событием в юбилейном году стал выход фундаментальной книги «Ленин. Человек, который изменил всё», написанной В.А. Никоновым. Можно только поддержать его призыв отнестись к Ленину иначе, поместив его в категорию «историческая фигура», а содеянное им – в «историю»[687]. И действительно, читатель получил ровную и обстоятельную академическую биографию вождя с выверенными, нейтральными заголовками глав жизни и деятельности. Однако обрамление книги (введение и заключение), к сожалению, наполнено исключительно политическими и идеологическими положениями. К примеру, автор выводит такую спорную формулу:

«Гениальный в своем фанатизме и предельно циничный политик, неплохой публицист и оратор. Человек, чуждый общечеловеческим ценностям и морали, ставивший идею коммунизма гораздо выше человеческого счастья и даже жизни. Лидер, жертвовавший национальными интересами во имя мировой революции, который разрушил и воссоздал российскую государственность, надолго изолиро-

[686] См.: Интервью Льва Данилкина Константину Сёмину «Ленин и контрреволюция». 2019, 19 декабря // https://www.youtube.com/watch?v=gFEORmGZjGs.

[687] *Никонов Вячеслав.* Ленин. Человек, который изменил всё. М., 2020. С. 5. Один из авторов этой книги годом раньше предложил поступить так со Сталиным, то есть вернуть его из пространства актуальной памяти в историю. См.: *Бордюгов Г.А.* Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти. М., 2019. С. 160; Как вернуть Сталина из памяти в историю? Беседа Валерия Выжутовича с Геннадием Бордюговым // Российская газета. 2019, 17 декабря.

вав страну от мира. Творец концепции тотальной войны, позволившей победить в Гражданскую»[688].

Не поддается критике и утверждение о том, что «годы правления Ленина с точки зрения чистой статистики были самыми разрушительными в истории России: сокращение экономики в 5 раз, промышленного производства – в 10 раз», что «соотношение факторов Гражданской войны и собственно политики большевиков в провале экономики трудно измерить», что «все ленинские экономические новации имели катастрофические последствия и были потом опровергнуты жизнью и им самим»[689]. Все эти выводы подаются безапелляционно, безальтернативно, хотя даже в оценках Путина были оговорки типа «на мой взгляд» и пр.

Необычный жанр для изложения биографии Ленина избрал Г.Г. Хмуркин. Своей книгой «Предчувствие Ленина» (с предисловием В.Т. Логинова) он заявляет о необходимости метаисторического подхода к «космопланетарному феномену Владимира Ильича Ленина». Однако использование Живой Этики (Агни Йога) или этико-философского учения Рерихов не должно оттолкнуть читателей от проведенного обстоятельного анализа всех существующих на сегодня многочисленных мифов о Ленине. И хотя нашлись критики, которые иронизировали по поводу образования (мехмат МГУ) и профессии (преподаватель математики и физики в МГТУ имени Баумана) автора, а также апологетики вождя, эта книга реально удивила тщательным разбором новой мифологии под названием «антиленинизм». В принципе все эти мифы постоянно присутствовали в нашей книге: немецкий шпион, еврейское происхождение, провальная адвокатская деятельность, вера в кухарку, управляющую государством, расстрел царской семьи, уход из жизни и др. Особенно подробно автор рассмотрел и опроверг бытующие мифы о гонениях на церковь и священников, отношении к религиозным учениям, пропаганде и организациям со стороны Ленина[690].

---

[688] *Никонов Вячеслав.* Указ. соч. С. 4.
[689] Там же. С. 1177.
[690] См.: *Хмуркин Г.Г.* Предчувствие Ленина. М., 2017. С. 78–159.



Плакат «Кто был всем, стал ничем». Худ. А. Асеев

Переиздавались старые и выходили новые книги ведущего лениноведа В.Т. Логинова. Отметим прежде всего работу «Заветы Ильича. «Сим победиши»» о последнем периоде жизни и деятельности Ленина – от окончания Гражданской войны в России до ленинского «завещания», а также обобщающую многолетние исследования работу «В.И. Ленин. Полная биография». Своеобразным признанием выдающейся работы профессора Логинова стал выход в 2019 году его книги «Владимир Ленин. Выбор пути» в английском издательстве Glagoslav Publications – «Lenin. How to Become a Leader». В предисловии к книге почетный профессор Университета Глазго Джоффри Суэйн отметил, что «перефразируя немецкого историка XIX века Леопольда фон Ранке, считавшего, что факты должны говорить сами за себя, Владлен Логинов хочет, чтобы биография Ленина говорила сама за себя».

В своем недавнем интервью Логинов назвал все еще сохраняющиеся белые пятна в биографии Ленина: зачем он «полез в этот немецкий «пломбированный вагон»» и как баллотировался во Вторую Государственную думу и потерпел поражение? Особое внимание, по его мнению, заслуживает вопрос о лозунге «пораженчество», обернувшийся обвинением Ленина в непатриотизме, и снятии этого лозунга сразу же после победы Февральской революции[691].

Лениниана возвращается?

В 2017–2019 годах режиссер Владимир Хотиненко выпустил «кинотриптих про Ленина» («Демон революции», «Меморандум Парвуса», «Ленин. Неизбежность»), а главную роль в нём сыграл Евгений Миронов. И снова – пломбированный вагон, немецкое золото, без которого большевики существовать не могли, отвратительный Парвус, двуличный и лживый Ленин, треугольник Инесса Арманд – Ленин – Надежда Крупская. Однако творческие рефлексии Хотиненко по поводу опыта обращения к Ленину оказались важнее самого

[691] Владлен Логинов: «Вокруг Ленина сейчас мало сволочей…»



Евгений Миронов на съемках фильма Владимира Хотиненко «Ленин. Неизбежность»

сериала. Режиссер считает, что ни в коем случае нельзя забывать о Ленине, потому что человек, который перевернул мир, достоин того, чтобы попытаться его понять. Во всяком случае, лично режиссера поразили следующие детали в поведении вождя:

«Например, часто бывало, что Ленин с компанией катался на велосипедах где-то в горах и вдруг подбивал всю компанию отправиться за бутылочкой токайского километров за 5–10. Причем он был непьющим. Или вот эпизод, который почему-то страшно раздражает историков, он в наш сценарий не попал, к сожалению. Приехал в Женеву один иммигрант, его устроили на вокзал носильщиком с тележкой, чтобы он себе на хлеб мог заработать. Но он не знал языка и города, и Ленин взялся катать тележку вместе с ним, пока тот не выучит маршруты. Представляете картину? Тот стеснялся и переживал, а Ленин твердил: ничего, ничего, потом можете со мной



Опера Дмитрия Курляндского в постановке Бориса Юхананова «Октавия. Трепанация»

заработком поделиться. А еще я вставил в фильм, как он бегал «стрелять» папиросы для тещи. Причем все эти мелочи прекрасно сочетались с теми проблемами, которые он в тот момент решал. А главным открытием для меня стало то, что Ленин любил Вагнера. Они с Крупской специально ездили его слушать. Правда, после первого отделения обычно уходили: он сильно уставал, музыка там интенсивная очень. Мы в фильме такой эпизод с концертом специально реконструировали. А еще очень важная деталь для меня – как Ленин в полуобморочном состоянии брел за гробом Арманд. Тут объяснять ничего не надо, сразу всё ясно»[692].

Ленин вернулся и в театр. Создатели авангардной оперы «Октавия. Трепанация» в Электротеатре «Станиславский» Борис Юхананов и Дмитрий Курляндский наоборот отказались от навязчивых сюжетов и обратились к мегаистории трех тиранов – китайского им-

[692] См.: Известия. 2020, 22 апреля.

ператора Цинь Шихуанди, римского императора Нерона и Ленина. Зрителя погружают различными средствами в атмосферу тирании. Но всё станет на свои места, если Ленину вскрыть голову и удалить в ней опухоль тирании. Спектакль кончается физической смертью Ленина и его метафизической реинкарнацией в образе Будды: надувная фигура божка с узнаваемым ленинским прищуром выразительно вырастает на месте препарированной головы. Некоторые критики восприняли это действо как «концентрацию попсы и глянца», как «тиранию понтов» создателей этой оперы[693].

Пьесу о Ленине поставил и Марк Розовский в Театре у Никитских ворот. В спектакле «Фанни», премьера которого состоялась в августе юбилейного года, он решил ответить на вопрос, зачем Каплан стреляла в Ленина? Ведь до сих пор многие обстоятельства этого покушения остаются тайной. Режиссер объяснил, какие факты из его собственной биографии побудили к написанию драмы:

> «Факт первый: Павел Мальков, бывший в свое время комендантом Кремля и лично расстрелявший несостоявшуюся убийцу Ленина эсерку Фанни Каплан, был моим родственником по отчиму (Григорию Розовскому). Родная сестра отчима – Роза, старая большевичка, соратница Ленина, была женой того самого Малькова. Факт второй: в конце романа «Воскресение» Лев Толстой описывает документальную историю 17-летнего мальчика, Иосифа Розовского, который был повешен по приказу киевского генерал-губернатора за участие в революционной деятельности. Он был братом Розы Розовской. Вот такие переплетения. Наверное, отсюда мой неугасимый интерес к революции, террору, да и к самой России с её зачастую кровавой историей»[694].

Действие разворачивается в Москве 1918 года, в подвале Кремлевского дворца, превращенном в застенок. На сцене – три персонажа: полуслепая, измученная, но несломленная Фанни, чекист Янис

[693] См. подробнее: *Гайкович Марина.* В Электротеатре «Станиславский» препарировали Ленина // Независимая газета. 2019, 20 октября; *Райкина Марина.* Физическая смерть Ленина в Электротеатре // Московский комсомолец. 2019, 17 октября и др.

[694] Комсомольская правда. 2020, 16 августа.



Спектакль Марка Розовского «Фанни»

Петерс, ведущий следствие, и комендант Кремля Мальков, который в финале приведет приговор в исполнение. Зритель следит за тем, как новая диктатура разделяет людей на два непримиримых лагеря. Идеалистка Фанни Каплан мечтала изменить ход истории, считала, что, убив Ленина, исполнит свой долг. Однако автор идет дальше, он превращает свою героиню в политическую Кассандру, которая видит на десятки лет вперед и вещает, вгоняя в ужас чекистов. Она предсказывает им появление нового вождя (маячит за спинами соратников – рябой и с усами), массовый террор в стране, лагеря, появление Гитлера, 40 миллионов сгинувших в Великой Отечественной. Картина, нарисованная Фанни, вплоть до 90-х годов – расплата

России за содеянное большевиками 103 года назад. Так автор пьесы по сути повторяет аргументы, которые были наработаны в 1990-е годы, но свелись к спрямленным и упрощенным ответам на трудные вопросы истории.

Другим путем пошел режиссер Александр Плотников, выпускник Высшей школы сценических искусств Константина Райкина. Он написал и поставил необычный спектакль «Дети о Ленине» в Ульяновском драматическом театре. Но на самом деле – спектакль не о Ленине, а о механизмах реагирования людей на него, о памяти, выборе для себя лидера и веры в него. Режиссера подтолкнула к этой теме изданная в 1925 году книга «Дети-дошкольники о Ленине», в которой взрослые записали реальные тексты – отклики детей о смерти вождя. Это была совершенно аномальная реакция – дети красили черным цветом стены, говорили, что «собака Жучка тоже жалеет Ленина, она понимает, что он отец наш». У некоторых детей было желание прийти на могилу Ленина, «напоить его лекарствами и убежать вместе», и вообще «без Ленина земля и небо сгорят». Чтобы понять разницу в восприятии Ленина разными поколениями, режиссер выбрал шестерых артистов старшего поколения, которые родились в 60-е годы, и стал с ними разговаривать о том, кем для них был Ленин, верили они или не верили в дело партии, как они себя чувствовали, когда наступил 1991 год. Ответы совершенно отличались от того, что чувствовали дети в 1924-м. Вот это сопоставление и стало материалом для пьесы, для попыток найти крайние точки и сопоставить их. К примеру, кто-то рассказывает про то, как мялижевали пионерский галстук, а дети из двадцатых годов готовы были убить за галстук, потому что это святой символ. Так возникают рефлексии времени – стыд за прошлое или ностальгия по нему, вера в жизнь или разочарование в ней. На вопрос, а какое мнение сложилось у самого режиссера о герое пьесы, Александр Плотников ответил так:

«Ленин был невероятно умный человек, гений, но надо определить конкретно – в чем? Мне кажется, его гений в том, что во времена, когда абсолютно у всех закружились головы, он был единствен-

ным, кто всегда делал шаг вперед – два шага назад. В 1917 году в одном из выступлений он говорил: товарищи, мы можем оказаться в положении зазнавшегося человека. Да, мы сделали свое дело, но все может легко рухнуть. Поэтому успокойтесь, выдохните, следите за собой, за своими реакциями, за своим мышлением, за тем, что происходит. Ведь у всех снесло крышу, и у культуры у всей – да здравствует революция! А Ленин всегда четко понимал, что происходит. Так что уважение он у меня вызывает»[695].

Вот в этом стремлении нового поколения художников понять, что такое политическое лидерство, почему Ленин остается в пространстве памяти – уже вне культа и антикультa – и заключается новый смысл юбилейных дат. Безусловно, рано еще говорить о том, что проленинский или антиленинский дискурсы преодолены. Но в год 150-летия, как верно заметил философ Владимир Рыбин, «не слышно криков ни с проклятиями, ни с одобрениями, выходит, дело Ленина ещё не завершено, ещё до конца не понято, тогда как трудная работа всеобщего осмысления подспудно идёт, и нам ещё предстоит дать окончательную историческую оценку его личности»[696]. Если раньше на антиленинизме можно было повысить свой политический рейтинг, то сейчас разве что настроить против себя. Вот почему уже не работает ранее устойчивая ассоциация «ленинизм равен ГУЛАГу». Как подчеркнул Дмитрий Быков, это ложное отождествление, «хотя при Ленине репрессивная система начала формироваться, но на пик свой она вышла во время сталинского имперского реванша, который совсем не вытекает из ленинизма»[697]. А на одной из дискуссий Быков вообще сорвался на крик: «Ленин – единственный успешный революционер в евразийской истории! Он сделал все возможное для истребления имперского сознания, и мне такой модернизм гораздо

[695] Народная газета (Ульяновск). 2020, 22 апреля.

[696] *Рыбин Владимир.* Несколько слов о Ленине // Титан (Челябинск). 2020, 23 апреля.

[697] Дмитрий Быков: Ленин никогда не находил наслаждения в репрессиях, в отличие от Сталина // https://echo.msk.ru/blog/partofair/2282460-echo/.

симпатичнее архаики, в которой мы сейчас живем! Русские разучились ценить Ленина. Такая страна нуждается в переделке, а не в эстетическом ремонте»[698].

* * *

Выходит, что и через почти век после своего ухода Ленин продолжает оставаться фигурой не из прошлого, а из самого что ни на есть настоящего – политизированного, клокочущего, экзальтированного. А значит, до того, чтобы поместить его в историю и изучать с академическим равнодушием, еще очень долго. В конце концов, даже на Западе герои и злодеи XX до сих пор вызывают страсти и противоречивые оценки. На этом фоне вряд ли стоит ли ожидать каких-то подвижек от России, в которой рациональность и здравый смысл традиционно мало что значат для общественного мнения, управляемого эмоциями и антирелигиозными побуждениями. Пандемия лишь усилила крайний субъективизм, фрагментацию и химеричность массового (а потому и политического в целом) сознания. Поэтому мифологизированный и далекий от исторического подлинника Ленин сегодня как никогда в тренде.

[698] Как Дмитрий Быков, Николай Сванидзе и другие участники дискуссии о Ленине поспорили о значении революционера для современной России // Сноб. 2018, 23 апреля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начнем завершение книги с обязательного ранее ритуала – с ленинской цитаты. В работе «Государство и революция», написанной буквально накануне ноября 1917 года, в начальных строках читаем:

> «Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя ее революционное острие, опошляя его»[699].

Так и было до 1990 года, когда сложился культ великого человека, и он стал наднациональным символом СССР. Затем инерция 70-летнего культа была быстро преодолена, началось растабуирование Ленина, нарастание негативного к нему отношения и вытеснение во второй ряд национального пантеона России. В результате, как заметил Марк Тальберг, ленинизм стал напоминать «захламленный чердак». Уродливые гипсовые статуи причудливо обвешаны мешками «немецких денег», «пломбированный вагон» летит-качается, диплом русской классической гимназии и «свидетельство о крещении жида Бланка», зловреднейшие мифы и тупые черносотенные фейки соседствуют с благоглупостями советского агитпропа, «кровавый палач» из деникинской пропаганды – со «святочным де-

699 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 4.

дом» из «Общества чистых тарелок», «повесить, чтоб народ видел за версту», – с детской ёлкой в Горках[700].

Однако антикульт, как бы кому-то ни хотелось, не взял верх, демонизация и стигматизация Ленина продлились недолго. Оказалось, есть обратимость даже у управляемого сверху процесса. Сегодня стратегия власти сводится к замалчиванию Ленина, а с ним и значимости революции. Обвинения нацелены на предательство и непатриотизм вождя партии, а еще – на подкладывание бомбы под саму российскую государственность. Но об этом всё еще можно спорить, хотя, как и после 1917 года, когда было принято свысока поглядывать на тех, кто не дорос до понимания важности классовой борьбы и диктатуры пролетариата, а затем в 1990-е, когда презирались те, кто не разделял либеральные идеи, теперь, в 2010-е, неверие в неоимперство и православие могут вывести вас за рамки любой дискуссии.

И несмотря на это исследования Ленина не прекратились. Продолжалось накопление идей и фактов, которые рано или поздно будут востребованы современниками, в том числе теми, кто уже устал от конфронтации. Думающие представители молодого поколения не желают принимать на веру негативные версии исторической личности. Вот уже и Лев Данилкин говорит: «В какой-то момент я понял, что «горло» истории XX века – это история Ленина, не Сталина, как это обычно сейчас полагают. Но Ленин ведь сейчас словно в тени Сталина оказался… Я думаю, очень важно для массового сознания объяснить историю XX века через историю и образ Ленина. Показать, что Ленин – главная фигура XX века, структурировавшая этот век»[701]. Через эту фигуру новая генерация российских граждан пытается понять природу политического лидерства, возникновение феномена вождизма, практики диалога общества с властью «на равных».

---

700 *Тальберг Марк.* Про Ленина и ленинизм. Апрельские тезисы. 2020, 22 апреля // https://zavtra.ru/blogs/pro_lenina_i_leninizm.

701 «Правда Ленина неопровержима». Писатель Лев Данилкин в беседе с политическим обозревателем «Правды» Виктором Кожемяко // Правда. 2017, 5 сентября.

Рано или поздно Ленина попытаются оценить не с позиций настоящего, запросов актуальной современности, а исходя из смысла того времени и того конкретного состояния эпохи, в которой он жил и действовал. В этом отношении весьма актуальны методологические замечания о том, что если история не постигается из неё самой, если смысл прошлого заимствуется в настоящем, то многообразие прошлой реальности сужается до рамок, заданных сегодняшним днем, а самоценность исторических процессов растворяется в политической заданности исторических описаний. Задача ученых – постараться очистить ленинскую тему от политической конъюнктуры и исследовать ее максимально объективно. В то же время полная объективность здесь все равно не достижима, поскольку дело здесь касается не только установления фактов (это процесс объективный), но и, главным образом, их интерпретации. А здесь невозможно полностью избавиться от политических симпатий и антипатий конкретных исследователей.

Уйдут в прошлое и столь характерные для последних десятилетий оценки и выводы, сравнения и сопоставления на уровне текстов, что заводило анализ в тупик. Ведь оказалось, что у Ленина можно обнаружить множество высказываний, как оправдывающих те или иные насильственные действия, так и объявляющих их недопустимыми. Все они были привязаны к конкретным ситуациям, к конкретным моментам, но это не бралось в расчет. Сравнение ленинизма и сталинизма также по большей мере велось способом вытаскивания из текстов определённых фрагментов, совпадающих с идеологическими постулатами сталинской эпохи. Сторонники этого способа не утруждали себя мыслью о том, что если такие совпадения объявлять идейным родством двух учений, двух политических практик, то как в этом случае быть с тем, что и у Ленина и даже Сталина до 1925 года можно найти массу высказываний, которые абсолютно противоречили той политической практике, которая в историографии и различных теоретических построениях была определена как сталинизм.

Что же мешает сегодня вернуть Ленина в поле истории? Тому есть две причины.

Во-первых, что самое удивительное, возвращать не хотят сами историки. Чем выше должность и степень, тем сильнее вождя революции не исследуют, а разоблачают, судят, наделяют негативными определениями. Таким образом в условиях постправды вокруг Ленина усиливается информационный шум. В советское время было проще: запретное помещали в спецхран, значит, там и находилась историческая правда. Теперь спецхраны ликвидированы, цензуры нет, в социальных сетях историками стали все. В возникшем изобилии концепций и позиций крайне сложно отличить важные сведения и их объяснение от фальшивок и вымыслов. К сожалению, часто побеждает мнение, за которым коммерческая поддержка, тиражи и медийная раскрутка. А ещё хитрые приёмы, к примеру – оплевывая Ленина, противопоставлять ему его ученика Сталина.

Во-вторых – и, по-видимому, это главная причина, – возвращения Ленина в историю не хочет само общество. Наше общество в массе своей продолжает пребывать в состоянии крайнего гражданского инфантилизма. Ему очень удобно и интересно воспринимать прошлое так, как ему его преподносит власть: в виде мифа, интересной картинки, зрелища. И «зрелище» часто оказывается гораздо важнее «хлеба», причем – и это, видимо, самое важное, – главным образом для тех, кто претендует на то, чтобы считаться образованным, культурным, но кого Солженицын называл «образованцами». То есть демифологизации Ленина не хочет прежде всего сам народ и так называемые лидеры общественного мнения. Народ готов к смене, подчас радикальной, мифов, готов к перекрашиванию черного в белое и наоборот, но он изо всех сил не хочет только одного – сложной и часто неприглядной правды. И изменения тут не предвидятся, по крайней мере – в обозримой перспективе.

Как мы показали в книге, с одной стороны, пространство памяти о Ленине перестало быть чьей-то монополией, с другой – борьба за силу и яркость освещения этого пространства продолжается. Ленин,

судя по всему, всё-таки остаётся нужным власти. И дело не только в политических раскладах и неведомых пока нам сценариях, но и в борьбе с протестным движением, не только в игнорировании ленинских методов осмысления кризисных ситуаций и трансформации общества, но и в обвинениях в будущих, еще неразорвавшихся минах. Ленин весьма удобная фигура для того, чтобы доказывать – политика «тоже история». Для этого из всех ресурсов – память, исторические исследования, культура – самым ценным является память, которая работает прежде всего с мифами и образами. Ведь для их создания не нужны кропотливые архивные изыскания, серьезные научные дискуссии и освоение художественного метода, а лишь государственная пропаганда и стереотипы. При нужном режиме памяти она превращается в грозное оружие, надежный фундамент, инструмент национального строительства и обеспечения геополитической субъектности.

ПРИЛОЖЕНИЕ



К ПРИЛОЖЕНИЮ

Авторы попросили Сергея Петровича Щербину, автора запоминающихся мемплексов для проектов «Победа-70» и «Революция-100», собрать коллекцию мемов и для «Ленина-100».

Мы рассматриваем мемы в первую очередь как способ излечиться от культа и антикультa, как необычную форму переосмысления прошлого и отношения к нему настоящего. Чем больше в советское время заполняли Лениным общественное пространство, тем сильнее расцветала неподцензурная и фольклорная лениниана. С 1970-го года вождь стал героем анекдотов, а значит, народного творчества[702], которые стали скрытой формой протеста массового сознания против насаждения культа личности. Но потом ленинизм возрождался как модное интеллектуальное направление, и вождь пролетариата появлялся как герой вирусных видео, футболок и демотиваторов. Это не мешало одновременно создавать из образа Ленина успешный коммерческий товар, один из брендов России, в том числе на экспорт.

Ленинские мемы – свидетельство не только десакрализации, но и своеобразного признания величия исторической фигуры, желания увидеть вождя по-иному, с юмором, насмешливо, а порой и воскресшего (Ленин – Дзержинскому: «Я в Женеве, явки прежние»). Ведь не о каждом из героев прошлого рассказывают анекдоты и рисуют карикатуры.

Итак, судите сами, – каким народ видел и видит Ленина?

---

[702] См., к примеру: *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. London, 1985; *Борев Ю.* История государства советского в преданиях и анекдотах. М., 1995; *Abraham Ian L.* Lenin as a Trickster // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1999. Vol. 38. № 2. P. 7–26 (русскоязычный вариант статьи: www.ruthenia.ru/folklore/abramyan.htm); *Мельниченко М.* Анекдоты о Ленине // Полит. ру. 2007. 22 апреля // www.poIit.ru/analytics/2007/04/22/anekdoty.html

Мемплекс[703] [Ленин] в наши дни

Ленин возглавлял советское правительство чуть более 5 лет (с ноября 1917 г. по январь 1923 г. из-за болезни он практически отошел государственного управления). Но трудно назвать другого политического деятеля любой страны и любого исторического периода, кто породил бы такое многообразие политических идей, исторический мифов, символов и образов – всего того, что мы называем мемами.

Рассмотрим некоторые из этих мемов, которые формируют грандиозный мемплекс [Ленин][704].

Мем [Ленин-вождь]

Этот мем родился до прихода Ленина-человека к власти в государстве. Он ведет свою историю от создания Лениным «партии нового типа». Пролетариат может одержать победу только под руководством марксистской партии, надежно скрепленной обручами демократического централизма.

[Ленин – вождь пролетарской революции] и [Ленин – вождь мирового пролетариата] появились уже в 1920 году (см. плакат на с. 68).

Поскольку партия – «руководящая и направляющая сила»[705] то и вождь должен руководить «весомо, грубо, зримо», что отразилось в облике первых (и множества последующих) памятников Ленину: фигура вознесена над толпой, рука вождя указывает единственно верное направление.

---

[703] О мемах и мемплексах как носителях исторических образов см.: Революция-100: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017. С. 823.

[704] Здесь и далее имена мемов заключены в квадратные скобки.

[705] Из доклада И.В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1943 г.



Царицын (Волгоград). 1925 г.



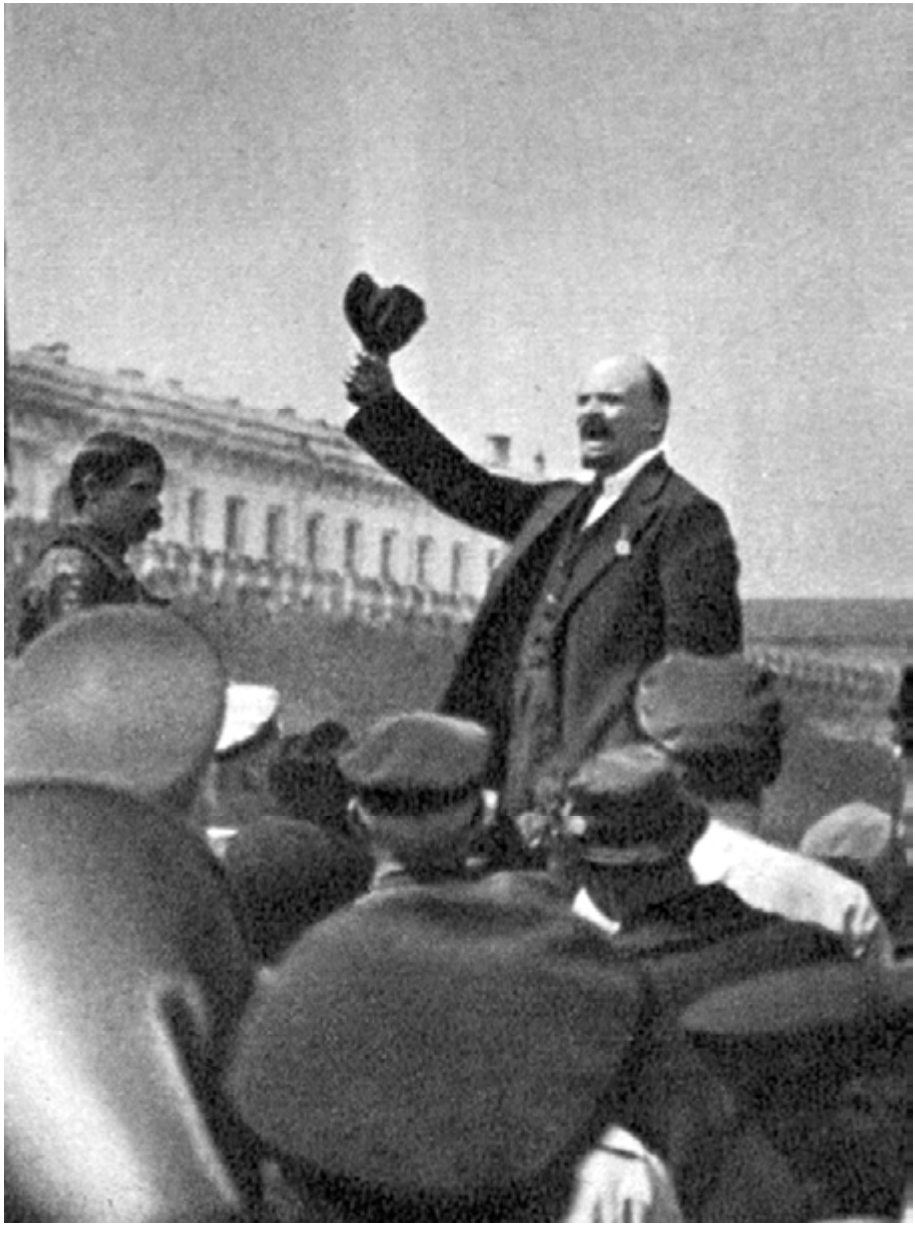
Златоуст. 1926 г.

Визуально мем [Ленин-вождь] был окончательно сформирован в фильме Михаила Ромма «Ленин в Октябре».





При этом заметим, что из сотен документальных фотографий выступления Ильича на митингах только в одном случае он принимал каноническую позу – на открытии временного памятника Степану Разину на Красной площади 1 мая 1919 года.



И еще похожая поза была у вождя, когда он произносил речь перед войсками Всевобуча 25 мая 1919 года. Хотя зажатая в кулаке кепка и уменьшала указующую суть жеста, но она же породила миф о памятнике с двумя кепками (одна на голове, другая в кулаке).

Более того, есть фотографии выступлений Ленина, когда он, произнося речь, держит руки в карманах! Ибо – холодно.



На похоронах Я.М. Свердлова на Красной площади. Москва. 18 марта 1919 г.



На открытии памятника Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу. Скульптор – С. Мезенцев. Москва. 7 ноября 1918 г.

В наши дни производство указующих статуй практически прекратилось, но мем [Ленин-вождь] живёт и даёт жизнеспособные мутации.




ТОВАРИЩ!
НЕ ПРОВАФЛИ СВОЙ ВЫХОДНОЙ!
КОЛБАССЬСЯ!
vk.com/fuck_vanilla_tears


ТОВАРИЩИ, ИДИТЕ ГУЛЯТЬ,
ПОЖАЛУЙСТА!
ПОГОДА ТО ХОРОШАЯ.



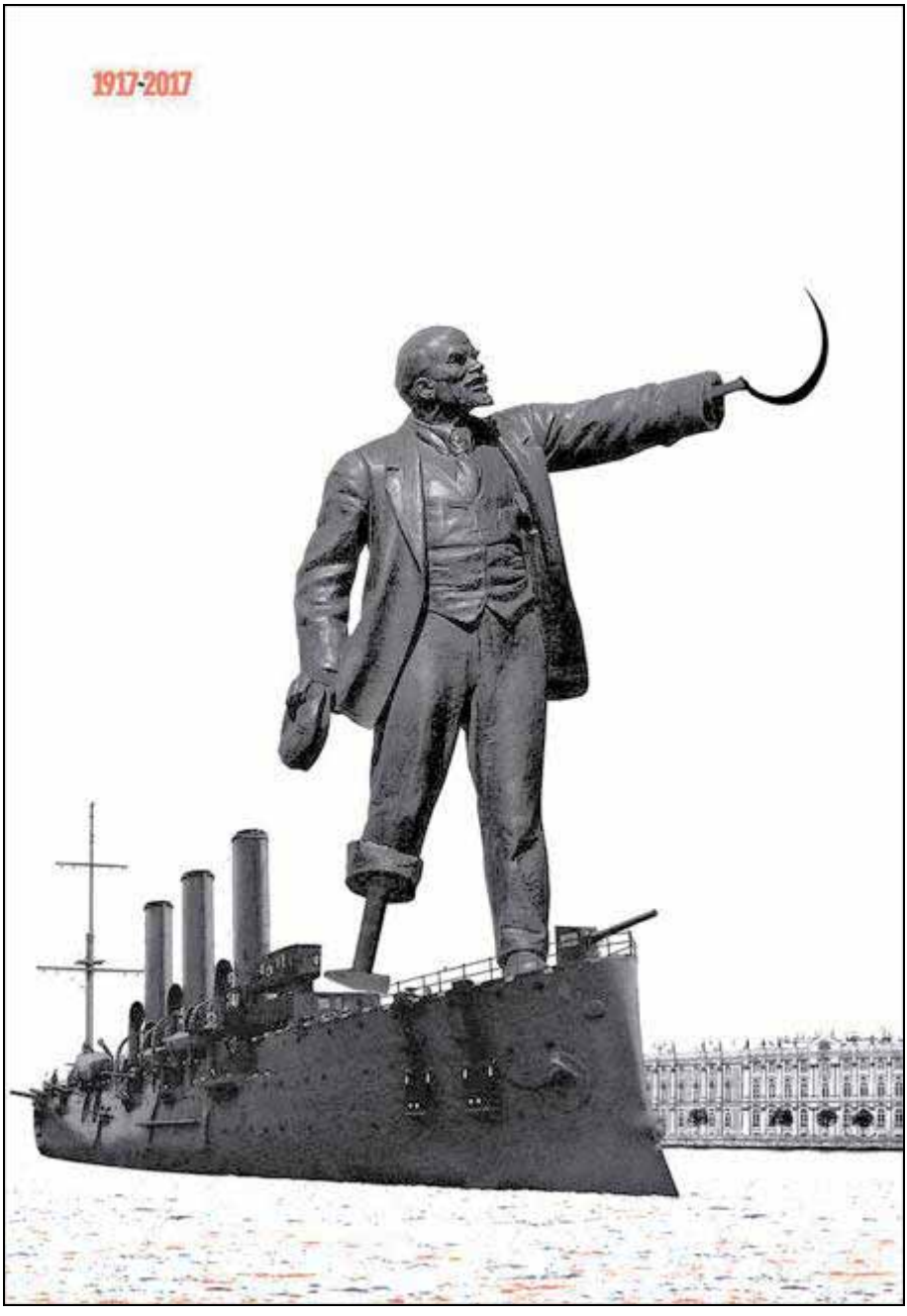
Алюминиевая кружка «Верной дорогой идете, товарищи». Настоящий компас, закреплённый на ручке кружки, не даст уклониться от генеральной линии партии



Побег из Мавзолея. Неизвестный художник. Интересный мемно-модифицированный объект (ММО). В мемплекс [Ленин-вождь] включены свойства из мема [Титаник], а именно: Неземная любовь и Гибельное путешествие.



Ещё один ММО: [Ленин-вождь] + [Титаник] + [Крейсер «Аврора»]



Художник А. Асеев. [Ленин-вождь] эволюционировал в [Капитана Крюка]. Обратите внимание на нетривиальное использование советского серпа и молота. Молот – протез ноги, серп – протез руки



Интересный прогноз эволюции мемплекса [Вождь государства] из мема [Ленин-вождь]



Художник Чжу Цзыцзунь (КНР). 2014 г. ММО: [Вожди государства] + [Бурлаки]. Аллюзия на «рабский труд на галере» В. Путина

Мем [Ленин на броневике]

3 (16) апреля 1917 г. Ленин прибыл в Петроград на Финляндский вокзал. Взобравшись на прибывший для встречи броневик, он произнес речь, закончив её лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!».



Приезд Ленина в Петроград. Худ. Аксёнов

Объединение фигуры вождя с грозной боевой машиной стимулировало творчество масс.



Выставка технических моделей. 2017 г.





Деревянная игрушка «В.И. Ленин на броневике». Ленин при помощи рычажка вылезает из броневика и влезает обратно, люк захлопывается



Удачный ракурс. Зеленоград. Памятник демонтирован в 2009 г.



Клонирование мема. [Ленин на броневике] : [Ельцин на танке] : [Путин на байке]



Интересный гибрид мема [Ленин на броневике] и мутации мема [Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить]

Мем [Ленин в Разливе]

Летом 1917 г. В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев скрывались от ареста по ордеру, выданному Временным правительством, в поселке Разлив под Петроградом.

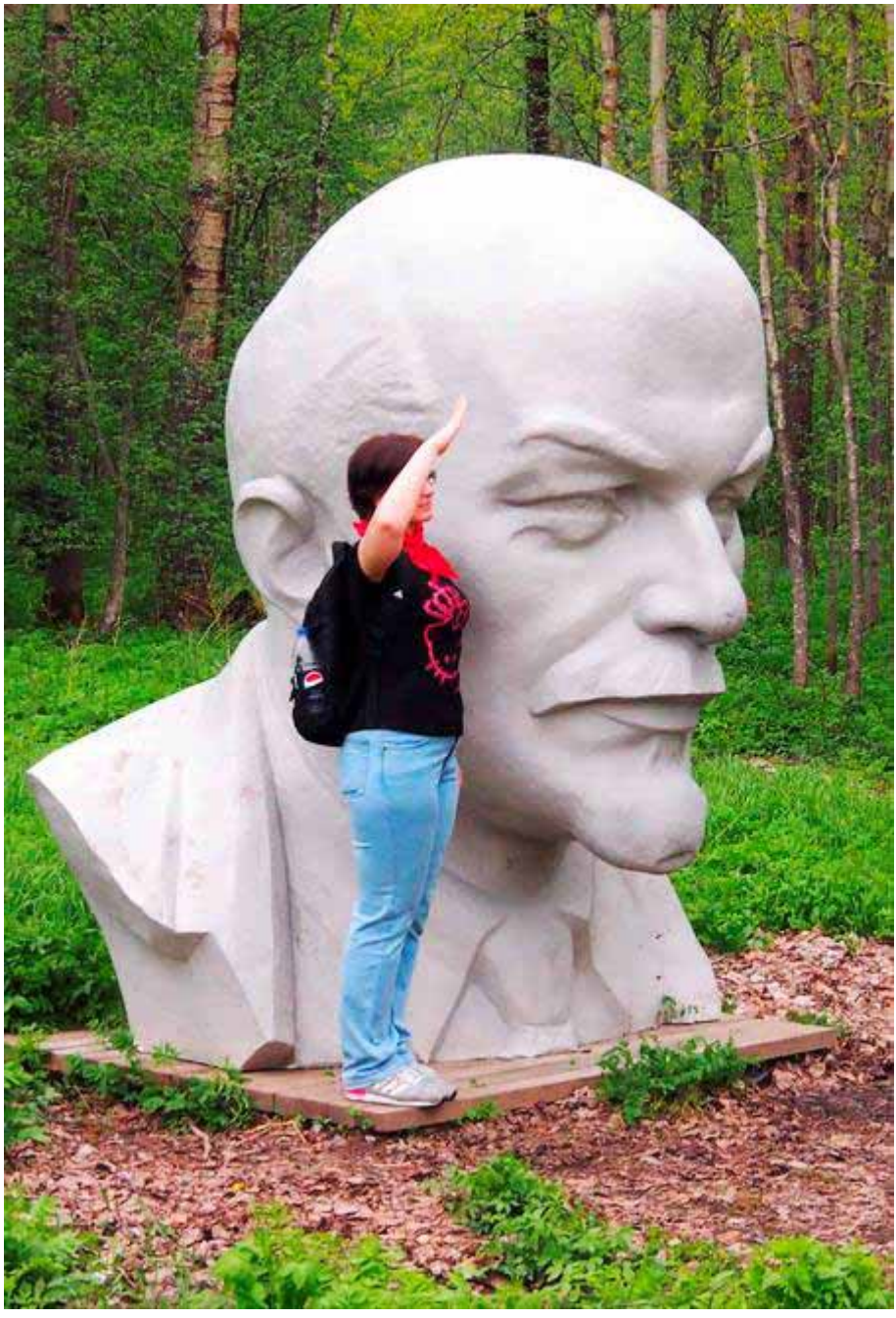


Художник В. Стальмахов



Ленин в разливе. Худ. О. Хвостов. 2001 г.

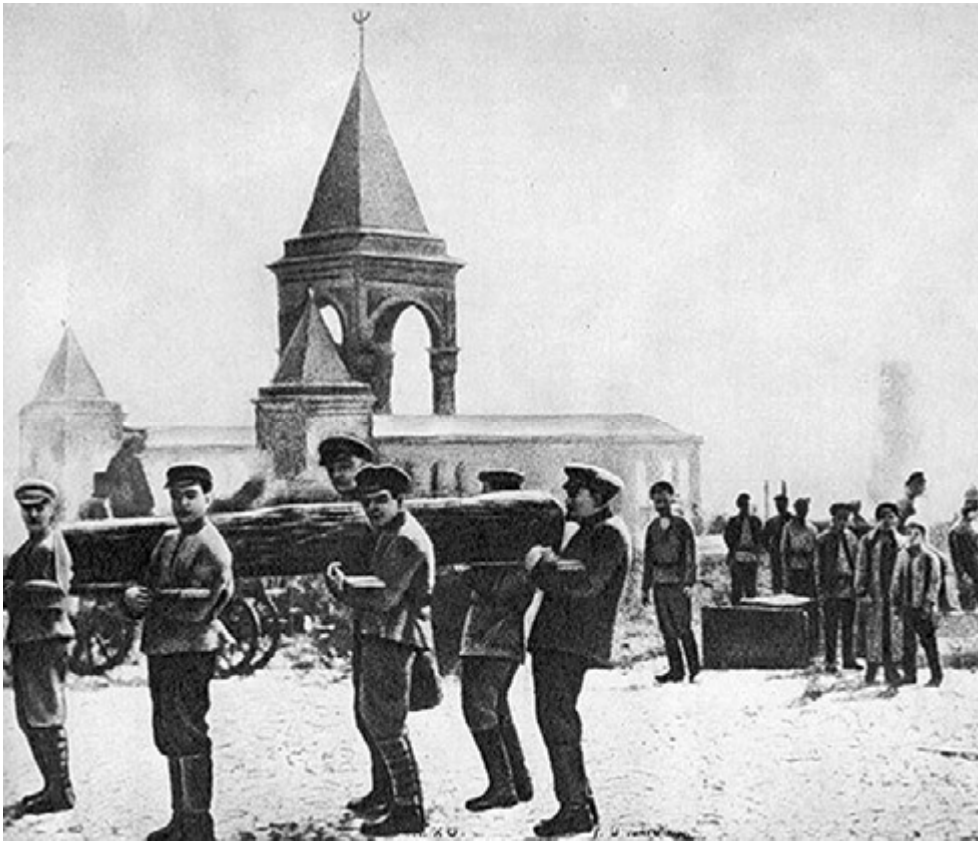




Бюст Ленина, установленный в мемориальном комплексе «Шалаш», наглядно демонстрирует, что Ленин – это голова!

Мем [Ленин и бревно]

1 мая 1920 г. Ленин участвует во Всероссийском коммунистическом субботнике – работает на уборке Драгунского плаца Кремля (ныне Большой сквер), вместе с другими участниками субботника переносит брёвна…



В.И. Ленин на I Всероссийском субботнике во дворе Кремля. Фото А.А. Левицкого. 1 мая 1920 г.

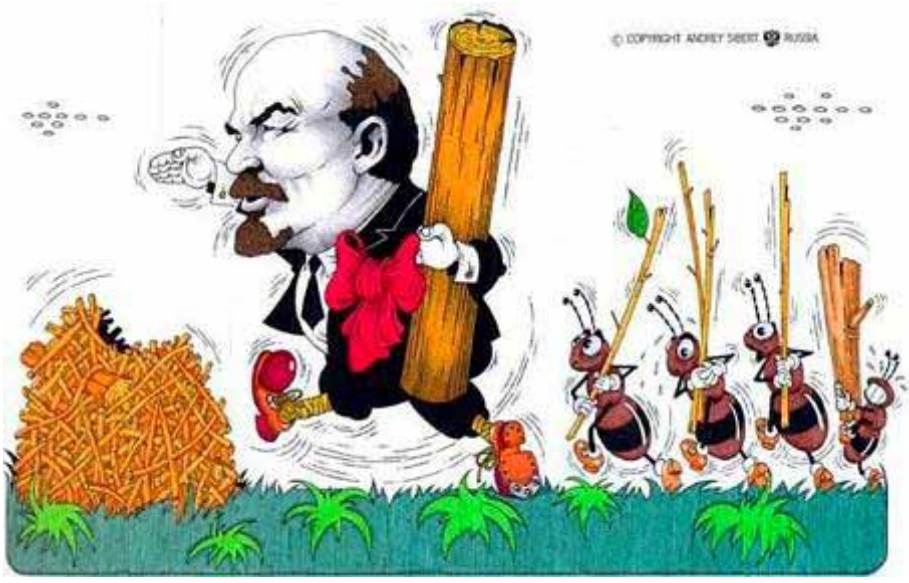
Государственный академический театр танца под руководством народного артиста Республики Казахстан Булата Аюханова в 2013 г. поставил балет «Серп и молот». В первой части спектакля под музыку Георгия Свиридова «Время, вперёд» Ленин танцует с бревном.





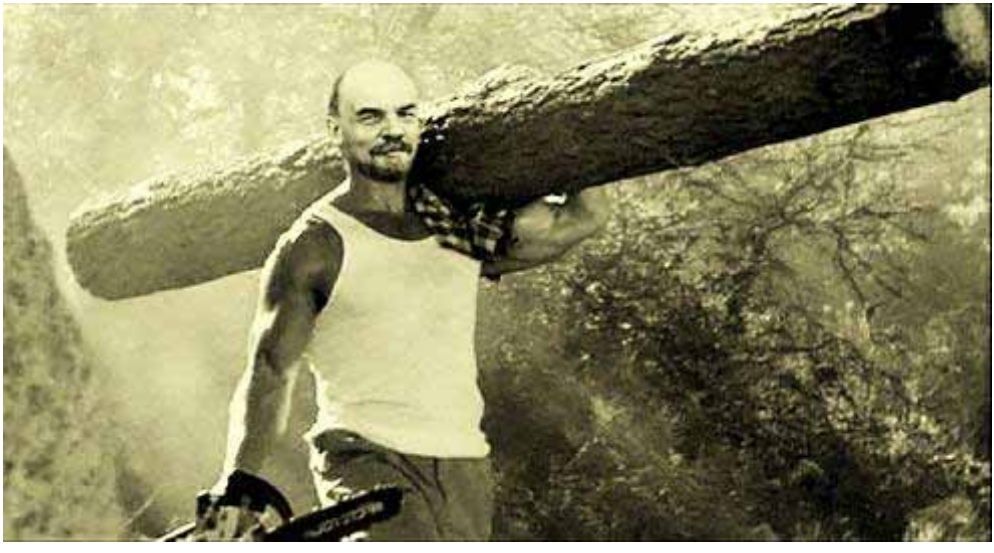


Балет «Серп и молот»


© COPYRIGHT ANDREY SKEET RUSSIA


demotivation.me
ВСЕ НА ШАШЛЫЧОК
YAPLAKAL.COM





Удачная пересадка головы Ленина на торс Шварценеггера



Акция, призывающая выйти на субботник. Челябинск. 2013 г.

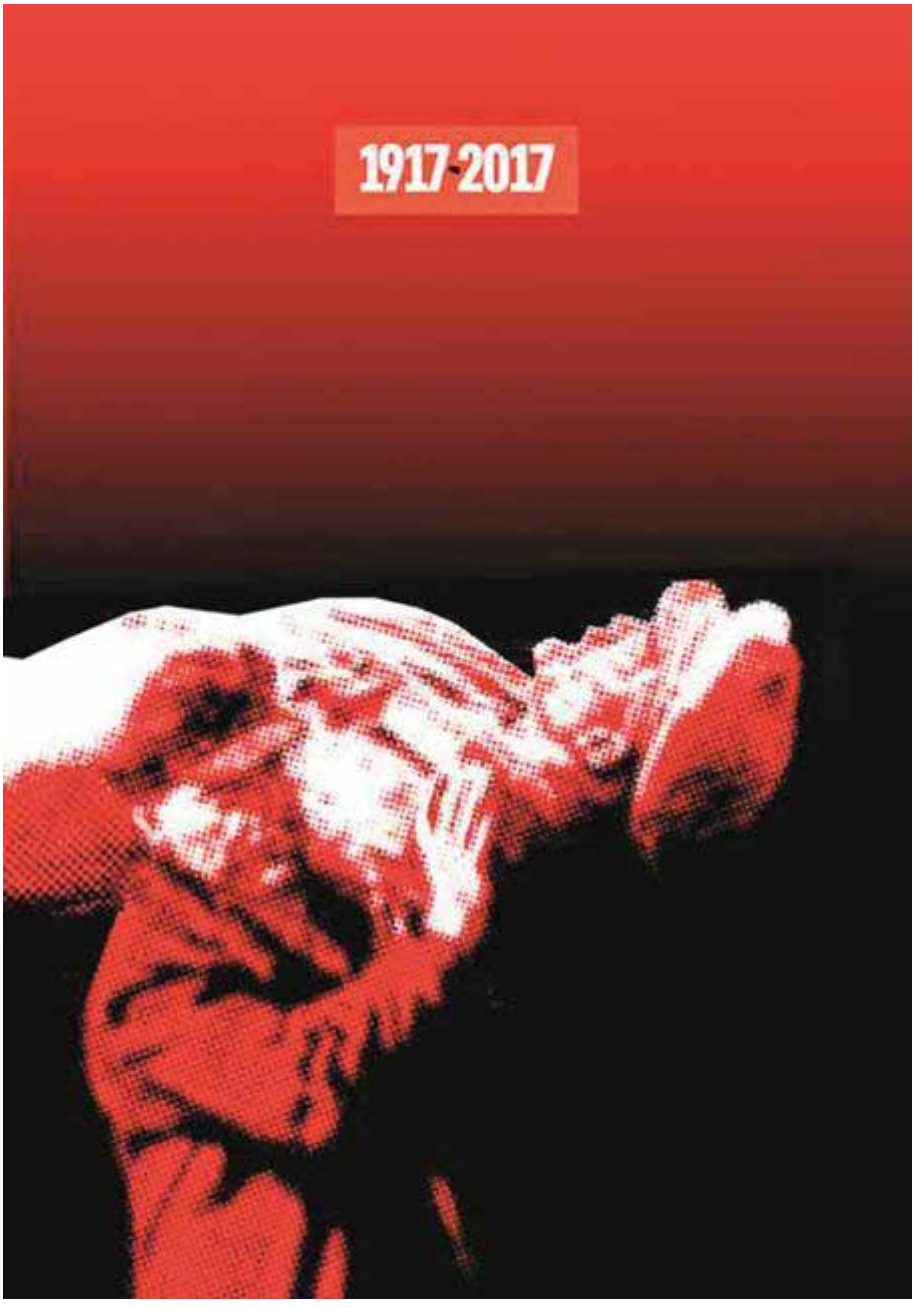


Внутри постамента этого памятника было обустроено небольшое помещение с буфетом и туалетом. О том, как оно появилось, позже в своих воспоминаниях рассказал архитектор Евгений Александров:

«Тогдашние руководители области пожаловались, что проводят они во время демонстраций по три-четыре часа на трибунах и никаких бытовых удобств рядом нет. Необходимо было сделать их внутри постамента. Я, конечно, был против. Это же осквернение памятника! Но они поступили по-своему. Внутри постамента оборудовали небольшой буфет, туалет, посадили постового, чтобы охранял. Да ещё и отопление провели».



Историческая миниатюра. Художник Дьяконов



Кроме новых свойств мемы приобретают и новые визуальные решения. Например, этот, [Ленин и бревно], отсылает нас к проблеме «Что делать с телом Ленина?». Худ. Л. Вязников

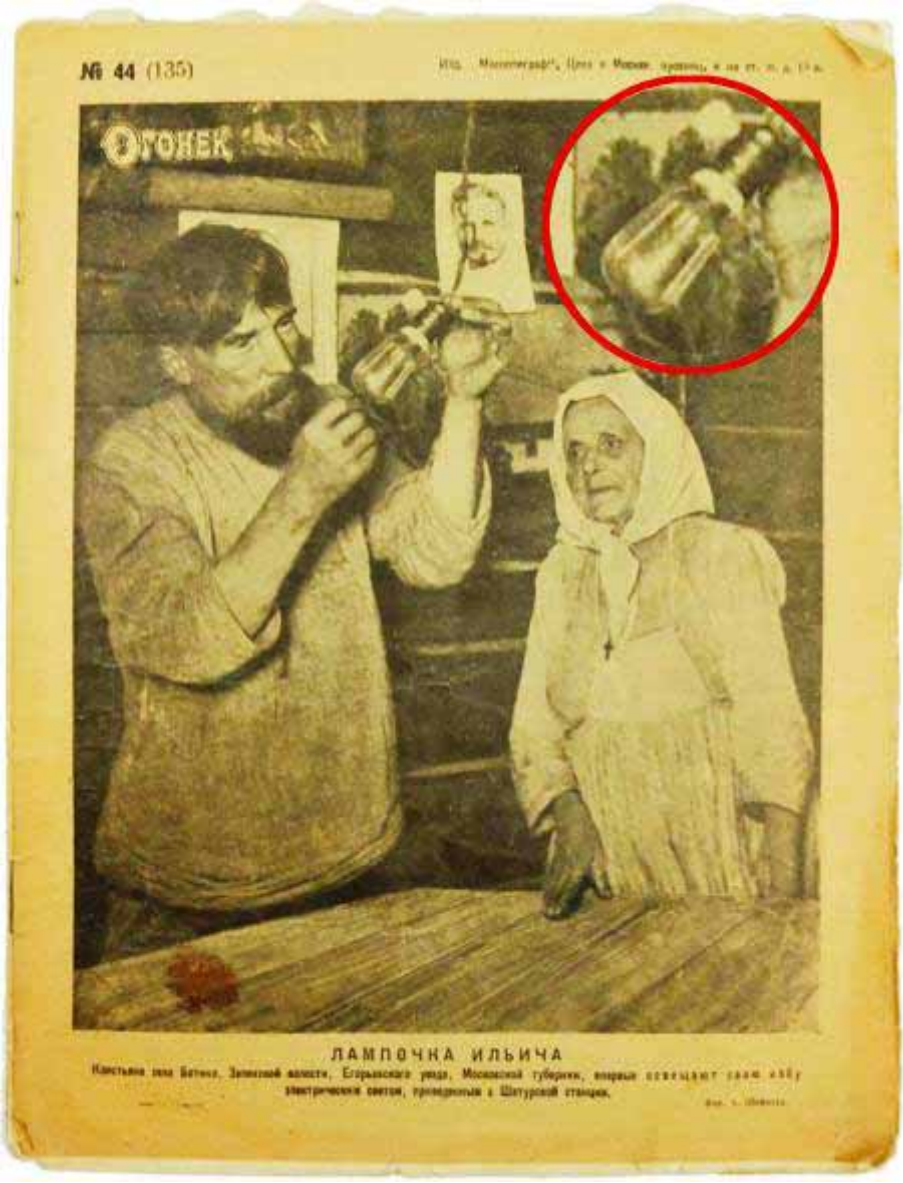
Мем [Лампочка Ильича]

14 ноября 1920 г. в деревне Кашино Волоколамском района Московской области была пущена в эксплуатацию первая в России сельская электростанция. Электростанция была построена силами местных крестьян. На открытии электростанции присутствовали В.И. Ленин и Н. К. Крупская.

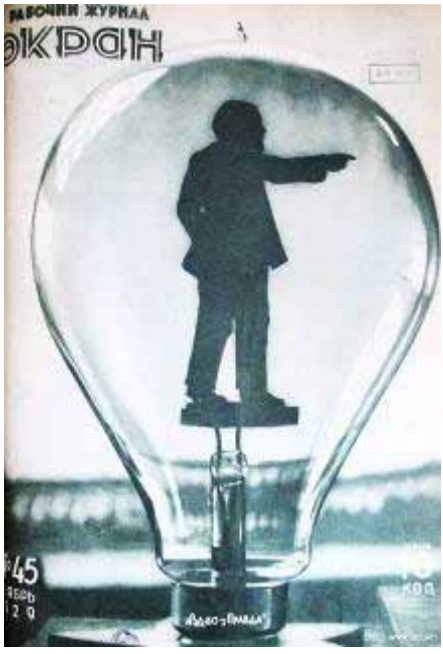




Здание электростанции



С публикацией этой фотографии Аркадия Шайхета в журнале «Огонёк» родился мем [Лампочка Ильича]. 1925 г. Лампочка похожа на современную энергосберегающую



1929 год



1935 год





Лампочка, работающая от батарейки



Художник М. Иванов



«Лампочка Ильича». Худ. И. Аринич. Картина создана из советских купюр. Художники, которые используют денежные купюры для создания своих произведений, называются купюрье (!) Аллюзия на стихотворение А. Вознесенского «Уберите Ленина с денег»

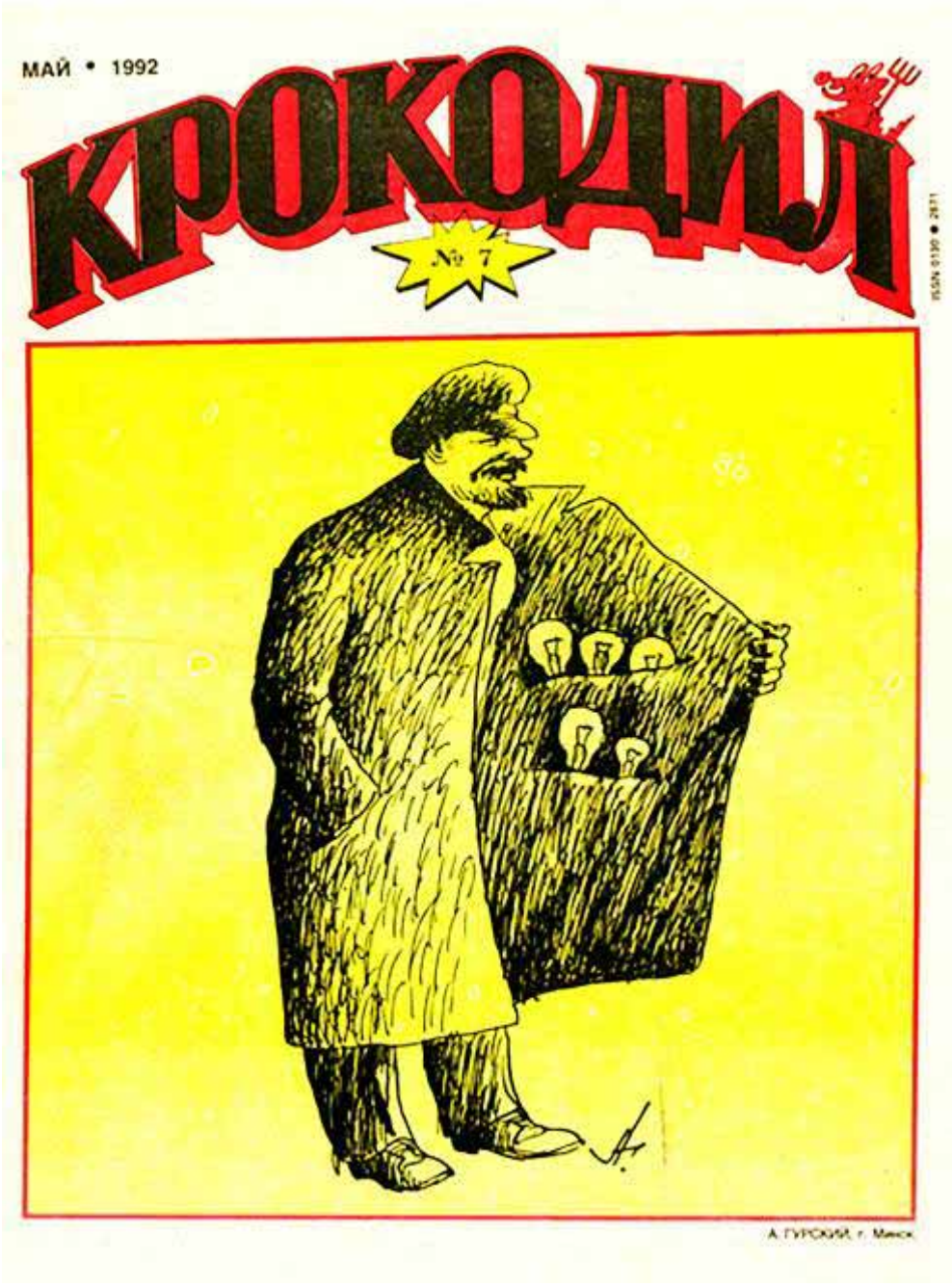


«Праздник ГОЭЛРО. 140 тысяч солнц». Худ. Т.Д. Еленок. 1982 г.





Удачный ракурс



В начале 1990-х годов из продажи исчезли электрические лампочки



Настольная игра «Лампочка Ильича»



Болванка для шляп «Лампочка Ильича»



Тату

Мем [Дедушка Ленин]

Первым изданием из цикла «Ленин и дети» можно считать рассказ для детей в стихах «Колька и Ленин» И.Н. Молчанова (*Молчанов Ив.* Колька и Ленин: рассказ для детей. Иллюстрации: С. Костин. М.: Гос. изд-во, 1927. – 14 с.).





Сын машиниста Колька, узнав из взрослых книг о Ленине, отправляется на паровозе отца в Москву в гости к Ленину. который пока еще не канонический «дедушка Ленин», но уже «добрый старик». Дело происходит в январе 1924 года, поэтому, прибыв в Москву, Колька слышит, что «…за окном / газетчики кричали: / “О смерти Ленина последний бюллетень”» .



В 1933 году вышел сборник рассказов Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича «Ленин и дети». Рождение мема [Дедушка Ленин] стало неизбежным.



Октябрятский значок «Внучата Ильича» образца 1928 года. До сих пор не определено, кто же был детьми Ильича



Пробный образец значка. По одной из версий он предназначался для октябрят Биробиджана





Запонки «Ангел Октября» – это стилизованная реплика октябрятского значка, где маленького Ильича сменил лукавый, грозящий пальчиком Амур – образ, созданный Э. Фальконе для украшения будуара маркизы Помпадур. Запонки выполнены из серебра 925 пробы с перламутром и рубиновой эмалью



Йошкар-Ола



Ленинградская область, г. Луга



Кемеровская область, г. Белово



Петропавловск-Камчатский



Ростовская обл., Морозовский р-н, хутор Грузинов



Ростовская обл., Красноармейский р-н, станица Кутейниковская



Челябинская обл., г. Куса



Аллюзия не «Снежную королеву» Андерсена, где Кай не мог сложить слово «вечность». У советских детей все получилось. Городецкий фарфоровый завод. 1953–1957 гг.

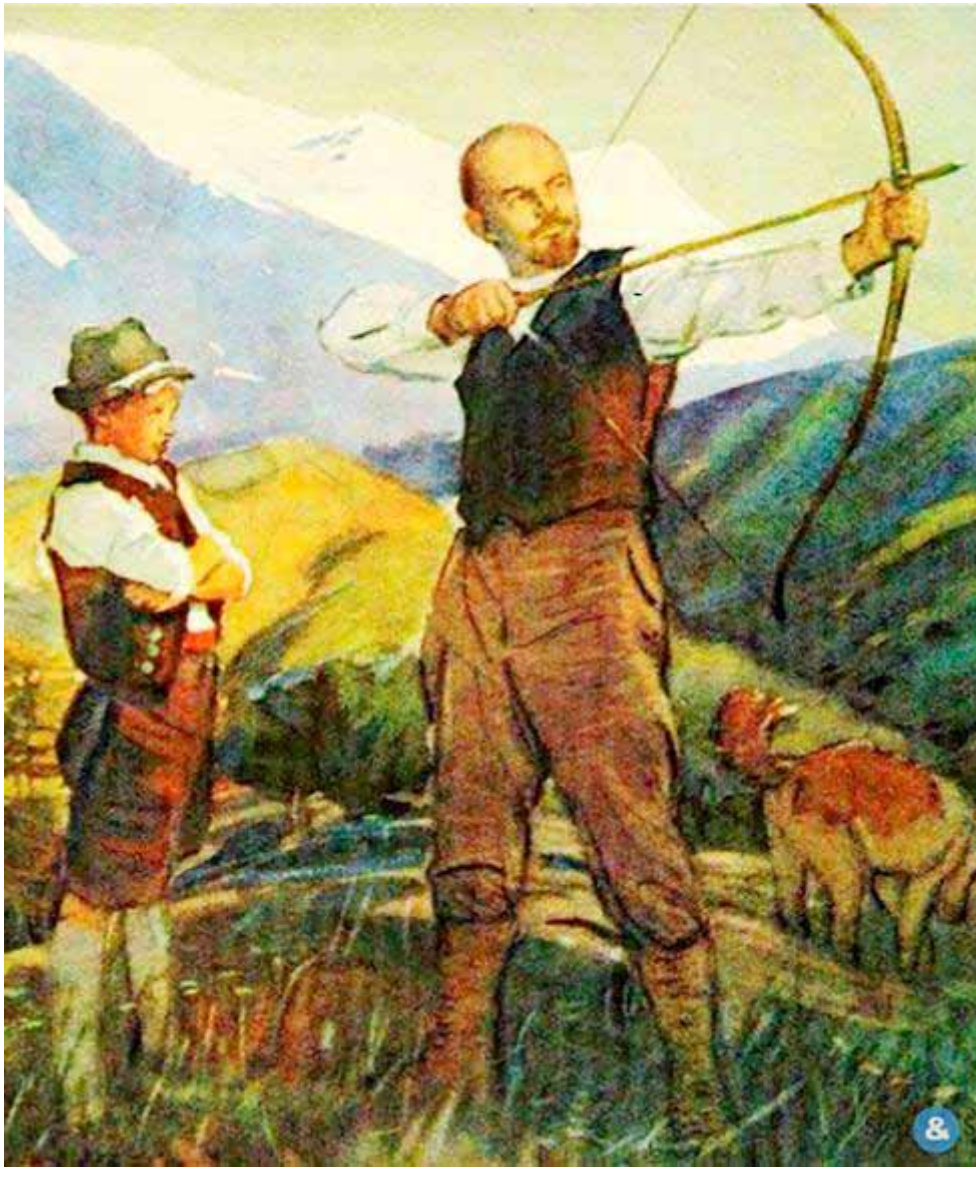
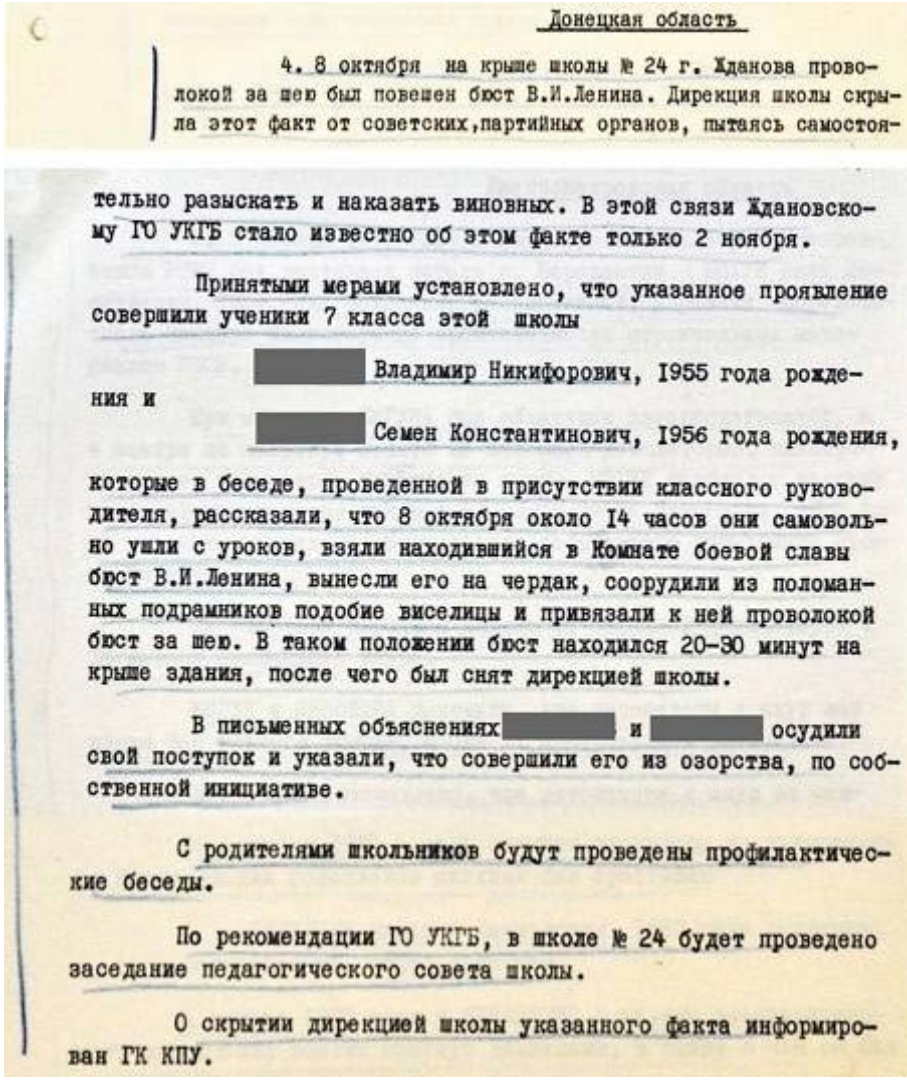


Иллюстрация И. Гринштейна к рассказу З. Воскресенской «Эдельвейс». В горах Швейцарии Ленин учится стрелять из лука у мальчика Мориса. Журнал «Мурзилка». № 11. 1962 г.



Донецкая область

4. 8 октября на крыше школы № 24 г. Жданова проволокой за шею был повешен бюст В.И.Ленина. Дирекция школы скрыла этот факт от советских, партийных органов, пытаясь самостоятельно разыскать и наказать виновных. В этой связи Ждановскому ГО УКГБ стало известно об этом факте только 2 ноября.

Принятыми мерами установлено, что указанное проявление совершили ученики 7 класса этой школы

[redacted] Владимир Никифорович, 1955 года рождения и

[redacted] Семен Константинович, 1956 года рождения,

которые в беседе, проведенной в присутствии классного руководителя, рассказали, что 8 октября около 14 часов они самовольно ушли с уроков, взяли находившийся в Комнате боевой славы бюст В.И.Ленина, вынесли его на чердак, соорудили из поломанных подрамников подобие виселицы и привязали к ней проволокой бюст за шею. В таком положении бюст находился 20–30 минут на крыше здания, после чего был снят дирекцией школы.

В письменных объяснениях [redacted] и [redacted] осудили свой поступок и указали, что совершили его из озорства, по собственной инициативе.

С родителями школьников будут проведены профилактические беседы.

По рекомендации ГО УКГБ, в школе № 24 будет проведено заседание педагогического совета школы.

О скрытии дирекцией школы указанного факта информирован ГК КПУ.

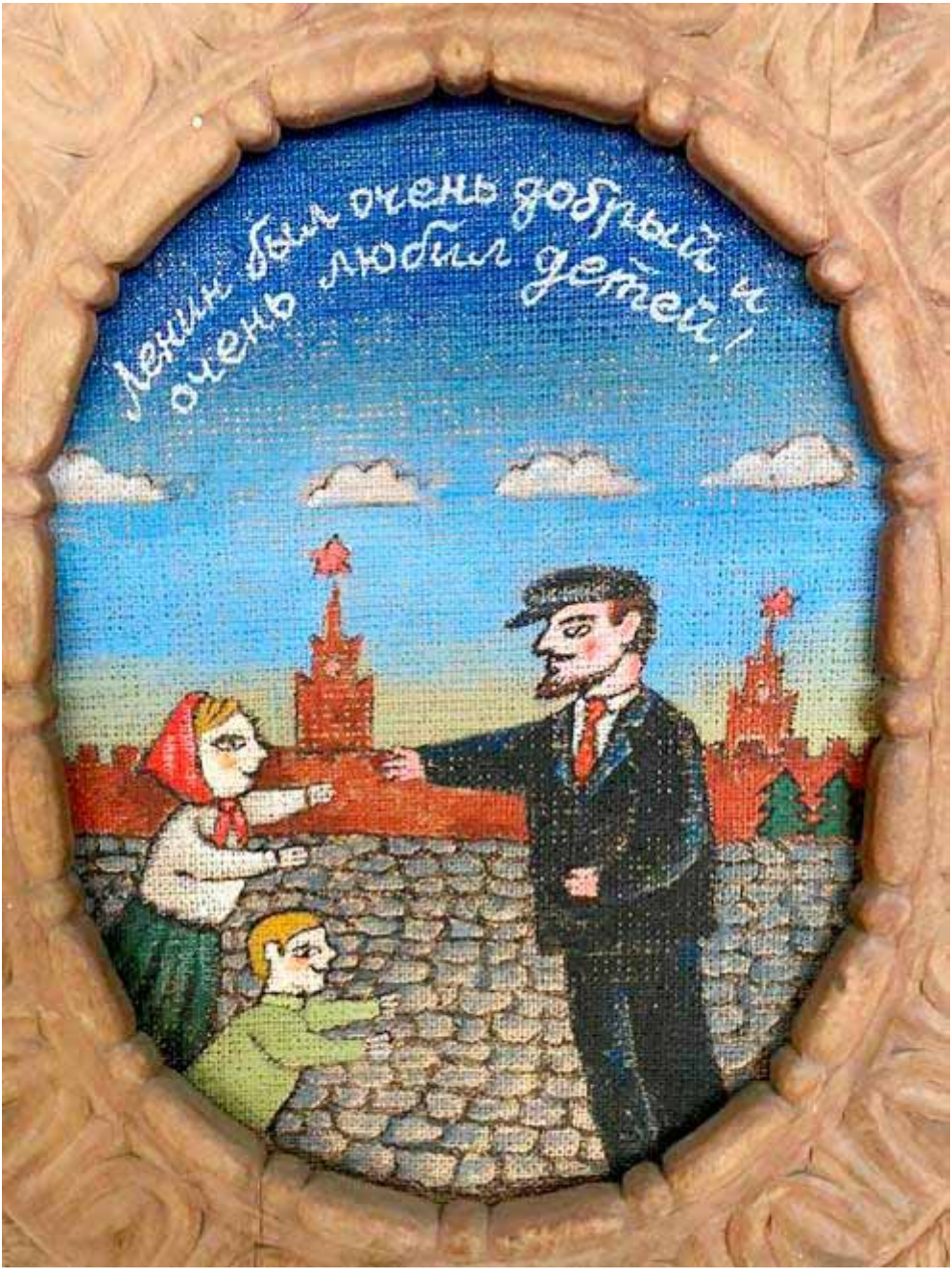
Докладная записка КГБ Украинской ССР

Иногда отношение советских детей к Ильичу принимало неожиданные формы. В октябре 1970 года среди бела дня на крыше школы № 24 в Жданове (ныне Мариуполь) полчаса провисел подвешенный на проволоке бюст Ленина.

Руководители школы решили утаить инцидент, не доложив «куда следует». Видимо, опасались выносить сор из избы в год, когда вся страна отмечала столетие со дня рождения Ленина!



Фото В.В. Бысова, Беларусь


Ленин был очень добрый
и очень любил детей!

Мем [Ленин и зайцы]

В своё время писатель Владимир Солоухин поведал историю, основанную на воспоминаниях Н.К. Крупской:

> Его жена в своих воспоминаниях о нём рассказывает, как однажды в Шушенском он охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга – ледяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. (Как тут не вспомнить русскому человеку про деда Мазая! – *В.С.*) Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек[706]

Если такая охота в стиле Хичкока действительно происходила, то [Дедушка Ленин] и [Дедушка Мазай] – два очень разных образа русского охотника.



[706] *Солоухин В.* «При свете дня». – М., 1992. С. 116.

Но вот что писала сама Крупская:

> Позднею осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники[707]

Получается, что зайцев все-таки стреляли, а не убивали прикладом ружья. Погибшим зайцам, конечно, уже все равно, но хотелось бы, чтобы с беззащитными зайцами «самый человечный человек»[708] был не так жесток, как с людьми.

В изложении Солоухина чувствуется творческий подход. У Крупской: «*целую лодку настреляют*», а у Солоухина уже «*набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек*». Но откуда взялся смертоносный приклад?

Как в своё время нас учили, ответы на все вопросы следует искать в работах В.И. Ленина.

Вот что он писал брату Дмитрию 28 ноября 1898 г.:

> Мите
>
> Насчет охоты моей ты осведомлен неточно. Кто это тебе рассказывает? Не Анюта ли впадает в некоторые хронологические ошибки, выдавая старые мифы о зайцах за новые известия. Зайцев здесь *я бил* (выделено мной. – *С.Щ.*) осенью порядком, – на островах Енисея их масса, так что нам они быстро надоели. Проминский набил их несколько десятков, собирая шкурки на шубу[709]

Вот всё и разъяснилось. Охота проходила без особых зверств, в рамках охотничьих стандартов того времени. Ведь упомянутый [Дедушка Мазай] вместе с поэтом Некрасовым «В августе, около Малых Вежей, / …*бил* дупелей»[710]

Но зайцев всё равно жалко.

---

[707] *Крупская Н.К.* Мой муж – Владимир Ленин. https://www.litmir.me/br/?b= 583687&p=7

[708] Из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924).

[709] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 55. С. 114.

[710] *Некрасов Н.А.* Дедушка Мазай и зайцы. https://rustih.ru/nikolaj-nekrasov-dedushka-mazaj-i-zajcy/

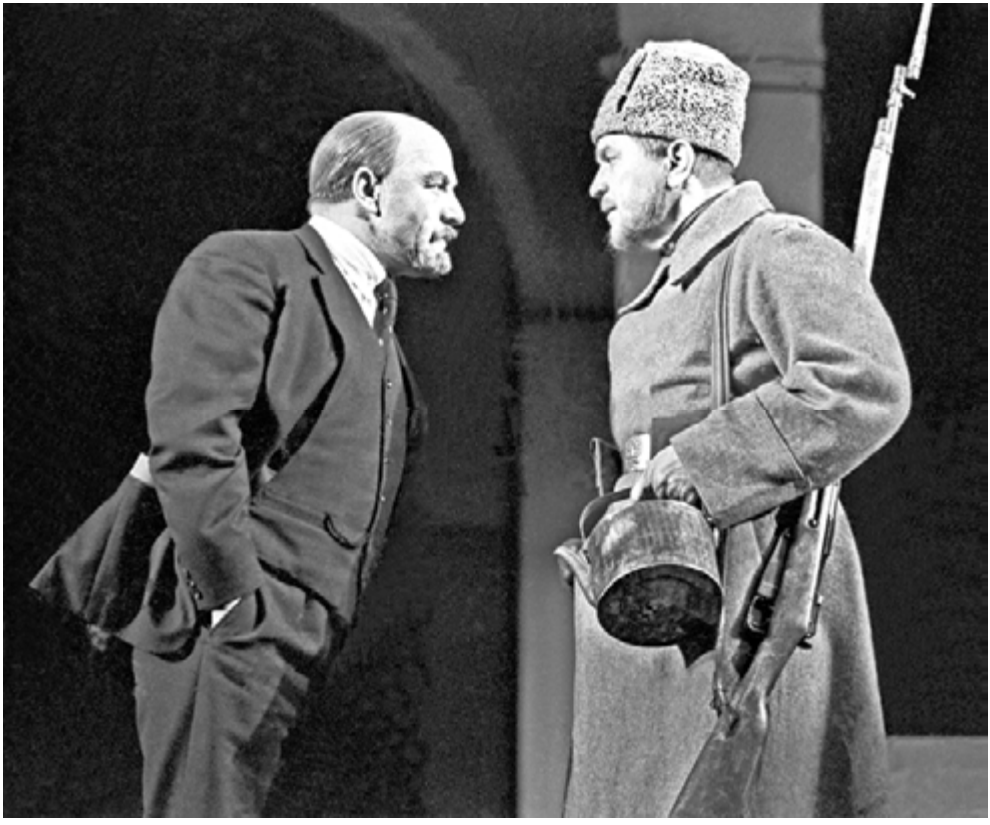


«Атас, парни! Это не Мазай!». Худ. А. Иванов



Мем [Ленин и Человек с ружьём]

В финале пьесы Николая Погодина «Человек с ружьём» Ленин говорит: «…теперь не надо бояться человека с ружьём, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров. Вот что народ почувствовал, вот почему та агитация, которую ведут простые, необразованные люди, непобедима…»



Б. Щукин в роли Ленина в спектакле «Человек с ружьём»

Мем [Ленин и Человек с ружьем] удачно скрещивается с различными брутальными мемами, возвращая нам подозрения об истинных причинах гибели шушенских зайцев.



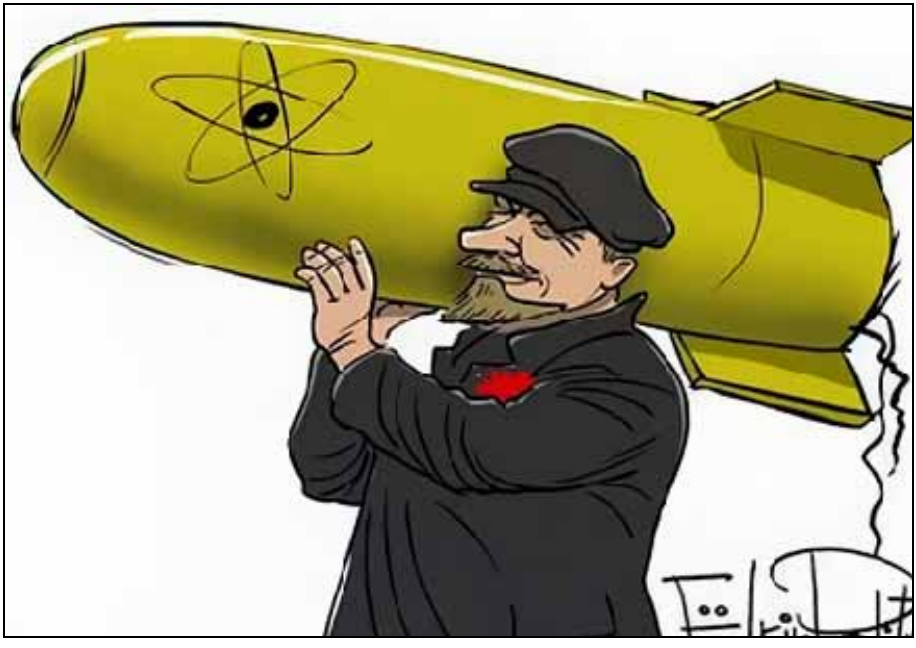
Гибрид с мемом [Джеймс Бонд]



Гибрид с мемом [Автомат Калашникова]. Аллюзия на мем [Не надо бояться человека с ружьём!]



Гибрид с мемом [Автомат Калашникова]



Мутация мема [Ленин и бревно]

Мем [Ленин и печник]

21 января 1940 г. в «Ленинградской правде» и в армейской газете «На страже Родины» было опубликовано стихотворение А. Твардовского «Ленин и печник».



История о том, как Ленин не обиделся на грубоватого печника, не узнавшего его, Ленина, а, наоборот, попросил помочь с печью и потом дружески беседовал за чаем, оказалась на удивление долгоживущей. Прекрасные стихи, конечно, одна из причин этого. Но главное то, что мем [Ленин и печник] – это псевдоним мема [Справедливый царь]. Образ Правителя, который попусту не обижается, но понимает и уважает простого человека был востребован в народе во все времена. А многочисленные пародии – просто стихотворные и даже музыкальные, подтверждают что мему [Ленин и печник] суждена долгая и прихотливая эволюция.



«Ленин и обдолбанный печник». Худ. А. Аронов



Натюрморт «Ленин и печник». Мастерок, кирпич, лук. Худ. Л. Анкудинов



«Ленин и печник (диалог с вождём)». Худ. А. Иванов

Главная О компании Контакты

Grand Portal

творческое объединение
ЛЕНИН и ПЕЧНИК



Эдвард



Цезарь

Печи

Печное литьё

Камины

Дровяные

Деревянные порталы

Grand Portal

Бани и сауны

Дымоходы

Котлы

Барбекю

Материалы для строительства



Астхик



Сидней



Аристей



Виконт

Сайт современных печников

Мем [Ленин в Октябре]

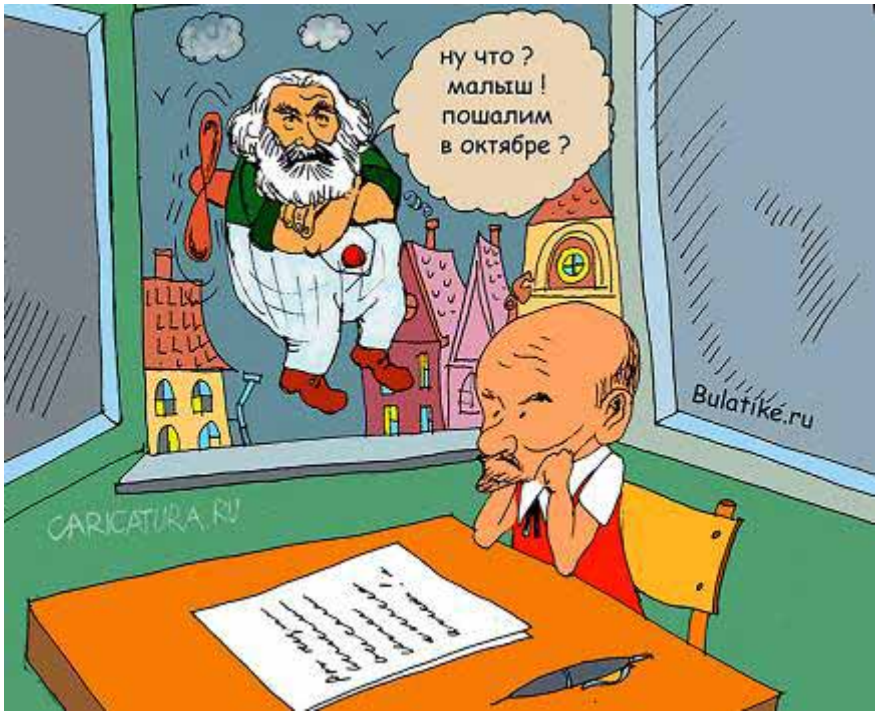


Сотворения нового мира. Коллаж С. Щербины

Фильм Михаила Ромма «Ленин в Октябре» породил не только мем [Ленин-вождь], но и одноимённый мем [Ленин в Октябре]. Ведь произошедшая в ноябре Октябрьская революция долгие годы служила точкой отсчета жизни страны «от сотворения нового мира».



«Ленин в октябре». Худ. В. Губарев


ну что ?
малыш !
пошалим
в октябре ?
Bulatike.ru
CARICATURA.RU


Ленин такой молодой!
И юный Октябрь впереди



Клуб для взрослых «Засада». Кемерово. 2014 г.


—И Ленин
такой молодой... и
юный Октябрь
впереди...


И ЛЕНИН ТАКОЙ
МОЛОДОЙ

Мем [Ленин в Зимнем]

Хотя Ленин и не был в последнем оплоте российской буржуазной республики Зимнем дворце, но реализация ленинского плана монументальной пропаганды в условиях сурового российского климата при нерегулярной работе коммунальных служб ежегодно радуют нас новыми образами мема [Ленин в Зимнем].









Мем [Ходоки (у Ленина)]



«Ходоки у В.И. Ленина». Худ. В. Серов. 1950 г.

Как вспоминает М.Н. Скрыпник, работавшая секретарем Совнаркома,

«…в первых числах ноября 1917 года (ст. стиля)… было время неудержимого паломничества к Ленину. Каждый день с утра до ве-

чера я заставала десятки людей, которые приезжали с мест повидать Владимира Ильича. Они часами сидели в приёмной Совнаркома, терпеливо ожидая приёма»[711]

Однако согласно Биохронологии жизни Ленина в первую декаду ноября Ленин с ходоками-крестьянами не встречался.

Правда утром 31 октября[712] (13 ноября) Ленин принял крестьянина, обратившегося к нему с просьбой помочь получить денежную компенсацию за лошадь, реквизированную незадолго до Февральской революции (!). Ленин направил его в Народный комиссариат государственного призрения (Наркомгоспризрения) к А.М. Коллонтай с запиской, в которой просил выдать крестьянину компенсацию[713]

Век спустя, в декабре 2012 года 11-летняя Женя Ефимова из Хакасии обратилась к главе государства с просьбой о лошади для занятий конкуром. «Я хотела написать письмо Деду Морозу, но потом подумала, что ему не хватит денег купить мне лошадку», – объясняла юная спортсменка. И она написала по адресу «Москва, Кремль». (Интересно, что сомнений в финансовых возможностях обитателя Кремля у девочки не было.) Родители Жени были весьма удивлены, когда от имени президента Жене преподнесли коня по имени Князь.

А вот жителю Мценского уезда Н. Сумарокову повезло меньше. 9 (22) ноября он отправил Ленину телеграмму с жалобой на крестьян, растащивших имущество арендуемой им в Мценском уезде усадьбы, и просьбой дать распоряжение о возвращении имущества. Ленин телеграфирует в ответ, что за содействием необходимо обращаться в местный Совет крестьянских депутатов[714]

Между 14 и 20 ноября (27 ноября и 3 декабря) Ленин принял ходоков от крестьян двух волостей Новгород-Северского уезда Черниговской губернии – М.А. Лузгаев, Ф.А. Старикова и А.И. Усикова, внимательно выслушивает их, расспрашивает о семьях, об отношении крестьян к Советской власти, дал чёткие и конкретные ответы

[711] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – М., 1957. Ч. 2. С. 89–92.
[712] По старому стилю, далее в скобках – по новому стилю.
[713] Воспоминания о В.И. Ленине. Ч. 3. – М., 1961. С. 176–178.
[714] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4688; ГА РФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 74. Л. 11.



Женя Ефимова с Князем

на все их вопросы[715]. Похоже, что эта встреча и изображена на картине Серова.

В наши дни мем [Ходоки] поменял разве что логистику. Теперь вместо хлопотливого путешествия в столицу и долгого просиживания в высокой приёмной современные ходоки снимают видеоролик и вывешивают его на YouTube, надеясь, что их прошение дойдет до главы государства через чиновные препоны и он тоже даст «чёткие и конкретные ответы на все их вопросы».

[715] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4770; «Деревенская беднота». – Пг., 1917. № 36, 23 ноября (6 декабря); «Пр. рев.». – М., 1922, № 8. С. 173–174; *Шлихтер А.Г.* Ильич, каким я его знал. – М., 1970. С. 58–59; «Рабоче-крестьянский корреспондент». – М., 1957, № 2. С. 16–17; «Веч. Москва», 1957, № 107, 8 мая; «Пр. Украины», Киев, 1965, № 260, 5 ноября; «Пр.». – М., 1969, № 326, 22 ноября.



Уфа. 2019 г.

Новые технологии поднимают возможности ходоков на новую, недосягаемую ранее высоту. Как, например, сделали жители Читы, разместив челобитную на крыше дома, надеясь, что недреманное око космических спутников поможет преодолеть бюрократические барьеры и главный в стране узнает-таки правду.



Чита. 2019 г.

Неизвестно, увидел ли это обращение адресат, но вот что увидели энтузиасты, изучая спутниковые снимки Google Earth Курганской области – огромную надпись «Ленину 100 лет».



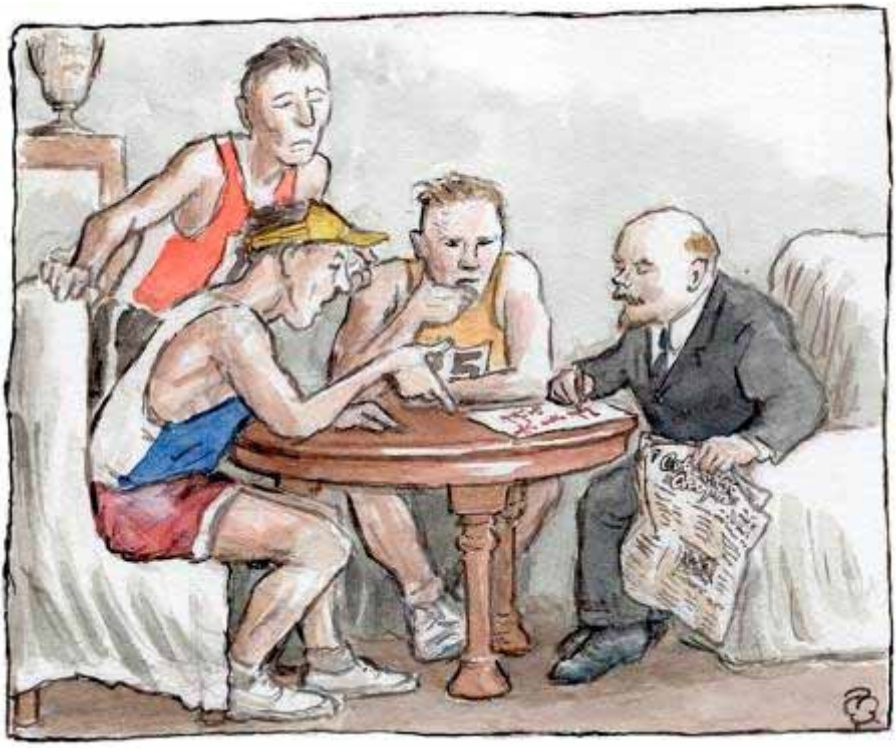
Лесной транспарант «Ленину 100 лет» расположен в 130 километрах к югу от Кургана около села Звериноголовское Курганской области. Живая надпись была создана в 1970 году (по другим данным – в 1967 году) к 100-летию со дня рождения Ленина. Автор этого «послания в космос» – главный лесничий Звериноголовского лесхоза Александр Канщиков, благодаря которому в районе появилось немало лесных насаждений. Удивительное послание образовано несколькими тысячами деревьев. Длина надписи – 600 метров, размер каждой буквы в высоту – 80 метров. Под буквами деревья посажены в виде прямой, подчеркивающей надпись линии. На надпись ушло 40 тысяч сосен. Её площадь – около 4-х гектар. За прошедшие десятилетия сосны подросли, но не разрослись по округе, поэтому надпись до сих пор отчётливо видна с высоты. Однако с земли надпись никак не разобрать, она выглядит как обычный лес. Вот такая российская версия плато Наска…


КРОКОДИЛ
11
АПРЕЛЬ 1970
СССР
ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА (почти по картине В. Серова)
Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО


ПАХАТЬ НАДО, ГОЛУБЧИКИ, ПА-ХА-ТЬ!.. МОЖЕТ НЕФТЬ И НАЙДЁТЕ...
А.БИЛЬЖО



Необычный ракурс – ходоки глазами Ленина



Ходоки сегодня. К Ленину пришли мастера спортивной ходьбы





«Встреча у раввина». Худ. Талли Филмус. Холст, масло, 76.2×101.6 см

В первой декаде февраля 2021 г. российский сегмент соцсетей обошли две репродукции. Одна – картина Владимира Серова «Ходоки у В.И. Ленина», другая – «Встреча у раввина» американского художника Талли Филмуса.

Композиция и особенно руки персонажей не оставляют сомнения в том, что один из авторов видел работу другого до написания собственного произведения.

Но какая из двух картин была написана первой? Работа В. Серова была впервые представлена на Всесоюзной художественной выставке в 1950 году. А вот Талли Филмус часто не датировал свои работы.



«Встреча у раввина» (в английской версии «In the Rabbi's Study»), которая впервые появилась в сетевом пространстве на интернет-аукционе artnet.com (http://www.artnet.com/artists/tully-filmus/ in-the-rabbis-study-w-n3K6UpLNkVT8W5cJNX8g2) без указания даты создания, была продана 10 июня 1992 года, а общий интерес к себе вызвала в феврале 2021 года после обнаружения кем-то несомненного сходства с картиной В. Серова.

Представляется, что вопрос об авторстве оригинального сюжета в настоящее время можно решить только изучением жизненного пути самих художников и их картин-близнецов.

1. Талли Филмус (Tully Filmus) окончил Пенсильванскую академию изящных искусств в 1927 году, несколько лет прожил в Европе, после чего вернулся в США. Два альбома произведений художника были изданы в США в 1963 (Tully Filmus. Кливленд: The World Publishing Company) и в 1971 г. (Tully Filmus. Selected Drawings), то есть намного позже появления «Ходоков» Серова, причем картины «Встреча у раввина» в этих альбомах нет.

Но есть в биографии Филмуса один интригующий момент. В 1936 году группа американских художников, симпатизирующих Советскому Союзу, организовала выставку картин, которые предполагалось передать в дар художественному музею в Биробиджане, административном центре образованной в 1934 году Еврейской автономной области. В декабре 1936 года эта выставка была открыта в Москве, но Талли Филмус передал для выставки только одну свою работу – «Head of a Boy» («Голова мальчика»).

Таким образом, крайне маловероятно, что В. Серов мог увидеть «Встречу у раввина» до 1950 года, даже если она и была бы написана Филмусом до этой даты.

2. Владимир Серов окончил в 1931 году Ленинградский институт пролетарских изобразительных искусств. Работал в Ленинграде и Москве, сделал успешную карьеру: лауреат двух Сталинских премий (1948, 1951), академик Академии художеств СССР (1954), народный художник СССР (1958), президент Академии художеств СССР (1962–1968). Поэтому вполне логично, что его картина «Ходоки у В.И. Ленина» была представлена на Выставке достижений советской науки, техники и культуры в Нью-Йорке в 1959 году в художественной экспозиции, посвященной В.И. Ленину. После Всемирной выставки 1939–1940 годов это была первая большая советская выставка в США за последние 25 лет. По данным советской прессы, её посетило более одного миллиона ста тысяч американцев. Талли Филмус в это время жил в Грэйт Нэк на Лонг-Айленде, неподалеку от Нью-Йорка и почти наверняка посетил выставку. Кроме того, в 60-е годы XX века Филмус создал ряд картин с похожим сюжетом и похожими позами персонажей.

Таким образом, мы приходим к выводу, что вероятней всего именно картина Серова «Ходоки у В.И. Ленина» послужила для Талли Филмуса образцом при написании «Встречи у раввина».

Мем [Учиться, учиться и учиться]



«Выступление В.И. Ленина на III съезде Комсомола». Худ. Б.В. Иогансон. Именно здесь фразы «учиться, учиться и учиться» Ленин не говорил

Известные слова «учиться, учиться и учиться» Ленин написал в работе «Попятное направление русской социал-демократии» (Пролетарская революция, № 8–9, 1899):

> «…находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов…».

А на III съезде комсомола он неоднократно говорил слова «учиться» и «учиться коммунизму», но слово «учиться» три раза им повторено не было.

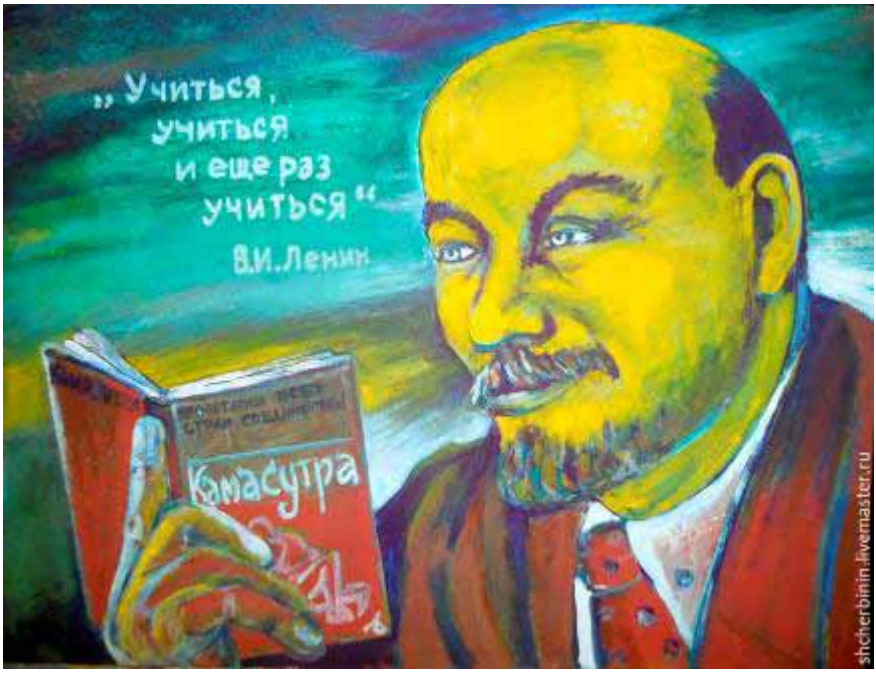
А вот министр народного просвещения Российской империи Иван Давыдович Делянов, выступая 21 октября 1888 года перед студентами Императорского Новороссийского университета, сказал:

> «Вы молоды, неопытны и в своих увлечениях часто забываете, что единственная и исключительная задача ваша, пока вы находитесь в этих стенах, это – *учиться, учиться и учиться*… Я в последние годы

не в меру поседел и состарился от огорчений, которые причиняют студенты наших университетов своим поведением»[716]



[716] Самарская газета. 1888. № 230; выявлено О.В. Московским и опубликовано им в книге: Народное образование Самары: Хроника событий. 1851–1917. – Самара, 2002. Ч. 1. С. 58-59.



«Учиться по-ленински!». Худ. С. Щербинин

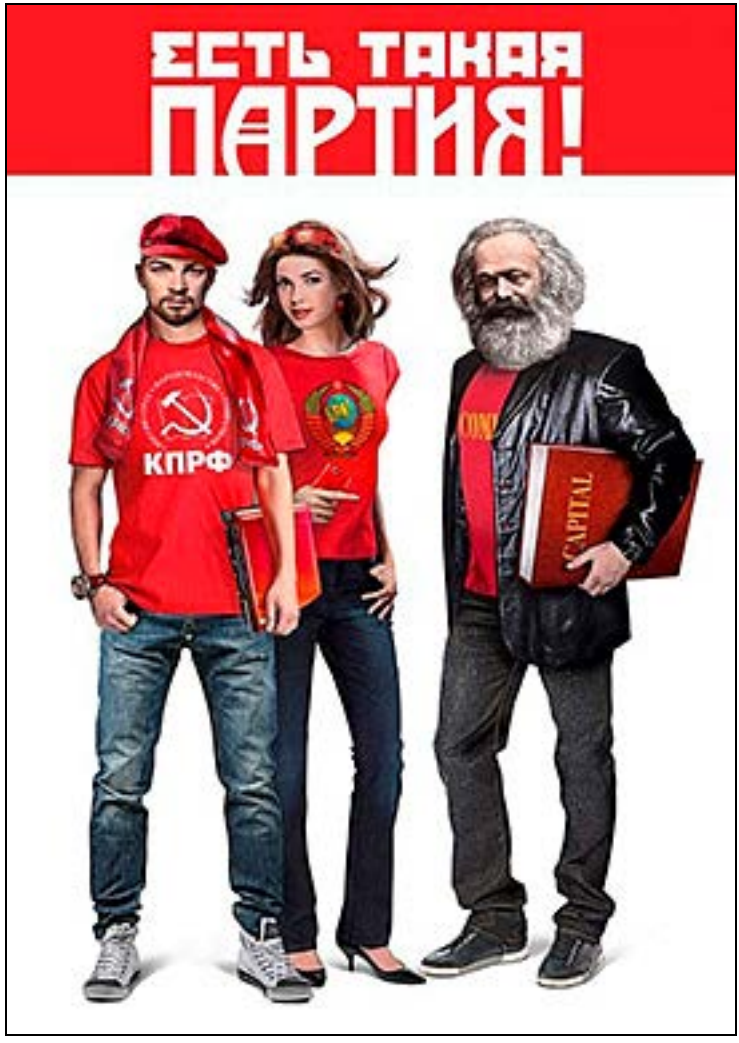


Стив Джобс:«Я не заканчивал институтов… Я решил бросить колледж и поверить, что всё будет хорошо»

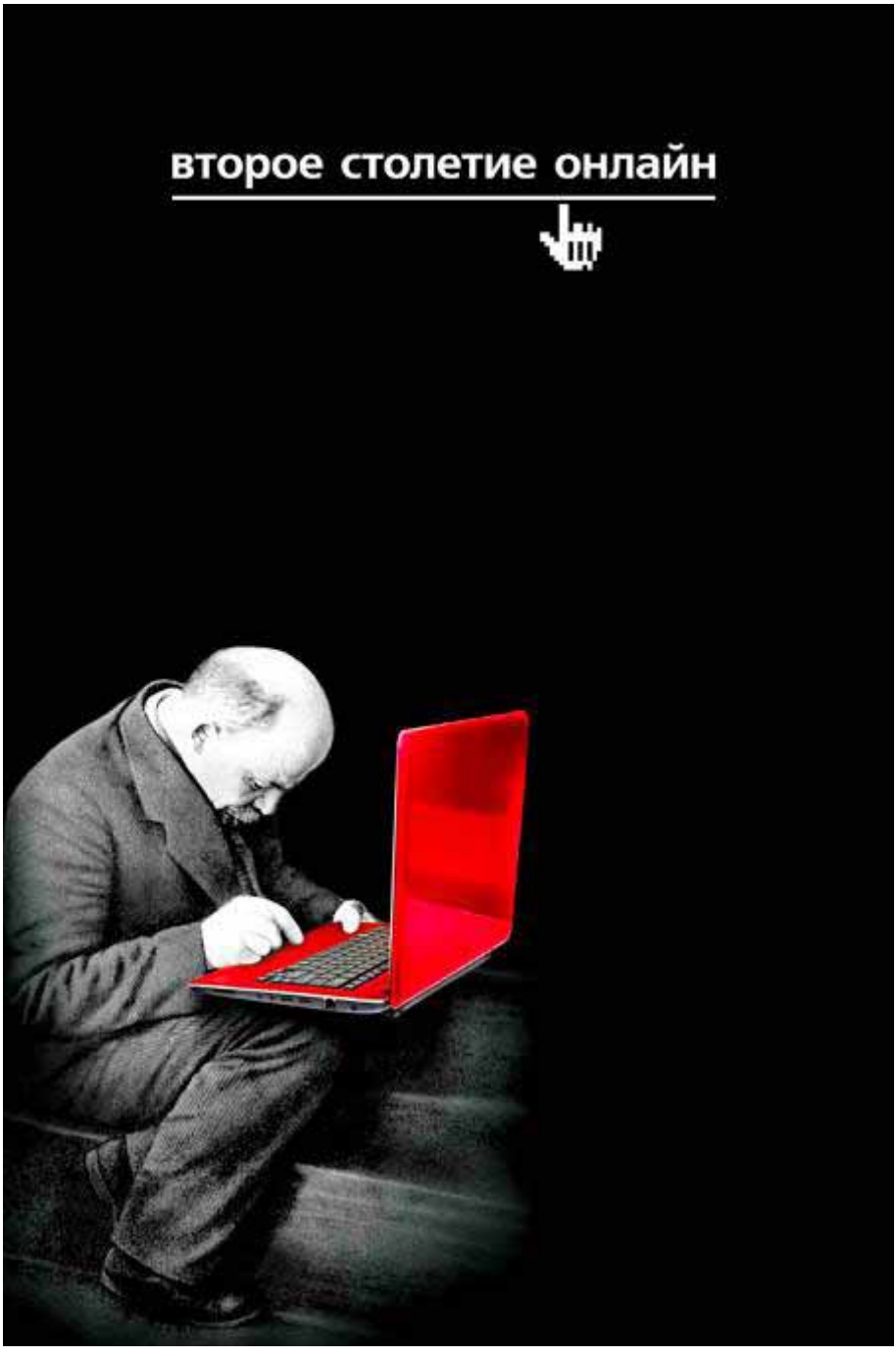
Мем [Вечно живой Ленин]

Ленин
и теперь
живее всех живых.

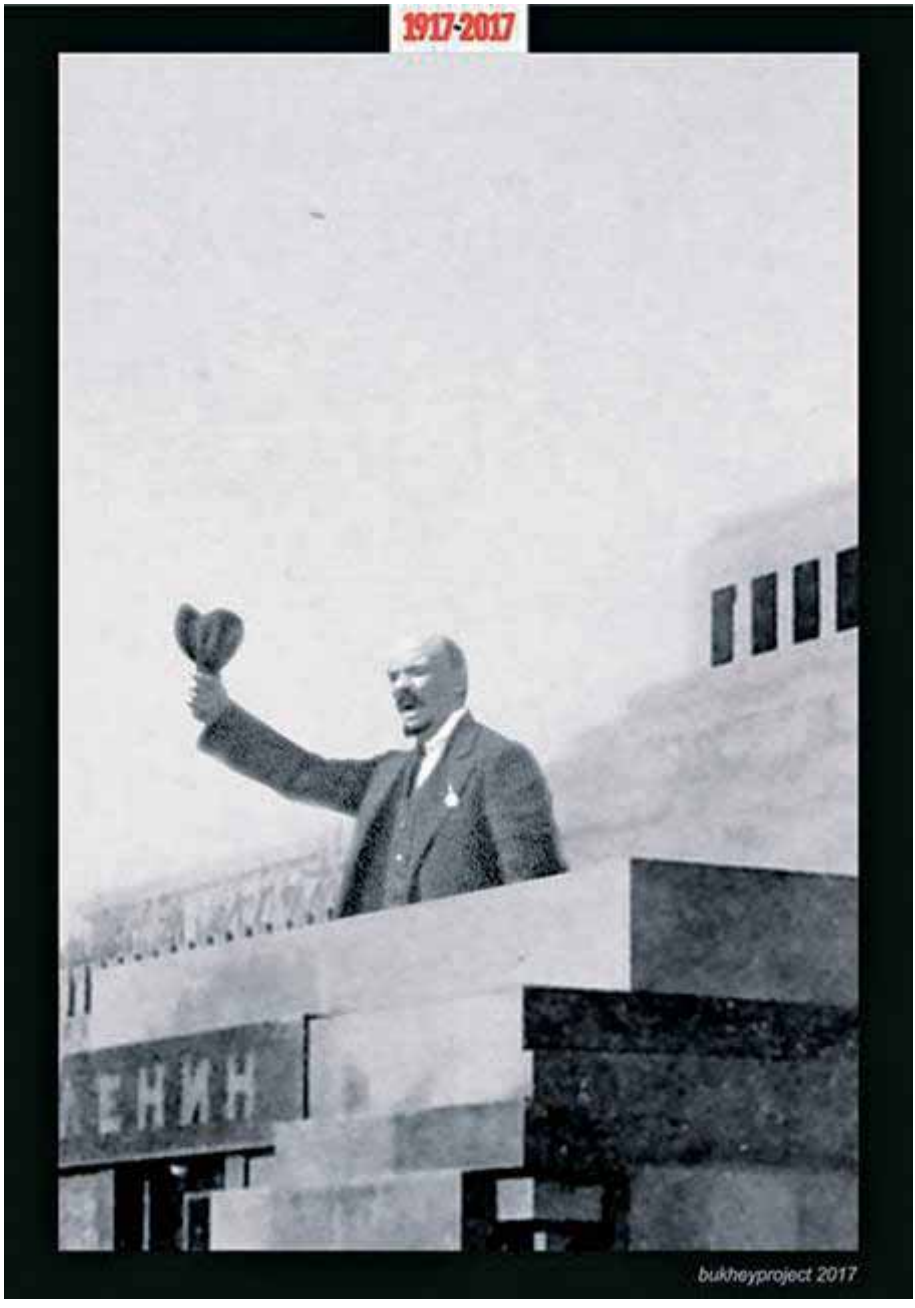
Владимир Маяковский.
«Владимир Ильич Ленин»



К 100-летию революции партия КПРФ провела ребрендинг своих символов



Ай-ти технологии для торжества коммунизма…



Мы покоряем пространство и время! Художники С. Булкин, Е. Михеева. 2017 г.



Второй деревянный мавзолей. Фотография из альбома «MOSKAU» (Берлин, 1928). Видно, что это – первомайская демонстрация (буквы «МАЙ» на стене). Год съемки составитель альбома не указал

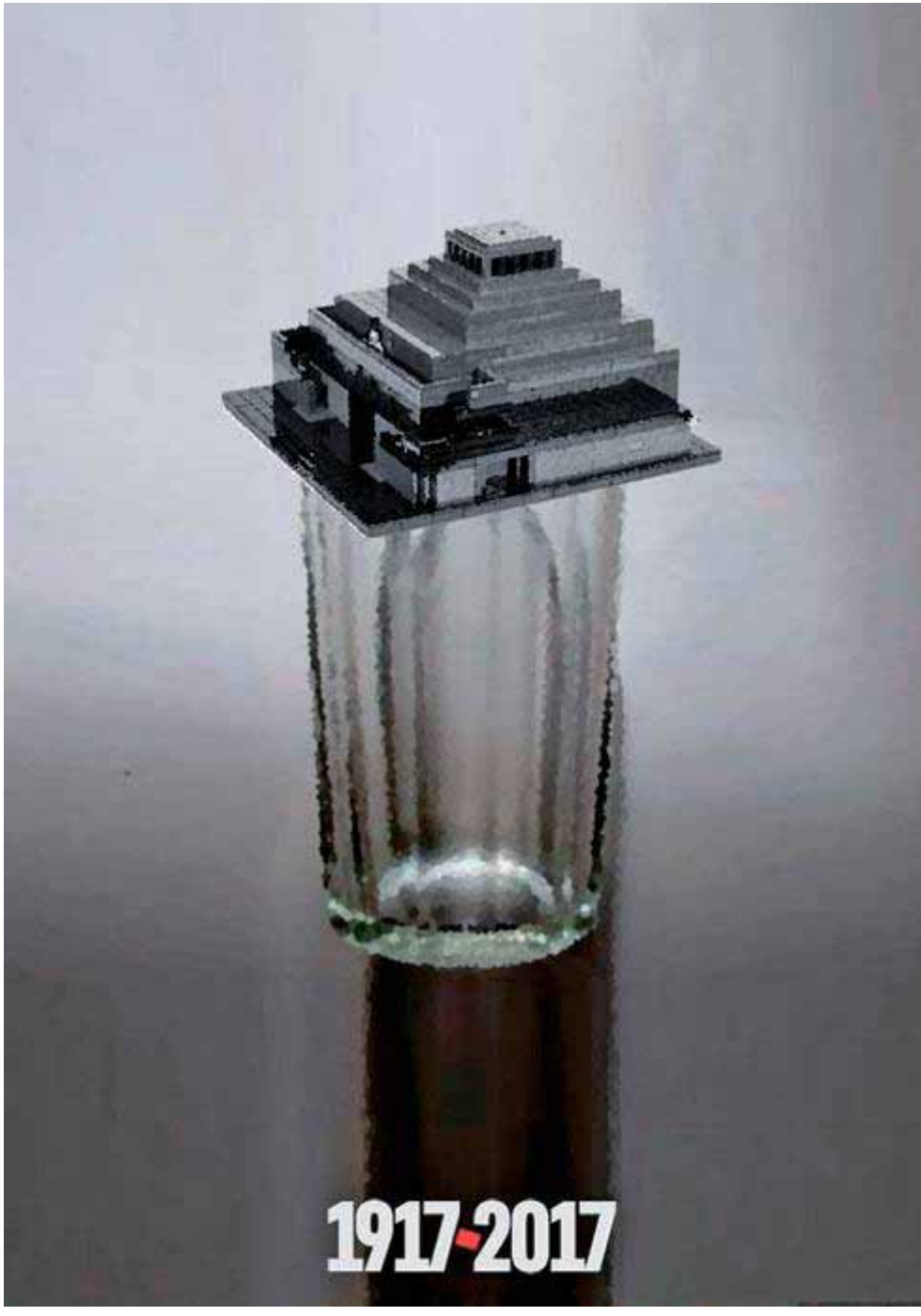
Присмотревшись, с удивлением обнаруживаем большую пальму справа от Мавзолея! Складывается впечатление, что её привезли и поставили в кадке для украшения мероприятия. Ведь «партийные» голубые ели появились на Красной площади позже, в начале 30-х годов, а первые деревья (березки) у мавзолея только начали высаживать в 1924 году. Так что, скорее всего, эту фотографию сделали 1 мая 1924 года.

Заметим, что христианская традиция трактует пальму как символ *скорби и мученичества*, а пальмовые ветви означают *славу, триумф, воскресение, победу над смертью и грехом*.



Ленин в Раю. Худ. В.С. Васильковский 1973 г.

У Заслуженного художника РСФСР В.С. Васильковского (1921–2002) своё видение посмертного существования вождя. Красные розы (если это они), заполнившие райский сад, считаются христианским символом земного мира. Она символизирует страсть, мученичество и смерть. Не очень радостный конец земной жизни вождя. Обитатели Эдема, также вызывают вопросы. Если присутствие льва, как символа склонности к созерцанию и размышлениям, понятна и оправдано, то черные собаки обычно считаются приспешниками дьявола, который сам мог предстать в образе черного пуделя.



Вечная память о вожде. Худ. Ю. Романов



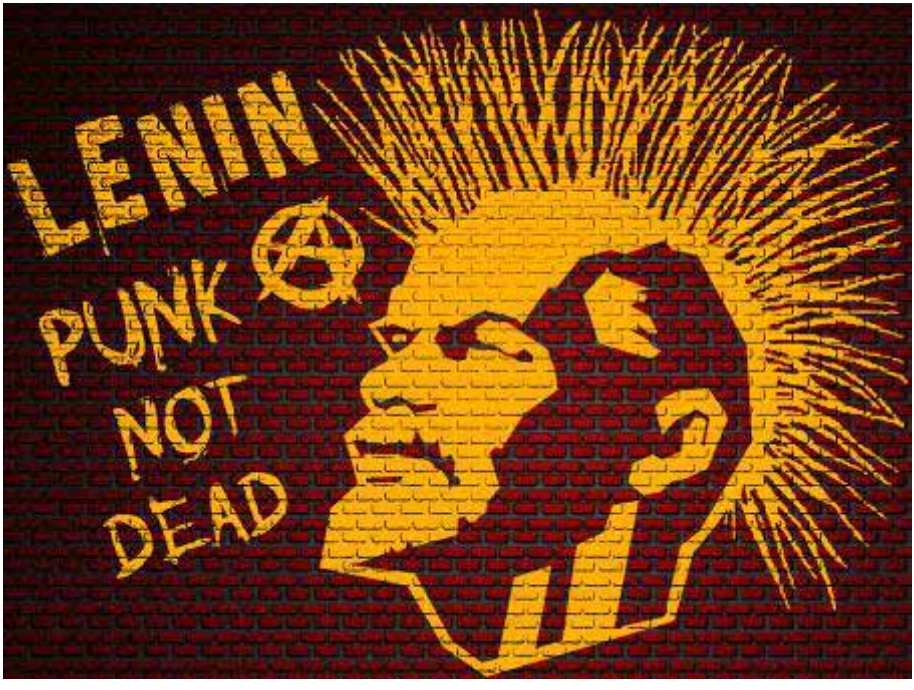
Мавзолей шаговой доступности



Плакат ««Кока-Кола – это настоящая вещь». Ленин». Худ. А. Косолапов. 1982 г.



Ленин, конечно, любил пиво. Но не настолько же! Фото Леонид Хазанов. Санкт-Петербург. 2011 г.



Ленин – панк



Ленин – кибер-панк



Современная открытка к дню рождения Ленина



Ленин – хипстер



Таджикская вышивка



Ленин – человек-паук. Подпись: «Работа Энди Уорхола, засл. худ. США» (укр.)



«Самый человечный человек». Худ. Джузеппе Венециано



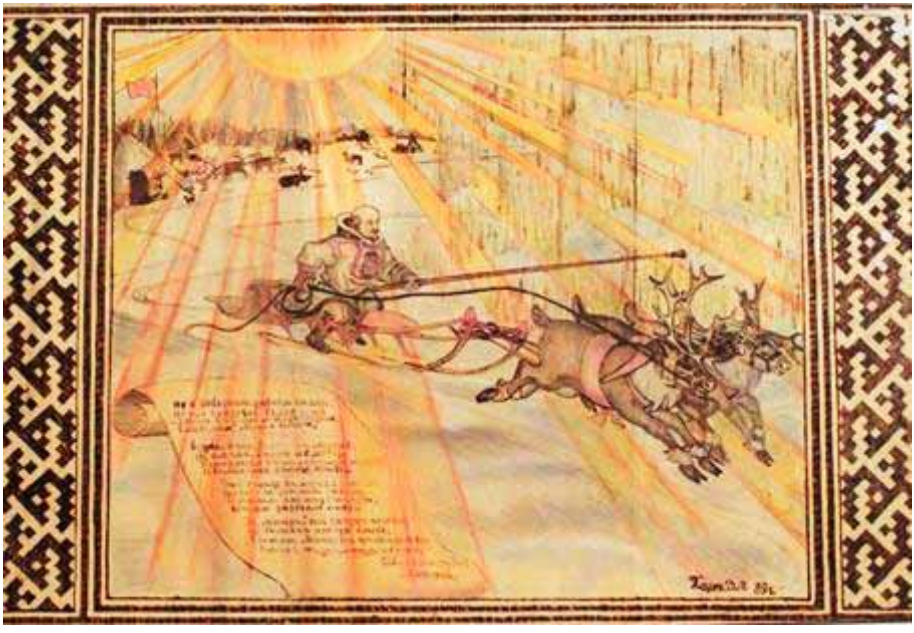
Музей современного искусства. Фото М. Бородина. Владивосток



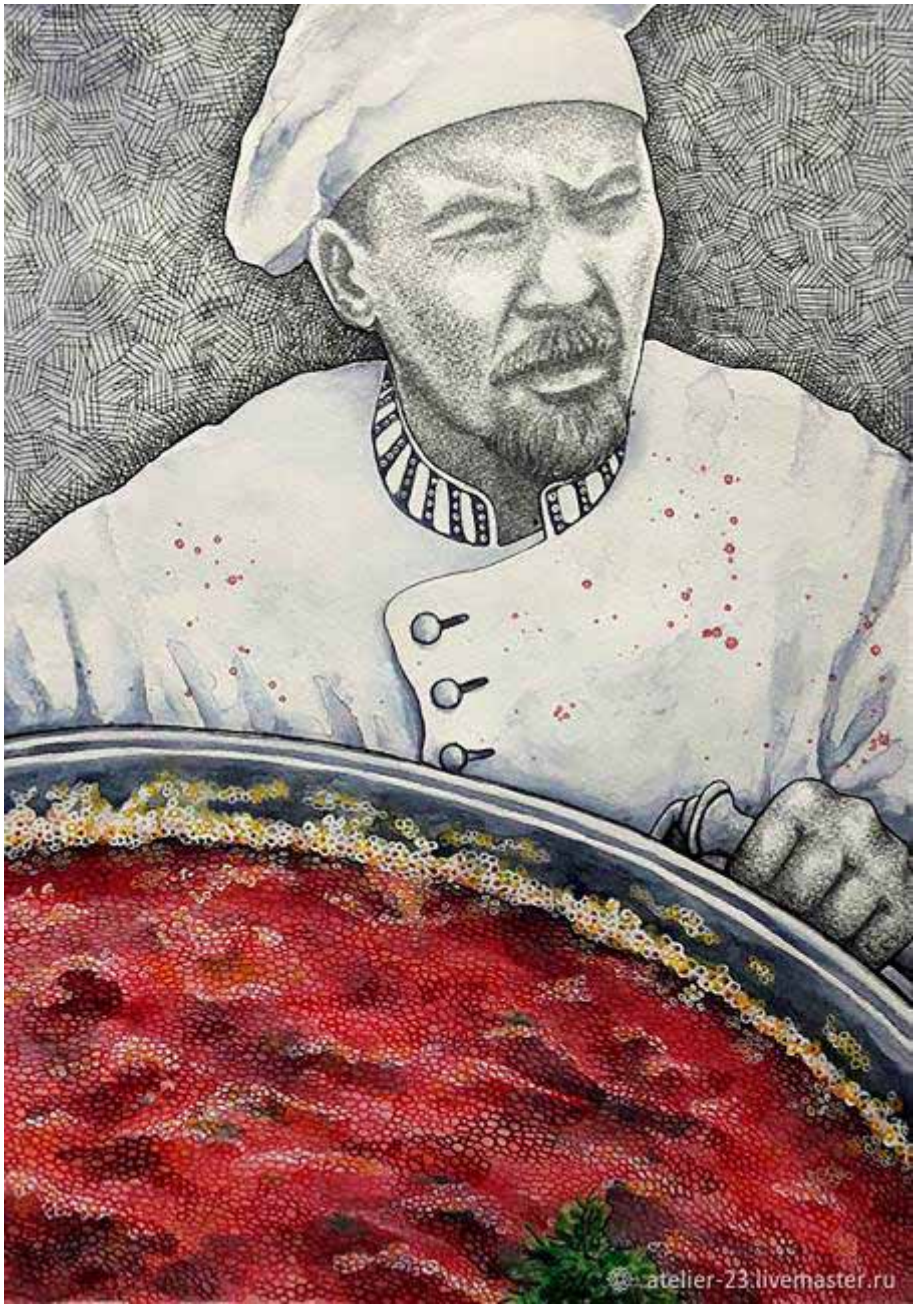
Экспонат галереи «Артэтаж». Владивосток



«Ленин на Ямале». Худ. И. Истомин. 1972 г.



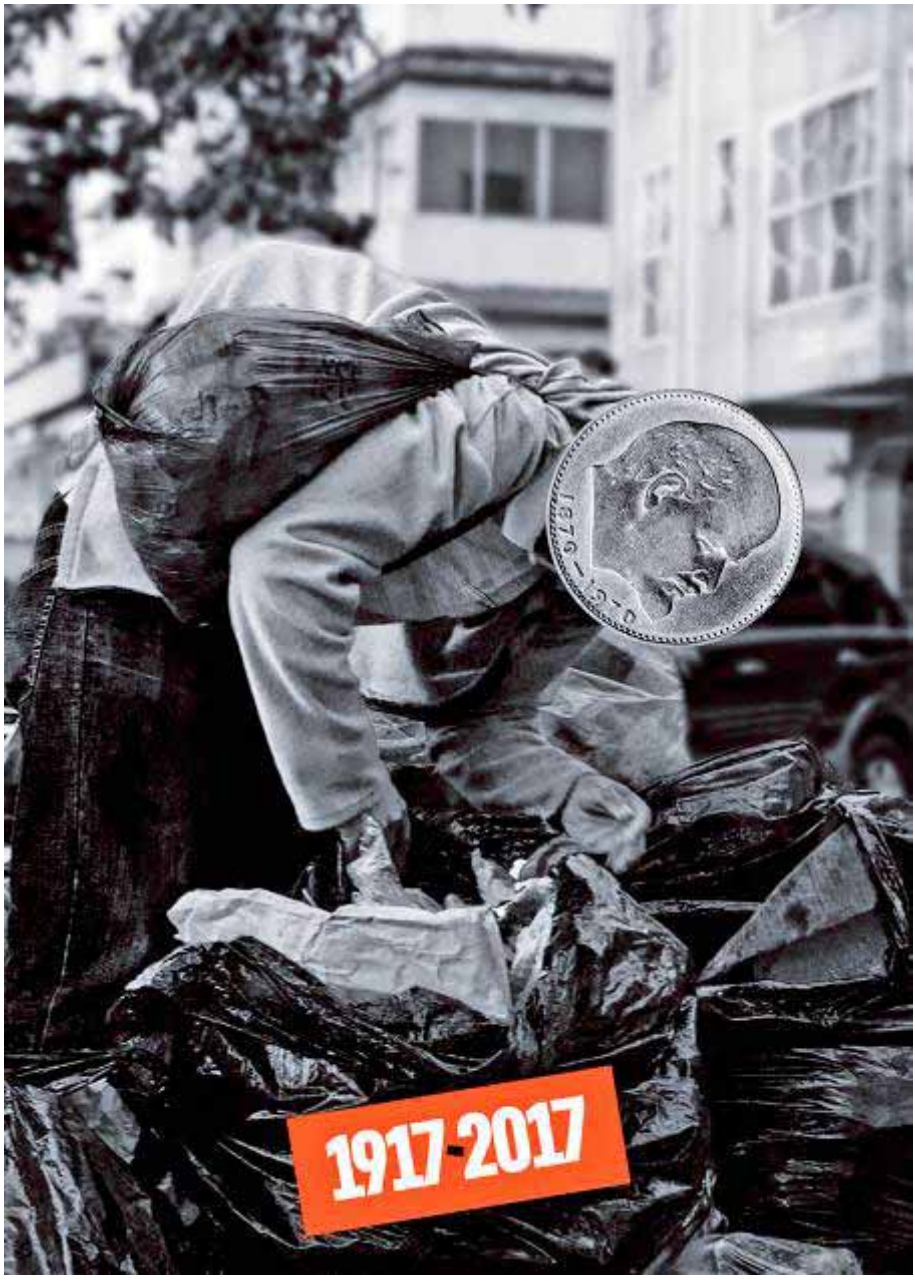
«Ленин на оленьих упряжках». Худ. Д.М. Хартаганов. 1989 г.



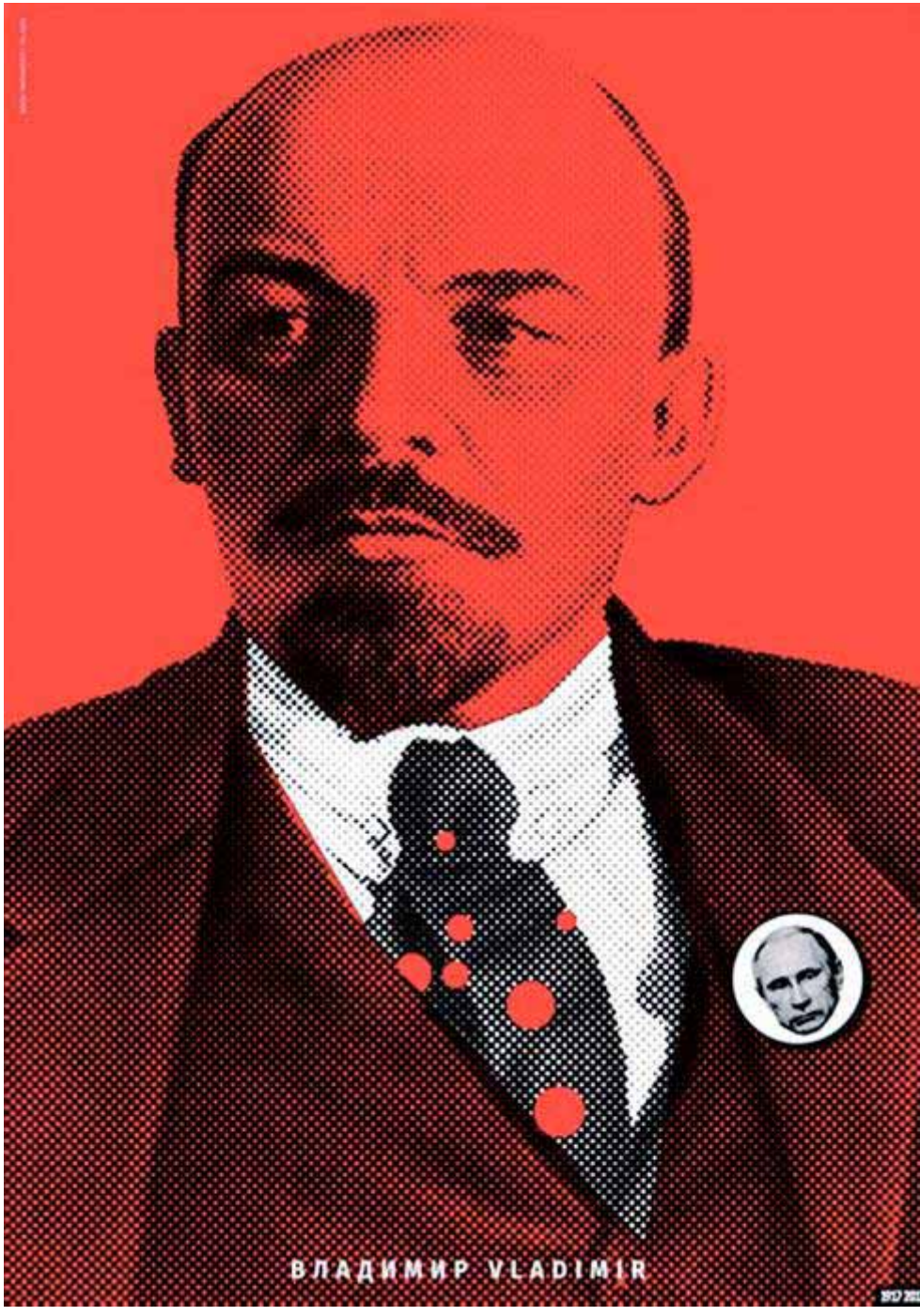
Современный портрет. Аллюзия на кухарку, управляющую государством



Плакат к 100-летию революциию Худ. А. Батишев. 2017 г. Пример современной мемной инженерии



Художник Carlos Andrade. Плакат из Боливарианской Республики Венесуэла. Социализм с нечеловеческим лицом. 2017 г.



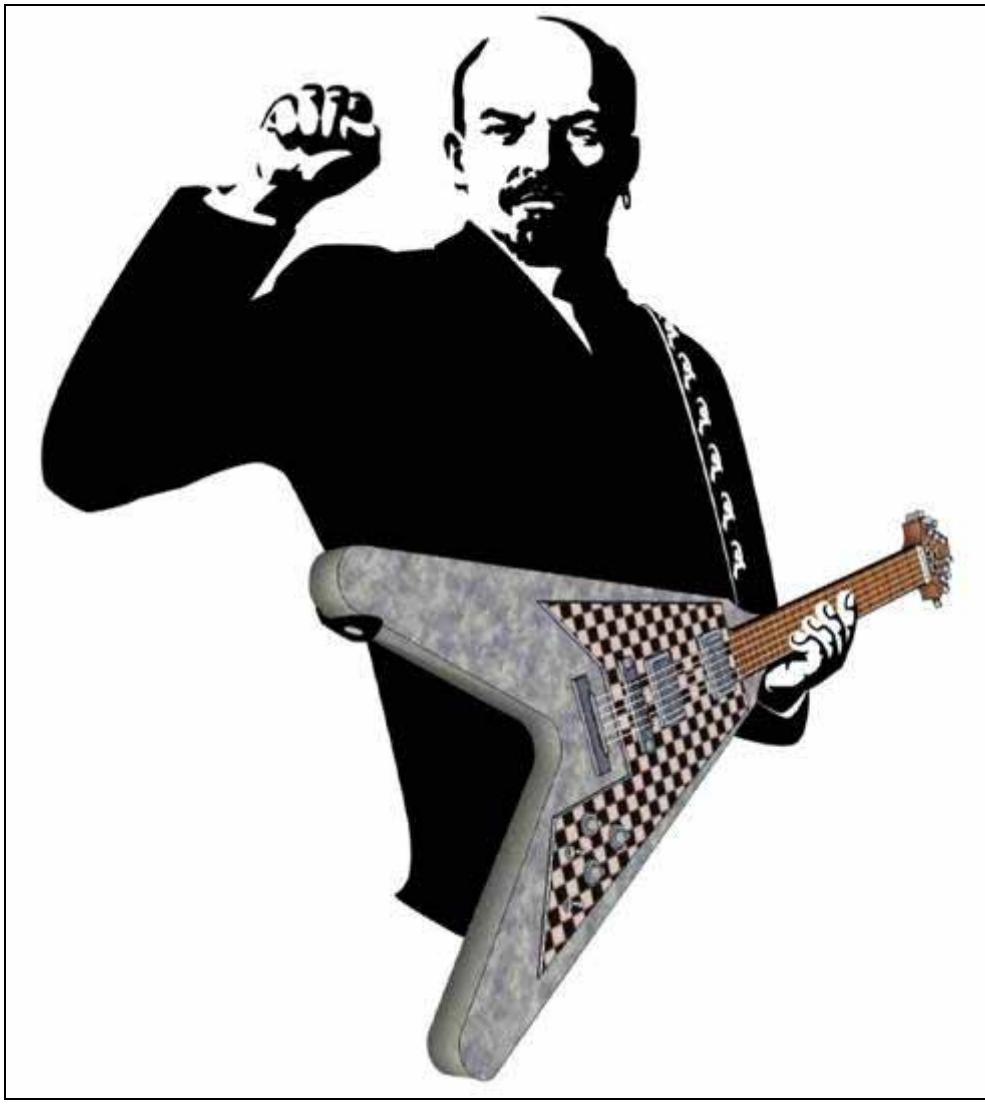
Плакат к 100-летию революциию. Худ. David Tartakover. Израиль. 2017 г.



«В.И. Ленин у А.М. Горького в 1920 году» («Аппассионата»). Худ. Д.А. Налбандян. 1956 г.



Ленин слушает Бетховена



«Нечеловеческая музыка»[717]

[717] «Как-то вечером, в Москве, на квартире Е.П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исая Добровейн, сказал:

– Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать её каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка». (*Максим Горький*. В.И. Ленин).

Первые российские марксисты начали борьбу с капиталистической эксплуатацией, создав группу «*Освобождение труда*», а в наши дни «борец за свободу товарищ Ленин» оказался владельцем множества частных предприятий не только в России, но и в Беларуси.



Пермский край, г. Чайковский



Семфирополь



Московская обл., г. Серпухов



Курская обл., г. Железногорск



Ставропольский край, г. Михайловск



Кемерово



Беларусь, г. Орша



Как исключение, в г. Курган работают на Карла Маркса



А в станице Каневская Краснодарского края – на пролетарского писателя Горького

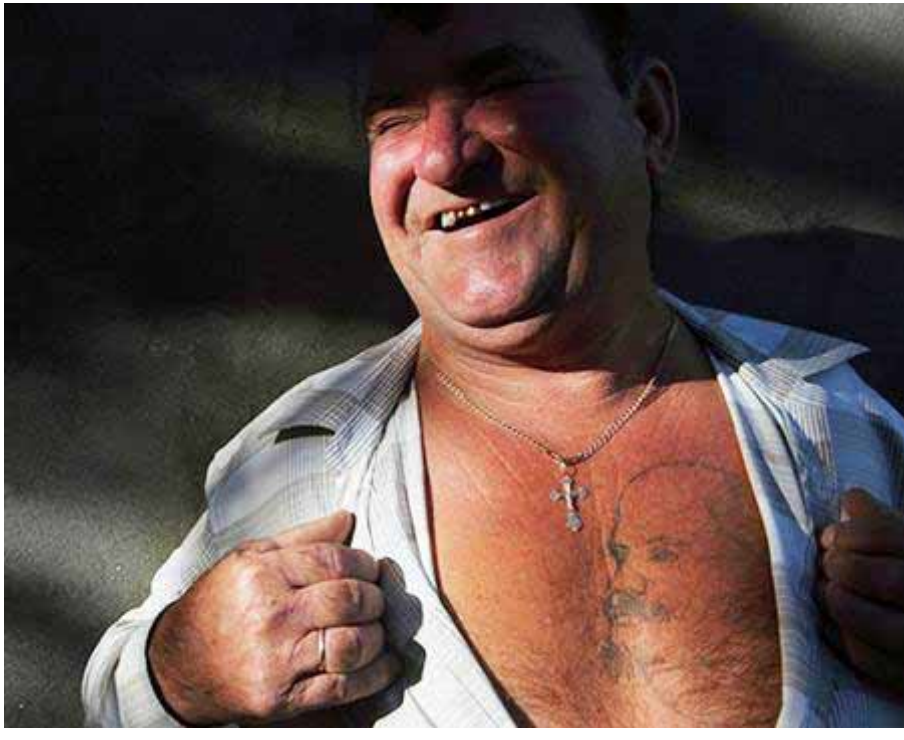


И неожиданный поворот темы

Мем [Ленин – В.О.Р]

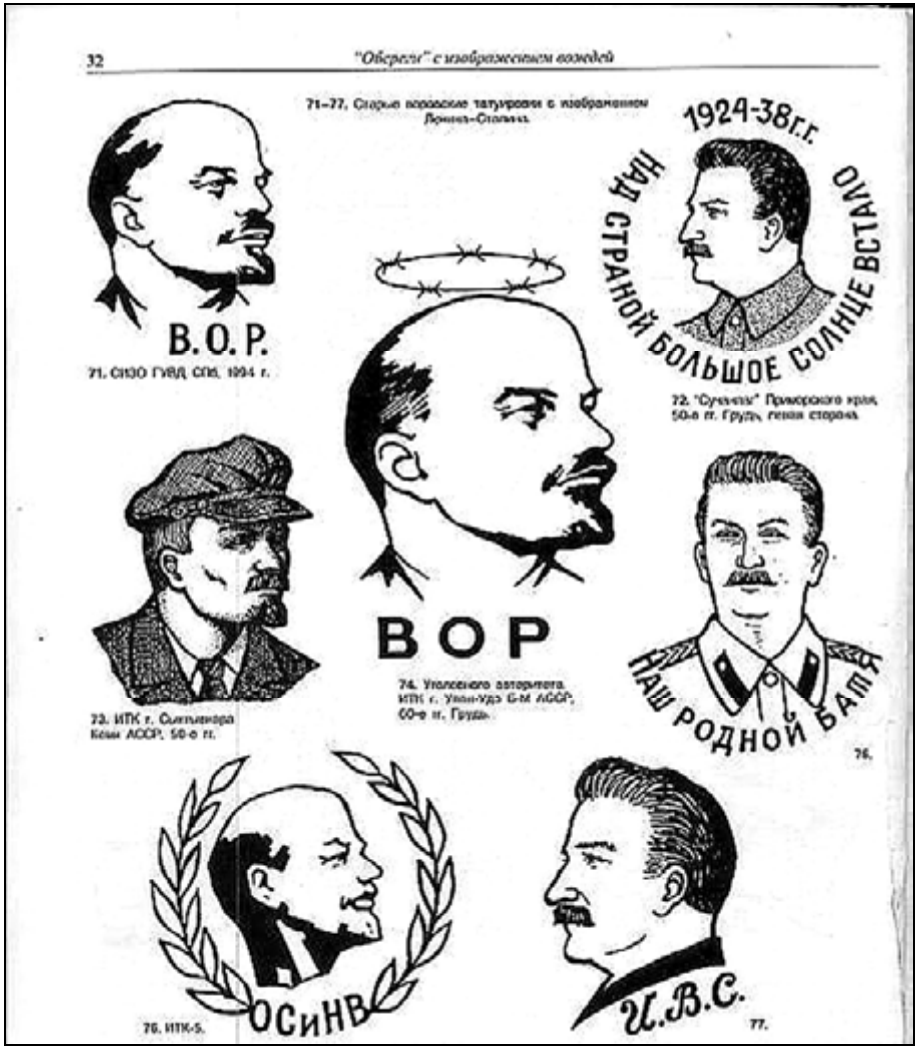
В XX кеке татуировка (наколка) практически всегда была признаком принадлежности человека уголовному сообществу, а допустимые графические символы и место их нанесения строго регламентировалось «понятиями» этого сообщества. Тем удивительней, что сразу после прихода большевиков к власти популярным сюжетом наколок стали портреты Ленина.

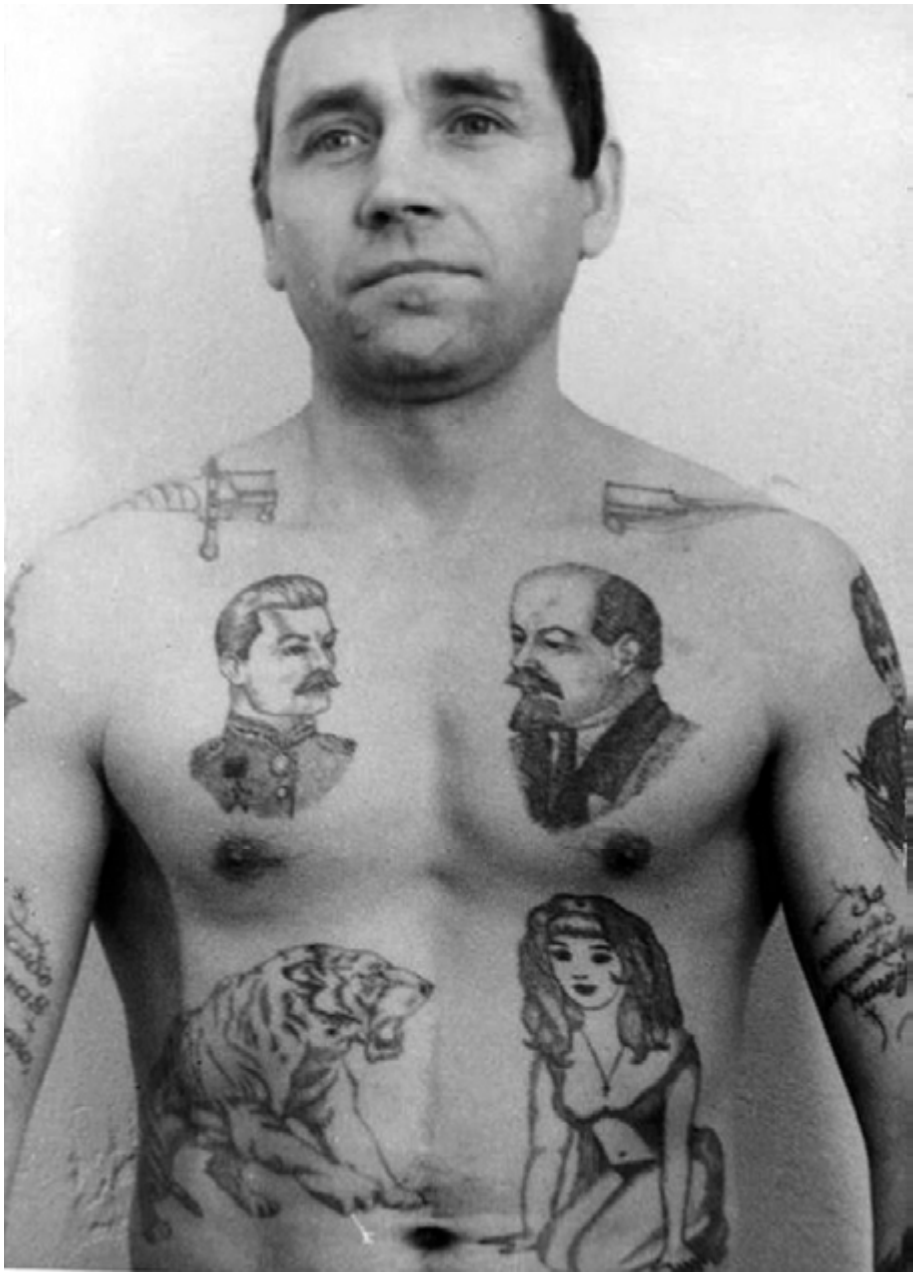
Есть две версии их появления. Первая – что это своеобразный «оберег» от расстрела, дескать не будут стрелять в вождя. Именно поэтому обаз Ленина чаще всего кололи на левой стороне груди или спины. Версия романтичная, но такой «оберег» вряд ли имел практическую ценность, так как приговоренным стреляли в затылок, а не в грудь, или спину.



Вторая, наиболее достоверная причина – признание Ленина равноправным членом группы «воров в законе». Ведь он тоже сидел в своё время! Так уголовники старались подчеркнуть свое привилегированное положение, то есть причастность к определенной элите зеков – «паханов», находящихся у власти.

Отсюда такие популярные в уголовной среде аббревиатуры: ВОР – «Вождь Октябрьской Революции» и ОСИНВ – «Он сидел и нам велел».





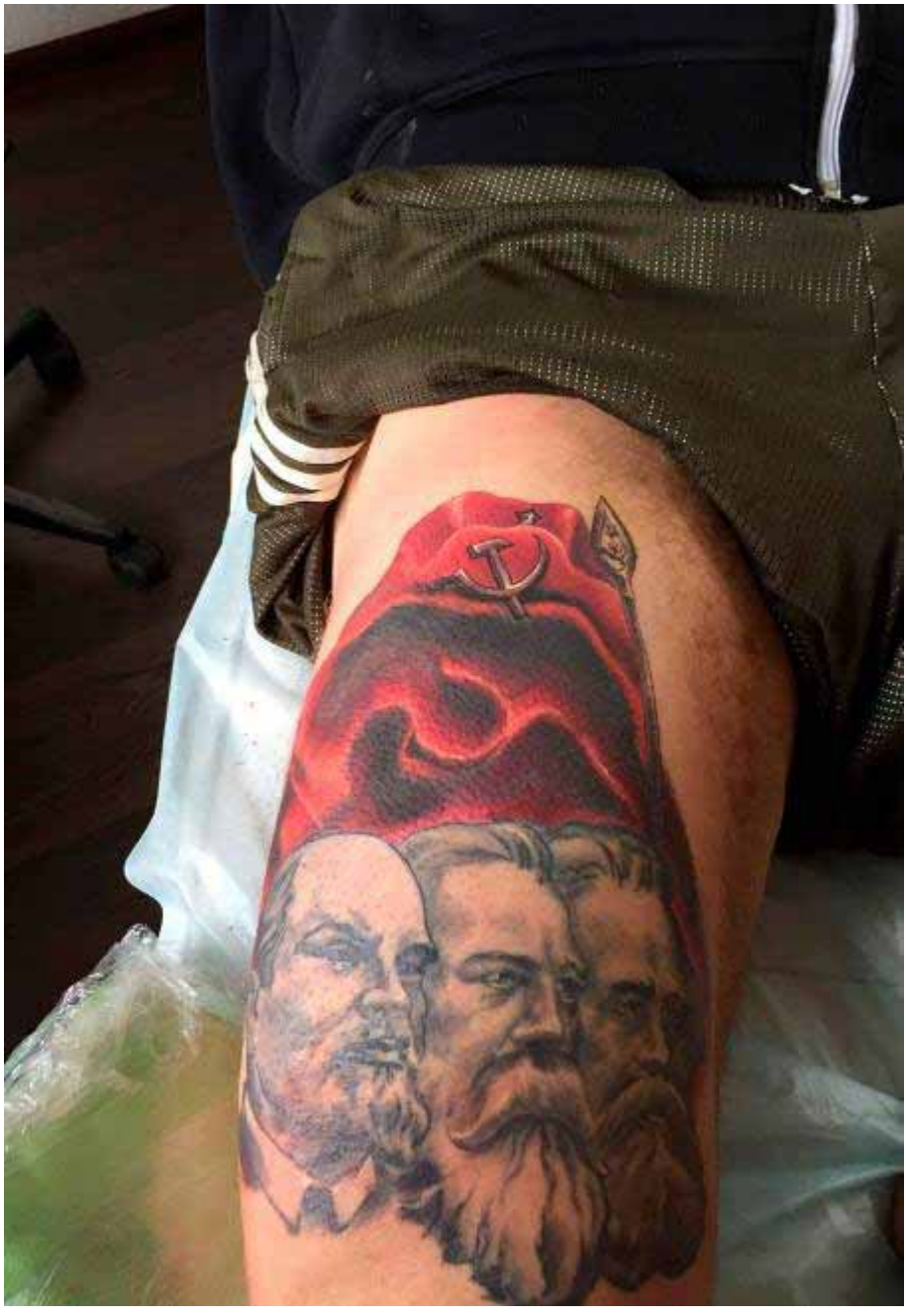
Тату с изображением Ленина делают и сейчас. Но, если, раньше это были плакатные профили и портреты вождя, то теперь появилось творческое разнообразие.





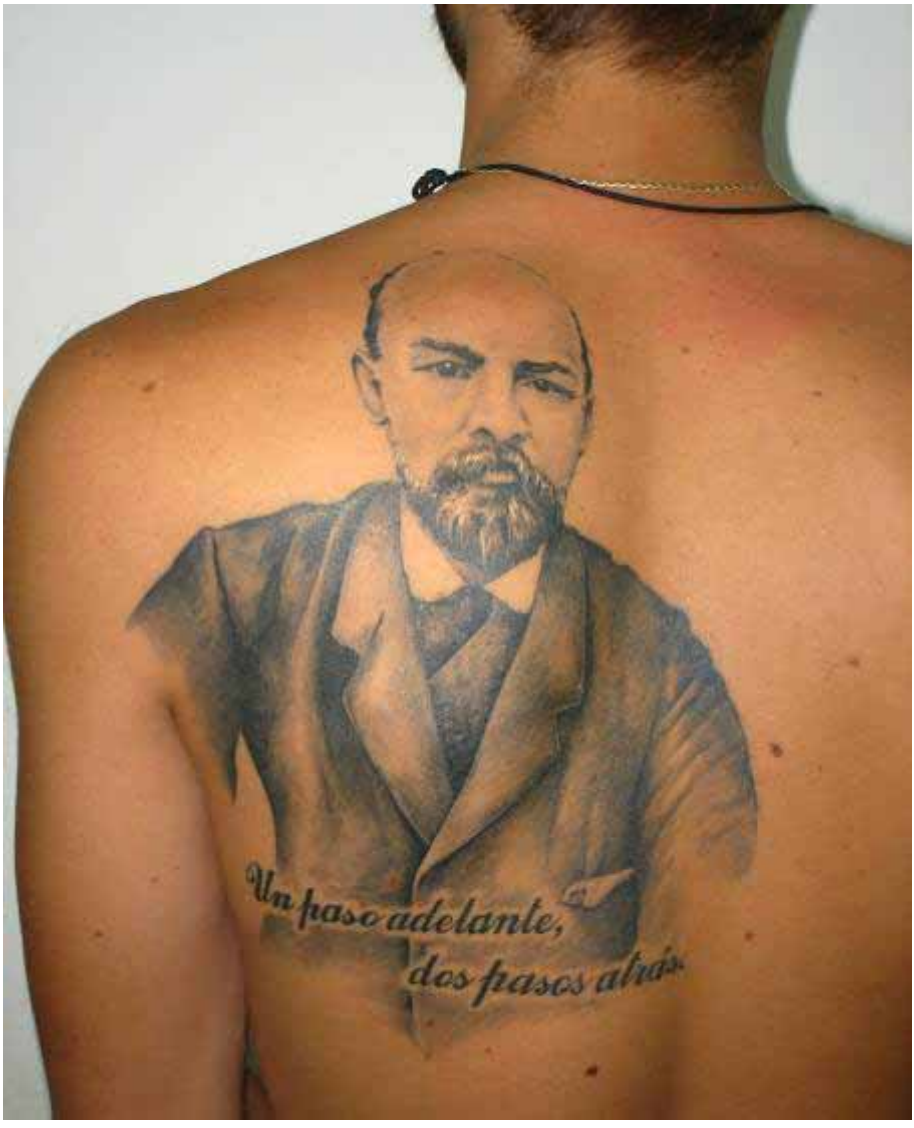
И самое главное – уголовная субкультура наколок (и не только она) вышла за пределы тюремной зоны и овладела массами.





Татуировка на бедре новообращённого гражданина России бойца ММА Джеффа Монсона

Как мы видим, идеи Ленина продолжают жить и побеждать в мировом масштабе. Перед нами прекрасный конспект основополагающей работы В.И. Ленина[718]на испанском языке.



Paso adelante dos pasos atrás – шаг вперёд, два шага назад (исп.)

[718] «Шаг вперёд, два шага назад (Кризис в нашей партии)» – книга В.И. Ленина, написанная с конца января по начало мая 1904 года. Издана в Женеве 6 (19) мая 1904 г.

Ленинский рынок



Аукцион на «Юле». Категория «Для дома и дачи», подкатегория «Оформление интерьера». Бронзовый бюст Ленина весом 35 кг. 1930-е гг. Продан в 2020 г.

Спросом пользуются не только антикварные образы вождя, хотя на многочисленных интернет-аукционах и предлагаются тысячи бюстов и скульптур, изготовленных еще при советской власти. Причем современные художники не только повторяют канонические сюжеты, но и создают оригинальные образы. Например, вы можете приобрести такую необычную, но все-таки узнаваемую фигурку пролетарского вождя.



Отдельного внимания заслуживает описание этой фигурки на сайте продавца:

«Статуэтка, выполненная по всем канонам советского искусства, напоминает *об историческом фоне нашей страны*, а также является милым сувениром и оригинальным предметом интерьера. Несколько измененные пропорции придают ей необычный вид, все остальные характерные признаки сохранены.

Достоинства представленной модели:

- портретное сходство, узнаваемость;

- прекрасно проработанный стиль одежды;
- конкретно направленная тематика.

Ровное положение тела, скромность и детальная художественная проработка знакомого образа – главные визуальные характеристики данной фигурки.

Данная скульптура понравится как туристам, так и тем, кто изучает историю России и СССР, а также *обладателям твердой политической позиции*. Она *имеет очевидный исторический фон, связанный с прошлым нашей страны, что делает ее осмысленным дополнением к интерьеру преподавателей, специалистов и исследователей.*

…Миниатюра имеет прекрасный оттенок, свойственный бронзовому сплаву – он придает изделию солидность, делает его ярким и примечательным».

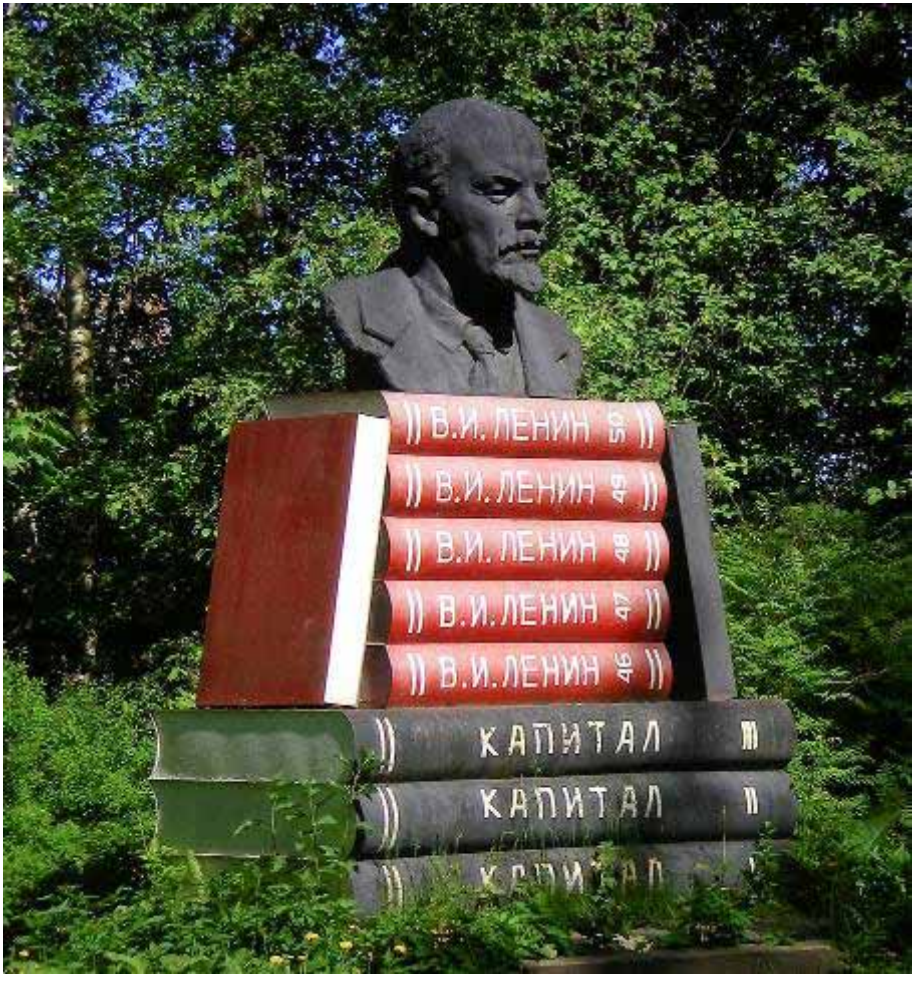
И, наконец, лидер рынка – садовая скульптура ручной работы «Маркс, Энгельс, Ленин», изготовленная в Германии для страдающих ностальгией бывших граждан ГДР и СССР.



Мем [Памятник Ленину]

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.

Владимир Маяковский.
«Во весь голос»



Поселок Вознесенье, Ленинградская область



Кубинка, Московская область





Инструментальный завод. Челябинская обл., г. Миасс



Памятник Ленину на дрезине на территории депо Октябрьской железной дороги. Скульптор Исаак Менделевич. 1925 г.



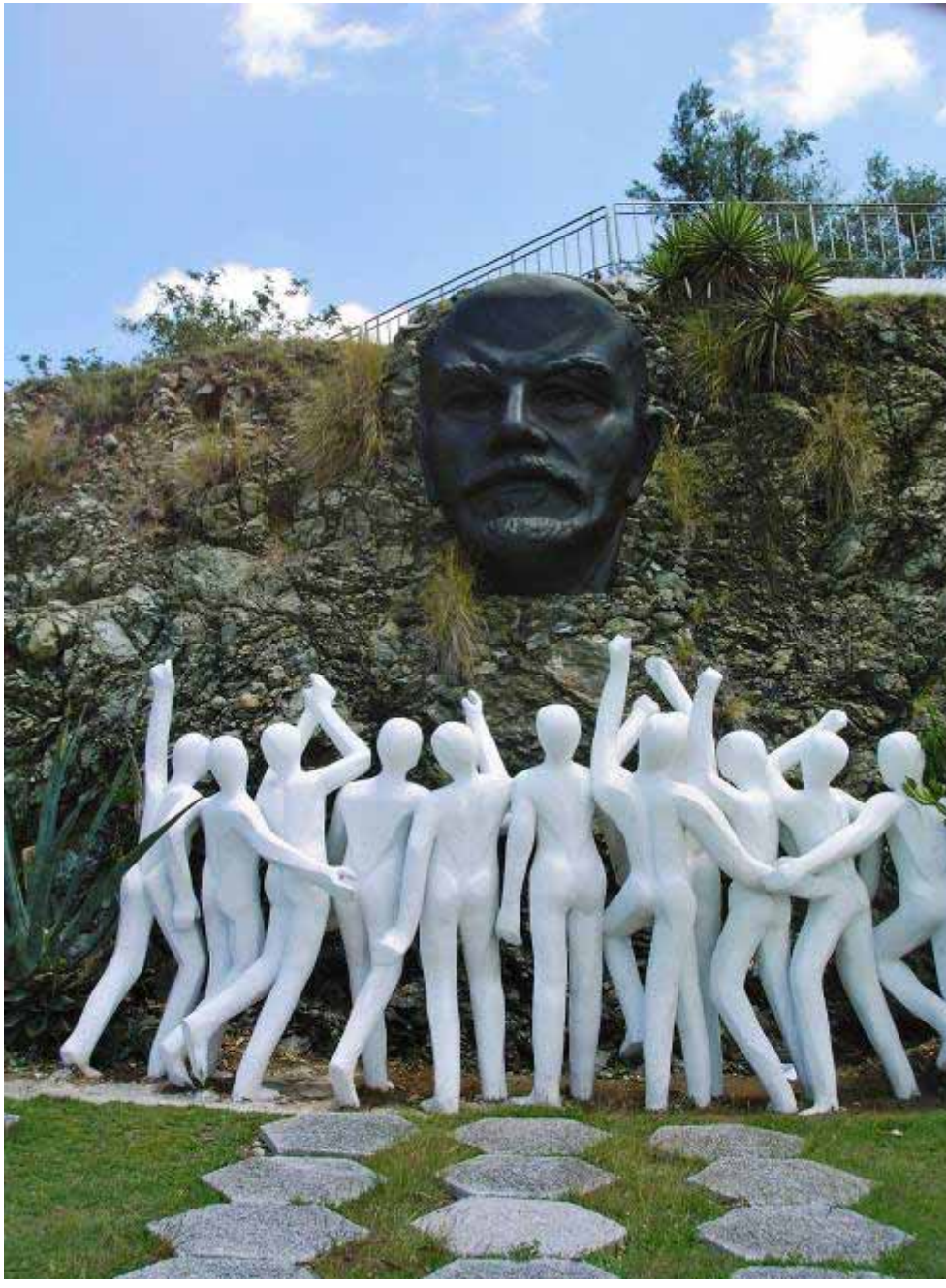
Лос-Анджелес, США. 6-метровый бюст установлен в декабре 2011 г. перед зданием музея-галереи современного искусства Ace Museum Авторы монумента – китайские художники, братья Гао (Gao Brothers), а его полное название «Мисс Мао пытается удержать равновесие на голове Ленина» («Miss Mao Trying to Poise Herself at he Top of Lenin's Head»)



США, г. Сиэтл. Этот памятник был вывезен из словацкого города Попрад. Частное владение. На рождество Ильича украшают как новогоднюю ёлку. На переднем плане – реклама пельменной «Царь» (Russian dumplings)



Дания, г. Хернинг. В начале 1990-х памятник был вывезен из латвийского города Елгава. Теперь монумент носит название «Lenin er død» (Ленин умер)



Гавана, Куба



Этот памятник Ленину стоит в курортной деревне Морджим на Гоа



Ленин на «Линии Сталина» под Минском. Фото Альфреда Микуса. 2016 г.



Ленин на Дунае. Будапешт. 2008 г.

Мутации мема [Памятник Ленину]

> Произнося слово «увековечить», мы даже не задумываемся, насколько смертны памятники. Как бы ни были они «ориентированы на вечность», средняя продолжительность их жизни соизмерима с человеческой.
>
> *Сергей Носов. «Тайная жизнь петербургских памятников»*

Как показывает мировая история, при всей своей монументальности памятники так же страдают от изменения политического климата и социальных катастроф, как биологические виды терпят ущерб от изменения климата Земли и планетарных катастроф. Вспомним, что не прошло и месяца со дня отречения Николая II, а в Киеве 29 марта 1917 г. уже праздновали «День революции» и снесли по этому случаю памятник Петру Столыпину.



Снос памятника П.А. Столыпину

Большевики ввели стихийное творчество масс в законные рамки, издав 12 апреля 1918 года декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О памятниках Республики»:

«В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера.

[…]

4) Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы…

[…]

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)
Народные комиссары: А. Луначарский
Сталин
Секретарь Совета Горбунов»

Двое из подписавших этот декрет, при всём их политическом чутье, вряд ли предвидели, что принятием этого документа они создают большие проблемы для сохранения собственной исторической памяти в будущем, а для своих преемников – прекрасный полигон для ритуального очищения.

Следуя прекрасному принципу «Учи не приказом, а трудом и показом», В.И. Ленин, исполняя пункт 4 этого декрета, 1 мая 1918 года организовал в Кремле снос памятного креста на месте убийства великого князя Сергея Александровича и лично в нём участвовал. Правда, нарушая пункт 1 того же документа, Ильич приказал отправить свергнутый памятник не на склад, а на свалку, причем участвовавшие во флешмобе сотрудники ВЦИК и Совнаркома вождю на эту ошибку не указали, а «подхватили верёвки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду»[719].

[719] *Мальков П.Д.* Записки коменданта Кремля.

Попав в XXI веке на территории многих постсоветских государств в неблагоприятную политическую среду [Памятник Ленину] начал мутировать, пытаясь приспособиться к новым условиям и избежать уничтожения.

Одна из первых таких мутаций произошла в 2012 году в столице Румынии в городе Бухарест. По словам автора художника Костина Ионицэ, целью его работы было показать отсутствие у граждан интереса к румынским политикам всех направлений. Розы, растущие из тела вождя (тонкий троллинг художника! – *С.Щ.*), символизируют этих политиков.



Может быть, Костина Ионицэ вдохновил лозунг Мао Цзедуна «Пусть расцветают сто цветов», но жители и гости румынской столицы единодушно называют этого мутанта Гидрой, что должно быть особенно обидно для Владимира Ильича, отдавшего лучшие годы жизни борьбе с гидрой контрреволюции.

На территории Украины на государственном учете насчитывалось более 4000 памятников вождю[720], поэтому здесь мы находим прекрасный букет мутаций мема [Памятник Ленину].

Прекрасный пример воли к жизни, так ценимой Ильичем, даёт нам история памятника на территории спортивно-развлекательного комплекса «Спортохота» в городе Черкассы.

До 2015 года одетый в охотничий камуфляж и с двухстволкой на плече, он приветствовал гостей комплекса, как бы напоминая, что «не надо бояться человека с ружьём!».



Но запрет пропаганды коммунистической символики вынудил вождя на радикальную мутацию – он отрекся от собственной личности, чтобы возродиться к своему 145-летию несомненным коренным жителем.

[720] Памятники истории и культуры Украинской ССР. Каталог-справочник. – Киев: Наукова думка, 1987.



Апрель 2015 г. Отметим несомненную толерантность сюжета – баня осталась русской





Художник и кинорежиссер из Одессы Александр Милов превратил памятник Владимиру Ленину на территории завода «Прессмаш» в памятник Владыке Ситху, Верховному главнокомандующему Имперской армии Дарту Вейдеру. Дарт Вейдер – не просто один из центральных героев саги «Звездные войны», но и популярный в Одессе политик, глава Интернет-партии. Именно поэтому в голову Тёмного Лорда встроен wi-fi-роутер, «раздающий» интернет окружающим, вызывая ассоциации с проектом скульптуры Ленина на Дворце Советов (в его голове предполагалось разместить источник знаний – библиотеку).

На пьедестале памятника написано: «Отцу нации от благодарных детей и пасынков».



Празднование 155-летия со дня рождения села Лозоватка, которое в 1862 году основали болгары-переселенцы. Памятник Ленину переделали в памятник Ангелу Диянову, легендарному основателю села. Запорожская область, Украина. 2017 г.



В Новоалексеевке Ильич стал основой для памятника автору первой украинской конституции Пилипу Орлику. Автор работы – местная учительница Юлия Луценко. Мутация Ленина обошлась в 7000 гривен, что существенно меньше стоимости демонтажа памятника. Запорожская область, Украина. 2017 г.



Памятник Ленину, который находится на базе отдыха «Скиф», напротив острова Хортица в Запорожской области приобрёл черты экс-президента Украины Петра Порошенко. Далеко не все увидели в скульптуре схожесть с Порошенко, некоторые пользователи сети решили, что памятник, скорее, напоминает российского артиста Геннадия Хазанова



Пётр Порошенко



Геннадий Хазанов



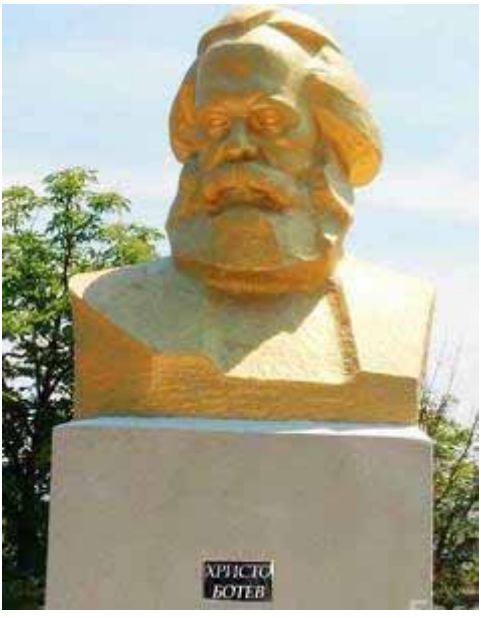
Бюст Оноре де Бальзака.
Скульптор Василий Бородай



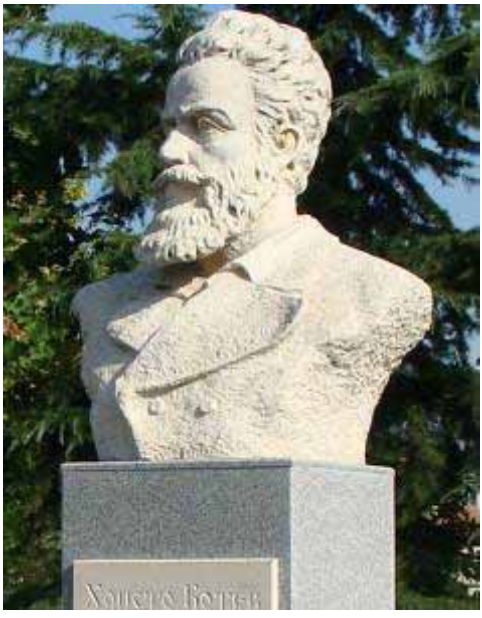
Бюст Оноре де Бальзака.
Скульптор Давид д'Анже

В украинской столице 21 сентября 2019 года на улице Бульварно-Кудрявская был открыт памятник писателю Оноре де Бальзаку к его 220-летнему юбилею (работа скульптора Василия Бородая). Монумент сразу же вызвал бурную дискуссию в соцсетях. Киевляне дружно обратили внимание на поразительное сходство лица французского писателя с вождём мирового пролетариата Владимиром Ильичем Лениным.

Возникают большие сомнения в том, что скульптура изначально изображала именно автора «Человеческой комедии». И не только потому, что она имеет явное сходство с Ильичем. Примечательно также и то, что бюст был создан еще в 1965 году, когда никаких круглых дат, связанных с Бальзаком, не было, но отмечалось 95-летие со дня рождения В.И. Ленина.



Карл Маркс, он же Христо Ботев



Христо Ботев

Интересна судьба памятника в селе Холмском Одесской области. Он был посвящен идейному отцу Ленина – Карлу Марксу. В 2016 году сельский совет принял постановление – переименовать бюст Карла Маркса в памятник Христо Ботеву, болгарскому поэту и национальному герою Болгарии (село было основано в 1830 году болгарскими переселенцами). При этом сам вид бюста нисколько не изменился – его лишь покрыли медной краской и *поменяли табличку* (!).

Думается, что Владимир Ильич одобрил бы такую мутацию – ведь он сам был большим мастером конспирации и большую часть жизни провёл под чужим именем!



За 18 лет эмиграции В.И. Ленин не удосужился посетить Болгарию, но потомки переселенцев из этой страны в Российскую империю неоднократно спасали [Памятник Ленину] от гибели в кампании декоммунизации.

Вот и жители села Зализнычное Одесской области, основанного болгарскими переселенцами в 1861 году, последовали примеру запорожской Лозоватки. В апреле 2020 года по решению сессии сельского совета памятник вождю революции и воинствующему атеисту переделали в скульптуру христианского святого III века Трифона – покровителя болгарских виноградарей. «Апрельские тезисы» в его правой руке заменили секатором для обрезки виноградной лозы, которую он держит левой рукой (в Болгарии виноградную лозу начинают обрезать 14 февраля в день памяти св. Трифона). Каноническую кепку заменила калпака – головной убор болгарских крестьян. Рядом со святым вождём стоит деревянный сосуд с вином – символ хорошего урожая.

Следует признать, что Зализнычный сельсовет оказался более последовательным, чем все марксистско-ленинские партии Старого и Нового Света – своим официальным решением он перевел Владимира Ильича Ленина (Ульянова) в разряд святых. Кроме того, это прекрасный маркетинговый ход, ведь рекламные слоганы «В нашем вине дело Ленина живет и побеждает!», «Призрак бродит в наших винах, призрак коммунизма» несомненно помогут захватить неплохой сегмент винного рынка.

И вновь продолжается бой…

В ноябре 2003 года в центре деревни Мымрино Орловской области вспыхнула политическая баталия, непосредственное участие в которой принял [Памятник Ленину].

В 1944 году в Мымрине родился лидер КПРФ Г.А. Зюганов. За полгода до описываемых событий дом, где прошло детство Геннадия Андреевича, был куплен москвичом Александром Головачевым, который объявил себя хранителем дома-музея Г.А. Зюганова. На доме была укреплена мемориальная табличка. В 2003 году в канун ноябрьских праздников господин Богомолов установил возле дома памятник Геннадию Зюганову, переделанный из памятника Ленину.


LACEMI
Fishki.net

«Заготовка» для изваяния была привезена в Мымрино из Москвы, после чего на ленинских плечах с помощью клея укрепили голову товарища Зюганова. Необычный способ создания скульптуры Вячеслав Богомолов объяснил так: «Была идея отлить памятник Зюганову, но не было денег». За основу памятника скульптор Мясоедов взял алюминиевую скульптуру Ленина и увенчал ее головой Зюганова, которую собственноручно изваял из гипса. Соединение двух материалов, по словам скульптора, – художественная метафора, отразившая противоречия эпохи реформ.

Установка памятника прошла незаметно – без митингов и пресс-конференций. Сам товарищ Зюганов о том, что в Мымрино ему поставили памятник, узнал только 9 ноября. 13 ноября в орловских СМИ было опубликовано его обращение к землякам, в котором он назвал установку памятника провокацией. Как заявил Геннадий Зюганов, эта акция направлена против «дела, которому я служу, моей партии и моих товарищей». Одновременно в Орле появилась листовка, где сказано, что товарищ Зюганов одобряет создание музея и благодарит земляков за внимание к его личности. Обком КПРФ немедленно выступил с опровержением, назвав листовку фальшивкой. Газета «Орловская правда» опубликовала «Открытое Заявление жителей села Мымрино Знаменского района Орловской области по поводу создания Дома-музея». «Мы, жители села Мымрино, – писали земляки Геннадия Зюганова, – оказались свидетелями и заложниками предвыборного спектакля[721], разыгранного у нас на глазах и озвученного на всю страну. Приезжие из Москвы люди, затратив много сил и средств, завладели бывшим домом родителей Зюганова и пустили слух, что хотят превратить его в музей. Они проделали мерзкую, грязную работу: собрали горе-экспонаты, изготовили никем не узаконенную доску и установили памятник с телом вождя революции Ленина и головой Зюганова».

Областные власти обратились к прокурору области и начальникам областных управлений МВД и ФСБ с просьбой проверить

[721] 7 декабря 2003 года состоялись выборы в Государственную думу Федерального Собрания России четвёртого созыва.

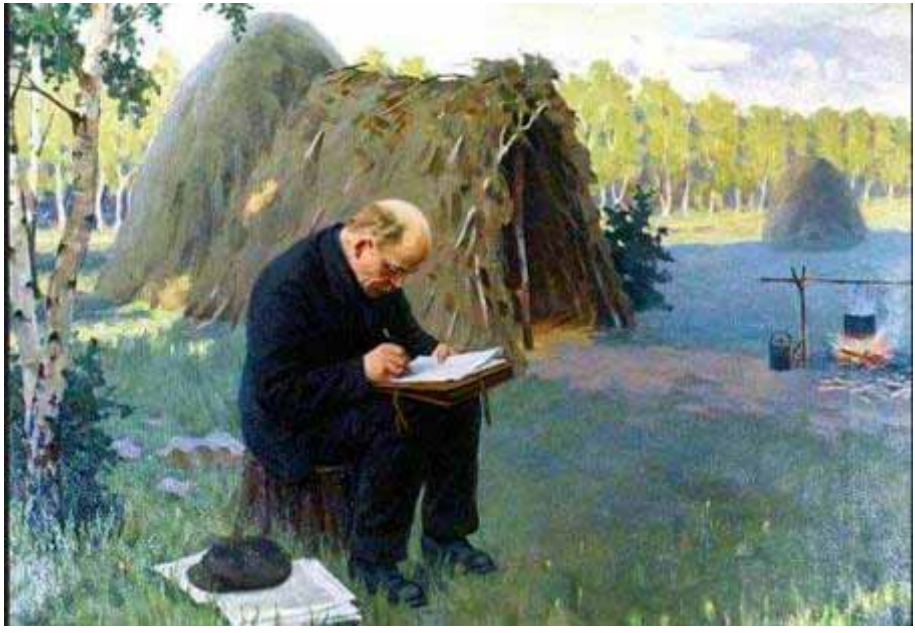


Дом Зюганова. Мымрино, Орловская область

законность создания дома-музея и установки памятника. После этого памятник исчез, но табличка на доме с посвящением «видному деятелю КПРФ и международного рабочего движения, который жил в этом доме с 1958 по 1970 год» осталась.

Вот таким образом через 80 лет после смерти самого вождя [Памятник Ленину] стал не только свидетелем, но и участником бескомпромиссной политической борьбы коммунистов со ставленниками буржуазии, а мемориальный Ильич всем телом ощутил поддержку земляков коммуниста Зюганова.

Самоизоляция



Ленин работает «на удаленке». (Картина «В.И. Ленин в Разливе у шалаша. 1917 г.». Худ. М. Соколов. 1947 г.)

О защите вождя от вирусной угрозы позаботились во многих городах и странах.



Вологда



Екатеринбург



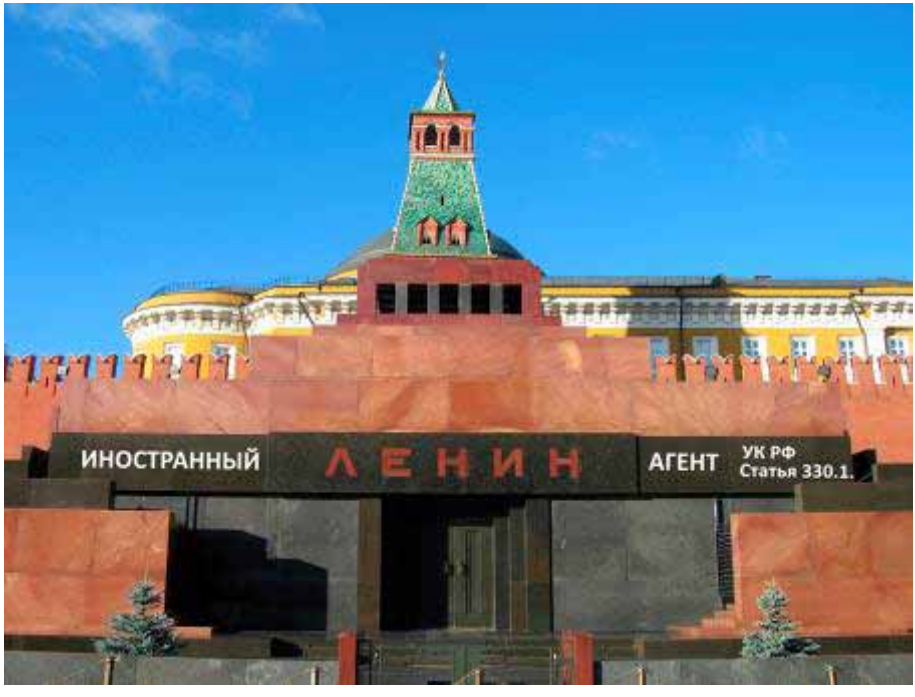
Площадь Ленина. Кавриаго, Италия



Магазин с русской атрибутикой. Токио. Япония. Заботливые японцы согрели вождя шапкой и шарфом

Мем [Ленин – иноагент]

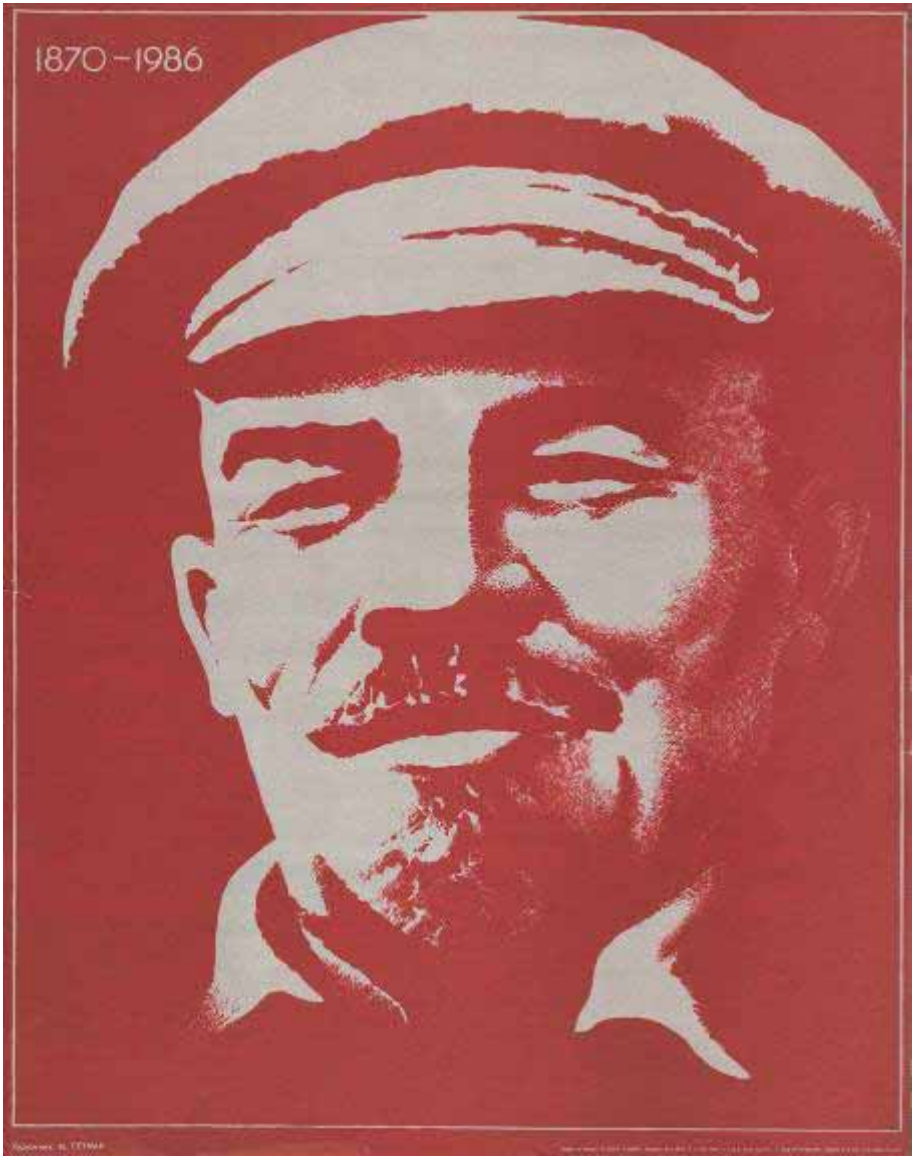





- А окромя шалаша, который вам кайзер подарил, ещё недвижимость имеется?


Иноагент Ленин
приказывает
иноагенту Дзержинскому
создать ВЧК
для борьбы
с иностранными агентами

Ленинская загадка



Казалось бы стандартный советский плакат художника М. Гетмана при внимательном рассмотрении вызывает неразрешимый вопрос: что означает вторая дата после тире в верхнем левом углу?

116-ю годовщину со дня рождения? Но такие не круглые даты никогда не отмечались даже в ленинском культе. Художник ошибся, и написал «1986» вместо «1985»? Но и эта версия не проходит, так как плакат был подписан в печать 30 мая 1985 года, когда негромкий 115-й юбилей со дня рождения Ильича уже миновал.

Но что ожидалось, точнее, что произошло в апреле 1986 года? Правильно, Чернобыльская катастрофа! И не говорите, что гениальный вождь нас не предупреждал!



Представитель финского посольства проверяет уровень радиации рядом с Чернобыльской АЭС в городе Припять, Украина. 24 апреля 1999 г.

* * *



Жители Шадринска (Курганская область) восстановили историческую правду, наконец-то соединив главных вождей Октября Ленина и Троцкого на углу улиц Ленина и Карла Либкнехта. 2020 г.



Указатель имен

А

Абрамов А. – 447
Абрамов А.С. – 77, 78, 298, 338
Абрамов М.А. – 232
Абрамова О. – 12, 338
Абрамочкин Ю. – 254
Аввакумов Ю. – 456
Авенариус Р. – 46, 156, 157
Авторханов А. – 228, 273
Агеносов В.В. – 165, 169
Адлер М. – 227
Адоратский В.В. – 58, 112, 379
Аксельрод Л.И. – 227
Аксельрод П.Б. – 37, 39–41, 157, 227
Акульшин П. – 442
Александр I – 193
Александр II – 67, 193, 360, 409, 423
Александров А.М. – 180
Александров Е. – 533
Александров П.С. – 416
Александровский В. – 59
Алексеев В. – 90
Алексий II – 297
Алексинский Г.А. – 243, 416
Альтман Н.И. – 183, 184
Амиантов Ю.Н. – 302
Андерсон К. – 328
Андреев Д.А. – 13, 15, 227
Андреева Н. – 265
Андропов Ю.В. – 185, 204, 313, 347, 440
Аникушин М. – 183
Анкудинов Л. – 559
Анненский Н.Ф. – 61
Антонин, епископ – 470
Арабов Ю. – 385
Ардов Б. – 184
Ардов М. – 184
Аринич И. – 539
Арманд В. – 72
Арманд И. – 48, 49, 72, 185, 211, 213, 288, 303, 304, 343–345, 437, 476, 498, 500
Аронов А. – 558
Аросев А.Я. – 89, 90
Артамонов В.А. – 469
Арутюнов А.А. – 297, 342
Арцрунян Э.С. – 272
Асеев А. – 471, 497, 521
Афанасьев Ю.Н. – 217, 252, 253, 357
Ахапкин Ю.А. – 302
Аюпов Р. – 386
Аюханов Б. – 529

Б

Бабиченко Д.Л. – 120
Багдасарова А. – 343
Базанов С.Н. – 469
Байрау Д. – 120
Бакман К. – 339
Бакунин М.А. – 410
Балабанова – 230
Баландина А. – 455
Балаян Л. – 425
Барабаш В.В. – 15
Барбюс А. – 257
Барнет Б. – 105
Басинский П. – 490, 492, 494
Баталов А. – 184
Батишев А. – 589
Баткин Л. – 293, 473
Батчиков С.А. – 393
Бауэр О. – 179, 227
Бебель А. – 352
Бедный Д. – 70
Белмас А. – 190
Белобородов А. – 402, 483

Белов В. – 265
Белов С.В. – 86
Белохвостикова Н. – 210
Беляков А.А. – 153, 154
Берберова Н. – 243
Бердяев Н. – 246, 382, 465
Берия Л.П. – 114, 148, 313, 479
Бернар Э. – 49
Бернштейн Э. – 191
Бестужев-Лада И.В. – 276
Бетховен Л. ван – 592, 593
Бехтерев В.М. – 347
Биггарт Дж. – 375
Биллик В. – 264
Бланк А.Д. – 89, 90, 144, 145, 162–165, 186–189, 335–340, 506
Бланк Д.Д. – 186
Бланк М. – 90, 336–340, 342
Блюм А.В. – 108, 125, 145
Блюхер В.К. – 452
Бобков Ф. – 293
Бовин А.Е. – 182
Богданов А. – 46, 116, 157, 363, 375, 469
Богданов И. – 188
Богданов К.А. – 194
Большеменников А. – 120
Бондаревский А.В. – 459
Бондарчук С. – 211, 212
Бонч-Бруевич В.Д. – 57, 84, 85, 186, 544
Бордюгов Г.А. – 13, 66, 234, 248, 250, 253, 254, 276, 278, 301, 314, 331, 495, 513
Борев Ю. – 512
Борисов Ю.С. – 258, 259
Бородулина Г. – 12, 338
Борухов Г. – 62
Бош Е. – 306
Брагина Н. – 315
Брайович С.М. – 232
Брауэр А. – 188, 335
Брежнев Л.И. – 11, 177–180, 182, 199, 205, 206, 209, 216, 294, 319, 440
Брезкун С.Т. – 479
Брешко-Брешковская Е.К. – 317
Бугай Н.Ф. – 468
Буденный С.М. – 54
Буков К.И. – 227
Булак-Балахович С. – 306, 307
Булатов Э. – 223
Булдаков В.П. – 308, 314, 316, 317, 331, 355, 356, 371
Булкин С. – 580
Бумке О. – 347
Бунин И.А. – 9
Бургина А. – 164
Буренин Н.Е. – 155
Бурлацкий Ф.М – 12, 259
Буртин Ю. – 381–383
Бурцев В.Л. – 416
Бутаков Я.А. – 474, 475
Бухараев В.М. – 236
Бухарин Н.И. – 46, 62, 88, 120, 122, 159, 170, 190, 238, 242, 247, 248, 255, 257, 260, 262, 270, 277, 332, 355, 363, 368, 369, 372, 375, 431
Бушин В.С. – 487
Буянов М.И. – 347–349, 487
Быков Д. – 100, 504, 505
Бычкова М.Е. – 337

В

Вагнер Р. – 117, 500
Вада Харуки – 442, 444
Валентинов Н. – 31, 32, 35, 39, 155–157, 162–164, 206, 207, 227, 230
Валк С.Н. – 88
Валлуа Е. – 51
Васецкий Н.А. – 228, 265, 369, 370
Васильев П. – 123
Васильев С. – 320
Васютин Ю.С. – 236, 237
Васяев А.А. – 487
Введенский А. – 470
Вебер М. – 351
Вейнберг П.И. – 61
Великанова О.В. – 12, 349–351
Венециано Дж. – 586

Веретенников Н. – 132
Верн Ж. – 424
Вернадский В.И. – 358
Вернадский Г.В. – 94
Вертов Д. – 105, 130
Виленский (Сибиряков) Вл. – 86
Виллерс У. – 188
Вильсон В. – 321
Вирабов И.Н. – 193
Владимирский – 304
Водовозов В. – 394
Водовозова М.И. – 61
Водолазов Г.Г. – 222, 223, 275
Вознесенский А. – 170–172, 192–194, 288, 539
Войнович В. – 384, 385
Войтинский В.С. – 227
Волин В. – 142
Волков Г. – 158
Волков С. – 173
Волков Ф.Д. – 357
Волкогонов Д.А. – 55, 177, 245, 246, 263, 266–268, 275, 282, 300, 309–314, 317, 319, 321, 322, 337, 343, 358, 385, 457, 478, 487
Волобуев П.В. – 241, 321, 357
Володарский В. – 274
Володичева М.А. – 261, 406
Вольтская Т. – 151
Вордлоу Г. – 474
Воровский В.В. – 474
Воронский А. – 46
Ворошилов К.Е. – 80, 274
Воскресенская З. – 549
Врангель П.Н. – 452, 462
Выжутович В. – 495
Вязников Л. – 535

Г

Гаврилов Ю.А. – 218
Гавричков М. – 415
Гагарин Ю.А. – 220, 448
Гаер Д. – 231
Гайдай А.Ю. – 450
Гайдай Л. – 290, 291
Гайдар Е.Т. – 357
Гайер Д. – 189
Гайкович М. – 501
Галкин А.А. – 259
Гао, братья – 605
Гардинг Н. – 208
Гарибальди Дж. – 95
Ге Н. – 135
Гегель Г.В.Ф. – 32, 328, 358, 417
Геловани М. – 147
Гельфанд (Парвус) А. – 161, 213, 413, 416, 475, 479
Генд-Роте В. – 47
Генис А. – 172, 173
Герцен А.И. – 9, 327, 410
Гессен Ю. – 340
Гёте И.В. фон – 160
Гетье Ф.А. – 226, 348, 485, 487
Гефтер М. – 255, 256
Гимпельсон Е.Г. – 308, 309
Гимпу М. – 296
Гинзбург С. – 144, 145
Гинцбург М.А. – 340
Гитлер А. – 307, 390, 426, 452, 502
Главацкий М.Е. – 236
Глазьев С.Ю. – 393
Глухас Л. – 181
Голиков В.А. – 180, 182
Голицына Н. – 479
Голль Ш. де – 391
Головань С.А. – 469
Голодько А. – 154
Голощекин Ф.И. – 323, 325, 401
Голубев А.В. – 373
Голубева Е.И. – 236
Гончаров В.Н. – 358
Гончаров И.А. – 178
Горбачев М.С. – 11, 131, 220, 222, 263
Горев Б. – 91
Горинов М.М. – 235, 365–367
Городецкий Е.Н. – 192

Горький М. – 46–48, 58, 59, 95, 97–100, 194, 227, 288, 353, 386, 592, 593
Грецкий М.Н. – 232
Григорьев М. – 291, 292
Григорьев Ю.В. – 75
Гринштейн И. – 549
Гросул В.Я. – 468
Грошопф А. – 163, 164, 336, 337
Губарев – 112
Губарев В. – 561
Губин А. – 491
Гулыга А.В. – 278
Гуль Р. – 125, 126, 271
Гумилев Н. – 348
Гурджиев Л.К. – 481
Гусев К.В. – 217
Гусляров Е.Н. – 89
Гэтрелл П. – 329

Д

Д'Анкосс Э.К. – 418
Давидян И. – 419, 420, 438
Дан Ф.И. – 44, 52, 142
Данилкин Л. – 490, 492–495, 507
Данилов А.А. – 365, 367
Данилов В. – 265
Данько Н.Я. – 96
Дарвин Ч. – 62
Девятов С.В. – 469
Дедков Н.И. – 319, 321
Дейч Г.М. – 335
Делянов И.Д. – 574
Деникин А.И. – 155, 380, 452, 462
Джакометти А. – 289
Джеллетли Р. – 427
Дзержинский Ф.Э. – 66, 123, 147, 185, 270–272, 304, 452, 477, 512
Дмитренко В.П. – 235, 365, 367
Добровейн И. – 593
Добронравов Н. – 216
Довлатов С. – 287, 291
Донской М. – 148, 149, 196, 197, 209, 210
Донцова – 479
Достоевский Ф.М. – 9, 298
Драбкина Е. – 255
Дробижев В.З. – 234
Дьюкс П. – 232
Дьяконов – 534
Дэвлин Дж. – 137
Дэниелс Р. – 161, 366
Дэниэлс Р. – 373

Е

Евграфов В.Е. – 160
Евграфова Е. – 298
Евдоким, митрополит – 470
Евтушенко Е. – 193, 194, 428–430
Егоров А.И. – 54, 483
Ежов Н.И. – 112, 114
Екатерина II – 294
Еленок Т.Д. – 540
Елизаров М. – 153, 186, 193
Елфимов Г. – 188
Ельцин Б.Н. – 11, 12, 242, 296–298, 313, 387, 525
Емельянов А. – 321
Емельянов Ю.В. – 422, 469
Енко К. и Т. (Ткаченко В.Г., Ткаченко К.В.) – 424
Енукидзе А. – 77
Ермилов В. – 120
Ермоленко Д.С. – 416
Ерофеев В. – 228, 288
Есин С. – 430–432
Ефимов Б. – 240
Ефимова Е. – 567, 568
Ефремов О. – 287

Ж

Жад К. – 211
Желябов А.И. – 352
Жижек С. – 417
Жириновский В.В. – 457
Жирнов Е.М. – 224, 226
Жорес Ж. – 391

Жук Г. – 154
Жульен Р. – 135

З

Загладин В.В. – 180
Залкинд С. – 340
Залысин И. – 253
Засулич В.И. – 40, 41
Захаров М. – 219, 357, 390
Збарский Б.И. – 114
Збарский И. – 77
Зевин В.Я. – 160
Зеленое М.В. – 88
Земан З. – 158, 161, 191, 243
Зильберштейн И.С. – 32
Зиновьев Г.Е. – 46, 56, 62, 67, 81, 90, 120, 122, 125, 167, 170, 190, 238, 244, 259, 260, 262, 301, 348, 353, 363, 365–371, 401, 431, 476, 526
Золотухин В. – 192
Зотова З.М. – 236
Зощенко М. – 133, 135
Зыгарь М. – 434
Зыков А.И. – 99

И

Иван Грозный – 409
Иванов А. – 552, 559
Иванов В. – 263
Иванов М. – 539
Иванова Г.М. – 139, 335
Иванова И.И. – 335
Иванова И.М. – 186
Иванский А.И. – 28, 82, 154
Ивашко В.А. – 239
Иезуитов Н. – 129
Иисус Христос – 358, 417, 454
Илий, схиархимандрит – 455
Ильин И. – 388
Ильин И.А. – 46
Ильичев Л.Ф. – 160
Ильясов Ф.Н. – 316
Инбер В. – 169
Ингерфлом К.С. – 32, 326–328
Иогансон Б.В. – 574
Иофан Б. – 131, 132
Иоффе А.А. – 277, 403
Иоффе Г.З. – 299, 401, 403–405, 484
Ипатьев Н.Н. – 313
Истомин И. – 587
Исхаков С.М. – 469

К

Кабанов В.В. – 331
Каганович Л. – 137
Казакевич Э. – 165, 167, 169, 194
Казаков А. – 487
Калинин М.И. – 116, 470
Калмыкова А.М. – 61
Каменев Л.Б. – 46, 55, 63, 90, 120, 122, 159, 190, 242, 259–262, 301, 348, 364, 366–369, 371, 431, 476, 486, 493
Кан А.С. – 310
Кантор Ю.З. – 483, 484
Канщиков А. – 570
Каплан Ф. – 437, 501, 502
Каплер А. – 128, 129
Кара-Мурза С.Г. – 393
Карасик Ю. – 198, 199
Карпецов С. – 390
Карпович М. – 155
Каррик В. – 61
Картер Д. – 216
Карякин Ю. – 219, 297, 298, 321, 358
Катаев В. – 165, 167, 169, 194
Катасонов В. – 472
Каутский К. – 37, 227, 303, 419, 421
Кашеваров А.Н. – 78
Каюров Ю. – 172, 198, 199, 209, 211
Кеннан Дж. – 300
Керенский А.Ф. – 26, 27, 208, 397, 408, 410, 414, 458, 492
Керенский Ф. – 26–28
Кирилл, патриарх – 434, 455
Кириллов В. – 59

Кириллова Е.Е. – 89
Киров С.М. – 158, 448
Кирчик О. – 293
Киселёв Д. – 451, 452
Кислицын С.А. – 236
Кларк Р. – 229, 230
Клемансо Ж. – 321
Клемперер Г. – 348
Клещевский В.А. – 360
Клюев Н. – 69
Коваленко Н.С. – 459, 469
Ковальченко И.Д. – 241, 402
Ковальчук М. – 461
Ковнатор Р. – 135
Коган А.И. – 316
Кожевников А.М. – 485
Кожемяко В.С. – 487, 507
Кожинов В. – 342
Козлов В.А. – 248, 250, 253, 254, 276, 278, 331
Козлов Я.В. – 15, 162, 300, 331, 440, 469, 477, 479, 480, 484
Кокэн Ф. – К. – 280
Колганов А.И. – 413
Колесов Д.В. – 361
Коллонтай А.М. – 210, 266, 300, 567
Колодный Л. – 400, 401
Коломнин С. – 301
Колоскова Т. – 12, 296, 338
Колосов С. – 386
Колчак А.В. – 322, 323, 452, 462, 483, 484
Комар В. – 435, 443
Конквест Р. – 271, 273, 282
Коновалова Ж.Ф. – 79
Константинов Ф.В. – 160
Копейкин Н. – 430
Кораблев Ю. – 264
Корнеев В.В. – 300, 469, 477, 479, 480, 484
Корниенко С.И. – 236
Корнилов Л.Г. – 9
Коровин В. – 171
Коротич В. – 220
Косолапов А. – 582
Косолапов Р.И. – 357
Костиков В. – 242, 249, 252, 321
Костин А.Ф. – 207, 208
Костюковский А. – 288
Костягина В.М. – 322, 361, 390, 475, 489
Косульников А.П. – 160
Косыгин А.Н. – 177
Котеленец Е.А. – 12, 234
Кочетов В. – 194
Кочетова А. – 470
Кошелева Л.П. – 301
Коэн С. – 5, 270, 282, 285, 287
Крамер В.В. – 485, 487
Красин Л.Б. – 127, 270, 281, 363
Красин Ю.А. – 259
Краснов П.Н. – 452
Краус Т. – 317, 319, 418
Крестинский Н.Н. – 66, 159, 304, 478
Кржижановский Г.М. – 152, 154
Кривякина Е. – 403
Кристи А. – 424
Кроль М.Б. – 348
Кропоткин П.А. – 410
Крупская Н.К. – 37, 75, 76, 82, 95, 112, 114, 115, 119–121, 129, 130, 154, 158, 163, 186, 198, 220, 224, 274, 343–345, 359, 372, 379, 399, 418, 437, 493, 498, 500, 536, 550, 551
Крыленко Н. – 139
Крысанов – 182, 183
Кувакин В.А. – 223, 224
Кудинов Д. – 448
Кузина С. – 119
Кузнецов В. – 299, 357
Кукушкин Ю.С. – 241
Кун М. – 363
Куприн А.И. – 9, 227
Курашвили Б.П. – 275, 276
Куренышев А.А. – 469
Курехин С. – 292
Курляндский Д. – 500

Л

Лабас А. – 103, 104
Лавров А. – 441
Лавров В.М. – 421–425, 475, 476
Лавров К. – 210
Лавров П.Л. – 410
Лазуркина Д. – 173
Лакан Ж. – 417
Лалаянц И. – 28
Лангеноль А. – 12
Ларин Ю. – 304, 305
Лассаль Ф. – 62, 95
Латышев А. – 302
Латышев А.Г. – 300, 302, 303, 305, 309, 310, 323, 343, 357
Лафарг Л. – 37
Лафарг П. – 37
Лацис О. – 275
Лашманова Л.Н. – 227
Левада Ю.А. – 221
Леви П. – 227
Левин М. – 282, 374
Левина З. – 154, 160, 374
Левинсон А.Г. – 221, 295
Левицкий А.А. – 529
Левицкий С.А. – 325
Лежнев И.Г. – 397
Лейдерман Н.Л. – 171
Леонардо да Винчи – 358
Леонов С.В. – 235
Леонтьева О.В. – 469
Лермоло Е. – 158, 190
Ли Л. – 419–421
Либкнехт К. – 612
Лигачев Е. – 357
Линке Х. – 474
Липовецкий М.Н. – 171
Лисичкин Г. – 275
Литвин А.Л. – 12, 429
Лихачев Д.С. – 297
Ллойд Джордж Д. – 321
Логачев Ю. – 396, 478
Логинов В. – 210, 248, 250, 302–306, 342, 394, 395, 429, 487, 496, 498
Логунов А.П. – 236
Ломоносов М.В. – 96, 108, 220
Лонской В. – 290
Лопухин Ю.М. – 299, 484
Лузгаев М.А. – 567
Лукач Г. – 92, 94
Лукашенко А.Г. – 296
Луначарский А.В. – 46, 59, 69, 269, 363, 364
Любарец А.В. – 450
Любимов В. – 489
Людвинская Т.Ф. – 114
Людендорф Э. – 477

М

Мавроди С. – 296
Магомет – 358
Майсурян А.А. – 314, 380, 395, 397, 399, 400, 408
Макдауэлл М. – 290
Максименков Л. – 119, 120, 131, 440, 442
Максимов В. – 288
Максимов Г. – 127, 142
Малиа М. – 282, 283
Малкаева И. – 135
Мальков П. – 501, 502
Малютин Г.А. – 469
Мандельштам М.Л. – 32, 33
Маннергейм К. – 452
Мануйлов В.И. – 232
Марголит Е. – 105, 130, 149, 185, 385, 386
Маркс К. – 32, 33, 35, 37, 39, 62, 63, 82, 84, 94, 111, 122, 128, 139, 163, 170, 217, 220, 232, 246, 247, 257, 278, 316, 325, 358, 377, 417, 427, 441, 517
Мартов Ю.О. – 41, 85, 157, 213, 227, 351, 361, 362, 493
Маслов Н.Н. – 192
Матвиенко В. – 390

Мах Э. – 156
Маяковский В.В. – 70, 100, 105, 106, 170, 171, 551, 577, 602
Маякшин К.И. – 207
Мебиус Ю. – 36
Медведев В.А. – 241
Медведев Д.А. – 433
Медведев М.А. – 323, 325
Медведев Р.А. – 263, 273, 275, 313
Мезенцев С. – 517
Мейндорф М.Ф. – 416
Меламид А. – 435
Мельгунов С. – 243, 457
Мельников К. – 77
Мельниченко В. – 231, 241, 242, 296, 512
Мельниченко М. – 512
Менская Т. – 340
Меринг Ф. – 303
Меркуров С.Д. – 112, 113
Мерридейл К. – 479
Микус А. – 609
Милов А. – 451
Миловзорова М.А. – 287
Милтынь А. – 154
Мильдон В. – 149
Милюков П.Н. – 457
Милютин Д.А. – 9, 304
Минибаев К.Н. – 152
Минковский О. – 348
Миронов Е. – 498, 499
Митрофанов А. – 67
Михайлов В. – 357
Михайловский Н.К. – 61, 157
Михалков С. – 146
Михеева Е. – 580
Мицкевич С. – 91
Млечин Л. – 487–489
Мовсесян К. – 454
Могильников В.А. – 335
Мозговой Л. – 385
Молодцыгин М.А. – 264
Молотковец Ю. – 318
Молотов В.М. – 407
Монахов А. – 312
Монсон Дж. – 600
Моравов О.В. – 34
Мороз О. – 220, 246
Морозов С.Т. – 46
Морозова А.Ю. – 469
Морозова Н. – 246, 357
Московский О.В. – 575
Мосолов В.Г. – 88
Муралов Н.И. – 301
Мурхэд А. – 162
Муссолини Б. – 307
Мухаммед – 425
Мюнцер Ф. – 95
Мягков А. – 209, 210, 290
Мякотин В.А. – 61

Н

Нагловский А.Д. – 125, 126, 457
Налбандян Д.А. – 592
Наполеон – 378, 379, 468
Наумов А.Н. – 21, 22, 469
Наумов В.П. – 249, 255, 260, 261, 469
Нахапетов Р. – 196
Невзоровы, сестры – 440
Невский В.И. – 67, 69
Некрасов Н.А. – 551
Нерон – 501
Нефедьев Н. – 17, 19
Нехамкин Сергей. – 62
Нечаев С. – 9
Нидениталь К. – 251
Никандров В. – 106
Никитин Б. – 243, 475
Никитин Б.В. – 416
Никитин М. – 110, 111
Никич Э. – 381
Николаев А.М. – 58
Николаев Л. – 158
Николаевский Б. – 125
Николай I – 163, 164, 294, 336, 342
Николай II – 212, 290, 323, 324, 403, 404, 409, 413, 422, 435, 483

Никонов В.А. – 408–412, 416, 457, 495, 496
Нилов (А. Кравцов) Г. – 243–245, 270, 271, 273, 274, 368
Ничипоров И.Б. – 100, 171
Новосёлов В. – 484–486

О

О'Коннор Т.Э. – 363, 364
Обичкин Г.Д. – 160
Образцов С. – 184
Овсянников А.А. – 326
Огарёв Н.П. – 9
Огнев А. – 194
Огрызко В. – 179
Одинцов М. – 470
Окуджава Б.Ш. – 172
Окунев И. – 340
Ольминский М.С. – 58, 59, 80
Ольшвангер И. – 197, 198
Оников Л. – 312, 313
Онучин А.Н. – 335
Осинский (Оболенский) Н. – 63, 64, 66
Осипов В.П. – 77, 347, 348, 485
Оссендовский Ф. – 300, 413, 474
Остедт А.К. – 337
Островский Э.В. – 325

П

Павел, апостол – 405, 417
Павленков Ф. – 44
Павлов Ем. – 66
Павлюченков С.А. – 235, 330, 331
Пайпс Р. – 12, 189, 229, 282, 302–304, 307, 314
Паламарчук П. – 228
Пальвелева Л. – 456
Панина – 116
Панкратов В.С. – 243
Панов – 335
Пантелеев Л.Ф. – 61
Панферов Ф.И. – 167
Панцов А. – 265, 267–269
Панченко А.А. – 79
Панченко А.М. – 79
Пархоменко И. – 135, 195
Пастернак Б. – 100, 461
Пахмутова А. – 216
Пейн Р. – 73, 189, 190
Переверзев – 244
Переверзев П.Н. – 416
Перегудова З.И. – 481–483
Перейра Н. – 367
Перелыгин Л. – 195
Перфилов В.А. – 322, 361, 390, 475, 489
Песков Д. – 463
Пётр I – 58, 220, 427
Петренко Н. – 263
Петров А.Г. – 186, 187
Петров-Водкин К. – 132, 133
Петровский Б.В. – 346
Петровский-Штерн Й. – 340–342
Петрыгин-Родионов И.Г. – 432
Пешкова Е.П. – 593
Пилсудский Ю. – 493
Писарев Д. – 45
Пискунов В.М. – 195
Пихоя Р. – 313
Плетнев Э.П. – 179
Плеханов Г.В. – 35, 37–45, 49, 50, 77, 85, 157, 193, 326, 334, 351, 410
Плимак Е. – 256, 257, 321, 322, 392, 393
Плотников А. – 503
Плюгеников А. – 396, 478
Победоносцев К.П. – 193
Погодин Н. – 147, 169, 553
Поддубная Р.П. – 82, 154
Подщеколдин А. – 234
Покровский М.Н. – 15
Покровский Н. – 313
Поляков – 80
Поляков Ю.А. – 237
Помпер Ф. – 333, 334, 361, 362
Пономарев Б.Н. – 206
Попов Г.Х. – 280, 281, 339

Попов Н. – 114, 115, 119, 414
Попова С.С. – 413–415, 475
Попович В.А. – 469
Посконов А. – 193
Поскребышев А. – 120
Поспелов П.Н. – 188
Поспелов П.П. – 160
Потапов Я. – 194
Поташов А.Ф. – 262
Потресов А. – 38–41, 85, 156, 157, 255, 351
Поцелуев В.А. – 157, 395, 471, 472
Преображенский Е.А. – 265, 492
Протасенко З.М. – 192
Протопопов А.Д. – 492
Пугачев Е. – 90
Путин В.В. – 13, 299, 387, 388, 433, 444, 456, 457, 460–468, 476, 496, 522, 525
Пушкин А.С. – 31, 95, 108, 132, 171, 178, 194, 220, 448
Пырьев И. – 172

Р

Рабинович А. – 232, 282, 307
Равдин Б.Н. – 299
Радек К. – 32, 35, 54, 159, 480
Разин С. – 515
Разумовский Ф. – 457
Райкин К.А. – 503
Райкина М. – 501
Раковский Х. – 80
Ранке Л. фон – 498
Раппапорт Х. – 418
Раскатова Е.М. – 287
Раскольников Ф. – 275
Распутин И.С. – 88, 153
Рассел Б. – 227
Раткова М. – 139
Ратьковский И. – 474
Раух Г. фон – 164, 335
Рашидов Ш. – 192, 193
Редько К. – 102, 103
Резник А. – 417
Резников И. – 320
Рейман М. – 283, 284, 368, 369
Решетов А. – 286
Рид Дж. – 211, 417
Робеспьер – 379, 468
Розенберг В.А. – 61
Розенберг У. – 234, 282
Розенталь М.М. – 192
Розин Э.Л. – 310
Розовская Р. – 501
Розовский Г. – 501
Розовский И. – 501
Розовский М. – 501, 502
Рокитянский Я.Г. – 364, 365
Романов В. – 386
Романов Ю. – 581
Романович Н. – 12
Романовский Н.В. – 236
Ромм М. – 128–130, 514, 561
Ронен О. – 189
Россолимо Г.И. – 226
Рубец А. – 396, 478
Рублев Д.И. – 469
Рубцов М. – 411
Рузвельт Ф. – 391
Рукомойникова Е.Г. – 459, 469
Русакова О.Ф. – 236
Рутгерс С. – 380
Руффнер – 476
Рыбаков А. – 172
Рыбалкин В.П. – 469
Рыбин В. – 132, 504
Рыков А.И. – 46, 120, 122, 159, 242, 304, 366, 368, 369
Рютин М. – 275
Рязанов Д.Б. – 364, 365

С

Савинков Б. – 306, 307
Салганик Е.Л. – 361
Салмин А. – 321
Самарская Е.А. – 232, 233
Саркисов Д.С. – 346

Сатаров Г. – 298
Саттон Э. – 208
Саутон – 145
Сафаров Г.И. – 401
Сахаров А.Д. – 294, 382
Сахаров А.Н. – 484
Сахаров В.А. – 372, 373
Сванидзе Н. – 505
Свенсон – 476
Свердлов Я.М. – 64, 66, 322–325, 401–404, 481–483, 517
Свидерский А.И. – 331
Свиридов Г. – 529
Сельвинский И. – 169
Семашко Н. – 78, 225, 348
Семенова Н. – 132, 170
Сёмин К. – 452, 495
Серазетдинов Б.У. – 469
Сервис Р. – 280, 281, 329
Сергий, патриарх – 434
Серов В. – 566, 568
Сигачёв Ю.В. – 469
Сидоровнин Г.П. – 228
Сикорский Е.А. – 413
Силина М. – 132
Симонов Н. – 234
Сироткин В.Г. – 217
Сиссон Э. – 300, 310, 474–477
Скиталец (С.Г. Петров) – 153
Склянский Э. – 306
Скрыпник М.Н. – 566
Славин Б.Ф. – 357, 393
Слассер Р. – 263
Слуцкий А.Г. – 121
Смагин А. – 253
Смирнов Б. – 171
Смирнов Г.Л. – 218, 239, 241, 246, 247, 281
Смирнов М.Ю. – 405–407
Смоктуновский И. – 197, 199
Соболев Г.Л. – 413, 416
Собчак А. – 357
Совокин А. – 246
Сокова Л. – 289
Соколов Б.В. – 345, 484, 493
Соколов М. – 610
Соколов Н.А. – 323, 402
Соколов Ю.М. – 71, 402
Сократ – 358, 494
Сокуров А. – 385, 386
Солженицын А.И. – 213, 264, 275, 294, 342, 358, 509
Соловьев А. – 137, 139
Соловьев А.Г. – 224
Соловьев В. – 358, 403
Солоухин В. – 220, 228, 242, 243, 248, 250–252, 336, 337, 342, 357, 358, 550, 551
Сорокин А.К. – 476, 477
Сорокин Ю. – 386
Сотов А. – 448
Спивак М. – 114
Спиридонов И. – 173
Спирин Л.М. – 264
Сталин И.В. – 10–13, 46, 54, 62, 66, 74–76, 88–91, 102, 108, 109, 111, 112, 114, 120–123, 125, 128, 129, 131, 137, 139, 141, 142, 144, 146–152, 161, 165, 173, 175, 180, 190, 191, 194, 220, 222, 223, 227, 230, 236, 237, 242–245, 250, 252, 256–264, 271, 273–278, 280–283, 286, 301, 307, 312, 313, 319, 335, 337, 341–343, 347–349, 353, 364–378, 380–383, 385, 393, 399, 400, 424, 425, 427, 428, 431, 432, 463–466, 468, 477, 478, 482, 493, 495, 504, 507–509, 513, 609
Стальмахов В. – 526
Стариков Ф.А. – 567
Старцев В. – 260–262, 265, 266, 300, 310, 413
Стасова Е.Д. – 61, 155
Степун Ф.А. – 408
Стецкий А.И. – 112
Столыпин П.А. – 293, 294, 422
Стомоняков Б. – 206

Стоянов Н.Н. – 141
Страшун М. – 340
Струве П.Б. – 9, 41, 61, 86, 125
Струков А.И. – 346
Студенников В. – 291, 292
Стюарт П. – 212, 213
Суварин Б. – 206
Суворов А.В. – 220
Сумароков Н. – 567
Суменсон – 300, 301
Суни Р. – 282
Суслов М.А. – 345, 347
Суханов Н.Н. – 227, 243
Суходеев В.В. – 487
Сухоруков В. – 291
Сухотина Л.Г. – 333
Суэйн Д. – 498
Сырых В.М. – 473
Сысоева А.М. – 154

Т

Тайлер У. – 95
Такер Р. – 12, 231, 232, 333, 351, 373
Тальберг М. – 506, 507
Тараканова Л.М. – 227
Твардовский А.Т. – 557
Тепцов Н.В. – 301
Терехова М. – 210
Тиктин Х. – 373, 512
Тимошин О. – 248
Тито И.Б. – 216
Титоренко С.Л. – 179
Тихон, патриарх – 79, 470
Толстой Л.Н. – 31, 108, 501
Тома Л. – 414, 475
Томпкинс Р.С. – 191
Томский М.П. – 122, 368
Томуль Е. – 335
Трапезников С.П. – 180, 182
Трифонов Ю. – 290
Трофимов Ж. – 343, 344
Троцкий Л.Д. – 46, 50, 52, 54–56, 62, 78, 81, 90, 95, 97–99, 102, 120–122, 127, 158–160, 170, 190, 226, 238, 242, 246, 249, 257, 260–269, 274, 290, 300–302, 314, 322–324, 355, 361, 362, 365–371, 378, 379, 395, 398, 399, 424, 431, 475, 476, 481, 493
Трубина Л.А. – 100, 171
Трукан Г.А. – 308
Тумаркин Н. – 11, 12, 175, 209, 349
Тургенев И.С. – 31, 82
Туррион П.И. – 10
Тухачевский М.Н. – 54, 483, 484
Тютюкин С.В. – 42, 50

У

Уваров С. – 103, 104
Уильямс А.Р. – 67
Ульянин А. – 335
Ульянов А.И. – 20, 23, 26, 28, 38, 69, 82–84, 193, 207, 225, 423, 492
Ульянов Д.И. – 20, 132, 186, 335, 551
Ульянов И. – 90
Ульянов И.Н. – 9, 17, 18, 20, 24, 26, 41, 63, 67, 69, 77, 78, 81, 82, 89, 132, 163, 165, 177, 207, 335, 360, 361, 394, 397, 418, 440
Ульянов М.А. – 171, 199
Ульянов Н.В. – 89
Ульянова А.А. – 89, 165
Ульянова А.И. – 19, 20, 23, 26, 58, 69, 82–84, 89, 91, 102, 145, 153, 154, 186, 195, 207, 226, 335, 337, 340, 428, 429, 551
Ульянова М.А. – 9, 17, 18, 20, 27, 30, 78, 90, 163, 177, 187, 188, 336, 341, 342
Ульянова М.И. – 20, 52, 82, 83, 91, 117, 154, 186, 220, 224–227
Ульянова Н.В. – 335
Ульянова О.Д. – 297, 338, 357, 485
Ульянова О.И. – 20, 24, 30, 31
Урицкий С.М. – 274, 474
Усиков А.И. – 567
Усов И. – 488
Устрялов Н.В. – 227

Устьянцева Е.М. – 135
Устюжанинов А. – 212
Ушакин С.А. – 194
Уэллс Г. – 71, 72, 227

Ф

Фальконе Э. – 545
Федорофф Н. – 360
Федосеев П.Н. – 160, 180
Фельштинский Ю. – 329
Фёрстер О. – 347
Фефелов А. – 481
Фехтнер Г. – 453
Филатов А. – 441
Филатов Н. – 455
Филиппов В.Н. – 358
Филиппов М.М. – 44, 401
Фирсов С. – 12, 150
Фитцпатрик Ш. – 283
Фишер Л. – 189, 329
Фляйшхауэр Е.И. – 477
Фогт О. – 77
Фосс Е. – 29
Фотиева Л.А. – 154, 183, 184, 261
Франко К. – 455
Франко Ф. – 455
Фрейд З. – 417
Фрумкин М.И. – 331
Фрунзе М.В. – 274, 452
Фюре Ф. – 376, 377, 380, 381
Фюрстенберг Я.С. – 414, 478

Х

Хаген М. ван – 314
Халтурин С. – 409
Хальвег В. – 158, 243
Ханютин А. – 299
Хардинг Н. – 328
Харламенко А. – 357
Харт М. – 425–427
Хартаганов Д.М. – 587
Хвостов О. – 527
Хеймсон Л. – 282
Хичкок А. – 550
Хлобустов О.М. – 473, 474
Хмуркин Г.Г. – 469, 496
Ховаев В.А. – 176
Хорунжий В. – 357
Хотиненко В. – 498, 499
Христофоров В.С. – 484
Хрущев Н.С. – 11, 150, 192, 294, 381, 385, 440

Ц

Цакунов С.В. – 235, 332, 366
Цаплин В.В. – 335
Цвик Е. – 279
Цедербаум-Дан Л. – 41
Церетели И.Г. – 317
Цеткин К. – 72, 303
Цинь Шихуанди – 501
Ципко А.С. – 245, 249
Цюрупа А.Д. – 366

Ч

Чавчавадзе Е.Н. – 477, 478
Чазов Е.И. – 345–347, 487
Чебыкин В.А. – 357
Черемушкин П. – 448, 450
Черненко К.У. – 206
Чернов В. – 227
Чернышевский Н.Г. – 31, 32, 35, 189, 208, 326, 328
Черчилль У. – 391
Чехов А.П. – 155
Чечевишников А.Л. – 267–269
Чжу Цзыцзунь – 522
Чистый М.Б. – 468

Ш

Шагинян М. – 9, 108, 119, 120, 146, 163, 165, 186–188
Шаймиев М. – 429
Шайхет А. – 537
Шалаева Н.В. – 12

Шамбаров В.Е. – 477, 478
Шапиро Л. – 161
Шапиро-Тулин Б. – 359
Шарлау В. – 161
Шатров М. – 198, 210, 213, 287, 347, 429
Шахназаров К. – 290
Шацкин Л. – 81
Шварценеггер А. – 532
Швер А. – 90
Шевченко А.Г. – 218
Шейнин О. – 357
Шекспир У. – 424, 425
Шепелев В.Н. – 89
Шестопал Е. – 333
Шидловский Г. – 69
Шинкаренко В.В. – 217
Шишкин В.И. – 12
Школенко Ю. – 229
Шкуро А.Г. – 452
Шлихтер А.Г. – 568
Шмидт Г. – 467
Шмидт Е.В. – 346
Шмит Н. – 46, 303
Шнайдштейн Е.В. – 188
Шолохов С. – 292
Штейн М.Г. – 186, 187, 228, 335, 336, 338, 339, 424
Штраух М. – 106, 130
Штрюмпель А. фон – 348
Штурман Д. – 228, 311, 312, 512
Шуб Д. – 144, 145, 161, 162, 337
Шубин А.В. – 478, 479
Шульгин В.В. – 91, 92
Шумаков Н. – 456

Щ

Щапов А.П. – 193
Щелкан-Руденко Т.В. – 135, 136
Щербина С.П. – 15, 512, 561
Щербинин С. – 576
Щиголев А. – 171
Щукин Б. – 129, 130, 553
Щусев А. – 76, 77, 79, 455

Э

Эйзенштейн С. – 105, 106, 130
Эктон Э. – 329
Энгельс Ф. – 39, 63, 111, 128, 139, 163, 220, 232, 257, 517
Энкер Б. – 12, 349, 351–355, 363, 364

Ю

Юденич Н.Н. – 264, 462
Юдкевич М. – 429
Южаков С.Н. – 61
Юнг К.Ю. – 339
Юровский Я. – 290, 401, 403
Юрчак А. – 292
Юткевич С. – 129, 130, 147, 148, 199, 200, 210, 211
Юхананов Б. – 500

Я

Яковенко И. – 374
Яковлев А.Н. – 249, 297, 309, 321, 322, 358
Яковлев Б. – 194
Яковлев Б.В. – 160
Яковлев В.В. – 481–483
Яковлев Е. – 255
Яковлев Я. – 59
Яр-Кравченко А.Н. – 38
Ярцев Б.К. – 232

A

Abraham I.L. – 512
Anderson K. – 328
Andrade C. – 590

B

Brauer A. – 188

C

Coquin F. – X. – 280

D

Daniels R. – 161

E

Enker B. – 351

F

Feodoroff N. – 360
Fleischhauer E.I. – 477

G

Gellately R. – 427
Geyer D. – 189

H

Hagen M. von – 314
Harding N. – 208, 329
Hart M. – 425
Hitler A. – 427

K

Kennan G.F. – 161, 475

L

Lieven D. – 307
Lih L. – 419

M

Maximoff G.P. – 127
Medvedev R.A. – 313
Merridale C. – 479
Moorehead A. – 162

P

Petrovsky-Shtern Y. – 340
Pipes R. – 189, 283, 302
Pomper F. – 333, 362

R

Rabinowitch A. – 307
Rappaport H. – 418
Rauch G. von – 164
Reiman M. – 284
Resnik A. – 417
Rigby T.H. – 350

S

Schapiro L. – 161
Scharlau W.B. – 161
Service R. – 329
Shub D. – 144
Stalin J. – 333, 427

T

Tartakover D. – 591
Trotsky L. – 333
Tumarkin N. – 209

V-W

Velikanova O. – 350
Wardlaw G. – 474
Williams R.A. – 67

Z

Zeman Z.A.B. – 158, 161
Zisek S. – 417

Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец

Ленин:
культ и антикульт
в пространствах памяти, истории
и культуры

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина



Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета – 10.11.2020
Формат – 70×100/16. Усл. изд. л. 81,5
Тираж – 500 экз. Зак.